АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

СУДЕБНИКИ XV-XVI ВЕКОВ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ
Р. Б. МЮЛЛЕР и Л. В. ЧЕРЕПНИНА

КОММЕНТАРИИ
А. И. КОПАНЕВА, Б. А. РОМАНОВА и Л. В. ЧЕРЕПНИНА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1952

Ответственные редакторы
С. Н. Валк и *И. И. Смирнов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Право в классово-антагонистическом обществе — это система юридических норм (правил общественного поведения), устанавливаемых господствующим классом в своих интересах, охраняющих существующий общественный и государственный строй, санкционированных государственной властью. Право — это воля господствующего класса, возведенная в закон; воля, определяемая материальными условиями жизни этого класса (К. Маркс). По словам Энгельса, „...все потребности гражданского общества, — независимо от того, какой класс господствует в данное время, — необходимо должны пройти через волю государства, чтобы добиться законодательного признания. Это — формальная сторона дела, которая сама собою разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание формальной воли, — все равно отдельного лица или целого государства, — откуда оно берется, и почему воля направляется именно в ту, а не в другую сторону? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определялась изменяющимися потребностями гражданского общества, преобладанием того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и условий обмена".[1]

Таким образом, характер правовых норм соответствует уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений общества. Но право, как всякая надстройка, не связано „непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека", а связано „с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса". Поэтому право, представляя собой надстроечное явление, „отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе".[2]

В то же время право, будучи частью надстройки, которая порождается базисом, не только отражает базис, но является „величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIV, стр. 671.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 10—11.

все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы".[1]

Публикация „Законодательных памятников Русского централизованного государства XV—XVII вв." ставит своей задачей дать в руки исследователей, преподавателей и учащихся высшей школы, а также всех интересующихся историей нашей Родины комментированный текст памятников феодального права как источника для изучения социально-экономических отношений, политического строя, юридических норм, судоустройства и судопроизводства России того времени.

Отражая явления базиса феодального общества, законодательные памятники XV—XVII вв. дают в то же время материал для изучения политических и правовых взглядов и соответствующих им учреждений в период ликвидации на Руси феодальной раздробленности и образования и укрепления Русского централизованного государства.

Судебник 1497 г. был создан в то время, когда почти все русские независимые доселе княжества потеряли свою независимость и вошли в состав единого русского государства. Развитие производительных сил, рост общественного разделения труда и экономических связей внутри страны в XIV—XV вв. подготавливали условия для политической централизации, процесс которой был ускорен потребностями обороны.[2] Политика государственной централизации, проводившаяся московскими великими князьями, опиравшимися на земельное дворянство и находившими поддержку со стороны городского населения, требовала создания единого для государства кодекса феодального права.

К концу XV в. в основном была ликвидирована политическая обособленность княжений, стали невозможными беспрерывные феодальные войны между ними, князья, стоявшие до сих пор во главе отдельных княжений, были лишены своего недавнего независимого положения и вынуждены признать над собой власть московского князя.

Отдельные княжества и боярские республики, жившие ранее по своим собственным законам (Новгородская судная грамота, не дошедшие до нас, но несомненно существовавшие рязанские законы, Псковская судная грамота, судьба которой к этому времени тоже уже была решена), получили с изданием Судебника 1497 г. новый основной закон, который „уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси, с детми своими и с бояры" (т. е. со своей Боярской думой).

Задача Судебника заключалась в том, чтобы ввести во всей России единое право, защищавшее интересы господствующего класса. Стоя на страже классовых позиций феодалов, Судебник 1497 г. являлся проводником поли-

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 7.

[2] И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 34.

тики централизации, направленной к ликвидации феодальной раздробленности. Поэтому отношение к нему со стороны различных групп землевладельческого класса было неодинаковым. Удельные князья, недавно лишенные власти, а также крупные представители боярской аристократии не могли быть довольны новым законом, этим явным показателем сильной власти князя московского, поддерживаемого дворянством.

В нашей историко-юридической науке не раз высказывалось мнение о том, что в малолетство Ивана Грозного недовольными политикой Ивана III княжатами и боярами сделана была попытка создать новый Судебник взамен Судебника 1497 г. К сожалению, текст его до нас не дошел, если он и был вообще. Но в наказе переписчикам города Тотьмы с уездом 1646 г. имеется ссылка на Судебник 1538—39 г.[1]

В одном из указов Ивана Грозного значится: „А что исстари по Уложению великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по Уложению великого князя Василия Ивановича всея Руси в Твери и в Микулине... мимо тех городов людем вотчин не продавать и по душам в монастыри без докладу не давати".[2]

Вопрос о Судебнике Василия III остается спорным. И. И. Смирнов так же, как и Б. А. Романов (в своих комментариях к Судебнику Ивана IV — 1550 г.), отрицают существование этого Судебника.

Однако несомненно, что оппозиция по отношению к Судебнику 1497 г. была, поэтому можно предположить, что были попытки заменить его другим, так как сопротивление объединительной политике Москвы со стороны княжеской знати и крупного боярства усилилось к 30-м годам XVI в., периоду временного ослабления центральной власти.

Ивану Грозному перед изданием Судебника 1550 г. пришлось провести большую подготовительную работу, чтобы сломить сепаратистские стремления боярства. Накануне созыва Стоглавого собора царь не раз собирал совещания по вопросу о составлении Судебника.

Иван IV пригласил в 1549 г. в свои палаты митрополита Макария, „весь освященный собор" и Боярскую думу и здесь настаивал на „примирении" высшего духовенства и боярства со служилой массой помещиков. Царь мотивировал свое требование таким образом: во время его ранней молодости от бояр и высшего духовенства детям боярским и крестьянам „чинились силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных обидных делех". Иван IV требовал, чтобы сильные люди „впредь так не чинили, детем бы боярским и крестьянам... силы и продажи и обиды во

---

[1] П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских. Чтения Общ. ист. и древн. росс., М., 1915, кн. 3, стр. 12.

[2] С. Башилов. Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768, стр. 22.

всяких делех не было никоторые", „а кто вперед кому учинит силу или продажу или обиду какую, и тем от меня, царя и великого князя быти в опале и в казни".[1]

Для того чтобы понять конкретный смысл этого выступления царя, необходимо принять во внимание всю сложность политической обстановки первых лет княжения, а затем и царствования Ивана Грозного.

Дети боярские и служилые люди — это основное ядро царской армии, — служившие Ивану III и его сыну социальной опорой в борьбе центральной власти с феодальной раздробленностью и феодальным сепаратизмом знати, после смерти Василия Ивановича (1533 г.), когда крупное боярство делало попытки восстановить свои привилегии, оказались в трудном положении. Феодальные верхи пытались отстранить служилую массу от участия в руководстве политическими делами, отодвинуть ее на второй план. Но этого сделать не удалось, Иван IV взял твердый курс на укрепление единого централизованного государства и самодержавной власти, продолжая политику своего деда.

На Стоглавом соборе в 1551 г., на котором стоял вопрос об утверждении Судебника, Иван Грозный напомнил, что на совещании, собранном им ранее в своем дворце, по его предложению произошло „примирение" знати с детьми боярскими (так по крайней мере в то время думал царь) и что тогда же царь получил одобрение своему намерению Судебник „исправити по старине". Тут же на Соборе Иван IV заявил, что эта работа уже выполнена: „Се и Судебник пред вами... прочтите и рассудите...".[2]

Законно предположить, что Иван Грозный, предлагая Судебник „исправити по старине", имел в виду возвращение к Судебнику 1497 г., который весьма возможно пытались переделать крупные феодалы, сопротивляясь растущему новому политическому режиму. На это ясно намекают следующие слова речи царя: „...а которые обычаи и в прежние времена после отца моего великого князя Василия Ивановича всея Русии и до сего настоящего времени поисшаталися или в самовластии учинено, по своим волям, или прежние законы которые порушены, или ослабло дело... и о всяких земских строениях... и о сем всем... посоветуйте".[3]

Итак, составлению Судебника в 1550 г. было придано широкое общественно-политическое значение. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в его составлении принимала большое участие и та группа окружавших царя лиц, преимущественно детей боярских и служилых людей, которая тогда имела сильное влияние на политику правительства.

---

[1] ПСРЛ, т. XXII, стр. 528—529.

[2] Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 39. — И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого Собора. Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 172.

[3] Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, стр. 40.

Группа эта стремилась не к переустройству существующих общественных отношений, а к укреплению централизованного государственного аппарата, что сделало бы невозможным возвращение к феодальной раздробленности.

Судебник 1550 г. должен был стать мощным орудием самодержавия в завершении создания централизованного государства и его укреплении. Судебник свое назначение выполнил. В течение 100 лет он был единственным в стране сборником основных законов государства.

Оба Судебника дают ценнейший материал для изучения экономики, общественных отношений, политического строя, права России XV—XVI вв. В этом огромное значение Судебников как исторических источников. Между тем комментарий к ним, имеющийся в „Христоматии" буржуазного историка М. Ф. Владимирского-Буданова, советского читателя удовлетворить не может.

Несколько особый характер имеет Судебник 1589 г. Это — памятник права, предназначенный специально для суда среди крестьянства северных черносошных волостей. Он дает очень важный материал по истории экономики, социальных отношений и права в северорусской черной деревне.

Судебник 1589 г. до последнего времени был изучен очень мало. В настоящем издании впервые дается к нему развернутый комментарий.

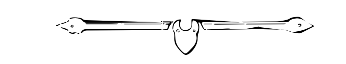
Публикуемая серия представляет непосредственное продолжение издания Правды Русской — кодекса феодального права древнерусского раннефеодального государства. В серию войдут законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв., начиная с первого опыта кодификации общерусского феодального права — Судебника 1497 г. — и кончая Соборным Уложением 1649 г. В настоящее издание входят три Судебника конца XV—XVI вв. (1497 г., 1550 г. и 1589 г.) и указатели ко всем трем судебникам. Серия завершится изданием дополнительных указов к Судебнику 1550 г. и Соборного Уложения 1649 г.

Текст Судебника 1497 г. подготовлен к печати Л. В. Черепниным, им же составлен комментарий. Тексты Судебников 1550 г. и 1589 г. подготовлены к печати Р. Б. Мюллер. Комментарий к Судебнику 1550 г. составлен Б. А. Романовым, к Судебнику 1589 г. — А. И. Копаневым.

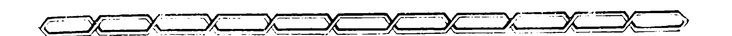
Редактор Судебников 1497 г. и 1589 г. — И. И. Смирнов; Судебника 1550 г. — С. Н. Валк.

Указатели составлены А. И. Копаневым и З. Н. Савельевой, редактор — С. Н. Валк.

Акад. *Б. Д. Греков.*



СУДЕБНИК
1497
ГОДА



ВВЕДЕНИЕ

Впервые текст Судебника Ивана III (вместе с Судебником Ивана Грозного) был опубликован в 1819 г. К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым,[1] по рукописи, найденной Строевым и в настоящее время хранящейся в Государственном Древлехранилище Центрального Государственного архива древних актов.[2]

До этой находки исследователи были знакомы с Судебником Ивана III только по извлечениям из него, приведенным Герберштейном в своих „Комментариях о московитских делах“ в латинском переводе, под заглавием: „Sequuntur Ordinationes a Joanne Basilii Magno Duce anno mundi 7006 factae“.[3] Герберштейн дал перевод статей 3—7 и 9—16 Судебника (по позднейшей нумерации, принадлежащей М. Ф. Владимирскому-Буданову).

Рукопись, найденная в 1817 г., остается до сих пор единственным известным списком Судебника. Она была переиздана вторично в первом томе „Актов исторических“ (АИ), выпущенных Археографической комиссией.[4]

Имеется еще несколько изданий памятника (учебного и популярного характера), сделанных на основе публикаций, без привлечения рукописи.

Все существующие издания Судебника Ивана III, восходящие в качестве первоисточника к печатному тексту 1819 г., в настоящее время уже не отвечают научным требованиям, так как не дают полного и всестороннего представления о списке Судебника.

К. Ф. Калайдович и П. М. Строев сообщают о списке следующие сведения палеографического характера: „Судя по полууставному почерку, плотной лощеной бумаге и находящемуся в ней знаку державы“, список Судебника „принадлежит к началу XVI в., писан в малую четверть“.[5]

Эта краткая характеристика памятника не вполне точно передает его внешние особенности. Прежде всего бросается в глаза, что рукопись писана не одним (полууставным), а по крайней мере тремя (а может быть и более)

---

[1] Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изд. К. Калайдовичем и П. Строевым. М., 1819. Отрывки из Судебника 1497 г. приведены Н. М. Карамзиным в его „Истории государства Российского“, т. VI, изд. 2-е, СПб., 1819, прим. 609.

[2] ЦГАДА, Гос. Древлехранилище, отд. V, рубр. 1, № 3.

[3] С. Герберштейн. Записки о Московии, с латинского базельского издания 1556 г. Перевел И. Анонимов, СПб., 1866, стр. 81—83. — С. Герберштейн. Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 82—84.

[4] АИ, т. I, стр. 148—156.

[5] Законы в. кн. Иоанна Васильевича, стр. XXVI.

почерками, из которых по крайней мере два скорописных. Эти почерки чередуются следующим образом: (указываем лишь наиболее яркие различия):

Лл. 1—4 текста (кончая заголовком ст. 21: «О великом князи») — полуустав.

Лл. 4 (с указанного выше места) — 5 об. (в ст. 30 — «Указ о езду» до слов: „до Боровска полтина“) — крупная скоропись.

Лл. 5 об. (с указанного выше места) — 7 (в ст. 36, кончая словами: „А кто ищеа или ответчик сам не поедет“) — полуустав, приближающийся к почерку на лл. 1—4.

Лл. 7 (с указанного выше места) —9 (кончая заголовком ст. 44: «О приставех») — крупная скоропись, приближающаяся к почерку на лл. 4—5 об.

Лл. 9 (с указанного выше места) — 10 об. (в ст. 52, кончая словами: „а исцем или послуху целовати, а наймитом битися“) — полуустав, приближающийся к почерку на лл. 1—4 и 5 об. — 7.

Лл. 10 об. (с указанного выше места) — 12 об. (до конца текста) — мелкая скоропись.

Подсчитывая количество строк, написанных каждым из трех основных почерков, получаем следующие итоги:

1-й почерк (лл. 1—4 в указанных выше пределах) — 129 строк (из них 12 заголовков).

2-й почерк (лл. 4—5 об. в указанных выше пределах) — 68 строк (из них 8 заголовков).

1-й почерк или близкий к нему (лл. 5 об. — 7 в указанных выше пределах) — 59 строк (из них 1 заголовок).

2-й почерк или близкий к нему (лл. 7—9 в указанных выше пределах — 79 строк (из них 5 заголовков).

1-й почерк или близкий к нему (лл. 9—10 об. в указанных выше пределах) — 54 строки (из них 2 заголовка).

3-й почерк (лл. 10 об. — 12 в указанных выше пределах) — 123 строки (из них 9 заголовков).

Предложенный подсчет сделан по печатному изданию К. Калайдовича и П. Строева. Руководствоваться рукописью в данном случае не представляется целесообразным, так как рукописная строка включает в себя, в зависимости от характера почерка, различное количество букв и не может служить единицей измерения при определении размеров текста, приходившегося на долю каждого писца.

Приведенные данные показывают, что сохранившийся список Судебника был переписан с подлинника или с более раннего списка не менее чем тремя сменявшими друг друга писцами. При раздаче материала писцам для переписки исходной точкой служил текст размером в среднем в 120 с небольшим (позднейших печатных) строк. Действительно, присматриваясь к данным, приведенным выше, убеждаемся, что список Судебника можно разбить на четыре примерно равных между собою отрывка, каждый из которых заключает в себе около 120 строк: 1) лл. 1—4 (первый почерк); 2) лл. 4—5 об. и 5 об. — 7 (второй и снова первый или близкий к нему почерки); 3) лл. 7—9 и 9—10 об. (почерки, вначале близкий ко второму, затем близкий к первому); 4) лл. 10 об. — 12 об. (третий почерк). Некоторые из этих одинаковых по величине кусков (лл. 4—7 и лл. 7—10 об.) дробились между писцами на половинные доли. Очевидно, около 120 (позднейших печатных) строк содержалось в двух листах (с оборотами) или четырех

страницах оригинала, с которого снята дошедшая до нас копия Судебника. На листе оригинала было примерно по 60 строк, на странице — по 30 строк. Писец получал сразу или полных два листа (в пределах 120 строк) или лист (в пределах 60 строк).

Водяной знак рукописи (сфера) близок по своему характеру к филиграням, изображения которых приведены у Н. П. Лихачева и у Брике и относятся ко второй половине 90-х годов XV в. — началу XVI в.[1] Таким образом, сохранившийся список Судебника является очень ранним. Он сделан вскоре после того, как подлинный текст получил утверждение Ивана III. Заслуживает внимания, что единственный известный нам список духовной грамоты Ивана III написан на бумаге, имеющей в качестве водяного знака несколько иной вариант того же самого изображения сферы, что и список Судебника. Возможно, что списки Судебника и завещания составлены одновременно.

Рукопись Судебника не имеет постатейной нумерации. Однако в ней есть своя система разбивки материала, с одной стороны, — при помощи киноварных заголовков, относящихся к крупным тематическим разделам текста (их 36 и общее заглавие), с другой стороны, — посредством выписанных киноварью же инициалов, которыми начинаются более мелкие подразделения внутри озаглавленных частей памятника. Воспроизводя киноварные заголовки, издание Калайдовича и Строева не всюду учло наличие в тексте инициалов, указывающих на то постатейное деление (хотя и без нумерации), которое дано в самой рукописи. Поэтому, когда при описании Судебника различные авторы отмечают, что он был лишен совершенно разбивки на статьи, то это утверждение объясняется лишь тем, что, за исключением первых издателей памятника, а также Н. М. Карамзина и, может быть, С. М. Соловьева, рукописи никто не видел.

М. Ф. Владимирский-Буданов в своем издании Судебника в 1873 г. разделил памятник на 68 статей, некоторые из которых полностью соответствуют рукописным заголовкам, а другие представляют подразделения озаглавленных частей текста, предложенные самим издателем. Но киноварные инициалы Владимирский-Буданов, вследствие незнакомства с рукописным списком Судебника и пользования исключительно публикацией Калайдовича и Строева, совершенно игнорирует. Таким образом, после выхода в свет „Христоматии“ Владимирского-Буданова в научный оборот вошла искуственная система деления Судебника на статьи, которая далеко не точно отражает архитектонику памятника.[2]

Владимирский-Буданов уверяет, что в своей „Христоматии“ он не разделил Судебник на статьи, а лишь перенумеровал „готовые статьи“, причем этим „не только не изменил смысла, но и внешнего вида памятника“. Подобное заявление абсолютно неверно. Совершенно очевидно, что когда Владимирский-Буданов описывает внешний вид Судебника, он делает это по печатному изданию. „Готовые статьи“ — это статьи не рукописного текста, а публикации Калайдовича и Строева. „Судебник, — пишет Владимирский-Буданов, — разделен на статьи, большая часть которых отделена

---

[1] Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891, альбом, таблица 38, №№ 344—345. — C. M. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, t. I, ed. 2, Leipzig, 1923, № 2994.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. II. Ярославль, 1873, стр. 67—96.

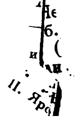
особыми заглавиями и совершенно очевидною разницею содержания".[1] Д-ление текста по содержанию, несмотря на всю его „очевидность", дел условное, и система, принятая в „Христоматии" Владимирского-Буданов является продуктом его собственного понимания памятника. Та же ра бивка на статьи, которую дает сам памятник, определяется не пунктуацие а последовательным употреблением инициалов, выписанных киноварью и н учтенных первыми издателями (Калайдовичем и Строевым), а всл.д ними и Владимирским-Будановым.

В настоящем издании помещена фотокопия текста Судебника, котор дает возможность читателю познакомиться со всеми его палеографическим особенностями, в том числе и с киноварными инициалами, которыми выде лены отдельные статьи.

Поскольку во всех научных работах, посвященных Судебнику, ссылк на его текст делаются с указанием статей, согласно нумерации М. Ф. Вла димирского-Буданова, настоящее издание сохраняет это деление. Чтобы по казать, чем отличается распределение материала в рукописи Судебника о издания Владимирского-Буданова, киноварные инициалы списка памятника выделяются особым шрифтом.

Текст Судебника печатается с заменой отсутствующих в современно алфавите букв равноценными, обозначающими те же звуки (*е* вместо ѣ, *и* вместо *і*, *о* вместо ѡ, *у* вместо *оу* и ꙋ, *я* вместо ꙗ и ѧ и т. д.), с отказо от ъ в тех случаях, когда его употребление не требуется современным грамматическими правилами, с безоговорочным раскрытием титлов и т. д.

Кроме текста Судебника, в настоящем издании помещен и латинский текст статей 3—7 и 9—16 Судебника, переведенных Герберштейном, и обрат ный перевод этого текста на русский язык по изданиям И. Анонимова и А. И. Малеина.



[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории г ... Изд. 6-е. СПб. — Киев, 1909, стр. 216 и прим. 1.

о судѣ велико[illegible] Иван[illegible]

Лѣта 7006-го месяца септевриа. уложил князь ве
ликий Иван Васильевич всеа Руси с детми своими
и з бояры о суде. как судити бояром и околничим.
Судити суд бояром и околничим. А на су
де быти у бояр и у околничих диаком.
А посулов бояром и околничим и диаком
от суда и от печалованиа не имати. Та
кож и всякому судье посула от суда не има
ти никому. А судом не мстити. ни
дружити никому. А каков жалоб
ник к боярину придет. и ему жа
лобников от себя не отсылати. А да
вати всем жалобником управа в
всем. которым пригоже.
А которого жалобника а непригоже
управити. и то сказати великому
князю. или к тому его послати. к кото
рому которые люди приказано ведати.
А имати боярину и диаку от суда
от рублевого дела. а на виноватом. кто
будет виноват. ищея или ответчик.
И боярину на виноватом. два алтына.
а диаку осмь денег. А будет дело

выше рѹбла. или ниже. и боѧринѹ
имати по томѹ росчетѹ. ѿ полевы
пошлина А досѹдѧтсѧ до полѧ.
да ѹ полѧ не стоѧтъ помирѧтсѧ. и бо-
ѧринѹ и дїакѹ. по томѹ росчетѹ.
боѧринѹ с рѹбла два алтына. а дї-
акѹ ѿсмь денегъ. а ѿколничемѹ и
дїакѹ. и недѣлщикѹ пошлины полев-
ны. А ѹ полѧ стоѧтъ помирѧтсѧ.
и боѧринѹ и дїакѹ. имати по томѹ
росчетѹ пошлины с поли. а ѿколни-
чемѹ четверть. а недѣлщикѹ полче-
го два алтына. А побиютсѧ на по-
ли. о заемном дѣле. или о бою. ино боѧ-
ринѹ и дїакѹ взѧти на ѹбитом про-
тивъ иска противъ исцева. а ѿколни-
чемѹ полтина. а дїакѹ четверть. а
недѣлщикѹ полтина. а недѣлщикѹ
пачетцкомѹ два алтына. А побиютсѧ
на поли о поджеге. или о душегѹбстве.
или о разбои. или о татбе. ино на ѹ-
битом исцево доправити. а ѿколничемѹ
и дїакѹ четыре алтына без денги. а недѣлщикѹ четверть.

Судебник 1497 г. Лист 1 об.

на оубитом, полтина, да доспѣх. А дїа
ку четверть, а недѣлщику, полтина.
да недѣлщикоу, по счету, д҃ алтыны.
А сам тъ оубитои в казни, и в продажи,
боярину, и дїакоу. О татбѣ.
А доведоут на кого татбоу, или разбои,
или душегубство, или ябедничество, и
иное, какое лихое дѣло, и будет вѣдо
мои лихои. и боярину того велѣти казн
ти смертною казнью, а исцево велѣти до
правити из его статка. а что ся оу ста
тка останет. ино то боярину, и дїаку
имати себѣ. а противень продажи бо
ярину, и дїаку дѣлити. боярину два
алтына, а дїаку осмь денег. а не
будет у которого лихого статка, что
исцево заплатити. и боярину лихого
истцу про его гыбели не выдати. а ве
лѣти его казнити смертною казнию.
тиоуну великого князя московско
му. да дворскому. А государьскому оу
боицѣ. и коромолникоу. церко

вному татю, и головному, и подымщи
ку, и зажигалнику, ведомому лихому
человеку, живота не дати, казнити его сме
ртною казнью. О татбе. А котораго
татя поимают, с какою татбою ни буди,
впервые, опричь церковные татбы, и голо
вные, а вынеи татбе впрежнеи, довода на
нем не буде, ино его казнити торговою ка
знию, бити кнутием. Да исцево на нем
доправя, да судиа его продати. А не буде у то
го татя статка, чем исцево заплати
ти, ино его бив кнутием, да исцу
его выдати в его гибели, головою
на продажю. А судии не имати ничего на нем.
А поимают татя вдругые с татбою,
ино его казнити смертною казнию.
А исцево заплатити из его статка, а до
сталь его статка судие. А не буде у то
го татя статка сыщеи гибель, и
но его исцу в гибели не выдати, казнити
его смертною казнью. А на кого
взмолвят дети боярскые, человекъ

Судебник 1497 г. Лист 2 об.

па · и ще есть добрыи · по великого кнѧзѧ
по крестному целованию · и черных
человек пѧть или шесть добрых крестиан целовални
ков, что он тать, а довода на него пре
жнем деле не будет у кого крал, или ко
му татбу платил · ино на том взяти
исцево без суда · о поличном · а с по
личным его приведут впервые, а взмолвят
на него человек пѧть или шесть · по великого
кнѧзѧ по крестному целованию, что он тать
ведомой · и прежде того не одинова крадывал,
ино того казнити смертною казнью · а исцево
заплатити из его статка · о татине речи ·
А на кого тать возмолвит, ино того обыскати.
будет прочной человек з добром, ино его пытати
не · а не будет прирока за ним до того в каком деле
прежде · ино тятине речи не верити,
дати его на поруку до обыску · о правой грамоте ·
А от правые грамоты имати от печати с рубля по девяти
денег · а дьяку от подписи, с рубля по алтыну ·
А по чему которой грамоте написати правую,
имати с рубля по три денги · от доклада по списку ·

Судебник 1497 г. Лист 3.

А докладнои списокъ боярину печатати своею пе
чатью. А дьяку подписывати. А имати боярину
от списка с рубля по алтыну. А дьяку от подписи,
с рубля по четыре денги. А подьячему, которои
на списке напишет, с рубля по две денги. О холо
пьеи оправнои грамоте. А холопа и робы
оправные грамоты и отпустные, бояринъ
има от печати с головы по семи денег. А дья
ку от подписи, по алтыну с головы. А по
дьячему, которои грамоту правую напи
шет и отпустную, с головы по три денги.
О отпустнои грамоте. А полож[н]ых и спо
отпустных и всех боярского доклада. И без дьячьи
подписи, или з городов, без наместнича доклад.
За которыми бояры кормление с судом боярским.
Ино та отпустная не правь отпустная. Опроче тое
отпустные что государь своею рукою напишет. И та
отпустная грамота правь отпустная. О неправосуде.
А которого обвинит боярин не по суду, и грамот
правую на него судья и кодасть. Ино та грамота не
в грамоту. А взятое отдати назад. А боярину и
дьяку в том пени нет. А исцем суд с головы.

Судебник 1497 г. Лист 3 об.

ѡ намѣстничи оуказѣ. А намѣстником и во
лостелем которые держат кормлениа без бо
ярьского суда, холопа и робы без доклада не выдати,
ни грамоты бѣглые не дати. также и холопу и
робе на государя грамоты правые не дати без до
клада. и ѿпускные холопу и робе не дати.
ѡ великокняжи. А великого князя суда,
и с детеи великого князя суда. имати
на виноватом по тому ж. и а и с боярьского
суда с рубля по два алтына. и о мѣньшина
дѣли и дѣли то ѡ правои грамотѣ. ѡ пра
выя грамоты имати. от печати печатнику
великого князя. и детеи великого князя
печатнику. с рубля по девяти денег,
а дьяку от подписи с рубля по алтыну,
а подьячему которои грамоту правую
пишет с рубля по три денги. а с холо
па и с робы печатнику имати от правые
грамоты с головы по девяти денег,
а дьяку имати от подписи с головы
по алтыну. а подьячему которои грамо
ту напишет имати с головы по три денги:.

ѡ докладномъ спискѣ. А с докладного списка с вели-
кого князя доклада. и с детеи великого князя
доклада. печатати великого князя печат-
нику. и детеи великого князя печатнику,
ѿ печати имати ѿ списка с рубля по девя-
ти денег. а дьяку ѿ подписи с рубля по
алтыну. А подьячему которои список
напишет имати с рубля по три денги. ѡ бес-
судном спискѣ. А ѿ бессудныя грамоты имати
печатнику с рубля по алтыну. а дьяку
ѿ подписи по алтыну же с рубля. а под-
ьячему имати с рубля по две денги. ѡ срочных.
А ѿ срочнои ѿ подписи дьяку имати ѿ срочнои
по две денги. А ѿ ѿписных срочных дьяку
имати ѿ подписи с рубля по три денги. а
подьячему имати ѿ писма с рубля по две денги.
А положится истец. или ѿветчик. оба вместе
хотя срок ѿписати. и они платят оба
по половинѣ. ѿ подписи и ѿ писма.
а не давшему хоженого. А которои истец
или ѿветчик. и срок не пособит. а пошле
срочная ѿписывати. и тому не платити ѿ ного.

Судебник 1497 г. Лист 4 об.

ѿ рубли ѿ побѣгу дьяка хожеиоч. а с рубля дьяка
по держати деньга обыскны. А иа дадати
бессудныя дьяку снести с рубля, а сами дать
сто. А по розобран с рубля сами дьякому.
А даделбтии по гачи бессудные дадати.
и с рублю ѿ писца дати. А по тачи с рубли не
дадати. А бессудные давати со сна то
дни, из приставны. А ѿ приставныя имати
печатнику у недельщика по съѣзду. с ото
рбе приставное рубли недельщику, и дьяку
у ѿ подписи взяти алтын у недельщика
с рубля. А печатнику ѿ печати у недельщи
ка взяти алтын же. А буде съѣзду бо
ши рубля, или менши до иного города.
и дьяку и печатнику имати по тому же расче
ту. А будет пристав, и менши
съѣзду. и дьяку тот приставные не подпи
сывати. А без недельщика дьяку при
ставные не подписывати же. А коло
пути пристав и будет недельщику
съѣзд ѿ дни до того города. и по тому
городу приставная писана. А хто же кого

Судебник 1497 г. Лист 5.

памот в площенаа недельщику десеть де-
нег. а на правду з дворе и со порукн по
миновении памяти: А ѣзды недельщиком
до которого города: а на праду и на пору-
ки по ѣзд и на отъѣзд. А ѣзду от
Москвы до Коломны полтина. до Коши-
ры полтина. до Хотуни десеть алтын.
до Серпухова полтина. до Тарусы
пол осма алтын. до Олексина полтретьяцать
алтын. до Колуги рубль. до Яросла-
вца полтина. до Перемышля полтина. до Бор-
ска полтина. до Вышегорода полтина. до Кре-
менска, ·еі· а. до Можайска полтина. до Медын-
по. л. а; до Резани. в. рубля. до Звенигоро-
да. тринны. до Воротынска, м. а. до Одоева.
м. а. до Козельска рубль с четвертию. до Беле-
ва, то. до Мценска, м. а. до Новосилска
полтина. до Дмитрова. г. алтыны. до Радо-
нежа четверть, да Переславля, еі. алтыны.
до Ростова рубль. до Ярославля рубль с че-
твертью. до Вологды пол пята рубля. до Бе-
лаозера, пол пята рубля. до Устюга пол-

Судебник 1497 г. Лист 5 об.

дармѣ с Печеры двадцать рублев

бле до Пычегды, ѕ҃ рублев. до Пинины и до Ко-
могор, и҃ рублев московская. до Володимеря
рубль с четвертью. до Костромы полвтора руб-
ля. до Юрьева полрубля. до Суздаля рубль с четве-
ртию. до Галича полтретья рубля. до Мурома
полвтора рубля. до Стародубских князей о-
тчины полвтора рубля. до Нова города Нижне-
го полтретья рубля. до Углеча рубль. до Бѣ-
жицкого верху полтора рубля. до Ро-
мановa рубль с четвертию. до Клина пол-
тина. до Кашина рубль. до Твери рубль.
до Зубцева, и до Опоков рубль. до Хлепни
м алтын. до Ржевы рубль с четвертью.
до Нова города до Великого полтретья рубля
московская. А ѣздити недѣлщиком и
порукы с хожати самим без приставных.
или своим племянником, или людей посылати
с приставными. А урочником тѣм не
посылати с приставными. А от пору-
кы с приставными ѣзда не имати
ничего. О недѣлщицех указъ.
А в котором городѣ живет недѣлщик

Судебник 1497 г. Лист 6.

и но ему с приставными и по тому городу не ѣ-
зди, ни посылати ему с приставными сво-
ему мѣсто. ни писка сопѣдѣлѣ.
А кто у кого пошле пристава апче, и что ему
протор убытка станет по положению. или что
дал от срочные, и от правые грамоты. или
от бессудные, и правому то все взяти на ви-
новатом. А недѣльщиком не ѣздити,
ко на боярина, и на окольничи, и на дьяков посу-
лане просити, и не имати. А сами им от пору-
кы по всех лоне има. А которому дадут та-
та, а пелае его пыта, и ему пытати тат.
безхитростно, а на кого тать что тать пъ-
зговори, и ему то сказати великому князю,
или дьяки. которои ему тать даст, а сае
па ему татю не велѣти никого.
А пошлю которого недѣльщика по татей.
и ему татей имати безхитростно, а не но-
ровити ему никому. А изымав ему
тата не отпустити, ни посула не взяти.
А опришнии ему люден не имати. А у
которого недѣльщика с ѣдят тати, и ему

Судебник 1497 г. Лист 6 об.

татеи на порукы без докладу не дати, и не про
давати ему татеи. А которого татя да
дут на порукы поклепцы без дела, ни без суди, ни
истцом, и ѿпетчиком не полочи.
а ставити их перед судиами. А срочны
е и христиано ѿписыва, и бессудные дава
не полокино, а ѿ безсудны имѣ у христиа
не имати ничего. А коли срокъ ѿпи
шут обѣма истцем имаете, и ему за
ѿдано хоженое съ обѣих сторон, а ѿпрочѣ
того ему не взяти ничего. А приставъ за свое
дати на порукы их до обыск, доколе дѣло
скончается, и ему взяти ѣздъ на пинопато.
А истецъ или ѿветчикъ ся не по суде
кота бьют. А пришлет с своего мѣста сроча ѿпи
сывати, и недѣльщик хоженое взяти
на истца ѿдно. и что поѣдет его мѣсто сро
ца ѿписывати, ѿ кана мѣстник сход, городы.
А в которои город или в волость, в которую прис
де недѣльщик, и не его человек приставного
и ему приставная взяти на намѣстник
или волостелю. и имиху по уно. А буду

Судебник 1497 г. Лист 7.

ѿ вайсца того города . или волости судї
мыта . и ему ѿ обоих исцо(в) поставити пре(д)
наместнико(м) . или пре(д) волостеле(м) . или
пере(д) их тиуны : А боаро(м) или детє(м)
боа(р)ски(м) . за которы(ми) кормлениа с судо(м)
боа(р)ски(м) . и им судити . а на суде
у них быти дворьскому . и старосте
и лутчи(м) людє(м) . а без дворьского .
и бес старосты . и без лутчих людеи су
да наместнико(м) . и волостелє(м) не
судити . а посулов им ѿ суда не имати .
и их тиуно(м) . и их людє(м) посулов ѿ суда не
имати же . ни на гдра своего . ни на
тиуна . и пошлинником ѿ суда посуло(в)
не просити . а имати ему с суда ѿ же
доищетса ищеа своего . и ему имати
на виноватом противень по грамо
та(м) . то ему и тиуно(м) . а не будеть
грамоты . и ему имати проти
ву исцева :·* А не доищетса ищеа
своего . а будет виноватє ищеа . и
ему имати на ищеи с рубля по два алтына .

Судебник 1497 г. Лист 7 об.

а тиуну его с рубля по семи денег. а будет дѣ-
ло выше рубля или ниже. ино имати на ище-
по тому ж расчету. а до поучии дыимати у
жено бижесх двѣ прав да по грамоте.
а досудятся до поля да помирятся.
и ему имати по грамоте. А побиются
на поли. и ему имати пошлина против денег
по грамоте. А гдѣ не стѣтъ грамоты а по-
мирятся. и ему имати против денег в по-
лы исцева. то ему и с тиуном. А поби-
ются на поли взаемно дѣле. или в бою.
и ему имати против денег против исцева.
А побиются на поли в поджоге. или в ду-
шегубьстве. или в разбое. или в татбе.
ино на убитом исцово доправити. а са-
мого убитого в казни и в продажи намѣстнику.
то ему и с тиуном [illegible] А доведу-
на кого татбу. или разбой. или душе-
губство. или ябедничество. или
иное какое лихое дѣло. а будет вѣдо-
мой лихой. и ему того велѣти казнити
смертною казнью. а исцево доправити.

Судебник 1497 г. Лист 8.

его статка. А что у статка останеть,
ино то намѣстнику и его тиуну имати
себе. А не будеть у которого у лихого ста-
тка, чѣм исце заплатити, и ему того
лихого исцю в его гибели не дати. Ве-
лети его казнити смертною казнью.
О правой грамоте. А от правой грамоты има-
ти боярину и с которым боярином за кото-
рым кормленье с судом боярьским, с рубля
по полутретья алтына от печати. То-
е му и с тиуном. А дьяку от которой гра-
моту праву напишеть, от писма с рубля
имати по три денги. А тиуну да-
сть грамоту праву, и ему имати от
печати с рубля по полутретья алтына
на нагарад своего и на себя. А дьяку
его емлеть с рубля по три денги. А с хо-
лопьи и с робьи от правые грамоты и от отпу-
стные имати боярину и с которым бо-
ярином за которым кормленье с су-
дом боярским от печати з головы по полу
третья алтына. А дьяку его от писма

Судебник 1497 г. Лист 8 об.

з головы по три денги. А тиоуноу его на кор-
мление холопоу правые грамоты не дати без докла-
да государя. И отпоустные грамоты не да-
ти от отпоустной грамоте. А положити с
и от отпоустноую грамотоу. Без боя-
рьского доклада. и без дьячьи подписи.
или из городов без наместнича доклада
за которыми кормление з судом боярьским
с судом з боярьским. И та отпоустная грамо-
та не во отпоустноую. Опроче того отпоу-
стные что государь своею рукою напишет.
И та отпоустная грамота во отпоустноую.
Наместником и волостелем, которые дер-
жат кормление без боярьского суда
и тиоуном великого князя. И боярьским
тиоуном. За которыми кормлениа с судом
з боярьским. холопа и робы без доклада
не выдати. и отпоустные не дати.
А татя и душегоубца не отпоустити. и вся-
кого лихого человека без доклада не продати. ника-
зни, ни отпоустити. О приставех. А при-
ставом наместничим по городом имати

Судебник 1497 г. Лист 9.

хоженое, и езду по грамотѣ. А где не будет грамо-
ты, и ему хоженое имати по городом по четыре
денги, а езду на версту по денге. А напра-
вду по городѣ, и по волостем правдное. А кто
пошлет пристава по намѣстника, и по во-
лостеля, по боярина, и по сына боярьска,
и по тиуну, и по великого князя тиуно,
и намѣстнику, и волостелю, и тиуном
и великого князя тиуном, и доводчиком, к сроком
отвѣчати да ѣхати, а не поѣдут к сроком сами, и им
к сроком послати в свое мѣсто, кто от них послати.
Ѡ торговци. А кто купит на торгу что по по-
ѿпрочѣлоша, а у кого купил не знает его,
а будут ли люди добрые при тѣм, и на тот прием в прие-
мо, и поимаются у него, и тѣ люди добрые
скажут по правдѣ, что перед ними купил на торгу,
ино то правов, а у кого поимали, ино цѣло пагубіа
ему нѣт. А кто купит на чюжей земли что, а по-
имают с ним у него, и покосо у него свидѣтелей
да пан да пан ли при люди добрые скажут по правдѣ,
что перед ними купил на торгу, ино то
право у кого поимались. И цѣло пагубіа ему нѣт

Судебник 1497 г. Лист 9 об.

тъ · а не бѹдет оу него господствителе, ино ему пра-
падати · Ѡ послѹшествѣ · А кого по-
слѹ послѹшествѹет въ бою · или в грабежю,
или в займѣ · ино всꙗди пьи на того полю,
на исцоу · хочет на поле с послѹхомъ лѣзе,
или стати оу поля, будет поле положит на не-
ищоу · и истець бесцелованiа свое возме(т) ·
и ѡ(т)вѣтчикъ и полевые пошлины заплатити,
а вины ему в тые нѣтъ. А не стано(в)ъ оу
поля оу креста положи, и ѡнъ всѣ судiамъ по-
шлины по списку заплатити. А полевыя ему
пошлины нѣт. А против послуха ѡ(т)вѣтчик,
будет старъ, или малъ, или безувеченъ · или
по(п), или чернець, или черница, или жонка, ино
против того послоуха наймита наняти во-
лно. А послуху наймита не нанѧти. А по пра-
вому учинити с лоубытки, или его
послоуху · ино тѣ оубытки на виновато-
то · А послоух не поидет пересоуто · естли
за нирвѣти · нѣт ли · ино на того послу-
с всѣсцово · и оубытки и все пошлины
взяти :· А справедчико о срочно кто

Судебник 1497 г. Лист 10.

лу послуху [illegible]. А после [illegible] пере[illegible]ами вы
сще пыряти. И истець т[illegible] [illegible]. А на ко[м]
чего взыщет жонка, или дѣти на малѣ. Или кто
старъ, или немощенъ, или чѣмъ увѣченъ, или по[п],
или чернецъ, или черница. Или кто от тѣх на послуха ище
стнѣ будет кому, и они наимита наняти волно.
А исце или послух [illegible]. А наимитом быти [illegible].
А [illegible] наимитом. И [illegible]
же. А [illegible]. А кто [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]. Прода[illegible] [illegible]
ного. А наимит [illegible]. А [illegible]
[illegible]. А которой [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]. По полной грамотѣ.
[illegible]
[illegible]. А кто [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Судебник 1497 г. Лист 10 об.

А холопа полонит рать татарскаа, а выбежит ис полону, ино
слободе, а старому государю не холоп. О христианском отка-
зе. А христианом отказыватися из волости, ис села
в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего
и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят
в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А который христиа-
нин поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четве-
рть двора; а два года поживет, да пойдет прочь, и он полдво-
ра платит; а три годы поживет, а пойдет прочь, и он плати-
т три четверти двора; а четыре годы поживет, и он весь двор
платит. О чюжом поземщице. А который чюж поземецъ, на
чюже земле чего позыщет, ино то его полно на самом ищей. Хо-
чет целоватися, что о том у него нет ничего. И на кого сослется, а полож-
на на нем ищея. И не тягцу по целованию, а что возмет. А попа и дья-
кона, и чернеца, и черницю, и старою вдову, которые питают-
ся от церкви Божиа, то судят святители. И не смесной суд. А будет про-
стой человек с церковным, ино суд вопчей. А которая вдова не от
церкви Божии питается, а живет своим домом, то суд не святитель-
ской. А который человек умрет без духовные грамоты, а не будет
у него сына, ино статок весь и земля дочери. А не будет у него дочери,
ино взяти ближнему от его рода. О изгороде. А промежи
сел и деревень городити изгороды по половинам. А чьею изгородою учи-
нится протрава.

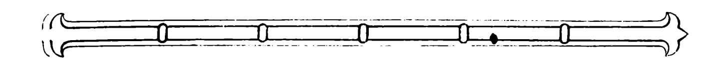
Судебник 1497 г. Лист 11 об.

і несеѹдаить. А с поля сено косит по пожне. А с пашни съ вобщины год по
лет сѣ на передоу. И не о том в пересоу. А по ѡпон с ним полна года съ земли. Д.
ень. А имати на пашне с половины по(л)тофе : А на который год в селѣ не бывали на метни
ка. И на полосе на полосе стела. И им видима пошлин по семь сти
ся. ѡт за ѡнего на метинния. А тиоуном ... за ѡнего тиоуна. И ѡні
еде... по пожаринка. О полнои грамоте. По полнои грамоте
холоп. По тиоуньству. И по ключю по сельскому холоп. з докладом и без
докладоу. и с женою и з детми. которые с ним у одного осподаря. А которые
его дети у иного. И на себе учнут жити, то не холопи. А по городскому
ключю не холоп. По робе холоп, по холопе роба. Приданои холоп.
По духовнои холоп. О послужнѣ. И ѡт послоужилстѣ. Даже
ти прослан..., По тому ж ... намостнѣ. И ... городе мосстовские
земли. И по ... земли. И по ... волости за ... лети. Ино
вои ... ко ... тиоунскоу. ... посл... не ...
ведоу. А послоужил ... не ... поедати. А ... за
за ... ведоу. а послоушествоуе ... не ...
... послоу ... ее ... на ... поса, не
... ѡт пол ... пошлинно. А ... ѡпоинчен, ...
... чем ... ... ниочно. кто з ани
мне ... пчен, и поручники, и ... за собою ...
чи. И поручником. И имоу ... тиме ... А дрести
хоо и ... И ... поручник ... оу себе не ... рох
ти.

Судебник 1497 г. Лист 12.

Судебник 1497 г. Лист 12 об.

ТЕКСТ



**Лета 7006-го месяца септемвриа уложил князь великий[а] л. 1
Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим.**

[1] **С**удити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком. [б]А посулов бояром, и околничим, и диаком[б] от суда и от печалованиа не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити, ни дружити никому.

[2] А каков жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь, которымь пригоже. **А** которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати.

[3] **А** имати боярину и диаку в суде от рублеваго дела на виноватом, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег. А будеть дело || выше рубля или ниже, и боярину имати по тому росчету. л. 1 об.

[4] **О полевых пошлинах. А** досудятся до поля, а у поля не стояв, помиряться, и боярину и диаку по тому росчету боярину с рубля два алтына, а диаку осмь денег; а околничему, и диаку, и неделщиком пошлин полевых нет.

[5] **А** у поля стояв помирятся, и боярину и диаку имати по тому ж росчету пошлины свои; а околничему четверть [в]и диаку четыре алтыны з денгою, а неделщику четверть,[в] да неделщику ж вясчего два алтына.

[6] **А** побиются на поли в заемном деле или в бою, и боярину и диакомь взяти на убитом противень противу исцева; а околничему полтина, а диаку четверть, а неделщику полтина да неделщику ж вясчего 4 алтыны.

[а] В рукописи велий [б—б] Приписано сверху листа другим почерком. [в—в] Приписано внизу листа другим почерком.

[7] **А** побиются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе, ино на убитом исцево доправити; да окол-
л. 2 ничему || на убитом полтина да доспех, а диаку четверть, а недельщику полтина, да недельщику ж вясчего 4 алтыны. А сам убитой в казни и в продажи боярину и диаку.

[8] **О татбе. А** доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити изь его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе. А противень и продажа боярину и диаку делити: боярину два алтына, а диаку осмь денег. А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу вь его гыбели не выдати, а велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да дворскому.

л. 2 об. [9] **А** государскому убойце и коромолнику, церко||вному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью.

[10] **О татех. А** котораго татя поимают с какою татбою ни буди впервые, опроче церковные татбы и головные, а в ыной татбе в прежней довода на него не будет, ино его казнити торговою казнию, бити кнутием да исцево на нем доправя, да судие его продати. А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнутиемь, да исцу его выдать вь его гибели головою на продажю, а судье не имати ничего на нем.

[11] **А** поимают татя вьдругые с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с ысцеву гыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

л. 3 [12] **А** на кого взмолвят детей боярскых человек || пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человекь пять—шесть добрых христиан целовалников, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал, ино на том взяти исцеву гыбель бес суда.

[13] **О поличном. А** с поличным его приведут впервые, а в… вят на него человекь пять или шесть по великого князя по… ному целованию, что он тать ведомой, и преж того нео… крадывал, ино того казнити смертною казнию, а исцево … тити из его статка.

[14] **О татиных речех. А** на кого тать возмолвит, …

пытати: будет [а–]прирочной человек з доводом,[–а] ино его пытати в татбе; а не будет [б–]на него[–б] прирока з доводом в какове деле в прежнем, ино татиным речем не верити, дати его на поруку [в–]до обыску.[–в]

[15] **О правой грамоте. А** от правые грамоты имати от печати с рубля по девяти денег, а диаку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишет правую, имати с рубля по три денги.

[16] **О докладном списке.** || **А** докладной список боярину печа- л. 3 об.
тати своею печатью, а диаку подписывати. А имать боярину от списка с рубля по алтыну, а диаку от подписи[г] с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке напишет, с рубля по две денги.

[17] **О холопией о правой грамоте. А** с холопа и с робы от правые грамоты и от отпустные боярину имати от печати с головы по девяти денег, а диаку от подписи по алтыну с головы, а подьячему, которой грамоту правую напишет или отпустную, с головы по три денги.

[18] **О отпустной грамоте. А** положит кто отпустную без боярского докладу и без диачей подписи, или з городов без наместнича докладу, за которым боярином кормление с судом боярским, ино та отпустнаа не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и та отпустнаа грамота в отпустную.

[19] **О неправом суде. А** которого обинит боярин не по суду и грамоту правую на него сь диаком дасть, **ино та грамота** не в грамоту, а взятое отдати назад, а боярину и диаку в том пени нет, а исцем суд с головы. ||

[20] **О наместниче указе. А** наместником и волостелем, кото- л. 4
рые држат кормлениа без боярьского суда, холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; також и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без докладу, и отпустные холопу и робе не дати.

[21] **О великом князи. А** с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом по тому же, как и с боярского суда, с рубля по два алтына, кому князь велики велит.

[22] **О правой грамоте. От** правыя грамоты имать от печати ему полку великого князя и детей великого князя печатнику ику жя по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну,

---

[а–а] *В рукописи* прочной человекъ з домом. [б–б] *Приписано на полях другим почерком.* [в–в] *Приписано над строкой другим почерком.* [г] *Буква* д *пропущена.*

а подьячему, которой грамоту правую напишет, с рубля по три денги.

[23] А с холопа и с робы печатнику имати от правые грамоты с головы по девяти денег, а дьяку имати от подписи с головы по алтыну, а подьячему,[а] которой грамоту напишет, имать с головы по три денги. ||

л. 4 об. [24] **О докладном списке. А** докладной список с великого князя докладу и с детей великого князя докладу печатати великого князя печатнику и детей великого князя печатнику; от печати имати от списка с рубля по девяти денег; а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке напишет, имать с рубля по две денги.

[25] **О безсудном списке. А** от безсудныя грамоты имати печатнику с рубля по алтыну, а дьяку от подписи по алтыну же с рубля, а подьячему имать с рубля по две денги.

[26] **О срочных. А** от срочных от подписи дьяку имать от срочные по две денги. **А** от отписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три денги. А подьячим имати от писма с рубля по две денги. **А** коли ищея или ответчик оба вместе хотят срок отписати, и они платят оба по половинам от подписи и от писма, а неделщику хожоное. **А** которой ищея или ответчик к сроку не поедет, а пошлет срока отписывать, и тому все платить

л. 5 одному || от срочных от обеих да и хоженое. А срочные дьяком держати у себя.

[27] **О безсудных. А** как давати безсудныя, дияком снести срочныя самим вместо, да розобрав срочные самим дияком, да велети им подьячим бессудные давати и сроки отписывати. А подьячим срочных не давати. А безсудные давати с осмаго дня.

[28] **О приставных. А** от приставных имати печатнику у неделщиков по езду: с которые приставные рубль неделщику, и дияку от подписи взяти алтын у неделщика с рубля, а печатнику от печати у неделщика взяти алтын же. А будет езду болши рубля или менши до которого[б] города, и дияку и печатнику имать по тому же росчету. **А** будет в приставной иск менши езду, и дияку тех приставных не подписывати; а без неделщиков дияком приставных не подписывати же. **А** колко вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один до того города, в которой город приставная писана.

л. 5 об. [29] **А** хоженого || на Москве площедноа неделщику десеть денег, а на правду вдвое; и от поруки поминков не имати им. **А** езд

[а] *В рукописи было* подьячеёму, *слог* му *зачеркнут*. [б] *В рукописи* котого.

неделщик емлет до которого города, а на правду им имати вдвое езд.

[30] **Указ о езду. А** [а-]езду[-а] от Москвы до Коломны полтина, до Коширы полтина, до Хотуни десеть алтын, до Серпухова полтина, до Тарусы 20 алтын, до Алексина полтретьятцать алтын, до Колуги рубль, до Ерославца полтина, до Вереи полтина, до Боровска полтина, до Вышегорода полтина, до Кременска 20 алтын, до Можайска полтина, а[б] до Медыни пол-30 алтын, до Вязма пол-2 рубля, до Звенигорода 2 гривны, до Воротынска 40 алтын, до Одоева 40 алтын, до Козельска рубль с четвертию, до Белева тож, до Мезецка 40 алтын, до Оболенска полтина, до Дмитрова 10 алтын, до Радонежа четверть, [в-]до[-в] Переславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Ерославля рубль с четвертью, до Вологды пол-3 рубля, до Белаозера пол-3 рубля, до Устюга пять ру||блев, до Вычегды 7 рублев, до Двины и до л. 6
Колмогор 8 рублев московскаа, до Володимеря рубль с четвертью, до Костромы пол-2 рубля, до Юрьева рубль, до Суздаля рубль с четвертию, до Галича пол-3 рубля, до Мурома пол-2 рубля, до Стародубскых князей отчины пол-2 рубля, [г-]до Мещеры два рубля,[-г] до Новагорода Нижнего пол-3 рубля, до Углеча рубль, до Бежицского Верху полтора рубля, до Романова рубль с четвертию, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зупцева и до Опок рубль, до Хлепни 40 алтын, до Ржевы рубль с четвертью, до Новагорода до Великаго пол-3 рубля московскаа.

[31] **А** ездити неделщиком и на поруку давати самим с приставными или своих племянников и людей посылати с приставными. А урочников им не посылати с приставными. А от поруки им с приставными ездячи не имати ничего. **О неделщиках указ. А** в котором городе живеть неделщик, || ино ему с приставными л. 6 об.
в том городе не ездити, ни посылати ему с приставными в свое место ни в какове деле.

[32] **А** кто [д-]по[-д] кого пошлет пристава в чем, и что ему в том убытка станет в волоките, или что даст от срочные и от правые грамоты или от бессудные, и правому то все взяти на виноватомь.

[33] **А** неделщиком на суде на боярина, и на околничих,[е] и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от поруки посулов не имати.

[34] **А** которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что[ж] взговорит, и ему то ска-

---

[а—а] *Переделано из* до. [б] *Приписано над строкой киноварью.* [в—в] *В рукописи* да. [г—г] *Приписано сверху листа другим почерком.* [д—д] *Приписано сверху над строкой.* [е] *Исправлено из* олничих. [ж] *После слова* что *зачеркнуто киноварью слово* тать.

зати великому князю или судии, которой ему татя дасть, а клепати ему татю не велети никого. **А** пошлют которого неделщика по татей, и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому. А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти; а опришних ему людей не имати.

л. 7 [35] **А** у которого неделщика седят тати, и ему || татей на поруку без докладу не дати и не продавати ему татей.

[36] **А** которого татя дадут на поруку в какове деле ни буди, и им исцов и ответчиков не волочити, а ставити их перед судиами. **А** срочные их христианом отписывать и бессудные давати не волокитно, а от безсудных им у христиан не имати ничего. **А** коли срок отпишут обема истцемь вместе, и ему взяти одно хоженое с обеих сторон, а опроче того ему не взяти ничего. А в езду своем дати на поруку до обыску, доколе дело скончается, и ему взяти езд на виноватом. **А** кто ищеа или ответчик сам не поедет ко ответу, а пришлет в свое место срока отписывати, и неделщиком хоженое взяти на том на одном, кто поедет вь его место срока отписывати.

[37] **Указ наместником о суде городскым. А** в которой город или в волость[а] в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику или волостелю, л. 7 об. или их тиуном. **А** будут || оба исца того города или волости судимыя, и ему обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем или перед их тиуны.

[38] **А** бояром или детем боярским, за которыми кормлениа с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити; а посула им от суда не имати, и их тиуном и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити. А имати ему с суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будеть где грамоты, и ему имати противу исцева. **А** не доищется ищея своего, а будет л. 8 виноват ищея, и ему имати на ищеи с рубля по два алтына, || а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищеи по тому ж росчету. А доводчику имати хоженое и езд и правда по грамоте. А досудятся до поля да помирятся, и ему имати по грамоте. **А** побиются на поли, и ему имати вина и противень по грамоте. **А** где нет грамоты,

[а] *В рукописи* вость.

а помирятся, и ему имати противень вполы исцева, то ему и с тиуном. **А** побиются на поли в заемном деле, или в бою, и ему имати противень против исцева. **А** побиются на поли в пожеге, или в душегубьстве, или в разбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном.

[39] **О татех указ. А** доведут на кого татбу, или разбой, или душегубьство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити || из его статка, а что ся у статка л. 8 об.
останеть, ино то наместнику и его тиуну имати себе. А не будет у которого у лихого статка, чем исцево заплатить, и ему того лихого исцю вь его гибели не выдати, велети его казнити смертною казнью.

[40] **О правой грамоте. А** от правой грамоты имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленья с судом с боярьским, с рубля по полутретья алтына от печати, то ему и с тиуном; а дьяку, которой грамоту правую напишеть, от писма с рубля имати по три денги. **А** тиун дасть грамоту правую, и он емлеть от печяти с рубля по полутретья алтына на государя своего и на себя, а дьяк его емлеть с рубля по три денги. **А** с холопа и с робы от правые грамоты от отпустные имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленье с судом з боярским, от печяти з головы по полутретья алтына. **А** дьяк его от писма || з головы л. 9
по три денги.

[41] А тиуну его на корьмление холопу правые грамоты без доклада государя и отпустныя грамоты не дати.

[42] **О отпустной грамоте. А** положит кто отпустную грамоту без боярьского докладу и без дьячьей подписи, или з городов без наместничя докладу, за которым кормление за сыном боярьским с судом с боярским, и та отпустная грамота не во отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишеть, и та отпустнаа грамота во отпустную.

[43] Наместником и волостелем, которые дрьжать кормление без боярьского суда, и тиуном великого князя и боярьскым тиуном, за которыми кормлениа с судом з боярьским, холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати; а татя и душегубца не пустити и всякого лихого человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити.

[44] **О приставех. А** приставом наместничим по городом имати || л. 9 об
хоженое и езд по грамоте, а где нет грамоты, и ему хоженое

имати в городе по четыре денги, а езд на версту по дензе, а на правду в городе и в волости вдвое.

[45] **Аще** кто пошлет пристава по наместника, и по волостеля, по боярина и по сына боярскаго, и по их тиунов, и по великого князя тиунов, и наместнику и волостелю, и их тиуном, и великого князя тиуном, и довотчиком к сроку отвечивати ехати; а не поедет к сроку сам, и ему к сроку в свое место к ответу послати.

[46] **О торговцех. А** кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит, не зная его, а будет людем добрым двема или трем ведомо и поимаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что пред ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поималось и целованиа ему нет.

[47] **А** кто купит на чюжей земли что, а поимаются у него, и толко у него свидетелей два[а] или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого
л. 10 поималися, и целованиа ему не||т; а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати.

[48] **О послушестве. А** кого послух послушествует в бою или в грабежю или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут, хощет на поле с послухомь лезет, или став у поля, у креста положит, на нем ищут, и истець бес целованиа свое возмет, и ответчикь и полевые пошлины заплатит, а вины ему убитые нет. **А** не стояв у поля, у креста положит, и он судиамь пошлину по списку заплатит, а полевых ему пошлинь нет.

[49] **А** противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти волно, а послуху наймита нет. А что правому учинится убытка или его послуху, ино те убытки на виноватом.

[50] А послух не пойдет перед судью, ест ли за ним речи нет ли, ино на том послусе исцово и убытки и все пошлины
л. 10 об. взяти. **А** с праветчиком о сроце то||му послуху суд.

[51] А послух не говорит перед судиями в ысцевы речи и истець тем и виноват.

[52] **А** на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или цернец, или черница, или кто от тех в послушестве будет кому, ино наймит наняти волно. **А** исцем или послуху целовати, а наймитом битися; а противу тех наймитов исцу или ответчику наймит же; а восхочет, и он сам биется на поли.

[а] *В рукописи добавлено и два.*

[53] **А** кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд ити не восхотят, и они доложа судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженого.

[54] **А** наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен.

[55] **О займех. А** которой купець, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонет, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печятию, платити исцеву истину без росту. **А** кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным какым безумием погубит товар свой без напраздньства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу. ||

[56] **А** холопа полонит рать татарскаа, а выбежит ис полону, л. 11
и он слободен, а старому государю не холоп.

[57] **О христианском отказе. А** христианом отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. **А** которой христианин поживет за ким год, да поидет прочь, и он платит четверть двора, а два года поживет да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он весь двор платит.

[58] **О чюжоземцех. А** которой чюжоземец на чюжеземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут, хочет отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец, поцеловав крест, да возмет.

[59] **А** попа, и диакона, и черньца, и черницу, и строя, и вдову, которые питаются от церкви божиа, то судить святитель или его судия. **А** будет простой человек с церковным, ино суд вопчей. **А** котораа вдова не от церкви божии питается, а живет своим домом, то суд не святительской.

[60] **А** которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода.

[61] **О изгородах. А** промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учинится протрава, || ино л. 11 об.
тому платити, чья огорода. **А** где отхожие пожни от сел или от деревень, ино поженному государю не городитися, городит тот всю огороду, чьа земля оранаа пашня к пожни.

[62] **О межах. А** кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и монастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу сорал или грани ссек, ино того бити кнутием, да исцу взяти на нем рубль. **А** христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому имати на том за боран по два алтына и за рану присудят, посмотря по человеку и по ране и по рассужению.

[63] **О землях суд. А** взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре, или боярской на монастыре, или монастырской на боярине, ино судити за три годы, а дале трех годов не судити. **А** взыщет черной на черном, или поместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или селской на помесчике, или помесчик на черном и на сельском, ино судити потому ж за три годы, а дале трех годов не судити. **А** взыщут на боярине или на монастыри великого князя земли, ино судити за шесть лет, а дале не судить. **А** которые земли за приставом в суде, и те земли досужывати.

[64] А пересудчиком пересуд имати на виноватом две гривны, а менши рубля пересуда нет. **А** с списка с суднаго и с холопа
л. 12 и с земли || пересуда нет. А с поля со всякого пересуд. **А** список оболживит кто да пошлется на правду, ино в том пересуд. А подвойскым праваго десятка 4 денги, а имати на виноватом же.

[65] **А** на котором городе[а] будут два наместника или на волости два волостеля, и им имати пошлины по сему списку обе за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и они себе делят по половинам.

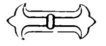
[66] **О полной грамоте. По** полной грамоте холоп. По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного или себе учнут жити, то не холопи; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп, по духовной холоп.

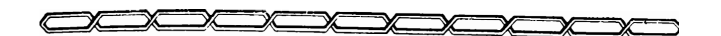
[67] **О посулех и о послушестве. Да** велети [б—]прокликать[—б] по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новогородцкие земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищея и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухом не видев не послушествовати, а видевши сказати правду.

[а] *В рукописи* годе. [б—б] *В рукописи* проклинать.

А послушествует послух лживо не видев, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель исцева вся и с убыткы.

[68] **О полевых пошлинах.** А к полю приедет околничей и диак, и околничему и диаку вспросити исцев, ищеи и ответчиков, кто за ними стряпчей и поручникы, и кого скажут за собою стряпчих и поручников, и им тем велети и стояти, а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати.|| л. 12 об.
А которые имуть опришние у поля стояти, и околничему и диаку тех отслати прочь. А не поидут опришнии люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великым князем.





ПЕРЕВОДЫ

ПЕРЕВОД СТАТЕЙ 3—7 И 9—16 СУДЕБНИКА 1497 г. НА ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК ГЕРБЕРШТЕЙНА[1]

Sequuntur Ordinationes a Joanne Basilii Magno Duce, anno mundi 7006 factae.

Quum reus fuerit in unum rublum condemnatus, solvat judici altinos duos, notario octo dengas.

Si vero partes redeunt in gratiam, priusquam in locum duelli venerint, non minus judici et notario solvant, ac si judicium factum fuisset.

Si venerint in locum duelli, quem ocolnick et nedelsnick duntaxat decernere possunt, ibique forte in gratiam redierint, solvant judici ut supr, ocolniko 50 dengas, nedelsniko similiter 50 dengas et duos altinos, scribae quatuor altinos et unam dengam.

Si vero venerint ad duellum et alter victus fuerit, tum judici reus quantum ab eo postulatur, solvat; ocolniko det poltinam et arma victi, scribae 50 dengas, nedelsniko poltinam et quatuor altinos.

Si vero duellum committitur propter aliquod incendium, necem amici, rapinam vel furtum, tunc accusator si vicerit, ab reo accipiat, quod petüt ocolniko detur poltina et arma victi, scribae 50 dengae, nedelsniko poltina, vestono (est autem veston, qui ambas partes praescriptis conditionibus ad duellum committit) quatuor altinos; et quicquid victus reliqui habuerit, vendatur, judicibusque detur; corpor autem, juxta delicti qualitatem puniatur.

Interfectores dominorum suorum, proditores castri, sacrilegi, plagiarii, item qui res in alterius domum clanculum inferunt, easdemque furto sibi ablatas dicunt, quos podmetzchek vocant, praeterea qui incendio homines affligunt, quique, manifesti malefactores fuerint, ultimo supplicio afficiuntur.

Qui primum furti convictus fuerit, nisi forte sacrilegii aut plagii accusetur, morte non est afficiendus, sed publica poena emendandus: hoc est baculis caedendus, et poena pecuniaria a judice mulctandus.

Si iterum in furto deprehensus fuerit, et non habuerit, unde accusatori aut judici satisfaciat, morte plectatur.

[1] S. Herberstein. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Базель, 1551. стр. 53—54

Si alioqui fur convictus non habeat, unde accusatori satisfacere posset, caesus baculis tradatur accusatori.

Si quis furti accusetur, et honestus aliquis vir jurejurando affirmet, illum antea quoque furti convictum, aut furti causa cuipiam reconciliatum fuisse, neglecto et omisso judicio, morte afficiatur; de bonis ejus fiat, ut supra.

Si aliquis vilis conditionis, aut suspectae vitae, furti insimuletur, vocetur in quaestionem. Si vero furti convinci non potest, datis fidejussoribus, dimittatur ad ulteriorem inquisitionem.

Pro scripto decreto seu lata sententia, aestimatione unius rubli, solvantur judici 9 dengae; secretario, qui sigillum habet, altinum unum; notario dengae tres.

Praefecti, qui non habent authoritatem, causa cognita, decernere ac sententiam ferre, ni alteram partium in aliquot rublis condemnent, dein decretum ad judices ordinarios mittant, quod si justum ac aequitati con sonum illis iridetur, tum de singulis rublis, singuli altini judici, secretario vero 4 dengae solviantur.

ПЕРЕВОД СТАТЕЙ 3—7 И 9—16 СУДЕБНИКА 1497 г. ПО ГЕРБЕРШТЕЙНУ А. И. МАЛЕИНА

Следуют распоряжения, сделанные великим князем Иоанном Васильевичем в 7006 году от сотворения мира.

Если виновный осужден будет на один рубль, то пусть заплатит судье два алтына, а писцу (дьяку?) восемь денег.

Если же стороны примирятся прежде, чем придут на место поединка, то пусть заплатят судье и писцу так же, как если бы суд был произведен.

Если придут на место поединка, которое могут определить только окольничий и недельщик, и там случайно примирятся, то пусть платят судье, как выше окольничему, 50 денег, недельщику также 50 денег и два алтына, писцу четыре алтына и одну деньгу.

Если же они выйдут на поединок и один будет побежден, то виновный пусть заплатит судье, сколько с него потребуют, окольничему пусть он даст полтину и доспех побежденного, писцу 50 денег, недельщику полтину и четыре алтына.

Если же поединок происходит вследствие какого-нибудь пожара, убийства друга, грабежа или кражи, то, если обвинитель победит, пусть получит с виновного то, чего просил, окольничему должно дать полтину и доспех побежденного, писцу 50 денег, недельщику — полтину, вязчему (вязчий — тот, кто сводит обе стороны на предписанных условиях на поединок) четыре алтына; и все, что останется у побежденного, должно быть продано и отдано судьям; телесному же наказанию должно подвергнуть его по качеству преступления.

Убийцы своих господ, предавшие крепость, святотатцы, похитители людей, так же, как и те, кто тайно относят имущество в чужой дом и гово-

рят, будто оно у них украдено, так называемые подметчики, кроме того те, кто поджигают людей и кто окажутся заведомыми злодеями, подлежат смертной казни.

Того вора, который впервые будет пойман в краже, если только его обвиняют не за святотатство или за похищение людей, не следует карать смертью, но исправить всенародным наказанием, то есть его надлежит бить палками, и судья должен взыскать с него денежную пеню.

Если он вторично будет пойман в воровстве и у него не окажется чем удовлетворить обвинителя или судью, то он должен быть наказан смертью.

Если, впрочем, у пойманного вора не будет чем он может удовлетворить обвинителя, то его надлежит бить палками и выдать обвинителю.

Если кто будет обвинен в воровстве и какой-нибудь честный человек клятвенно подтвердит, что он и раньше был пойман в воровстве или мирился с кем-нибудь в деле воровства, то такого человека должно казнить смертью, пренебрегши каким бы то ни было судом; с имуществом его поступить, как выше.

Если какой-нибудь человек низкого звания или подозрительной жизни будет оговорен в воровстве, то его надлежит призвать к допросу. Если же его нельзя уличить в воровстве то, по представлении им поручителей, следует отпустить его до дальнейшего допроса.

За написание постановления или произнесение приговора стоимостью в один рубль судье следует заплатить девять денег, дьяку, который имеет печать, — один алтын, писцу — три деньги.

Те начальники, которые не имеют власти, по расследовании дела, постановить решение или приговор, должны осудить одну из сторон на несколько рублей, а затем послать решение надлежащим судьям. И если те найдут то решение правым и согласным с справедливостью, то с каждого рубля следует заплатить судье по одному алтыну, а секретарю 4 деньги.

ПЕРЕВОД СТАТЕЙ 3—7 И 9—16 СУДЕБНИКА 1497 г. ПО ГЕРБЕРШТЕЙНУ И. АНОНИМОВА

Следуют постановления великого князя Иоанна Васильвича, сделанные в 7006 году от сотворения мира.

Когда подсудимый будет приговорен к одному рублю, то должен заплатить судье два алтына, писцу восемь денег.

Если обе стороны помирятся, прежде нежели придут на место поединка, то должны платить судье и писцу не менее, как если бы суд был произведен.

Если придут на место поединка, которое назначать могут только окольничий и недельщик, и там помирятся, то должны платить судье, как выше сказано, окольничему — пятьдесят денег, недельщику — также пятьдесят денег и два алтына, писцу четыре алтына и одну деньгу.

Если дойдут до поединка и один будет побежден, то виновный долж платить судье столько, сколько с него требуется, окольничему дать по тину и оружие побежденного, писцу — пятьдесят денег, недельщику — по тину и четыре алтына.

Если же поединок совершается по причине какого-нибудь пожара, уб ства друга, похищения или кражи, тогда обвинитель, если победит, им получить то, о чем просил; окольничему дóлжно дать полтину и оруж побежденного, писцу — пятьдесят денег, недельщику — полтину, вест (вестон — тот, который предписывает условия и сводит обе стороны на п единок) — четыре алтына; все оставшееся у побежденного следует прод и отдать судьям, самого же подвергнуть телесному наказанию по преступления.

Убийцы своих господ, предатели города, святотатцы, укрыватели бе рабов, также те, которые тайком вносят вещи в дом другого и гов что они украдены у них (их называют подметчиками), зажигатели и зл злодеи подвергаются смертной казни.

Кто в первый раз будет уличен в воровстве, если только он не об обвиняем в святотатстве или в укрывательстве беглых рабов, того не дó наказывать смертью, но исправлять публичным наказанием, т. е. битьк ками, а судья должен взыскать с него денежную пеню.

Если он будет пойман в воровстве во второй раз и не будет имет удовлетворить обвинителя или судью, то должен быть наказан смерт

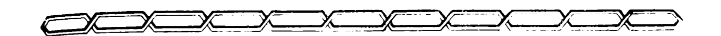
Если уличенный вор не будет иметь чем удовлетворить обвинител выдается обвинителю, подвергнувшись палочным ударам.

Если кто обвинен в воровстве и какой-нибудь честный человек кл утвердит, что он и прежде был уличен в воровстве или мирился нибудь вследствие воровства, тогда он наказывается смертью без вы суда; с имуществом же его дóлжно поступить так, как выше сказан

Если человек низкого сословия или подозрительной жизни будет об в воровстве, то призывается к допросу. Если же он не может быть в воровстве, то, представив поручителей, отпускается до дальнейше следования. За письменное решение или за произнесенный приговор платить судье с одного рубля девять денег, дьяку, который имеет пе один алтын, писцу — три деньги.

Областные начальники, которые не имеют власти, разобрав дело, и произносить приговор, должны присуждать одну из сторон к нескольких рублей, потом отсылать решение к установленным судья оно покажется им правым и согласным с справедливостью, то дóлж тить с каждого рубля судье по одному алтыну, дьяку же — четыре

КОММЕНТАРИЙ



ЗАГОЛОВОК

В заголовке содержится материал по истории составления Судебника. Дополнительным источником по этому вопросу является Типографская летопись, в которой содержится следующее известие: „В лето 7006 февраля князь великый Иван Васильевич посадил на княжение вноука своего князя Дмитрия Ивановича. Того же лета князь великый Иван Васильевичь и околничим и всем судьям а уложил соуд судити по Судебникоу Володимера Гусева писати“.[1] Исходя из приведенного летописного сообщения, ряд исследователей, начиная с дворянских историков М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина и кончая советскими авторами С. В. Юшковым и С. Б. Веселовским, думали, что проект Судебника составлен Владимиром Гусевым. Последний считался царским дьяком. Н. П. Лихачев рассеял легенду о дьячестве Владимира Гусева,[2] а Я. С. Лурье доказал, что в Типографской летописи слиты под 7006 г. два разных известия: об издании Судебника и о заговоре Владимира Гусева против Ивана III.[3] По всем данным Владимир Гусев не имел отношения к составлению Судебника.[4] Вопрос о происхождении Судебника 1497 г. является мало изученным и спорным.[5] Мы считаем, что Судебник был обнародован в 1498 г. в связи с венчанием на царство внука в. кн. Ивана III — Дмитрия Ивановича, хотя работа над ним и началась в 1497 г.[6]

Судебник 1497 г. явился первым кодексом феодального права Русского централизованного государства. До его издания на Руси действовали нормы Правды Русской, о чем свидетельствуют дошедшие до нас списки этого памятника XIII—XV вв. Кроме того, на основе Правды Русской в отдельных феодальных центрах Руси XIV—XV вв. возникали местные судебники. Таковы Псковская и Новгородская судные грамоты — законодательные

[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 133.

[3] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 10 (80), Л., 1940, стр. 90—91.

[4] Без новых доказательств к точке зрения об авторстве В. Гусева возвращается А. А. Зимин (Советская книга, № 4, 1952).

[5] См.: С. В. Юшков. Судебник 1947 г. Ученые записки Саратовского Гос. унив., т. V, вып. 3, 1926; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 253 и сл.

[6] Там же, стр. 303—306.

памятники боярских республик северо-западной Руси. Сохранилось свидетельство В. Н. Татищева о судебниках Рязанского и Ростовского княжеств. Памятниками феодального права времени политической раздробленности на Руси являлись также жалованные княжеские грамоты, закреплявшие иммунитет как аттрибут привилегированной земельной собственности, уставные грамоты наместничьего управления, определявшие административно-судебные права бояр-кормленщиков, договорные княжеские грамоты, в которых определялся характер отношений между отдельными княжествами в области политики, военного дела, суда и т. д.

С XIV в., в процессе объединения русских земель вокруг Москвы как основы и инициатора создания централизованного государства на Руси закладывался фундамент и для объединения правовых норм отдельных феодальных княжеств. В изданных московскими князьями уставных наместничьих грамотах (Двинской 1397 г., Белозерской 1488 г.), в ряде жалованных грамот, предназначенных для территорий вновь присоединенных княжеств, и т. д. нормы местного феодального права использовались в целях политической централизации и укрепления великокняжеской власти.

Во второй половине XV в. сложилось единое русское централизованное государство, образование которого было подготовлено экономическим развитием страны и ускорено потребностями самообороны. Ликвидация политической раздробленности обеспечивала стране возможность дальнейшего прогрессивного экономического и культурного роста и борьбы за свою независимость. В то же время господствующему классу создание крепкого аппарата власти было нужно для удержания в узде трудового народа. Усиление феодальной эксплоатации во второй половине XV в. как следствие социально-экономических сдвигов приводило к обострению классовых противоречий и к усилению антифеодальной борьбы.

Издание Иваном III Судебника, которому, возможно, предшествовали более ранние опыты кодификации русского феодального права 80-х годов XV в., было важным актом среди мероприятий московского правительства, направленных к государственной централизации, перестройке центрального и местного аппарата власти, разработке норм уголовного и гражданского права, судоустройства и судопроизводства в интересах защиты привилегий господствующего класса.

Из Судебника ясно, что феодальным судом прежде всего охранялась „феодальная собственность на землю“, являвшаяся „основой феодализма“[2], что феодальный суд был предназначен для охраны прав класса землевладельцев на владение средствами производства, на эксплоатацию труда зави-

[1] Приветствие тов. И. В. Сталина Москве в день ее 800-летия. Правда, 7 сентября 1947 г.

[2] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

мого крестьянства, на охрану основ феодальной монархии как политической формы Русского централизованного государства. Судебник в достаточной мере детально разрабатывает процессуальные нормы, имея в виду земельные тяжбы как правовую форму борьбы за землю между черным крестьянством и классом землевладельцев, с одной стороны, и между различными категориями земельных собственников внутри класса феодалов, — с другой. Отчетливо выступают последствия введения поместной системы, обострившей внутриклассовую борьбу за средства производства, за рабочие руки. Детально останавливается Судебник и на документации, удостоверявшей на суде права феодалов на зависимое от них население (крестьян, холопов). Специальные статьи памятника посвящены источникам полного холопства и праву крестьянского „отказа" — ухода от владельцев. С точки зрения классовой направленности Судебника последняя статья представляет особый интерес. Установление Судебником общего для всего государства, единственного разрешенного в году срока крестьянского „отказа" (26 ноября — в „Юрьев день осенний") юридически оформляло значительные перемены в положении крестьянства. Стеснение в общерусском масштабе права крестьянского перехода было толчком к дальнейшему завязыванию узла крепостнических отношений.

Охраняя начала господства и подчинения в феодальном обществе и защищающий эти отношения государственный аппарат, Судебник особое внимание уделяет различным преступлениям (покушениям на жизнь и собственность феодалов, выступлениям против политического порядка и органов власти и т. д.). Обострение классовых противоречий и внутриклассовой борьбы, проявляющееся в действиях, квалифицируемых феодальным правовым кодексом как преступления, ведет к усилению репрессий, применению смертной казни. Важное место среди мероприятий государственной власти занимает разработка форм расследования преступлений против феодального права с использованием судебными органами местного дворянства и верхушки черносошного крестьянства в качестве свидетелей (послухов).

В Судебнике ярко проявляется тенденция к централизации суда, к стеснению власти наместников и к подчинению их контролю со стороны центральных органов, к использованию в качестве низшего звена государственного аппарата органов крестьянского и посадского управления, к введению для ряда дел форм розыскного процесса, к усилению значения письменных документов как одного из главных видов судебных доказательств, к строгой регламентации деятельности судебных агентов. Все эти мероприятия диктовались теми новыми задачами в области суда, которые были выдвинуты в процессе создания Русского централизованного государства.

Значение Судебника заключается не только в том, что он произвел систематизацию существовавших уже в ряде феодальных центров норм феодального права, но и в его активной роли в создании новых правовых

норм, отвечающих новому этапу в развитии феодального общества. В этом проявилась активная роль Судебника как одного из явлений надстройки в укреплении и дальнейшем развитии феодального базиса.

Судебник 1497 г. являлся памятником действующего права до 1550 гг. когда он был заменен Судебником Ивана Грозного. И. И. Смирнов приводит 15 актов за период с 1497 по 1550 г., содержащих ссылки на Судебник Ивана III: 1) 1500 г.: „А судья велел на них взяти по Судебнику" (Архив ЛОИИ, коллекция актов Белюстина, по описанию Курдюмова, № 3, изд. в „Сборнике актов" Н. П. Лихачева, СПб., 1895, стр. 128); 2) 1502 г.: „А доправя исцово велел на них судие вину взять по Судебнику" (РИБ т. XXXII, № 73); 3) 1502 г.: „А судье велел на них вину взяти по Судебнику" (там же, № 76); 4) 1504 г.: „А судье велел на них вину взяти по Судебнику" (АЮ, № 11); 5) 1504 г.: „А судье на нем велел взяти вину свою по Судебнику" (Описание актов собрания А. С. Уварова, Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. Кабановым, под ред. М. В. Довнар-Запольского, М., 1905, № 19); 6) 1504 г.: „А судье на нем велел взяти вину свою по Судебнику" (Архив ЛОИИ, фонд копий грамот Коллегии экономии, по Галичу, № 3337 (7); 7) 1513 г.: „А судье господин митрополит велел взяти на Якове подъем на землю по Судебнику великого князя" (АЮ, № 16); 8) 1531 г.: „А судьям на нем велел взяти пошлину свою по Судебнику" (Архив ЛОИИ, коллекция актов Белюстина, по описанию Курдюмова, № 6, изд. в „Сборнике актов" Н. П. Лихачева, стр. 192); 9) 1535 г.: „...судье на них вины взяти по Судебнику" (А. А. Федотов-Чеховский. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси, т. I, Киев, 1860, № 45, стр. 52); 10) 1536 г.: „А судьям на них пошлина взяти по Судебнику" (там же, № 46, стр. 55); 11) 1539 г.: „Судьям на них пошлина своя (взяти) по Судебнику" (там же, № 49, стр. 64); 12) 1540 г.: „...судье взяти пошлины по Судебнику" (там же, № 53, стр. 74); 13) 1541 г.: „И наместницы наши продажу емлют на душегубце по Судебнику" (Архив ЛОИИ, Собрание актов Антониево-Сийского монастыря, жалованная грамота Ивана IV митрополиту Иоасафу); 14) 1542 г.: „И писаны пошлины взяти по Судебнику" (А. А. Федотов-Чеховский, ук. соч., т. I, № 67, стр. 105); 15) 1547 г.: „А судье на нем пошлина своя взяти по Судебнику (Архив ЛОИИ, фонд копий грамот Коллегии экономии, по Ярославлю, № 1471/13).[1]

СТАТЬИ 1—2

Здесь выступает тенденция к созданию централизованного аппарата управления. По вопросу о значении этих статей в литературе высказано несколько точек зрения. Некоторые авторы думают, что разбираемые статьи

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. Исторические записки АН СССР, т. 24, 1947, стр. 272—273.

говорят о суде приказов, во главе которых стоят бояре или окольничие. Так, В. И. Сергеевич полагает, что статьи 1—2 Судебника прямо указывают на приказный суд. Из статьи 1, — пишет В. И. Сергеевич, — следует, „что есть суд бояр и окольничих, на котором присутствуют дьяки. Но какой это суд, суд приказов, где сидит боярин или окольничий и при нем дьяк, или высший суд над приказами, состоящий из бояр, окольничих и дьяков? Вторая статья того же Судебника дает право думать, что это суд приказов... Надо думать, что о приказном суде говорит и статья 1, стоящая в прямой связи со 2-й“.[1]

Другие авторы не идут так далеко, как Сергеевич, и считают, что на основании статей 1—2 можно говорить не о сложившейся приказной системе, а лишь о переходе к ней. Как указывает М. Ф. Владимирский-Буданов, статья 2 Судебника „составляет переход от личного управления к организации учреждений и вместе с тем от дворцового (вотчинного) характера их к государственному“.[2]

Некоторые исследователи видят смысл статьи 1 в выделении боярского суда из суда княжеского. По мнению Б. И. Сыромятникова, статья 1 свидетельствует о том, что прежний совместный суд князя с боярами превратился в суд бояр от имени князя. Судебник „положительно заявляет, что впредь «суд князя» будут отправлять бояре“. „Прежняя тесная связь между князем и его боярами как бы порывается, *суд бояр* поставлен теперь совершенно самостоятельно, отдельно от князя, который стал уже над этим судом... Бояре судят теперь без князя, но «по княжу слову», т. е. по его делегации“.[3]

В советской исторической литературе статьи 1—2 комментировались И. И. Смирновым. Он указывает, что в статьях 1—2 отразился и старый порядок (боярский суд с докладом князю) и наметился новый принцип суда по приказам. Он „еще подчинен старой форме суда и выступает лишь в виде своего рода дополнения к старому боярскому суду: боярин, которому оказывается по тем или иным обстоятельствам «непригоже управити» жалобщика, должен сказать об этом великому князю, «или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати». Таким образом, старый порядок суда—боярский суд плюс доклад великому князю — оказывается в Судебнике 1497 г. дополненным новым порядком—суда по приказам, но лишь в тех случаях, когда дело не могло быть разрешено обычным, старым путем“.[4]

---

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 2. СПб., 1900, стр. 395.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. СПб.—Киев, 1909, стр. 186.

[3] Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда в древней и новой России. Сб. „Судебная реформа“, под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915, стр. 90.

[4] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 278.

Правильный исторический комментарий к статьям 1—2 может быть да[illegible] только на основе изучения правых грамот, относящихся к тому времен[illegible] когда был введен в действие Судебник. Из этих грамот вырисовывают[illegible] следующие формы суда.

1. Боярский суд, производившийся в конце 90-х годов XV в. московск[illegible] наместником князем И. Ю. Патрикеевым, с участием великокняжеских дьяк[illegible] Этот суд решает дела в окончательной инстанции. Об этом говорит, нап[illegible]мер, правая грамота Симонову монастырю конца XV в.: „Сий суд су[illegible] князь Иван Юрьевич. Тягался архимандрит Фегнаст Симоновского монасты[illegible] с-Ываном с Михайловым сыном Тверитинова... И потому князь И[illegible] Юрьевич архимандрита Фегнаста Симоновского монастыря оправил, а Ив[illegible] Михайлова сына Тверитинова обвинил... А на суде были у князя Ив[illegible] Юрьевича великого князя дьяк Василей Долматов, да Василей Чюбар Бе[illegible]бразов, да великого князя тиун Гаврило Ушаков...“.[1]

Эту форму суда имеет в виду Судебник, когда говорит: „Судити [illegible] бояром и околничим, а на суде быти у бояр и у околничих диаком“.

2. Боярский суд, решавший дела с докладом великому князю, на о[illegible]вании решения которого выносится приговор. См. правую грамоту С[illegible]нову монастырю конца XV в.: „По великого князя слову Ивана Васильев[illegible] всеа Русии суд сий судил князь Иван Юрьевич. Тягался Пречистые С[illegible]новского монастыря архимандрит Зосима, и за всю братью симанов[illegible] старцов, с Ивашком Саврасовым... И князь Иван Юрьевич перед вел[illegible] князем поставя обоих истцов, архимандрита Зосиму и Ивашка, суд [illegible] сказал. И князь великий Иван Васильевич всеа Русии, выслушав суд, [illegible] князю Ивану Юрьевичю пречистые Симоновского монастыря архиман[illegible] Зосиму з братьею оправити..., а Ивашка Саврасова велел обвинити. [illegible] великого князя слову Ивана Васильевича всеа Русии князь Иван Юр[illegible] Пречистые Симоновского монастыря Зосиму архимандрита з братьею [illegible]вил..., а Ивашка Саврасова обвинил. А коли князь Иван Юрьевич [illegible]кому князю Ивану Васильевичу всеа Русии суд свой сказывал, а [illegible] у великого князя был околничей Иван Васильевич Чобот. А на [illegible] у князя у Ивана у Юрьевича были Скряба Морозов, да Василей [illegible] Безобразов, да великого князя тиун Оладия Шишмарев. А подписал[illegible] Василей Долматов“.[2]

Эту форму суда имеет в виду Судебник, когда говорит: „А ко[illegible] жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю...“.

3. Суд судьи, которому специально поручено („приказано“) дело, с [illegible]дом боярскому суду, возглавляемому князем Иваном Юрьевичем Патрик[illegible] В качестве примера приведем правую грамоту Симонову монастырю[illegible]

[1] ГИМ, Рукописное собрание Симонова монастыря, № 58, лл. 147 об.—150 об[illegible]

[2] Там же, лл. 143 об.—147.

XV в.: „Став у речки у Медведицы Ивоня келарь Симоновского монастыря да священник Мантырей, и в архимандриче место симоновского же Фегнастово, судьи Чубару Федорову сыну Безобразову тако ркли: бил челом государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии архимандрит Фегнаст симоновский на Ивана Михайлова сына Тверитинова... И о том государь князь великий приказал князю Ивану Юрьевичю, велел тобя дати судьею... И Чюбар Федоров Безобразов архимандриту Фегнасту и Ивану Михайлову учинил срок стати на Москве перед князем Иваном Юрьевичем... И архимандрит симоновской Фегнаст и Иван Михайлов сын Тверитинов... перед князем Иваном Юрьевичем стали... А коли Чюбар докладывал князя Ивана Юрьевича, а тут был у князя у Ивана Юрьевича князь Федор Алабыш да Третьяк Долматов“.[1]

Эту форму суда имеет в виду Судебник, когда говорит, что „жалобника“ следует направить к тому судье, „которому которые люди приказаны ведати“. Специальными судьями чаще всего бывали писцы.

Подводя итоги анализу приведенного материала, можно сказать, что в статьях 1—2 нет данных, указывающих на оформление приказной системы. Классовая феодальная юстиция осуществляется в основном посредством специального боярского суда в Москве, иногда с докладом великому князю. Но стремление к централизации суда очевидно.

Буржуазная историография стирала классовый характер статей 1—2. Так, И. Д. Беляев трактует ст. 2 Судебника как показатель равенства суда для всех классов общества. „Перед законом, перед судом крестьянин имел равное право с боярином и купцом на покровительство и защиту закона; он мог вчинать иски и на крестьянина, и на купца, и на боярина, и на духовного; равным образом, и боярин или купец и духовный не иначе как судом могли искать на крестьянине“.[2]

Беляев объясняет ст. 2 с неверных, либерально-буржуазных позиций. Выражение „жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа в всемь, которымь пригоже“ надо понимать не так, как понимает это Беляев. Материал для правильной трактовки статьи дают опять-таки правые грамоты. После ликвидации феодальной войны при Василии II и после присоединения к Москве ряда феодальных „полугосударств“ (Ярославля, Новгорода, Твери, Белоозера и т. п.) при Иване III московское правительство стало проводить в присоединенных территориях свою политику: вывод бояр, передачу их земель на поместном праве послужильцам и т. д. Возникали многочисленные внутриклассовые конфликты на почве земельных и других тяжб, обострялись классовые противоречия. Все это ставило на очередь задачу скорейшего и повсеместного разрешения много-

[1] Там же, лл. 150 об.—155 об.
[2] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. М., 1903, стр. 69.

численных тяжб в целях укрепления престижа власти. Судебник долже был в этом отношении наметить известный перелом. Это видно из ряд правых грамот. Например, см. тяжбу 1496 г. между Троице-Сергиевым мона стырем и князем И. К. Оболенским о Почапской земле. На вопрос судьи, почему монастырские старцы „молчали“ в течение многих лет, старцы отве тили: „... мы, господине, ему не молчали, извечивали есмя ему ежоле а он таки, господине, то наше селищо пахал сильно через извет, а при став, господине, к ним в Оболенеск государя великого князя не въежжа а государю, господине, великому князю, игумен и старцы бивали челом одинова, и князь велики, господине, молвит: пождите ми, управлю васс Пока Оболенск был независим, дело не было подсудно княжескому суд Правая грамота оформлена накануне Судебника и уже отражает тенденци к централизации судопроизводства, выраженную в ст. 2.

Феодальный суд Русского государства конца XV—XVI вв. примен ст. 2 в интересах господствующего класса. Требование Судебника „... жало ников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всее которымь пригоже“ давало возможность судьям во время земельных тяж защищая землевладельческие позиции феодалов, отказывать в иске ве щим с ними спор за землю крестьянам именно потому, что они своев менно не искали „управы“. См. правую грамоту конца XV—начала XVI митрополичьей кафедре на волостные пустоши Костромского у. Судья вил в вину крестьянам, что они долгое время не возбуждали земельн иска: „... вы кажете, что то земли великого князя, о чем вы до сех м молчали?“. Крестьяне пытались доказывать, что „они били челом ... велик князю о тех землях многажды, и князь великий не слушает, государя мочно доступити“. Крестьяне проиграли дело, несмотря на то, что у мит поличьего посельского не оказалось даже крепости на землю.[2] К ан гичным выводам приводит анализ правой грамоты 1504 г. митрополичье кафедре по ее делу с черными волостными крестьянами о наволока реке Шексне. Во время судопроизводства имел место такой диалог. С обвинял крестьян: „... о чем есте митрополичим приказщиком и преж архимандриту Генадью столько молчали, того есте наволока ни иска Крестьяне отвечали: „... не молчали есмя, господине, били есмя ч государю великому князю не одинова, и князь великий... кому не прик дати нам в том наволоке розъездщика, и они, господине, перев а розъезщика нам не дадут митрополита для, а дале, господине, и м могли государя доступити“. Крестьяне жаловались на отсутствие „упр

---

[1] Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV XVI в., т. I, составитель С. Б. Веселовский, М., 1952, стр. 507, № 607.

[2] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., под ред. Л. В. нина, ч. 1, М., 1951, № 259, стр. 222—223.

о которой говорит статья 2 Судебника. А судья, исходя из той же самой ст. 2, обвиняет их в том, что они не искали „управы".[1]

Таков заколдованный круг, в котором оказывалось крестьянство, пытавшееся отстаивать свои права в соответствии со ст. 2.

Принцип „давати всемь жалобником управу во всемь", установленный Судебником, указывает на развитие великокняжеского суда (в связи с процессом складывания Русского централизованного государства) в противовес вотчинным сеньериальным судам феодалов (по иммунитетному праву). На протяжении XV в. происходит постепенное стеснение феодальных иммунитетных привилегий великокняжеской властью.

В статьях 1, 2, а также 19 Судебника замечается сходство с Псковской судной грамотой в декларативных заявлениях. Например, в ст. 3 Псковской судной грамоты читаем: „А которому посаднику сести на посадничство, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не мстится ни на кого ж, а судом не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а без исправы человека не погубити ни на суду на вечи". Ср. также статьи 4, 5, 77 этого памятника. Как показано выше, делать отсюда вывод о „равенстве" и „всеобщности" суда нет оснований.

Термин окольничий в ст. 1 имеет, повидимому, значение не просто придворного чина, а одного из судей. По словам Герберштейна, „окольничий представляет собою претора или судью, поставленного государем; кроме того, этим именем называется главный советник, который всегда пребывает при государе".[2] Сведения Герберштейна подтверждаются правыми грамотами, из которых видно, что на боярском докладе в Москве обычно присутствовал окольничий. См., например, правую грамоту Симонову монастырю: „А на суде были у великого князя Дмитрея Ивановича бояре Яков Захарьич, Дмитрей Володимерович, да околничей Данило Иванович, а подписал дьяк Василей Жук".[3]

Печалование — забота, защита, содействие, ходатайство. См. в духовной грамоте Ивана Калиты XIV в.: „А приказываю тобе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми, по бозе ты им будешь печальник".[4] В духовной грамоте московского в. кн. Василия Дмитриевича начала XV в.: „А приказываю своего сына князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тистю великому князю Витовту, как ми рекл, на бозе да на нем, как ся имет печаловати..."[5]

---

[1] Там же, стр. 256.

[2] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 84.

[3] Сборник П. А. Муханова. Изд. 2-е, СПб., 1866 г., стр. 578—579, № 289.

[4] СГГД, т. I, стр. 32—33, № 21; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950 (далее ДДГ), стр. 8, № 1.

[5] СГГД, стр. 82, № 41; ДДГ, стр. 59, № 21.

Посул — плата судье по договоренности с истцом или ответчиком; не конный побор судьи с истца или ответчика, взятка. В Двинской устави грамоте 1397 г. (ст. 6) читаем: „А самосуда четыре рубли, а самосуд кто изымав татя с поличным, да отпустит, а собе посул возмет, а наме ники доведаются по заповеди, ино то самосуд, а опрочь того самос нет“. Там же, в ст. 8: „...а черес поруку не ковати, а посула в желе не просити; а что в желсзех посул, то не в посул“.[1] В договоре Новгор с князем Борисом Александровичем тверским 1446—1447 гг.: „А приве тферитина с поличним к новгорочкому посаднику или к новоторжско судити его по хрестному человanью, а посула не взяти с обе половин В Псковской судной грамоте (ст. 4): „...а тайных посулов не имати князю, ни посаднику“; (ст. 48): „...а кто почнет на волостелех пос сачить, да и портище соймет, или конь сведеть, а молвит так: в пос есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял коня свел“.[3] В Новгородской судной грамоте (ст. 26): „...а докладши от доклада посулу не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью крестному целованью“.[4] В Губной московской записи второй половины X „посул“ — плата судье истцом или ответчиком по договоренности: „.. посулят болшему наместнику, а двема третником то же; а тиуну велик князя что посулят“.[5]

В „Сказании о Магмете-салтане“ И. С. Пересветов осуждает взима судьями неправильных „посулов“-взяток: „...да по мале времени обы царь судей своих, как они судят, и на них довели пред царем злоемс что они по посулом судят“.[6] В „Сказании о царе Константине“ того Пересветова речь идет о „вельможах“, которые „неправедными суды сво емлючи посулы со обоих стран, с правого и с виноватого, и казны наполнили златом, и сребром, и многоценным камением, нечистым с собранием“.[7]

Мстити судом — из мести решать дело неблагоприятно для тяжуще сводить на суде личные счеты. См. договор Новгорода с в. кн. Яросл Ярославичем конца XIII в.: „...не мщати ти ни судомь, ни чим же“.[8]

Жалобник — жалующийся, приносящий жалобу в суд, являющийся ваться. См. рассказ И. С. Пересветова о том, как вельможи царя Кон тина „мир от царя отбивали, и жалобников к царю не припущали, и уп

---

[1] ААЭ, т. I № 13; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. М—Л., 1949 (далее ГНП), стр. 145, № 88.

[2] СГГД, т. I, стр. 24, № 18; ГНП, стр. 37, № 20.

[3] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота. М., 1951, стр. 136, 158.

[4] ААЭ, т. I, № 92.

[5] Там же, № 115.

[6] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908, стр. 72.

[7] Там же, стр. 70.

[8] СГГД, т. I, стр. 4, № 3; ГНП, стр. 13, № 3.

в царстве Констянтинове никому не было от вельмож Констянтиновых".[1] Можно думать, что здесь прямо имеется в виду ст. 2 Судебника 1497 г. Сообщение Пересветова, что жалобы „мира" — крестьян — не доходили до царя и „жалобники" не получали „управы", подтверждается разобранными выше правыми грамотами.

СТАТЬЯ 3

Статья определяет размеры пошлин, которые могут взимать с признанного по суду виновным судьи, разбиравшие дело. В ряде правых грамот находим ссылки на эту статью. Наряду с термином „пошлина", обычно употребляется термин „вина". См. в примечании к статьям 1—2 выдержки из правых грамот (со ссылками на Судебник), приведенные И. И. Смирновым.

О взимании пошлин с дела пропорционально цене иска говорят и другие памятники права XIV—XV вв. См. в Двинской грамоте: „А кого утяжут в рубле, и наместником вины полтина, а того боле или менши, ино по тому ж".[2] Размеры пошлин по Судебнику значительно понижены по сравнению с Двинской уставной грамотой. В Новгородской судной грамоте: „А посаднику, и тысесскому, и их судьям, и иным судьям имати от суднаго рубля по семи денег...".[3]

Повидимому, статья 3 Судебника 1497 г. направлена против Московской губной записи, в основе которой, как можно предполагать, лежат Судебники Софьи Витовтовны и Василия II.[4] Согласно губной записи вознаграждение судье шло в размерах, установленных им самим по договоренности с тяжущимися („посул"). Создание централизованного государства требовало упорядочения судебных сборов.

СТАТЬИ 4—7

В этих статьях, выделенных в тексте памятника особым заголовком, речь идет о взимании судьями судебных пошлин с виновного в том случае, когда дело решается „полем".

Поле — судебный поединок (древняя форма решения тяжбы силой, путем состязания противников). Очень много о нем говорит Псковская судная грамота (см. статьи 10, 13, 17, 18, 21, 36, 37, 101, 117, 119).[5] Обычная формула судебного поединка, которую дает Псковская судная грамота, такова: ответчик „хочет сам поцелует, или на поле с ним (истцом) лезет, а хочет — ему у креста положит" (ст. 18). Это значит, что на усмотрение

---

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 66.

[2] ААЭ, т. I, № 13; ГНП, стр. 145, № 88.

[3] Там же, № 92.

[4] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., стр. 348 и сл.

[5] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 138—192.

ответчика предоставляется: 1) или принести путем крестоцелования присягу в своей правоте, 2) или решить дело с истцом посредством судебного поединка, 3) или выложить цену иска и предоставить присягу истцу. Лицам престарелым, малолетним, монахам и монахиням дается право выставлять вместо себя на „поле“ наймитов (ст. 36). Псковская судная грамота предусматривает возможность того, что, истцы помирятся до „поля“ (ст. 37)). Вероятно, такие же формы были свойственны „полю“ и в Москве. Осуждение „поля“ как узаконенного средства разрешения судебных споров находим в „челобитной“ И. С. Пересветова: „...и во обидах присужают поля, и в том на обе стороны много греха сотворяют, крест целуют на виновате обои исцы и ответчики: один, приложив, ищет к своей обиде, а другой всее обиды запрется, и в том обои в гресех погибают...“.[1] В другом месте Пересветов выступает против связанного с полем крестоцелования. Вельможи царя Константина „неправду судили и обоим по своей вере по християнской целование судили, правому и виноватому; а они оба не правы, один бою запретца, рек так: не бил есми его и не грабливал, а другий бою для своего да грабеж приложит, да оба крест поцелуют, да бог изменят...“.[2] Максим Грек протестует против обычая выставлять на поле вместо тяжущихся, наймитов („полевщиков“). „Повелено убо, — говорит Максим Грек, — оружии разсудитися тяжбе: взыскуется от обою достобрани ен полевщик, взыскуется от обидящаго и чародей и ворожея, иже возможет действом сатанинским пособити своему полевщику“.[3]

Судебник различает три возможных исхода судебного поединка: 1) тяжущимся будет присуждено поле, но они, не выйдя на поединок, окончат дело миром; 2) тяжущиеся примирятся, уже выйдя на судебный поединок; 3) поединок состоится. В зависимости от того, как разрешится (в трех возможных направлениях) поле, изменяется и величина судебных („полевых“) пошлин, следуемых судьям. Памятники псковского и новгородского права также различают состоявшийся поединок от случая примирения или во время него, соответственно варьируя судебные пошлины. См. Псковскую судную грамоту (ст. 37): „...а виноватому платить и княжа продажа и приставное двема приставом, толка побьются, по 6 денег, а толко прощение возмут, ино приставом по 3 денги; а князю продажи нет, ож истчего не возможет“. В договоре Новгорода с Казимиром IV 1470—1471 говорится: „А сведется поле новгородцу с новгородцом, ино наместнику твоему взяти от поля гривна, а двема приставом две денги, а учнут ходи за сречкою на поле, ино взяти твоим приставом две денги“.[4]

---

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 61—62.

[2] Там же, стр. 72.

[3] Сочинения Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии, ч. Казань, 1860, стр. 202.

[4] ААЭ, т. I, № 87; ГНП, стр. 131, № 77.

Из сохранившихся правых грамот вытекает, что поле имело сравнительно ограниченное применение. В ряде случаев тяжбы решаются не посредством поединка, а на основании показаний свидетелей (знахорей), старожильцев, данных письменных документов (крепостей) и т. д. Инициативу решения дела поединком, как явствует из правых грамот, обычно проявляет не судья, а кто-либо из тяжущихся или их „знахори" (свидетели). См. правую грамоту 1504 г.: „И Ивановы (одного из тяжущихся) старожилци... так ркли: господине судья, то, господине, послухи (послухи другой стороны) лживые, дай нам, господине, с ними божью правду, целовав крест, да лезем с ними на поле биться. И судья спросил Гаврилковых (другого тяжущегося) старожильцев: А вы лезете ли с ними на поле биться? И... (они) так ркли: целовав, господине, крест, лезем с ними на поле биться".[1]

Отказ кого-либо из тяжущихся биться на поле влек за собой обвинительный приговор суда в отношении этой стороны. В правой грамоте XV в. Симонову монастырю на селища Коломенского у. указано, что монастырские власти выиграли тяжбу у черных крестьян, потому что „старожильцев у них не было и за поле не поимались, а сами они истцы и старожильцы".[2]

Аналогичный случай представлен в правой грамоте Ферапонтову монастырю от апреля 1502 г.: истец выигрывает дело, потому что „знахори за поле ся не поимали".[3] Но сохранившиеся грамоты свидетельствуют, что, как правило, дело до поля не доходило, даже в случае вызова одной стороны и согласия другой. Известен случай, когда в середине XV в. в. кн. Василий II назначил поле по делу о спорных землях между княгиней Евфросиньей и великокняжескими крестьянами. „И Василей (судья) поставил истьцов обоих и знахорей обоих перед великым князем и доложил о том великого князя. И князь великы вспросил истцов и мужей: был ли вам таков розъезд и суд о тех землях перед Васильем? И истьци и знахори обои так ркли: таков, господине, был нам розъездь и суд. И князь велики велел Василью присудити им поле". Но поле не состоялось. Княгиня Евфросинья своим крестьянам „на поле лести не велела битися, ни их знахорем, а отступилась тех земль..., а положила княгиня Офросинья на душах на тех сотницех и на хрестьянех, на тутошних старожильцех, которые в тех землях живали".[4] Таким образом, вместо поля прибегли к показаниям старожильцев. Согласно другой правой грамоте

[1] Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым, под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, М., 1905, стр. 21—24, № 19.

[2] Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 10—11, № 19.

[3] Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр. 131—137, № IV; РИБ, т. XXXII, стр. 101—103, № 73.

[4] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV—XV вв., М., 1883, стр. 109, № IV/1.

1498 г. митрополичьей кафедре, тяжущимся было присуждено поле. Вви того, что один „знахорь" истца не стал на срок к полю, эта сторона пр играла дело без поединка. Князь Дмитрий Иванович, внук Ивана „ищею... велел обвинити, потому что их третей знахорь... на ср у поля не стал, и велел на них судье взяти полевые пошлины и убыт что от списков давано".[1]

Герберштейн так описывает судебную тяжбу, заканчивающуюся пое ком или полем: „Представленный на суд виновный по большей части о цает возводимое на него обвинение. Если истец приводит свидетелей, спрашивают обе стороны, желают ли они положиться на их слова. На обыкновенно отвечают: „Пусть свидетели будут выслушаны по справе вости и обычаю". Если они свидетельствуют против обвиняемого, то о няемый немедленно вступается и возражает против свидетельств и говоря: „Требую назначить мне присягу, вручаю себя правосудию бо и требую поля и поединка". И, таким образом, им, по отечественному чаю, назначается поединок.[2] Описание Герберштейна, в основном, соо ствует порядку, который рисуют нам правые грамоты. Только надо раз подчеркнуть, что назначение поля часто имело лишь показател формальное значение.

Недельщик — ~~пристав~~, должностное лицо, в обязанность которого вх вызов в суд сторон ~~и исполнение решения с~~уда. В качестве агентов фео ных судебных органов недельщики играли большую роль в охране инте господствующего класса. Герберштейн так определяет функции недельщ „...недельщик есть до известной степени общая должность для тех, зовет людей на суд, хватает злодеев и держит их в тюрьмах; и недель принадлежат к числу благородных". В другом месте Герберштейн п „...всякий, желающий обвинить другого в воровстве, грабеже или уби отправляется в Москву и просит позвать такого-то на суд; ему даетс дельщик, который назначает срок виновному и привозит его в Мос Сведения Герберштейна подтверждаются данными правых грамот. См вую грамоту 1503 г. Спасо-Евфимьеву монастырю: „И потому Борисович (судья) ...велел... (на ответчике) великого князя неде Гриде Светикову ищее старцу Александру полдесята рубля денег... вити".[4] Правая грамота 1528 г. митрополичьей кафедре упоминает н щика Данилу Трофимова, который доставляет на суд ответчиков и „п на них „истцов иск".[5]

---

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 111, № 117.

[2] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 84.

[3] Там же, стр. 84—85.

[4] АЮ, стр. 19—20, № 10.

[5] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 194—197, № 222.

Вясчее, вязчее — пошлина, смысл которой недостаточно выясняется из источников. В договорной грамоте Новгорода с в. кн. Михаилом Ярославичем начала XIV в. читаем: „а вязчего не пошло по Новгородьской волости, то судиям твоим отложити“.[1] В Двинской уставной грамоте 1397 г. говорится: „А друг у друга межу переорет или перекосит на одином поле, вины боран, а межы сел межа тритцать бел, а княжа межа три сороки бел, а вязбы в том нет“.[2] Можно думать, что наиболее употребительное значение вязчего — пошлина за наложение оков на ответчика, доставляемого в суд. Значение вязчего в Судебнике, очевидно, иное. По Герберштейну, вязчее — пошлина „вязчему“, тому, „кто сводит обе стороны на предписанных условиях на поединок“. Вряд ли было особое должностное лицо — вязчий. На основании Судебника и его интерпретации Герберштейном, можно думать, что вязчее — особая пошлина, шедшая недельщику за организацию „поля“. В этом же смысле употребляет термин „вязчее“ и губная московская запись: „... а у поля ему (большому московскому наместнику) вяжщого треть, а пересуда треть же, да что посулят“.[3]

Противень — в данном случае пошлина. В этом значении термин „противень“ фигурирует в „Сказании о Магмете-салтане“ И. С. Пересветова: „А суд им дал полатной на всякой град без противня“.[4] См. в жалованной грамоте княгини Марии Ярославны Покровскому монастырю 1450 г.: „...не надобе с них ни противень, ни площькы, ни тамга, ни домытницы, ни иные им никоторые пошлины не надобе...“.[5] В грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1453 г.: „...а которой соли противень есть, а сей соли монастырьской противня нет“.[6] О „противне“ Судебник говорит в трех статьях (6, 8, 38). В ст. 6: „А побиются на поли в заемном деле или в бою, и боярину с диакомь взяти на убитом противень противу исцева“. В ст. 8 говорится о смертной казни за татьбу, разбой, душегубство или ябедничество и затем прибавлено: „...а противень и продажа боярину и диаку делити“. В ст. 38: „А имати ему с суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам“... Из сопоставления всех этих статей вытекает, что „противень“ — это пошлина, взыскивавшаяся в пользу судебных органов с признанного по суду виновным. Размеры „противня“ не известны.

Убитый — побитый, избитый. Судебник называет побежденного на „поле“ убитым, но из контекста ясно, что он убит не „до смерти“. По этому по-

---

[1] СГГД, т. I, стр. 14, № 11, ГНП, стр. 18, № 7.
[2] ГНП, стр. 144, № 88.
[3] ААЭ, т. I, № 115.
[4] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 73.
[5] АИ, т. I, стр. 97—98, № 49.
[6] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 172, № 245.

воду Б. И. Сыромятников замечает: „...первоначально поле всегда кон- лось (как и родовая месть) смертью, по крайней мере, одной сторо и спор таким путем находил свое естественное завершение, позднее однако, достаточно было простого преодоления противника („изнеможет который тем самым признавался проигравшим процесс“.[1] Это высказыва Сыромятникова вызывает возражения. Убитый — побитый, избитый, но не смерти. „Убитый“, в современном понимании, т. е. умерший насильствен смертью, на древнерусском языке — убитый до смерти. См. правую грам середины XVI в. митрополичьему монастырю: люди помещика Чуд Акинфова, „ухватив “митрополичьего крестьянина Добрынку Андрева, нач его „бить“ и „собакам травить“, и без вести его, убив до смерти, не вед где дели“.[2]

Исцево, истцово — иск, предъявляемый истцом ответчику, цена и См. в жалованных грамотах: „А истцово на виноватом доправят“.[3]

Доспех — вооружение. Согласно Псковской судной грамоте, „дос с „убитого“ шел в пользу того из тяжущихся, который одолевал св противника на „поле“: „...а которому человеку поле будет с суда, а на поле, истец поможет своего исца, ино ему взять, чего сачил на ис а на труп укуп не имати, толка ему доспех сняти, или иное што, в че поле лезет“ (ст. 37).

СТАТЬЯ 8

Речь идет здесь о случаях применения смертной казни. Феодал право, охраняя интересы господствующего класса, подводило под пон „лихого дела“ преступления против жизни и собственности. Класс смысл Судебника заключался в мобилизации сил феодалов для подавл выступлений непосредственных производителей, для борьбы с крест скими волнениями. С усилением аппарата власти в процессе преодо феодальной раздробленности и создания централизованного госуда суровые наказания для уголовных преступников (смертная казнь) с вятся более распространенными. Как указывает И. И. Смирнов, Суде „ставит вопрос о «казни» ведомых лихих людей в общей и абсолю форме, без ограничений и оговорок“. „Весь процесс судопроизво сводится лишь к установлению того, что преступник—«ведомый лихой век». Раз этот факт установлен, то это исчерпывает вопрос о винов преступника, который подлежит безусловному наказанию — смер казни...“.[4]

---

[1] Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда древней и новой России, стр

[2] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 17.

[3] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 179, № 250.

[4] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 288.

Случаи применения смертной казни рассмотрены Герберштейном. Он говорит, что русские „строго применяют меры правосудия против разбойников... Кража редко карается смертию, даже и за убийства казнят редко, если только они не совершены с целью разбоя".[1]

Статья говорит о применении следственного процесса для установления виновности в „татьбе".

Татьба (нарушение прав феодальной собственности) — в ряде случаев одна из форм социального протеста, усиление которого и делает следственный процесс одной из главных форм судопроизводства.

Доведут — расследуют преступление, выявят виновность, донесут на преступника. Глагол „довести" происходит от слова „довод" — расследование преступления. См. договорную грамоту в. кн. Симеона Ивановича с братьями середины XIV в.: „А вольным слугам воля, кто в кормленьи бывал и в доводе при нашем отци и при нас".[2] Отсюда же термин „доводчики" — лица, принадлежавшие к аппарату наместников и посылавшиеся для расследования обстоятельств совершения преступления. Обычной для княжеских жалованных грамот является формула: „А доводчики их (наместников) поборов своих у них (землевладельцев) не берут и не въежают к ним ни по что".[3]

Лихое дело — уголовное преступление, от слова „лихо" — зло, злой умысел. См. в духовной грамоте в. кн. Симеона Ивановича 1353 г.: „А лихих бы есте людей не слушали и хто иметь вас сваживати".[4]

В междукняжеских договорных грамотах XIV—XV вв. обычно встречается формула: „...а что ти слышев о нашем добре или о лисе от крестьянина или от поганина, то ти нам поведати вправду, без примышленья, по целованью, без хитрости".[5] В договоре Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем 1402 г. читаем: „...а где будешь хотя послал на наше лихо, а тамо ти отослати".[6] В грамоте митрополита Симона конца XV — начала XVI в. указано, что крестьяне Славцовской волости Владимирского у. „вступаются" в землю домовного митрополичьего монастыря. Митрополит Симон обращается к славцовскому волостелю Оладье Блинову: „...и ты б, сыну, ...лихих бы еси людей поунял, чтобы церкви божией не обидели, а в землицу бы в церковную не вступались".[7]

Под понятие „лихого дела" источники обычно подводят разбой, душегубство (убийство), татьбу (воровство), ябедничество. В грамоте в. кн. Ва-

---

[1] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 80—82.
[2] СГГД, т. I, стр. 36, № 24; ДДГ, стр. 12, № 2.
[3] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 76, № 71.
[4] СГГД, т. I, стр. 38, № 24; ДДГ, стр. 14, № 3.
[5] Там же, стр. 62, № 35; ДДГ, стр. 37, № 13.
[6] СГГД, т. I, стр. 65; ДДГ, стр. 53, № 19.
[7] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 173—174.

силия II митрополичьему дому 1453 г. читаем: „Говорил ми здесь оте мой Иона митрополит киевский и всеа Руси о том, что деи ваши (княз ские и боярские) люди ездят в митрополичи села по празником, и по пир и по братшинам незваны, а в них деи чинится душегубства, и тать и иных лихих дел много...".[1] В жалованной грамоте Ивана III Троице-С гиеву монастырю 1485 г.: „...что ми били челом о том, что деи крестьяном Илеменьским (Верейского у.) от моих людей, и от борович, и кременьчан, и от медынчан, и от иных моих тамошних людей лиха чини много, татбы и розбои, и яз дал... пристава Сенку Кулпу".[2]

Несколько труднее выяснить, что́ имеет в виду Судебник под сло „ябедничество". В жалованной грамоте князя Михаила Андреевича Бе зерского Кириллову монастырю 1455 г. читаем: „...что которые обиды дуть их людем монастырьским от моих людей какою обидою, татьбою, поклепом, и наводом, или иными которыми делы, и яз было о тех делех с учинил им...".[3] Если поставить знак равенства между терминами „ябе чество" и „поклеп", то можно предположить, что оба слова означают стную клевету с вымогательской целью обвинить в преступлении неви ного.

Такое толкование „ябедничества" подтверждается данными, извле мыми из сочинений Максима Грека и И. С. Пересветова. Первый рас зывает о подкидывании трупа во двор, с целью обвинить жителей дан двора в убийстве и завладеть имуществом обвиняемых. „...Толико пре лела иудейскаго сребролюбия и лихоимания страсть посылаемым от б зернаго царя во градех судиям и анфипатом, яко поволити своим сл всякия неправедныя вины замыслити явственне и неявленне на иму имения, или пометанием разным в домы их в нощи, или мертваго чел труп привлекшим, оле величества нечестия их, пометати посреди стогн яко праведно бытто мстители убитаго извет имут не едину улицу, но ону часть града истязати об убийстве оном и сребро много себе соб от сицевых корыстований неправедных и богомерских".[4] О таком же брасывании в вымогательских целях тела мертвого человека упоми Иван Пересветов. Он приписывает это злоупотребление вельможам Константина: „А велможи царьския на городех и на волостех домышл лукавством своим и дьяволским прелщением мертвых из гробов новог беных выгребати татем, и гробы тощи загребати; да того мертвого чел рогатиною исколовши, или саблею изсекши, да кровию измажут, да того человека в дом подкинут, да исца ему ябедника поставят, ко

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 170, № 187.
[2] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 390, № 516.
[3] ДАИ, т. I, стр. 351, № 195.
[4] Сочинения Максима Грека, ч. 2, стр. 199—200.

бога ни мала не знает, да осудивши его неправым судом, да подворье его и богатство соудом розграбят".[1]

Смертная казнь. Слово „казнь" без обозначения „смертная" употребляется в общем смысле „наказания". В жалованной грамоте Василия I митрополичьей кафедре 1425 г. читаем: „...а татя и розбойника оба судьи содного казнят, а которой судья не имет казнити, тому быти от меня самому кажнену".[2] В жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю: „А кто ся сее моей грамоты ослушает, и ему быти от меня в казни".[3] В договорной грамоте рязанских князей 1496 г.: „...а тобѣ, великому князю, в душегубстве, и в разбои, и в татбе с поличным, и в протаможьи, и в какове деле ни буди моих людей судити и казнити воля во всем".[4]

Во всех приведенных случаях не указывается, что дело идет о „смертной казни". Однако смертная казнь в качестве обязательной меры наказания за ряд преступлений не установлена впервые Судебником. О смертной казни говорят и более ранние памятники права.

Выше было указано, что усиление репрессий в отношении нарушителей феодального права, под которыми Судебник имеет в виду крестьян, боровшихся с феодальным гнетом, вызвано укреплением позиций господствующего класса в связи с государственной централизацией. Установления Судебника находят полное признание в дворянской публицистике. Дворянство было заинтересовано в создании крепкого государственного аппарата, стоявшего на страже его классовых интересов, охранявшего личную безопасность и неприкосновенность имущества. И. С. Пересветов в „Сказании о Магмете-салтане" указывает: „А станетца татба в войску или разбой..., ино на таковыя лихия люди, о тати и о розбойнике обыск царев живет накрепко... А татю и разбойнику у царя у турецкого тюрмы нет, на третей день его казнят смертною казнью для того, чтобы лиха не множилося; лише опалным людем тюрма до обыску царева".[5] В том же „Сказании о Магмете-салтане" И. С. Пересветова речь идет и о других мероприятиях турецкого султана в отношении „лихих людей": „...и по городом у него те же десятцкие уставлены, и сотники, и тысяцкие на лихие люди, на тати, и на разбойники, и на ябедники, и где хово обыщут лихово человека, татя, или разбойника, или ябедника, тут его казнят смертною казнью".[6]

Статок — имущество. Из жалованной грамоты Василия II митрополиту Ионе 1448—1461 гг. узнаем, что княжеский боярин обвинил Левку Саве-

---

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 66.
[2] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 186, № 211.
[3] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 122, № 166.
[4] СГГД, т. I, стр. 328, № 128; ДДГ, стр. 340, № 84.
[5] В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 76.
[6] Там же, стр. 76—77.

лова, пасынка Обрядина, по его делу о разбое с митрополичьими кресть
нами и „выдал“ им Левку „головою“. Тот убежал. „И яз, — пишет в. к
Василий II, — тех его (митрополичьих) христиан пожаловал того Левка сста
ком, и конми, и животиною, и рожью, и ярью, и что ни есть того Лев
сстатка, тем есмь всем тех митрополичих христиан пожаловал, и в того (
статок Левков нихто ся не вступал“.[1]

Продажа — термин, встречающийся еще в Правде Русской и означающ
штраф за преступление уголовного характера. В этом же смысле сло
„продажа“ упоминается в Псковской судной грамоте. См. ст. 1: „Се с
княжей. Ож клеть покрадут за зомком, или сани под полстью, или воз п
титягою, или лодью под полубы, или вь яме, или скота украдают, или се
сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег; а разбой, нах
грабеж 70 (9?) гривен, а княжая продажа 19 (10?) денег да 4 денги кня
и посаднику“. Ст. 37: „А которому человеку будет поле с суда..., а то
прощение возмут, ино приставом по 3 денги, а князю продажи нет,
истец чего не возможет“. Ст. 52: „... а на татии и на разбойники
чего истец не возмет, и князю продажа не взяти“. Ст. 80: „... а
с ким побьется во Пскове, или на пригороде, или на волости на пиру,
где инде, а толко приставом не позовутся, а промеж себе прощенье возм
ино ту князю продажи нет“. Ст. 96: „... а где учинится головшина, а д
чат коего головника, ино князю на головникох взять рубль прода
Ст. 97: „... а штобы сын отца убил, или брат брата, ино князю прода
Ст. 111: „... а кто пред господою ударит на суде своего истьца, ино
в рубли выдать тому человеку, а князю продажа“.

Статья 8 Судебника отличает „продажу“ как штраф за уголовное
ступление от „противня“ как пошлины с судопроизводства.

Гибель, гыбель — убыток, потеря, в результате кражи, нарушения
собственности. См. жалованную грамоту Василия I нижегородскому Бл
вещенскому монастырю 1423 г.: „А у кого учинится какова гибель, и
пригонит какой след на монастырские земли Спасские к кому на чью зе
и государь тое земли обрез у него возьмет да следом ведет, а не се
следу с своее земли, и гибелщик у него обыщет двор и поимает, а не
мет поличного, ино у него гибель пропала, а тому государю гибел
платить, у кого ся след утеряет, а кого позовут на след, а он на сл
пойдет, или обреза не возмет, и тому та гибель платить“.[2]

В грамоте Ивана III митрополичьей кафедре 1504 г.: „А хто к ним
едет на пиры и на братшины незван, и они того вышлют вон безп
а хто у них учнет пити сильно, и учинится у них туто какова ги
и тому то платити вдвое без суда и без исправы“.[3]

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 108, № 116.
[2] Там же, стр. 202, № 230.
[3] Там же, стр. 199, № 224.

Дворский — представитель княжеской администрации, возглавлявший управление дворцовым персоналом княжеских слуг. В духовной грамоте князя Владимира Андреевича серпуховского начала XV в. читаем: „. . .а бояром и слугам кто будет не под дворьским, волным воля, а судом и данью потянути по уделом, где кто жывет. А кто будет под дворским слуг, тех дети мои промеж собя не принимают, ни от сотников“.[1]

Дворские были в отдельных городах. В грамоте митрополита Геронтия владимирским бортникам 1478 г. читаем: „. . . дворские мои володимерские не наряжают им дела моего никакова, ни кормов своих на них не емлют“.[2]

Дворские ведали сбором и раскладкой податей. См. жалованную грамоту Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1425 г.: монастырские люди „ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику не тянути ничем“.[3] В договорной грамоте Василия Ярославича боровского с Василием II второй четверти XV в.: „. . .а которые слуги потягли к дворьскому, а черные люди к сотцкому при твоем отце при великом князи, а тех вам и мне не примати“.[4]

СТАТЬЯ 9

Статья касается, как и статья 8, преступлений, караемых смертной казнью. В противоположность ст. 8, здесь речь идет не только об уголовных, но и о политических преступлениях, преступлениях против государственной власти. Имеются в виду заговоры боярства против крепнувшей государственной власти, различные формы оппозиции против господствующей феодальной церкви и особенно выступления зависимого крестьянства и городской бедноты как акты классового антифеодального протеста.

В основе ст. 9 Судебника лежит статья 7 Псковской судной грамоты: „А кримскому татю, и коневому, и переветнику, и зажигалнику, тем живота не дати“.

Государский убойца — не убийца государя (феодального монарха), а крестьянин, убивший своего владельца. Именно так переводит это выражение Герберштейн: „убийцы своих господ“. Слово „государь“ в памятниках XV в. часто упоминается в значении землевладельца и владельца крестьян. См. Псковскую судную грамоту, ст. 42: „. . . а которой государь захочет отрод дати своему зорнику. . .“. Ст. 44: „. . . а государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своей покруты и сочить. . .“. Ст. 51: „. . . а коли изорник имет запиратся у государя покруты. . .“.

---

[1] СГГД, т. I, стр. 77—78, № 40; ДДГ, стр. 48, № 17.

[2] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. I, стр. 198, № 214.

[3] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 49, № 44.

[4] СГГД, т. I, стр. 92, № 45; ДДГ, стр. 71, № 27.

Коромольник. Герберштейн переводит это слово как „предатель крепости“. Однако вряд ли следует так уточнять значение термина. Вернее понимать его в более общем смысле: изменник, заговорщик. См. в договорной грамоте в. кн. Симеона Ивановича с братьями середины XIV в.: „А что Олексей Петровичь вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детий, и не надеятись ны его к собе до Олексеева живота“.[1]

Церковный тать. Имеется в виду, судя по переводу Герберштейна, не просто похищение церковного имущества, а святотатство.

Головная татьба. Это выражение объясняют как кражу холопов.[2] Подобное толкование основано на переводе Герберштейна („похитители людей“) и подтверждается терминами „головное серебро“, „головные кабалы“ (т. е. долговые документы, оформляющие зависимость кабальных холопов). В то же время возможно и иное толкование текста, если производить термин „головная“ от слов „головщина“, „головшина“ — убийство, обвинение в убийстве, „головник“ — убийца. См. Псковскую судную грамоту (ст. 96): „. . . а где учинится головшина, а доличат коего головника, ино князю на головникох взять рубль продажи“, (ст. 98): „. . . а которой человек с приставом приедет на двор татя имать и татбы искать, или должника имать, а жонка в то время детя выверже, да пристава учнет головшиной окладати или исца, ино в том головшины нет“.[3] Итак можно думать, что „головная татьба“ — воровство, сопровождавшееся убийством.

Как показывает изучение судных дел, „укрывательство людей“ (холопов) не влекло за собой смертной казни для виновных в этом преступлении. В качестве примера приведем правую грамоту последней четверти XV в. по делу Храпа Олтуфьева с „паробком“ Сергейцом Василовым сыном. Истец Храп Олтуфьев обвинял ответчика в подговоре от него к побегу холопов: „. . . подбаел моих холопов обельных трех. . . и увел их. . . за рубеж“. Ответчик Сергеец Василов признал правильным предъявленное ему обвинение: „подбаел есмь, господине, у Храпа трех холопов. . . обельных и отвел их за рубеж, и ныне, господине, не ведаю, и где учнут живите его холопи, виноват есмь, господине“. Суд вынес приговор о передаче Сергейца Василова Храпу Ольтуфьеву в полные холопы: „. . . выдали того Сергейца Храпу в польницу обель в тех холопех“.[4]

---

[1] СГГД, т. I, стр. 37, № 23; ДДГ, стр. 13, № 2.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 351.

[3] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 182.

[4] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков, М., 1[illegible] (в дальнейшем: Акты Юшкова), стр. 28—29, № 30.

Подметчик. Герберштейн переводит этот термин так: „...те, кто тайно относят имущество в чужой дом и говорят, будто оно у них украдено, так называемые подметчики". Исходя из этого, можно думать, что слово „подметчик" совпадает по своему значению со словом „ябедник". См. примечание к предшествующей статье. Однако возможно, что в данной статье, где речь идет о политических преступлениях, „подмет" означает шпионаж, разглашение секретных сведений („подметное письмо").

Зажигальник. Вряд ли это слово можно толковать в общем смысле, как всякого поджигателя.

Н. Л. Дювернуа отмечает, что не всякий поджог карался смертной казнью. Так, он приводит правую грамоту от 30 июня 1503 г.,[1] согласно которой судья выдает потерпевшему поджигателя, крестьянина Михаила Жука, за сожжение им монастырской деревни, „в пяти рублях, до искупа".[2] Пример, приведенный Дювернуа, не является единственным. См. также правую грамоту 1528 г. московской митрополичьей кафедре по обвинению „человека" В. Б. Неронова и других в нападении на митрополичьих детей боярских и сожжении митрополичьего двора. Обвиняемый показал, что „велели (ему) тот двор зжечи" „государи" его Василий Бундов Неронов с братьями. По решению суда, было велено „доправить" на ответчиках „истцов иск" в сумме 33 рублей с четвертью и 5 рублей за сожженный двор.[3]

Итак, статья 9 имеет в виду не простой поджог. По Герберштейну, в ст. 9 речь идет о тех, „кто поджигает людей". Исходя из этого перевода, можно видеть в зажигальнике лицо, совершившее поджог города. Вопрос о поджигальщиках получил, например, большое значение в связи с пожарами в Москве в 1547 г. Поскольку статья 9 называет ряд политических преступлений, можно предположить, что здесь имеется в виду поджог города с целью предать врагу (см. трактовку этого вопроса в Соборном Уложении).

В целом статья 9 говорит о наказаниях за преступления против государства как органа господствующего класса и против официальной господствующей церкви. Статья 9 карает также крестьян за выступления против своих господ. Эта статья показывает, что в XV в. усилилась борьба крестьянства против феодалов и феодальной собственности, увеличились антифеодальные крестьянские выступления. Из ст. 9 Судебника 1497 г., через соответствующую (61-ю) статью Судебника 1550 г., выросли первая и вто-

---

[1] АЮ, № 10.

[2] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М., 1869, стр. 288.

[3] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 194—197, № 222.

рая главы Соборного Уложения 1649 г., посвященные охране безопасности феодальной церкви и государства.

СТАТЬИ 10—14

В этих статьях Судебник устанавливает, помимо смертной казни, и другие наказания за преступления, затрагивающие интересы господствующего класса феодалов, именно за нарушение права феодальной собственности.

Статьи эти представляли собой, возможно, первоначально самостоятельный устав, включенный затем в текст Судебника 1497 г. Может быть, перед нами лишь фрагмент такого устава. В этом уставе была сделана попытка организации борьбы с татями, нашедшей свое законченное выражение в последующих губных учреждениях 30-х годов XVI в. Смысл губных учреждений — в предоставлении местному дворянству полноты власти по борьбе с нарушителями права феодальной собственности. Кроме представителей дворянства, обладавших полномочиями по выявлению „татей", должны были привлекаться к этому делу и представители черносошного крестьянства („добрые христиане целовальники"). Эти же социальные силы привлекаются к выявлению „татей" и по Судебнику 1497 г., хотя суд по делам о „татьбе" производит великокняжеский судья, а не губные старосты, как впоследствии.

Действительно, статьи 10—14 Судебника 1497 г. очень близки по своему содержанию к соответствующим постановлениям губных грамот XVI в. В последних говорится: „А с татьми бы есте управу чинили: которого татя поимают и приведут к вам, к старостам к губным, а поимают его в волости или в котором селе, и вы б, старосты губные, того татя судили с волостели тех волостей; а коли не будет в тех волостех волостелей, и волостелины бы тиуны судили тех татей с вами, с старостами с губными. И которого татя поимают на первой татбе, а досудите до вины, и вы б на том тате, доправя исцовы иски, отдавали исцем, а в продаже тот тать наместнику, и волостелем и их тиуном; и как наместники, и волостели, и их тиуни на тате продажу свою учинят, и вы б, старосты губные, тех татей велели, бив кнутьем, да выбити их из земли вон. А поимают того ж татя с другою татбою, а доведут на него другую татбу, и вы б на том тате велели исцевы иски доправити из его животов и статков, да того татя велели, бив кнутьем, да отсечь у него руку; а в продаже бы того татя отдавали волостелем и их тиуном, и как тому татю волостели и их тиуни продажу свою учинят, и вы б, старосты губные, того татя велели выбити из земли вон. А поимают того ж татя с третьею татбою с поличным, и доведут на него третью татбу, и будет тот тать ведомой лихой, и вы исцевы иски дали исцем из его животов и статков; а что тех татиных животов останется у исцовых исков, и вы бы досталь тех татиных животов отдавали волостелем и их тиуном за их пошлину; а того б естя татя велели

бив кнутьем, да казнити смертною казнью, повесити в тех местех, где которого татя поимают с татбою".[1]

Содержание статей 10—14 Судебника и приведенных разделов губных грамот XVI в. в основном совпадает, хотя по Судебнику судит великокняжеский судья, по губным грамотам — выборные губные старосты. Имеется разница и в карательных мерах, к которым прибегает суд. Так, по Судебнику за первую кражу следует наказание кнутом, за повторную — смертная казнь. Губные грамоты устанавливают три вида наказания за татьбу: за первую вину — битье кнутом и изгнание „из земли", за вторую — отсечение руки, за третью — повешение. Отсутствует в губных грамотах и указание Судебника о выдаче татя истцу „в его гибели головою на продажу".

О смертной казни за повторную кражу говорят и памятники феодального права, предшествующие Судебнику. В параллель статьям 10 и 11 Судебника следует привести ст. 8 Псковской судной грамоты: „Что бы и на посаде покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине, и в третий ряд изличив, живота ему не дати, крам кромскому татю". См. также Двинскую уставную грамоту 1397 г.: „...а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя; а уличат втретьие, ино повесити; а татя всякого пятнити".[2]

Со ст. 14 Судебника обычно сближают ст. 60 Псковской судной грамоты: „...а татю веры не нять; а на кого возклеплет, ино дом его обыскать, а знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен". Надо, однако, сказать, что сходство здесь чисто внешнее: в одном случае речь идет о пытке человека, оговоренного „татем", в другом — об обыске его дома.

Для понимания этих статей надо помнить, что „душегубство", „разбой", „татьба" — термины, в ряде случаев обозначавшие формы социального протеста в феодальном обществе.

Выдать истцу головою на продажу — отдать истцу в холопство. „Под выдачей головою на продажу, — пишет В. И. Сергеевич, — надо разуметь предоставление должника в волю кредитора. Кредитор мог или взять его к себе во двор в качестве раба или продать его. В случае наличности многих кредиторов, если ни один из них не брал себе неоплатного должника на условии удовлетворения остальных, должник продавался на торгу, а кредиторы удовлетворялись из вырученной суммы".[3]

Непонятно, почему Сергеевич называет лишь несостоятельного должника (долговое рабство), когда „выдача головою на продажу", т. е. холопство,

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 215, № 224 — губной наказ селам Кириллова монастыря. — С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895, стр. 135.

[2] ААЭ, т. I, № 13; ГНП, стр. 145, № 88.

[3] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. 1, СПб., 1902, стр. 149.

имела место и в случае татьбы. Случай „выдачи головою“ истцу находим в правой грамоте 1528 г. А. Лапин, „человек“ детей боярских Нероновых, был обвинен в бое и грабеже митрополичьих детей боярских Рагозиных. Суд присудил его к уплате „истцова иска“. Вскоре недельщик Данила Трофимов донес, что „денег доправити не мочно и поруки и перевода по нем в тех деньгах нет“. Это же подтвердил и сам Лапин, который поэтому был „выдан истцом головою до искупа“.[1]

Аналогичный случай был в 1503 г. Крестьянин Михаил Жук обвинялся в поджоге деревни Спасо-Евфимьева монастыря. По судебному решению, он должен был уплатить монастырским властям девять с половиной рублей. Поскольку „доправити тех денег“ на ответчике было „не мочно“, его выдали монастырским старцам „головою до искупа“.[2]

Взмолвят — обвинят, оговорят. См. в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем 1446—1447 гг.: „А на кого възговорят из Новгорочкых волостей на тферьского татя или на розбойника, а възмолвят нет, ино ему и потом не быти во Тферьскых волостех“. В жалованной грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю 1462—1466 гг. читаем: „А кто к ним приедет (на суд и на братчину) незван, а учинится какова гибель, и что монастырской человек на ково взмолвит, велю на том взять ту гибель вдвое и без суда и без исправы“.[4]

По мнению Б. И. Сыромятникова, в ст. 12 Судебника мы находим характерное для древнерусского процесса „обыскное“ начало, которое многие исследователи связывают с древним послушеством. Московская судебная практика, — пишет Б. И. Сыромятников, — вводила послушество „в форме «обыска» или массового навета, «язычной молки», т. е. в виде свидетельства целой общины, которая просто «добрила» или «лиховала» того или иного человека, давая общую оценку его личности“.[5] В этой трактовке исчезает классовый смысл статьи, заключающийся в стремлении феодально-крепостнического правительства сплотить силы класса феодалов, противопоставить их социальным низам и помешать антифеодальным выступлениям. Помимо местного дворянства, для охраны феодальной собственности судебные органы строющегося централизованного государства использую[т] в качестве низшего звена государственного аппарата верхушку черносошного крестьянства.

Поличное — непосредственная улика в виде украденных вещей. (См. в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем: „А приведут тферитина с поличним к новгорочкому посаднику и

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 194—197, № 222.

[2] АЮ, стр. 19—20, № 10.

[3] СГГД, т. I, стр. 23, № 18; ГНП, стр, 37, № 20.

[4] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. 1, стр. 225, № 315.

[5] Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда в древней и новой России, стр.

к новоторжскому, а судити его по хрестному челованью, а посула не взяти с обе половине".[1]

В ряде грамот слово „поличное" заменяют выражения „татьба с поличным" или „разбой с поличным". В грамоте черницы Марины Спасо-Евфимьеву суздальскому монастырю XIII в. речь идет о передаче монастырю села Омутского „и с судом, и с татьбою, и с поличным, и с тамгою, и со всеми пошлинами, занеж то село Омуцкое к городу не тягивало ничем, никакими пошлинами, ни душегубством".[2] В грамотах рязанских князей. „А резанка, шестьдесять, вина, и поличная к волостелю моему от них из околицы нейдет, ни татин рубль, што учинитца татьба в их околицы — промеж их которого людей".[3] См. также духовную грамоту Ивана III 1504 г.: „А что есми дал детем своим Юрью з братьею у города у Москвы селца з дворы з городцкими, и учинится в тех селцех и в дворех в городных душегубство или поличное, и то судит наместник болшей сына моего Васильев. А что есми дал детем своим Юрью з братьею села в станех в Московских, и над теми селы суд и дань моих детей; а душегубством и поличным те села тянут к городу к Москве по старине, опричь того поличного, что будет в тех селех промеж их крестьян, то судят их приказщики, а докладывают наместника московского болшего сына моего Васильева".[4]

М. Ф. Владимирский-Буданов указывает, что в XV в. резко отличалась татьба с поличным и без поличного, так что собственно татьбою в уголовном смысле называлась лишь первая. „Прежде поличным называлось, когда преступник схвачен на месте преступления; в таком случае раздраженное общество вместе с потерпевшим или расправлялось с ним на месте, или сохраняло в себе более сильное неприязненное чувство, что и влияло на большую наказуемость. Потом, когда поличным уже называются вещи украденные (и находимые у похитителя под замком), падает и уголовное понятие о татьбе с поличным, так что, наконец, в Уложении вовсе нет упомянутой разницы".[5]

Комментарий Владимирского-Буданова носит формальный характер.

Судебник различает воровство, подтвержденное непосредственной уликой („поличным"), и воровство, установленное „оговором" „добрых людей", даже при отсутствии „довода" (т. е. если преступление не выявлено официальным расследованием).

Приречный — оговоренный, от приречи, приреку — называть, называю; оговаривать, оговариваю. Приречный человек с доводом — человек, оговор

---

[1] СГГД, т. I, стр. 24, № 18; ГНП, стр. 37, № 20.
[2] АИ, т. I, стр. 57—58, № 29.
[3] Акты Юшкова, стр. 9—10, № 8.
[4] СГГД, т. I, стр. 297, № 144; ДДГ, стр. 361, № 89.
[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 350.

которого подтвердился расследованием. Прирок с доводом — оговор, подтвержденный расследованием.

Можно предполагать, что в составе Судебника 1497 г. губной устав (статьи 10—14) был соединен с уставом о боярском суде (статьи 1—9, 15—20, 26—29).[1]

СТАТЬЯ 15

В статьях 15—17 говорится о пошлинах за написание различных документов и приложение к ним печати.

Судебник различает следующие документы, фиксирующие права феодалов на землю, средства производства, зависимых людей: 1) правую грамоту, в том числе „правую грамоту с холопа и робы“, 2) докладной список, 3) беглую грамоту, 4) отпускную („отпустную“) грамоту, 5) полную грамоту, 6) полетную грамоту, 7) духовную грамоту, 8) бессудную грамоту.

Охране интересов господствующего класса служила разветвленная документация феодальных прав, которой много внимания уделяет Судебник Ивана III, так как эти документы предъявлялись в суд тяжущимися.

Правая грамота — приговор суда, вручаемый стороне, выигравшей дело. Правая грамота состоит из 1) протокола судебного разбирательства и 2) решения суда. В рассматриваемой статье речь идет о пошлинах: 1) за написание грамоты (подьячему), 2) за подпись на грамоте (дьяку), 3) за приложение печати (боярину).

СТАТЬЯ 16

Докладной список — протокол судебного разбирательства (судный список), передававшийся низшим судьей на доклад высшей инстанции (боярскому или княжескому суду), с вызовом сторон. Решение высшего суда подписывалось на обороте судного списка. На основании этого решения судья, ведший первоначально дело и составивший судный список, выдавал стороне, признанной правой, правую грамоту. Такая разница между докладными списками и правыми грамотами видна из ряда примеров.

Ко второй половине XV в. относится правая грамота (по определению копийной митрополичьей книги) на митрополичьи земли. Суд судил Федор Борисович Мансуров, который, „поставя обои истци перед великим князем да суд свой сказал и список суда своего положил“. Князь вынес решение „и по великого князя слову Ивана Васильевича судья его Федор Борисович“ „оправил“ митрополичьих крестьян.[2] Грамота 1461—1464 гг. по спорному делу между митрополичьими крестьянами и крестьянами дворцового села Воиславского обозначена в копийной книге московской митрополичьи

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 367 и 3[…]

[2] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 115—117, № 125.

кафедры так же, как правая: „... а се права грамота". Она состоит из судного списка, доложенного великому князю Ивану III, и приговора последнего. „И о том судьи реклись доложити государя великого князя, как укажет... По сему списку князь великий... велел судьям землю присудити в дом Пречистой и Феодосию митрополиту всеа Руси".[1] В 1498 г. разбиралось дело братьев Струниных с митрополичьими крестьянами села Каринского Переяславского у. Судья „рекся доложити государя великого князя". Великий князь Дмитрий Иванович „по судному списку по подписаному" вынес приговор. „И по великого князя слову Дмитреа Ивановичя" судья „оправил" одну сторону, „обвинил" другую.[2] В грамоте князя Юрия Ивановича Третьяку Борисову 1498 г. читаем: „Что есте с Федором с Михайловым Вельяминова судили Благовещенского Кержацкого монастыря старцев с волостными хрестияны о Собачниковской пустоши, да и список ты, Третьяк, суда своего о той земле передо мною клал, а Федор Михайлов о той же земле своего суда список передо мною клал же, доклада брата моего великого князя Ивана Ивановичя, за дьячьею подписью Василья Долматова, и яз, выслушав ваши списки и обыскав того, да в той есми земле старцев кержацких оправили и ту пустошь Собачниковскую велел есми присудити к монастырю на Кержач. И ты б на ту землю ехал, да ту бы еси им землю Собачниковскую пустошь к монастырю от волосные земли отвел по тому ж отводу, как в ваших спискех писано, да по меже бы еси велел грани покласти и ямы покопати по сей по моей грамоте".[3] В разъезжей грамоте на митрополичьи земли 1525 г. читаем: „И Столыпа (истец) так рек: суд нам, господине о той земле с митрополичим посельским... был и за списком, господине, на докладе перед бояры с ними были же".[4]

В данной статье, как и в предыдущей, речь идет о пошлинах при докладе судного списка: 1) за написание решения на судном списке (подьячему), 2) за подпись на судном списке (дьяку), 3) за приложение печати (боярину).

СТАТЬИ 17—18

Правая грамота с холопа или с робы — решение суда по спорному делу между двумя холоповладельцами о выдаче холопа или рабы одной из сторон; также решение суда о возвращении холоповладельцу холопа, добивавшегося свободы.

Отпускная грамота — документ об отпуске холопа или рабы на волю. См. духовную князя Ногтева 1534 г.: „... что мое люди по кабалам серебреники и по полным грамотам и докладным грамотам холопи, и те все люди

---

[1] Там же, стр. 97—99, № 103.

[2] Там же, стр. 108—112, № 117.

[3] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 529, № 617.

[4] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 166—168.

с женами и з детьми по моей душе на свободу, люди вольные великогс князя..., а прикащики мое по сей духовной тем моим людем полным и докладным отпускные грамоты подают, а кабальным людем кабалы выдадут".[1]

В статье 17 речь идет о пошлинах, следуемых: 1) подьячему за написание грамоты; 2) дьяку за подпись на грамоте; 3) боярину за приложение печати.

Статья 18 признает в качестве документа, имеющего юридическую силу, лишь ту отпускную, которая написана самим владельцем холопов или же представлена на доклад боярину или наместнику с правом боярского суда. Требование ряда формальностей при составлении отпускных должно было обеспечить владельцев холопов от возможности ухода их холопов по подложным документам.

Голова — в данном случае холоп. В документах употребляются термины „головная кабала" (документ о переходе в холопство), „головное серебро" (т. е. сумма, выданная закабалителем лицу, обращенному в холопство).

См. меновную грамоту Троице-Сергиева монастыря 1428—1432 гг. „А пр менил... те земли монастырские без серебра головнсго".[3]

Кормление с судом боярским. Были кормления с боярским судом и б боярского суда. По вопросу о том, какая разница между этими дву видами кормлений, см. работу И. И. Смирнова „Судебник 1550 г.".

По мнению И. И. Смирнова, „гранью, делящей органы наместничь управления на две группы: наместников и волостелей с боярским судом и наме ников и волостелей без боярского суда", является „доклад". „Различие меж этими двумя разрядами кормленщиков заключалось в том, что наместник волостели с боярским судом обладали правом окончательного суда по р дел, в то время как наместники и волостели, державшие кормление боярского суда, обязаны были по определенной категории дел докладыв вышестоящей инстанции: боярам или великому князю". К компетен наместников с боярским судом Судебник относит дела о холопстве и шиx уголовных преступлениях. „Наместники без боярского суда, а та великокняжеские тиуны и тиуны наместников с боярским судом обяз «докладывать» свой суд". Доклад „осуществлялся наместником без боярс суда в форме доклада боярам в Москве: тиуны же докладывали с «государям» (соответственно великому князю или наместнику с боярс судом)".[4]

---

[1] Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, № 57.

[2] В. Г. Гейман. Несколько новых документов, касающихся истории сель населения Московского государства XVI в. Сборник Российск. Публичной библи т. II, вып. 1, Пгр., 1924, стр. 285—294.

[3] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I. стр. 59, № 62.

[4] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 284.

Действительно, наместник с боярским судом пользовался полномочиями, эторые имел боярский суд в Москве, и не обязан был переносить решеие дел в суд высшей инстанции. Жалованные и указные грамоты ставят іак равенства между судом боярским и великокняжеским. В грамоте асилия II Троице-Сергиеву монастырю 1457 г. сказано: „...а наместници ои бежитцкие и их тиуни игумнова приказника ни судят, ни моим судом, эликого князя".[1] В грамоте того же князя 1462 г.: „...ни моим судом, эликого князя, ни боярским судом не судят их людей".[2] В грамоте Васиия II бежецким наместникам 1455—1462 гг.: „А что есмь вас пожаловал а Бежыцком Версе своим судом боярьским, и вы бы тех людей манастырьских [Троице-Сергиева монастыря) Присецких, и деревеньщыков, и поселского анастырьского тем моим судом не судили, ни приставов бы есте моих на их не давали".[3]

СТАТЬЯ 19

Смысл ст. 19 заключается в том, что неправильно выданная (без суда) равая грамота, в результате пересмотра дела (очевидно в великокняжеком суде),аннулируется. Дело же начинается сначала („суд с головы"). Но тветственности боярин, виновный в выдаче правой грамоты, признанной едействительной, не несет.

Пеня — штраф. См. Новгородскую судную грамоту: „...а кто кого утяет в земле и судную грамоту возмет, ино ему ехать на свою землю по удной грамоте да и володеть ему тою землею, а в том пени нет" (ст. 12).

СТАТЬЯ 20

Речь идет здесь о запрещении наместникам и волостелям, лишенным рава боярского суда, самостоятельно (без доклада) решать и оформлять ела о холопстве.

А. И. Яковлев видит в статьях Судебника, запрещающих выдавать олопьи грамоты наместникам (без права боярского суда) и их тиунам, опытку оградить права свободного человека, „нежданно и негаданно объявяемого сворой наместничьей опричнины холопом данного кормленщика загоняемого в холопье ярмо кулаками и батогами его челяди, быстро грявающей соответствующую «составную» грамоту. С другой стороны, ащищаются права «законных» холоподержателей, подрываемые подложыми отпускными и новыми холопьими грамотами, состряпанными при омощи подставных видоков и послухов, а то так и совсем без всяких окоичностей, в тиунской избе".[4] В характеристике А. И. Яковлева стирается

[1] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 199, № 278.
[2] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV—XV вв., стр. 138—139, № 128.
[3] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 191, № 262.
[4] А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 43, стр. 42.

классовый смысл законодательства. Статью 20 никак нельзя рассматриват в плане защиты прав свободных людей. Наоборот, в ее основе лежит несомненно, стремление защитить интересы господствующего класса путе сосредоточения дел о холопстве в центральных судебных органах. Говор о защите прав „законных“ холоподержателей, А. И. Яковлев не показы- вает общих задач великокняжеской власти, направленных к централизаци суда и к стеснению компетенции наместников. Запрещая наместникам волостелям, лишенным прав боярского суда, решать дела о холопах бе доклада, великокняжеская власть стремится к усилению контроля за деятел ностью провинциальных органов власти, к стеснению их полномочий.

Беглая грамота — документ о возвращении по суду беглого холопа е владельцу. Это говорит о том, что суд обязан защищать интересы госп и оказывать им содействие в поимке холопов.

СТАТЬИ 21—24

Из этих статей видно, что боярский суд приравнивался по Судебни к суду великого князя и его „детей“. Возможно, эти статьи представля собой самостоятельный памятник, посвященный великокняжескому су Можно предположить, что в Судебнике 1497 г. этот памятник был соедин с уставом о боярском суде.[1] В статьях 21—24 речь идет о взыскании пош великокняжеским судом с тех же документов и в том же размере, и судом боярским. Ср. статью 21 со статьей 3, статью 22 со статьей статью 23 со статьей 17, статью 24 со статьей 16.

Суд великого князя. Специально суду великого князя подлежали, с по жалованным грамотам, привилегированные землевладельцы, светс и духовные.

Суд детей великого князя. От 1485—1490 гг. сохранились правые г моты сына Ивана III, Ивана Ивановича Молодого.[2] От 1498—1499 гг. извес правые грамоты внука Ивана III, в. кн. Дмитрия Ивановича.[3]

Печатник — хранитель великокняжеской печати. См. духовную грам Ивана III 1504 г.: „. . . и яз что дал сыну своему Юрью своей казны, есми поклал в ларци, а у тех ларцов печати моа да сына моего Юрь а ключи тех ларцов у сына у моего у Юрья, а те ларци стоят в м казне у моего казначея у Дмитреа у Володимерова, да у моего печатн у Юрья у Дмитреева сына у Грека, да у моих дьяков у Данилка у Ма рева да у Тишка у Моклокова.[4]

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 370—
[2] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, №№ 521—525, 538.
[3] Сборник П. А. Муханова, стр. 578—579, № 289 и др.
[4] СГГД, т. I, стр. 389—399, № 144; ДДГ, стр. 362, № 89.

СТАТЬЯ 25

В статье 25 устанавливаются пошлины: 1) за написание текста бессудной (подьячему), 2) за подпись на документе (дьяку), 3) за приложение печати (печатнику).

Бессудная грамота — правая грамота, выдаваемая судьей одной из сторон без судебного разбирательства на основании того, что другая сторона уклонилась от явки в суд в назначенный срок.

Образец бессудной: „Се бил челом великому князю Ивану Васильевичю, в посельского место митрополичя в Якушово, Игнатей старец, а ркучи: «...отписал, господине, срок пристав твой, великого князя, Олешка Чюбаров Якушу, господине, посельскому с андрониковским становщиком с Якушом, да с Костею с-Ыивановским, да сь Ескою з Гридкиным сыном, а ищет, господине, Якушка, на них того, что у него покосили митрополичю пожню с своими товарищи у Парашинские перегороды Иконницкой земли через правую грамоту и через извет силно, стати им, господине, о том перед тобою, перед великим князем на ильин день, а хто не станет, тот без суда виноват. Яз же, господине, Игнатей старец, вь Якушово место посельского, перед тобою, перед великим князем, на срок искати стал, а становщик, господине, Якуш да Костя да Еска перед тобою на тот срок отвечати не стали, а уже, господине, по сроце пятая неделя, а их таки нет. А пристав твой, господине, Олешка Чюбаров перед тобою на срок у дела не стал жо. А се, господине, Якушова срочнаа перед тобою». И князь великий, возря в срочную, дал в Якушово место посельского митрополичя Игнатью старцу на андрониковского становщика на Якуша, да на Костю на Ивановского, да на Есюка на Гридкина сына сю свою грамоту правую безсудную по сроце в пятую неделю, но ож будет срок их прав, и грамота моя в грамоту, а будет срок их неправ, и грамота моя не в грамоту. А подписал великого князя диак Василей Кулешин»“.[1]

СТАТЬЯ 26

Статья 26 устанавливает размеры пошлин за написание и подпись срочных грамот, а также указывает, в каких случаях, кто из тяжущихся уплачивает эти пошлины и хоженое недельщику.

Срочная — документ, устанавливающий срок явки сторон в суд. Образец отписной срочной: „Сей срок отписал пристав князя великого Олешка Чюбаров митрополичю посельскому Якушу с Андрониковским становщиком сь Якушом, да с Костею с-Ыивановским, да сь-Есюком з Гридиным, а ищет Якуш посельской на Якуше, да на Косте, да на Еске того, что деи у него покосили митрополичю пожню с своими товарищи у Парашинские

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 221, № 257.

перегороды Иконницкой земли через правую грамоту и через извет силно стати им перед великим князем на ильин день. А хто не станет, тот без суда виноват. А что им был срок на рожество святыа богородици, и тот им срок не в срок, а по старым срочным безсудные не взяти ни одному ни на одного. А Якуш срок отписал и срочную свою сам взял. А Якуш да Костя, да Еска свою срочную сами ж взяли".[1]

Хоженое — плата недельщику за извещение истца или ответчика о явке в суд к сроку (указанному в срочной грамоте) или за посылку в суд для оформления, по поручению одной из сторон, отсрочки. Хоженое уплачивалось недельщику за поручение в пределах данного города. За посылку в другой город недельщик получал повышенное вознаграждение („езд"). Документы различают „хоженое" и „езд". См. в договорной грамоте московского в. кн. Дмитрия Ивановича с тверским в. кн. Михаилом Александровичем 1375 г.: „...а почнут твои искати перед нас, или наши перед тебе, или пред наши наместници, или перед волостели, хоженого в город алтын, а на правду два, а дальний езд верста по резане, а на правду вдвое".[2]

СТАТЬЯ 27

Возлагает ответственность на дьяков за проверку сроков, указанных в срочных грамотах, и выдачу на основании неявки к суду одной из сторон бессудных грамот. Подьячие от этого дела устраняются. Устанавливается, что бессудная выдается на восьмой день после срока, названного в срочной грамоте и не соблюденного одной из сторон.

Из жалованных грамот XVI в. видно, что для вызова в суд населения феодальных вотчин существовали особые постоянные сроки. Бессудные грамоты, выданные не в соответствии с этими сроками, признавались недействительными. См. жалованную грамоту князя Юрия Ивановича митрополичей кафедре 1523 г.: „А хто приедет мой пристав, княж Юрьев Ивановичя, на митрополичьих людей и христиан, и он им пишет два срока в году — зимой в той же день по крещенье христове, а в лете уговев Петрова говеино неделю. А хто на них накинет срок сильно не на те их грамотные сроки, и яз им к тому сроку ездити не велел. А хто на них и безсудную грамоту возмет не на те их грамотные сроки, и та безсудная грамота не в безсудную".[3] Жалованная грамота того же князя Юрия Ивановича московской митрополичьему дому 1526 г. гласит: „А кто пошлет моих, княж Юрьев Ивановичя, неделщиков по митрополичя приказщика и по христиан в каких делех ни буди, и недельщики мои и их племянники и люди их пишут

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 221, № 256.
[2] СГГД, т. I, стр. 48, № 28; ДДГ, стр. 28, № 9.
[3] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 87.

два срока в году...".[1] В Белозерской уставной грамоте 1488 г. читаем: „А приедет мой пристав, великого князя, с Москвы по белоозерца, по горожанина, и по станового человека, и по волостного, и он им пишет один срок в году, на заговение на великое на мясное; а опричь того сроку кто на них иной срок накинет, а не по их сроку, или кто на них зазывную грамоту принесет, а не по их сроку, и я князь велики им к тем сроком ездити не велел; а хотя кто на них безсудную грамоту возмет, а не по их сроку, и та грамота безсудная не в безсудную".[2]

СТАТЬЯ 28

Статья 28 говорит об оформлении приставных грамот и о вознаграждении, которое получают дьяк за подпись приставных, а печатник за приложение к ним печатей. Это вознаграждение вычитается из суммы „езда", получаемого недельщиками.

Приставная грамота — документ, выданный приставу о даче на поруки ответчика и вызове его в суд; о производстве обыска или о приведении в исполнение приговора суда. В грамоте белозерского князя Михаила Андреевича Череповецкому монастырю 1464—1473 гг. читаем: „И кому будет в моей отчине до того монастыря и до монастырских христиан каково дело, или тем митрополичим монастырским христианом будет каково дело, и они бьют челом мне, князю Михаилу Андреевичю, и яз даю своих приставов неделщиков белоозерских на имя с своею приставною грамотою, и мои приставове на поруку их дают и ставят их передо мною, кому будет до кого каково дело и хто на ком чего взыщет".[3] См. также грамоту дмитровского князя Юрия Васильевича 1465 г. московскому митрополичьему дому: „...а лучится татьба или розбой с поличным, и волостели мои дадут своих приставов да велят дати обоих исцев на поруку да поставят с поличным предо мною пред князем Юрием Василиевичем, и яз князь Юрий сам тому исправу учиню".[4] Псковская судная грамота также говорит о необходимости приложения к приставной грамоте печати (или княжеской, или Псковского государства). См. ст. 50: „А княжей писец возмет по силе истцово от позовницы, или от безсудной грамоты, или от приставной; а захочет не по силе, ино волно инде написати, а князю запечатать; а не запечатает князь, ино у святей Троицы запечатать, в том измены нет". О том же говорит статья 82: „А княжой писец имет писати судницу о земли, ино ему от судницы взять 5 денег, а от позовницы денга, а от печати денга, а от безсудной и от приставной, все то им имати по денги. А толко княжой писец

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 94, № 98.
[2] ААЭ, т. I, № 123.
[3] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 244, № 280.
[4] Там же, стр. 76, № 71.

захочет не по силе, ино инде волно написати, а князю запечатать, а не запечатает князь, ино оу святей Троицы запечатать, а в том измены нет".[1]

Выть — доля, часть. См. правую грамоту Савво-Сторожевскому монастырю 1491 г.: „... по те, господине, место наша земля городская, моего двора выть".[2] В губных грамотах XVI в. читаем: „А которых разбойников ведомых поимаете и, обыскав их, казните, и тех разбойников и татей животы и статки отдавали бы естя тем людем, которых людей разобьют и покрадут, в их иски по вытем".[3]

Постановление ст. 28 Судебника „а колько вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один до того города, в которой город приставнаа писана" означает: независимо от того, сколько истцов участвуют по долям в оплате „езда" приставу, сумма „езда" остается неизменной. Эта сумма устанавливается в зависимости от расстояния до того пункта, куда направляется недельщик. В качестве иллюстрации этого положения Судебника интересно привести грамоту в. кн. Василия III старицкому наместнику и волостелям от декабря 1517 г. о высылке в Москву нескольких лиц на суд по частным искам. В грамоте перечислено несколько истцов и несколько ответчиков, но пристав назначен один: „... дал есми пристава Злобу Данилова сына Лукерьина, велел есми их [ответчиков] поставити перед собою".[4]

СТАТЬЯ 29

Статья различает в качестве вознаграждения приставу хоженое (плата за исполнение поручения в пределах Москвы) и езд (плата за посылку в другой город). Об этом же различии говорят и другие памятники права. См., например, Двинскую уставную грамоту 1397 г.: „А на Орлеце дворяном хоженого белка, а езды и позовы: от Орлеца до Матигор две белки езду, до Колмогор две белки" и т. д.[5]

Площеднаа. Если это слово относится к недельщику, то в таком случае оно должно указывать на постоянный штат московских площадных недельщиков, подобных позднейшим подьячим Ивановской площади. Может быть, слово „площеднаа" надо относить к „хоженому". В таком случае этот термин обозначает плату недельщику за вызов в суд ответчика в пределах Москвы.

А на правду вдвое. Слово „правда" имеет несколько значений. В данном случае „правда" означает расследование обстоятельств дела. См. договорную грамоту московского великого князя Дмитрия Ивановича и вел

---

1 И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 160, 174.
2 АЮ, стр. 13—14, № 7.
3 С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты, стр. 154.
4 Акты Юшкова, стр. 87—90, № 104.
5 ААЭ, т. I, № 13; ГНП, стр. 145, № 88.

кого князя тверского Михаила Александровича 1375 г.: „А князи велиции крестьяньстии и Ярославьстии с нами один человек, а их ти не обидети, а имешь их обидети, нам доэря их правды, боронитися с ними от тобе содиного. А имут тобе обидети, нам доэря твоие правды, боронитися с тобою от них содиного“.[1]

Таким образом, смысл ст. 29 заключается в том, что пристав получает двойное вознаграждение (хоженое или езд), если ему поручено не просто доставить ответчика, но и расследовать обстоятельства дела преступления. См. договорную грамоту в. кн. Дмитрия Ивановича и в. кн. Михаила Александровича: „А почнут твои искати перед нас, или наши перед тебе, или пред наши наместници, или перед волостели, хоженого в городе алтын, а на правду два, а далний езд верста по резане, а на правду вдвое“.[2]

Конкретный случай посылки недельщика „на правду“ см. в правой грамоте 1530 г. „Человек“ Михаила Казнакова обвинял Петрушу Омельянова в неуплате денег по кабале. Ответчик отрицал факт займа, хотя истец представил кабалу. Тогда судья „велел недельщику... ехати на правду по дьяка да по послухов кабальных“.[3]

Псковская судная грамота вместо выражения „на правду“ употребляет слова „на татьбу“: „А которой пристав поедет на татбу, ино ему езд имати вдвое“ (ст. 65). Тем самым разъясняется значение слов „на правду“: для расследования обстоятельств преступления.

Поминки. Это слово имеет двойное значение: 1) подарки, посулы, взятки или 2) пошлина. См. жалованную грамоту ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю около 1400 г.: „...а кто будет мой волостель, или доводщици, или таможници, ине им грамоту явят, а не дадут им поминка ничего...“[4] В жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1453 г. на соляные варницы говорится: „... не надобе им никоторая моя дань, ни тамга, ни поминок...“[5]

Статья 29 определяет, что недельщик не получает специального вознаграждения за дачу ответчиков на поруку.

СТАТЬЯ 30

„Указ о езду“, возможно, представлял собой ранее самостоятельный памятник, затем включенный в состав Судебника 1497 г. В „указе“ устанавливаются нормы вознаграждения недельщикам за проезд от Москвы до ряда других пунктов Русского государства.[6]

---

[1] СГГД, т. I, стр. 46—49, № 28; ДДГ, стр. 26, № 9.
[2] ДДГ, стр. 28, № 9.
[3] Акты Юшкова, стр. 110, № 128.
[4] ААЭ, т. I, стр. 11, № 15.
[5] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, стр. 172, № 245.
[6] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 371

К СТАТЬЯМ 31—36

„О неделщиках указ", как и „указ о езду", возможно, представлял собой ранее самостоятельный памятник, затем включенный в текст Судебника 1497 г. В этом „указе" определялись обязанности недельщиков.[1]

Статьи, посвященные функциям недельщиков, стремились создать крепкий аппарат, посредством которого судебные органы могли бы обеспечить господствующему классу охрану его привилегий.

СТАТЬЯ 31

Статья запрещает недельщикам посылать вместо себя с приставными наемных людей. Ездить с приставными могли или сами недельщики, или их родственники и люди. Этим постановлением достигалась ответственность за действия недельщика всех членов его семьи. Из сохранившихся грамот видно, что по некоторым делам посылались сразу несколько недельщиков. См. грамоту великого рязанского князя Ивана Ивановича боярину Сунбулу, начала XVI в.: „... прислали есте ко мне грамоту, а сказываете, что де Ивашка Ивачев бил Аврамка Омельянского и грабил. И вы де ему дали на Ивашка пристава, и Ивашка де и вашему приставу на поруки [не дался...] и вы бы послали пяти-шести недельщиков да велели его изымать да велели бы дать силою на поруки, да и судили бы есте его с ним".[2]

Племянник — родственник. См. Псковскую судную грамоту: „А у которого умрьшаго, а будет отец, или мать, или сын, или брат, или сестра или кто ближняго племени..." (ст. 15).[3] В Новгородской судной грамоте: „..., а примут позовника в селе, а почнут над ним сила деять, ино дати в позовниково место грамота бессудная племеннику его или другу"(ст. 40)).

Урочник — человек, договорившийся о выполнении определенного срочного поручения, дела (урока). См. Псковскую судную грамоту: „а которой мастер плотник или наймит отстоит свой урок, и плотник или наймит... свое дело отделает..., на государех и взакличь сочит своего найма" (ст. 39): „а которой наймит дворной пойдет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему найму взяти по счету..." (ст. 40).[3]

Не совсем понятно выражение „А в котором городе живеть неделщик, ино ему с приставными в том городе не ездити...". Это место можно толковать двояко: 1) если делать ударение на слове „не ездити", то смысл постановления в запрещении недельщикам брать повышенное вознаграждение (езд вместо хоженого) за выполнение поручений в пределах данного города. 2) Если ударение логически падает на слова „в том городе", тогда статья

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 371.
[2] Акты Юшкова, стр. 42, № 48.
[3] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 142, 154.
[4] ААЭ, т. I, № 92.

надо думать, запрещает провинциальным недельщикам брать поручение из Москвы в город, где данный недельщик проживает. Связи по месту жительства могли, очевидно, оказать влияние на пособничество со стороны недельщика лицам, указанным в приставной.

СТАТЬЯ 32

Статья стремится пресечь волокиту в разрешении судебных споров.

Волокита — затяжка, проволочка дела, большей частью намеренная, в целях вымогательства. В Новгородской судной грамоте читаем: „... а земное орудье судити два месяця, а болши дву месяць не волочити; а как межник приедет с межи, ино той суд кончати посаднику в другие два месяця тому ж посаднику, а дале не волочить“ (ст. 28).[1]

Статья 32 возлагает все убытки, причиненные судебной волокитой, а также расходы по оформлению срочной, правой или безсудной грамот, на того из тяжущихся, кто будет признан виновным. Так же поступает Псковская судная грамота, см. ст. 65: „А которой пристав поедет на татбу, ино ему езд имати вдвое; платить тат:о виноватому; а толко не вымет татбы, ино приставное и дверское платити тому, кто пристава взял“.[2]

Практическое применение ст. 32 Судебника можно видеть в правой грамоте 1498 г. Тяжба возникла между землевладельцами Струниными и митрополичьим посельским. Судья присудил тяжущимся поле. В назначенный срок к полю не явился один из „знахорей“ истцов (Струниных). На вопрос судьи, чем это объясняется, истцы отвечали: „знахорь наш, господине, по грехом уехал в Новгород в Нижней торговати, и мы, господине, чаяли, что на срок поспеет, и он, господине, не приехал; а дай нам, господине, срок, — как сьездит, и мы у поля у креста на земле поставим“. Ответчик протестовал: „срока им, господине, не давай, а они, господине, нас волочат, своего знахоря не ставят, доложи о том государя великого князя“. По челобитью ответчика дело было перенесено на суд в. кн. Дмитрия Ивановича. Последний „велел обвинити“ истцов, потому что их „третей знахорь“ „на срок у поля не стал, и велел на них судье взяти полевые пошлины и убытки, что от списков давано“.[3]

СТАТЬЯ 33

Статья запрещает недельщикам брать посулы (взятки) с тяжущихся для судей и лично для себя. Ср. ст. 1.

СТАТЬЯ 34

В статье устанавливаются обязанности недельщика, которому поручено расследование по делу о татьбе, производство ареста и пытки татей. Под-

---

[1] ААЭ, т. I, № 87.

[2] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 168.

[3] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 108—112, № 117.

черкивается, что недельщик не должен поддаваться на подкуп, а действовать непредвзято.

Бесхитростно — без всякого предвзятого намерения, без всякого злого умысла. См. договор тверского в. кн. Михаила Александровича с Великим Новгородом конца XIV в.: „... а сий мир держати без льсти и без хытрости“.[1] То же в междукняжеских договорах: „А на сем на всем, брате старейший князь великий,... целовал еси ко мне крест, к своему брату молодшему, князю... по любви, вправду, безо всякия хитрости“.[2]

Клепати — клеветать, ложно оговаривать. См. Псковскую судную грамоту: „...а татю веры не нять; а на кого возклеплет, ино дом его обыскать, и знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не наидут в дому его, и он свободен“ (ст. 60).

СТАТЬЯ 35

А у которого неделщика сидят тати. Имеется в виду обязанность недельщиков содержать „татей“ под арестом до передачи их дела в суд. В ряде грамот употребляется выражение „быть за приставом“, что значит: находиться под арестом у пристава. Отдача обвиняемого приставом на поруку освобождала его из-под ареста. См. договор Василия I с рязанским в. кн. Федором Ольговичем 1402 г.: „А которых дел не искали при отце моем, при великом князи Дмитрее Ивановиче, пристава не было, за поруку не дан, тому погреб. А хто за порукою и за приставом был, тому суд; а которые дела суженые, или поле ся не коньчяло, а то коньчяти“.[3]

В этом тексте различаются: 1) обвиняемые, находящиеся под арестом у пристава; 2) обвиняемые, отданные приставом на поруку; 3) обвиняемые, дела которых переданы в суд; 4) обвиняемые, по делу которых состоялось решение суда о назначении „поля“ (судебного поединка). Судебник запрещает отдавать арестованных „татей“ без доклада на поруку.

Не продавати татей. Имеется в виду отдача обвиняемого в холопы истцу. См. правую грамоту 1530 г. по делу о неуплате долга по кабале истцу Казнакову Петром Омельяновым. Судья „вспросил“ ответчика: „Деньги тобе заплатити мочно ль? А порука и перевод по тебе в деньгах есть ли? И яз тобе дам срок“. Ответчик дал следующее показание: „Денег, господине, мне заплатити не мочно, а поруки, господине, и перевода по мне в деньгах нет“. Тогда судья „велел недельщику Лепяге Измайлову выдать ответчика Петрушку Емельянова сына ищее Ивану Михайлову человеку Казнакову в его иску в полутретьех рублех по кабале с росты до искупу головою“.[4] Судебник запрещает „продажу“ „татей“ до суда.

[1] СГГД, т. I, стр. 22, № 17; ГНП, стр. 34, № 18.
[2] Там же, стр. 102, № 49; ДДГ, стр. 77, № 30.
[3] Там же, стр. 67, № 36; ДДГ, стр. 54, № 19.
[4] Акты Юшкова, стр. 111, № 128.

СТАТЬЯ 36

В статье устанавливается обязанность недельщика не задерживать передачу в суд дела обвиняемого после его отдачи на поруку, а также выдачу срочных и бессудных грамот. Уточняются условия взимания „езда“ и „хоженого“.

СТАТЬЯ 37

Судебник, стремясь поставить государственный аппарат на охрану классовых интересов феодалов, подробно останавливается на функциях недельщиков.

Указ наместником о суде городскым. Это заглавие, повидимому, относится к статьям 37—45, 64, 65, 67. Все названные статьи, возможно, представляли собой когда-то самостоятельный памятник, посвященный вопросам организации наместничьего суда. Впоследствии этот памятник вошел в состав Судебника 1497 г.[1]

Наместник — лицо, возглавлявшее (на началах кормления) управление городом и уездом. См. Белозерскую уставную грамоту 1488 г.: „. . . се яз, князь велики Иван Васильевичь всея Руси, пожаловал есми своих людей белозерцов, горожан, и становых людей, и волостных, всех белозерцов: кто наших наместников у них ни будет, и они ходят по сей по нашей грамоте“.[2] Управление в пределах волости (административное подразделение уезда) возглавлял волостель. Агентами наместников и волостелей в области судопроизводства являлись тиуны и доводчики. В Белозерской уставной грамоте 1488 г. читаем: „. . . а наместником нашим у них держати в городе и во станех два тиуна да десять доводчиков: во станех восмь доводчиков, а два в городе; а станы и деревни своим доводчиком поделить“.[3]

В статье 37 Судебника говорится о подсудности истца и ответчика (по терминологии XV в. обе стороны именуются истцами) наместнику или волостелю по месту жительства. Конкретное применение этой статьи находим в грамотах „в кормление“. „А хто по кого взведет моего великого князя пристава, а будут оба исца тое волости, и пристав мой тех обоих исцов ставит перед Васильем (волостелем) или перед его тиуном. А не поставит пристав мой тех обоих исцов перед Васильем или перед его тиуном, и он езду лишен“.[4]

---

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 359—367, 376—379.

[2] ААЭ, т. I, № 123.

[3] Там же.

[4] Акты Юшкова, стр. 104, № 123.

СТАТЬЯ 38

Постановление данной статьи о присутствии на суде у наместников — дворских, старост и „лучших людей“ находит параллель в уставных грамотах наместничьего управления. См. Белозерскую уставную грамоту 1488 г.: „А наместником нашим и их тиуном без сотцков и без добрых людей не судити суда“; Уставную грамоту переяславским рыболовам 1506 г.: „А без старосты и без лучших людей волостелю и его тиуну суда не судити никакого“; Уставную грамоту Каменского стана бобровникам 1509 г.: „. . . а без дворьского и без лутчих людей ловчему и его тиуну суда не судити никакова“.[1]

Присутствие на суде дворского, старосты и лучших людей подтверждается и правыми грамотами XV—XVI вв. См. правую грамоту 1500 г.: „А на суде были у Ивана у Бортенева Роман дворьской, да Фатьян Григорьев сын Дурнева, да Ониска Есипов сын, да Петруша Борисов сын, да Семен Окишов сын, да Василь Ботухин сын“.[2] В правой грамоте 1502 г.: „А на суде были мужи: сотцкой Иваш Обухов, да Митюк Леонтиев сын Малухин, да Сухой Оншутин“.[3] Однако далеко не во всех правых грамотах фигурируют указанные представители: дворские, старосты, сотские, лучшие люди. Это обстоятельство свидетельствует о том, что постановление Судебника исполнялось не всегда.

Буржуазные исследователи давали оценку ст. 38 Судебника с либеральных позиций. Так, И. Д. Беляев рассматривает требование Судебника, изложенное в ст. 38, о присутствии на суде (который вершили наместники) дворских, старост, лучших людей как „законом скрепленное утверждение“ исконных прав крестьянской общины. Более того, „закон старался поддержать и восстановить то, что некоторые общины с течением времени вследствие разных обстоятельств стали утрачивать“. Иван III, так же как Иван IV, был, по мнению Беляева, „самым усердным утвердителем исконных крестьянских прав“.[4]

Такую трактовку нельзя признать правильной. Следует говорить не об „утверждении исконных крестьянских прав“, а о стремлении феодального правительства использовать в наместничьем суде представителей местной администрации (дворских) и верхушку посадских людей и черного крестьянства („лучших людей“), превратив эти органы в одно из звеньев аппарата управления Русского централизованного государства.

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 93, 114, 122, №№ 123, 143, 150. — Н. П. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. 2, Казань, 1876, Сведенный текст уставных грамот, стр. 58, 68, 70, 72, 75, 77, 7[illegible]

[2] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 124—128, № II.

[3] Там же, стр. 131—137, № 4.

[4] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 55—56.

Дальнейшие постановления ст. 38 касаются тех же вопросов по линии наместничьего суда, какие ставились в статьях 1, 3, 4, 6, 7 по линии центрального боярского суда. В статье 38 рассматривается вопрос о пошлинах, уплачиваемых тяжущимися с различных стадий судебного процесса. При установлении размера и порядка взимания пошлин статья 38 Судебника ссылается на „грамоты". Имеются в виду уставные грамоты наместничьего управления. Древнейшими из них являются грамоты Двинская 1397 г.[1] и Белозерская 1488 г.[2] Но надо думать, что с конца XV в. уставные грамоты стали выдаваться довольно широко, только большинство из них до нас не дошло. Об этом свидетельствует выражение Судебника „грамоты" (во множественном числе).

Сопоставление ст. 38 Судебника с Белозерской уставной грамотой, а также с некоторыми уставными грамотами начала XVI в. показывает, что „указ наместником о суде городскым" являлся действующим памятником права, на основе которого был организован суд наместников и волостелей на местах.

Сравним следующие пункты уставных грамот: „А о суде у них ходит наш волостель по сей нашей грамоте: случится суд перед волостелем, или перед его тиуном, о рубле или выше, а досудит до виноватого, и волостель и его тиун велит на виноватом исцово доправити, а собе емлет противень вполы исцова, то ему и с тиуном. А не доищется ищеа своего, а будет ищеа виноват, и ему имати на ищее с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег; а будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищее по тому ж розчету" (Уставная грамота переяславским рыболовам 1506 г.). „А езд в станы и в волости на две версты денга, а в городе хоженого денга, а на правду вдвое" (Белозерская уставная грамота 1488 г.). „А хоженого доводчику на стану две денги, а на правду вдвое; а езду в волость на версту по денге, а на правду вдвое" (Уставная грамота Артемоновского стана крестьянам 1506 г.). „А будет суд перед наместникы и перед тиуны о рубле, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну и с доводчики, за все пошлины. А досудят наместники и тиуны о рубле до поля, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну, и с тиуны и с доводчики, за все пошлины; а будет выше рубля или ниже, и наместники на них емлют по тому же розчету. А побиются на поле, и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны и с доводчики за все их пошлины" (Белозерская уставная грамота 1488 г.). „А побьются на поле в заемном деле, или в бою, и волостелю имати противень на убитом против истца. А побьются в пожоге, или в душегубстве, или розбое, или в татьбе,

[1] ААЭ, т. I, № 13; ГНП, № 88.
[2] Там же, № 123.

ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продаже волостелю и его тиуну" (Уставная грамота переяславским рыболовам 1506 г.))[1]

Вопрос о взаимоотношении между ст. 38 Судебника и уставными грамотами можно представить себе и таким образом, что статья 38 являлась результатом кодификационной обработки уставных наместничьих грамот.

СТАТЬЯ 39

См. ст. 8. Тот же самый вопрос рассматривается один раз по линии суда центрального боярского, второй раз по линии суда наместничьего.

Аналогичное постановление встречается в уставных грамотах наместнического управления. Это подчеркивает значение Судебника в качестве действующего памятника права. В Белозерской уставной грамоте 1488 г. говорится: „А доведут на кого татьбу или розбой, или душегубьство, и наместники велят на виноватом истцово доправити. А тот розбойник или душегубец наместником в продаже и в казни". См. также Уставную грамоту Каменского стана бобровникам 1509 г.: „А доведут на кого татьбу, или розбой, или душегубьство, или ябедничество, или иное какое лихое дело и ловчей мой велит на виноватом истцово доправити, а виноватой в казни и в продаже ловчему и его тиуну. А которой будет тать, или убойца или ябедник, ведомой лихой человек, и ловчей мой велит заплатити истцову из его статков, а того лихого человека велит казнити смертною казнью а не будет у которого лихого статка, чем истцово заплатити, и ловчей мой того лихого человека истцу в его гибели не выдаст, а велит его казнити смертною казнью."[2]

СТАТЬИ 40—41

См. статьи 15—17. Тот же самый вопрос рассматривается в Судебнике дважды: один раз по линии суда центрального боярского, другой раз по линии суда наместничьего.

СТАТЬЯ 42

См. ст. 18. Тот же самый вопрос рассматривается один раз по линии суда центрального боярского, другой раз по линии суда наместничьего.

СТАТЬЯ 43

См. ст. 20. Тот же самый вопрос рассматривается один раз по линии суда центрального боярского, другой раз по линии суда наместничьего.

---

[1] ААЭ, т. I, №№ 123, 143, 144. — Н. П. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв. стр. 58, 68, 70, 72, 75, 77, 78.

[2] ААЭ, т. I, №№ 123, 150. — Н. П. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв. стр. 58—78.

СТАТЬЯ 44

См. ст. 29. Тот же самый вопрос рассматривается один раз по линии суда центрального боярского, другой раз по линии суда наместничьего. Аналогичное постановление встречается в уставных грамотах наместничьего управления. См. Белозерскую уставную грамоту 1488 г.: „А езд в станы и в волости на две версты деньга, и в городе хоженого деньга, а на правду вдвое“.[1]

СТАТЬЯ 45

Статья устанавливает обязательство наместников, волостелей и тиунов отвечать на суде по предъявленным к ним искам в сроки, указанные в приставных грамотах. Об этом же говорят и уставные наместничьи грамоты. См. Двинскую уставную грамоту 1397 г.: „А над кем учинят продажу силно, а ударят ми на них челом, и мне, князю великому, велети наместнику стати перед собою на срок; а не станет, ино на того грамота безсудная, и пристав мой доправит“.[2] В Белозерской уставной грамоте 1488 г. читаем: „... а кому будет белозерцом, горожаном, и становым людем, и волостным, обида от наместников, и от волостелей, и от тиунов, обида и от доводчиков, и они сами сроки наметывают на наместников, и на волостелей, и на их людей“.[3]

Постановление ст. 45 являлось первым шагом на пути к отмене кормлений.

СТАТЬИ 46—47

Эти статьи следует сопоставить со статьями 46—47 Псковской судной грамоты: „А которой человек у человека знает свое што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а того ж есми не знаю, у кого купил, ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился, а не поставит его, а сам не украл, ни пословицы не было будеть, ино тот не доискался“ (ст. 46). „А кто што купил на чюжей земли или на городе, или найдеть где, а кто поимается толко, ино тот судить как в торгу“ (ст. 47).

Вопрос об ответственности покупателя за приобретение краденой вещи Судебник решает иначе, чем Псковская судная грамота. Псковская судная грамота, в случае обнаружения владельцем украденного имущества своей вещи у лица, купившего ее (не зная, что вещь краденая) на местном торгу или в пределах „чужой земли“, требует присяги со стороны покупателя. Принесение присяги в том, что имущество приобретено законным путем, освобождает покупателя от дальнейшей ответственности. Судебник предлагает решать дело на основе показаний свидетелей, в присутствии которых совершена покупка, и лишь в случае отсутствия свидетелей прибегать к присяге.

[1] ААЭ, т. I, № 123.
[2] Там же, № 13; ГНП, стр. 145, № 88.
[3] ААЭ, т. I,, № 123.

Ср. также со статьями 46—47 Судебника статью 56 Псковской судной грамоты: „А также, кто купил на торгу, а оу кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а оу него имаются человек 4 или 5, а скажут како право пред богом, пред нами в торгу купит, ино той прав, оу кого имаются, и целованья ему нет; а не будет оу коего свидетелей, ино ему правда дати, а то не доискался“. В противоположность ст. 46 Псковской судной грамоты, статья 56 этого памятника решает вопрос так же, как статья 46 Судебника.

СТАТЬЯ 48

Для понимания ст. 48 Судебника следует обратиться к ст. 20 Псковской судной грамоты: „А кто на кого имет сачит бою или грабежу по позовници, и князю и посадником и сотцким обыскати как послух, где будет обедал, и где начавал, и послух изведется иночаем его, или где обедал; также и битого опросить, где есть били и грабили, явили кому, и на тех ему слатся, а на кого сошлются, а тот став скажет как право пред богом, што битый являл бой свой и грабежь, а послух на суде став а послухует в тые же речи, ино тот суд судит на того волю, на ком сочат, хочет с послухом на поле лезет, или послуху оу креста положит, чего искал“.

Формула „судити на того волю, на ком ищут: хощет на поле с послухом лезет, или став у поля, у креста положит, чего на нем ищут, и истец без целованиа свое возмет“ обща Судебнику и Псковской судной грамоте. См., кроме ст. 20, также статьи 28, 29, 101, 107 Псковской судной грамоты.

Ряд исследователей видит в статьях Судебника о послухах простое некритическое заимствование из Псковской судной грамоты.[1] Эта точка зрения встретила возражения со стороны Д. М. Мейчика, который не отрицает, что Псковская судная грамота могла служить для Судебника „литературным пособием“. Однако, по мнению Мейчика, „присутствие ее перед лицом составителя“ вовсе не повлекло за собой „неосмысленного заимствования“. „Учение Судебника о послушестве развилось и выросло на местной почве“.[2]

Привлечение правых грамот XV в. позволяет говорить, что в основе постановлений Судебника о послушестве лежит предшествующая судебная практика. Но при написании и редактировании соответствующих статей Судебника Псковская судная грамота была использована в качестве источника.

Б. И. Сыромятников, различая понятие „видока“ и „послуха“, так определяет институт послушества: послухи — „не простые свидетели. Они, с

[1] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, стр. 394. — М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. II, изд. 4-е, Киев, 1901, стр. 99—100, прим. 78—84.

[2] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV—XV вв., стр. 49—50.

ственно говоря, такая же *сторона* в процессе, как и любой из истцов. Они являются на суд не для того, чтобы «показать» то, что им случайно известно по делу, а для того, чтобы клятвой, а если потребуется и жизнью, поддержать того или иного из тяжущихся. Они «пособники» сторон, «сприсяжники» с ними, они *очистители* «истца», его защита и покров". Послух, „являясь на суд, свидетельствовал не об определенном событии, а о «доброй славе» и честном имени той стороны, которую он поддерживал или «добрил» и которая на него «послалась». Потому он должен был поддерживать своего истца до конца, будучи готов «крест целовать» и «на поле лезти» в подтверждение правильности и правдивости его показания. Устами «послуха» говорил на суде сам народ, весь «мир», и первоначально это было действительно, свидетельство целой общины, к которой обращалась заинтересованная сторона, отдавая себя на суд добрых людей, апеллируя к общественному мнению".[1]

Та характеристика, которую дает Сыромятников послушеству, не вполне отвечает действительным явлениям XV—XVI вв. Судя по правым грамотам XV—XVI вв., никакой разницы между свидетелями („видоками", „знахорями") и послухами нет. См., например, правую грамоту 1504 г., по делу Троице-Сергиева монастыря с Иваном Сухоной о пожнях. Иван Сухона ссылался, что он купил пожни у Микулы Яковля сына Крутикова. Последнего вызвали в суд. Судья спросил у него: „кому то у тобя ведомо, что те пожни розчисть деда твоего..., и отца твоего..., и твои...?". Микула ответил: „ведомо у меня, господине, то людем добрым старожилцом..., а се те, господине, знахори мои перед тобою...". Старец Троице-Сергиева монастыря также представил знахорей. После допроса знахорей обеих сторон старожильцы, вызванные Микулой, заявили про старожильцев, на которых ссылался монастырский старец: „то, господине, послуси лжывые, дай нам, господине, с ними божью правду, целовав крест, да лезем с ними на поле биться".[2] Таким образом, термины „знахори" и „послухи" употребляются в совершенно равнозначном смысле. Об этом же см. у Д. М. Мейчика.[3]

Нельзя согласиться с утверждением Сыромятникова о том, что „устами послуха говорил на суде сам народ". В руках крупных феодалов послушество явилось средством защиты на суде своих землевладельческих интересов. Пользуясь материальной зависимостью крестьян-послухов, феодалы имели возможность побудить их давать соответствующие выгодные им показания.

Показания послуха на суде с обязательством в подтверждение своих слов „целовав крест лезть на поле биться" часто являлись одним из главных аргументов при вынесении судьей приговора, хотя фактически (судя

[1] Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда в древней и новой России, стр. 56.
[2] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 573—574, № 651.
[3] Д. М. Мейчик, ук. соч., стр. 49—50.

по правым грамотам) поединки имели место редко. Отказ „лезть на поле биться“ часто влек за собой проигрыш дела.

В начале XVI в. разбиралось земельное дело Ферапонтова монастыря с Курьяном Волочанином. Обе стороны выставили старожильцев. Старожильцы Курьяна Волочанина потребовали разрешения спора полем. Старец Ферапонтова монастыря „так рек: мы, господине, своим знахорем на поле лести битися не велим“. Ферапонтов монастырь проиграл дело, причем в мотивировке приговора было подчеркнуто, что „знахори его (ферапонтовского старца) монастырские с Курьановыми знахори на поле ся не поимали“.[1]

Наряду с судебным поединком, одним из видов доказательств, применявшихся на суде, являлся обход знахорями границ спорной земли с иконой на руках. Из правой грамоты 1504 г. по земельной тяжбе между Троице-Сергиевым монастырем и Иваном Сухоной видно, что уже после того как послухи и истца и ответчика согласились разрешить дело полем, один из тяжущихся предложил прибегнуть к обходу спорной земли с иконой: „Господине судья, уже Гаврило (троицкий старец) и его старожилци называют Троетцкою землею, вели им, господине, ити с-ыконою, или, господине, мне вели, ино яз иду с-ыконою и мои старожилци. И судья спросил Гаврила и его старожилцов: идете ли вы с-ыконою? И Гаврилко так рек: яз, господине, с-ыконою не иду. А старожилцы Гаврилковы так ркли: с-ыконою, господине, не идем, а ведомо, господине, нам, что то земля Троетцкая. И судья спросил Гаврилка и его старожилцов: уж вы с-ыконою не идете, Микулке (противной стороне) и его старожилцем велите ли ити с-ыконою? И Гаврилко и его старожилцы так ркли: Микуле, господине, и его старожилцом с-ыконою ити не велим“.[2]

В ряде случаев суд предпочитал свидетельство письменных документов показаниям послухов. Между 1499—1502 гг. возникло спорное дело у Троице-Сергиева монастыря о деревнях с истобником Антоном Гладким и черными крестьянами Мишутинской волости Переяславского уезда. Обе стороны представили свидетелей-старожильцев, которые решили, „целовав крест, да „лезти на поле битись“. Великий князь Василий Иванович, по докладу судьи, вынес, однако, приговор не на основании показаний старожильцев или результатов „поля“, а на основании данной грамоты на землю, представленной монастырским старцем.[3]

Вообще говоря, различные виды доказательств по-разному, очень гибко использовались в феодальном суде в целях ограждения привилегий крупных землевладельцев. Захват общинных земель феодалами оправдывался и

---

[1] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 131—137, № IV.
[2] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 574, № 651.
[3] Там же, стр. 538—541, № 628.

ерждался судьями, которые прибегали к различным аргументам для обоснования своего решения в пользу крупных земельных собственников.

Вина убитая. Для понимания этих терминов следует привлечь ст. 7 Судебника, в которой читаем: „...а побиются на поле в пожеге, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, ино на убитом исцево доправити, а околничему на убитом полтина да доспех, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны; а сам убитой в казни и продажи боярину и диаку". Согласно ст. 7, в случае состоявшегося оединка, виноватый (убитый), помимо уплаты своему истцу суммы иска, олжен заплатить ряд пошлин (вину убитую) боярину, окольничему, дьяку, едельщику. Статья 48 устанавливает: если ответчик не доведет дела до оля, а придя к присяге согласится добровольно на уплату суммы иска стцу, то от пошлин в пользу судей он освобождается.

Полевые пошлины — пошлины, взимаемые с признанного виновным результате судебного поединка. См. указную грамоту великого князя язанского Ивана Ивановича боярам Ф. И. Сунбулу и др.: „Писали есте о мне грамоту, а в грамоте пишет, что де искал перед вами Куземка Ивашков сын Лихочева на Никитте на Семенове сыне на Горбцеве бою лаи..., и вы де им присудили... кресное целованья и поле... и Куземка е Ивашков сын Лихочева на срок... у кресного целованья и своим исольником стал, а ... на другой день и на третей, а Никита Горбцов своим сполщиком и на третей день не стал. И мне бы велети на Никитте Горбове Куземкина безчестья и пошлины полевыя правити. И вы бы на Никитте Горбцове Куземкина безчистья и пошлин полевых и приставного не елели править до зимы, доколе, даст бог, сами у мене будете и яз с вами бговорю, как будет пригожа...".[1]

СТАТЬЯ 49

Предоставляет право старикам, женщинам, малолетним, попам, монахам, „отвечающим" на суде, выставлять наемных бойцов для участия в судебном оединке с послухом, выступающим со стороны истца.

В основе ст. 49 Судебника лежит статья 21 Псковской судной грамоты: „А против послуха... стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец, ино против послуха нанять волно наймить, а послуху наймита нет". Отличие Судебника от Псковской судной грамоты заключается: 1) в том, что в числе лиц, пользующихся правом найма бойца на поле против послуха, Судебник называет женщин; 2) в том, что Судебник обязывает признанного в результате поединка виноватым возместить правому и его послуху убытки.

---

[1] Акты Юшкова, стр. 41, № 46.

Эта статья могла служить классовым интересам церковных феодалов („чернецов" и „черниц"), использующих „наймитов" для защиты на суде своих земельных богатств.

Предоставление тяжущимся права выставлять вместо себя наймитов свидетельствовало, что процедура „поля" не соответствовала новому этапу в развитии Русского феодального государства. „Божий суд" как одно из средств разрешения судебных споров характерен для состязательного процесса (состязания сторон). С централизацией аппарата суда, состязательный процесс заменяется следственным (расследованием дела органами власти), в большей мере обеспечивавшем защиту интересов господствующего класса.

СТАТЬЯ 50

Говорит о взыскании с послуха цены иска, судебных пошлин и издержек за неявку в суд, независимо от того, может ли он дать показание по делу или нет. Таким образом, феодальный суд устанавливал обязательность послушества, используемого, как указывалось выше, для защиты позиции господствующего класса.

Имеются материалы, позволяющие говорить, что показания послухов оспаривались сторонами. Это видно из правой грамоты 1456—1483 гг. суда великого князя рязанского Василия Ивановича по тяжбе великокняжеских бортников Соты и Михалки с Остафьем. Сота сослался на „людей добрых". Остафий заявил: „... а я, господине, на том на них шлюся же". „И пришли те люди перед великого князя, да в тех речах Сотю оправили, а Остафья обвинили". Остафий заявил протест („обвинили меня, господине, не по моим делам") и предложил решить дело крестоцелованием и полем („человек мой господине, на нем целует крест, а яз шлю битца"). Михалка и Сота с товарищами приняли вызов: „... а мы, господине, целовав крест, шлем одного межи себя на поле битца". Когда истцы стали в срок у поля, Сота и Михалка потребовали крестоцелования от людей Остафья. Те принесли присягу, на основании которой суд признал правым Остафья.[1]

Праведчики — от слова „править" — взыскивать, — судебные исполнители, приводившие приговор в исполнение, взыскивавшие иск (в случае признания его правильности судом) и судебные пошлины с ответчика или с истца, если его иск отклонен. В ряде жалованных грамот читаем: „А праведшики и доводшики поборов своих у них не берут, не въезжают к ним ни по что".[2]

СТАТЬЯ 51

Статья требует, чтобы показания полностью совпадали с показаниями истца.

[1] Акты Юшкова, стр. 14—15, № 13.

[2] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 88, № 88.

Эту статью следует сопоставить со ст. 22 Псковской судной грамоты: „А на которого послуха истец послется, и послух не станет, или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит, ино тот послух не в послух, а тот не доискался“.[1]

Расхождение на суде между показаниями послуха и тяжущегося обычно влекло за собой обвинительный приговор тому, чья ссылка на послуха не подтвердилась.

В 1497—98 г. разбиралась тяжба между посельскими Троице-Сергиева монастыря и черными крестьянами Фофаником и другими о селище Медвежье. Фофаник с товарищами сослались на послуха бортника Якуша, показание которого оказалось не в их пользу. Судья „оправил“ троицкого посельского и „обвинил“ Фофаника с товарищами, „потому что их же знахорь Якуш бортник сказал, что то селище Медвежье от Суздальского бою за бояры, а то селищо как за монастырем лет з дватцать“.[2]

В 1500 г. судья вынес обвинительный приговор черным крестьянам Усошской волости по их земельному делу с Симоновым монастырем, мотивировав свое решение тем, что старожильцы черных крестьян „меж не знают“.[3] В начале XVI в. судья Василий Иванович Голенин велел оправить ответчика Булгака Котельникова и обвинить истцов Гридю Кузьмина и Андрея Измайлова, „потому что их же послух Степанко Мартинов сын по них не послушествовал“.[4]

СТАТЬЯ 52

Ср. статью 49. В основе ст. 52 Судебника лежит статья 36 Псковской судной грамоты: „А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись, а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет“.

СТАТЬЯ 53

Статья останавливается на случаях „мирного“ разрешения конфликтов.

Н. Л. Дювернуа по поводу ст. 53 отмечает, что „мировой сделкой можно заменить судебное решение во всякой стадии процесса“. Автор приводит документ,[5] из которого видно, что уже после того, как процесс перед данным судьей великого князя был закончен и оставался только доклад, „стороны захотели помириться не ездя к докладу, и вместо суда

[1] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 144.

[2] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 527—529, № 615.

[3] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 124—128, № 11.

[4] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 547—548, № 635.

[5] АЮ, № 269.

и доклада урядились рядом".[1] Аналогичное замечание по поводу ст. 53 (а также статей 4, 5 и 38) делает С. Б. Веселовский: „И обычай, и княжеские указы в самой широкой степени допускали решение всевозможных споров и тяжб (за исключением душегубства и разбоя с поличным, подсудных наместникам) путем мировых сделок или третейского суда и в известных случаях освобождали от судебных пошлин мировые сделки даже тогда, когда дело доходило до суда и княжеские судьи произвели некоторые судебные действия.[2]

Комментарии Дювернуа и Веселовского носят слишком формальный характер. Мировая запись интересна как документ, отражающий внутриклассовую и классовую борьбу за землю. См. мировую запись второй половины XV в. между Кирилловым монастырем и вотчинниками Монастыревыми: „Доложа государя князя Михаила Андреевича, се яз, старци Кириловские, Мартимьян, да Гаврило, да Кирило, да Марко, кончяли есми промеж себя с Иваном с Григорьевичем с Монастыревым да с его детьми с Данилом да Васильем, что Иван у нас сослал с земли старца Митрофана, и мы промеж себя с-Ываном и с его детьми кончяли, что Ивану и его детем Данилу да Василью у нас в ту землю не вступатись...".[3] Мировая отступная запись 1467—1474 гг. фиксирует захват монастырем черных крестьянских земель, санкционированный со стороны княжеской власти. „Се бил челом князю Андрею Васильевичу старець троецкой Сергеева манастыря, Памва, в-ыгуменово место троецкого Спиридоньево и всее братьи, а ркучи: дай нам, господине, своего дозорщика, и розъежщика, штобы, господине, розъехал твои земли от наших земль манастырьских, а наши, господине, манастырьские земли вели розъехати, заньжо, господине, твой хрестьянин Кобылинского стану Иванько Кореловской называет наши деревни монастырские... да пожни... твоими княжими Андреевыми Васильевича. И ты, господине, князь Андрей Васильевич, дал нам на те земли дозорщиков... и те, господине, ... тех земль и пожень дозрев, и тобе, господине, сказали, что тот хрестьянин Иванько Кореловской и иные хрестьяне тех земль, деревень и пожень, не искали за полтретьятцать лет. И князь Ондрей Васильевич... тех деревень... и тех пожень... отступился игумену троецкому Спиридонью...".[4]

СТАТЬЯ 54

Статья нормирует условия „найма". Эту статью Судебника необходимо сопоставить со ст. 40 Псковской судной грамоты: „А которой наймит дворной пойдет прочь от государя не достояв своего оурока, ино ему найм

[1] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней Руси, стр. 333—334.

[2] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 192., стр. 50.

[3] Д. М. Мейчик. Грамоты XIV—XV вв., стр. 114, № V/2.

[4] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 272, № 373.

взяти по счету, а сочит ему найма своего за год, чтобы 5 годов, или 10 год стоявши, и всех тых ему год стоявши, найма сочить как отиде за год сочить, толко будет найма неймал оу государя, а толко пойдет болши года, ино им не сочити на государех".

Статью 54 Судебника нельзя рассматривать как простое, механическое заимствование из Псковской судной грамоты. В условиях экономического развития XV—XVI вв. она приобретает важное значение. Б. Д. Греков отмечает, что в это время „рабство, даже в том измененном по сравнению с временами Киевской Руси виде, продолжало систематически и заметно уступать место более прогрессивным формам труда — крепостному и наемному (хотя иногда и в замаскированном виде)".[1] Б. Д. Греков приводит данные из „Домостроя", из которых видно, что его автор, поп Сильвестр, „в течение 40 лет, т. е. почти всю первую половину XVI в. и, вероятно, конец XV в. предпочитал холопскому труду труд свободный".[2] В обращении к сыну Сильвестр пишет: „...видел еси сам, в рукодеях и во многих во всяких вещех мастеров всяких было много: иконники, книжные писцы, серебреные мастеры, кузнецы, и плотники, и каменщики, и всякие, и кирпищики, и стенщики, и всякие рукодельники. Деньги им даваны на рукоделье напередь по рублю, и по 2, и по 3, и 10, и больши; а многи были чмуты и бражники. И со всеми теми мастеры в 40 лет дал бог разлезеноси без остуды и без пристава..., все то мирено хлебом, да солью, да питьем, да подачею, и всякою добродетелью, да своим терпением".[3]

Статья 54 Судебника может быть понята, если рассматривать ее в связи с общими экономическими условиями конца XV в. Нормируя условия наемного труда в феодальном обществе, она защищает интересы феодала, прибегающего к кабальному найму. „Наймит" XV в. не равнозначен наемному рабочему эпохи капитализма. В феодальном обществе наем носил кабальный характер. Используя труд „наймита", феодал в значительной степени действовал методами внеэкономического принуждения.

СТАТЬЯ 55

Статья говорит об ответственности купца за растрату чужих денег или потерю товара. Источником этой статьи является Правда Русская. См. ст. 54 Троицкого списка: „Аже который купець, кде-любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его, но како начнеть от лета платити, тако же платить, занеже пагуба от бога есть, а не виноват есть; аще ли пропиеться или пробиеться,

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 575. В дальнейшем: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси.

[2] Там же, стр. 572.

[3] А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 2. М., 1910, стр. 68.

а в безумьи чюжь товар испортить, то како любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля".

Как и предшествующая статья 54, статья 55 Судебника становится понятной на общем фоне экономического развития России в конце XV — первой половине XVI в. Это время характеризуется ростом внутреннего рынка. „К XVI в., — пишет Б. Д. Греков, — Московская Русь была усеяна городами, городками, слободами. Каждое из таких городского типа поселений было местом торговли и ремесленным центром; он поглощал выбрасываемых деревней обголодавших и разоренных крестьян и влек к себе разбогатевших, готовых переменить и образ жизни и свою профессию". „Города — это центры торговли. Здесь много денег. Им тут и быть подобает. Тут живут люди «купующие и продающие» и от своих прикупов богатеющие. Кто хочет получить деньги, может доставить в город свои продукты; они тут легко превращаются в серебро. Так рисует город писатель первой половины XVI в. Ермолай-Еразм".[1] В этих условиях развития внутреннего рынка симптоматично появление в Судебнике ст. 55. Она нормирует условия, на которых купцы могут брать под проценты чужие деньги или товары для использования их в своих собственных торговых оборотах с целью извлечения прибыли.

Полетная грамота — документ об уплате долга в рассрочку.

Истина — основной капитал.

Рост — проценты. См. грамоту белозерского князя Михаила Андреевича середины XV в.: „Присылал ко мне игумен Еким (Ферапонтова монастыря)..., а бил ми челом о том, а сказывает, что являл им старосте волоцкой (Волочка Словенского) мою грамоту такову, что им приимати к себе в волость... на Волочек (Словенский) из ... деревень монастырьских половники в серебре межень лета и всегды. Да кто деи выйдет половник серебряник..., ино деи ему платитися в истое на два года без росту. И я пожаловал игумена Екима..., а ту есми полетную подернил..., а игумену есми и всей братьи от Юрьева дни до Юрьева дни из своих деревень серебреников пускать не велел, а велел есми им серебреников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни. А которые будут вышли в монастырьском серебре..., и они б дело доделывали на то серебро, а в серебре бы ввели поруку, а осень придет, и они бы и серебро заплатили".[2]

Без напраздньства — без обстоятельств, не зависящих от воли человека (по определению М. Ф. Владимирского-Буданова).

СТАТЬЯ 56

Статья касается вопроса об ограничении полного холопства. Она говорит о том, что холоп, попавший в плен к татарам, в случае побега из

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 560.

[2] ААЭ, т. I, стр. 35—36, № 48/I.

плена и возвращения на родину освобождается из холопства и не подлежит отдаче своему прежнему владельцу. Проблема „полоняников“ занимала большое место в политике Русского централизованного государства XV—XVI вв. На выкуп „полоняников“ был даже установлен специальный налог („полоняничные деньги“). Можно думать, что статья Судебника имела и более конкретное применение. Освобождение из холопства рассматривалось как награда за заслуги в борьбе с крымскими или казанскими татарами.

СТАТЬЯ 57

Статья „о христьянском отказе“ устанавливает единый для всего государства срок „отказа“ — Юрьев день осенний. Она представляет исключительный интерес для изучения процесса крестьянского закрепощения. В дворянско-буржуазной исторической литературе господствовала точка зрения о „свободе“ русского крестьянства до XVI в. Этой точке зрения был нанесен решительный удар работами классиков марксизма-ленинизма. В. И. Ленин доказал, что процесс крестьянского закрепощения на Руси начался в IX в., с момента оформления феодальных отношений. В. И. Ленин указывал на хронологические рамки существования феодально-крепостнических отношений в России, с IX по XIX в. „Но крепостничество *может* удержать и *веками* держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий)“.[1] Говоря об отработках как форме феодальной эксплуатации крестьян В. И. Ленин подчеркивал, что они держались „едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена „Русской Правды“)“.[2] „И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян „Русская Правда“) и «записывались» за помещиками!“.[3]

В „Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР“ И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова было указано на необходимость отличать „дофеодальный период, когда крестьяне еще не были закрепощены“, от феодального строя.[4]

Эти указания послужили советским историкам теоретическими предпосылками для критики буржуазно-дворянской историографии и творческого разрешения проблемы крестьянского закрепощения. В свете этих указаний следует подвергнуть критике и трактовку буржуазными авторами ст. 57 Судебника.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4-е, стр. 348.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 170.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 12, изд. 4-е, стр. 237.

[4] И. В. Сталин, С. М. Киров, А. А. Жданов. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. К изучению истории. Сборник, Госполитиздат, 1946, стр. 21.

И. Д Беляев считал, что Судебник не внес ничего принципиально нового в отношения между крестьянами и землевладельцами, а лишь закрепил „положительным законом верховной власти то, что уже прежде было утверждено обычаем“. Статью 57 Судебника Беляев расценивает как подтверждение ранее существовавшего права „свободного перехода крестьян с одной земли на другую“; „даже срок перехода — Юрьев день осенний — также прежний“.[1]

Таким образом, по мнению Беляева, в ст. 57 Судебника надо видеть не ограничение крестьянского перехода, а, напротив, стремление его облегчить. Эта трактовка ст. 57 является неверной и она вызвала возражения со стороны других исследователей.

По мнению Д. Я. Самоквасова, „масса земледельческого народонаселения древней России, состоявшая из тяглых крестьян, была прикреплена к земле своих владельцев“. Правом „отказа“ и перехода по Судебнику пользовались только новопорядчики, „вольные люди, поряжавшиеся в крестьяне — земледельцы по своей воле“.[2]

„Отказ“ крестьян Д. Я. Самоквасов определяет как „плату за выход и вывоз“. В подтверждение он приводит ряд выдержек из документов XVI в.: из обыска 1571 г.: „... с трех обеж крестьяне вышли за детей боярских, а вышли сее осени в семьдесят в девятом году о сроце, о Юрьеве дни, с о т к а з о м, за князя Василья Белосельского, а о т к а з и в ы х о д п л а т и л и Григорьеву прикащику Колягина Мите Иевлеву сыну; да Васко Алюев з братьею жили на обжи, а вышли за Ивана за Ильина сына Скобелцина сее ж осени о сроце, с о т к а з о м, а о т к а з и в ы х о д п л а т и л и тому ж Григорьевскому прикащику Мите“.[3]

Приведя новый интересный материал, Д. Я. Самоквасов не дал правильного решения по вопросу о крестьянском закрепощении. Это можно сделать только в свете марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, согласно которому при феодальном строе собственность феодалов на средства производства была связана с эксплуатацией зависимых крестьян, являвшихся основными производителями в феодальном обществе. Теория развития крепостного права в России, предложенная Самоквасовым, связана с его общими порочными взглядами на происхождение Русского государства, якобы в результате норманского завоевания, повлекшего за собой закрепощение.

В советской исторической науке ряд ошибочных положений по истории крестьянского закрепощения высказал С. Б. Веселовский. Эти ошибки сказались и на его толковании ст. 57 Судебника.

---

[1] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 48—51.
[2] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II. М., 1909, стр. 9, 17, 21.
[3] Там же, стр. 10—13.

С. Б. Веселовский дает следующее объяснение ст. 57 Судебника о крестьянском отказе: „В источниках можно найти много различных указаний на существование исконного обычая, по которому всякий, сидевший на земле, должен был платить все налоги и нести повинности «по хлебу», т. е. все тягли текущего года должен нести тот, кто реализовал урожай этого года... Землевладелец, ответственный перед казной за своих крестьян и владенье, опираясь на этот обычай, получил возможность и считал себя в праве не выпускать от себя крестьянина-недоимщика до полного расчета во всех невыплатах. Существованием обычая о несении тягла «по хлебу», т. е. урожаю текущего податного года, объясняются дошедшие до нас... указы князей, напоминающие или устанавливающие для крестьянского отказа один срок в году — Юрьев день осенний... Первый Судебник еще не говорит ничего о расчете за повоз и за озимый хлеб, который мог остаться в земле после легального ухода крестьянина в Юрьев день, но второй Судебник, в связи с обострением борьбы землевладельцев между собой из-за крестьянских рук, пытается разрешить эти вопросы... Первый Судебник не говорит ничего об уплате податей по хлебу, при отказе, но это объясняется не тем, что этого правила не существовало, а тем, что оно было ясно для всех само собой“.[1]

На основании своей интерпретации ст. 57 Судебника С. Б. Веселовский подчеркивает, что неправы были те историки, „которые, обсуждая вопрос о крестьянском отказе, сосредоточивали все свое внимание на расчетах в пожилом и повозе (только потому, что они упоминаются в Судебниках) и совершенно, повидимому, не подозревали, какие крепкие петли крестьянской неволи завязывались на почве податной ответственности землевладельцев за крестьян“.[2]

Теория С. Б. Веселовского является глубоко ошибочной. Говоря о процессе крестьянского закрепощения, он фиксирует свое внимание исключительно на фискальной правительственной политике, совершенно отрешаясь от классового антагонизма между феодалами-крепостниками и непосредственными производителями материальных благ.

Марксистское освещение проблемы крестьянского закрепощения в русской историографии принадлежит Б. Д. Грекову. Он же дал и наиболее правильное толкование ст. 57 Судебника.

Б. Д. Греков прежде всего указывает на общее значение Судебника в истории русского крестьянства.

„После ликвидации отдельных княжений и слияния их в единое Русское государство с центром в Москве, — говорит Б. Д. Греков, — эгоистическая

---

[1] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 44—45.

[2] Там же.

политика удельных князей должна была прекратиться. Москва начинает регулировать крестьянский вопрос в общегосударственном масштабе. Появился первый после «Русской Правды» общерусский законодательный сборник — Судебник 1497 г.“.[1] В другом месте автор указывает: „Иван III изданием Судебника, обязательного для всего государства, предпринял меру, важность которой не всегда достаточно учитывается. В какой степени удалось осуществить это намерение власти, — другое дело (повидимому, удалось далеко не вполне), но для наших целей достаточно и того, что в ее намерения входило введение единого срока для выходов зависимого сельского населения во всей стране“.[2]

Переходя непосредственно к анализу ст. 57, Б. Д. Греков считает, что в первой половине статьи речь идет о крестьянах-старожильцах, во второй (начиная со слов „а которой христианин поживет за кем год.. .“) — о новиках, поряжающихся на разные сроки. „Всякий крестьянин-старожилец, сколько бы лет он ни жил за своим землевладельцем, при уходе должен заплатить «в полех» рубль, а «в лесех» полтину. Составив эту часть статьи, законодатель не мог не вспомнить и другую, в это время уже очень значительную группу крестьян-новопорядчиков, для которых эта общая мера не подходила. Закон и разъясняет, как быть в таком случае. Сделана была попытка определить положение всех категорий крестьян в отношении их права выхода. Прежней пестроте сроков выхода и других сопровождающих отказ условий положен был, по крайней мере принципиально, конец“.[3]

В другом месте Б. Д. Греков говорит: „Несомненно, Судебник очень много уделяет внимания той прослойке сельского населения, которой были присущи некоторые черты подвижности. И понятно почему: именно эта часть сельского населения больше всего беспокоила и землевладельцев и власть, стоявшую на страже их интересов. Об этой прослойке стали энергично бить челом властям монастыри (конечно, и другие землевладельцы) уже с середины XV в. Эту категорию населения имеют в виду дошедшие до нас документы XV в., когда говорят о Юрьеве дне... Тяглые („непохожие“), занесенные в писцовые книги или в жалованные поместные грамоты люди-старожильцы сидели на своих земельных участках за своими землевладельцами более или менее прочно, иногда даже совсем прочно (относительно некоторых вотчин у нас имеются точные данные). Но было бы странно думать, что Судебник, вводя Юрьев день как единый срок выходов забыл бы упомянуть о том, что это правило распространяется не на всех крестьян, а только на новоприходцев и серебреников“.[4]

---

1 Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 732.
2 Там же, стр. 831.
3 Там же, стр. 643.
4 Там же, стр. 835.

Наконец, Б. Д. Греков указывает, что „отказы и вывоз предполагают обычаем и законом определенную процедуру, соглашение с землевладельцем, ответственным за правильность отбывания крестьянами тягла“.[1]

Специально в исторической литературе ставился вопрос о „пожилом“. Беляев подходил к этому вопросу с точки зрения своей теории свободы крестьянства. Он считал, что Судебник „только определил общий порядок и установил цену“, но вообще платеж за пожилое не был новостью, так как и „прежде крестьянин... не мог отойти от землевладельца, не рассчитавшись с ним“. Новостью было стремление Судебника „отделить поземельные отношения крестьянина к землевладельцу от других отношений между ними“. В целях облегчения перехода крестьян Судебник говорит только о плате за пожилое, но не требует расчетов по ссуде. Судебник отделил расчет по ссуде „как особый юридический акт, совершенно отличный и независимый от принятия крестьянином господской земли“.[2]

Мало убедительный комментарий по поводу „пожилого“ предложил В. И. Сергеевич. „Что это — новость или только оформленная старина? — спрашивает автор. — Прежде крестьянин обязывался сдать двор в исправности, но не платил за пользование двором. Возвращение двора в исправности могло, конечно, подавать повод к спорам и искам, справедливое решение которых было крайне затруднительно по затруднительности точно выяснить первоначальное состояние двора. Думаем, что для устранения этих споров и установлено пожилое. Составители Судебника отправлялись от той мысли, что не твердый на своем участке крестьянин постоянно разрушает свой двор. Предполагается, что к исходу четвертого года такой крестьянин должен сделать его негодным к употреблению, а потому за четыре года с него и берут всю цену двора“.[3]

По мнению Б. Д. Грекова, „дворы пожилые“ это — не вообще крестьянские дворы, а те дворы, в которых селятся крестьяне-новопорядчики и другие категории сельского населения, не всегда собирающиеся очень надолго обосновываться в данном месте за данным хозяином“.[4]

Статья 57 Судебника вызвала отклики в публицистике XVI в. Б. Д. Греков приводит одно место из сочинений Максима Грека, в котором видит пересказ и критику ст. 57 Судебника. Если крестьянин хочет „переселиться куда-нибудь в другое место, то мы, — пишет Максим, — не отпускаем его, если не внесет установленного выкупа, за то, что он столько-то лет прожил в ... селе, предавая крайне бесчеловечно забвению его бесчисленные труды и поты и страдания, какие он понес, служа нашим потребностям во

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 837.
[2] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, стр. 48—51.
[3] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I., стр. 243.
[4] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 833.

время жительства в наших лесах".[1] „Не может быть ни малейшего сомнения в том, — отмечает Б. Д. Греков, — что Максим пересказывает здесь ст. 57 Судебника 1497 г. и делает ее оценку. Он считает «пожилое» несправедливым, потому что крестьянин, сидя в селе хозяина, своим «трудом и потом» уже оплатил хозяйские на него расходы, если они были вообще, это раз, во-вторых, «пожилое» не только несправедливо само по себе, но и дает в руки землевладельца опасное для крестьянина средство его насильственного удержания. . .".[2] Высказывания Максима Грека нельзя расценивать как защиту интересов крестьянства. Он выступает против права монастырей владеть землями, населенными крестьянами, защищая интересы боярства, которое вело борьбу за землю и ренту с церковными феодалами. С этой точки зрения он и критикует Судебник, предоставлявший монастырям право удерживать крестьян.

Значение постановления Судебника о Юрьеве дне осеннем заключается не в том, что он впервые ввел этот день в качестве срока крестьянского отказа, а в том, что, возведя его в общегосударственную норму и установив принцип обязательности платежа „пожилого" крестьянином при уходе от землевладельца, создал юридические предпосылки для усиления крепостной зависимости крестьянства и роста феодальной эксплуатации. Это, в свою очередь, вызывало обострение классовой борьбы.

Юрьев день и до Судебника встречается в отдельных районах Северо-восточной Руси как срок для отказа крестьян от землевладельцев. Первые упоминания о Юрьеве дне находятся в грамотах белозерского князя Михаила Андреевича середины XV в. Из одной грамоты этого князя узнаем о челобитье белозерскому князю игумена и старцев Ферапонтова монастыря. Последние жаловались, что у старосты Волочка Словенского имеется княжеская грамота, разрешающая прием из монастырских деревень „половников в серебре» (т. е. работающих из доли урожая крестьян-должников) „межень лета и всегды" (т. е. в течение всего года), при этом половники имели право расплатиться с монастырем „в истое на два годы без роста" (т. е. уплатить основную долговую сумму без процентов в течение двух лет). По просьбе монастырских властей, Михаил Андреевич запретил переход „монастырьских людей серебреников" в пределы Волочка Словенского в иное время, кроме Юрьева дня осеннего (за две недели до и после) и „подернил" „полетную" грамоту, предоставлявшую рассрочку в уплате долга. Серебреники, вышедшие из монастырских вотчин, должны были „дело доделывать на то серебро", а осенью заплатить свой долг.[3] Аналогичная грамота о Юрьеве дне как сроке отказа для серебреников бы

[1] Максим Грек. Сочинения в русском переводе, ч. I, Изд. Троицкой лавры, 19.., стр. 82—83.

[2] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 776.

[3] ААЭ, т. I, стр. 35—36, № 48/I.

дресована Михаилом Андреевичем на Белоозеро к наместнику, боярам, етям боярским, посельским и „всем без омены“. „И вы бы так серебреиков и половников, и слободных людей не отказывали, а отказати серебеника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит, а после Юрьева ни отказа от серебреника нет; а коли серебро заплатит, тогды ему и отаз, а игумну есми серебреника после Юрьева дни пускати не велел“.[1] ретья грамота такого же содержания дана игумену Кирилло-Белозерского онастыря Касьяну от имени великого князя Василия II.[2] В 70-х годах XV в. Юрьеве дне как сроке крестьянского отказа упоминают грамоты вологодкого князя Андрея Васильевича на вотчины Кирилло-Белозерского монастыря Вологодском уезде[3] и Ивана III на вотчины Троице-Сергиева монастыря Суздальском и Ярославском уездах.[4]

В Пскове сроком отказа для сельского населения являлось так называеое Филиппово заговенье (14 ноября). См. ст. 42 Псковской судной грамоты: А которой государь захочеть отрод дати своему зорнику, или огороднеку, ли кочетнику, ино отрок быти о Филипове заговение, також захочет изорник тречися с села, или огороднику, или четник, ино тому ж отроку быти, иному отроку не быти ни от государя, ни от изорника, ни от котечника, и от огородника, а запрется изорник, или огородник, или котечник отрока осударева, ино ему правда дать, а государь не доискался четверти, или огородной части или с-ысады рыбно части“.

Подводя итоги анализу ст. 57, можно сказать, что она делает значиельный шаг по пути юридического оформления крепостнических отношеий.

СТАТЬЯ 58

Статья касается исков, возбуждаемых „чужеземцами“.

Источником этой статьи служит ст. 105 Псковской судной грамоты: „А оторой чюжеиземець на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино оля того, на ком ищуть, хочет сам поцелует, как будет его ни бил, ни рабил, или ему оу креста положит, чего на нем ищуть“.[5]

Появление в Судебнике ст. 58 вызвано, повидимому, расширением нешней торговли в конце XV в. и притоком в связи с этим в оскву иностранных купцов, между которыми возникали тяжбы. Потребовалось специальное постановление Судебника, говорящее о их разрешении.

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 36, № 48/II.

[2] Там же, стр. 36, № 48/III.

[3] ДАИ, т. I, стр. 352, № 198/I—II.

[4] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, №№ 338, 359.

[5] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 156—156.

СТАТЬЯ 59

Статья говорит о том, что людей, подведомственных церкви, судит „святитель“ или его судья. Ее необходимо сопоставить со ст. 109 Псковской судной грамоты: „А попы, и диаконы, и проскурница, и черньца, и черница судить наместнику владычьню. Аже поп, или диакон или противу черньца, или черницы ж, а будет обаи не простые люди церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судиам не судить, занеже суд владычня наместника, а будет один человек простый истец мирянин, аже церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику с владычним наместником вопчи, також и судиям“. Ср. также ст. 2 Псковской судной грамоты: „И владычню наместнику суд и на суд не судить, ни судиям, ни наместнику княжа суда не судите“.[1]

Появление этой статьи в Судебнике вызвано, повидимому, тем, что в 60-х—80-х годах XV в. московская великокняжеская власть делает попытки вмешательства в митрополичью юрисдикцию по церковным делам. Великокняжеская власть проводила политику централизации власти путем стеснения привилегий как церковных феодальных организаций, так и удельных князей. Жалованная грамота Ивана III домовным митрополичьим Сновидскому и Любецкому монастырям, данная в 1465 г. при митрополите Филиппе и подтвержденная при митрополите Геронтии, фиксирует право монастырей быть не подсудными не только княжеским наместникам и волостелям, но и митрополичьим наместникам и десятникам. В роли судьи выступает сам Иван III. „Также и наместники володимерскии черныи, и медушские десятинники, и их тиуни в тот их монастырь в Сновидцкой и в Любецкий ни вьежжают, ни всылают к ним ни по что, ни кормов у них, ни иных никаких пошлин не емлют, ни судят тех игуменов Сновидцкого монастыря и Любецкого ни в чем. А кому будет на тех игуменех чего искати, ино их сужю яз, князь великий, сам“.[2] В жалованных грамотах митрополичьей кафедры конца XV—начала XVI в. о вмешательстве великокняжеской власти в церковный суд уже не говорится, но привилегии кафедры в области светского суда сохранились. Это обстоятельство можно связывать со ст. 59 Судебника.

СТАТЬЯ 60

Статья говорит о переходе движимого и недвижимого имущества умершего, в случае отсутствия у него сыновей, дочерям, а в случае отсутствия вообще детей, — кому-либо из родичей. Это постановление Судебника возникло на основе обычного права Северо-восточной Руси, которое хорошо иллюстрируется материалом духовных грамот. Так, князь Василий Васильевич Галицкий, умирая без сыновей, завещал в 1433 г. по сво

---

[1] И. Д. Мартысевич. Псковская судная грамота, стр. 136, 190.

[2] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 174—175, № 193.

духовной грамоте часть своих сел жене и дочерям, часть братьям, а часть велел дать „по душе“.[1] Поскольку практика передачи по завещанию имущества наследникам женского пола, а также боковым родственникам, была распространенной, Судебник перенес эту практику и на случай, когда умерший не оставлял завещания.

СТАТЬЯ 61

Классовая и внутриклассовая борьба принимала часто форму борьбы за землю. Отсюда — появление в Судебнике статей 61—64, посвященных тяжбам из-за огораживания пашен и пожен, переорания меж и уничтожения граней, земельных захватов. Статья 61 говорит об огораживании пашен и пожен.

Цель этой статьи Н. Л. Дювернуа видит в стремлении прекратить споры о потравах, так как в этой же статье сказано, что „потраву платит тот, чьею изгородью она учинится“.[2] С. Б. Веселовский замечает по поводу ст. 61 следующее: „Лапидарность и некоторая неясность этой статьи объясняется тем, что она говорила о вещах, всем хорошо известных. Смысл статьи ясен. Изгородь на границе двух владений должны ставить пополам хозяева, государи владений. Ответственность за потраву хлеба или покоса падает на того, кто не сделал изгороди или сделал, но небрежно и недостаточно прочно. Государь отхожих, т. е. удаленных от деревень, покосов должен сам охранять их, но если отхожие покосы были смежны с пахотной землей, то обязанность ставить изгородь со стороны пашни возлагалась целиком на хозяина пахотной земли“.[3]

Ни Н. Л. Дювернуа, ни С. Б. Веселовский не дают правильного анализа ст. 61 и раскрытия ее социально-экономического смысла. Между тем он имеет громадное значение для изучения вопроса о росте феодального землевладения и поглощения им общинных земель. Эта статья отражает борьбу землевладельцев с пережитками старинных общинных сервитутов; „...все, что не входило в усадебное хозяйство или в надельную пашню, оставалось, как и встарь, общей собственностью для совместного пользования“.[4] Рост феодальной крупной собственности наносил удар общинным правам. Борьба с последними велась путем огораживания пашен и покосов, устройства „осеков“ в лесу, наконец, обмежевания владений. В жалованной грамоте кн. Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю XV в. читаем: „Били ми челом старци от Пречистыа богоматери ис Кирилова монастыря, а сказывают, что ставите сена на лузех по Шохсне, да тех сен не городите, а их стада монастырскые по лугом ходят, и чье будеть сено

---

[1] Акты соц.-эк. истории Северо-восточной Руси, т. I, стр. 86—87, № 108.
[2] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суда в древней Руси, стр. 284.
[3] С. Б. Веселовский. Село и деревня в XIV—XV вв., стр. 33.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр 635.

не в городбе их стадом потравлено, ино им в том пени нет, и вы бы сена городили, а не имете городити, а у вас потравят сена, ино вам изстравы нет".[1] См. также жалованную грамоту князя Юрия Ивановича московскому митрополичьему дому 1526 г.: „Да мои ж де христиане, Воиславского села сельчане и деревенщики, и моих поместщиков люди и христиане митрополичих христиан Оксиньинского села и деревенщиков на их пашни в поля и в луги животину пускают, и по пашням и по пожням стада ганяют, и в том деи митрополичим христианом обиды многие... И яз... своим христианом Воиславского села и деревенщиком на митрополичих христиан пашни в поля и в луги животины пускати, и стад ганяти, и своим поместщиком, и их людем, и христианом не велел. А хто учнет у митрополичих христиан на их пашни в поля и в луги животину пускати и стада ганяти, и яз на тех дал пристава трубника своего Пятелю Губцова, а велел есми животину в протраве имати, а чья будет животина, и яз тех людей велел давати на поруки да ставити перед собою. И кого передо мною в том митрополич приказщик с христианы уличит, и яз на том протраву велю взяти вдвое".[2]

СТАТЬЯ 62

Статья говорит о наказании за нарушение границ чужой земельной собственности. Аналогичная статья повторяется в уставных грамотах наместничьего управления. См. Двинскую уставную грамоту 1397 г., ст. 4: „А друг у друга межу переорет или перекосит на одином поле, вины боран, а межи сел, межа-тритцать бел, а княжа межа-три сороки бел, а вязбы в том нет". В Белозерской уставной грамоте 1488 г., ст. 18: „А кто у кого межу переорет или перекосит, ино наместники наши и их тиуны возмут на виноватом за баран восмь денег".[3] Этой статьей охраняется „феодальная собственность на землю", являвшаяся „основой феодализма".[4] В статье ярко выступает классовый характер феодального права: за уничтожение меж на феодальных землях — кнут, за нарушение границ крестьянских участков — штраф.

СТАТЬЯ 63

Статья касается давности по земельным искам. Указаны два срока: три года и шесть лет (по великокняжеским земельным искам).

О трехлетней давности земельных исков говорит памятник XIV в. „Правосудие митрополичье" (ст. 20): „А что ся деял за 3 годы, того

---

[1] Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб. 1900, стр. 175, № 157.

[2] Акты феодального землевладения и хозяйства ч. 1, стр. 94—95, № 99.

[3] ААЭ, т. I, № 13; ГНП, стр. 144, № 88, № 123.

[4] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 41.

искати судом, ли что деялся при ином князи, ли властелине, того не искати".[1] Шестилетнюю давность имеет в виду Псковская судная грамота (ст. 9): „А коли будет с кем суд о земли о полней, или о воде, а будет на той земли двор, или нивы розстрадни, а стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцю съслатся на сосед, человек на 4 или на 5, а суседи став, на коих шлются, да скажут как прав пред богом, что чист, и той человек, которой послался, стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, а супротивен в те лета ни его судил, ни на землю наступался, или на воду, ино земля его чиста или вода, и целования ему нет; а тако не доискался кто не судил, ни наступался в ты лета". Шестилетняя давность, судя по правым грамотам, практиковалась и в Звенигородском княжестве. См. правую грамоту 1491 г. по делу между представителем Саввы-Сторожевского звенигородского монастыря Иваном Токорем и крестьянином Семянкой: „И князь Ондрей Васильевичь велел судьям Ивашка Токоря в игумново место Варламова оправить, а землю Суховерховскую велел присудить монастырю, игумену Варламу с братьею, а Семянка велел обвинить того деля, что Семянко кажет тому шестой год, как сел на той выти, а от тех мест Семянко ведает, что Ивашко делает городскую землю, его двора выть, а ей на нем не искал".[2]

В исторической литературе идет спор о том, из какого источника попало в Судебник постановление об исковой давности. Последняя сводка материала по этому вопросу принадлежит С. В. Юшкову. С. В. Юшков отрицает возможность заимствования „постановления Судебника 1497 г. из Псковской судной грамоты, поскольку мы наблюдаем значительное несовпадение постановлений этих памятников: в Судебнике устанавливается срок в 3 и 6 лет, в Псковской судной грамоте — 4—5 лет, в Судебнике устанавливается два срока, в Псковской судной грамоте — один". Кроме того, „московскому праву знакома давность только исковая, а псковскому и давность приобретательная". Возражает С. В. Юшков и против мнения „о заимствовании постановления Судебника из литовского права, поскольку литовское право вообще не привлекалось составителями Судебника в качестве материала и поскольку, следовательно, предположение о том, что только одна статья из всего количества статей Судебника была составлена на основе литовского права, совершенно невероятно". Источником постановления Судебника о давности не могла быть, — как считает С. В. Юшков, — также практика Звенигородского княжества. „Едва ли составители Судебника могли учесть практику удела, ликвидированного за семь лет до его составления". „Кроме того, дошедшие до нас приговоры звенигородского князя доказывают только существование более краткосрочной давности

[1] С. В. Юшков. Правосудие митрополичье. ЛЗАК, 1927—28 гг., вып. 35, Л., 1929. стр. 115—120.

[2] АЮ, стр. 13—14, № 7.

(5—8 лет), чем в других местностях Московского государства, но у нас нет решительно никаких данных, что в этом уделе применялся двойной срок и, в частности, трехлетний для земель вотчинников и монастырей". Наконец, С. В. Юшков отвергает предположение „об издании до 1497 г. особого закона о давности, близкого или тождественного с постановлениями Судебника и воспроизведенного затем его составителями". Вначале Юшков считал, что постановление Судебника о трехлетней и шестилетней давности является совершенно новым. После введения в научный оборот „Правосудия митрополичьего" Юшков пересмотрел этот вопрос и пришел к иным выводам. „Очевидно, что еще в XIII в. в практике митрополичьего суда существовал трехлетний срок давности. Эта практика не была усвоена княжеским судом, но была ему известна. При составлении Судебника 1497 г. был поставлен вопрос об установлении краткосрочной давности, известной составителям как из постановлений Псковской судной грамоты, так и из практики удельных княжеств, в частности, из практики Звенигородского княжества. Несомненно, московское правительство, ставя вопрос об установлении краткосрочной давности, стремилось как можно скорее ликвидировать земельные споры в присоединенных к Москве землях, где существовали различные представления о давности и различные сроки. Наиболее подходящим сроком, по мнению составителей Судебника, и являлся трехлетний срок, существовавший в практике митрополичьего суда, тем более что при переходе к трехполью использование земли в течение севооборота (трехлетнего) является фактом, в достаточной степени свидетельствующим о полном хозяйственном обладании данным земельным участком"[1]. Таким образом, в конечном итоге С. В. Юшков признает влияние на Судебник практики псковской и звенигородской, хотя вначале он это обстоятельство отрицал. Действительно, Судебник как памятник общерусского права должен был учесть порядки, действовавшие ранее в самостоятельных уделах и землях.

Некоторые исследователи предполагали, что до постановления Судебника о трехлетней и шестилетней давности в Московском княжестве существовала пятнадцатилетняя давность по земельным искам. Ссылались при этом на грамоту Ивана III 1483 г., в которой имеется указание на давность, относящееся ко времени его деда в. кн. Василия Дмитриевича: „...как дед мой учинил, князь великий, в своей отчине в великом княжении суд тогда о землях и о водах за пятнатцать лет, так и мне, князю великому, послати своего боярина, а хто будет отец наш митрополит в нашей отчине, и отцу нашему послати своего боярина, и оне, ехав в слободку, так же учиня

---

[1] С. В. Юшков. К древнейшей истории института давности по русскому прав… Ученые записки Всесоюзного Инст. юрид. наук Министерства Юстиции СССР, вып. … М., 1947, стр. 142—144.

справу за пятнадцать лет землям...".[1] Однако изучение правых грамот оказывает, что пятнадцатилетний срок давности вовсе не был общим правилом. Д. М. Мейчик приводит свидетельство отводной книги землям Кириллова монастыря от великокняжеских,[2] из которых видно, что „московские ояре, разбиравшие дела в порядке доклада, не стеснялись сорокалетним роком. „И князь Василий Иванович в деревне Семкине да в Негодяевской рестьян оправил, а чернецов обинил, а князь великий Иван Васильевич сея Руси велел те земли отдати черньцом, потому что искали крестьяне а сорок лет".[3]

Буржуазные исследователи интерпретируют ст. 63 в формальном плане. Так, Н. Л. Дювернуа пишет: „Точка зрения на давность чисто процессуальная... Против иска о частных землях можно возражать, если три года хозяин земли не искал ее; также в тех спорах, в которых казенные земли, переходя из рук в руки, не уходят из казны; если же по иску предусматривается переход земли из казенного ведомства в частную собственность, то возражение может иметь место только по истечении шести лет". Пытаясь понять смысл ст. 63, Дювернуа видит в ней известную долю произвола, так как, с его точки зрения, „разумного и необходимого основания для 3-х, 4-х летнего срока найти нельзя...". Произвол, по мнению Дювернуа, заключается в том, что „князь просто больше жалует собственность казенную, нежели частную. Казенная собственность пользуется привилегией. Она так поставлена относительно частной, что движение из рук частных лиц в руки казны очень облегчено, а обратное движение тщательно заслоняется".[4]

Между тем при толковании ст. 63 надо исходить не из формально-схоластических рассуждений, как это делает Дювернуа, а из анализа реальных классовых и внутриклассовых отношений действительности. Основная масса неразрешенных судебных тяжб касалась, как показывают правые грамоты, именно земель великокняжеских крестьян, захваченных крупными феодалами — боярами и монастырями. Именно по этой линии шла, главным образом, борьба за землю. Отсюда — несколько повышенный срок давности в отношении этой категории дел.

Выражение „земли за приставом" Н. Л. Дювернуа толкует как земли, из-за которых начался суд. „Дело за приставом есть такое, по которому начался процесс. За приставом могут быть люди, если по иску они должны подвергнуться личной ответственности... За приставом могут быть движимости. Наконец, за приставом могут быть земли... Возможно, что в тех

---

1 Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 1, стр. 23, № 1.
2 ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, № 858.
3 Д. М. Мейчик. Грамоты XIV—XV вв., стр. 44.
4 Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, стр. 285—286.

случаях, когда земли спорные отдавались за пристава, этот пристав должен был охранять их, как заповеданные, от наезда до суда. С другой стороны, весьма вероятно, что такие земли не подлежали отчуждению".[1]

Сопоставление ст. 63 с Новгородской судной грамотой дает основание думать, что пристав был обязан следить, чтобы истец не захватывал насильно спорную землю до вынесения приговора судом. Новгородская судная грамота запрещает тяжущимся самовольные наезды без судебного решения на землю, по поводу которой возникла тяжба: „А кому будет о земле дело, о селе, или о дву, или болши, или менши, ино ему до суда на землю не наезщать, ни людей своих не насылать, а о земле позвати к суду" (ст. 7). Когда Судебник говорит о землях, „которые за приставом в суде", он и имеет в виду земли, о владении которых началось и ведется дело и которые вплоть до окончания судебного процесса находятся под специальной охраной приставов, во избежание незаконных наездов со стороны кого-либо из тяжущихся.

СТАТЬЯ 64

Статья предусматривает возможность пересмотра дела, который сопровождается взысканием с тяжущихся новой пошлины — пересуда. См. Новгородскую судную грамоту (ст. 3): „А наместником великого князя и тиуном пересуд свой ведати по старине". В договоре Новгорода с Казимиром IV 1471 г.: „А наместнику твоему судити с посадником во владычне дворе... а судити ему вправду, по крестному целованью, всех равно, а пересуд ему имати по новгородцкой грамоте по крестной, противу посадника, а опричь пересуда посула ему не взяти".[2] Статья 64 устанавливает следующие положения: 1) с дела на сумму меньше рубля пересуд не взыскивается; 2) пересуд не взыскивается с судных списков как по земельным делам, так и по делам о холопстве, передаваемым в высшую инстанцию на доклад; 3) пересуд взыскивается с дел, решаемых „полем"; 4) пересуд взыскивается при пересмотре дела в том случае, если во время доклада одна из тяжущихся сторон объявит судный список (предъявленный к докладу) лживым (составленным неправильно) и потребует новых доказательств.

Без „пересуда" дело обходится в том случае, если во время доклада судного списка обе стороны признают его правильность. Обычная формула доклада такая: „И о сем судья рекся доложити государя великого князя или человека старишего. Перед князем... сесь список положил и в-ыщеино место... и ответчика... поставил... И князь... выслушав список, спросил обоих истцов: суд вам таков был ли, каков в сем списку писано? И обои истцы сказали, что им суд таков был, как в сем списку писано... И по

[1] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, стр. 388.
[2] ААЭ, т. I, № 87; ГНП, стр. 130, № 77.

великого князя слову... князь... велел судье по сему списку ответчика... оправити..., а ищею велел судья обвинити...".[1]

В некоторых случаях одна из сторон во время доклада „лживила" список (доказывала его неправильность) и приводила (или не приводила) ссылки на свидетелей. К 1501 г. относится земельное дело между Абросимом Шалабой Александровым сыном Шошуковым и Михеем Якимовым сыном. Судный список был доложен „старейшему человеку" великого князя. Тот, выслушав список, спросил обоих истцов: „Был ли вам таков суд, как в сем списке писано?". Абросим Шалаба сказал, „что ему суд таков был, как в сем списке писано, и послался с судьями по списку на судные мужи". Михей же Якимов заявил, „что ему суд был не таков, как в сем списке писано, и послался с судьями по списку на судные мужи". В дальнейшем он отказался от первоначальной ссылки на судных мужей, продолжая утверждать, что ему „суд не таков был, как в сем списку писано". В результате Абросим Шалаба был оправдан, а Михей Якимов обвинен, „потому что список оболживил и послался с судьями не по списку на судные мужи, да сказал, что ему суд не таков был, а на судные мужи не шлется...".[2]

Иногда опорочивалось уже принятое (по докладу) решение суда и начиналась новая тяжба. В конце XV—начале XVI в. разбиралось дело о владении наволоком между братьею Ферапонтова монастыря и великокняжескими крестьянами. По докладу великому князю Ивану Васильевичу, дело было решено в пользу крестьян. Но монастырь снова поднял дело и при вторичном разборе уже выиграл его. В приговоре указано, что в первой правой грамоте на имя великокняжеских крестьян пожни были указаны „безъимянно".[3]

Подвойские — пристава, вызывавшие ответчика в суд. См. договор Ивана III с Новгородом 1471 г.: „...а позов по волостем Новогородским позывати позовником великих князей да новугородским, а в городе позывати князей великих подвойской, а новугородцкой подвойской".[4] См. также Двинскую уставную грамоту 1397 г. (ст. 9): „А кто на кого челом бьет, дворяне и подвойские позовут к суду, а он не станет у суда, и на того наместници дадут грамоту правую безсудную".[5]

Правый десяток — выражение происходит, повидимому, от слова „правда". Таким образом, „правый десяток" — пошлина, получаемая подвойскими в случае пересмотра дела по докладу судьи высшей инстанции ввиду ссылки одного из тяжущихся на „правду" (т. е. требования им привлечения новых данных по делу).

---

[1] Описание актов Уварова, стр. 21—24, № 19.

[2] Русский исторический сборник, изданный Обществом истории и древностей российских, т. 5, 1842, стр. 11—14.

[3] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 131—137, № IV.

[4] СГГД, т. I, стр. 29, № 20; ГНП, стр, 49, № 27.

[5] ААЭ, т. I, № 13; ГНП, стр. 145, № 88.

СТАТЬЯ 65

Статья говорит, что в случае наличия в городе или волости нескольких наместников или волостелей размеры судебных пошлин не увеличиваются. Пошлины, следовательно, взимаются по установленной норме и только поступают не одному лицу, а делятся между несколькими наместниками или волостелями.

Назначение нескольких наместников в город и волостелей в волость было распространенным явлением. См. грамоту Ивана IV А. М. Кобякову о пожаловании в кормление половины слободы.[1]

СТАТЬЯ 66

Статья регламентирует вопросы холопьего права.

Полная грамота—документ, оформляющий продажу в полное холопство (рабство). См. духовную грамоту Ивана III 1504 г.: „А грамоты полные и докладные на Москве пишет дьяк ямской сына моего Васильев, как было при мне; а опричь того, на Москве грамот полных и докладных не пишет нихто“.[2] Из этого документа видно, что московское правительство, придавая большое значение оформлению грамот на холопов, поручает их составление одному ответственному лицу — ямскому дьяку.

Много толкований в исторической литературе вызвала статья о холопстве по городскому и сельскому „ключу“. Для буржуазной историографии характерен формальный подход к этому вопросу. Так, Н. Л. Дювернуа по поводу ст. 66 замечает: „Общих мер, направленных против закабаления себя в частные руки, мы в это время не видим. Судебник знает по делам холопьим доклад, но и без доклада допускает закабаление себя, жены и детей, при условии, что эти лица жили у одного господина с отцом“.[3] В. И. Сергеевич указывает, что по ст. 66 тиун и ключник — одно и то же: „Делается он холопом... в силу одного факта принятия сельского ключа. Московские памятники сохранили некоторые ближайшие указания на деятельность этих сельских тивунов-ключников. Под их непосредственным ведением состоят все остальные холопы. Ключники целуют за них крест. Ключники же собирают господские доходы и заботятся о их приращении; с этой целью они раздают господское серебро в рост крестьянам и получают с них проценты, а по наступлении сроков взыскивают капитал. Они вступают в сделки именем своего господина и приобретают для него недви-

---

[1] Акты Юшкова, стр. 116, № 34.

[2] СГГД, т. I, стр. 397, № 144; ДДГ, стр. 361, № 89.

[3] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, стр. 215.

жимости и рабов. Эти покупки тивуны делают «за ключом их господина» или «на его ключ»".[1]

В советской историографии постановление Судебника о холопстве по сельскому и городскому ключу получило новое, правильное толкование. Так, Б. Д. Греков, сопоставляя ст. 66 Судебника со ст. 110 Пространной Правды (по академическому изданию), приходит к выводу, что самое понятие „ключа" с течением времени изменилось. „Держать ключ", „с ключом ходить" в древности означало отправлять должность ключника. „Но в Судебнике говорится о ключе в другом смысле. Ключ сельский и ключ городской — это то, что в больших хозяйствах называлось службой по какой-либо из специальностей, на которые распадалось крупное хозяйство". В качестве иллюстрации к разбираемой статье Судебника Б. Д. Греков приводит „Книгу ключей" Волоколамского монастыря 1547—1559 гг., в которую внесены имена монастырских слуг с указанием количества выплачиваемого им жалованья. Отсюда Б. Д. Греков делает вывод, что „жить в ключе" значило находиться в службе, работать на хозяина.[2] В другом месте своего исследования Б. Д. Греков на основании анализа новгородских писцовых книг сближает сельских ключников (которых Судебник называет холопами) не с холопами в узком смысле, а с крепостными крестьянами.[3] Появление ст. 66 в Судебнике Б. Д. Греков ставит в связь с общими хозяйственными сдвигами в стране, делавшими невыгодным применение труда полных холопов.

Последняя часть ст. 66 касается источников полного холопства. А. И. Яковлев считает, что „категорическое правило" Судебника — „по робе холоп, по холопу роба" — имело своим „зародышем" статью Правды Русской: „А второе холопьство: поиметь робу без ряду; поиметь ли с рядомь, то како ся боудеть рядил, на том же стоить".[4] Смысл ст. 66 А. И. Яковлев видит в ограничении древнего права, согласно которому дети рабы принадлежали господину. „Это робкое затрагивание потомства рабы в древнем праве, несомненно, считавшем рабий прирост находящимся в полном распоряжении господина, в московском праве обоих Судебников осложняется явственно проводимой тенденцией — не позволять автоматически кабалить детей холопов, рожденных *до* рабства родителей".[5] Яковлев не ставит изучаемое явление в связь с общехозяйственными сдвигами, отразившимися на отмирании полного холопства. А в этом именно надо искать ключ к объяснению смысла ст. 66. На это-то как раз и обратил внимание Б. Д. Греков.

---

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, стр. 126.
[2] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 576—577.
[3] Там же, стр. 579.
[4] А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве, стр. 83.
[5] Там же, стр. 84.

СТАТЬЯ 67

Решение о том, чтобы по всем городам и волостям Русского централизованного государства было объявлено запрещение взимать „посулы" и давать ложные показания на суде, указывает на стремление великокняжеской власти к широкому распространению Судебника как кодекса действующего феодального права.

СТАТЬЯ 68

Регламентирует процедуру судебного поединка — „поля", запрещая присутствие на месте боя посторонним людям.

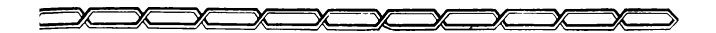
Иллюстрацией к ст. 68 может служить рассказ Герберштейна: „Оба (противника, решающих дело судебным поединком, — *Л. Ч.*) могут выставить вместо себя на поединок какое угодно другое лицо, точно так же оба могут запастись каким угодно оружием, за исключением пищали и лука. Обыкновенно они имеют продолговатые латы, иногда двойные, кольчугу, наручи, шлем, копье, топор и какое-то железо в руке, наподобие кинжала, однако заостренное с того и другого краю... Бой они начинают прежде всего копьем, а потом пускают в ход другое оружие... Та и другая из сторон имеет много друзей и покровителей, зрителей ее боя, но они лишены всякого вооружения, кроме кольев, которые иногда и пускают в ход. Ибо если окажется, что одному из бьющихся причиняется какая-нибудь обида, то для защиты его от этой обиды сбегаются его покровители, а затем и покровители другого противника, и таким образом между обеими сторонами завязывается бой, приятный для зрителей, ибо борьба ведется потасовками за волосы, кулаками, палками и обожженными кольями".[1]

[1] **С. Герберштейн.** Записки о московитских делах, стр. 84—85.

СУДЕБНИК

1550

ГОДА



ВВЕДЕНИЕ

В. Н. Татищев был первым историком, обратившим внимание на Судебник 1550 г. Он приобрел рукопись Судебника, писанную „с прописью золотом“, в роскошном переплете, и в 1734 г. поднес ее, „яко вещь дивную“, императрице Анне Ивановне, а снятую им копию передал в Академию Наук. С этой „собственноручной“ копии Татищева, в настоящее время не разысканной, Судебник был издан Г. Ф. Миллером в 1768 г.[1] Это издание передает текст списка Судебника, а также примечания Татищева к отдельным статьям Судебника. Кроме Судебника, в нем опубликованы указы правительства с 1550 по 1607 г. и письмо царя Ивана Васильевича к казанскому архиепископу Гурию. Издатель стремился передать использованный им список возможно точнее, исправляя только явные ошибки переписчика. Но самый список, положенный в основу этого издания, не свободен от некоторых изменений и модернизации текста, модернизации, свойственной всем копиям Татищева.

В том же 1768 г. появилось и другое издание Судебника, подготовленное переводчиком Академии Наук Семеном Башиловым.[2] Оно напечатано по списку, преподнесенному в 1746 г. Академии Наук канцеляристом Устюжской епархии Иваном Поповым. Список, по словам издателя, XVII в. К основному списку даны варианты и дополнены пропущенные места по двум спискам Татищева, сохранившимся до наших дней в Библиотеке Академии Наук. Примечания к ним сделаны Татищевым; эти списки хранятся в Библиотеке Академии Наук СССР под номерами 16.14.9 и 17.8.19 (см. стр. 128 и 129, описание списков 35 и 38). Кроме Судебника, в это издание включены „Книги законные Юстиниана“, „Указы дополнительные Судебнику“ за 1550—1581 гг. и Таможенный устав 1571 г. Издание Башилова отличается исключительной тщательностью. В критических примечаниях, следующих за текстом, издатель указывает, что передавал текст с абсолютной точностью „от литеры до литеры“. Примечания очень четко излагают правила, положенные в основу издания.

---

[1] Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768. — Второе издание, воспроизводящее первое без изменений. М., 1786.

[2] Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику, и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768.

Оба списка Судебника 1550 г., положенные в основу названных изданий, — собственноручный список Татищева и список Попова, — в XVIII в. хранились в Академии Наук. В настоящее время они не разысканы.

Третье издание Судебника появилось в 1819 г. Оно было подготовлено к печати К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым на основании списка, принадлежавшего Калайдовичу.[1] Список этот, по словам издателей, „преимуществует перед прежними своей древностью и точностью“. Список передан вполне точно; как сказано в предисловии, „не только одно слово или речение, но ниже самая буква не проронены против подлинника“. Этот список в настоящее время хранится в ЦГАДА, в Древлехранилище, отд. 5, рубр. II, № 4 (см. стр. 122, описание списка 15).

В 1841 г. вышел в свет первый том Актов исторических. В нем также издан Судебник 1550 г.[2] К изданию привлечены 18 рукописных списков и 4 предшествующих издания: три вышеперечисленные и четвертое — так называемый Сводный Судебник, напечатанный в 1774 г. В основу издания положен „свод Судебника“, составленный П. М. Строевым из трех принадлежавших ему списков; ныне все они хранятся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ), в собрании Погодина под №№ 1841, 1842 и 1843 (см. стр. 120, 123 и 127, описание списков 9, 23 и 33). Дальнейшая работа по подведению вариантов из рукописных списков и печатных изданий проведена главным редактором издания протоиереем Иваном Григоровичем. В предисловии приведен перечень использованных списков, но не сказано, какими правилами и приемами руководствовались издатели при передаче текста.[3]

Мы не упоминаем здесь об изданиях Судебника 1550 г., являющихся простыми перепечатками перечисленных изданий и не имеющих самостоятельного значения.[4]

Мы имеем, таким образом, четыре издания Судебника, основанные непосредственно на рукописях. Но первое (изд. Миллера) воспроизводит один, притом поздний и значительно искаженный список Татищева, во втором (Башилова) и третьем (Калайдовича и Строева) хотя и положены в основу, видимо, близкие к подлиннику списки, переданные очень тщательно и точно, все же самый выбор списков был случайным. Кроме того, Калайдович и Строев вовсе не привлекли к изданию варианты других списков, а Башилов использовал для вариантов только два поздних списка Татищева. Четвертое издание (АИ) надо признать наименее отвечающим требованиям строго научного издания. Правда, издатели привлекли к этому изданию значительное количество списков, использованных ими для подведения вариантов. Но прием, примененный в этом издании для построения

---

[1] Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819.

[2] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I, СПб., 1841, № 153.

[3] Из 18 списков, использованных редактором Актов исторических, в настоящее время известны 16 и копия XIX в. с одного из недостающих. Все они использованы в настоящем издании.

[4] Текст Судебника 1550 г., напечатанный В. Ф. Владимирским-Будановым во выпуске его „Христоматии по истории русского права“ (Ярославль, 1871 и изд. Киев, 1915), которой так широко пользуются наши исследователи, является воспроизведением текста Актов исторических, но без вариантов.

основного списка — слияние воедино текстов трех списков и искусственное создание из них по существу нового текста, надо признать неудовлетворительным. Эти соображения вызывают необходимость нового издания Судебника 1550 г., для которого к тому же мы располагаем гораздо большим количеством списков, нежели составители предшествующих изданий.

Подлинник Судебника, принятый на заседании Боярской думы в июне 1550 г. и представленный на утверждение Стоглавого собора в следующем году, до нас не дошел. Сохранились лишь многочисленные списки его.[1] В Актах Археографической экспедиции[2] напечатана опись царского архива; в этой описи упомянут Судебник „за дьячими руками", очевидно подлинник Судебника 1550 г. Списки с этого подлинника рассылались „за скрепою дьяка приказа в областные места из центральных учреждений, смотря по тому где кто судим"[3] (см. стр. 127, описание списка 33). И только немногие списки делались для людей, интересующихся Судебником как историческим памятником. Поэтому не приходится удивляться, что большинство дошедших до нас списков относится ко второй половине XVI и к первой половине XVII в., т. е. ко времени от составления Судебника до введения в судебную практику нового законодательного памятника — Уложения 1649 г.

При переписке для служебных целей не могли допускаться никакие изменения, дополнения, пропуски текста и т. п. Вот почему тексты списков, за некоторыми исключениями, очень близки между собой, варианты по большей части вызваны невниманием или непониманием текста лицами, переписывавшими рукопись, а не сознательно внесенными изменениями.

Статья 98 Судебника 1550 г. предусматривала приписку к Судебнику указов, которые должны были появиться после него. И действительно, в тех сборниках, в которые включены списки Судебника, за ним обычно следуют указы, являющиеся памятником дальнейшего законодательства, составляющие так называемые дополнительные статьи, точнее, дополнительные указы к Судебнику.

Большинству известных нам списков Судебника предшествует оглавление. Текст начинается с вводной статьи, за которой следуют статьи нумерованные. Число статей не во всех списках одинаково. В большинстве списков 99 или 100 статей, причем последняя статья во многих списках не нумерована. Статья 100 опущена в списках 1, 7, 16, 17, 19, 20, 33, 38; приведена без номера в списках 2—6, 11—15, 21, 24, 26 (см. Комментарий, стр. 338, ст. 100, примечание). В некоторых списках есть и другие отличия в составе Судебника. В целом ряде списков отсутствует статья 77 „Об отпускных" (об этом подробнее см. стр. 115). Имеются и другие отступления от общепринятого расположения статей в Судебнике. Все они могут считаться случайными. К таким отступлениям относится либо пропуск той или иной статьи (так, в списке 23 отсутствует статья 89, в списке 19 пропущена статья 54; содержание опущенных статей не позволяет сомневаться, что пропуск их случайный, вызванный либо недосмотром

[1] В приходо-расходной книге Никольского Корельского монастыря 1562 г. имеется запись: „Месяца февраля дал крилосного Якуни на два месяца шесть алтын без дву денег; даему ж дал три алтына — писал Судебник" (ЛОИИ, собрание рукописных книг, № 937, л. 27).

[2] ААЭ, т. I, № 289.

[3] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки. СПб., 1888, стр. 277.

переписчика, либо изменением порядка статей (в списке 18 — перестановка статей 77 и 78, в списке 17 — статья 19, связанная по содержанию со ст. 17, помещена между статьями 97 и 98, являющимися одна продолжением другой: здесь, таким образом, перестановка также случайная); в некоторых списках, обычно в тех, которые характеризуются небрежностью переписчиков и большим количеством ошибок, перепутана нумерация статей, одни номера пропущены, другие повторены дважды (см. списки 7, 16, 31, 32); наконец есть случаи, когда тот или иной из дополнительных указов внесен в текст Судебника: 1) в списках 2 и 11 указ „О духовной суд" хотя и помещен после 99 нумерованных статей Судебника, но предшествует статье „О суде с удельными князи", обычно следующей непосредственно за ст. 99; 2) в списке 9 на то же место, между ст. 99 Судебника и статьей „О суде с удельными князи", помещены два указа из числа дополнительных — указ от 5 мая 1555 г. „О стоящих на праveже в истцовых исках" и указ от 11 октября 1555 г. „О служащих добровольно".

Всего в архивах Ленинграда и Москвы нам известно 40 списков Судебника 1550 г. Из них 13 относятся к XVI в., 21 — к XVII в. Остальные относятся к XVIII и XIX вв.; они связаны с именами Татищева и Румянцева, которые интересовались Судебником как историческим памятником.

Изучение и сличение сохранившихся списков Судебника показывает, что текст их настолько близок между собой, что нет никаких оснований говорить о существовании различных редакций этого памятника. Текст отдельных списков, за немногими исключениями, не содержит существенных смысловых разночтений. Большинство вариантов имеет характер перестановки слов, описок, случайных пропусков, а в более поздних списках — осмыслений писцом ставших непонятными слов и выражений. Наличие подобных вариантов не дает оснований для составления генеалогии списков и разделения их на отдельные редакции. Это вполне объяснимо в отношении памятника, который имел чисто официальное значение и сравнительно очень кратковременную жизнь. К тому же подвергать его изменениям и дополнениям не было оснований, поскольку все новые указы приписывались к Судебнику, что предусмотрено было в самом Судебнике: „А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех бояр приговору вершатца, и те дела в сем Судебнике приписывати" (ст. 98).

Изучение списков дает лишь возможность выделить несколько групп их, отнюдь не являющихся отдельными редакциями, но включающих списки, сходные по встречающимся в них разночтениям и, очевидно, восходящих к одному протографу. Такую близость обнаруживают следующие группы:

1) Списки 3, 12, 21, 40 характеризуются значительным количеством пропусков текста, притом пропусков, одинаковых во всех списках этой группы; в особенности часты пропуски в тех случаях, когда одно и то же слово встречается в разных фразах; в этих случаях писец протографа этих списков постоянно пропускал текст, заключенный между этими словами (пропуски такого рода как чисто механические не нашли отражения в вариантах нашего издания).

2) Списки 17 и 20 объединяет, помимо текстуальной близости и состава (в обоих только по 98 статей), также состав сборников, в которых они находятся: вслед за обоими помещен Судебник 1589 г. Списки этой группы характеризуются некоторыми попытками внести изменения в Судеб-

приспособив его к каким-то местным условиям, повидимому к северной мирской организаци (см. статьи 55, 56, 61).

3) Списки 23, 25, 27, 29, 31 характеризуются пропуском в тексте статьи 77 „Об отпускных“. Во всех этих списках (а также в списке 18) эта статья приведена среди дополнительных указов. Однако здесь эта статья приведена не полностью, в ней опущена последняя фраза: „А кто положит отпускную без боярского докладу и без ноугородских и псковских наместников докладу, и без дьячие подписи, хотя и государя своего руку, и та отпускная не в отпускную“. Едва ли возможно установить, был ли пропуск ст. 77 простой небрежностью переписчика или тут имелась налицо определенная тенденция. Не имея протографа, в котором опущена статья 77, а только списки с него, и притом поздние — XVII и XVIII вв., — трудно ответить на этот вопрос. Скорее можно предполагать простой пропуск, так как в случае желания изъять из Судебника упоминание об отпускных это, вероятно, было бы сделано не только в отношении ст. 77, но и ст. 35, в которой также идет речь об отпускных. За то, что этот пропуск был не умышленным, а случайным, говорит и то место среди дополнительных указов, где приписана статья об отпускных. Она помещена здесь всегда в одном и том же месте, вслед за статьей „О крестном целовании“, под № 148. Есть основание предполагать, что этой статьей в известный момент оканчивался Судебник с дополнительными указами. Об этом говорит приписка на полях против ст. 149 списка 31: „С сего числа приписка которых глав не было“. О том же свидетельствует и список 25, в оглавлении которого, после ст. 148, дан заголовок к последующим статьям: „А се главы, которые дела после сего Судебника внове приговариваны“. Отсюда следует, что были списки, оканчивавшиеся статьей „О крестном целовании“ (так, этой статьей оканчиваются списки 3 и 24), и что статья об отпускных, ошибочно пропущенная при переписке, была помещена в самом конце списка. Позднее к этому тексту были приписаны новые дополнительные указы и, таким образом, статья 148 „Об отпускных“ оказалась между дополнительными указами. Можно определить время, когда это произошло, т. е. время написания первого списка, в котором статья об отпускных была пропущена: предыдущий указ датирован 11 января 1558 г., следующий, 149-й, — 7066 г. (1558 г.) без указания месяца и числа. Следовательно, список, послуживший протографом для списков этой группы был переписан в январе—августе 1558 г.

4) В списках 16, 22, 24, 32, 35—37 статья 77 „Об отпускных“ хотя и стоит на надлежащем месте, но с тою же особенностью, которая характеризует и списки предыдущей группы: в ней опущена последняя фраза.

Списки последних двух групп, судя по характеру разночтений в них, восходят к общему протографу с укороченной ст. 77. Но у списков первой из этих групп был еще какой-то промежуточный список, в котором статья 77 была пропущена при переписке, а позднее приписана в конце рукописи. Между тем списки второй из них восходят непосредственно к означенному протографу.

При выборе основного текста решающим могло бы быть сличение списков с Судебником 1497 г., многие статьи которого вошли в Судебник 1550 г. в подлинном или в переработанном виде. В самом деле, если бы при сличении оказалось, что все или хотя бы большинство заимствованных статей в одной из групп списков стилистически ближе к Судебнику 1497 г., это

доказывало бы, что данная группа всех ближе к протографу Судебника 1550 г. Сличение устанавливает, однако, что некоторые статьи повторяют Судебник 1497 г. в списках одних групп, в то время как другие статьи ближе к Судебнику 1497 г. в других группах.

Наблюдения над текстом свидетельствуют, что не всегда более ранние списки являются лучшими, ближайшими к недошедшему до нас протографу. При выборе основного текста не приходится поэтому руководствоваться признаком хронологическим. Более убедительными могли бы быть записи писцов или владельцев рукописей, свидетельствующих об официальном происхождении этих списков. Записи имеются только на трех из сохранившихся списков — 6, 32 и 33. Но все эти списки не свободны от значительного количества описок, пропусков или добавлений слов и выражений, архаизмов, а потому не могут быть положены в основу издания.

Указанные особенности названных групп исключают возможность рассматривать и их списки в качестве основных.

Неприемлемы в качестве основы при передаче текста и многие другие списки. Некоторые из них писаны небрежно, с ошибками, описками или пропусками, нередко искажающими текст (списки 7, 9, 14, 19, 30, 33). Многие списки не могут быть положены в основу издания либо по неполноте их вследствие утраты нескольких листов (списки 7, 18, 34), либо из-за их диалектологического своеобразия (списки 5, 10). Не пригоден в качестве основного и список 8, в текст которого включены специфические местные добавления, и список 6, подвергшийся значительной редакторской правке текста. Наконец, отпадают и списки XVIII в. (списки 35—39).

Остальные списки (1, 2, 11, 13, 15, 26, 28), близкие между собой, в ряде случаев дают лучшее чтение. Один из них и должен быть принят за основной.

Таким, наиболее исправным, списком этой группы является список из собрания Н. П. Лихачева, № 228. По палеографическим данным и составу следующих за Судебником дополнительных указов этот список можно отнести к началу 60-х годов XVI в.; он является, таким образом, одним из самых ранних из дошедших до нас списков. Он не содержит никаких перестановок, осмыслений или исправлений текста, а также никаких местных добавлений. Он и положен в основу передачи текста. Почти целиком отсутствующая в нем статья 100 передана по очень близкому к нему списку 2. По этому же списку восстановлены имеющиеся в основном списке незначительные пропуски (все восстановленные места отмечены в тексте звездочками).

Приведение всех вариантов по всем 40 спискам чрезвычайно затруднило бы пользование изданием.

При подведении вариантов не включены в них, во-первых, те варианты, которые имеются в списках, писанных небрежно, без понимания текста, содержащих значительное количество описок, пропусков и искажений (списки 7, 14, 19, 30, 31), и, во-вторых, варианты списков Татищева, содержащих немалое количество исправлений и осмыслений текста (списки 35, 36, 37, 38) и списка XVIII в. (39), не имеющего самостоятельного значения.

Варианты из других списков приведены лишь в тех случаях, когда они имеют смысловое значение. В вариантах не приведены многочисленные ошибки или описки, механические пропуски слов и частей текста, а также малоудачные попытки осмысления текста в поздних списках.

Все варианты даны в подстрочных примечаниях под цифрами. В примеаниях указан номер списка, в котором имеется данный вариант. Под буками даны примечания к основному списку. Нумерация статей, не во всех писках одинаковая, дана соответственно нумерации основного списка. 'аким образом, текст состоит из вводной статьи и 99 нумерованных стаей. Статья „О суде с удельными князи“ приведена после текста, под тдельным заголовком.

Текст Судебника печатается с заменой отсутствующих в современном лфавите букв: *е* вместо *ѣ*, *и* вместо *і*, *о* вместо ѡ, *у* вместо ꙋ и вместо аписания *оу*, *я* вместо ꙗ и ѧ и т. д., с отказом от ъ в тех случаях, огда его употребление не требуется современными грамматическими праилами, с раскрытием титлов и вставкой гласных букв после выносных огласных.

Переходим к описанию отдельных списков Судебника в хронологическом орядке.

1. Список в сборнике Архива Ленинградского отделения Института стории Академии Наук (ЛОИИ), собрание Лихачева, № 228. Рукопись ачала 60-х годов XVI в., 4°, на 84 листах; переплет кожаный, сумкой; оследние листы ветхие, а лл. 82—84 почти нацело оборваны. Водяные наки: кораблик и сфера, пересеченная чертой, на одном конце ее лилия, а другом — сердце; оба отнесены Н. П. Лихачевым к 60-м годам XVI в.[1] Іисана скорописью, одним почерком. На приложенном полулисте, вероятно брывке титульного листа, почерком XVII в. запись: „Судебник Соловецого монастыря стряпчего и слуги московские службы Дружины Тарутьева ына Посникова, по реклу Бармы, поступился Ивану Максимову, вологодкому таможенному подьячему, во 141-м году“.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—7 об. — оглавление, лл. 8—52 — екст); перед оглавлением вязью: „Судебник руской главы о розных судех“. Іеред текстом вязью: „Лета 7000 пятьдесят осмаго июня...“. В оглавлении в тексте 99 статей. После текста запись: „С царева и великаго князя Судебника снимок слово в слово“. Потом без номера, другим почерком, идимо позднее, приписано начало (3 строки) статьи „О суде с удельными нязи“. 2) Дополнительные указы (лл. 55—70 об.), последний от 14 марта 561 г. 3) Крестоцеловальная запись губных старост (лл. 71—74 об.).) Наказ губных старост (новгородский) от 6 мая 1559 г. (лл. 75—81); онец утрачен.

2. Список в сборнике Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина ЛБ), собрание Ундольского, № 823. Рукопись XVI в., 4°, на 62 листах, в паочном переплете. Водяной знак — рука, над средним пальцем звездочка, на укавице буквы КВ (№ 1569 у Тромонина — 1564 г.). Писана скорописью, дним почерком, заголовки, номера статей и заглавные буквы киноварью. Іо листам, почерком XVII в., запись: „Книга Судебник Василья Петровичя)тяева“, на последнем листе добавлено: „подписан лета... году марта в 26 ень“, обозначение года оборвано.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—7 об. — оглавление, л. 8—52 — текст). Оглавление состоит из 100 статей; в тексте также 100 стаей. Статья, значащаяся здесь как ст. 100 (указ „А о духовной суд“), во

[1] Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I, Пб., 1899, стр. CXLI—CXLII.

всех остальных списках, кроме списка № 11, помещена среди дополнительных указов. За ней без номера следует статья „О суде с удельными князи“. 2) Дополнительные указы (лл. 53—62), последний от августа 1566 г.

3. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № Q. II. 118. Рукопись XVI в., 4°, на 88 листах, в папочном переплете. Водяные знаки — рука, над ней корона (сходный № 352 у Тромонина — 1564 г.) и щит с изображением клюющей птицы (№ 1207 у Тромонина —1582 г.).

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 2—8 об. — оглавление, лл. 9—49 — текст). Перед оглавлением вязью: „Судебник руской главы о розных судех“. В оглавлении 99 статей; в тексте 99 статей нумерованных и статья „О суде с удельными князи“ — без номера. 2) Отрывок из Стоглава (лл. 49—67); опубликован в АИ, т. I, № 155, 3. Судебник и Стоглав писаны скорописью, одним почерком, на одной бумаге; далее почерк и бумага меняются. 3) Дополнительные указы (лл. 68—82), последний от 1559-60 г. 4) Выписка из губной грамоты г. Владимира от 24 сентября 1555 г. (лл. 82—88).

4. Список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Софийской библиотеки, № 1442. Рукопись XVI в., 4°, на 60 листах, в замшевом переплете сумкой. Водяной знак — сфера, над ней звездочка, внизу кружок (№ 1602 у Тромонина — 1564 г.). Писана полууставом, переходящим в скоропись, разными почерками.

Состав рукописи: Судебник 1550 г. (лл. 1—8 — оглавление, лл. 9—60 — текст). В оглавлении 99 статей, в тексте 99 статей нумерованных и без номера статья „О суде с удельными князи“.

Список писан без понимания текста; есть и дополнения, отсутствующие в других списках (см., например, статьи 44, 57).

5. Список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Софийской библиотеки, № 1443. Рукопись 60-х годов XVI в., 4°, на 56 листах, в кожаном переплете, от которого сохранилась только верхняя крышка. Водяные знаки — рука, над средним пальцем звездочка (сходен с №№ 1750—1753 у Лихачева — 1551 г.)). Писана скорописью, одним почерком.

Состав рукописи: Судебник 1550 г. (лл. 1—9 об. — оглавление, лл. 10—56 — текст). В оглавлении 123 статьи, включая и дополнительные указы, в тексте — 100 статей, последняя без номера. Конец сборника, видимо, утрачен вместе с недостающей задней крышкой переплета.

Все описки в тексте тщательно исправлены, пропуски дополнены рукою переписчика рукописи. В этом списке отразились местные диалектологические особенности — он писан, повидимому, в районе, расположенном на стыке двух великорусских говоров „акающего“ и „окающего“.

6. Список хранится в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ЛБ), собрание Ундольского, № 824. Рукопись XVI в., 8°, на 80 листах, в кожаном переплете с медными застежками. Водяной знак — кувшинчик с двумя ручками, на нем буквы МР (сходен с № 491 у Тромонина — 1595 г.). Писана скорописью, одним почерком; вводная статья, заглавные буквы и номера статей — киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—12 об. — оглавление, лл. 13—68 об. — текст). В оглавлении, включая дополнительные указы, 116 статей, в тексте 99 нумерованных статей и без номера статья „О суде с удельными

князи". За этой статьей (л. 68 об.) запись: „Лета 7058-го июня ... сии Судебники писали у дияка у Шершня у Билина, а правил их Шершень сам". По определению Н. П. Лихачева,[1] Шершень Билибин (а не Билин, что видимо является опиской) был дьяком приказа Большого Дворца в 1549 г. К несколько более позднему времени (ок. 1557 г.) можно отнести составление списка. Казалось бы список, составленный в одном из центральных правительственных учреждений, правленный руководящим лицом и содержащий запись об этой правке должен быть вполне идентичен своему протографу. Изучение списка убеждает, однако, в том, что правка дьяка Шершня Билибина не сводилась к простому сличению с подлинником, а была правкой редакционного характера, изменившей текст, если не по содержанию, то стилистически. Так, например, повторения либо опущены, либо заменены обобщающими местоимениями, как в ст. 7, где идет речь о случае, когда государь отошлет жалобу к тем, кому надлежит вынести по ней решение, а они этого не выполнят. Во всех списках дальнейший текст читается так: „...и бояре ему (жалобнику), или дворецкой, или казначей управы не учинят же, и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале"; в списке 6 сокращено: „... и им быти от государя в опале". Совершенно аналогичный случай в ст. 13. Если во всех списках говорится „казнити торговою казнью, бити кнутьем", то в списке 6 слова „бити кнутьем", не вносящие нового, а лишь раскрывающие понятие торговой казни, всем известное, опущены, и т. д. В то же время текст не свободен от описок. 2) Дополнительные указы (лл. 68 об. — 79), последний от 25 декабря 1557 г. 3) Указ „по колко пашни класти в соху" (лл. 79—80 об.).

7. Список в сборнике Государственного Исторического музея (ГИМ), № 3726. Рукопись 1577-78 г., 4°, на 44 листах, переплет кожаный в досках. Водяной знак — кувшинчик с одной ручкой, над ним розетка (№№ 809—810 у Тромонина — 1589 г.). Писана скорописью. Начало рукописи утрачено.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 6—33 об. — текст, лл. 33 об.—38 — оглавление). В тексте и оглавлении 99 статей. Первые 8 статей и начало ст. 9 утрачены. Между лл. 10 и 11 недостает одного листа — нет статей 28, 29 и части ст. 30. Статьи 43 и 44 приведены в порядке, обратном обычному, статья 94 пропущена. После текста тем же почерком запись: „Написан бысь сий Судебник лета 7086-го" (л. 38). В тексте имеются описки и ошибки, свидетельствующие о том, что переписчик не вполне понимал текст. 2) Отрывок о получении царского венца Владимиром Мономахом „в лето 6596" (лл. 38—39 об.). 3) Чин поставления князя Дмитрия Ивановича, внука великого князя Ивана Васильевича, на великое княжение 4 февраля 1498 г. (лл. 40—44 об.).

8. Список в сборнике Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), Архангельское собрание, № 525. Рукопись 60-х годов XVI в., 8°, на 230 листах, лл. 1—8 и 221—230 чистые, в переплете тисненой кожи, застежки оборваны. Водяной знак — щит, изображение на котором не разобрано, так как средняя часть его обрезана. Писана полууставом, одним почерком, заголовки, заглавные буквы и номера статей — киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 9—24 — оглавление, лл. 24 об.—138 — текст). В оглавлении 99 статей, в тексте — 100. 2) Дополнительные указы (лл. 138 об. — 199 об.); последний от 14 марта 1561 г.

---

[1] Н. П. Лихачев. *Разрядные дьяки*, стр. 35.

3) Притчи о суде царя Соломона (лл. 200—219). 4) Отрывок из Стоглава (лл. 219 об. — 220).

В тексте значительное количество пропусков слов и выражений. К некоторым статьям Судебника (статьи 40, 62, 70, 74, 84, 88) сделаны существенные добавления, не встречающиеся ни в каком другом списке. В добавлениях отражены интересы сельской волостной жизни. По всей вероятности, эта дополнительная кодификационная работа произведена в Новгородской области; это подтверждается как характером приписок (см., например, статьи 88, 70), так и тем, что дополнительные указы содержат раздел, озаглавленный: „К Судебнику приписано в Новегороде лета 7069-го ноября в 1 день".

Таким образом, можно предполагать, что список 8 отражает правотворчество одной из северных новгородских волостей. Следует отметить, что список — один из ранних; следовательно, упомянутые добавления к Судебнику были сделаны в очень скором времени после его составления.

9. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Погодина, № 1841. Рукопись конца XVI в., 4°, на 152 листах, в папочном переплете. Водяные знаки: кувшинчик с одной ручкой, над ним розетка (№ 967 у Тромонина — 1595 г.) и кувшинчик с одной ручкой, над ним полумесяц (№№ 2720—2721 у Лихачева — 50-е—60-е годы XVI в.). Писана полууставом, разными почерками. На титульном листе, вклеенном перед текстом, почерком XIX в.: „Содержание" (оглавление) сборника и помета: „Сентября 16 1832, Тверь".

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—6 — оглавление, лл. 7—46 об. — текст). В оглавлении 102 статьи: ст. 100 и 101 по другим спискам являются дополнительными указами, ст. 102 — „О суде с удельными князи". В тексте после ст. 99 запись: „В сем Судебном снимки выписано с съемочных тетратей и снимок же выписан с приговорных памятей, которые памяти присыланы от дьяков из приказов лета 7069-го ноября с перваго числа"; далее статьи 100 и 101 — по другим спискам дополнительные указы — и статья 102 „О суде с удельными князи" (по обычной нумерации ст. 100)), писанные другим почерком. 2) Дополнительные указы (лл. 47—72); указам предшествует оглавление (последний от 14 марта 1561 г.). 3) Уставная грамота двинянам от сентября 1556 г. (лл. 72 об. — 77). 4) Губная грамота белозерцам от 12 марта 1561 г. (лл. 77 об. — 84 об.). 5) Степени иерархии (лл. 86—87). 6) Грамота митрополита Макария в Каргополь о постановлениях Стоглавого собора 2 февраля 1558 г. (лл. 87 об.—118). 7) Соборное определение о церковном благочинии (лл. 118—124 об.). 8) Выписка из Моисеевых книг (лл. 125—141 об.). 9) Отрывок из Стоглава (лл. 142—152); опубликован в АИ, т. I, № 155. В тексте Судебника имеются описки. Список положен в основу издания Судебника в АИ; описки и ошибки исправлены без оговорок по спискам 20 и 28.

10. Список в сборнике Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), Архангельское собрание, № 1166. Рукопись конца XVI в., 4°, на 59 листах, кожаный переплет в досках, застежки оборваны. Водяные знаки: гербовый щит (сходен с № 1627 у Тромонина — 1600 г.), кувшинчик с одной ручкой, на нем буквы CM, над ним розетка (№ 1473 у Тромонина) и (с л. 40) рука со звездочкой над средним пальцем (№ 1569 у Тромонина — 1564 г.). Писана скорописью, разными почерками. По листам почерком XVII в.: „Книга Кирилова монастыря"; почерком XIX в.: „Кирилло-Белозерского

монастыря казенная из Архивы № 746 и 72". Конец книги (повидимому, один лист) утрачен.

Состав рукописи: Судебник 1550 г. (лл. 1—9 — оглавление, лл. 10—59— текст). В оглавлении 99 статей, в тексте 100. Статья 100 озаглавлена: „О суде с удельными князи", конец ее утрачен. Стилистическая особенность начала списка (до л. 40) — замена слова „доколе" словом „докуля" и слова „вдругие" словсм „вдругоряд". С л. 40 список писан на другой бумаге и другим почерком.

11. Список в сборнике Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), Архангельское собрание, № 197. Рукопись XVII в., 4°, на 102 листах, кожаный переплет, сумкой. Водяные знаки: кувшинчик с одной ручкой с буквами РО, над ним розетка (№ 1956 у Лихачева — 1594 г.) и кувшинчик с одной ручкой, с буквами ОА и В; над ним розетка (сходен с № 3349 у Лихачева — 1588 г.). Писана скорописью, одним почерком, заголовки, номера статей и заглавные буквы — киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—11 об. — оглавление, лл. 12— 82 об. — текст). В оглавлении и в тексте 100 статей, причем как статья 100 помещен указ „О духовных суд", по другим спискам, кроме списка 2, находящийся среди дополнительных указов. В тексте за ним без номера следует статья „О суде с удельными князи". 2) Дополнительные указы (лл. 83 об.— 101); состоят из двух частей: первая заканчивается указом от 21 августа 1556 г., вторая указом от 25 декабря 1557 г.

12. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Софийской библиотеки, № 1527. Рукопись конца XVI—начала XVII в., 8°, на 80 листах, кожаный переплет сумкой, верхняя крышка оторвана. Водяные знаки: вначале неясное изображение, далее рука в перчатке, на ней буквы РВ, над средним пальцем звездочка (№ 1569 у Тромонина — 1564 г.) и рука, над ней корона (№ 1872 у Лихачева — 1567 г.). Писана полууставом, одним почерком, заглавные буквы и номера статей — киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—8 об. — оглавление, лл. 10—52 — текст). В оглавлении 99 статей, в тексте 99 статей нумерованных и без номера статья „О суде с удельными князи". 2) Отрывки из Стоглава (лл. 52—69 об.), опубликованы в АИ, т. I, № 156. 3) „Пасхалия в кругах" (лл. 70 об.—72). 4) Отрывки из поучений и житий святых (лл. 72 об.—80 об.).

Список Судебника очень близок к списку 21 и возможно, что списан с последнего, а затем правлен по какому-то другому списку.

13. Список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Софийской библиотеки, № 1439. Рукопись конца XVI—начала XVII в., 4°, на 72 листах, в кожаном переплете сумкой. Состоит из двух рукописей, писанных на разной бумаге и разными почерками: 1) лл. 1—35, водяной знак — кувшинчик с одной ручкой, над ним розетка (№ 967 у Тромонина — ок. 1595 г.). Писана скорописью, заглавные буквы — киноварью. Содержание: Судебник 1550 г. (лл. 1—5 — оглавление, лл. 6—35 об. — текст); в оглавлении и в тексте 99 нумерованных статей. Ст. 14 (по обычной нумерации статей) помещена после ст. 16. В тексте после нумерованных помещена без номера статья „О суде с удельными князи". 2) Книга келарская Кириллова-Белозерского монастыря — лл. 36—72. Водяной знак — кувшинчик с двумя ручками, на нем надпись 1598 МР (сходен с № 1784 и 3323 у Лихачева — 50-е годы XVI в.), писана скорописью.

14. Список в сборнике Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ЛБ), собрание Ундольского, № 822. Рукопись Судебника конца XVI — начала XVII в., конец рукописи, с л. 62 — XVII в., 4°, на 76 листах, переплет кожаный, застежки оборваны. Водяной знак — кувшинчик с одной ручкой (№ 996 у Тромонина — 1600 г.), с л. 62 — другой вид кувшинчика (№ 1122 у Тромонина — 1638 г.). Писана скорописью, двумя почерками.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—9 — оглавление, лл. 10—57 — текст). Перед оглавлением заголовок: „Судебнику главы и розход дел“. В тексте 99 нумерованных статей и статья „О суде с удельными князи“ без номера. 2) Дополнительные указы (лл. 57 об.—63 об.), последний от 21 августа 1566 г. 3) Указ, содержащий выписи из статейных списков 136 и 137 гг.

Список Судебника писан небрежно, в нем много пропусков в словах и отдельных буквах и ошибок, искажающих смысл.

15. Список в сборнике Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА), Древлехранилище, отд. 5, рубр. I, № 4. Рукопись начала XVII в., 4°, на 9 листах, в кожаном позднем переплете. На переплете ярлык с надписью: „Судебник по списку Калайдовича“. На титульном листе две записи: 1) „Его сиятельству господину государственному канцлеру и разных российских и иностранных орденов кавалеру графу Николаю Петровичу Румянцеву всеусерднейшее приношение от Константина Калайдовича. Москва 2-го июня 1817“. 2) „В библиотеку Московского Государственной Коллегии иностранных дел Архива от Константина Калайдовича. Москва. 8 января 1819 года“. Водяной знак — кувшинчик с одной ручкой, вверху полумесяц (по Тромонину — 1638 г.). Судебник писан очень мелкой скорописью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—1 об. — оглавление, лл. 1 об.—8 — текст). В тексте 99 нумерованных статей и статья „О суде с удельными князи“ без номера. 2) Дополнительные указы (лл. 8—9); последний от 15 августа 1556 г.

16. Список в сборнике Государственного Исторического музея (ГИМ), собрание Барсова, № 183. Рукопись 1629 г., 4°, на 272 листах. Водяной знак — гербовый щит с изображением рога изобилия (№ 1156 у Тромонина — 1638 г.).

Состав сборника: 1) Стоглав (лл. 1—222 об.); 2) Судебник 1550 г. (лл. 224—229 об. — оглавление, лл. 229 об.—271 об. — текст). Перед Судебником запись (л. 223): „Сесь Судебник Голутвинского старца Митрофана, а написан сесь Судебник в 138-м году октебря в 31 день“; далее тайнописью: „Сесь Судебник старца Митрофана, а написал Судебник Нифонка Анкидинов сын“. В тексте Судебника 96 статей, что соответствует 97 статьям обычной нумерации, так как одна статья (73) не пронумерована. Писан небрежно, с большим количеством ошибок и пропусков.

17. Список в сборнике Государственного Исторического музея (ГИМ), собрание Барсова, № 2079. Рукопись первой половины XVII в., 4°, на [illegible] листах, без переплета. Конец рукописи утрачен. Водяные знаки: кувшинчик с одной ручкой, над ним полумесяц, на нем буквы NB (№ 1162 у Тромонина — 1638 г.), гербовый щит с изображением лилии, увенчанной короной (№ 640 у Тромонина — 1644 г.), цветок в кувшинчике (несколько напоминает № 1211 у Тромонина — 1636 г.). Писана полууставом, одним почерком; заглавные буквы и номера статей — киноварью. По листам вверху, почерком XVII в.: „Изложение Кирила Юрьева сына Рычкова“.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. В оглавлении и в тексте 98 статей. Текст оглавления отличается от всех остальных списков, что отражено в вариантах. Статья 19 („А на ком взыщет жонка“) значится как статья 97. Между листами 53 и 54 недостает одного листа — отсутствует конец ст. 72 и начало ст. 73. 2). Судебник 1589 г. (лл. 71—96 об.); конец утрачен, обрывается на ст. 55.

18. Список в сборнике Государственного Исторического музея (ГИМ), № 1554-б. Рукопись первой половины XVII в., 4°, на 72 листах, без переплета. Начало и конец рукописи утрачены. Водяной знак — гербовый щит с изображением лилии, увенчанной короной (близок к № 415 у Тромонина — 1622 г.). Писан скорописью, одним почерком. По листам, почерком XVIII в.: „Сия книга глаголемая об законах царя Ивана Васильевича“.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—26). Начало (ст. 1—41 и большая часть ст. 42) утрачено. Статья („Об отпускных“) приведена в тексте под номером „77 же“, после ст. 77. Эта же статья имеется и среди дополнительных указов под № 148. Можно полагать, что список сделан с такой рукописи, в которой статья 77 была пропущена и помещена среди дополнительных указов, как во всех сходных списках. Это подтверждается и полным совпадением разночтений списка 18 с этими списками. Видимо, переписчик из какого-то другого источника хотел вставить ст. 77 на надлежащее место, но при этом был введен в заблуждение тем, что у него в первом источнике была уже статья 77 (по обычной нумерации статья 78) и вышел из затруднения, вписав статью „Об отпускных“ под тем же номером. Это обстоятельство подтверждает, что статья 77 не приписана к Судебнику позднее, а, наоборот, опущена. 2) Дополнительные указы (лл. 26—56 об.), последний от 1 февраля 1606 г. 3) Выпись из Уставной книги Разбойного приказа (лл. 56 об. — 69 об.). 4) Благословенная грамота митрополита Антония от 15 января 1581 г. (лл. 70—72 об.). 5) Список московских митрополитов (л. 72 об.), конец утрачен.

19. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № О, XVII. 30 (так называемый Карамзинский список). Рукопись первой половины XVII в., 8°, на 307 листах, переплет кожаный в досках с застежками. Водяные знаки: кувшинчик с двумя ручками, над ним полумесяц (сходный с № 1163 у Тромонина —1638 г.), гербовый щит (несколько напоминает № 3548 у Лихачева — 1630 г.). С л. 162 — кувшинчик с одной ручкой, на нем буквы РО и полумесяц, над кувшинчиком полумесяц (близок к №№ 1219 и 1222 у Тромонина — 1636 и 1638 гг.). Писана полууставом, переходящим в скоропись, разными почерками, заглавные буквы киноварью.

Состав сборника: 1) Оглавление сборника, включающее оглавление Судебника (лл. 1—7 об.). 2) Родословцы великих князей и княжеских и дворянских родов (лл. 9—160). 3) Разрядные записи о походах и приеме послов с 6098 по 7085 г. (лл. 162—243). 4) Судебник 1550 г. (лл. 244—307 об.). В оглавлении Судебника 99 статей, статья 54 пропущена, а текст оглавления не сходен с другими списками, названия статей очень кратки. В тексте также 99 статей, за ними следует запись: „Конец Судебнику сему, глав нем 99“. В тексте много описок и пропусков.

20. Список в сборнике Государственного Исторического музея (ГИМ), № 1915. Рукопись середины XVII в., 4°, на 115 листах, переплет кожаный в досках. Водяной знак — шут (по Лихачеву — „появляется в Москве в

первой половине XVII в. и упорно держится до конца столетия"). Писана скорописью, заглавные буквы и номера статей — киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 2—11 об. — оглавление, лл. 16—68 — текст). В тексте 98 статей, в оглавлении 99. В оглавлении недостает одного листа, отсутствует оглавление для статей 45—53. 2) Судебник 1589 г. (лл. 12—15 об. — оглавление, лл. 68 об.—94 — текст), в нем 56 статей. 3) Уставная земская грамота пинежанам от 25 февраля 1552 г. (лл. 94—115).

21. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Софийской библиотеки, № 1440. Рукопись середины XVII в., 4°, на 99 листах, кожаный переплет сумкой; на внутренней стороне переплета почерком XVII в. запись: „Книга старца Матвея Микифорова Судебник старой". Водяной знак — гербовый щит с изображением рога изобилия (№ 1156 у Тромонина — 1638 г.). Писана скорописью, различными почерками, заглавные буквы и номера статей — киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—9 об. — оглавление, лл. 15—75 об. — текст). В оглавлении 99 статей, в тексте 99 статей нумерованных и без номера статья „О суде с удельными князи"). 2) Выписки из Стоглава (лл. 75 об.—99), опубликованы в АИ, т. I, № 156.

22. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № Q. II. 29. Рукопись середины XVII в., 4°, на 122 листах, в папочном переплете. Водяные знаки кувшинчик с двумя ручками, над ним розетка, увенчан короной и без короны (сходные отнесены Тромониным к первой половине XVII в.). Писана скорописью, разными почерками.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 3—21 об. — оглавление, лл. 22—75 — текст). В оглавлении, включая и дополнительные указы, 17[illegible] статей, в тексте Судебника — 100. 2) Дополнительные указы (лл. 75—12[illegible] об.), последний от 31 марта 1621 г., сохранилось только начало его.

23. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Погодина, № 1842. Рукопись середины XVII в., 4°, на 1+116 листах, в папочном переплете. Водяной знак — кувшинчик с одной ручкой, над ним полумесяц (сходен с № 116[illegible] у Тромонина — 1638 г.). Писана скорописью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 2—18 об. — оглавление, лл. 19—70 об. — текст). В оглавлении и в тексте 171 статья, включая и дополнительные указы. Вводная статья, начинающаяся вязью, помещена перед оглавлением. Статья 76 оглавления „А в холопстве суд о отпускных". В оглавлении и в тексте пропущена статья по обычной нумерации 89-. Поэтому дальнейшая нумерация статей сдвинута, и статья „О суде с удельными князи" приведена как статья 98. 2) Дополнительные указы (лл. 71[illegible] 116); последний от 1 февраля 1606 г.

24. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Михайловского, [illegible] № 280. Рукопись середины XVII в., 4°, на 97 листах, в кожаном переплете. Водяной знак — кувшинчик с двумя ручками, над ним украшение [illegible] полумесяцев (сходен с № 4244 у Лихачева — 1605 г.). Писана скорописью одним почерком, заголовки и некоторые буквы обведены киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—14 об. — оглавление, лл. 15—69 об. — текст). Перед оглавлением вязью, киноварью: „Судебник

царской главам о розных судех". В оглавлении, включая дополнительные указы, 147 статей, в тексте Судебника 100. Статья 43 помещена после ст. 44. 2) Дополнительные указы (лл. 69 об.—95). 3) Список московских патриархов (лл. 95—97), кончается известием о поставлении патриарха Иова 26 января 1590 г.

25. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Погодина, № 1844. Рукопись середины XVII в., 4°, на 113 листах; переплет кожаный в досках, застежки оборваны; часть листов сильно повреждена и реставрирована. Водяные знаки: щит с изображением лилии, увенчанный короной (№ 1326 у Тромонина — 1647 г.), и кувшинчик, в котором стоят цветы и травы (№ 919 у Тромонина — 1637 г.). Писана скорописью, одним почерком. Лл. 62 и 63 попорчены сыростью, поэтому не полностью, сохранился текст статей 89—94 (по обычной нумерации 90—95) Судебника.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—16 об. — оглавление, лл. 17—67 — текст). Вводная статья Судебника помещена перед оглавлением. В оглавлении, включающем и дополнительные указы, 170 статей. Статья 76 оглавления озаглавлена: „О холопстве суд и о отпускных". Статья „О суде с удельными князи" приведена как статья 99. В оглавлении, после ст. 148, в виде заголовка к последующим статьям: „А се главы которые дела после сего Судебника внове приговариваны". 2) Дополнительные указы (лл. 67—112 об.); последний от 1 февраля 1606 г.

26. Список в сборнике Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ЛБ), собрание Большакова, № 333. Рукопись XVII в., 4°, на 360 листах, переплет кожаный в досках, застежки оборваны. Водяные знаки: шут и кувшинчики, распространенные в середине и второй половине XVII в., одноглавый орел (типа № 539 у Тромонина — 1634 г.) и (с л. 236) двойной круг с неясным изображением. Сборник сшит из отдельных рукописей, писанных разными почерками и на различной бумаге.

Состав сборника: 1) Отрывки из хронографа (лл. 1—85 об.). 2) Новгородский летописец (лл. 86—137). 3) Житие Кирилла Белозерского (лл. 139—205 об.). 4) Слово о рождестве Иисуса Христа (лл. 208—224 об.). 5) „Духовные приклады и душеспасительные повести" из Великого Зерцала (лл. 226—236). 6) Судебник 1550 г. (лл. 236—242 об. — оглавление, лл. 242 об. — 281 об. — текст). Писан полууставом, одним почерком. В оглавлении 99 статей, в тексте 99 статей нумерованных и без номера и заголовка статья „О суде с удельными князи", конец ее утрачен. Эта статья повторена среди дополнительных указов. 7) Дополнительные указы (лл. 282—292). 8) Отрывок из Литовского статута (292—294 об.). 9) Выписка из Кормчей книги (лл. 323 об.—360 об.).

27. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № Q. II. 32. Рукопись XVII в., 4°, на 127 листах, в папочном переплете. Водяные знаки: сложный рисунок, в указателях не значащийся, кувшинчик с одной ручкой, над ним полумесяц (№ 1763 у Тромонина — 1626 г.) и кувшинчик, в котором стоят цветы и травы (сходен с № 919 у Тромонина — 1637 г.). Писана скорописью, одним почерком.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—17 об. — оглавление, лл. 18—81 об. — текст). В оглавлении, включающем и дополнительные указы, 165 статей; статья 76 озаглавлена „О холопстве суд и отпускных".

2) Дополнительные указы (лл. 81 об.—127 об.); последний от 1 февраля 1606 г.

28. Список в сборнике Архива Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР (ЛОИИ), собрание Лихачева, № 309. Рукопись второй половины XVII в., 4°, на 111 листах; переплет кожаный, сумкой; последние листы поедены жучком. Водяные знаки: гербовый щит с сложным узором и гербовый щит с изображением лилии (близок к № 4155 у Тромонина — 1622 г.). Писана скорописью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—5 об. — оглавление, лл. 7—42 — текст), писан одним почерком; в оглавлении 99 статей, в тексте 100; дата „лета 7058 июля в ... день“ перед оглавлением. 2) Указная книга Разбойного приказа (лл. 44 об.—111) — состоит из 128 статей; частично напечатана в ААЭ, т. II, № 225.

29. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Эрмитажной библиотеки, № 59. Рукопись второй половины XVII в., 4°, на 109 листах, в переплете тисненой кожи, сумкой. Водяной знак — гербовый щит, увенчанный короной, в одном поле единорог, в другом — два борющихся единорога (№ 1630 у Тромонина — 1648 г.). Писана скорописью разными почерками, номера статей и заглавные буквы — киноварью.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—11 — оглавление, лл. 12—41 — текст). В оглавлении, включая и дополнительные указы, 189 статей в тексте Судебника 99 статей. Пропущенные в тексте слова вставлены другим почерком. 2) Дополнительные указы (лл. 41—65 об.); последний от 28 ноября 1601 г. 3) Список московских митрополитов и патриархов (лл. 65 об. — 66 об.), последним упомянут патриарх Филарет. 4) Продолжение дополнительных указов (лл. 67—75). 5) Уставная книга Разбойного приказа (лл. 76—109 об.), в ней указы доведены до 31 августа 1631 г. — частично опубликована в АИ, т. III, № 167.

30. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № Q. XVII. 74 (б. собрание Толстого, № II. 345). Рукопись второй половины XVII в., 4°, на 155 листах в папочном переплете. Водяные знаки: башня (сходна с №№ 1337 и 1338 у Тромонина —1649 г.), два полумесяца, пересеченные крестом (№ 1433 у Тромонина — 1649 г.). На полях и чистых листах записи и пробы пера XVIII в. Сборник сшит из разных рукописей.

Состав сборника: 1) Отрывок краткого летописца (лл. 1—87) без начала. 2) Судебник 1550 г. (лл. 88—94 — оглавление, лл. 94 об.—137 — текст); писан скорописью, одним почерком, заголовки, номера статей и заглавные буквы — киноварью. В оглавлении 99 статей; в тексте — 96, но в качестве ст. 96 приведена статья „О суде с удельными князи“; статьи 96—99 по обычной нумерации опущены. В тексте значительное количество описок, пропусков, явных ошибок; переписчик, видимо, плохо понимал текст. 3) Указная книга Разбойного приказа (лл. 138—155), конец которой утрачен, частично опубликована в ААЭ, т. II, № 225.

31. Список в сборнике Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ЛБ), собрание Большакова, № 297. Рукопись второй половины XVII в., 4°, на 89 листах, переплет кожаный. Водяные знаки: гербовый щит и герб г. Амстердама (№ 545 у Тромонина — 1681 г.). Писана скорописью, разными почерками, очень небрежно.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—12 об. — оглавление, лл. 12 об.—51 — текст). Нумерация статей не соответствует обычной вследствие слияния статей (51 с 52, 80 с 81, 89 с 90), пропуска номеров, повторения одного номера (94) дважды. 2) Дополнительные указы (лл. 51 об.— 82 об.), со списком митрополитов и патриархов, оканчивающимся патриархом Иоакимом (1674—1690 гг.). 3) Отрывки из Литовского статута (лл. 83 об.—88 об.). 4) Летописные записи за 7008, 7031, 7042 и 7048 гг. (лл. 88 об.—89).

В тексте Судебника много описок, пропусков слов, попыток осмыслить или заменить архаизмы: „земский дьяк“ заменен „земским дьячком“, а „судные мужи“ — „судными мужиками“. Исправления, сделанные другим почерком, местами еще ухудшают текст (например в статьях 67—69 по обычной нумерации — „которые по списку такали“ исправлено: „которые по списку только“.

32. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № Q. II. 16. Рукопись второй половины XVII в., 4°, на 307 листах, переплет тисненой кожи в досках, застежки оборваны. Водяные знаки: герб г. Амстердама (№ 545 у Тромонина — 1681 г.) и шут (№ 385 у Тромонина — 1676—1682 гг.). Писана скорописью, разными почерками. На первом листе и по листам, почерком XVII в.: „Книга старой Судебник боярина Михаила Петровича Головина списана в Земском приказе с Судебной книги государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии“; там же, на л. 1, почерком XIX в.: „г-ф Толст“ и „№ 278 отд. 2-е“. Стольник М. П. Головин стоял во главе Земского приказа в 1676—1688 гг. В это время, повидимому, для его личного употребления была снята копия с хранившегося в приказе экземпляра Судебника.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 2—13 об. — оглавление, лл. 14—85 об. — текст). В оглавлении, включая дополнительные указы, 134 статьи. В оглавлении пропущены статьи 15—46 и 65—67. Перед текстом нет даты. Нумерация статей не соответствует обычной, так как некоторые статьи не пронумерованы и текст их слит с предыдущими статьями. Последняя статья без номера и заголовка. 2) Дополнительные указы (лл. 86—307), последний от 1 июля 1648 г.

Этот сборник характерен тем, что в нем дополнительные указы доведены до более поздней даты, чем в каком-либо другом списке, и переходят в указные книги приказов. В тексте Судебника обращает на себя внимание путаница в нумерации статей. Этот список не свободен также от описок.

33. Список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Погодина, № 1843. Рукопись 1682 г., 4°, на 60 листах, в папочном переплете. Водяной знак — шут (по определению Лихачева знак La folie „появляется в Москве в первой половине XVII в. и упорно держится до конца столетия“). Писана скорописью, разными почерками, заглавные буквы киноварью; на л. 9 перед текстом рисунок пером. В оглавлении (лл. 1—8) и тексте (лл. 9—60 об.) 99 статей. Перед текстом вязью, киноварью: „Лета 7058-го году июня в ... день“. После текста запись: „190-го года февраля в 5 день по приказу стольника и воеводы Гаврила Яковлевича Тухачевского списал сию книгу мезенец Олешка Григорьев сын Шмаков с подлинного Судебника,

каков в Кевроле в церкви Воскресения Христова за приписью дьяка Истомы“, почерком XIX в. добавлено „Ноугородова“. Стольник Г. Я. Тухачевский был воеводой кевропьским и мезенским в 1682 г. Дьяк Истома Новгородов или Истома Козьмин (по предположению Н. П. Лихачева[1] это одно лицо) был дьяком Казанского Дворца в 50-х годах XVI в. Таким образом, список № 33 списан в конце XVII в. непосредственно с одного из официальных списков, скрепленных подписью дьяка и посланного из приказа в одну из областей. В церкви Воскресения Христова список оказался, видимо, тогда, когда утратил свое официальное значение.

Список 33 не свободен от значительного количества пропусков слов и выражений.

34. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № О. II. 6. Рукопись конца XVII—XVIII в., 8°, на 369 листах, кожаный переплет в досках с застежками. Водяные знаки: герб г. Амстердама (№ 856 у Тромонина — 1721 г.), с л. 8 тот же герб (№ 1592 у Тромонина — 1686 г.). Сборник состоит из двух рукописей, вместе переплетенных. Первая часть (лл. 1—7) писана полууставом, заглавные буквы и номера статей киноварью.

Состав сборника: 1) Отрывки из Судебника 1550 г. (лл. 1—5). В тексте вводная статья и статьи (по обычной нумерации) 1—9, начало ст. 10, начало ст. 11, статья 14 (под № 12), статья 28 (под № 13) и статья 97 (без номера). Текст правлен по списку типа списков 21—24. 2) Дополнительные указы (лл. 5—7). 3) Уложение 1649 г. (лл. 8—369).

35. Список в сборнике Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), № 16. 14. 9. Рукопись XVIII в., в лист, на 89 листах, в папочном переплете.

Состав сборника: 1) Правда Русская с примечаниями Татищева и переводом текста на современный ему язык (лл. 1—10). 2) Судебник 1550 г. (лл. 11—17 об. — оглавление, лл. 18—61 об. — текст); в оглавлении, включающем и дополнительные указы, 162 статьи; в тексте Судебника 100 статей. К статьям 1—25 приведены примечания Татищева, писанные тем же писарским почерком, что и вся рукопись, и правленные рукою Татищева. 3) Дополнительные указы (лл. 62—89 об.), последний от 28 ноября 1601 г.

36. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), № F. II. 91. Рукопись XVIII в., в лист, на 62 листах, в папочном переплете. Водяной знак pro Patria (№ 71 у Тромонина — 1727 г.). Сборник писан разными почерками.

Состав сборника: 1) Обращение составителя сборника В. Н. Татищева к читателю (лл. 2—7), содержащее перечень помещенных в сборнике памятников, описание каждого из них в рассуждение о древних денежных системах. О Судебнике в этом обращении сказано: „Закон царя Иоанна Васильевича хотя по многим домам списки находятся, но частию неисправны, частию мало кто весь его разумеет; сей же, как мню, не у кого из знатнейших тогдашняго времяни господина был, понеже писан хотя и древним, но чистым начертанием, прописыван по всем статьям твореным золотом, и понеже в том Романов, брат Филарета Никитича, по оклеветанию казначея его Бахтеярова, сослан и уморен, а доноситель оной в дворяне пожалован.

[1] Н. П. Лихачев Разрядные дьяки, стр. 45.

и дворянами, якоже и пожитками, награжден, от которого внучатя ту книгу достал и ее императорскому величеству поднес, то вероятно, что она из дому достохвалной сей фамилии; оное я и також в местах сумнительных, или не всякому известных, краткими примечании изяснить прилежал". 2) Русская Правда с примечаниями Татищева (лл. 7 об.—12). 3) Судебник 1550 г. (лл. 12—16 — оглавление, лл. 16 об.—44 об. — текст). В оглавлении 162 статьи, вместе с дополнительными указами; в тексте Судебника 100 статей. Ко многим статьям даны примечания, сделанные Татищевым, но писанные не его рукою. 4) Дополнительные указы (лл. 45—62), последний от 28 ноября 1601 г.

37. Список в сборнике Архива Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР (ЛОИИ), собрание рукописных книг, № 434. Рукопись XVIII в., на 74 листах, в папочном переплете. Писана одним почерком.

Состав сборника: 1) Предизвещение В. Н. Татищева (лл. 2—5). 2) Правда Русская (лл. 5 об.—10). 3) Судебник 1550 г. (лл. 11—69). В рукописи недостает листов, вследствие чего пропущены статьи 50—61 и начало ст. 62. К статьям и отдельным словам приведены примечания Татищева, писанные не его рукою. Текст подвергся значительной редакционной правке, стиль подновлен, денежный счет переведен на современный Татищеву. В тексте много явных описок, некоторые статьи не дописаны до конца. 4) Дополнительные указы (лл. 69 об.—74).

38. Список Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), № 17. 8. 19. Рукопись XVIII в., 4°, на 48 листах, в папочном переплете. Содержит Судебник 1550 г. (лл. 3—7 — оглавление, лл. 8—48 об. — текст). В оглавлении и в тексте 99 статей. К тексту приведены примечания Татищева, писанные не его рукою.

39. Список хранится в Государственном Историческом музее (ГИМ), собрание Уварова, № 382 (по описанию Леонида № 592). Рукопись XVIII в., в лист, на 33 листах, в папочном переплете.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—5 — оглавление, лл. 5—26 — текст). Перед оглавлением: „Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России написан издревле из даннаго от управительных судебных и о всяких статьях в лето 7058 июня месяца". 2) Дополнительные указы (лл. 26 об. — 28). Судебник вместе с дополнительными указами разделен на две главы. В первую входят 99 статей Судебника и указ „А о духовной суд"; во вторую — статья „О суде с удельными князи" и указ от 11 мая 1551 г., разделенный на 11 статей. 3) Послание из Москвы в Ипатьевский монастырь к Михаилу Федоровичу с молением о воцарении (лл. 28 об.—33).

40. Список в сборнике Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ), собрание Софийской библиотеки, № 1528. Рукопись конца XVI — начала XVII в., 8°, на 150 листах, кожаный переплет сумкой. Писана скорописью, одним почерком.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—17 — оглавление, лл. 18—114 об. — текст). В оглавлении 99 статей, в тексте 99 статей нумерованных и без номера статья „О суде с удельными князи". 2) Отрывки из Стоглава (лл. 115—150 об.).

Копия этого списка хранится в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ЛБ), собрание Румянцева, № 429. Рукопись XIX в., в лист, на 84 листах.

Состав сборника: 1) Судебник 1550 г. (лл. 1—7 — оглавление, лл. 8—49 — текст). 2) Отрывок из Стоглава (лл. 49—67 об.). 3) Дополнительные указы (лл. 68—82 об.). 4) Образец крестоцеловальной записи (лл. 82 об.—84 об.).[1]

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СПИСКОВ

1 — ЛОИИ, собр. Лихачева, № 228.
2 — ЛБ, собр. Ундольского, № 823.
3 — ПБ, Q. II. 118.
4 — ПБ, собр. Софийской библиотеки, № 1442.
5 — ПБ, собр. Софийской библиотеки, № 1443.
6 — ЛБ, собр. Ундольского, № 824.
7 — ГИМ, собр. Музея, № 3726.
8 — БАН, Архангельское собр., № 525.
9 — ПБ, собр. Погодина, № 1841.
10 — БАН, Архангельское собр., № 1166.
11 — БАН, Архангельское собр., № 197.
12 — ПБ, собр. Софийской библиотеки, № 1527.
13 — ПБ, собр. Софийской библиотеки, № 1439.
14 — ЛБ, соб р. Ундольского, № 822.
15 — ЦГАДА, Древлехранилище, отд. 5, рубр. I, № 4.
16 — ГИМ, собр. Барсова, № 183.
17 — ГИМ, собр. Барсова, № 2079.
18 — ГИМ, собр. Музея, № 1554-6.
19 — ПБ, О. XVII. 30 (Карамзинский).
20 — ГИМ, собр. Музея, № 1915.
21 — ПБ, собр. Софийской библиотеки, № 1440.
22 — ПБ, Q. II. 29.
23 — ПБ, собр. Погодина, № 1842.
24 — ПБ, собр. Михайловского, Q № 280.
25 — ПБ, собр. Погодина, № 1844.
26 — ЛБ, собр. Большакова, № 333.
27 — ПБ, Q. II. 32.
28 — ЛОИИ, собр. Лихачева, № 309.
29 — ПБ, собр. Эрмитажной библиотеки, № 59.
30 — ПБ, Q. XVII. 74.

---

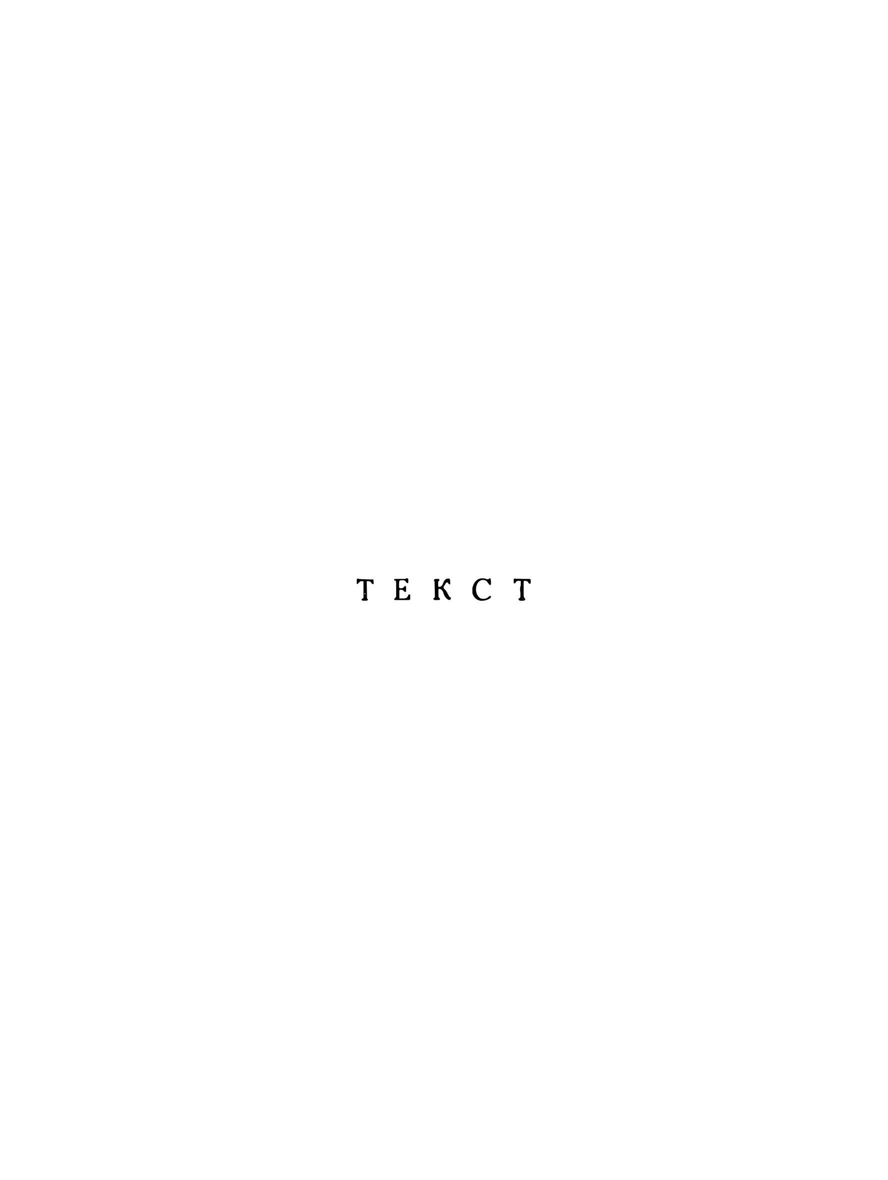
[1] Во время печатания настоящего издания найдены новые три списка Судебника, ва- рианты из которых не приведены:

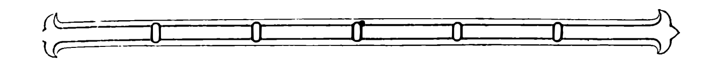
1. Список хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, по описи 1947 г., № 133.

2. Список хранится в Государственной Публичной библиотете им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Десницкого. Рукопись XVII в., 4°, на 117 листах, в кожаном переплете. Перед оглавлением и перед текстом виньетки, раскрашенные золотом. Заглавные буквы и номера статей писаны золотом.

3. Список хранится в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина. М[illegible] № 6689. Рукопись XVII—XVIII вв., в лист, на 912 листах.

31 — ЛБ, собр. Большакова, № 297.
32 — ПБ, Q. II. 16.
33 — ПБ, собр. Погодина, № 1843.
34 — ПБ, О. II. 6.
35 — БАН, 16. 14. 9.
36 — ПБ, F. II. 91.
37 — ЛОИИ, собр. рукописных книг, № 434.
38 — БАН, 17. 8. 19.
39 — ГИМ, собр. Уварова, № 382.
40 — ПБ, собр. Софийской библиотеки, № 1528; ЛБ, собр. Румянцева, № 429.


ТЕКСТ



[1]—Судебник руской[3] главы о [4]—розных судех.—[2]

1. О суде как судити бояром и околничим и дворецким и каз- *л. 1*
начеем и дьяком.[5]

2. Которой боярин[6] или дворецкой или казначей или дьяк[7] просудитца, а обинит кого не по суду[8] безхитростно.

3. Которой боярин[9] или дворецкой или казначей или дьяк, взяв посул, не по суду обинит.[10]

4. Которой дьяк без боярского,[11] или без дворецкого, или без казначеева ведома запишет дело [12]—или нарядит список, взяв посул, не по суду.—[12]

5. Которой подьячей без дьячего приказу посула для запишет дело[13] не по суду.

6. Кто виноватой солжет на боярина или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка и на подьячего.[14] ||

7. [15]—О жалобнике.—[15] *л. 1 об.*

8. О пошлине: что имати пошлин боярину,[16] или дворецкому, или казначею, или дьяку и подьячему.

9. Досудятца до поля да, не став у поля, помирятца.

[17]10. У поля стояв помирятца.

11. Побьютца на поли в заемном деле или в бою.[18]

12. Побьютца на поли в пожеге или в душегубстве или в розбои или в татбе.

---

[1]— *20 перед текстом киноварью* Список с Судебника; *23, 25 перед текстом вводная статья.* [1—2] *9, 32 нет.* [3] *22, 24* царской; *29* государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии. [4—2] *20* розных про всякое дело судити; *12* настоящиа сея книги о различных судех. [5] *20 доб.* и судьям. [6] *20 доб.* и околничей. [7] *20 доб.* или судья. [8] *9* не по делу. [9] *24 доб.* или околничей. [10] *20 доб.* кого. [11] *24 доб.* или без околничего. [12—12] *26* судное или список судной подпишет не по суду. [13] *26 доб.* судное. [14] *20* судью. [15—15] *20* А которому боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку придет жалобник его приказу; *16* О жалобницах; *31* О жалобникех, которой жалобник боярину, или дворецкому, или казначею, или дьяку его приведут. [16] *24 доб.* и околничему. [17] *Здесь начало списка 17.* [18] *6 доб.* или не станет хто у поля или от поля збежит.

13. О околничем и о дьяке, коли к полю приедут.

14. О полщикех.

15. О посланьи на послуси в заемном деле по кабале и без кабалы [1]—и в какове деле ни буди.—[1] ||

л. 2 16. Кого послух опослушествует в бою или в грабеже или в займех.

17. Против послуха наймит, а послуху наймита нет, или [2]—кому и послуху—[2] самому битца не мочно, ино ему наймит.

18. Послух перед судью не прийдет, есть ли за ним речи или нет.

19. [3]—Которому ищее самому не мочно на поли битись, ино ему наймит а ответчику наймит же.—[3]

20. Кто взыщет человекех на трех или на четырех по жалобнице, а напишет в жалобнице [4]—людей болши того.—[4]

21. На кого ездок накинет срочную на одного, а он в срочной не один, и тот тое срочные[5] товарыщем своим не покажет. ||

л. 2 об. 22. Которые люди учнут искати на наместникех или на волостелех или на их людех по жалобницам, и наместники и волостели за своих людей не[6] за всех учнут отвечати.

23. Которых людей те исцы учнут приписывати в ыски[7] к наместничим или к волостелиным людем гороцких[8]—или волостных—[8] людей.

24. Которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостелей о обидах.

25. Кто взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: бил, а не грабил, или скажет: грабил, а не бил.

26. [9]О бесчестие и о увечие.[10]

27. Которой чюжеземец взыщет на чюжеземце или кто здешняго государства взыщет на чюжеземце. ||

л. 3 28. О суде,[11] которые дела судит царь и великий князь или дети царя и великаго князя, и те судные дела дьаком дръжати у собя.

29. Судные дела дьяком велети записывати перед собою, а исцом у записки не стоати.[12]

30. О сместном суде.

31. Кто поимает кого приставом[13] да на суд итти не похотят.

---

[1]—[1] *26* и во всяком деле. [2]—[2] *17, 20* которому послуху. [3]—[3] *17 под № 97; 20* А на ком взыщет женка или девка или детина мал или стар или чем увечен. [4]—[4] *17, 20* людей кто. [5] *17, 20 доб.* своее. [6] *22, 23, 25, 29* им. [7] *23, 25* в ысцы; *17, 20 нет*; *26* в жалобницах. [8]—[8] *25 нет*; *16, 22, 29* или волостелиных. [9] *9 доб.* о безвечьи и. [10] *6 доб.* детем боярским и гостем и героцким людем. [11] *17, 20* о судех. [12] *18, 22—25, 27, 29* не быти. [13] *6* приставством в бою или в лае.

32. Неделщику на суде[1] посулов не просити и самому неделщику посулов не имати.

33. О пошлине, что имати от правые грамоты боярину,[2] или дворецкому или казначею от печати, а дьаку от подписи и подьячему, которой правую грамоту напишет.

34. Что имати [3]–з докладного списка–[3] боярину, или дворецкому или казначею от печати, ‖ и дьяку от подписи и подьячему, *л. 3 об.*
которой на списке напишет.[4]

35. Что имати боярину,[5] или дворецкому или казначею от печати с холопа и с робы от правые грамоты и от отпускные от печати, и дьаку от подписи, и подьячему от писма.

36. [6]–О кабалных отписех, что на ростовые кабалы без боярьского докладу и без дьячей подписи отписи не положить.–[6]

37. Что имати с царева и великаго князя с суда и детей царя и великаго князя суда пошлин, [7]–кому государь укажет, и дьяку и подьячему.–[7]

38. А цареву и великаго князя печатнику и детей царя и великаго князя печятнику [8]–что имати пошлин от печати от правые грамоты, и дьаку от подписи, и подьячему, которой правую грамоту напишет.–[8] ‖

39. [9]–Что имати цареву и великаго князя печятнику и детей *л. 4*
царя и великаго князя печатнику з докладного списка от печати, и дьаку от подписи, и подьачему, которой на списке напишет.–[9]

40. [10]–Что имати цареву и великаго князя печатнику и детей царя и великаго князя печатнику[11] с холопа и с робы от правые грамоты и от отпускные, и дьаку от подписи,[12] и подьячему от писма.–[10]

41. [13]–Что имати дьаку от срочных от подписи[12] и от отписных[14] срочных, и подьячему, которой на срочной срок отпишет.–[13]

42. Безсудные и правые[15] давати [16]–которым днем–[16] и что с них имати пошлин [17]–печатнику от печати, и дьяку от подписи,[12] и подьачему от писма.–[17]

---

[1] *6 доб.* на бояр и на дворецких. [2] *24 доб.* или околничему. [3–3] *17, 20* з докладу от списка. [4] *23, 25* подпишет. [5] *24 доб.* или околничему. [6–6] *23, 25, 27, 29* Что имати дьяку от срочных и от подписей и от подписных срочных, и подьячему, которой на отсрочной срок подпишет. [7–7] *23, 25, 27, 29 нет.* [8–8] *23, 25, 27, 29* от печати имати. [9–9] *23, 25, 27, 29* А з докладного списка царя и великого князя докладу и детей царя и великого князя докладу имати печатнику от печати. [10–10] *17* А с хо[ло]па и с робы от правые грамоты имати печятнику; *25 то же, и доб.* пошлин. — [10] *6* подписки. [11] *2, 20 доб.* от печати. [12] *3* подписки. [13–13] *17* А от срочных от подписи имати дьяку и от отписных срочных. [14] *4* подписных; *9, 16* отпускных. [15] *16* срочные. [16–16] *17* за сто верст семым днем. [17–17] *17 нет.*

43. [1]—Что имати пошлин от грамоты от лготные и от устав-

л. 4 об. леные и от полетние[2] печят||нику от печати и дьаку от подписи.—[1]

44. [3]—Что имати с приставных у неделщиков пошлин печатнику от печати и дьяку от подписи.—[3]

45. [4]—О неделщикове хоженом и о правде.—[4]

46. О езду, сколко от Москвы[5] до которого города езду.

47. [6]—Неделщиком с приставными ездить и на поруку давати самим и ездоков посылати, а людей им своих с приставными не посылати.—[6]

48. Приедет неделщик или ездок в которой город или в волость с приставною, и ему явити приставная тому наместнику или волостелю.[7]

49. В какове деле неделщик кого дасть на поруку, [8]—и ему ответчиков и исцов не волочити.—[8]

50. [8]—О проесте и о убыткох,—[8] хто по кого пошлет пристава а сам к сроку не приедет. ||

л. 5 51. [9]—О пересуде и о правом десятке.—[9]

52. Приведут кого с поличным впервые.

53. [10]—О послании неделщиков по татей и по разбойников.—[10]

54. У которого неделщика сидят тати.[11]

55. [12]—О тати, поимают его—[12] с тадбою[13] впервые, оприче церковные и головные тадбы.

56. [14]—О том же тате, поимают его—[14] с тадбою вдругые.

57. На кого тать взмолвыт.

58. На кого взмолвят дети боярские и крестьане,[15] что он тать.

59. Доведут на кого розбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное какое лихое дело.[17]

60. Доведут на кого тадбу[18] [19]—или иное—[19] какое лихое дело опричь розбою.

л. 5 об. 61. О государьском убойце, и о градском здавце, и о || кормолнике, и о[20] головном[21] тате[22], и о подметчике и о зажигалнике

[1—1] *17* А велит государь кому какову дати грамоту лготную или уставную. [2] *3* ... местные. [3—3] *17* А от приставных имати царя и великого княза печятнику и дьяк... неделщиков по езду с приставные. [4—4] *17* А хоженое недельщику в городе и на прав... [5] *17 доб.* и прогонов. [6—6] *17* А ездячи недельщиком с приставными или ездо... посылати, на поруки давати. [—6] *22 доб.* а без заговорщиков неделщиком недель... делати. [7] *17 доб.* и их тиуном. [8—8] *17 нет.* [9—9] *17* А пересудчиком пересуд им... на виноватом. [10—10] *17* А пошлют которого неделщика имати татей и розбойни... [11] *17 доб.* и розбойники. [12—12] *17, 20* А которого татя поимают. [13] *17 доб.* какою ... буди. [14—14] *17* А поимают того же татя. [15] *17 доб.* человек 15 или дватцеть. ... недоброй лихой человек, и про мошенника и оманщика. [17] *17 доб.* ни будь. ... *доб.* или душегубство. [19—19] *17 нет.* [20] *20, 26, 28 доб.* церковном и. [21] *12* глав... [22] *20 доб.* и о коневодце. [23] 9 жалобнике.

62. [1]—О наместникех,—[1] за которыми кормлениа [2]—з боярским судом.—[2]

63. [3]—О боярьском суде.—[3]

64. Как судити наместником детей боярских.[4]

65. [5]—Что имати наместнику от правые грамоты пошлин.—[5]

66. [6]—О наместникех и о волостелех, за которыми кормлениа без боярского суда.—[6]

67. [7]—О наместничих тиунех, как им давати правые грамоты.—[7]

68. [8]—О старостах и о целовалникех, в которых волостех наперед того старост и целовалников не было, кому в суде сидети[9], и ныне в тех волостех старост и целовалников учинити.—[8]

69. [10]—О наместничих и о волостелиных о суд||ных о докладных *л. 6* списках.—[10]

70. Кого наместничи и волостелины люди учнут давати[11] на поруку[12] и по ком поруки не будет.

71. Наместником [13]—и волостелем [14]и их тиуном—[13] татя и душегубца и всякаго лихого человека без докладу ни продати, ни казнити, ни отпустити.

72. [15]—Наместником и волостелем судити всяких людей, обыскиваа по их жыbuilt.—[15]

73. Кто скажет, [16]—что у него взят—[16] чюжей жывот.

74. На котором городе два наместника или на волосте два волостеля.[17]

75. Кто пошлет пристава по наместника[18] или по волостеля [19]—и по их людей.—[19]

76. О холопьстве суд.[20]

77. [21]—О отпускных.—[21]

---

[1]—[1] *17* А бояром и детем боярским судити. [2]—[2] *17 нет.* —[2] *12 доб.* и кого убью на поле и о пошлине полевой. [3]—[3] *17* А суд боярской: которому наместнику дано с судом боярским. [4] *17 доб.* по всем городом. [5]—[5] *17* А от правые грамоты имати боярину или сыну боярскому, за которыми кормленья. [6]—[6] *17* А наместником и волостелем, которые держат кормление без боярского суда, пошлин и докладных не давати. [7]—[7] *17* А тиуну наместничю на кормленье государю на холопа ни холопу на государя правые грамоты без докладу не давати. [8]—[8] *17* А которому паместнику дан город в кормленье с волостми. [9] *16* судити. [10]—[10] *17* А пришлет наместник или волостель и их тиун список судной к докладу и хто ростакнет судной. [11] *17 доб.* от кого. [12] *17 доб.* до суда и после суда. [13]—[13] *17* всяким приказным. [14] *16 доб.* судити всяких людей. [15]—[15] *17* А по городам наместником городцким посадцким всех людей промеж ими их судити. —[15] *20 доб.* и промыслом. [16]—[16] *22, 23, 25, 27, 29* хто у кого взял; *24* что у кого взял. —[16] *17* был. [17] *17 доб.* а суд у них не в розделе. [18] *17 доб.* по боярина или по сына боярского. [19]—[19] *17* и по тиуна. [20] *17 доб.* по полной грамоте; *23, 25, 27, 29 доб.* и о отпускных. [21]—[21] *23, 25, 27, 29 нет; 17* А отпускные давати з боярского докладу на Москве да в Великом Новегороде.

л. 6 об. 78. Как на волных людей имати кабалы за рос[т] || служыти и о старых кабалах, по которым кабалам за рос[т] служат.

79. Положат на одного холопа [1]—две полные или—[1] две докладные.

80. Холопа рать полонит.[2]

81. Детей боярьских [3]—и. их[4] детей—[3] в холопи не приимати.

82. [5]—Кто на кого кабалу возмет—[5] в рост, тех людей у собя не дръжати.

83. [6]—О наймитех, котсрой не дослужит у государя до уроку.—[6]

84. [7]—Суд о землях о поместных.—[7]

85. Суд о вотчинах.

86. [8]—О огороде[9] промеж сел и деревень и отхожых[10] пожнях.—[8]

87. [11]—О переоре межы—[11] и о ссечении[13] гранем.—[12]

л. 7 88. [14]—О крестьаньском отказе и о выходе || и о пожылых[15] пошлинах.—[14]

89. [16]—Которого крестианина в лихом деле на поле убьют.—[16]

90. [17]—О купце, у кого товар утеряется безхитростно, или которой купец своим безумием утеряет товар.—[17]

91. [18]—О суде,—[18] которые питаются от церкви божией или которые питаются и не от церкви божией, а взыщет на церковном причте.—[19]

92. Которой[20] умрет без духовной грамоты.

93. Кто купит што на торгу поношено.[21]

94. [22]—Кто купит на Москве или в Московском уезде лошадь.—[22]

95. Кто купит лошадь или менит [23]—в городе или в волосте где наместник или волостель.—[23]

96. [24]—О лошадех[25] домарощеных и непродажных.—[24] ||

1—1 *17 нет.* 2 *17 доб.* и выйдет. 3—3 *17* служилых. —3 *16* людей. 4 *20 нет*... 5—5 *17* А хто займет денги. 6—6 *17* А наймит не доживет до сроку. —6 *6* сроку; *3, 1*... уроку своего. 7—7 *17* А о землях суд. 8—8 *17* А промеж сел и деревень городити изго... рода. 9 *26* О изгородах; *32* О городбех. 10 *20 доб.* пашнях и. 11—11 *20* О пере... межье; *23* О пересраной земле межной; *32* О переораной меже. 11—12 *17* А хто зоре... межу или грань ссечет и перекосит. 13 *8, 13* отсеченьи. 14—14 *17* А крестьяном отказы... ватися из волости в волость, и с села в село. 15 *23, 25, 27, 29, 32* пожениых. 16—16 *1*... А убьют кого крестьянина на поле в розбое или в каком ином лихом деле. 17—17 *1*... А которой купец, идучи на торговлю, возмет у когс денги или товар и на дороге истеряет. —17 *20 нет.* 18—18 *20* А попа и дьякона и. 18—19 *17* А попа, и дьякона, ... черница всякого церковнаго причета, хто питаетца о церкви божии, судити. —19 *20 доб*... и старца, и старицу, и старую вдовицу, и девицу судити. 20 *2, 16, 20, 26 доб.* человек... 21 *6, 25* ношено. 22—22 *17 нет.* 23— *25* выменит. 23—23 *17 нет.* 24—24 *17* А лошад... пятнати и доморощеные держать. 25 *16 доб.* домашних и о.

¬ 97. [1—]О судных делех о кончанных,[2] и о делех суженых, а не кончанных,[2] и о несуженых делех преж сего Судебника.[—1] *л. 7 об.*

98. А которые дела в сем Судебнике не писаны.

99. Да велети прокликати по торгом[3] на Москве и во всех городех про посулы и про послушество. ||

[4—]Лета 7000 пятдесят осмаго[5] июня[6] ...[7] царь *л. 8* и великий князь Иван Васильевич всеа Русии с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложыл:[8] как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьаком, и всяким[9] приказным людем, и по городом наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям.[—4,10] ||

1

л. 8 об.

Суд царя и великаго князя судити боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком. [11—]А судом не дружыти и не мстити никому,[—11] и посулу в суде не имати; також[12] и всякому судье [13—]посулов в суде не имати.[—13]

2

А которой боярин,[14] или дворецкой, или казначей, или дьак просудится, а обвинит кого не по суду[15] безхитростно, или список подпишет и правую грамоту даст, а обыщется то в правду, и боярину, и дворецкому, и околничему, и казначею, и диаку в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдати.[16]

3

А которой боярин,[17] или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит[18] не по суду, а обыщется то в правду,[19] и на том боярине,[20] или на дворецком, || или на казначеи, или на дьяке взяти исцов иск, а пошлины[21] царя[22] и великаго *л. 9*

[1—1] *17* А которые дела преж сего Судебника вершены и не вершены. [2] *23* вершеных. [3] *26* в торгу. [4—4] *23* Суд царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси. [5] *4* 7059; *38* 7050. [6] *9, 38* июля. [7] *20* в 24 день; *15, 23, 25* 1; *31* 18; *19* 19. [8] *38* изложил. [9] *20 доб.* земским судьям; *17 доб.* судьям. [10] *20 доб.* меж всякими людми суд и управа держати о всяких делех, чтоб земле безуправно и безобидно не было никому ни в чем. [11—11] *23* а судом недругу не мстити, а другу не дружити. [12] *17, 20* однолично. [13—13] *23* судити в правду. [14] *23—25 доб.* или окольничей. [15] *15* не по делу. [16] *Все списки* отдати назад; *17, 20* отдати назад все. [17] *22—25, 27, 29, 32, 34 доб.* или окольничей. [18] *22—25, 27, 29, 32, 34 доб.* кого. [19] *20 доб.* что посул взял. [20] *22—25, 27, 29, 32, 34 доб.* или на околничем. [21] *2,3, 16, 25—27 доб.* на. [22] *6* на государя царя; *20* на государя.

князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взяти втрое, [1]—а в пене что государь[2] укажет.—[1]

4

А которой дьак список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было,[3] без боярьского,[4] или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял, и на том дьаке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрму.

5

Подьачей, которой запишет[5] не по суду для посула [6]—без дьячего приказу,—[6] и того подьячего казнити торговою казнью бити кнутьем.

6

л. 9 об. А кто виноватой солжет на боярина, или || на околничего, или на дворецкого, или на казначеа, или на дьяка, или на подьячего а обыщетца то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, бити кнутьем, да вкинути в тюрму.

7

А кто х которому боярину, или дворецкому, или казначею или к дьаку придет жалобник его приказу, и ему жалобников своего приказу от собя не отсылати, а давати ему жалобником своего приказу всем управа, которой [7]—будет жалобник—[7] бьет челом[8] по делу; а которому будет жалобнику без государева ведома управы учинити не мочно, ино челомбитье его сказати царю государю. А которой боярин, или дворецкой, [9]—или казначей,—[9] или дьак жалобника своего приказу отошлет,[10] а жалобницы л. 10 у него не возмет, и управы ему или указу[11] не учинит, и царю государю челомбитьа его не скажет, и учнет тот жалобник[12] бити челом государю, что ему управы не учинили, и государь ту его жалобницу[13] отошлет тому, чей суд, и велит ему управу учинити, и бояре ему, или дворецкой,[14] или казначей[15] управы[16] не учинят же, и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале.

[1—1] *6 нет.* [2] *16* православной царь. [3] *12, 40* речи были. [4] *24 доб.* или 6... окольничего. [5] *6, 8, 9, 22—25, 27, 29, 32, 34 доб.* дело. [6—6] *22, 23, 25* без дьячег... ведома без приказу. [7—7] *6 нет.* [8] *3, 12, 21, 40 доб.* не. [9—9] *6 нет.* [10] *20 д...* жалобника своего прочь. [11] *Все списки, кроме 8, 29* отказу. [12] *25, 27* челобитчи... [13] *23, 25, 27, 29* челобитную. [14] *23, 25, 27, 29 нет.* [15] *6 доб.* или дьяк. [16] *17 д...* не учинили и.

А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати государю, и того жалобника вкинути в тюрму.

8

А имати боарину, и дворецкому, и казначею и дьяку в суде от рублевого дела на виноватом пошлин, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину, или дворецкому, || или казначею на вино- *л. 10 об.*
ватом[1] одиннатцать денег, а дьяку семь денег, а подьачему две денги; а будет дело выше рубля и ниже рубля, и им имати [2—]пошлины по росчету; а болши того им не имати; а от записки подьячему не имати ничего.[—2] А возмет боарин, или дворецкой, или казначей, или дьак, или подьячей, или неделщик на ком что лишек, и на том[3] взяти втрое. А хто учнет бити челом на боярина,[4] или на дьяка, или на подьячего, или на неделщика, что взяли на нем сверх[5] пошлин лишек, и обыщется то,[6] что тот солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

9

А досудятся до поля, да не [7]став у поля, да помирятся,[8] и боярину, и дворец || кому, и казначею, и дьаку, и подьячему имати *л. 11*
по тому ж указу, а околничему, и дьаку, и подьячему,[9] и неделщику пошлин полевых не имати. А возмет боярин, или околничей,[10] или дворецкой, или казначей, или дьяк, [11—]или неделщик,[—11] или подьячей лишек болши того [12—]и обыщется то,[—12] и на том взяти втрое. А обыщется то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью[13] да вкинути в тюрму.

10

А у поля став помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дьаку имати пошлины по тому ж росчету; а околничему имати полевых[14] пошлин четверть рубля, [15—]а дьяку четыре алтыны, а подьячему денга, а неделщику имати || четверть рубля,[—15] да *л. 11 об.*
неделщику ж имати вящего по два алтына; а болши им того не имати. А кто возмет лишек, и на том взяти втрое. А обы-

[1] *25, 27, 29 доб.* с рубля. [2—2] *6* по тому ж. [3] *10 доб.* назад. [4] *6, 10, 12, 15, 22—25, 27, 32, 34, 40 доб.* или на дворецкого или на казначея. [5] *2, 4, 11, 13, 17, 20, 26 нет.* [6] *3, 10 доб.* в правду. [7] *9, 28 нет.* [8] *Здесь начало списка 7.* [9] *2, 3, 6, 17, 20 25 нет.* [10] *17, 20* нет. [11—11] *2, 4—6, 11, 17, 20, 28 нет.* [—11] *6, 26 доб.* в правду. [12—12] *3, 12, 16, 21, 40 нет; 27 доб.* в правду. [13] *25 доб.* бити кнутьем. [14] *10* от полевых. [15—15] *6 нет.*

щется то, что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнию[1] да вкинути в тюрму.

11

А побьются на поле в заемном деле или в бою, и околничему полтина да за доспех убитого три рубля, а дьаку четверть рубля, да неделщику полтина, да неделщику ж вясчего четыре алтына без дву денег, а подьячему две денги. А не станет кто у поля или от поля збежыт, ино околничему и дьаку и неделщику имати на том, как и с мирового дела; а избные[2] пошлины
л. 12 с рубля по гривне; а болше им того не имати. А возмет || кто лишек, и на том *взяти* втрое. А обыщется то, што жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью[1] да вкинути в тюрму.

12

Побьются на поле в пожеге, или в душегубьстве, или в розбое, или в тадбе, ино на убитом исцово доправити, да околничему на убитом полтина да за доспех убитого три рубля, а дьяку четверть рубля, а неделщику полтина, да неделщику ж вязчего четыре алтыны без двух денег, а подьячему две денги. А убитого дати на поруку: как его государь попытает, ино его поставити перед государем; а не будет по нем поруки, ино его вкинути в тюрму *доколе по нем порука будет.*[3]

13

12 об. [4]—А к полю приедет околничей и[5] дьак,—[4] || [6]—и околничему и дьаку—[6] вспросити [7]—исцов, и ищей и ответчиков:—[7] кто за ними стряпчие и поручники; и кого за собою стряпчих и поручников скажут, и им тем велети у поля стоати; а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у собя не дръжати. А бой полщиков давати околничим и дияком ровен. А которые будут у поля опричные люди, и околничему и дьяку от поля их отсылати; а которые прочь не пойдут, и им тех[8] отсылати в тюрму.

14

А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися; а похочет небоец з бойцом и

---

[1] *9 доб.* бити кнутьем. [2] *20* избойные. [3] *12 приписка* О наместничьи суду ин в шездесят второй главе. [4—4] *3, 21 в виде заголовка перед ст. 13.* [5] *27* или. [6—6] и им. [7—7] *6, 15, 22—25, 27, 29, 32* исцов и ответчиков. [8] *16 доб.* людей.

Судебник 1550 г., л. 1 (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228).

Лѣт З пятдесят осмаго июнь

Царь и великий князь Иван Василевич всеа Русии
с своею братьею и з бояры. Сей судебник уложил,
как судити бояром и околничим и дворецким,
и казначеем и дьяком и всяким приказным
людем и по городом наместником и по воло-
стем волостелем и тиуном
и всяким судиям.

Судебник 1550 г., л. 8 (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228).

поле битись, ино им на поле битись. Да и во всяких делех бойцу || з бойцом, а небойцу с небойцом, или бойцу с небойцом *л. 13* [1]—по небойцове воле—[1] на поле битися по тому ж.

15

А ищеа пошлется на послуси в заемном деле бес кабалы или в какове деле ни буди, и послуси став да меж собя порознятся: иные молвят в ысцевы речи, [2]—а иные в ысцевы речи не молвят; и которые молвят в ысцевы речи,—[2] а попросят с ними те послухи, которые не[3] молвят в ысцевы речи, поля, ино им присужати поля; а убьют на поле послуси те, которые[4] послушествовали в ысцевы речи, тех послухов, которые не послушествовали в ыстьцовы речи, ино [5]—исцово и пошлины—[5] имати [6]—по списку—[6] на ответчике и на тех послусех, которые не послуше||ствовали *л. 13 об.* в ысцовы речи; а которые послуси не послушествовали в ысцовы речи убьют будет на поле тех послухов, которые[7] послушествовали в ысцовы речи, ино имати пошлины по списку на ищее и на тех послусех, которые послушествовали [8]—в ысцовы речи;—[8] а не попросят поля те послуси, [9]—которые послушествовали в ысцовы речи,—[9] с теми послухи, которые не послушествовали в ысцовы речи, или послухи не договорят в ысцовы речи, ино тем ищеа виноват. А по кабале порознят послуси [10]— и дьяк, ино по тому же.—[10]

16

А кого послух опослушествует в бою, или в грабежу, или в займех, ино суд на ответчикову волю: хочет, с послухом на поле лезет или, став у поля[11] [12]—у креста, || [13]—на целование—[12] ему—[13] *л. 14* или без целованиа даст; а вины в том отвечику и пошлин полевых убитых[14] нет; а побьютца на поле, и пошлины судные[15] и полевые взяти по указу на убитом.

17

А против послуха ответчик будет стар, или мал, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, и тому

[1—1] *6* понеже бо в ысцове воле. [2—2] *4* а иные молвят в ответчиковы речи. [3] *26, 28 нет.* [4] *22 доб.* не. [5—5] *23* исцовы пошлины. [6—6] *6 нет.* [7] *27 доб.* не. [8—8] *2, 6, 16* ему. [9—9] *22, 23, 25, 27, 29 нет.* [10—10] *16* и дьяку имати по тому же. [11] *6 доб.* или. [12—12] *10* у крестного целованья. [13—13] *6 нет.* [14] *4, 6, 16 нет.* [15] *9 нет.*

против послуха наймит, а послуху наймита нет; а которой послух чем будет увечен безхитростно, или будет в послусех поп, или чернец, или черница, или женка, тем наймита наняти волно ж. А что правому или его послуху учинится убытка, и те убытки имати на виноватом.

18

А послух перед судью не придет, есть ли за ним речи, нет ли,
л. 14 об. ино на том[1] послухе исцово[a] || и[2] убытки и все пошлины взяти; а с неделщиком и с праведчиком о сроце тому послуху суд.

19

А на ком взыщет женка,[3] или детина,[4] или стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, ино им наймита наняти волно, а ответчику против наймита наймит же; а истцу и ответчику крест целовати, а наймитом битися. А похочет истец или ответчик сам битися с наймитом, и он[5] бьется.

20

А кто взыщет человекех на трех или на четырех по жалобнице, *а напишет в жалобнице* человек десять или пятнатцать, или болши или менши, и те два или три за собя и за иных товарыщев отвечают, а за иных не отвечают, и за которых по жалобници отвечают, ино тех судити в их жеребьех; *а за которых людей не отвечают по жалобнице, ино в тех их жеребьех*
л. 15 велети посылати || пристава; а будет по тех людей ходила приставная,[6] ино по той срочной в их жеребьех давати безсудные.

21

А на которого из них ездок срочную накинет на одного,[7] и тот срочные своей товарыщем своим, которые с ним в срочные писаны, не покажет, и на которых его товарыщев выляжет в их жеребьех безсудная грамота, ино тем людем [8]—с тем—[8] дати суд, хто им срочные не показал.

---

[a] *В рукописи* исцов иск; *исправлено по остальным спискам.*

[1] *4* виноватом. [2] *3, 6, 9, 12, 21, 26 доб.* исцовы. [3] *17, 20, 23 доб.* или девка [4] *Все списки, кроме 5, 9, 10, 12, 33 доб.* мал. [5] *2, 16, 26 доб.* сам. [6] *17, 20 доб.* и [illegible] которой срок. [7] *3, 5, 12 доб.* а он в срочной не один. [8—8] *25* с теми людми.

22

А которые люди учнут искати на наместникех[1] или на волостелех и на их людех по жалобницам, и оне[2] [3]—не за всех учнут отвечати,—[3] а исцы учнут искати на наместникех или на волостелех и на их[4] людех всего своего иску по жалобнице и без тех, за которых людей не отвечают, и по тем их жалобницам ‖ судити *л. 15 об.* во всем иску [5]—по жалобнице—[5] без тех людей, за которых не отвечают.

23

А которых людей исцы учнут примешивати[6] к наместничим людем или к [7]—волостелиным[8] людем—[7] городских людей или волостных,[9] а наместничи или волостелины люди за тех городцких людей или за волостных[10] отвечати не похотят, и наместничих и волостелиных людей[11] судити в их вытях,[12] а на тех на городцкых или на волостных людей в их вытех[12] давати пристава; а до наместничих и до волостелиных людей в тех вытех дела нет.

24

А которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостелей [13]—о обидных делех,—[13] как те наместники или волостели, едучи на жалованье, ‖ и на жалованье жывучи, *л. 16* или едучи[14] з жалования, кого чем изобидят, и тем людем иногородцом приставов на наместников и по волостелей и по их людей и до съезду з жалованиа давати,[15] а велети тем наместником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не[16] учнут о тех своих обидных делех бити челом на наместников и на волостелей и на их людей до году,[17] и тем людем тогды приставов и суда на наместников и на волостелей и на их людей не давати.

25

А который ищеа взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинити и бесчестие ‖ на *л. 16 об.* нем взяти; а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет;

---

[1] *33* на наместных людех. [2] *Все списки, кроме 19* и которые наместники или волостели за своих людей по жалобницам. [3—3] *23* не за всех людей и отвечают. [4] *23* иных. [5—5] *6, 15 нет.* [6] *9* приписывати. [7—7] *33* волостелем. [8] *4* волостным. [9] *3* волостелиных. [10] *22, 27, 29* волостелиных. [11] *4 доб.* за тех городцких людей. [12] *10* жеребьях. [13—13] *9* о обидах; *10* об обиде. [14] *25, 27, 29* сьедучи. [15] *9 доб.* на поруки. [16] *3—5, 9, 21, 40 нет.* [17] *13* до съезду.

[1]—а в грабеже суд и правда, *а во всем не обвинити; а скажет, что грабил, а не бил, и на том грабеж доправити, [2]—хто скажет грабил;—[2] а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет;—[1] а в бою суд и правда.* А в ыных делех судити по тому ж: кто в чем скажется виноват, то на нем[3] и взяти; а в пене что государь укажет, посмотря по человеку; а в достали суд и правда, крестное целование.

26

А бесчестие детем боярским, за которыми кормлениа,[4] указати против доходу, что на том кормление по книгам доходу, *а жене его безчестья вдвое против того[5] доходу;* которые дети боарские емлют денежное жалование, сколко которой жалованьа имал, [6]—то ему и—[6] бесчестие, а жене его вдвое против их бесчестиа;[7] а дьяком полатным и дворцовым безчестие что царь и великий
л. 17 князь укажет, а женам их вдвое против || их бесчестиа; а торговым[8] гостем болшим пятдесят рублев, а женам их вдвое против их бесчестиа; а торговым людем и[9] посадцким людем и[10] всем середним бесчестиа пять рублев, а женам их вдвое бесчестиа против их бесчестиа; а боярскому человеку доброму бесчестиа пять рублев, опричь тиунов и довотчиков,[11] а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведчику бесчестиа против их доходу, а женам их вдвое; а крестианину пашенному и непашенному[12] бесчестиа рубль, а жене его бесчестиа два рубля; а боярскому человеку молотчему [13]—или черному городцкому человеку молодчему—[13] рубль бесчестиа, а женам их || бесчестиа вдвое. А[14] за увечие
л. 17 об. указывати крестианину, посмотря по увечию и по бесчестию; и всем указывати за увечие, посмотря по человеку и по увечью.[15]

27

А которой чюжеземец взыщет чего на чюжеземце же, ино того воля, на ком взыщет: хочет сам отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит, чего на нем взыщет, и истец поцеловав крест, да возмет.[16] А которой человек здешнаго государьства взыщет на чюжеземце или чюжеземец на здешнем человеке, и в том дати жеребей: чей ся жеребей вымет,[17] тот, поцеловав, свое возмет или отцелуется.

[1—1] *3, 12, 21, 40 нет.* [2—2] *23, 27 нет.* [—2] *20 доб.* а не бил. [3] *25, 27* на том. [4] *6* поместья. [5] *20 доб.* его мужня. [6—6] *20* и против жалованья. [7] *2, 3, 6, 15, 16, 23, 25, 26, 32* жалованья. [8] *Остальные списки, кроме 2, 11, 12 нет.* [9] *13, 16, 23, 27, 29 нет.* [10] *Остальные списки нет.* [11] *8 доб.* и праведчиков. [12] *3, 10, 12 нет.* [13—13] *8* или черному посадцкому человеку молодшему; *23* или черному человеку городцкому жилцу. [14] *33 доб.* за бесчестье и. [15] *22 доб.* и по бесчестью. [16] *8, 9 доб.* свое. [17] *6* выпадет.

[1] 28

А которое будет дело судит царь и вели||кий князь, или дети *л. 18*
царя и великаго князя или бояре,[2] и которой суд не кончается, оставят его в обговоре,[3] и дьяку исцовы и ответчиковы речи велети записати перед собою; или о чем ся пошлют на послушество, и дьаку велети то записывати перед собою ж; да те ему дела держати у собя за своею печатью, доколе дело кончается. А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто[4] переписывати, и дьаком к тем жалобницам и к делом по ссставом руки прикладывати. А как подьачей с черна начисто перепишет дело, и дьаку те все дела справити самому, да к тем делом дьаку руку свою приложить; а держать те || дела дьаку у собя за своею *л. 18 об.*
печатью. А подьячему у собя дел никоторых не дръжати; а вымут у подьячего список или дело[5] за дьячею печатью, а руки дьячей[6] у того списка или у дела не будет или у жалобницы, и тот список[7] и пошлины и езд взяти на дьяке, а подьячего бити кнутьем; а вымут у подьячего список или дело за городом или на подворие, и тот список[8] взяти на дьяке, а подьячего казнити торговою казнью да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти.

29

А которые дела судят бояре, и тот суд велети[9] записывати перед собою; а исцом у записки не стояти; а будет надобе на которое дело истца или отвещика вспросити, ино его к собе позвати[10] да, вспросив его, от записки отослати. || А как дело их *л. 19*
дьяк запишет, и того дела перед истцы не чести, а прочести его бояром.

30

А случится суд сместной, ищеа или ответчик судимы будут не одному судье, и кто по кого взведет[11] пристава в какове деле ни буди, и тот ищеа возмет у своего судьи за собою сторожа да идет к тому судье просити пристава, у кого в присуде тот, на ком ему искати, да перед тем судьею ищет; а будет тот отвещик, не сходя с суда, против на нем взыщет, и ему перед тем судьею отвечяти. Да и во всяких делех судити сместной суд

---

[1] *В списке 7 отсюда недостает одного листа.* [2] *25, 27* его бояре. [3] *29* оговоре. [4] *20 доб.* набело. [5] *Все списки, кроме 9, 10, 33 доб.* не. [6] *20* дьяковы. [7] *Все списки, кроме 3, 9, 10, 21, 33* иск. [8] *Все списки, кроме 3, 4, 5, 12, 21, 33, 40* иск. [9] *Все списки, кроме 9, 33 доб.* дьяком. [10] *6* призвати. [11] *22, 23, 25, 27, 29* возмет.

[1]—тому судье,—[1] у кого в присуде отвечик.[2] А пошлины [3]—обеим судьям имати по указу, а делитись судьям пошлинами—[3] по поло-
л. 19 об. винам; || а пошлины обеим судьям имати одне.

31

А кто кого поимает приставом в бою, или в лае или в займе, а на суд итти не похотят, и оне[4] доложат судьи да помирятся, [5]—а судье пошлин—[5] и продаж на них нет, опричь езду и хоженого. А которые жалобницы заданы[6] судьям и оба истца до суда помирятся, и по тем жалобницам судьям пошлин не имати ж.[7]

32

А неделщику [8]—на суде на боар—[8] и на дворецкого, и на околничих, и на казначеев, и на дьяков[9] посулов не просити,[10] и самому неделщику посулов не имати. А которой неделщик возмет [11]—на суде на боярина,—[11] или на околничего, или на дворецкого, или на казначеа, или на дьяка посул, или собе[12] посул возмет, и ули-
л. 20 чат его в том, и того неделщика каз||нити торговою казнью, а посул на нем доправити втрое да из недель выкинути.[13]

33

А пошлины имати от правые грамоты боярину от печати с рубля* по девяти[14] денег, а дьяку имати от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет, с рубля имати по три денги; а болши того не имати. А кто возмет болше того[15] и уличат его в том, и на том взяти[16] втрое. А обыщется что жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму.

34

А докладной список боярину, или дворецкому, или казначею
л. 20 об. печатати, а дьяку подписывати; а имати от печати боярину, или дворецкому, или казначею || с рубля по алтыну, а дьяку с рубля

[1—1] *25* по тому ж перед тем; *27* по тому ж тому; *9* судье по тому ж. [2] *До сих пор пропуск в списке 7.* [3—3] *4* обеема им взати пошлина. [4] *10* не. [5—5] *23, 25, 29* а судьи пошлин. [6] *Все списки, кроме 9, 33* зададут. [7] *20 доб.* никоторых. [8—8] *2, 5, 10, 11, 17, 20, 23, 28* на судей и на бояр. [9] *10 доб.* поминков и. [10] *4* не правити. [11—11] *2, 11, 15, 17, 20, 23, 40* на судей и на боярина. [12] *9, 17, 20* на себя. [13] *10, 22 доб.* вон. [14] *4, 10, 13, 23, 25* десяти. [15] *3, 5, 12, 40 доб.* лишек. [16] *17, 20*воля взяти.

по четыре денги, а подьячему, которой на списке напишет,[1] с рубля по две денги; а болши им того не имати. А кто возмет лишек[2] и уличат его в том, и на том взяти втрое. А обыщется то, што жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да кинути в тюрму.

35

А с[3] холопа и с[3] робы от правые грамоты и от отпускные[4] боарину, или дворецкому, или казначею имати от печати з головы по девяти денег, [5—]а дьяком имати от подписи з головы по алтыну,[—5] а подьячему, которой правую грамоту напишет или отпускную, з головы имати по три денги.

36

А кто займет[6] денги в рост в кабалу, и на те || кабалы отписи[7] *л. 21* без боярского докладу и без дьячей подписи[8] не быти. А боярину от всякиа отписи, [9—]в колке отпись[—9] ни буди, имати от печати по три денги, а дьяку имати от подписи[10] по две денги, а подьячему, которой отпись напишет, имати [11—]по денги.[—11]

37

А с царева и великаго князя суда и с детей царя и великаго князя суда пошлин на виноватом по тому ж, как и з боярьского суда, с рубля по одиннатцати денег, кому государь укажет, а дьяку семь денег, а подьячему две денги.

38

А цареву и великаго князя печатнику и детей царя и великаго князя печатнику от печати имати от правые грамоты с рубля по девяти денег, а дьяку с рубля по алтыну, а подьячему, которой || правую грамоту напишет, имати с рубля по три денги. *л. 21 об.*

39

А з докладного списка царя и великаго князя докладу и детей царя и великаго князя докладу имати цареву и великаго князя

---

[1] *2, 5, 10—12, 15, 16, 21—25, 27, 29, 40* подпишет. [2] *9* больши того. [3] *28* от. [4] *9* откупные. [5—5] *3, 12, 40 нет.* [6] *6* возмет. [7] *6 нет.* [8] *25* приписи. [9—9] *22, 25, 27, 29* сколко отписей. [10] *17, 20, 28* отписи. [11—11] *25, 27* по две денги.

печатнику *и детей царя и великого князя печатнику[1]* имати с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой на списке напишет,[2] имати с рубля [3]—по две денги.—[3]

40

А с холопа и с робы от правые грамоты имати[4] печатнику[5] з головы по девяти денег, а дьяку от подписи имати[6] по алтыну, а подьячему, которой правую грамоту напишет,[7] имати з головы по три денги.

41

А от срочных от подписей имати дьаку с срочные по две денги, а от отписных[a] срочных дьяку имати от подписи с рубля по л. 22 три денги, || *а подьячим от подписи[8] имати с рубля по две денги.* А похотят оба исца, ищеа и[9] отвечик, срок отписати, и оне оба платят от подписи, от писма и неделщику хоженое по половинам. А которой ищеа или ответчик к сроку не приедет, а пришлет[10] срок отписывати, и тому все платити одному от обеих срочных и хоженое, опричь служилых людей; а будет оба истцы, ищеа или ответчик, служилые люди, а пошлют их на службу, а похотят перед тем сроком недели[11] за две или за три до того сроку, на которой день велено им на службе быти, по срочным срок отписати, и тем служилым людем недели за две или за три отписывати безпошлинно для службы. А срочные[12] дьаком дрьжати у собя за своею печатью. А как давати безсудные, и дьяком л. 22 об. срочные снести в одно место || самим да, розобрав срочные самим дьаком по сроком,[13] да велети им подьячим безсудные давати и сроки отписывати. А у подьячих дьяком срочных не держати; а которой дьяк срочные учнет держати у подьячих срочные не у собя, и у чьего[14] подьячего ищеа или отвечик с приставом вымут срочную подписану до сроку, а не за дьячею печатью, и на том дьяке тот иск, что в срочной написано, доправити; а дьяк с своим подиячим сам ся ведает.

---

[a] *В рукописи* подписных; *исправлено по другим спискам.*

[1] *2, 16, 26 доб.* от печати. [2] *15, 25, 29* подпишет. [3—3] *9* по денги; *2, 11, 16* по три денги. [4] *8* и от отпускные цареву и великого князя печатнику и детей царя и великого князя. [5] *3, 12, 40 доб.* от печати. [6] *2, 16* з головы. [7] *8 доб.* или отпускную. [8] *25, 27, 29* от писма; *17, 20* от подписки; *26* от отписи. [9] *2, 16* или. [10] *3, 12, 40 доб.* в свое место. [11] *28* дни. [12] *23* отсрочные. [13] *6* по срочным. [14] *13, 22* коего; *23, 25, 29* него.

42

А безсудные[1] грамоты давати[2] за сто връст семым днем, а дале того по тому ж росчету. А пошлины имати от правые и от безсудные царя и великаго князя печатнику от печати с рубля по алтыну, а дьяку от подписи с рубля по алтыну же, || а подьачему *л. 23* с рубля по две денги; а болше им того не имати. А кто возмет [3]—болше того—[3] и уличат его в том, и на том взяти[4] втрое. А кто солжет, того казнити торговою казнью да вкинути в тюрму.

43

А велит государь кому какову грамоту дати лготную, или уставную, или полетнюю с красною печатью, и что возмет печатник от печати от которые[5] грамоты, а дьяку от подписи взяти то же. Торханных вперед не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати[6] у всех.

44

А от приставных имати царя и великаго князя печатнику[7] и дьяку [8]—у неделщиков—[8] по езду, с которые приставные рубль езду, и печатнику у неделщика[9] имати *от печати* с рубля по алтыну, а дьяку от подписи с рубля алтын же; || а будет езду до *л. 23 об.* которого города[10] рубля болши или менше, и печатнику и дьяку[11] имати по тому ж росчету. А будет в приставной[12] иск менши того езду, и дьяком тех приставных не подписывати,[13] а того неделщика кинути в тюрму да сказати царю государю. А без неделщиков дьяком приставных не подписывати; а в приставной болши дватцати вытей[14] не писати; а неделщику от приставной [15]—один езд—[15]; от которого города в которой город приставная написана. [16]—А подпишет которой дьяк приставную,—[16] а в приставной иску будет менши езду, или подпишет приставную без неделщика, и уличат его в том, и што в приставной иску,[17] и тот иск взяти на дьяке, а в пене что государь укажет.

---

[1] *Все списки, кроме 9, 10, 33 доб.* и правые. [2] *3, 12 доб.* по сроце. [3—3] *10* лишек. [4] *Отсюда начинается список 18.* [5] *33* от правые. [6] *5* поотнимати; *13* имати. [7] *16 доб.* от печати. [8—8] *20* и неделщику. [9] *23* и неделщику. [10] *18, 23 доб.* рубль или. [11] *3 нет.* [12] *4 доб.* иску менши, и печатнику и дияку имати по тому же, а. [13] *8 доб.* а в приставной болши того не подписывати. [14] *18, 25, 27* дел; *23* недель. [15—15] *10* один рубль езду. [16—16] *3, 5, 12, 21, 40* а подпишет дьяк которую приставную. [17] *28 доб.* менши езду.

45

А хоженое неделщику в городе десять денег, [1-]а на правду[-1]
л. 24 вдвое; а от поруки неделщиком поми||нков не имати; * а езд недел-
щику имати * до которого города по указу, а с правды им имати
вдвое езду; а болши того им не имати.

46

А езду от Москвы до Коломны полтина, до Коширы полтина,
до Хотуни[2] десять алтын, до Торусы дватцать алтын, до Алексина
полтретьятцать алтын, до Колуги рубль, до Ярославца[3] полтина,
до Боровскаго полтина ж,* до Вышегорода полтина,* до Кременска[4]
дватцать алтын, до Можайска полтина, до Вязмы полтора рубля,
до Воротынска сорок алтын, до Козелска рубль с четвертию, до
Одуева[5] сорок алтын, до Белева рубль с четвертью, до Мезецка[6]
сорок алтын, до Оболеньска полтина, до Звенигорода две гривны,
до Дмитрова десять алтын, до Радонежа[7] [8-]четверть *рубля,*[-8]
л. 24 об. до Переславля дватцать алтын, || до Ростова рубль, до Ярославля
[9-]два рубля[-9] с четвертию, до Вологды полтретья рубля, до Бела-
озера полтретья рубля, до Устьюга пять рублев, до Вятки полосма
рубля, до Вычегды семь[10] рублев, до Двины и до Колмогор восемь
рублев московская, до Юрьева рубль, до Володимеря рубль
с четвертию, до Костромы полтора рубля, до Галича полтретья[11]
рубля, *до Стародубских князей отчины полтора рубля*, до
Мещеры два рубля, до Новагорода до Нижнего полтретья рубля,
до Суздаля рубль с четвертию, до Мурома полтора рубля, до
Углеча рубль, до Бежецкого Врьха полтора рубля, до Романова
городка рубль с четвертию, до Клина полтина, до Кашина рубль,
до Твери рубль, до Зубцова[12] рубль, до Опок[13] рубль, до Хлепни[14]
л. 25 сорок || алтын, до Торжку рубль с четвертью, до Вереи[15] полтина,
до Медыни полтретьятцать алтын, до Великого Новагорода пол-
третьа рубля, до Пскова полчетверта рубля, до Смоленска пол-
третьа рубля, до Иваня города полчетверта[16] рубля, до Лук и до
Торопца по получетверта рубля; а где будет болши того верст,
ино имати по тому ж росчету.

[1—1] *12, 16, 40* а правду. [2] *3, 9, 12, 17, 20, 21, 23, 29, 40* Хутыни; *4* Хутины. [3] *9, 23* Ярославля. [4] *6 15, 16* Кременца. [5] *2, 3, 5, 6, 9—13, 15, 18, 21—28, 32, 33* Одоев... *20, 40* Отдуева. [6] *20, 28* Мезетца; *25—27, 29* Мценска; *10, 11* Мещерска; *23* Мченск... *2, 28* Мещеска. [7] *16* Радунежа. [8—8] *25* полполтины. [9—9] *2, 15, 16, 26* рубль. [10] ... шесть. [11] *3* полтора. [12] *6* Зубца. [13] *18, 22, 25, 27* Опоки; *23* Опочки. [14] *3* Хлипни... *17* Хлепли; *18* Хлепкн; *4* Хлына. [15] *3* Веретеи; *12, 40* Верети. [16] *9* полтретья.

47

А ездити неделщиком[1] с приставными и на поруку давати самим или своих ездоков посылати, а людей им своих с приставными не посылати; а от поруки им самим и их ездоком поклонного,[2] с приставными ездячи, не имати [3]—ни у кого.—[3] А в котором городе неделщик жывет, и ему в том городе[а] с приставными не ездити || ни в свое место не посылати ни в какове деле. *л. 25 об.* А которого неделщика пустят[4] в недели, и сколко у которого неделщика будет заговорщиков и ездоков,[5] кому с кем[6] в заговоре делати и кому от кого[7] с приставными[8] ездити, и тому неделщику тех своих[9] ездоков приводити к дьаком, которые дьаки у кормленей будут, да тех своих заговорщиков[10] и ездоков неделщиком у дьяков записывати в книги для того, чтоб неделщики заговорщиков и ездоков своих не отпирали. А какову обиду или продажу ездок кому учинит и уличат его в том, и тот иск взяти на неделщике, от кого тот ездок ездил, а ездока казнити торговою казнью. А держати неделщику [до] семи ездоков, а болши семи ездоков неделщику не || держати. А которого ездока изымают, *л. 26* а тот ездок [11]—в книгах у кормленых дьаков не писан ни у которого неделщика,—[11] и того ездока казнити торговою казнью; а будут тому ездоку истцы, и тех исцов иски взяти на том ездоке без суда. А как неделщик[12] из недель выйдет, и тем ездоком в том городе от иных неделщиков не ездити; а которого ездока изымают, а он ездит в том же городе от иного неделщика, и того ездока казнити торговою казнью да вкинути в тюрму; а будут тому ездоку истцы, и те искы взяти все без суда на том неделщике, от которого тот ездок ездил, и на том ездоке. А которой ездок в котором городе жывет, и тому ездоку ни от какова || неделщика в том городе не ездити; а которого ездока изымают, *л. 26 об.* а[13] в том городе, в котором жывет, в том же и с приставными ездит, и кто ему будут истцы, и те иски все взяти на нем без суда, а его казнити торговою казнью. А что заговорщик кому учинит какову продажу или обиду и уличят его в том,[14] и те иски все взяти [15]—на том заговоре на всем,—[15] а его вкинути в тюрму. *А без заговорщиков неделщиком[16] недель[17] не делати.[18]*

[а] *В рукописи* в тот город; *исправлено по спискам 3, 4, 8, 10, 12, 40.*

[1] *15 доб.* по городом. [2] *18, 23, 25, 29 нет.* [3—3] *Все списки, кроме 9, 10, 33* ничего. [4] *15* поставят. [5] *3, 12, 40 нет.* [6] *2, 11* с ним. [7] *2, 11* от него. [8] *18, 23 доб.* грамотами. [9] *8 доб.* заговорщиков и. [10] *3, 12, 40 нет.* [11—11] *6* у кормленных дьяков у которого неделщика будет записан. [12] *16 доб.* и ездок. [13] *6* что он. [14] *29 доб.* в правду. [15—15] *18, 22, 23, 25, 27, 29* на всех заговорщикех. [16] *3 нет.* [17] *20, 26* дел. [18] *29* не держати.

48

А в которой город или в которую волость приедет неделщик или ездок с приставною, и ему явити приставная наместнику или волостелю или[a] их тиуном; а будут оба исца того города или волости, а наместнику или волостелю[1] оба будут судимы, и ему обоих
л. 27 исцов ставити || перед наместником, или перед волостелем, или перед их тиуном. А не явит неделщик или ездок его наместнику или волостелю или их тиуном приставные, и обоих истцов [2]—перед тем наместником или волостелем и перед их тиуны—[2] не поставит, а будут оба,[3] [4]—истец и ответчик,—[4] одного города или одной волости, а ему будет оба судимы, и тот неделщик и ездок езду лишен, а доводчику на том неделщике или на его ездоке взяти хоженое.

49

А кого даст неделщик на поруку в какове деле ни буди, и ему истцов и ответчиков не волочити, а ставити их перед судьями[5]; а сроки им крестианом отписывати и безсудные по сроч-
л. 27 об. ным давати по сроком по указу безволокитно, а кто || станет волочити после срока, и на том взяти тому, кого волочит, проести по три денги на день. От безсудные неделщиком, опричь пошлин, не имати ни у кого ничего. А коли[6] неделщик срок отпишет обоим истцом вместе, и ему взяти [6]—с обеих сторон— одно хоженое; а опричь того не взяти ему ничего. А в езду [7]—в своем—[7] даст на поруку доколе ся дело[8] кончает, и ему езду взяти на виноватом. А которой ищеа или ответчик [9]—к сроку[10] не приедет,—[9] а пришлет в свое место срока отписывати, и неделщику взяти хоженое на одном на том, кто приедет в его место сроку отписывати.[11]

50

А кто по кого пошлет[12] пристава, а сам к сроку не приедет,
л. 28 или ответчик на тот срок не станет, и что после сроку || тому учинитца убытка, что даст пошлин и что живучи проест, и правому те все убытки и проести[13] [14]—взяти на виноватом; а проести—[14] имати на человека [15]—на день—[15] на голову по три денги.

---

[a] *В рукописи* и; *исправлено по спискам 8, 18, 20, 29.* [6] *В рукописи* которой; *исправлено по 15, 18.*

[1] *8 доб.* или их тиуном. [2—2] *6 нет.* [3] *6* истцы. [4—4] *2, 9, 11, 16* исцы, ищее и ответчик. [5] *20 доб.* на один срок обоих. [6—6] *13, 18, 22, 27* с обеих исцов. [7—7] *3, 40* во всем. [8] *20 нет.* [9—9] *6* не сам к сроку приедет. [—9] *26* не поспеет. [10] *3, 11,* *40* сам к иску. [11] *Отсюда недостает нескольких листов в списке 37*; [12] *28* возмет. [13] *2 доб.* и волокита. [14—14] *3, 12, 40* платити. [15—15] *20* на всякой день; *9, 16 нет.*

51

А пересудчиком[1] пересуд имати на виноватом по две гривны;[2] а менши рубля пересуду нет; а с поля со всякого[3] пересуд; а список кто оболжывит да шлется на правду, и в том пересуд. А подвойским[2] правого десятка четыре денги, а имати на виноватом же.

52

А приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску[4] лихим человеком, ино его пытати; и скажет на собя сам, ино его[5] казнити смертною казнью; || а не скажет на собя сам, ино его вкинути *л. 28 об.*
в тюрму до смерти, а [6]—исцов иск—[6] платити из его статка. А скажут в обыску, что он доброй человек, ино дело врьшити[7] по суду.

53

А пошлют котораго неделщика имати татей или розбойников, и ему имати татей и розбойников безхитростно, а не норовити[8] ему никому; а изымав ему татя или розбойника, не отпустити, ни посулов не взяти; а опричных ему людей не имати. А понаровит которой неделщик татю или розбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, и на том неделщике исцов иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрму, а в казни[9] что государь укажет.

54

А у которого неделщика сидят тати,[10] и ему татя без докладу [11]—татя не спустити,—[11] на поруку не дати и не спродати [12]—ему татя.—[12] А которой неделщик || без докладу, и без боярского и без *л. 29*
дьячего ведома, *татей* подает на поруку или татя спродает, и уличат его в том, и на том неделщике исцов иск доправити вдвое, да казнити его торговою казнью да кинути в тюрму, а в казни что государь укажет.

---

[1] *3, 18, 26, 29 40* предсудчиком. [2] *2 доб.* с суда. [3] *9* всего. [4] *6, 18 нет.* [5] *17, 20 доб.* вкинути в тюрму да. [6—6] *Все списки, кроме 6* исцово. [7] *3, 12, 40* держати. [8] *23* воровати. [9] *30* в пене. [10] *16 доб.* или разбойники. [11—11] *Остальные списки нет.* [12—12] *6, 8 нет.* —[12] *20 доб.* не спустити.

55

А котораго татя поимают с тадбою с какою ни буди впервые, опричь церковные и головные[1] тадбы, а в ыной в прежней тадбы довода на него не будет, ино его казнити торговою казнью, бив кнутьем, да исцов иск доправити, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкые поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе порука по нем будет. [2—]А не будет у котораго татя столке статков,[—2] чем исцово[3] заплатити,[4] ино его, бив кнутьем, да исцу в его гибели выдати головою на правеж до искупа; а исца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его[5] бояром; а не похо-
л. 29 об. чет || истец по себе поруки дати в том, что ему, иск свой доправя, да того татя привести к судье,[6] и того татя кинути в тюрму, доколе по нем порука будет; а как по нем порука будет, и тогды на нем[а] за его[7] порукою, [8—]хто его выручил ис тюрмы,[—8] исцов иск доправити. [9—]А как истец, взяв на нем свое,[—9] [10—]отдаст его бояром,[—10] [11—]и боярин велит его дати на[—11] крепкую поруку, кто ему будут вперед иные истцы; а не будет по нем крепкие поруки, ино его кинути в тюрму, доколе по нем порука будет. А судье с того не имати ничего.

56

А поймают того ж татя с тадбою вдругие, ино его пытати; а скажет на собя сам, ино его казнити смертною казнью, а истцово заплатити изь его статка; а не будет у котораго татя с ысцову гибель, ино его казнити велети смертною казнью, а истцу вь его гибели[12] || не[13] выдати. А пытан[14] на собя не ска-
л. 30
жет, ино про него послати[б] обыскати; и скажут про него, что он лихой человек, ино его кинути[15] в тюрму до смерти; а назовут его[16] добрым человеком, ино его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет крепкая.

57

А на кого тать взмолвит, и про то[го][17] обыскати. И будет по обыску в какове деле в прежнем прирочной[18] человек з доводом

[а] *В рукописи* его; *исправлено по остальным спискам.* [б] *В рукописи* пытати; *исправлено по остальным спискам.*

[1] *20 доб.* и коневодныя. [2—2] *17, 20* а будет у которого татя столко статков нет. [3] *2, 4* исцев иск. [4] *4* искупити. [5] *4 доб.* дьяком и. [6] *6* перед судьи. [7] *2, 6, 15, 18,* *29, 32* тою. [8—8] *18, 23, 25 нет.* [9—9] *4, 17, 20* и как исцев иск на нем взяв. [10—10] *18, 23, 25 нет.* [11—11] *16* и бояром велети взяти по нем. [12] *8 доб.* головою. [13] *8, 16 нет.* [14] *2, 6, 11, 15, 18, 22—25, 27—29, 32, 40 доб.* тать. [15] *Все списки кроме 4, 9, 13, 29, 33* всадити. [16] *8, 18 доб.* в обыску. [17] *18, 22, 25, 29 доб.* послати. [18] *8, 17, 20, 26* приточной; *6, 18, 23, 25, 27, 29* приличной; *22* прибродной.

ино его пытати; а скажет на собя сам, ино казнити татиною[1] ж казнью. А не будет на него довода и в обыску про него [2]—худа не скажут,—[2] ино татиным речем не верити, дати его на поруку.

58

А на кого взмолвят дети боярские человек десять или пятнатцать добрые, [3]—или черных[4] людей человек пятнатцать [5]—или дватцать—[5] добрых же крестьан—[3] || и целовальников[6] по крестному *л. 30 об.*
целованью, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или тадбу плачивал,[7] ино на том взяти [8]—исцову гибель—[8] без суда, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем крепкие поруки, ино его кинути в тюрму, и без крепкие его поруки ис тюрмы не выпущати. А мошеннику та ж казнь, что и татю. А хто на оманщике[9] взыщет и доведут[10] на него, ино у ищеи иск пропал. А оманщика,[11] [12]—как его ни—[12] приведут, ино его бити кнутьем.

59

А доведут на кого розбой, или душегубство, или ябедничьство, или подписку, или иное какое лихое дело, а будет ведомой[13] лихой человек, и боарину велети того казнити смертною казнью, а исцово из его статка велети заплатити;[14] и что ся его статка за исцовым останет,[a] и то отдати || в прогоны. А не будет *л. 31*
у которого лихого столко статка, чем *исцово* заплатити, и боярину того лихово в ысцове гибели исцу не выдати, а велети его царя и великаго князя тиуну московскому да дворскому[15] казнити смертною казнью. А боярину и дьаку[16] и неделщику от того не имати ничего.

60

А на кого доведут татбу или душегубство или иное какое лихое дело, опричь розбоа, в котором городе или в волосте,

---

[a] *В рукописи* сойдетца; *исправлено по остальным спискам.*

[1] *3, 12, 40* смертною; *18, 22, 23, 25, 27, 29* торговою. [2—2] *23* скажут не лиха человека; *10* скажут, что он человек доброй; *4* не слыхом не слыхано или не скажют; *остальные списки* лиха не скажут. [3—3] *25* или двадцать крестьян. [4] *18* середних. [5—5] *9 нет.* [6] *18, 23, 25, 27, 29 нет.* [7] *10* отдал и платил. [8—8] *4* иск и гибель. [9] *20 доб.* и на мошеннике; *18, 22, 23, 25, 27, 29* на мошеннике. [10] *12, 18, 22, 25, 27, 29* не доведут. [11] *20 доб.* и мошенника; *18, 23, 25, 27* мошенника. [12—12] *3 первоначально как* ни, *исправлено на* казнити; *13* к казни. [13] *18, 23* ведомо, что он. [14] *10* доправить и заплатить. [15] *20, 26, 29, 33* дворецкому. [16] *9 нет.*

а будет ведомой[1] лихой человек, и наместнику или волостелю велети того[2] казнити смертною казнью, а исцово велети доправити[a] из ево статка; а что ся [3]—от исцова—[4] останет, и наместнику[5] и его тиуну то имати собе.[6] А не будет у которого лихово статка, чем исцово заплатити, и ему тово лихово[7] исцу в его гибели не выдати, а велети его казнити смертною казнью, а на л. 31 об. и сце наместнику или волостелю и их тиуном не имати ничего. А приведут кого в розбое или кого[8] в суде доведут, что он ведомой [9]—лихой человек—[9] розбойник, и наместником тех отдавати губным старостам. А старостам губным, опричь ведомых розбойников, у наместников[10] не вступатись ни во что. А татей *им*[11] судити по царевым великаго князя губным[12] грамотам, как в них написано.

61

А государьскому убойце, и [13]—градскому здавцу,—[13] и коромолнику, и церковному татю, и головному татю,[14] и подметчику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку, жывота не дати, казнити ево смертною казнью. А будет [15]—истец которому лихому человеку,—[15] и исцово заплатити из ево статка; а что ево статка л. 32 за истцовым останетца, и то дати в прогоны. А не будет у которого лихово человека столко статка, чем исцово заплатити, ино его исцу в его гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

62

А боаром и детем боарьским судити, за которыми кормления з боарьским судом; а на суде у них [16]—и у их тиунов—[16] быти, [17]—где дворской — и[18] дворскому,—[17] старосте, и лутчим людем и целовалником. А судные дела у наместников и у их тиунов писати земьским дьаком,[19] а дворскому да старосте и целовалником к тем судным делом руки свои прикладывати. А противни с те

---

[a] *В рукописи* заплатити; *исправлено по остальным спискам.*

[1] *18, 23, 25* ведомо, что он. [2] *3* его; *12* его, *исправлено* того. [3—4] *3* у исцова; *6* статка у истца; *29* у статков исцова; *16* у исцова иску; *22* у остатка исцова; *12*, ... статка от исцева; *13, 19* у истца; *15* у статка исцова; *25* у статков исцова. [5] *8*; доб. или волостелю. [6] *6* на собя. [7] *4, 18, 22, 25, 29 доб.* человека. [8] *Все списки, кроме 9, 10, 33* на кого. [9—9] *18, 23, 25, 29* вор и; *остальные списки нет.* [10] *3, 12, 14, 20, 40 нет.* [11] *3, 4, 9, 17, 20, 26, 33 нет.* [12] *6 нет.* [13—13] *10* градосдавцу. [14] ... *доб.* и коневодному; *17 на полях другим почерком приписано* и коневоднику. [15—15] *В* ... *списки, кроме 18, 23, 25, 29* не тех которому лихому истец. [16—16] *4 нет.* [17—17] ... где дворецкой — дворецкому. —[17] *3 нет.* [18] *Остальные списки, кроме 9 нет.* [19] *17, 18, 20, 22, 23, 25, 27, 29* дьячком (*и далее так же в сп. 25*). [20] *8 доб.* которые гр... ...оте умеют.

ПИ А хрестианом отказыватися из волости в во-
лость и из села в село один срок в году
за неделю до юрьева дни осеннего и
неделю после юрьева дни осеннего. а
дворы пожилые платят в поле рубль да два
алтына. а в лесех, где десять верст до хоромно-
го лесу, за двор полтина да два алтына.
А который хрестианин поживет за ким
год да пойдет прочь, и он платит
четверть двора. а два года поживет,
и он платит полдвора. а три годы по-
живет, и он платит три четверти
двора. а четыре годы поживет, и он
платит весь двор рубль и два алтына.
а пожилое имати с ворот. а за повоз
имати с двора по два алтына. а опричь
того пошлин на нем нет. а оста-
нется у которого хрестианина хлеб

Судебник 1550 г., л. 47 об. (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228).

Судебник 1550 г., л. 48 (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228).

дел с судных писати слово в слово наместничим дьаком, а намест-
ником к тем противнем печати свои прикладывати. Да[1] тех суд-
ных дел записку земсково дьака руку[2] з дворсково || и з старо- *л. 32 об.*
стиною и с целовалниковыми руками наместником [3—]имати к собе;
а противни тех дел[—3] наместником дьаков своих руку с своими
печатми дворскому да старосте и целовалником давати; а которые
староста и целовалники грамоте не умеют; *и которые грамоте
умеют,* тем старостам и целовалником к судному списку земьского
дьяка руке[4] руки[a] свои прикладывати; а противнем с тех дел
наместнича дьака руке быти у того старосты и у целовалников,
которые грамоте не[5] умеют, и оне ево дръжат у собя спору для.
А без дворского и без старосты и без целовалников наместником
и их тиуном[6] не судити; а где дворсково нет и преж сего не
бывал, ино быти в суде у наместников и у их тиунов старосте ||
и целовалником; а без старост и без целовалников[7] суда не судити. *л. 33*
И посулов наместником и их тиуном и их людем не имати, и на
государя своево тиуну и пошлиннику никому посулов от суда[8]
не просити.[9] А имати наместником от суда пошлин: доищется
ищеа своего в заемном деле или в бою [10—]или в лае,[—10] и ему
имати на виноватом с рубля по гривне, то ему и с тиуном; а не
доищется ищеа своего, а будет ищеа виноват, и ему имати на
ищее с рубля по тому ж,[11] а будет дело выше рубля или ниже,
ино имати на ищее или на отзетчике[12] по тому ж розчету; а довот-
чику его имати хоженое и езд и правда по уставной грамоте;
а где не будет грамоты, и ему имати в городе хоженого || по *л. 33 об.*
четыре денги, а езду на версту по денги, а на правду [13—]в городе
или в волосте вдвое.[—13] А досудятся до поля да, став у поля,
помирятся, и ему имати с рубля по гривне ж, то ему и с тиуном,
да полевых пошлин взяти полтретьяцать алтын.[14] А побьются на
поле, ино на убитом полевых пошлин взяти полтора рубля,
а доспеха не имати. А побьются на поле в пожеге, или в душе-
губстве, или в розбои, или в тадбе, а убьют ответчика, ино на
убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи
наместнику и его тиуну; а убьют на поле ищею в пожеге, или
в душегубстве, или в розбое, или в татбе, и наместнику на нем

[a] *В рукописи* речи; *исправлено по остальным спискам.*

[1] *10* а противни с. [2] *33 нет; здесь кончается пропуск в списке 37.* [3—3] *18, 22, 25, 29* имати к собе противни, а с тех дел. [4] *18, 22, 26, 29, 30 нет.* [5] *33 нет.* [6] *Все списки, кроме 9, 33, 20 доб.* суда. [7] *8 доб.* наместником и их тиуном. [8] *3, 5, 12, 21, 40* в суде; *10 доб.* не имати и. [9] *28* не имати. [10—10] *17, 20 нет.* [11] *3, 5, 12, 13, 16, 21* по гривне. [12] *2 доб.* пошлина. [13—13] *3, 12, 21, 40* вдвое, а в городе и в волости по тому ж. [14] *4* рублев ис того.

имати с его иску четвертная[1] пошлина по полуполтине с рубля, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтора рубля, а доспеху || *л. 34* не имати.

63

А суд боярской: которому наместнику дано с судом с боарьским, и ему давати полные и[2] докладные;[3] а правые и беглые давати з докладу; а без докладу правые и беглые не давати.

64

А детей боарьских судити наместником по всем городом по нынешным[4] царевым государевым жаловалным вопчим[5] грамотам.

65

А от правые грамоты имати боярину или сыну боарьскому, за которыми кормлениа с судом з боарьским, от печати с рубля по полутретьа алтына, то ему и с тиуном, да дьяку[6] его, которой правую грамоту напишет, имати с рубля [7]—от писма—[7] по три денги; а тиун ево даст правую грамоту, и он емлет на государя своего и на собя от печати по тому ж с рубля по полутретья алтына, *л. 34 об.* а дьяк[8] || емлет [9]—от писма,—[9] которой правую грамоту напишет, с рубля по три денги. А с холопа и с робы от правые грамоты и от полные[10] боярину или сыну боарьскому, за которыми кормленье *с судом* з боарским, имати от печати з головы по полутретьа алтына, а дьаку[11] от писма з головы по три денги.

66

А наместником и волостелем, которые дръжат *кормленья* без боарьскаго суда, полных и докладных не давати, и холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; также и холопу и робе [12]—на государя—[12] грамоты правые без докладу не дати. А которой наместник или волостель [13]—без боарьского суда выдаст холопа или робу без[14] докладу и правую грамоту даст,—[13] т

---

[1] *3, 13, 40* четвертая. [2] *18, 25, 29* а не. [3] *3, 12, 40 нет.* [4] *18, 22, 25—27, 29, 33* к нашим. [5] *18, 25, 27, 29, 32 нет; 10* вотчиным; *остальные списки* по их вопчим. [6] *25* дьячку у... [7—7] *4, 16 нет.* [8] *25* дьячек. [9—9] *6 нет.* [10] *33* от пошлинные. [11] *18, 25* дьячку... [12—12] *18, 25, 27, 29 нет.* [13—13] *17, 20* без боярского докладу даст холопу или робе без боярского суда правую грамоту. [14] *3, 8, 12, 13, 21 доб.* боярского.

и та грамота не в грамоту; а что государь того холопа или || робы *л. 35* убытка своего скажет, и то взяти на судье вдвое,[1] а истцом суд з головы.

67

[2—]А тиуну наместничю[—2] на кормленье государю на холопа, ни холопу на государя без докладу правые грамоты не дати. А которой тиун государю на холопа или холопу на государя даст без докладу правую грамоту, и тому холопу, которой возмет правую грамоту *на государя,* дати суд з головы да то дело по суду и кончати, а наместнича или волостелина тиуна до царева государева[3] указу вкинути в тюрму, а убытки все правому взяти [4—]на тиуне.[—4] А даст тиун государю[5] на холопа правую грамоту без докладу, и та правая грамота не в грамоту, [6—]дати суд з головы.[—6]

68

А которому наместнику дан в кор||мление город с волостьми, *л. 35 об.* или ему даны в кормление волости, а в которых волостех наперед сего старост и целовалников не было, и ныне в тех волостех быти старостам и целовалником во всех. А случится кому в тех волостех перед наместником или перед его тиуном искати или отвечати, и в суде быти у наместников и у волостелей и у их тиунов тех волостей старостам и целовалником, ис которые кто[7] волости ищет[8] или отвечает. А судные дела писати земьскому дьяку[9] тое ж волости. А без старосты и без целовалников наместником и волостелем, за которыми кормлениа з боарьским судом, и за которыми кормлениа без боарьскаго суда, и их тиуном также[10] не судити. И посула в суде || наместником и волостелем *л. 36* и их тиуном[11] не имати.[12]

69

А пришлет наместник или волостель или их тиуни список судной[13] к докладу, а будет ищеа или ответчик у докладу список оболжывит, ино послати на правду по дворского, и по старосту, и по целовалников, которые у того дела в суде сидели, [14—]да велети им[—14] того дела и[15] противень[16] списка наместнича или воло-

---

[1] *4* втрое. [2—2] *18, 25* А тиуном и наместником. [3] *17, 20, 22 доб.* и великого князя. [4—4] *18, 25* у него. [5] *33* государеву. [6—6] *17, 20 нет.* [7] *4, 33 нет.* [8] *10, 6* взыщет. [9] *18, 20, 22, 25, 27, 29* дьячку. [10] *6, 26 доб.* суда. [11] *16 доб.* не просити и. [12] *17, 20 доб.* ничего. [13] *10 доб.* с недельщиком. [14—14] *18, 25 нет.* [15] *3, 25 нет.* [16] *3, 12, 18, 40 нет.*

стелина дьака[1] руку с наместничею или с волостелиною печатью на исправу[2] с собою привести. Да будут судные мужы[3] скажут, што суд таков был, и руки у списка их, и противень будет наместнича или волостелина дьака[4] с тем судным списком [5]–земьсково дьака[6] рукою–[5] сойдется слово в слово, и тем тот виноват,
л. 36 об. хто список || лживил, и список на него подписати. А скажут судные мужы, что суд был, да не таков, и список не[7] земсково дьяка[6] рука, и руки, скажут, у списка не их, и противень будет наместнича или волостелина дьака,[6,8] с судным списком не в слово в слово, и по тому списку исцов иск взяти на судье, а пеню судье сверх того, что государь[9] укажет. А будет скажет и дворской, и судные мужы, и[10] старосты, и целовалники, которые грамоте[11] умеют, что суд был таков, и руки у списка их, а те судные мужы, которые грамоте *не* умеют, с ними порознятся, скажут, что суд был, да не таков, а которой противень наместнича или волостелина дьака[6] руку положат,[12] и тот противень с судным списком не слово в слово, и тем виноват судья и судные мужы, которые
л. 37 по списку та||кали; и взяти исцов иск на тех [13]–на судье и–[13] на тех *судных* мужех, которые по[14] списку такали, а пеню сверх того что государь укажет. А не станет за списком ищеа или ответчик на срок, а довотчик на него запись поручную положит, и того которой не стал, по довотчикову слову обвинити; а подписати на него список за сто връст семым днем по сроце; а дале ста верст или ближе, ино подписывати списки [15]–после срока–[15] по тому ж росчету.

70

А кого наместничи или волостелины люди учнут давати ок ково на поруку до суда и после суда, и по ком поруки не будет, и наместничим и волостелиным людем [16]–тех людей–[16] являти в городе прикащиком городовым да дворьскому, и старостам и целовалником, *а в волости являти старостам и целовалником,
л. 37 об. которые у наместников || и у волостелей и у их тиунов в суде сидят; а не явя[17] тех людей, по ком поруки не будет, и наместничим и волостелиным людем к собе не сводити и у собя их не

---

[1] *20 нет.* [2] *18* на справу; *29* на справку. [3] *25 написано* мужики, *но последние д[ве] буквы зачеркнуты.* [4] *25* дьячка; *8 доб.* рука. [5–5] *12, 40 нет.* [6] *18, 25* дьячк[а]. [7] *10, 25 нет.* [8] *6, 18 доб.* рука. [9] *3, 5, 12, 21, 22, 27, 29* царь и великий княз[ь]. [10] *25 нет.* [11] *21, 23, доб.* не. [12] *8, 29* приложат. [13–13] *26 нет.* [14] *28 доб.* судном[у]. [15–15] *6 нет.* [16–16] *3 нет.* [17] *3, 26* явят.

ковати. А ково наместничи и волостелины люди, [1]—не явя приказщиком, да дворскому, да старосте и целовалником,—[1] да к себе сведут да у собя ево скуют, и кто тем людем род и племя придут на наместничих или на волостелиных людей к приказщиком, да к дворскому, и к старосте, и к целовалником о том бити челом и являти, [2]—и приказщиком, [3]—и дворскому, и старосте, и целовалником—[3] у наместничих и у волостелиных людей тех людей вымати;—[4] и кого—[2] у наместничих и у волостелиных людей вымут скована, а им не явлена, ино ‖ на наместниче или на волостелине л. 38
человеке взяти[5] безчестие, посмотря по человеку; а чего тот[6] на наместниче или на волостелине человеке взыщет, и тот иск взяти на нем вдвое.

71

А наместником и волостелем, которые дръжат кормлениа, и тиуном [7]—царя и—[7] великаго князя, и боярьским тиуном, и [8]—детей боарьских тиуном—[8] татя и душегубца и всякаго лихого человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити. А кто татя или душегубца и всякого лихого человека отпустит, или[9] без докладу продаст или казнит, и на том судье истцовы иски доправити вдвое, а в государеве пени кинути в тюрму до царева государева указу.[10]

72

А по городом наместником [11]—городских[12] посадских—[11] всех людей промеж их судити, обыскивая [13]—по их ‖ животом—[13] и по про- л. 38 об.
мыслом и по розмету: сколке рублев кто[14] цареву и великаго князя[15] подать дает, по тому их, обыскивая, судити и управа чинити. А розметныя книги старостам[20] и соцким и десяцким и всем[17] людем тех городов своих розметов земсково дьака[18] руку за своими[19] руками ежегод присылати на Москву к тем [20]—боаром, и дворецким, и х казначеем, и к дьаком,—[20] у кого будут которые городы в приказе[21]; а другие книги розметные[22] своих розметов

[1—1] *8* не явят в городе приказщиком городовым, да дворскому и старосте, и целовалником, а в волостях старосте и целовалником. [2—2] *10 нет.* [3—3] *8 нет.* [2—4] *3* приказщиком да к дворскому, и старосте и целовалником у наместничих и у волостелиных. [5] *Остальные списки доб.* того человека. [6] *18, 25 доб.* человек. [7—7] *2, 4—6, 10, 15—18, 20, 25, 27—29 нет.* [8—8] *6* детем боярским и их тиуном. [9] *Все списки, кроме 4, 6, 9, 11, 21, 23 доб.* кого. [10] *20 доб.* что государь укажет. [11—11] *25, 27* городцким и посадцким; *16, 17, 29* городским и посадским всем людем. [12] *20, 27, 29* городцким. [13—13] *2* промеж их по животом. [14] *18 доб.* государеву. [15] *2 доб.* в казну. [16] *16, 18, 25, 27,29 доб.* и целовалником. [17] *6 доб.* крестьяном. [18] *18, 25* дьячка. [19] *20 доб.* печатми и. [20—20] *26, 28 нет.* [21] *16* в присуде. [22] *Остальные списки нет.*

старостам и соцким и десяцким тех городов, *где[1] кто живет, отда-
вати тех городов* старостам и целовалником, которые у намест-
ников в суде сидят. И кто тех городов городцкие[2] посадцкие
люди учнут промеж собя искати много, не по своим животом,
и [3—]про тех[—3] исцов сыскивати[4] розметными книгами, сколко ||
л. 39 он рублев с своего жывота подати дает; и будет жывота ево
столко есть, на сколко ищет, ино ему дати суд; а будет жывота
ево [5—]столке нет,[—5] и тех исцов в их искех тем и винити,[6] а по-
шлины имати по Судебнику, а в цареве государеве пене велети
дати на поруку да прислати[7] к Москве ко государю. А городцким[8]
посацким людем искати на наместникех и на их людех по своим же
жывотом и по промыслом и по розмету; а которого году[9] староста
и це[10]ловалники розметных книг к Москве не пришлют, [11—]и в том[—11]
году на наместника суда им не дати. А [12—]по волостем[—12] волосте-
лем судити черных людей по их жалобницам и управа им чинити[13]
безволокитно. А кто взыщет много, не по жывотом,[14] а ответчик
л. 39 об. учнет бити челом, а скажет, что тот || истец ищет много, не по
жывотом, а жывота его столко нет, на колко ищет, и тем волосте-
лем посылати о том, выбираючи тех же волостей лутчих людей
да целовалника одного или двух, посмотря по делу, а велети про-
то обыскати накрепко: было ли жывота ево столко, на колко
ищет; и скажут в обыску,[15] что жывота ево столко было,[16] ино
в том ему суд дати; а скажут в обыску, что столке жывота ево
не было,[17] ино его обвинити и пошлины на нем взяти, а в госу-
дареве пене, в ябедничьстве дати его на поруку да прислати[18]
с обыскным списком к Москве.[19]

73

А которой человек скажет, что у него был жывот чюжей
и того обыскивати, был ли у него тот[20] жывот и было ли столко
л. 40 того жывота; и чей скажет [21—]тот у него жывот был,[—21] ино про || то
обыскати, было ли у него столке жывота, и которым обычаем
тот у него жывот взят; да по тому дело и вершити.

---

[1] *14 нет.* [2] *3 доб.* и. [3—3] *6 доб.* против. [4] *13, 28* обыскивати. [5—5] *20* столко есть сколко ищет; *8* столко нет, на колко ищет. [6] *22* виновати. [7] *20 доб.* его исцы [8] *18 доб.* и. [9] *13, 15, 16, 18, 25, 27, 29* города. [10] *В списке 17 отсюда недостает одного листа.* [11—11] *20 нет.* [12—12] *6 нет.* [13] *16 доб.* на обе стороны. [14] *20 доб.* своим. [15] *18, 25, 27, 29 нет.* [16] *28 доб.* на колко ищет. [17] *4 доб.* в том ему дати суд. [18] *20 доб.* с обыском и. [19] *13 доб.* а пошлины на нем взяти. [20] *15, 22—28, 29, 32, 40* чужой. *Здесь кончается пропуск в списке 17.* [21—21] *4* у собя живота было [22] *3, 15* того.

74

А на котором городе будут два наместника или на волосте два волостеля, а суд у них не[1] в розделе, и им имати пошлины по списку обема за одного наместника,[2] а [3—]тиуном их за одного тиуна,[—3] [4—]и оне собе делят по половинам.[—4] А которые городы или волости поделены, а случится им суд вопчей[5], и им обема пошлины имати одны, да те им пошлины делити [6—]межу собя[—6] по половинам же. А возмут те два наместника или два волостеля или два тиуна с одново дела пошлину вдвое, и уличат их в том, и тому, на ком пошлины взяли,[7] на тех наместникех или на волостелех и на их тиунех || те пошлины велети взяти втрое. *л. 40 об.*

75

А кто пошлет пристава по наместника, по боарина, или по сына боарьского, или по волостеля, и по их тиунов,[8] и по царева великаго князя тиуна и по довотчиков, и наместнику, или волостелю, и их тиуном,[9] и великого князя тиуном и довотчиком отвечати к сроку ехати; а не поедут к сроку сами, и им к сроку в свое место послати к ответу; [10—]а не приедут сами к ответу и в свое место не пришлют отвечати[—10] после срока за сто връст в семой[11] день, и тех[12] обвинити и исцовы иски по жалобницам и неделщиков езд доправити на тех, да отдати иск ищеам. А срочных [13—]по приставным на наместников и на волостелей и на их тиунов не наметывати; а из далных || городов[—13] розчитати [14—]по връстам[—14] по тому ж росчету. А з записми[15] не посылати никуды, опричь ведомых[16] розбойных дел, а[17] наместников и волостелей и их тиунов и их людей, опричь приказных[18] дел,[19] в [20—]которых делех[—20] велит государь дати запись.[21] А приставов з записми по наместников и по волостелей и по их тиунов[22] давати,[23] а велети им чинити срок, как сьедет з жалованиа, опричь тех записей, которую запись велят дати бояре, приговоря[24] вместе; а одному боярину и дьаку пристава з записью не дати. *л. 41*

---

[1] *22 нет.* [2] *8 доб.* а волостелем за одного волостеля. [3—3] *3, 12, 40 нет.* [4—4] *25 нет.* [5] *28* сместной. [6—6] *4, 8, 17, 20 нет.* [7] *18, 25, 29 доб.* вдвое. [8] *4 доб.* и по их людей. [9] *4—6, 8, 18, 21—25, 27, 29, 32, 40 доб.* и царя. [10—10] *6* а не пришлют к ответу или сами не приедут отвечати. [11] *26* осмой. [12] *3, 4, 6, 12, 18, 23—25, 27, 29* тем. [13—13] *6* ездов. [14—14] *17, 20 нет.* [15] *4* за отписми. [16] *20 доб.* розбойников. [17] *3, 5, 32* по; *остальные списки* и. [18] *6* правежных. [19] *18* людей; *23* людей дел. [20—20] *2, 11* которой город. [21] *3, 12, 40* з записью. [22] *28 доб.* и по их людей. [23] *18, 25* посылати. [24] *28* поговоря.

76

А [о] холопстве суд. По полной холоп грамоте.[1] По ключю по селскому з докладною холоп з женою и з детми, которые л. 41 об. у одново государя с ним в одной крепости и которые || породилися[2] в холопстве; а которые его дети а родились[2] до холопства, а учнут жыти у иного[а] государя, или себе учнут жыти, то не холопи. А по гооодцкому ключю не холоп. По робе холоп; по холопе роба. По духовной[3] холоп. По приданой робе холоп, а по холопе роба. А по тиуньству без полные и без докладные *не* холоп; а по селскому ключю без докладные не холоп. А полному и докладному холопу сына своего слободного, которой ся у него родил до холопства, не продати, а продаст[ся] он сам кому хочет, *тому же ли государю, у кого отец его[4] служит, или иному кому хочет;* а отцу его и матери у полные не стояти и ис холопства не взяти, потому что отец его и мати сами в холопех; да и в полных и в докладных то писати, что отец его и мати у него есть, л. 42 а у полные не стоали, пото||му что сами в холопех. А у кого отец в чернцех *или мати в черницах,* и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полные и у докладные не стоати и из холопьства не взяти; а в полные и в докладные писати, что у того отець или мати есть, а у полных и у докладных не стоали, потому что пострижены; да и не продати тех[5] детей своих, продаст[ся] он сам кому хочет.

77

А отпускные давати з боарьского[6] докладу; а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дьаком подписывати. А отпускные давати на Москве [7]—бояром и дьаком, да давати отпускные—[7] в Великом Новегороде да во Пскове наместником и дьаком.[8] А пошлины имати от отпускные боарину или намест- л. 42 об. нику || от печати з головы по девяти денег, а дьаку от подписи з головы по алтыну, а подьячему, которой отпускную[9] напишет, з головы по три денги. А опричь Москвы и Великаго Новагорода и Пскова инде нигде ни в которых городех отпускных не давати. [10]—А хто положит отпустную без боарьского докладу, и[11] без новгородцких и псковских наместников докладу, и без дьачей подписи, хотя и государя своего руку, и та отпускная не в отпускную.—[10]

[а] *В рукописи* одного; *исправлено по остальным спискам.*

[1] *18, 26 нет.* [2] *23* порядилися. [3] *6, 17, 20 доб.* грамоте. [4] *18, 22, 25, 27, 29, 32 доб.* и мать. [5] *2* тем; *16* им. [6] *6* государьского. [7—7] *22 нет.* [8] *3, 12, 40 нет.* [9] *22* отписку. [10—10] *18, 25, 29, 36 нет.* [11] *17, 20 доб.* без боярского.

78

А которые люди волные[1] учнут бити челом князем, и бояром, и детем боярьским, и всяким людем, а станут на собя давати кабалы за рост служити, и боле пятинатцати рублев [2—]на сребряника[—2] кабалы не имати. А старые кабалы, || которые иманы *л. 43*
[3—]на волных людей и[—3] болши пятинатцати рублев до сего Уложениа а за рост им в тех денгах служити у них, и тем людем приносити те кабалы к боаром, и боаром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьаком подписывати; а вперед хто ту кабалу оболжывит, и та кабала врьшити по суду. А имати им кабалы на волных[4] людей, а[5] на полных[6] людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати. А хто возмет на полного, и на докладного, или на стариннаго холопа кабалу, не опытав, или кто на него беглую грамоту возмет, а кто на того холопа положыт полную или докладную, или доведет на него[7] старинное холопство по духовной грамоте || или по иным крепостем, и у того *л. 43 об.*
денги пропали; а чей тот холоп [8—]был, а скажет тот, что[—8] от него тот збежал, пократчи,[9] и та гибель взяти[10] на том, хто, не обыскав,[11] на чюжего холопа кабалу возмет или беглую[12] возмет; а тот холоп по старому холопству, или по полной, или по докладной, или по духовной тому государю.

79

А положат на одного холопа две полные *или две докладные,* и котораа будет старее, тому тот холоп, а денги по новой полной или по докладной пропали у того; а снос [13—]старого государя[—13] взяти на том, хто положит новую[14] полную и докладную, [15—]а тот ся ведает[—15] с своим знахорем сам; а станет тот [16—]на того знахаря[—16] бити челом о суде, ино [17—]на него[—17] суд дати.

80

А холопа рать полонит, а выбежит ис полону, || и он слободен, *л. 44*
а старому государю не холоп. А похочет тот холоп к своему старому государю, и того холопа явити бояром, а дьаку подписати на старой крепосте, и пошлины имати з головы по алтыну.

---

[1] *4, 5* полные. [2—2] *9* серебра. [3—3] *18, 25, 29 нет.* [4] *22* новых. [5] *25 доб.* не на волных и. [6] *18* не на волных. [7] *17, 20 доб.* по той которое; *2 5, 8—13, 15, 26, 28, 32, 33, 40 доб.* которое. [8—8] *18, 25, 29* а скажетца. [9] *18, 29 доб.* тот холоп. [10] *3, 12, 40 доб.* без суда. [11] *28* не опытав. [12] *16 доб.* грамоту. [13—13] *10 нет.* [14] *13, 16, 22 нет.* [15—15] *20* а то сведает. [16—16] *20* на него. [17—17] *28* им.

А которой холоп побежит[1] з государем своим [2]—или один побежи без[3] государя своего,—[2] а не рать полонит, и выйдет тот[4] холоп ис которые земли опять к Москве, и он старому государю холоп по старому холопьству, опричь того, не что кого[5] государь пожалует, даст волную грамоту.

81

А детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, которых[6] государь от службы отставит.

82

л. 44 об. А кто займет сколке денег в рост, и тем || людем у них не служити[7] ни у кого, жити им собе, а на денги рост давати им. А кто даст денег в заем,[8] да того человека станет дръжати у собя, и збежит у него тот человек покрадчи, и что снесет, то у него пропало, и по кабале денег лишен.

83

А наимит у государя у своего не дослужит[9] уроку да поидет прочь, ино найму лишен. А которой государь наймиту не захочет[10] дати найму, [11]—и уличат его в том, и наймиту—[11] на том доправити наем вдвое.

84

А о землях суд.[13] Взыщет боярин на боарине, или монастырь[14] на монастыре, или боярин на монастыре,[15] ино судити за три годы; а взыщет монастырь на боярине, ино судити за три годы, а дале трех годов не судити; а взыщет черной на черном

л. 45 или || помещик на помещике, за которыми земля царя и великаго князя, или [16]—черной селской—[16] на помещике, или помещик [17]—на черном на сельском,—[17] ино судити по тому ж за три годы, а дале трех[18] годов не судити. А взыщет на боарине или на монастыре царя и великаго князя земли, ино судити за шесть лет, а дале не судити. А которые земли за приставом в суде, и те земли

---

[1] *11* збежит. [2—2] *23 нет.* [3] *17, 20* от. [4] *17, 20 нет.* [5] *Так в списках 9, 20, 33; в остальных* кому. [6] *22* старых. [7] *3, 12, 21, 28, 40* не жити. [8] *Все списки, кроме 9, 33 доб.* в рост. [9] *14, 15, 18, 22, 25, 27, 29* не доживет. [10] *29* не заплатит. [11—11] *Так в списках 25, 27, 28; остальные списки* и уличат его в том наймите и. [12] *16 до* хозяине. [13] *8 доб.* о поместных. [14] *20* монастырской. [15] *6 доб.* или монастырь на боярине. [16—16] *25* черной или селской; *18* черноселской; *4* черной. [17—17] *20* на черном на селском; *18* на черноселщике; *27* на черноселце. [18] *29* тех.

досуживати. А государю и бояром всем приказным людем по ищеину челомбитью судьи на землю не посылати, а послати[1] судью на землю, выбрав одного не по их челомбитью; а дву судей на землю не посылати.

85

А в вотчинах суд. Кто вотчину продаст, и детем его и внучатом до тое вотчины дела нет, [2—]и не выкупити ее им; а братья || будут или племянники в тех купчих в послусех,[—2] и им *л. 45 об.*
и их детем по тому ж до тое вотчины [3—]дела нет[—3] и внучатом. А не будет братьи в послусех или племянников, и братья или сестры и племянники ту вотчину выкупят. А станет тот купец ту вотчину продавати, и тем продавцом вотчина у них купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст; а не полюбовно ему вотчины не выкупити. А судити о вотчине за сорок лет; а дале сорока лет вочьчичем[4] до вотчины дела нет. А до купель дела нет: кто куплю[5] [6—]продаст, и детем[—6] и братьи и племянником тое купли не выкупати. А кто напишет свою куплю детем своим [7—]после своего жывота,[—7] ино им вотчина: то им дръжати в вотчину,[8] || и впредь им та вотчина выкупити по тому ж *л. 46*
указу за вотчину. А кто вотчину свою выкупит в те урочные сорок лет, и та ему вотчина дръжати за собою, а иному тое вотчины не продати, ни заложити в чюжей род, а отдати ему та вотчина [9—]в свой род[—9] тому ж,[10] кого[11] нет в прежних *купчих в* послусех. А хто купит[12] вотчину чюжими денгами или заложит или продаст, а доведет на него продавец, что он выкупил чюжими денгами и дръжит ее не[13] за собою, и та вотчина прежнему продавцу безденежно. А кто похочет вперед свою вотчину мимо вотчичев заложыти у стороннего человека, и тем сторонним людем и [14—]невоччичем те вотчины[—14] в заклад имати в колке чего та вотчина судит;[15] а возмет кто сторонней человек, || а не *л. 46 об.*
вотчичь, чью вотчину в заклад [16—]во много[—16] болши тое цены, чево та вотчина судит,[17] и хто вотчичь учнет бити челом, что закладывает[18] или уже[19] и заложил в чюжей род, и тому вотчичю та вотчина в заклад[20] взяти в меру, чево та вотчина судит; а што

---

[1] *3* поставити. [2—2] *10 нет.* [3—3] *26, 28 нет.* [4] *16, 22, 25* вотчинником; *26, 28* вотчинным. [5] *3* кому. [6—6] *17, 20* купит и продавцевым детям. [7—7] *2, 11 нет.* [8] *4* в вотчины место. [9—9] *18, 25, 27, 29* своим родителям. [10] *Все списки, кроме 6, 8, 10, 27,* по тому ж. [11] *25* у кого. [12] *12, 18, 23, 25, 27, 29, 32, 40* выкупит. [13] *9, 10, 13, 15, 16, 18, 25, 27 нет.* [14—14] *28* и вотчинником. [15] *8, 18, 21, 23, 25* стоит. [16—16] *8, 14—16, 18, 19, 21—25, 27, 29, 32, 35—38 нет.* [17] *18, 23—25, 32* стоит. [18] *18, 27, 29 доб.* мимо его. [19] *3* у нужи; *4* у чюжего. [20] *18, 27, 29* на выкуп.

тот денег болши того дал в заем лишек болши тое цены, чево та вотчина судит, и у того те денги пропали. А хто свою вотчину променит невотчичю,[1] а примет денег, и хто вотчичь ту вотчину учнет выкупати, и тому та вотчина выкупати; а земли ему оставити в меру,[2] сколко он своей земли променил.[3]

86

А промеж [4]—сел и—[4] деревень городити изгорода,[5] по половинам; а чьею изгородою[6] учинитца протрава,[7] ино тому платити, || *л. 47* чьа изгорода.[5] А где отхожие пожни от сел и от деревень, и поженному государю не городитись, городит тот всю изгороду, чьа к пожни[a] земля орамая пришла. А кто вытравит какой хлеб или пожню, и тот хлеб и пожню платити тому, чьа изгорода.[8]

87

А кто сорет[9] межу или грань ссечет [10]—ис царевы—[10] и великаго князя земли у боарина или у монастыря, или боарьской у монастырского, [11]—или монасты[рьско]й у боарьского,—[11] и хто в тех межу сорет или грань ссечет, ино того бити кнутьем да исцу на нем взяти рубль; а крестиане меж собя в одной волости или в селе хто у кого межу сорет[12] или перекосит, ино волостелю или посельскому имати на нем за боран два алтына. ||

л. 47 об.

88

А крестианом отказыватись из волости в волость и из села в село один срок[13] в году: за неделю до Юрьева[14] дни до осеннего *и неделя[15] по Юрьеве[14] дни осеннем.* А дворы пожилые платят в поле[16] рубль и два алтына, а в лесех,[17] где[18] десять връст до хоромного лесу, за двор полтина и два алтына. А которой крестианин за кем жывет год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет, и он платит полдвора; а три годы пожывет, и он платит три четверти[19] двора; а четыре годы поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое

---

[a] *В рукописи* к земли к пожни.

[1] *18 нет; 16, 20* и не вотчич; *28* не в вотчину. [2] *2, 8—10, 17, 18, 20, 33 доб.* столко. [3] *31* оставит. [4—4] *22 нет.* [5] *Так в списке 33; 3, 12, 21, 23* огород; *остальные списки* огорода. [6] *Так в списках 3, 5, 9, 12, 40; остальные списки* огородою. [7] *16, 20* потрава. [8] *15, 18, 22—25, 27, 29, 32, 33, 38* огорода. [9] *2, 26, 28* поорет. [10—10] *18* из государевы. [11—11] *3, 4, 8, 12, 21, 40 нет.* [12] *Так в списках 9, 20, 21, 25, 26, 33; 2, 8, 11, 13, 16, 17, 20, 26* поорет; *остальные списки* переорет. [13] *6* день. [14] *3, 9, 12, 16, 21, 40* Егорьева. [15] *18 доб.* спустя. [16] *Остальные списки доб.* за двор. [17] *10, 28* в селех; *18, 22, 25, 27, 29 доб.* доход. [18] *18, 22, 25, 27, 29 доб.* много лесу. [19] *28* доли

имати с ворот. А за повоз имати [1-]з двора[-2] по два алтына; а опричь того пошлин на нем не имати.[3] А останетца у которого крестианина хлеб[4] || в земли, и как тот хлеб пожнет, и он *л. 48* с того хлеба или с стоачего даст боран[5] два алтына;[6] а по кои места была рож его в земле, и он подать цареву и великаго князя платит со ржы, а боярьского дела[7] ему, за кем жыл, не делати.[8] А попу пожылого нет, и ходити[9] ему вон[10] безсрочно воля.[11] А которой крестианин с пашни продаст[ся] [12-]в холопи [в] полную,[-12] и он выйдет безсрочно ж,[13] и пожылого с него нет; а которой хлеб его останется в земле, и он с того хлеба подать цареву и великаго князя дает;[14] а не похочет подати платити, и он своего хлеба земленаго[15] лишен.

89

А убьют ко[торо]го крестианина на поле в розбое или в ыном в котором в лихом деле, и дадут того крестьанина за государя его,[16] за кем || жывет, или выручит его государь тот, за кем живет, *л. 48 об.* и пойдет тот крестианин из-за него вон,[17] ино его выпустити; а на отказщика в том деле взяти порука з записью: попытают того крестианина на том его государе, за кем жыл, в ыном[18] в каковем деле, и он бы был в лицех.

90

А которой купец, идучи[19] на торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утеряется безхитростно [20-]тот товар, истонет,[-20] или згорит, или рать или розбой возмет, и боярин, обыскав, тому велит дати цареву и великаго князя[21] полетнюю грамоту с великого князя печатью: посмотря по животом, платится исцом в ыстину[22] без росту. А кто у кого, идучи в тор-

---

[1-2] *3—5, 8, 12, 17, 20, 21, 26, 28 нет.* [3] *Так в списках 9, 33; остальные списки* нет. [4] *19, 31* рожь. [5] *18, 25, 29, 33* за боран. [6] *8 доб.* А солому оставит на земле, з земли солома не ходит, где рожь сожнет, тут ее молотит; а будет пришел к соломе, и он то же творит; а старую рожь соймет, и он с нее платит до Ильина дни; а яровую солому, которой вон вышел крестьянин, себе емлет, а ржаную оставливает. [7] *28* хлеба. [8] *28* не делити. [9] *26* сходити. [10] *2, 17, 20 нет.* [11] *2, 3, 5, 8, 12, 18, 21* волно; *11* волно безурочно. [12-12] *18* в полные холопи. [13] *4* безросчетно; *11* безурочно. [14] *Остальные списки* платит. [15] *6* земнаго. [16] *8* своего. [17] *17, 20* прочь. [18] *28* в ысковом. [19] *8 доб.* на куплю и. [20-20] *23* и хто возмет. [21] *Все списки, кроме 2, 9, 11, 16, 21, 28, 32, 33 доб.* дьяку. [22] *4* в истовую уплату; *16* истину исцову.

л. 49 говлю, взяв[1] да пропьет[2] [3]—или иным || каким безумием[4] тот товар погубит без напрасньства,—[3] и того выдати истцу головою до искупа. А в розбойном деле дадут кому полетнюю грамоту, и как своего розбою доищется, или в его иску[a] розбойников поимают, и у того грамота его полетняя[5] не в грамоту.[6]

91

А попа, и дьакона, и черньца, и черницу, и старую вдовицу, которые питаются от церкви божиеи, ино их судити святителю или его судьям; а будет простой человек с церковным, ино суд вопчей; а которая вдовица питается не от церкви божиеи, а жывет своим домом,[7] ино то суд не святителской. А торговым людем городцким[8] в монастырех в городцких дворех[9] не жити,[10] а кото-
л. 49 об. рые торговые люди || учнут жыти на монастырех, [11]—и тех с монастырей сводити—[11] да и наместником их судити. А на монастырех жыти нищим, которые питаются от церкви божиеи милостынею.

92

А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли[12] взяти дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его роду.

93

А кто купит на торгу что поношено[13] у носящего или с лавки, ино тому купити с порукою с рядовою; а кто купит без поруки, и тому тем быти и виновату.

94

А кто купит лошадь на Москве или в Московском уезде,
л. 50 и тем лошади пятнати || у пятенщиков на Москве да и в книги написати по старине; а пошлина имати пятенщиком по старине ж..

---

[a] *В рукописи* розбои; *исправлено по списку 2.*

[1] *18* возмет денги. [2] *33* продаст. [3—3] *4* товар погубит напрасно. [4] *9* воровством.. [5] *4, 29 нет.* [6] *31 доб.* и тому не верить. [7] *18, 25, 29* двором. [8] *17, 20* посадцким.. [9] *6, 8* подворьях; *25 нет.* [10] *15, 18, 22—25, 27, 29, 40 доб.* а жити им в городцких дворех. [11—11] *22* тех монастырех судити. [12] *Так в списке 9; 28 нет*; *4, 10, 13, 26, 33* и з земли; *остальные списки* земля. [13] *15, 18, 22, 29* ношено; *16, 27* ношеное.

95

А по городом и по волостем где кто лошадь купит или менит, ут у наместников, и у волостелей, и у их пошлинников[1] и пятнает; записывати те лошади в книги у целовалников дьаку[2] земкому; а пятенщиком имати с купца денга,[3] а с продавца денга ж.[3] целовалником и[4] дьаку земскому у тех наместников и у волотелей пятна их писати образцы в книги спору для. А хто купит ошадь в своей волости или выменит, а до[5] такова ж дни не апятнает и в книги не запишет, и уличат его в том, и на том, кто купит[−6] или выменит, взяти наместнику или волостелю || или л. 50 об.
иятенщику пропятениа два рубля; а хто поимався за ту лошадь а чего с тою лошадью взыщет, доколе еа не запятнил, и на ом тот иск взяти без суда, хто ее не запятнил. А детем боярьким купленые и меновные лошади пятнати по тому ж. А в служебнем[7] походе[8] кто у кого купил лошадь, и кто у него за ту ошадь поимается, и тот, хто купил, поставит свидетелей[9] челоек[a] пять или шесть на того, у кого купил, а запрется тот, кого он купил, ино им суд. А кто где купит лошадь или выменит не в своем присуде, тот тут и пятнит; а приведет ту лошадь собе непятнану, и уличат его в том,[10] и на том пропятение взяти, у кого он в присуде.

96

А наместником, и волостелем, и их тиу||ном, и пятенщиком л. 51
городех и в волостех непродажных и доморощеных лошадей е пятнати.А кто учнут в городех [11−]или в волостех[−11] непродажые и доморощеные лошади пятнати, и доведут на него то, хто на нем взыщет чего в тех лошадех, и те ему убытки плаити без суда втрое, а в пене что государь укажет.

97

А которые дела преж сего Судебника вершены, или которые е вершены [11−]в прежних во всяких делех, [12−]суженых[−11] [13−]и несуеных,[−12] и тех дел всех не посуживати,[14] быти тем делом всем землях, и в холопстве, и в кабалах, и во всяких делех и в тиуньстве удити по тому, как *те* дела преж сего сужены,[15] вершены.

---

[a] *В рукописи* на того человека; *исправлено по списку 2.*

[1] *16, 18* пятенщиков. [2] *18, 25* дьячку. [3] *23* денги. [4] *8* имати. [5] *3* да с. [6—6] *17,*) купце. [7] *17, 20* служивном. [8] *26, 28* деле. [9] *20 доб.* и не одного. [10] *28* в той ошади. [11—11] *28 нет.* [12—12] *5, 6, 8, 10, 11, 13* сужены и не сужены; *9* суженые и не уженые. [13—12] *17, 20 нет.* [14] *17, 20, 25, 29* пересуживати; *28* суживати. [15] *Осталь-*

А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити
л. 51 об. по тому, как царь и вели||кий князь в сем Судебнике с которого дни уложил.

98

А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева докладу и со всех боар[1] приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати.[2]

99

Да велети прокликати[3] по торгом на Москве и во всех городех Московские земли, и Ноугородцкие земли, и Тверские земли и по волостем, чтоб ищеа или ответчик судьам и приставом посулов [4-]в суде[-4] не сулили; а послуси бы, не видев, не послушествовали, а видев сказали б в правду. А послух опослушествует не видев, лжыво, а обыщется то опосле, ино на виноватом
л. 52 послухе[5] гибель исцова [6-]и убы||тки[-6] все,[7] а в вине казнити торговою казнью.[8]

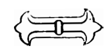
[100]

[9-]О суде с уделными князи.[-9] А взыщет москвитин какова дела на селских волостелех, которые селца московские за уделными князьми, ино судити царю и великому князю; *а не отвечает волостель селецкой, и[10] царю и великому князю его обинити. А взыщет селецкой на селецком, а судит их их же волостель. А не будет их князя на Москве, и волостелю к докладу с Москвы[11] не вести, а ждати князя на Москве; а поведет[12] их волостель с Москвы к докладу к своему князю,[13-]а утечет тех исцов один к[10] царю и великому князю и бьет челом[10] царю и великому князю на того волостеля,[-13], и царю и великому князю[10] на того волостеля дати пристава; а повезет[14] его через [15-]то в удел и[-15] тем его царь и великий князь обинит. А бьет челом[10] царю и великому князю царя и великого князя сын боярской на уделного[16] человека, и царь и великий князь, воименовав своего судью, да пошлет к своему брату к уделному князю, коли будет[17] князь

---

[1] 22 докладов. [2] 20 доб. по цареву же уложенью; конец списка 20. [3] 27—… прокликати. [4—4] 18 нет. [—4] 12, 15, 18, 23, 25, 27, 29, 40 доб. не давали и. [5] 12 до… и на лживом. [6—6] 33 исправа. [7] 3, 12, 21 доб. доправити. [8] 12 доб. бити кнутьем по торгом водя. [9—9] 18, 25—27, 29 нет; 9 ся выпись о суде с уделными князи. [10] 18 до… государю. [11] 4, 26 к Москве. [12] 26 поедет. [13—13] 9 у тех исцов один царю и великому князю бьет челом. [14] 26 поедет; остальные списки, кроме 4—6, 9, 27, 28 поведет. [15—15] 18, 25 нет. [16] 18, 25 доб. князя. [17] 25, 27, 29 не будет.

аа Москве,[1] и удельной князь даст своего судью; а суду быти аа Москве, хотя б тот человек был в его деле на Москве. А уделного князя сын боярской бьет челом на царева и великого князя человека, ино [2]—суду быти—[2] также на Москве. А бьет челом царю и великому князю жалобник уделного князя человек из его вотчины на царева и великого князя человека, и царь великий князь даст пристава, да судит царь и великий князь сам. А на москвитине взыщет которого князя уделного городцкой[3] человек, ино судити их намесником московским [4]—а без судьи.—[4] А искати москвитину на уделного князя городцком человеке, ино ему ехати с судьею, а судье[5] быти московских намесников. А деловые люди в монастырских станех которого князя, писцы царя и великого князя пишут их под сотника в дань во все протори, а князю над ними суд один. А случитца суд[6] вместной в селцах в монастырских уделному с уделным, или [7]—деловым с становым и з городцким,—[7] или [8]—с селецким и с монастырским—[8], и судьям доложити царя и великого князя, а[9]— третьего им—[9] в том нет ничего.*



[1—1] *18, 25, 27, 29 доб.* и в уезде. [2—2] *18, 25, 27, 29* судити. [3] *18* городецкой. [4—4] *15, 18, 22—25, 27, 32 нет.* [5] *28* суду. [6] *4 доб.* с Москвы. [7—7] *14, 15, 18, 22—25, 27,28, 32* деловым становым с городским. [8—8] *18, 24* с селецким с монастырским. [9—9] *18* третьим.

КОММЕНТАРИЙ

ЗАГОЛОВОК

Как явствует из текста заголовка, Судебник 1550 г. был утвержден на седании Боярской думы в июне 1550 г. В разных списках его июньская та обозначается различно: 1, 18, 19 или 24, — иногда же отсутствует.

Первое упоминание о Судебнике 1550 г. сохранилось в речи Ивана IV Стоглавому собору 1551 г.: „... в преидущее лета бил есми вам челом з бояры своими о своем согрешении, а бояре, такоже и вы нас в наших нах благословили и простили, а яз по вашему прощению и благослове- ю бояр своих в прежних их винах во всех пожаловал и простил, да им заповедал со всеми християны царствия своего в предних во всяких лех помиритися на срок. И боляре мои и все приказные люди и корм- нщики со всеми землями помирилися во всяких делех. Да благословился ми у вас тогды же Судебник исправити по старине и утвер- ти, чтоб был праведен суд и всякия дела непоколебима во веки. И по шему благословению Судебник исправил и великие заповеди напи- л, чтобы то было прямо и брежно, суд бы был праведен безпосулно во яких делех. Да устроил по всем землям моего государства старосты целовальники и сотцкие и пятидесятцкие по всем городом и по пригоро- м и по волостем и по погостом, и у детей боярских, и уставные грамоты писал. Се Судебник перед вами и уставные грамоты, прочтите рассудите, чтоб было дело наше по бозе в род и род неподвижно по шему благословению, аще достойно сие дело на святом соборе утвердив вечное благословение получив, и подписати на Судебнике и на тавной грамоте, которой в казне быти“.[1]

Царь Иван обращался к „всеосвященному собору“, однако, не только утверждением своих проектов; он „требовал“, чтобы собор „порас- дил“ о всяких земских „нестроениях“, не „поисшаталось“ ли что из редних“ „обычаев“ и „законов“ за 18 лет боярского правления после ерти Василия III, и вынес („уложил“) такие решения, которые превра-

[1] Макарьевский Стоглавник. Труды Новгородской губернской ученой архивной коми- и, вып. I, Новгород, 1912, стр. 16—17 (в дальнейшем при цитировании: Стоглав). — рядка моя, — *Б. Р.*

тили бы нестройное во благое" — разумеется, в сфере церковной жизни и на церковной территории. Речь шла не о пополнении Судебника, а об особом соборном уложении, параллельном Судебнику. Для Судебника же Иван просил только утверждения и подписи.

Прямых документальных следов утверждения Судебника Стоглавым собором у нас нет. Первое упоминание о Судебнике как уже действующем законе имеем пока в правой грамоте Колязину монастырю, датированной 4 июля 1551 г., в которой сказано, что дело монастыря было „сужено до нового Судебника", т. е. „по старому Судебнику", хоть сейчас уже есть и новый (деньги „доправить по старому Судебнику потому, что то дело сужено до нового Судебника").[1] Первое упоминание Судебника 1550 г. в уставных грамотах сохранилось в Важской уставной грамоте, „писанной на Москве лета 7060 (т. е. 1552) марта в 21 день".[2] В уставной же грамоте крестьянам Плесской волости, „писанной на Москве лета 7059 (т. е. 1551) февраля в 28 день", Судебник 1550 г. не упомянут никак. Можно предположить, следовательно, что введение Судебника 1550 г. в действие последовало где-то между 28 февраля и 4 июля 1551 г. (вероятно, по окончании заседаний Стоглавого собора).

Что касается начала подготовительных работ по составлению Судебника 1550 г., то в цитированных строках Стоглава решение к ним приступить определяется словами: „...в преидущее лета бил есми вам челом... да благословился есми тогда же Судебник исправити...". И. И. Смирнов, посвятивший Судебнику 1550 г. специальное исследование, очень осторожно отнесся к этим словам в речи царя: она только „изображает" дело так, что Судебник — это „результат той работы, которая была проделана после «благословения» царя на «исправление» Судебника митрополитом и епископами, т. е., отсчитывая от принимаемой И. И. Смирновым датировки работ Стоглавого собора (январь—февраль 7059=1551 г.), „в промежуток времени с сентября 1549 по июнь 1550 г.".[3]

Однако на самом деле имеются данные, позволяющие, как заметил И. И. Смирнов, „относить начало работ над новым Судебником к бол[...]

[1] Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 189[...] стр. 219.

[2] ААЭ, т. I, № 234.

[3] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. Исторические записки АН СССР, т. 24, М., 19[...] стр. 268. — Если не считать комментария М. Ф. Владимирского-Буданова (Христоматия по истории русского права, вып. II), составленного еще в 70-х годах XIX в., Судебник 1550 не подвергался изучению как историко-политический памятник во всей его целостности ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Исследование И. И. Смирнова представляет первый опыт такого изучения Судебника Ивана IV. Тщательный текстологический анализ сочетается здесь с широкими историческими обобщениями. В предлагаемых комментариях мы старались использовать результаты этого исследования возможно шире. Некоторые замечания по поводу этого исследования И. И. Смирнова см. в нашей статье Судебник Ивана Грозного. Исторические записки АН СССР, т. 29, М., 1949, стр. 200—2[...]

[бол]ее раннему времени, чем этот промежуток 1549—1550 гг., и связывать его с декларацией, сделанной царем Иваном 27 февраля 1549 г. на заседании Боярской думы и освященного собора, и с принятием на другой день, 28 февраля, закона о несудимости детей боярских наместниками „ни в чем, опричь душегубства и татьбы и разбоя с пол[ич]ным“.[1]

Летописная запись о событиях этих двух дней гласит:

„Того же месяца февраля в 27 день царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси в своих царских полатах перед отцем своим Макарием митрополитом и пред всем освященным собором говорил бояром своим... (следуют семь имен) и иным своим бояром и околничим и дворецким и казначеем, что до ево царского возрасту от них и от их людей детем бояр-ским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных обидных делах; и они бы впредь так не чинили, детем бы боярским и крестьянам от них и от их людей силы продажи и обиды во всяких делех не было никоторые, а кто вперед кому учинит силу или продажу или обиду какую, и тем от меня царя и великого князя быти в опале и в казни. И бояре все били челом государю царю и великому князю, чтобы государь их пожаловал, сердца на них не держал и опалы им не учинил никоторые, а оне хотят служить, государю царю и великому князю, и добра хотети ему и его людем во всем вправду, безо всякие хитрости, по тому ж, как служили и добра хотели государю твоему, отцу твоему великому князю Василию Ивановичу всея Руси и деду твоему великому князю Ивану Васильевичу всея Руси. А которые будут дети боярские и крестьяне на них или на их людей учнут бити челом о которых делех нибуди, и государь бы их пожаловал, давал им и людем их с теми детьми боярскими и со крестьяны суд. И царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии перед отцом своим Макарием митрополитом и передо всем освященным собором бояр своих пожаловал, великим благочестием и со усердием наказал их умилне, говорил им: по се время сердца на вас в тех делех не держу и опалы на вас ни на кого не положу, а вы бы впредь так не чинили. Да и воеводам и княжатам и боярским детем и дворянам болшим тоже говорил и пожаловал их, наказал со всем благочестием умилне. — Того же месяца февраля в 28 день царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии со отцем своим Макарием митрополитом и з бояры уложил, что во всех городах Московские земли наместникам детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и тадьбы и разбоя с пол[ич]ным, да и грамоты свои жаловалные послал во все городы детем боярским“.[2]

Еще А. Е. Пресняков установил, что упоминаемые здесь „жалованные грамоты тождественны «вопчим грамотам», по которым наместники судят

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 268.

[2] ПСРЛ, т. XXII, СПб., 1911, стр. 528—529.

детей боярских, согласно ст. 64 Судебника 1550 г., и тем самым обнаружил один из источников (и звеньев) законодательной работы, завершившейся составлением Судебника".[1] И. И. Смирнов склонен датировать начало работ „по пересмотру законодательства", итогом которых явился Судебник 1550 г., 27-м февраля 1549 г. Однако едва ли будет точным сказать, что „вслед за декларацией Ивана IV от 27 февраля 1549 г., в которой боярству было предъявлено обвинение в насилиях и произволе по отношению к детям боярским и крестьянам, началась работа по определению тех мероприятий, которые гарантировали бы невозможность повторения такого произвола в будущем".[2]

В самом деле, присмотримся к тому, что произошло в дни 27 и 28 февраля, судя по летописной записи. На соединенном заседании Боярской думы и освященного собора 27 февраля царь Иван возбудил тот же вопрос (о том, что учинено „в самовластии" „по своим волям" от смерти его отца „до сего настоящего времени"), который выдвигал он потом и на Стоглавом соборе, предъявляя на утверждение свой готовый Судебник. На этом соединенном заседании ответственность за „силы, обиды и продажи", претерпевавшиеся „его людьми" (детьми боярскими и крестьянами) „до его царского возрасту" (совершеннолетия), он возложил на боярское правительство (в лице Думы), пригрозив при этом опалой и казнью, если так будет продолжаться и впредь. В ответ „бояре все" обещали служить и добра хотеть „ему и его людем" „безо всякие хитрости" и просили опалы им не чинить, а в случае жалоб на них со стороны детей боярских и крестьян давать им „суд". Заседание закончилось наставительной речью царя, в „умильном" тоне, с обещанием опалы не класть (т. е. гарантировать просимый „суд" по ст. 45 Судебника 1497 г.). Об этой части заседания сам Иван отзывался в своей речи Стоглавому собору: „Тогда убо и аз всем своим князем и боляром по вашему благословению на благотворение подах прощение в их к себе прегрешениях" (после того, как „божия ради великия милости получих от вас мир и благословение и прощение о всем, еже содеях зле").[3]

Но этим „прощением" день 27 февраля у Ивана не кончился, а кончился он в другом собрании и тоже речью (и тоже „умильной"), в летописи только обозначенной как наставительная („наказал умилне"). Обращена она была к более многолюдному собранию феодалов управляемых, главная масса которых состояла из детей боярских, и потому можно думать, что „наставления", обращенные к ним, были иного содержания, чем „наставления", обращенные к их обидчикам. Но что они были примирительного свойства, об этом рассказал сам Иван в той же речи на Стоглавом соборе

[1] А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость. ЛЗАК, т. XXXIV, Л., 1927, стр. 190—191.

[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 269. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

[3] Стоглав, стр. 13.

„...бил есми вам челом и з бояры своими о своем согрешении, а бояре, такоже и вы нас в наших винах благословили и простили, а яз по вашему прощению и благословению бояр своих в прежних их винах во всех пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми христианы царствия своего в предних во всех делех помиритися на срок".

Нельзя сомневаться, что благополучное проведение описанных двух собраний и самый созыв этого Земского собора требовали времени для их подготовки, да и сама запись о заседании думы 28 февраля удостоверяет, что решение о несудимости детей боярских 23 февраля было там только утверждено („уложил"), подготовлено же и принято было ранее и вне боярской думы, а ей было только предложено, причем налицо оказался и вполне готовый документ (жалованная „вопчая" грамота), оформлявший это решение в разработанном виде, и притом — оказался не в единственном экземпляре, а в количестве, достаточном для рассылки „во все города". Таким образом, начальную дату для работы, оказавшейся подготовительной к составлению Судебника 1550 г., приходится отодвинуть, во всяком случае, за 27 февраля несколько назад, учитывая время на технические приготовления. Думается, однако, правильнее учитывать здесь и более длительное время на политическую подготовку февральского собрания.

Что касается дальнейшей работы по пересмотру старых и созданию новых законов, то И. И. Смирнов правильно придает руководящее значение здесь февральской декларации царя и правильно же указывает пути „практического осуществления" ее. Таково, например, „введение в качестве обязательной и всеобщей нормы участия в суде наместников старост" (см. статьи 62—75 Судебника), имевшее в виду уже не детей боярских, а тоже „его", Ивана, „людей" — государевых черных крестьян (и посадских), помянутых в летописи наряду с детьми боярскими. Это мероприятие продвигалось тем же путем, как и введение „несудимости" детей боярских, — через выработку особого законоположения, в виде „уставной грамоты". По словам самого Ивана, в речи Стоглавому собору, к моменту открытия собора им были уже „устроены" старосты, целовальники и т. д. „по всем землям" его государства и составлена уставная грамота, подписанный экземпляр которой предполагалось хранить в царской „казне". Судебник же „своими статьями о судных старостах лишь санкционировал и кодифицировал новый закон".[1]

Едва ли, однако, прав И. И. Смирнов, отожествляя способ, каким был введен новый закон о старостах, и способ, каким была введена несудимость детей боярских (т. е. путем рассылки уставных грамот по городам, „как были разосланы жалованные грамоты детям боярским по закону

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 270.

28 февраля 1549 г.").[1] Нет никаких признаков, чтобы уставные грамоты были разосланы до предъявления их Стоглавому собору и чтобы закон о старостах, сформулированный в статьях 62—75 Судебника, вошел в действие вместе с Судебником, между тем как грамоты детям боярским, несомненно, были разосланы 28 февраля 1549 г., — отчего и в Судебник они вошли в виде простого о них упоминания в ст. 64, без какого бы то ни было раскрытия их содержания. Содержание же уставной грамоты было раскрыто в Судебнике в нескольких статьях именно потому, что в момент его введения уставные грамоты приведены в действие не были (т. е. не были разосланы).

Но И. И. Смирнов был бы прав, если бы отожествил судьбу уставной грамоты черным людям с судьбой жалованной несудимой грамоты детям боярским в том отношении, что и эта последняя задним числом была предъявлена собору, вместе с Судебником и уставной грамотой. Имеем в Стоглаве несколько упоминаний этих последних двух документов, и каждый раз в единственном числе.[2] Между тем, в речи царя собору уставные грамоты помянуты трижды: дважды во множественном числе и раз в единственном, причем в последнем случае речь шла о хранении экземпляра уставной грамоты в казне. Естественно спросить, для чего же Иван предъявлял собору „уставные грамоты" в нескольких экземплярах („се Судебник перед вами и уставные грамоты, прочтите и рассудите...") и просил прочесть их несколько штук, а подписать (чтобы и хранить) — только одну? Такого вопроса не возникает относительно третьего упоминания уставных грамот, когда царь говорил о них, что он их „пописал", — потому что можно исходить из предположения, что здесь имелось в виду некоторое их количество для рассылки по всей стране (если вслед за И. И. Смирновым отожествлять этот процедурный момент в судьбах уставных и жалованных грамот). Если же отрицать тожественность этого процедурного момента, как то делаем мы, то следует обратить внимание на упоминание детей боярских в том месте речи царя, где говорится об устройстве старост и целовальников и проч. по всей стране „и у детей боярских". Нет возможности, конечно, понимать здесь текст дословно, т. е., что „старосты и целовальники и сотские и десятские" были устроены не только „по всем городом и по пригородом и по волостем и по погостом" для государевых черных людей, но и параллельно „у детей бояр-

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 270.

[2] Например, Стоглав, гл. 62, стр. 92: „... а которым архимандритам... случится искати обид на мирских людех, и они просят у святителей за собою присадки (т. е. судьи, — *Б. Р.*) ... да перед мирскими судьями и перед святительскими судьями... своих обид ищут ... по Судебнику и по царской уставной грамоте..."; или стр. 95: „... и святители... пошлины велят имати на виноватом по цареву Судебнику гривенную и по уставной грамоте..."; или стр. 95—96, точно так же.

ских" (т. е. для них по тем же территориальным делениям). Таких параллельно существующих должностных лиц мы не знаем. Но нет никакого сомнения в том, что здесь мы имеем неисправный текст и что в феврале 1549 г. жалованные грамоты были адресованы „во все городы детем боярским" на имя каких-то их представителей, которые и хранили этот документ. Предполагаю, что это были городовые приказчики.[1] Так это или не так, исконность упоминания детей боярских здесь на может быть подвергнута сомнению. А тогда является вопрос, не обьясняется ли здесь множественное число — „уставные грамоты" — тем, что составитель речи объединил под этим термином обе разновидности „жалованных" грамот: „жалованную уставную" для черных людей и „жалованную", тоже коллективную, несудимую для детей боярских? Роднило эти две разновидности грамот то обстоятельство (отмеченное И. И. Смирновым в другой связи), что они обе давались „о т н а м е с т н и к о в" (т. е. в защиту от того наместничьего произвола, борьба с которым была в это время основой политической программы правительства Ивана, заявленной в декларации 27 февраля). Во всяком случае, считаю мало вероятным — при упоминании в этом месте речи царя детей боярских — непредставление собору разосланной „во все городы" в момент всеобщего „примирения" в 1549 г. жалованной несудимой грамоты детям боярским. Но не было здесь повода говорить о хранении ее в царской казне после ее подписания, как сказано в речи царя в единственном числе про „уставную грамоту" черным людям, потому что она уже больше года пребывала, вероятно, в этой казне, была в полном действии на местах и сама по себе не нуждалась ни в какой письменной санкции задним числом, а упоминание о ней в ст. 64 Судебника и без того ставило несудимость детей боярских под утверждение собора.

Итак, „п е р в ы й э т а п", по выражению И. И. Смирнова, в законодательной работе, завершившейся изданием Судебника 1550 г., начался значительно раньше, чем то „изображала", по его же выражению, речь царя Стоглавому собору, относя эту работу к „преидущему лету". Для чего понадобилось или, вероятнее, как случилось составителю этой речи „изобра-

---

[1] На это предположение наводят данные, собранные М. А. Дьяконовым в исследовании „О городовых приказщиках" (ЖМНП, 1900, январь, стр. 63—64). Во второй половине XVI в. они „избирались детьми боярскими, записанными по данному городу, из своей среды" (список служилых людей 1585 года, Акты Московского государства, изд. Акад. Наук, под ред. Н. А. Попова, т. I, 1890, № 30). Была ли эта должность выборной и в первой половине века, материал, собранный Дьяконовым, ответа не дает. Но документально устанавливается, что уже и до Судебника 1550 г. городовые приказчики имели непосредственное отношение к организации повинностей и сборов в присуде своего города, что ставило их в соприкосновение с грамотчиками, а иногда городовые приказчики использовались центральной властью как орган надзора за наместниками по делам в частности об иммунитетах (см. жалованную грамоту Волоколамскому монастырю 1517 г.: Тверские акты, под ред. С. Шумакова, т. I. Тверь, 1896, стр. 18).

действительно „прочтена“ и вызвала „удивление“ присутствующих. И далее: „И потом царь вдаст на соборе иная писания...“. Действительно, следующая, 4-я, глава открывается этими иными „писаниями“, служащими как бы введением к царским вопросам, предлагаемым на рассмотрение собору и редактированным в первом лице от имени царя (им посвящена глава 5). В этой-то вводной части, в главе 4, и заключается цитированное нами не раз место „речи царя“ Стоглавому собору с термином „преидущее лето“. „Писания“ эти, в свою очередь, занимают в общей сложности без малого 30 000 типографских знаков (по нашему же счету). Всего, таким образом, царем Иваном было написано „своею рукою“ значительно более авторского листа основных документов довольно сложного состава, заготовленных для задуманного им церковного собрания.

Думаю поэтому, что о времени, когда производилась царем эта работа по составлению речей, вопрос должен ставиться особо. А тогда и вопрос об отсчете „преидущего лета“ представится не столь простым и, во всяком случае, нерешимым с помощью даты первого заседания Стоглавого собора.

Тут надо исходить из даты написания текста речей. Наиболее осторожным будет предположить, что работа по составлению речей была предпринята царем не раньше завершения работы над Судебником и принятия его на заседании Боярской думы в июне 1550 г. Утверждение Судебника было совсем не второстепенным делом, подлежавшим, по мнению царя, одобрению святителей, и написать: „вот Судебник перед вами“ можно было, вероятнее всего, повидав его собственными глазами в законченном „белом списке“. Но есть ли у нас хоть какие-нибудь признаки для определения даты, после которой ведение этой работы было невозможно, кроме даты начала заседаний? Нет, никаких. И вопрос отсюда ставится так: есть ли какие-нибудь противопоказания для того, чтобы отнести эту работу (и начертание этой описательной датировки — „преидущее лето“) на июль и август 1550 (7058) г.—датировка, при которой „преидущее лето“ будет означать 7057 г., т. е. и февраль 1549 г., а раздвоившееся в наших источниках (в летописи и в речи царя в Стоглаве) прощенно-покаянно-примирительное неповторимое выступление царя Ивана можно будет отнести к 27—28 февраля 1549 г. Противопоказаний таких нет; для отнесения же этой работы над материалами к Стоглавому собору обязательно на сентябрь — декабрь 1549 г. оснований или даже намеков у нас нет никаких. Более того, по мнению И. И. Смирнова, царю Ивану заблагорассудилось „изобразить“ начало работ по подготовке Судебника так, что между этим изображением и действительным началом их произошло расхождение. Конечно, об умышленности в действии царя Ивана не думает и И. И. Смирнов. Но и о том, что царь озабочен был точностью своей крайне общей (только литературно необходимой) хронологической формулировки, говорить тоже едва ли приходится.

С изложенными оговорками следует принять ценные наблюдения И. И. Смирнова, связанные с вопросом о работе над составлением Судебника 1550 г., в частности о его источниках. Эти наблюдения устанавливают следующие положения. Первое, — что закон, принятый 28 февраля 1549 г. („что во всех городах Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем оприч душегубства и татьбы и разбоя с поличным"), вошел в состав Судебника 1550 г. в виде ст. 64 (см. подробнее в комментарии к ст. 64). Второе, — что „введение, в качестве обязательной и всеобщей нормы, участия в суде наместников старост (статьи 62, 68 и др.)", сопоставленное с речью царя на Стоглавом соборе, ведет к тем „уставным грамотам", которые предъявлены собору вместе с Судебником (я только думаю, вопреки И. И. Смирнову, что эти уставные грамоты не были разосланы, как сказано выше). Третье, — что в числе источников Судебника 1550 г. не было Судебника Василия Ивановича, потому что такого судебника и не существовало. И. И. Смирнов убедительно и исчерпывающе снял легенду об этом Судебнике Василия III, пущенную в виде гипотезы еще Калайдовичем,[1] принятую рядом старых исследователей и поддержанную теперь Б. Д. Грековым.[2] Основанием этой легенде послужило следующее место в тексте указа 11 мая 1551 г.[3]: „... а что исстари по уложенью в. кн. Ивана Васильевича всеа Русии и по уложенью в. кн. Василия Ивановича всеа Русии во Твери и в Микулине и в Торшку и в Оболенску на Беле озере, на Рязани мимо тех городов людей вотчин продавати и по душам в монастыри без докладу не давати". И. И. Смирнов правильно указал на то, что, поскольку упоминаемое в этом тексте „уложение" Ивана III нельзя отожествлять с Судебником 1497 г. (за отсутствием в этом Судебнике „ни такого, ни подобного постановления"), постольку и „уложение" Василия III нельзя отожествлять с каким-то его Судебником (за отсутствием, к тому же, аналогичного постановления и в Судебнике 1550 г.).

Этот отрицательный вывод относительно Судебника Василия III равносилен выводу о том, что „Судебник 1550 г. заменил собою Судебник 1497 г. и следовательно одним из важнейших источников Судебника 1550 г., несомненно, явилось (помимо найденных двух прямых, — *Б. Р.*) законодательство, охватывающее 53-летний промежуток времени между первым и вторым Судебником. Следы этого законодательства сохранились как в актовом материале,[4] так и в законодательных памятниках. Точно так же в Судебник

[1] Законы в. кн. Иоанна Васильевича и Судебник царя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные К. Калайдовичем и П. Строевым. М., 1819, стр. XVI—XVII.

[2] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., стр. 838 и сл.

[3] ААЭ, т. I, № 227.

[4] АЮ, № 8, о 40-летней давности в земельных делах. — А. А. Федотов-Чеховский. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I. Киев, 1860, № 47, со ссылкой на „Указ вотчинам".

1550 г. вошли и отдельные нормы из уставных грамот. Есть достаточное основание полагать, что законодательные акты времени, предшествующего Судебнику 1550 г., заносились в особые «уставные книги», подобно тому, как это имело место в законодательной практике в Русском государстве во второй половине XVI в."[1] (вопрос Ивана IV Стоглавому собору: „И возрите в дедовы и батковы в уставные книги, каков был указ слободам, ино бы так и ныне учинити").[2] „Очевидно, «уставные книги» явились важнейшим источником при выработке норм Судебника 1550 г.", — приходит к заключению И. И. Смирнов.[3] В добавление ко всему этому можно указать и еще на один законодательный акт Ивана IV, который следует рассматривать как прецедент в отношении к ст. 43 Судебника 1550 г. — об отмене тарханных грамот. Ссылка на этот акт имеется в грамоте Ивана IV Дмитровским таможникам от 4 июня 7057 (1549) г.[4] Речь идет там о людях, приезжающих торговать в Дмитров „всяким товаром", которые „таможником не являютца и пошлин таможенных и явки не дают, а сказывают деи у собя мои царевы и вел. кн. грамоты жаловалные тарханные, что им наших таможенных пошлин таможником никоторых не платить". Между тем оказывается далее, что „царь и вел. кн. ныне те все свои грамоты тарханные в одных в своих в таможенных пошлинах и в померных порудил" (кроме грамот четырех монастырей и Воробьевской слободы). И еще далее выясняется, с каких именно „грамотчиков" (т. е. обладателей тарханных грамот) надлежит впредь таможникам пошлину „по их уставной грамоте... имати": это — „сельчане и деревеньщики" „царевы", „царицыны", „митрополичьи", „владычни", „княжие", „боярские", „монастырские", и „торговые люди". Возможно, если бы сохранились вышеназванные „уставные книги", в них можно было бы найти и этот царский указ, в общей форме отменивший один из пунктов тарханной грамоты, кому бы она ни принадлежала, и точную дату его подписания царем. Если бы эта дата пришлась на первую половину 1549 г. (во всяком случае ранее 4 июня), то мы имели бы второй пример (наряду с „вопчими" жалованными грамотами детям боярским от 28 февраля 1549 г. „подготовительной" к Судебнику указной деятельности правительства, так называемой „избранной рады".

Однако же основой текста Судебника 1550 г. является текст Судебника 1497 г. Подавляющее большинство статей последнего вошло в состав Судебника 1550 г., и нет ни одной из них, которая не испытала бы на себе редакторской руки составителя нового Судебника — будь то незначительная

---

1 И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 275—276, см. также 268—277.

2 И. Н. Жданов, Материалы для истории Стоглавого собора. Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 178.

3 И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 276.

4 Архив П. М. Строева, т. I. Русская историческая библиотека, т. XXXII, Пгр., 1915, стр. 296, № 172.

перестановка или замена отдельных слов или капитальная реконструкция всего старого текста статьи со включением в эту старую основу существенно переработанного содержания. В результате получился юридический памятник, требующий тщательного изучения не только тех 33 статей, которые были составлены для Судебника 1550 г. заново, но и тех, которые подверглись описанной переработке, — чтобы вскрыть в них элементы программности всей этой работы законодательного аппарата правительства „избранной рады“. Эти элементы превращают Судебник 1550 г., как исторический источник для изучения социально-политической истории Русского государства середины XVI столетия, из документа преимущественно п р о ц е с с у а л ь н о г о права в документ, полный животрепещущего п о л и т и ч е с к о г о значения.

Правда, с внешней стороны вся работа над Судебником шла под лозунгом возврата к „старине“. Царь определял цель этой работы, как „Судебник исправити по старине“. И действительно все, что можно было сохранить из текста дедова Судебника, было сохранено (что иной раз затрудняет нам понимание текста, см. например комментарий к ст. 71). Старина эта в понимании Ивана IV кончалась смертью его отца, после которой в годы боярского правления многое „поисшаталося“ и „предние которые законы порушены“ были. Ему представлялось, что цель эта будет достигнута, если в Судебнике будут написаны „великие заповеди“, чтобы „суд“ был „праведен беспосулно во всяких делех“ — и по всему Судебнику 1550 г. красной нитью прошли эти заповеди в сопровождении соответствующих санкций, почти совсем отсутствовавших в Судебнике его деда. Выступившие во всем своем безобразии в боярские годы пережитки феодальной раздробленности (в виде того, что „в самовластии учинено по своим волям“) подверглись в Судебнике неуклонному преследованию и преодолению посредством укрепления аппарата централизованного государства, иногда в мельчайших его звеньях. На этом пути в центре внимания составителя Судебника оказались кормленщики-наместники, своим произволом — „обидами“, „продажами“ и „силами“ — подрывавшие основы этого государства, и организация власти наместников посредством организации контроля над их деятельностью со стороны их подвластных, черных крестьян и посадских, стала предметом не одной статьи в новом Судебнике. При этом масса детей боярских, всем ходом развития феодального общества выдвигавшаяся на первое место с требованием усиления такого централизованного государства, которое обеспечило бы им наилучшие условия эксплоатации их крестьян и „людей деревенских и дворных“, добилась освобождения от наместничьего суда и некоторого внимания к себе в новом законодательстве, например статьи 64, 78, 81.

Так, под знаменем „старины“ в Судебник проникали такие новые черты политической программы правительства Ивана IV, которые впоследствии,

в 60-х годах, получили свое полное выражение в опричнине. Изучение отдельных статей Судебника 1550 г. позволяет вскрыть в их тексте различные степени вызревания этих новых элементов и следы борьбы действительно старого и действительно нового в первой редакции политической программы царствования Ивана, в 1549—1551 гг.

Непосредственное практическое назначение Судебника 1550 г. определено, как и Судебника 1497 г., словами „уложыл“, „как судити“. В Судебнике 1497 г. далее следовало „бояром и окольничим“. Это, очевидно, неполная формулировка, ибо в статьях 37—45 того же Судебника речь идет и о суде провинциальном, наместничьем, а сама статья 37 имеет заголовок „Указ наместником о суде городском“ (городском — в противоположность московскому, столичному). В Судебнике 1550 г. имеем педантически исчерпывающую формулировку этой части заголовка, заканчивающую перечисление столичных судей словами: „и всяким приказным людем“, а перечисление провинциальных — словами: „и всяким судьям“. Относительно провинциального суда составитель Судебника 1550 г. ограничился выборкой названий из статей 37—45 Судебника 1497 г.: „наместники“, „волостели“ и „тиуны“, так что в Судебнике 1550 г. они не являются новостью. Производя ту же операцию относительно столичного суда, составитель Судебника 1550 г. в дополнение к боярину и окольничему извлек из старого текста (статьи 3—6 Судебника 1497 г.) еще и дьяков. Таким образом, новостью текста Судебника 1550 г. являются в перечислении судей „дворецкие“ и „казначеи“. При отмеченной только что неполноте формулировок, свойственной Судебнику 1497 г., едва ли есть неоспоримые основания утверждать, что новость текста (с дворецкими и казначеями) является вполне и новостью жизни, новостью, явившейся в промежутке между двумя судебниками.

Поэтому не может быть принято утверждение Владимирского-Буданова о том, что перечисление: „дворецкие, казначеи, дьяки и всякие приказные люди... не есть результат большей полноты и определенности царского Судебника“ и что „напротив, все эти лица вошли в число судей после 1-го Судебника“.[1] Если действительно дворецкий и казначеи при Иване III и обладали судебной компетенцией (что мало вероятно относительно дворецкого как главы управления великокняжеским „двором“), то новость Судебника 1550 г. относительно этих двух должностных лиц будет новостью из истории постановки не государственного суда, а этих двух прежде исключительно дворцовых должностей. Новость Судебника 1550 г. в отношении этих двух должностей состоит в том, что они введены в ряд государствен-

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, вып. II, Ярославль, 1873, комментарий к заголовку. В дальнейшем при цитировании комментария Владимирского-Буданова ссылки на статью не дается, за исключением случаев, когда цитата относится не к той статье, которая в данном случае комментируется.

ных судей, для которых теперь было обязательным руководствоваться издаваемым Судебником (в 1—10 статьях Судебника 1550 г. дворецкий и казначей фигурируют рядом с боярином и дьяком неизменно).

И. И. Смирнов находит, что при сравнении Судебника 1550 г. с Судебником 1497 г. бросается в глаза „возросшее значение приказов и дьяков“, а это особенно заметно „во введении к Судебнику 1550 г.“, где „старые судебные чины“ „оказываются дополненными новыми судьями“ — „приказными людьми“. И поясняет: „. . . это изменение состава судей явилось результатом развития, прежде всего, приказов как органов центрального управления Русского государства“. Однако примеры, приводимые И. И. Смирновым, не подтверждают этого положения. Так, сравнивая ст. 2 Судебника 1497 г. со ст. 7 Судебника 1550 г., И. И. Смирнов находит в последней „новый принцип суда по приказам“, заключающийся в том, что судья здесь должен судить „жалобников“ только „своего приказу“, „в отличие“ от чего по ст. 2 Судебника 1497 г. „боярин-судья дает управу всем жалобникам и во всем“. Но именно этого-то „отличия“ в ст. 2 Судебника 1497 г. и не находится, если продолжить приведенную из ст. 2 неполную цитату словами: „которым пригоже“ (т. е. всем, которым пригоже, что равнозначно тому, чтобы судить именно жалобников своего приказа, а не чужого). Почему-то И. И. Смирнов не обратил внимания на это положительное указание статьи о том, кого разумел тут составитель ст. 2 под термином „всем“, а обратил внимание только на отрицательное указание ст. 2, что боярин-судья должен жалобника, которого ему „непригоже“ „управити“, „к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати“. И в этом отрицательном обороте И. И. Смирнов усмотрел лишь дополнение „старого порядка суда“ „новым порядком суда по приказам“, „но лишь в тех случаях, когда дело не может быть разрешено обычным, старым путем“, и усмотрел в этом „двойственность Судебника 1497 г., устраненную, якобы, Судебником 1550 г. „путем превращения суда по приказам в основную форму центрального суда“.[1]

Между тем оба Судебника говорят об одном и том же случае в двух вариантах: 1) когда жалобник обращается по адресу — и тому, кому „пригоже“, т. е. кто для боярина является человеком „своего приказу“, кто тому боярину „приказан ведати“, тому должна быть „дана управа“; или 2) когда жалобник обращается не по адресу — и тогда боярин-судья должен отказаться его судить, так как ему это „непригоже“ (Судебник 1497 г.) или „немочно“ (Судебник 1550), и должен (по Судебнику 1497 г.) „сказати великому князю или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати“, либо (по Судебнику 1550 г.) „сказати царю государю“, а тот уже сам „отошлет тому, чей суд“. Как видим, в обоих Судебниках

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 278 и прим. 17.

нет противопоставления „старого боярского суда“ „суду по приказам“, а термин „приказ“ не имеет значения приказа как учреждения (т. е. по-старому „избы“), и просто отвечает на вопрос, в чьем *ведении* („чьего приказу“) числится данный человек („приказан ведати“).

Производным от термина „приказ“ в смысле учреждения можно признать только прилагательное „приказный“ в заголовке к Судебнику 1550 г.: „и всяким приказным людем“. Однако же нет никаких оснований относить этот термин только к „новым судьям“ и противополагать им „старые судебные чины“ (боярина и окольничего) как людей неприказных.[1] Составитель Судебника 1550 г. здесь этим термином хотел исчерпать список столичных судей и, возможно, причастных к этому суду людей (вроде подьячих, работа которых при суде тоже регулируется в дальнейших статьях Судебника). В отношении провинциальных судей он сделал то же заключительными словами: „и всяким судьям“.

Таким образом, мнение И. И. Смирнова о том, что „наиболее ярко новая роль приказов и дьяков выступает во введении (т. е., по нашей терминологии, заголовке, — *Б. Р.*) к Судебнику 1550 г.“,[2] не может быть принято ни в отношении приказов, ни в отношении дьяков. Последние ничем *здесь* не выделяются из ряда остальных „судей“.

Едва ли последнее значит, что „дьяки были настоящими судьями, а не канцелярией только“ (как полагал Владимирский-Буданов). Статья 4 ясно определяет обязанности дьяка при боярине, дворецком и казначее как делопроизводителя, как отличает его от этих трех судей и статья 8 (в отношении размера пошлин).

СТАТЬЯ 1

Ср. Судебник 1497 г., ст. 1.

СТАТЬЯ 2

Ср. Судебник 1497 г., ст. 19.

Статья 2 является не повторением, а результатом переработки ст. 19 Судебника 1497 г. ради ее приспособления к соседним, 1-й и 3-й, статьям. Список судей согласован со списком ст. 1. В отличие от ст. 3 слова „просудится, а обвинит кого не по суду“ разъясняются словом „безхитростно“ — в отличие от того случая *неправого решения*, который развивается в ст. 3 как акт *неправосудия*, изобличаемый взятием посула (взятки). Этот простой случай добросовестного неправого решения попрежнему не влечет наказания просудившемуся судье („пени нет“), сопровождается возвращением истцу взятых с него судьей пошлин, а истец сохраняет право вновь возбудить дело („з головы“ — с начала, т. е. так, как будто оно возбуждается впервые).[3]

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 278.

[2] Там же.

[3] Ср. (ДАИ, т. I, № 51/XXIV, стр. 85) царскую грамоту Новгородским дьякам от

СТАТЬЯ 3

Новая. В отличие от ст. 2 здесь рассматривается случай злостного неправосудия, когда судья (будь то хоть сам „боярин“) берет взятку. Составитель Судебника 1550 г. в ст. 3 в первую очередь практически ставит основной вопрос, поднятый в февральской декларации царя 1549 г., об „обидах и продажах“, чинимых боярами детям боярским и их крестьянам во всяких „обидных делех“. Решает же он его надвое и в то же время гибко. По смыслу февральской декларации на первом плане в ст. 3 должны стоять интересы истца, „обиженного“, а вся тяжесть последствий неправого решения должна пасть на судью. Этот последний и несет все материальные убытки: уплачивает истцу сполна всю сумму иска и возвращает в тройном размере все судебные издержки, понесенные истцом. Однако же наказания („пени“) статья 3 взяточнику не определяет, оставляя это на усмотрение государя: „что государь укажет“. Что касается ответчика, он выходит из игры: поскольку истец удовлетворен полностью до копейки за счет судьи, статья 3 ничего и не говорит о „суде с головы“ с ответчиком.

Иначе понял ст. 3 Владимирский-Буданов. Рассматривая ее в отрыве от общей политической установки Судебника 1550 г., он считает взимаемым наверняка в пользу „неправильно-обвиненной стороны“ только „исцов иск“. Такие издержки истца, как „езд, правда, пересуд, хоженое, правый десяток и пожелезное“, „взыскиваются“ „в ее же пользу“ — лишь „по всей вероятности“ (разрядка моя,—*Б. Р.*). Что же касается „пошлин на царя и великого князя“, то, по мнению Владимирского-Буданова, они истцу не возвращаются: „пошлины же, поступившие судьям (см. ст. 8—13), не возвращаясь неправо-обвиненному, взимаются на государя взамен тех, которые бы следовали ему с его личного суда (см. ст. 37—38)“. Такое истолкование судеб судебных издержек истца совершенно произвольно даже в формальном отношении. Составитель, строя свою фразу, не различал этих судеб и перечислил все возможные разновидности издержек подряд, одну за другой, как дополнение при одном сказуемом („взяти втрое“). Куда, будучи „взяты“ у судьи, они будут переданы, составитель считал само собою разумеющимся и умолчал об этом, но он и намека не сделал на их разделение по линии номенклатурной. Нет никаких разумных оснований предполагать, как это делает Владимирский-Буданов, что истцу возвращают только мелкие судебные издержки, независимые от величины иска и уплачивавшиеся преимущественно мелкой сошке (недельщикам), а пошлины, уплачиваемые по ст. 8 и следующие пропорционально

---

4 марта 7064 (1556) г. о том, что крестьянин Ивана Шатилова Бутак, по жалобе Богдана Кутузова, был судим в Новгороде царевым тиуном, между тем как в жалованной грамоте, данной Ивану Шатилову, значилось, что „людей его и крестьян“ надлежит судить новгородским дьякам: „и вы б того Иванова крестьянина Бутака велели поставити перед собою да его с тем Богданом судили с головы и управу им учинили безволокитно“.

сумме иска и соответственно званию судьи, истцу не возвращаются даже в ординарном размере. Поэтому, если рассматривать ст. 3 в отрыве от политической установки Судебника 1550 г. и предполагать, как предполагает Владимирский-Буданов, что составитель Судебника 1550 г. в ст. 3 был озабочен тем, чтобы использовать случай неправосудия судьи для пополнения царской казны тройного размера пошлинами, взятыми судьей, а теперь отбираемыми у него „взамен тех, которые следовали бы ему (т. е. царю,—*Б. Р.*) с его личного суда" (которого, однако же, он не производил!), то отчего бы заодно не отправить в царскую казну и тройного размера „езды, хоженые" и прочие разновидности отбираемых у взяточника сумм, израсходованных ни в чем неповинным истцом? Это было бы, по крайней мере, последовательно для молчаливо предполагаемого Владимирским-Будановым хода мысли составителя только статьи 3 (но не Судебника в целом). Но отсюда для составителя Судебника в целом возникало бы противоречие со ст. 2, где судебные издержки именуются общим термином „взятое" и про „взятое" говорится, что его надлежит „отдати назад", т. е. несомненно истцу, а не царю, к которому „назад" никак не подходит. Но как тогда объяснить, что истец, попавший в руки неопытного судьи, оказывается (в ст. 2) в положении более счастливом, чем истец, ставший (в ст. 3) жертвой преступного действия судьи, не им выбранного? И почему царь в казусе ст. 2 не интересуется пошлинами, „которые следовали бы ему с его личного суда", и уступает их (под именем „взятого") истцу?

Сопоставление обоих казусов — ст. 3 и ст. 2 — могло бы навести на предположение, что в обоих случаях истец получает „назад" истраченное (в одинарном размере) и что в случае, предусмотренном в ст. 3, две трети взятой с судьи тройной суммы издержек поступают в казну.

Но при решении этого вопроса о „взятом" нельзя не сопоставить ст. 3 Судебника с постановлениями „царева указа и соборного уложения" о „венечной пошлине" главы 63 Стоглава, где, между прочим, предписывается: „...которой боярин или дворецкий или десятинник или дияк через Судебник лишнее и посул возмет, и о том обыскав без суда теми старостами и священники, которые с ними в суде сидят и инеми добрыми людми, да втрое взяти да отдати исцу. А который боярин или дворецкий или десятинник или дияк вдругие и втретьие обличен будет, и на том втрое взяти без суда да отдати исцом".[1]

Это и другие подобные соборные постановления, недаром включенные в Стоглав с подчеркиванием, что это — и „царев указ", а не только „соборное уложение",[2] сами выдают свою зависимость от Судебника 1550 г., в частности от ст. 3, и „взятое втрое" прочно связано здесь с „отдавати исцу", да еще „по цареву Судебнику". Откуда взялась бы

[1] Стоглав, стр. 100.
[2] Там же, стр. 101.

в Стоглаве идея о вознаграждении истца „взятым втрое“, если бы „по цареву Судебнику“ вне церковной сферы оно предназначалось царю-государю? Такая ссылка на „царев Судебник“ и в такой именно форме была бы невозможна в Стоглаве, если бы она не соответствовала точному смыслу текста ст. 3.

СТАТЬЯ 4

Новая. Список нарядит Татищев перевел „выписку сочинит“, Владимирский-Буданов: „сделает подлог в списке“. Точнее: составит поддельный список, подделает список (целиком).

Или дело запишет не по суду, не так, как на суде было,—ср. Судебник 1589 г., ст. 4: „или речи перепишет не так, как на суде говорили истец или ответчик“.

Без боярьского... ведома.—ср. Судебник 1589 г., ст. 4: „или список подпишет без...“.

А обыщетца то вправду, что он от того посул взял. Судебник 1589 г. продолжает: „...а список нарядил“.

И на том дьаке взяти перед боярином вполы. Владимирский-Буданов объясняет это понижение „денежного взыскания“ тем, что „большие денежные штрафы трудно взыскать с лица низшего состояния, которое предполагается бедным“. Но это не разъясняет, в какой мере удовлетворялся здесь истец и, если, как естественно предположить, полностью, то за чей счет. Разъяснение этому см. в Судебнике 1589 г., ст. 4: „...а другая половина взяти иску на судие (т. е. боярине, дворецком, казначее,—*Б. Р.*), потому что знаючи дияка лжива, почто с ним судит“. Тем самым отпадает объяснение Владимирского-Буданова, искусственное и само по себе: при неопределенности суммы иска предполагаемая „бедность“ дьяка оказывается не при чем. Ср. статьи 8—11, где за взимание лишних пошлин платят „втрое“ все—от боярина до подьячего, безотносительно к „бедности“.

СТАТЬЯ 5

Новая. Битье кнутом здесь названо торговой казнью потому, вероятно, что производилось на торгу, всенародно. Замечание Владимирского-Буданова: „торговая казнь и битье кнутом—одно и то же“—не точно.

СТАТЬЯ 6

Новая. Владимирский-Буданов обратил внимание на то, что здесь „наказание за ложное обвинение в преступлении („ябедничество“ в точном смысле) строже, чем за самое преступление—умышленное неправосудие“ (по статьям 3—5). Это наказание в ст. 6 суммирует тюрьму, назначенную по ст. 4 дьяку, и кнут по ст. 5 подьячему, назначаемые в ст. 6 „виноватому“ „сверх его вины“, т. е. наказания, которое ему было определено приговором

судьи. Такое нагромождение наказаний показалось неправдоподобным составителю Судебника 1589 г., и слова „сверх его вины“ он заменил словами (в ст. 6) „и того жалобника повинити, бесчестие на нем взяти“ (в пользу оболганного судьи). Практически такое нагромождение наказаний значительно сужало круг „жалобников“ по делам о посулах, поднимаемым по статьям 3—5. Вероятно, в момент составления Судебника народные настроения грозили лавиной исковых челобитий против боярского суда.

СТАТЬЯ 7

Ср. Судебник 1497 г., ст. 2.

Статья 7 представляет хороший пример того, как тщательно перерабатывался составителем Судебника 1550 г. текст Судебника 1497 г. Результатом этой переработки является первая фраза ст. 7. Эта переработка ясно отразила, как отметил еще Филиппов, „изменение, происшедшее в самой практике жизни в Москве“, а именно (по мнению Владимирского-Буданова) „ответственность за отказ в суде жалобнику своего Приказа указывает, что каждому судье уже в точности известны были пределы своей компетенции, т. е. Приказы уже определились“. Этой ответственности „нет еще в Судебнике I“.[1] Отмечая „это возросшее значение приказов и дьяков“, И. И. Смирнов считает нужным „оговориться, что принцип суда по приказам намечается уже и в Судебнике 1497 г. Но здесь он еще подчинен старой форме суда и выступает лишь в виде своего рода дополнения к старому боярскому суду: боярин, которому оказывается по тем или иным обстоятельствам «непригоже управити» жалобщика, должен сказать об этом великому князю, «или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати». Таким образом, старый порядок суда — боярский суд плюс доклад великому князю — оказывается в Судебнике 1497 г. дополненным новым порядком — суда по приказам, но лишь в тех случаях, когда дело не может быть разрешено обычным, старым путем. Судебник 1550 г. устраняет эту двойственность Судебника 1497 г. путем превращения суда по приказам в основную форму центрального суда“.[2] Что касается самой формулировки ответственности судьи за отказ в рассмотрении жалобы жалобника, то Владимирский-Буданов полагал, что строгость ее „смягчается“ тем, что „наказанию подвергается только тот судья, которому укажет его компетенцию сам государь“. Это — недоразумение. Слова второй фразы статьи: „и учнет тот жалобник бити челом государю, что ему управы не учинили, и государь ту его жалобницу отошлет тому, чей суд, и велит ему управу учинити“ — не означают какого-либо специфического случая

[1] А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права, ч. 1, Юрьев, 1914, стр. 281—282.

[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 278, прим. 17.

когда судье „укажет его компетенцию сам государь“, а имеют в виду единственно мыслимый случай нормального течения дела, при котором только из челобитья жалобника царю и может вскрыться преступное пренебрежение судьи своей обязанностью, а тогда отсылка государем жалобницы истца „тому, чей суд“, является не „указанием компетенции“ судье, а необходимым процедурным моментом в продвижении дела. Очевидно, что дело могло приостановиться в своем движении, и отсылка государем жалобницы судье могла не состояться (т. е. отпала бы и ответственность судьи) только в случае, если жалобник бил челом судье „не по делу“. Первая фраза ст. 7 подчеркивает, что надлежит „давати“ „управа“ всем, „которой будет жалобник бьет челом п о д е л у“. А третья фраза статьи предусматривает и такой случай, когда „которой жалобник бьет челом не по делу“, и тогда, если он „учнет бити челом, докучати государю“, государь не только не отсылает его жалобницы „к тому, чей суд“, а дает распоряжение „того жалобника вкинути в тюрму“. В этом случае с жалобой „не по делу“ и поступок судьи сформулирован определенно: „и бояре ему о т к а ж у т“ (очевидно с указанием, что он бьет челом „не по делу“). Во второй же фразе статьи этот поступок сформулирован надвое: „а жалобницы у него не возмет, и у п р а в ы е м у и л и у к а з у [в других списках: „отказу“] не учинит“, подразумевая, что судья должен или учинить „управу“ (если „по делу“) или учинить „отказ“ (если „не по делу“), а не отпускать челобитчика ни с чем.

Как и статья 6, третья фраза ст. 7 отражает ту же черту текущего момента, когда составлялся Судебник 1550 г.

СТАТЬЯ 8

Ср. Судебник 1497 г., ст. 3.

„...а от записки подьячему не имати ничего“. Слово „записка“ (в статьях 29 и 62) означает ведение протокола. Подьячий выделен здесь из числа прочих действующих в суде лиц (о которых сказано обще: „...а болши того им не имати“) вероятно потому, что, относительно него здесь в старый текст Судебника 1497 г. вставлено: „а подьячему две денги“.

СТАТЬЯ 9

Ср. Судебник 1497 г., ст. 4.

Здесь явственная редакционная несогласованность между первой фразой, взятой из ст. 4 Судебника 1497 г., и второй, вновь формулирующей санкцию: окольничий и недельщик, не получающие ничего, когда тяжущиеся помирились еще до прибытия к месту поединка („не став у поля“), не могут даже и попытаться взять „лишок болши того“ („того“, т. е. нуля). Это — недосмотр составителя, вскрывающий основную направленность его пера

к исчерпывающему формулированию санкции, которая была непременной новостью всех статей Судебника 1550 г., касающихся служебных преступлений.

СТАТЬЯ 10

Ср. Судебник 1497 г., статьи 5, 6.

Появление здесь подьячего — „а подьячему денга" (чего не было в ст. 6 Судебника 1497 г.) — надлежит сопоставить с аналогичным появлением подьячего в статьях 8—12 Судебника 1550 г. Это внимание к подьячим лишний раз свидетельствует об общей установке работы составителя Судебника 1550 г. на укрепление приказного строя.

Здесь „денга" подьячему отошла от дьячей пошлины „четыре алтына с денгою" (по ст. 5 Судебника 1497 г.).

СТАТЬЯ 11

Ср. Судебник 1497 г., ст. 6, где и в случае состоявшегося поля полагалось (сидевшим в приказной избе) „боярину с диаком взяти на убитом противень противу исцева". Теперь боярин с его дьяком лишаются этой пошлины как непричастные к процедуре поля — по образцу того, как „полевых пошлин" лишаются, по ст. 9, окольничий, дьяк и недельщик в случае, когда дело не доходит до процедуры поля, в которой только они и выступают как участники. Зато резко повышается вознаграждение окольничему „за доспех убитого 3 рубля". 2 деньги подьячему — здесь новость, но подьячий получает ее за счет уменьшения вязчего недельщику. Новостью ст. 11 Судебника 1550 г. является допущение такого случая, когда поле не состоится не по обоюдному желанию тяжущихся (как в статьях 9 и 10), а вследствие или неявки или бегства одного из них — признак начавшегося бытового отмирания поля.

Мировое дело здесь означает казус, трактованный в ст. 10. — Владимирский-Буданов считал, что чтение „избойные", „вернее", чем „избные", и предполагал, что „это, может быть, пошлина с победителя в поединке, древнее помочное" (в ст. 20 Пространной Правды Русской). Трудно принять это предположение. Победителем в этом случае считался, конечно, тот, кто остался стоять у поля в готовности биться, активно же вышел из боя сбежавший с поля (не явившийся): почему же „избойные" будет платить готовый биться, а не тот, кто намеренно избавился от боя? Отдаленную аналогию к варианту „избойные" см. в ст. 25 Судебника 1589 „...которые исцы или ответчик отобьютца, и судие писати отбои и прислати к нам к Москве; а отбои писати за поповскою рукою". Однако равно приемлемо и чтение „избные". Как отмечает И. И. Смирнов, избные пошлины противопоставлены здесь „полевым пошлинам". Это нормальные судебные пошлины (ср. ст. 16, где противопоставлены „судные" и „по

е" пошлины), взимаемые при обычном разборе дела в избе. Они должны ...иматься и в том случае, когда дело решается полем. При этом взимаются ... в нормальном размере в соответствии со ст. 8 (где их сумма как раз ...ставляет гривну с рубля: 11 денег + 7 денег + 2 деньги = 20 денег). ...едует добавить, что Судебник 1589 г. (ст. 16) дает чтение „избные", не ...таясь, как то нередко бывает, переосмыслить этот термин.

Конкретный пример бегства с поля см. в правой грамоте в. кн. Васи... Ивановича от 11 июля 1521 г. за подписью бояр и дьяка, по которой ...цы, отстоявшие 7 дней у поля, выиграли дело потому, что „боец" ответ...ка „на первой срок у поля стал был да с поля сбежал, не ведает ...да...".[1] Пример неявки одной из сторон к полю см. в царской гра...те новгородским наместникам от 16 марта 1556 г.[2]

СТАТЬЯ 12

Ср. Судебник 1497 г., ст. 7.

Вознаграждение окольничему в три рубля и здесь — новость, внесенная ...екст ст. 7 Судебника 1497 г. (где имелся в виду только доспех, без ...мены натуры деньгами). Как и в ст. 10, две деньги подьячему не увели...вали общей суммы пошлин, а были выкроены из вязчего (четыре алтына, ...ст. 7 Судебника 1497 г.) недельщику (четыре алтына „без дву денег") ...роятно, подьячий ранее мыслился при дьяке (в ст. 10) и при недельщике ...ст. 12) как слуга, связанный с тем и другим только лично.

Поставити перед государем — еще Татищев объяснял: „...перед госу...рем, разумеет перед судом: ибо он должен иск платить". Но об ...ке было определено еще и в ст. 7 Судебника 1497 г.: „...ино на убитом ...ми исцово доправити". Оставалась вне поля зрения, однако, уголовная ...рона дела (поджог, душегубство, разбой, татьба). Она была предусмот...на в ст. 38 Судебника 1497 г., но только в отношении не центрального, ...наместничьего суда. Поскольку в статьях 8—12 Судебника 1550 г. речь ...ла о центральном суде, составитель и ввел в ст. 12, посредством термина ...осударь", аспект центрального судопроизводства по уголовным делам. ...адимирский-Буданов правильно отметил это в своем комментарии к этой ...атье: „...кажется, что за окончанием обвинительного процесса начинался ...едственный (обыск, пытка; сл. ниже ст. 52) с целью узнать, ведомый ли ... лихой человек или нет, отчего зависело — будет ли следствием смертная ...знь или конфискация имущества". При этом составитель в ст. 12 открыто ... предрешал вопроса, кто будет „убит" на поле — истец или ответчик. ...ожно думать, однако, что за его формулировкой скрывалась мысль, что ...авить „убитого" перед государем придется только ответчика и только отно-

---

[1] АЮ, стр. 34—36.
[2] ДАИ, I, № 51/XXV.

сительно ответчика пойдет обыск по ст. 52. Как было бы в случае, если бы „убитым" оказался истец, приходится судить по аналогии со ст. 62, где составитель поставил этот вопрос в аспекте провинциального, наместничьего суда и разрешил его точно и окончательно: „...и наместнику на нем имати с его иску четвертная пошлина, по полуполтине с рубля, то ему и с тиуном да полевых пошлин полтора рубля, а доспеху не имати". Нелепо предполагать, чтобы в центральном судопроизводстве предусматривалось что-либо иное.

СТАТЬЯ 13

Ср. Судебник 1497 г., ст. 68.

Статья 13 воспроизводит текст ст. 68 Судебника 1497 г. с двумя отличиями: 1) с дополнением: „... а бой полщиком давати околничим и дияком ровен", разъясняемым ст. 14, и 2) с заменой слов об опричных людях: „... и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами, да велети их дати на поруку да поставити перед великым князем" — словами: „и им тех отсылати в тюрьму". Судебник 1497 г. в свое время исходил из предположения, что опричные люди, если они не послушаются и не пойдут прочь, это — не просто толпа любопытных зевак, а организованный сторонами резерв, и в таком случае возлагал все последствия по иску на опричных как злоумышленников-соучастников. Составитель Судебника 1550 г. трактовал ослушание опричных просто как нарушение полицейского порядка и обеспечивал правильное развертывание процедуры поля (отсюда и отмеченное выше дополнение).

СТАТЬЯ 14

Новая. Владимирский-Буданов правильно указал: „Требуется только равенство физических сил, никакие другие различия не принимаются во внимание. Когда при вел. кн. Василии Ивановиче дети боярские не хотели биться с крестьянами, требуя, чтобы противники выставили детей же боярских, то суд принял это за отказ от поля и обвинил детей боярских". Ср. ст. 13, требующую, чтобы „бой полщиком" был „ровен"; в ст. 14 решающее слово и предоставляется „небойцу".

СТАТЬЯ 15

Ср. Судебник 1497 г., ст. 51.

В основе ст. 15 лежит статья 51 Судебника 1497 г.: „... а послух не говорит перед судиями в исцевы речи, и истец тем и виноват", т. е. если послух, выставленный истцом, разноречит с ним в показаниях своих на суде, истец проигрывает дело. За этим не стояла мысль, что послух, всякий и всегда, непогрешим: „...а послухом не видев не послушествовати, а видевши сказати правду; а послушествует послух

;ниво, не видев, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель щева вся и убытки" (ст. 67 Судебника 1497 г.), т. е. лживый послух эзмещает истцу как сумму иска, так и все убытки, связанные с судебным юцессом. Судебник 1550 г. придал ложному свидетельскому показанию юслуха значение уголовного преступления, добавив (в ст. 99) к тексту . 67 Судебника 1497 г. слова: „...а в вине казнити его торговою казнию".

; Составитель Судебника 1550 г. в ст. 15 рассматривает значительно ллее сложную жизненную ситуацию, чем та, которая имелась в виду Судебнике 1497 г.; здесь в судебном процессе принимает участие не ин, а группа послухов, которая раскалывается в своих показаниях надвое, ричем одни говорят, „в-ысцевы речи", а другие не говорят или не догоррривают „в-ысцевы" же „речи". Отсюда вопрос относительно истца: при ких условиях истец дело проигрывает и при каких выигрывает? Статья 15 и этом случае ставит судьбу истца всецело в зависимость от образца дейвия послухов и от исхода боя на „поле" между расколовшимися послухами.

По мнению Владимирского-Буданова, составитель ст. 15 „впадает в странее затруднение, дозволяя поединок между послухами одной и той же стоны. В таком случае это не был уже бой между сторонами. Исход дела ия ответчика зависит вовсе не от него, а от случайностей, в которые ставила себя противная сторона" (т. е. истец). Это недоумение Владирского-Буданова не может быть принято. Во-первых, допустим, что составиль имел бы в виду бой между послухами обеих сторон — зависел ли бы этом случае „исход дела" от ответчика? Во-вторых, в заемном деле истца, за отсутствием документа („без кабалы"), нет иного способа казательства вручения денег ответчику, как ссылка на послухов; у ответчика в таком деле вовсе нет способа доказать, что он не занимал русское право издревле возлагало тяжесть доказательств в заемных лах на истца, например: Правда Русская, статьи 47 и 52). С другой стоны, раз расхождение в показаниях послухов произошло, нет ничего ранного в дозволении поединка между разногласящими послухами, когда на из их групп попадает в положение соответчиков (и участвует в плаже пошлин и занятой суммы) или в положение сопроигравших иск (и учавует в платеже только пошлин), тем более, что нельзя считать устраненм и вопрос о присуждении торговой казни либо той либо другой из авших в разногласие групп послухов (возможно, что именно поединок имал этот вопрос; ср. ниже приговор 1556 г.).

Этот казус с послухами и трактуется в ст. 15 как решающий момент споре между истцом и ответчиком. Именно, если послушествовавшие ысцевы речи" „а не попросят поля" с непослушествовавшими „в ысцевы чи", — „виноватым" выходит истец (затеявший процедуру свидетельских казаний). Что под ударом здесь именно инициатива истца, подтверждается м, что, если послухи только „не договорят в ысцовы речи" (т. е. не будут

говорить точно „слово противу слова"?) и сделают это решительно все до единого, так что вопрос о поле не встанет, — то „виноватым" все же выходит истец. При этих условиях внезапные противники истца, „непослушествовавшие в его речи", трактуются в ст. 15 не как обязанные, а всего лишь как имеющие право просить поля („а попросят те послухи"). Но зато, получив поле и потерпев поражение, они выходят „виноватыми" вместе с ответчиком.

Так, статья 51 Судебника 1497 г., находившаяся там в ряде статей „о послушестве", перекочевала в ряд статей о „поле" при переработке ее составителем Судебника 1550 г. в статью 15. Концовка последней имеет в виду уже не описанный казус с послухами, а случай, когда документ („кабала") налицо, но только оспорен заинтересованной стороной: тогда подразумевается, в роли послухов из описанного казуса, выступают вызываемые в суд подписавшие в свое время документ („кабалу") „послухи" и „дьяк", которые могут либо подтвердить подлинность документа через признание подлинности своих подписей, либо могут удостоверить „лживость" документа, не признав своих подписей, или, наконец, могут впасть в разноречие и одни признать, а другие отвергнуть подлинность своих подписей (не обязательно один дьяк против всех послухов). И тогда вступает в силу тот же механизм поля („по тому ж").

Отмеченное недоумение Владимирского-Буданова до известной степени разделил ближайший современник Судебника 1550 г. — составитель Судебника 1589 г. (см. статьи 20—22). И избавился он от „странного затруднения" с поединком „междеу послухами *одной* и той же стороны", перестроив ст. 15 так, что налицо здесь оказывалось участие послухов *обеих* тяжущихся сторон: „... *ищея* пошлетце на послуси... а *ответчик* шлетца на свои послуси... и послуси став между собою порознятца... и которые молвят по исце, а просят поля и целования со ответчиковыми послусями, кои не молвили по исце" (ст. 20); и далее (ст. 21): „... убьют на поле *ищеины* послуси *ответчиковых* послухов... ино исцев иск доправити на ответчике и на его послусех, что по исце не говорили". Дело тут не только в том, повидимому, что раскол между послухами *одной* стороны представлялся составителю Судебника 1589 г. плодом отвлеченного мышления составителя ст. 15, но и в том, что в ст. 15 были слова, открывавшие возможность приспособления ст. 15 к случаю, когда бой на поле подразумевался „между сторонами" (т. е. между послухами *обеих сторон*). Слова эти, здесь подчеркиваемые, — „а ищеа пошлется на послуси в заемном деле бес кабалы, *или в какове деле ни буди*", — были разъяснены составителем Судебника 1589 г. в виде перечисления „... или в бою, или в грабеже, или в татбе, или в какове деле ни буди", т. е. перечисления обычного ряда *уголовных* дел, как и всяких иных, где послухи мыслились выступающими с обеих сторон.

Но так ли именно понимал свой текст составитель ст. 15, как расшифровал его составитель Судебника 1589 г.? Против этого говорит совершенно исчерпывающе последняя фраза ст. 15, где речь идет только о **гражданском иске** и притом по сделке, оформленной посредством документа, „кабалы“, однако, кабалы не обязательно только „заемной“, но и любого рода вида и названия („в какове деле ни буди“, как значится в первой фразе ст. 15).[1] Но значит ли это, что составитель ст. 15 не понимал, что уже в **заемном** деле послухи на суде могли явиться не только со стороны истца, а и со стороны ответчика в случаях, когда при признании ответчиком самого **факта займа** оставалось, однако, установить его **сумму**? Тем более такое же положение было повседневным в судебной практике Московского государства в делах **поземельных** („закладная кабала“, „выкупная кабала“ и т. п.), где послухами выступали преимущественно „старожильцы“ либо той и другой стороны в отдельности, либо обеих сторон совместно (когда на вопрос судьи, „шлется ли“ противная сторона на свидетелей другой стороны, противная сторона отвечала утвердительно). В подобных делах поле являлось непременной принадлежностью судопроизводства, но в XVI в. оно уже не играло решающей роли, сочетаясь с рядом других процедурных моментов. Составителя ст. 15, очевидно, интересовал не этот обыденный случай практики поля между послухами **той и другой стороны**, а именно выпадающий из нормы, хотя и не редкий (отчего и попавший в Судебник) случай лживости показаний части свидетелей **одной стороны**, вызывавшей их в суд с расчетом на помощь, а затем становившейся жертвой опрокинутого расчета. Ср., например, приговор царя Ивана IV „со всеми бояры“ от 21 августа 1556 г.: „... шлются с суда в обыск, и посылают в обыск, и в обыскех многие люди **лжут** семьями и заговоры великими [т. е. целыми бандами], **иные говорят по ищее**, а **иные по ответчике**, и по тем лживым обыском посылают вдругие [вторично] обыскивати, ино **теж люди говорят иные речи**; ... и за теми за лживыми обыски и за послушеством дела не вершатся, а иным присужали поле и крестное целование: и в тех бы делех поль не присужати, а обысков не отставливати, шлются в послушество“.[2] Нарисованная здесь картина организованного и разветвленного лжесвидетельства в судах отделена от Судебника шестью годами, и именно поле отвергнуто теперь приговором царя в делах о разногласящих показаниях. Ср., далее, доклад, представленный царю Ивану IV в марте 1582 г. казначеем Игнатием Татищевым: „... а те, которые наймутся у ищеи или ответчика стоят в суде за него, и став, а стакався с противником, продают своего наимщика [кли-

[1] О многообразии в названиях **кабал** см. в „Терминологическом словаре частных актов Московского государства“, под ред. А. И. Андреева, Пгр., 1922.

[2] М. Ф. **Владимирский-Буданов**. Хрестоматия по истории русского права, вып. III, изд. 2-е, Киев, 1885, стр. 4—5.

ента-доверителя], говорят в суде что не к делу, или что надобно не договорят и тем своего наймита [т. е. наимщика!] обвинит, и они [т. е. пострадавшие] бьют челом, чтобы дать суд с головы [вчинить дело с самого начала] иному в его место... и тем злым людем, детям боярским и холопям и иных чинов людем казни нет [наказания не установлено]: и государь что в том укажет?".[1]

Не имел ли в виду законодатель (в ст. 15) случаев коррупции в сфере послушества, отчего и все формулировки текста ее повернуты лицом к так сказать противоестественному явлению разноречий между послухами, призванными одной стороной (а попавшими под влияние другой)? За неимением прямого конкретного документально установленного случая, иллюстрирующего ст. 15 в этом плане, можно привести показание, записанное в правой грамоте 15 мая 1531 г. по делу о спорной земле между Василием Облязом Лодыгиным и Кержацким монастырем. Обляз предъявил на спорную землю именно „кабалу" (выкупную), по которой заложил еще в 1431 г. свою вотчину третьему лицу за 120 рублей, с правом выкупить ее хотя бы через год, а спор у него с монастырем шел всего о двух деревнях, поставленных монастырем якобы на его вотчинной земле. Его ли это земля под деревнями или монастырская, суд выяснил показаниями „старожильцов", причем первыми показывать межу двинулись старожильцы Обляза: „...и повели облязовы старожильцы от верховья от речки... вверх гривою лесом безмежно, а ркучи — направе, господине, земля... Лодыгина, а на леве земля монастырская... да стали. И Обляз приехав да ударил своего же старожильца Ондронка... по ушем плетью, а ркучи: чего смерд стал, подите смерди прямо, не опинайтесь, на што вам гранные места. И монастырский слуга Максим тако рек: господине судьи! видете сами, Обляз сам своих старожильцов учит. И повели Облязовы старожильцы... а до гранных мест судей не довели... И монастырские старожильцы... тако рекли: те, господине, Облязовы старожильцы вели вас негораздо... лезем с ними на поле битися... И судьи спросили Облязовых старожильцов..., а вы лезете ли с монастырскими старожильцы на поле битись...? И Облязовы старожильцы... тако рекли: лезем, господине... И судьи спросили: Обляз! есть ли у тебя на те деревни... иные какие крепи [т. е. крепости] опричь духовной грамоты [отца] и выкупные кабалы опричь старожильцов?". И Обляз ответил отрицательно.[2] Такое попавшийся в свое время на глаза и зафиксированный в судебном документе случай обработки одною из сторон своих послухов. Статья же 15 Судебника 1550 г. почти два десятка лет спустя сформулировала в обобщенной форме „странный" случай с разноречием между послухами одной

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, изд. 2-е, стр. 30.
[2] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 181—195.

стороны, за которым скрывалась обработка этих послухов другой стороной, еще не названная здесь своим именем.

Владимирский-Буданов видел в ст. 15 „крайнее искажение послушества и поля“, искажение, „предвещающее падение и того и другого: поле, действительно, вскоре исчезло без всяких законодательных отмен его“. Последнее не точно: выше мы видели частичную отмену поля законом 1556 г. Можно указать случай исчезновения поля в документе, повторяющем как раз ст. 15 Судебника. Она почти дословно вошла в судную грамоту кн. Владимира Андреевича 1561 г. Замосковной Вохонской волости бобровничьей полусохи крестьянам, и в этой грамоте поле заменяется „целованьем жеребья“: „...и которые молвят в исцовы речи, а попросят с ними послуси поля, которые молвят в исцовы речи, ино им присуживати целованья с жеребья: и по жеребью поцелуют послуси, которые послушествовали в исцовы речи, и тех послухов, которые в исцовы речи не послушествовали, обвинити... а не попросят поля те послуси, которые послушествовали в исцовы речи, ино тем ищея виноват“.[1] Ср. в уставной грамоте посадским людям г. Шуи 1606 г.: „...а попросят с ними же послухи веры, и им присуживати целованья с жеребья... а не попросят те послухы веры..., ино тем исца обвинити“.[2] В сфере церковного суда поле было отменено еще постановлением Стоглавого собора: „..в духовных и во всяких делех, кто чего на них взыщет, или они сами взыщут своих обид и прочих дел, и о котором деле мочно будет по суду обыском обыскати, ино о том деле послать, да велети обыском обыскать многими послухи и достоверными свидетели с очей на очи, по евангельскому словеси: «пред двема или трема свидетели да станет всяк глагол» — да потому и управу чинити без целования и без поля... а в которых делех по суду свидетелей несть и обыском обыскивати не мощно, а имались будут за одно крестное целование за поле, и о том крестное целование и поле отставити, да возложити на судбы божии и кинути жеребей и чей наперед выймется, того и оправити...“.[3] Ср. приговор 21 августа 1556 г.: „...а досудятся до поля, и станет бити челом ответчик, что ему стояти у поля немочно, чтобы присудили крестное целование: ино поле отставити, а дати на волю истцу, хочет сам целует или ему даст. А учнет бити челом ищея, ино тому ж дати ответчику на волю“.[4]

СТАТЬЯ 16

Ср. Судебник 1497 г., ст. 48.

---

[1] ААЭ, т. I, № 257.

[2] С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895, стр. 101—102.

[3] Стоглав, гл. 62, стр. 92—93.

[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, изд. 2-е, стр. 9.

СТАТЬЯ 17

Ср. Судебник 1497 г., ст. 49, которой соответствует первая фраза ст. 17; далее дополнение.

СТАТЬЯ 18

Ср. Судебник 1497 г., ст. 50. В ст. 18 введен недельщик, поскольку составитель Судебника 1550 г. имел в виду не только наместничий, но и центральный суд. Праветчик — агент наместничьего управления.

СТАТЬЯ 19

Ср. Судебник 1497 г., ст. 52.

СТАТЬЯ 20

Новая. Имеется в виду случай, когда на судебном разбирательстве по иску истца налицо оказывается 3—4 ответчика вместо 10—15, значащихся в жалобнице истца, и присутствующие соглашаются отвечать только за некоторых отсутствующих. Тогда решение суда распространяется и на этих последних в части („жеребьях"), их касающейся, а за остальными отсутствующими посылается пристав; если же приставная (срочная) грамота была послана отсутствующим ответчикам до суда, то истцу выдаются на них как злостно уклонившихся от суда бессудные (с обвинительным приговором) грамоты. Начальный момент такого разбирательства отражен в правой грамоте 25 августа 1532 г.[1]

Ср. также правую грамоту 1571 г. Николаевскому Корельскому монастырю, искавшему отнятых у него крестьянами Першею и Онисимком земель (на вопрос судьи ответчикам „ответчик Перша тако рек: яз, государь, отвечаю за собь в своей доли... а ответчик Онисимко так рек: яз, государь, отвечаю в своей доли"; судьи Першу „обвинили" и дали на него правую грамоту, „на заде же судного списка подписано: Ищ[ея] Истомка [представитель монастыря] с Онисимком в полудворе помирилися"[2]

СТАТЬЯ 21

Новая. Ездок — агент недельщика по доставке ответчикам и свидетелям приставных (и срочных, с указанием срока явки в суд) грамот. Подробнее о ездоке см. ниже, комментарий к ст. 47.

СТАТЬЯ 22

Новая. Направлена явно против наместников и волостелей, устанавливая их полную ответственность за действия их „людей" — тиунов, праветчиков, доводчиков.

СТАТЬЯ 23

Новая. Выть здесь — отдельное судебное дело (ср. Судебник 1497 г., ст. [illegible]

[1] АЮ, № 19.
[2] Там же, № 23.

СТАТЬЯ 24

Новая. И. И. Смирнов, отмечая, что „разработка вопроса о судебной ответственности наместников и волостелей является одним из тех нововведений, которые отличают Судебник 1550 г. от Судебника 1497 г.,“ рассматривает ст. 24 как „непосредственное дополнение“ ст. 75. „Насилия наместников в отношении иногородцев, т. е. населения, не подчиненного власти наместника, приравниваются Судебником к искам по приказным делам, и дела по этим искам разбираются немедленно, «до съезду с жалования». Одновременно Судебник ограничивает права иногородцев на иск к наместникам «годичным сроком»“.[1] На последнее обстоятельство не обратил внимания Ф. М. Дмитриев: „Исключение [против ст. 75] сделано только для иногородцев, которым по закону дается суд на наместников до съезда их с жалования, и именно в это время“,[2] т. е. во время пребывания наместника в должности. Владимирский-Буданов, возражая Дмитриеву, впал в другую крайность: „иногородцы — лица, не подчиненные наместнику, действительно получают право вызова наместников во всякое время“.[3] Дмитриев не прав уже по одному тому, что статья 24 упоминает об обидных делах, учиненных наместниками не только на пути к должности или во время ее отправления, но и уже „едучи з жалованья“. Владимирский-Буданов, в свою очередь, упускает в своей формулировке указание ст. 24, что иногородцы имеют право бить челом об обидах только „до году“ (хотя и упоминает о „специальном роде давности исков“ в прим. 46). Между тем формулировка ст. 24 отличается совершенной точностью. Статья 24 предписывает „тем людем иногородцом приставов... и до съезду з жалованья давати“, т. е. давать их (приставов) не только после съезда с жалованья (что не исключено, а только ограничено годичным сроком), но и до съезда. Эта формулировка исходила из мысли, что лица, подчиненные наместнику, могут „вчинать“ дело только после съезда наместника с жалованья (по ст. 75). Вероятнее, что годичный срок отсчитывался не от даты нанесения обиды, а от даты съезда наместника с жалования.

СТАТЬЯ 25

Новая. Владимирский-Буданов объяснял: „И памятники законодательства, и акты судов допетровского времени указывают постоянно, что бой и грабеж всегда при обвинениях шли вместе. Это доказывает, что обиженные, желая получить большее удовлетворение, считали выгоднейшим к обвинению о побоях всегда присоединять грабеж, так как понятия о телесной непри-

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 283 (разрядка моя, — *Б. Р.*).

[2] Ф. М. Дмитриев. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859, стр. 198 (разрядка моя, — *Б. Р.*).

[3] Разрядка моя, — *Б. Р.*

косновенности и о чести были неясны. Судебник старается разграничит два преступления совершенно разнородные и дать суд отдельно по каждом из двух обвинений. Грабеж как явное отнятие собственности, бывш результатом насилия (боя), а не намеренно подготовленное им (что пер ходило уже в понятие разбоя), не включался в число уголовных дел вы шего порядка (стоял ниже татьбы с поличным) и включался в разря «пенных дел».

Суд и правда — судебное разбирательство (поле, крестное целовани при участии свидетелей (правды).

СТАТЬЯ 26

Новая. Относящееся к детям боярским свидетельствует о регистраци их по двум группам: одна группа записывалась в книги, с обозначением ра мера кормления (в том числе, возможно, и от „недель"; ср. ст. 47, — кни дьяков „у кормления"), другая получала денежное жалованье, вероятн тоже с записью в книги.[1]

Полатные дьяки — „всего вернее думные".[2] Садиков полагает „очеви ным", что здесь говорится „о дьяках государевых дворцовых (Большого местных) и дьяках других приказов": „чрезвычайно странен (был бы, — *Б. Н* пропуск в статье о бесчестьи всех других приказных дьяков и упоминан почему-то об одних только думных и дворцовых".[3] Выделение тиунов, пр ветчиков и доводчиков боярских в особую группу (из группы „боярск людей добрых") исчерпывающим образом решает вопрос о формальной принадлежности к холопству. Приравнение свободных средних торговых посадских людей к высшему разряду холопов (как и черных „молодчи городских людей к „молодчим" боярским холопам) „возвышает", как отм чает Владимирский-Буданов, „положение рабов, но понижает значен свободных". Однако исторически существенно здесь, что формальн принадлежность этих категорий к холопству только затушевывает то обсто тельство, что на деле эти „холопы" ближе стоят к господствующему класс чем к холопской массе. Что касается вопроса о пашенных и непашенн крестьянах, то составитель Судебника 1589 г. понял это деление, пови мому, как противопоставление среднего пашенного крестьянина „добром (зажиточному) непашенному, „которой торгует, или денги и рожь взай дает, или в волосте его назовут добрым человеком" (с безчестием перво рубль, второму — 3 рубля), т. е. видел здесь черных крестьян.

---

[1] Ср., например, так называемую „Боярскую книгу" 1556 г., где даны цифры и ко ления и жалования (Архив историко-юридических сведений о России, издаваем Н. В. Калачевым. СПб., 1861, вып. 3, отд. 2, стр. 27–80.

[2] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Изд. 5-е, Пгр., 1919, стр. 2

[3] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 219, прим. 2.

В отношении увечья Владимирский-Буданов отмечает отход от „точки зения“ Правды Русской (в ст. 27; „а тому за век 10 гривен“): „... к преступлению против здоровья присоединяется новый элемент — преступление против чести“. Однако новость здесь заключается не в этом, а в том, что оценка увечья теперь ставится в зависимость от шкалы оценок чести; равнивать надлежит ст. 26 Судебника 1550 г. со ст. 78 Пространной Правды, назначавшей частное вознаграждение „за муку“ 1 гривну одинаково смерду и огнищанину (при различении штрафа: 3 гривны за смерда и ! гривен за огнищанина).

П. П. Смирнов обращает внимание на „очень высокие штрафы“ за есчестие посадских людей (гость в 50, а средний посадский человек 5 раз „честнее“ „лучшего крестьянина“), чем „закон подчеркивал происедшее фактическое отделение города от уезда... подымал горожан особый «честный» чин и ставил его наряду и даже выше дворян и детей оярских городовых, получавших бесчестье по своим небольшим окладам, е. 3, 4, 5 рублей“. П. П. Смирнов сопоставляет ст. 26 со статьями 43 91 и делает вывод, что „избранная рада вернулась к политике выделения орожан в особый чин и освобождения их от удельного многовластья“.[1] плане истории „русского рынка в XVI в.“ данные о бесчестии горожан спользует и С. В. Бахрушин, отмечая „усиление социальной дифференциации внутри города“.[2]

СТАТЬЯ 27

Ср. Судебник 1497 г., ст. 58.

Владимирский-Буданов отметил, что здесь жребий явился на смену полю“, которое „давно уже не допускалось между русскими и иноземцами“: Русину не звати латина на поле битися у Русской земли, а латину не звати усина на поле битися у Ризе и на Готском березе“ (ст. 10 договора моленска с немцами 1229 г.).[3] По точному смыслу этой формулировки, апрещалось „звать на поле“ чюжеземца; сам же чюжеземец мог, если бы ахотел, потребовать к полю русина. Статья 27 устанавливает жребий между здешним“ и „чюжеземцем“ на основе полного равенства и не делает никакого различия между истцом и ответчиком: первым целует крест, чей вынут ребий, и, если он истец, „поцеловав, свое возьмет“, а если ответчик, то ервый же и „отцелуется“ (от обвинения).[4]

---

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., I. М.—Л., 1947, стр. 109—110.

[2] С. В. Бахрушин. Иван Грозный. М., 1945, стр. 79—80.

[3] Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изданы Археографической миссией. СПб., 1868, стр. 426. — М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, ып. I, изд. 5-е.

[4] Английский купец Генри Лэн, бывший в Москве в 1560 г., так описывал процедуру ребья. „Я был должен русскому купцу 600 рублей, а он требовал с меня вдвое.

СТАТЬЯ 28

Новая. Ср. ст. 7, в которой выступает „возросшее значение приказов".[1] В ст. 28 очерчен строгий порядок составления и хранения документов судебного делопроизводства в помещении приказа: „. . . держать те дела дьяку у собя, за своею печатью" не может означать „у себя на дому"; равно и обнаружение („вымут") у подьячего „дела" без печати и без дьячей подписи, — сопровождающееся для дьяка возложением на него всей материальной ответственности, а для подьячего наказанием кнутом, — происходит в помещении приказа. Если же дело будет вынесено подьячим из помещения приказа и обнаружено у него „за городом" на пути к дому (подворью) или уже в самом месте жительства подьячего (на подворье), дьяк отвечает точно так же, как и в первом случае, в размере всего иска, а подьячий кроме торговой казни (кнута), платится всей служебной карьерой.

Владимирский-Буданов ошибочно в „подворье" видел „постоянное место для заседания приказов именно в городе-кремле". Было бы тогда непонятно, почему за „вынутие" у подьячего дела, не скрепленного дьячей рукой (т. е. неисправного), — подьячему был кнут; а за „вынутие" у подьячего там же в приказе (подворье) дела исправного — подьячему — торговая казнь без права возвращения на службу. Такая точная регламентация — след того, что приказы как учреждения существуют далеко не со вчерашнего дня.

СТАТЬЯ 29

Новая. Статья 29 уточняет внутренний распорядок судебного производства в Приказе в части, касающейся поведения тяжущихся с целью устранения возможного давления их на подьячего при составлении „записи" о состоявшемся судоговорении и возможного последующего опорочения „дела".

СТАТЬЯ 30

Новая. Владимирский-Буданов справедливо отметил, что здесь „суд сместной" „вовсе уже не имеет характера суда общего". Этот последний (совместный суд двух никак не связанных между собою судей) часто упоминается

Надлежало прибегнуть к жеребью. В Судной палате Кремлевского дворца толпилось множество людей: судьи или казначеи государевы сидели впереди, призвали меня и противника моего, дозволили мне сесть, и начали мирить нас, желая, чтобы я прибавил, а истец уступил часть своего требования; я прибавлял 100 рублей, а он хотел более. Тогда судьи взяли два восковые шарика, один с моим, другой с его именем, кликнули незнакомого человека из толпы зрителей (сказав: ты в зеленом или в синем кафтане, поди сюда), бросили ему шарики в шапку, и велели другому зрителю вынуть голою правою рукою один из них; вынулся мой. Я заплатил 600 р., из коих вычли в казну десятую часть за вину истца. . ." (Карамзин. ИГР, т. IX, прим. 788; The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation. By Richard Hakluyt. London, 1927, стр. 407).

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 278.

жалованных иммунитетных грамотах — обычно кратко. Более развернутое описание имеем в жалованной грамоте в. кн. Василия Дмитриевича митрополиту Фотию 1425 г.[1]: „... а будет суд смесной, и волостели мои Медушкие и их тиуны судят, а митрополичь волостель с ними судит; а прав ли будет, виноват ли митрополичь человек, ино ведает его митрополичь судья в правде и в вине, а волостели мои и их тиуни не емлют у митрополича человека, ни у правого, ни у виноватого, ничего; а митрополичь судья не вступается по тому ж ни в правого, ни в виноватого [подразумевается, княжеского человека]; а о чем ся сопрут судьи и они мене, великого князя, докладывают, а поставя передо мною обою истцев. А истцево отправливати того приставу, чей будет виноват; а грамоту правую дают оба судьи. А татя и разбойника оба судьи с одного казнят [совместно]; а которой судья не иметь казнити, тому быти от меня самому кажнену". Это старинное понятие „сместного суда" раскрывается в ст. 30 с отрицательной стороны: „... ищеа или ответчик судимы [подсудны] будут не одному судье"; а далее определяется, как дóлжно вести это „сместное" дело не совместно — в том суде, которому подсуден не истец, а ответчик. Но если ответчик предъявит встречный иск, то и истец, явившийся к чужому судье в сопровождении агента [сторожа] своего судьи, отвечает перед чужим судьей, хотя общий принцип и резюмирован ясно: „... судити сместной суд тому судье, у кого в присуде [подсуден] ответчик". Этот же принцип сохранил силу и применительно к сместному суду удельных князей (см. ст. 100). Обращение истца к чужому судье за „приставом" для вызова в суд ответчика имеет тоже свою традицию, как и дележ пошлин „по половинам". См., например, жалованную грамоту Тверскому Отрочу монастырю второй половины XIV в.[2]: „... а смешаются судом монастырские люди с волостными людьми, судит монастырский тивун с поселским вместе с нашими судьями; а прибыток им наполы, а дворян [приставов] дает тот, на чьем ищут, и суд туто же, а на правду [т. е. за свидетелями] ездят обои".[3]

Переходную форму от сместного суда жалованных грамот к ст. 30 Судебника 1550 г. можно видеть в так называемой Губной московской записи конца XV в.,[4] ст. 5: „... и что городов великого князя и волостей и сел и великие кнегини и удельных князей городов и волостей и сел, кого поимают за поличным на Москве, судит его наместник московский...

---

[1] ААЭ, т. I, № 23.

[2] Там же, № 5.

[3] В иных случаях бывали в старину и особые помещения для сместных судов (см., например: Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1900, вып. II, стр. 113; „Судебня на рубежи на беловерском и на вологодском, где съезжались судьи вопчие судити").

[4] ААЭ, т. I, № 115.

и казнит, а отсылкы, ни судьи за ним нет“; ст. 8: „А во Езерецкое село тамо судья с Москвы не ездит, да ездит пристав, да возмет собе товарища и, дав на поруце, да судит его на Москве болшой наместник, а судья [езерецкий] за ним [ответчиком] придет, своего прибытка смотрит“. В ст. 30 Судебника 1550 г. „смотрит прибытка“, очевидно, „сторож“ истцова судьи.

СТАТЬЯ 31

Ср. Судебник 1497 г., ст. 53.

Владимирский-Буданов искал объяснения дополнению Судебника 1550 г. в литовско-русском праве и видел здесь „судебное пари, соединенное с закладом“. Его ввела в заблуждение глагольная форма „зададут“, при которой подлежащее „жалобницы“ он переводил „челобитчики“. При пассивной форме „заданы“ (как принято в настоящем издании) слово „жалобницы“ следует перевести „челобитные“, как и понял эти строки ст. 31 составитель Судебника 1589 г.: „...а которые истцы зададут судьям челобитные, а сами до суда помирятце...“.

Что же нового дает дополнительная фраза Судебника 1550 г. сравнительно со ст. 53 Судебника 1497 г.? Последняя сформулировала гражданско-правовой казус применительно к той его стадии, когда дело дошло уже до посылки пристава за ответчиком, с тем, чтобы внести оговорку об обязательной уплате приставу езда и хоженого, хотя мировая и снимала вопрос о пошлинах и „продаже“ „судие“. Дополнение Судебника 1550 г. имеет в виду ту стадию дела, когда до пристава оно не дошло, но жалобы уже поданы судье. В первом случае дело было возбуждено одной стороной („кто кого“); во втором — обеими сторонами встречно („оба истца“).

СТАТЬЯ 32

Ср. Судебник 1497 г., ст. 33 и Судебник 1550 г., ст. 3. Ст. 32 имеет в виду вымогательство посула именем одного из перечисленных московских судей, а не действительное взимание недельщиком посула в пользу и по поручению судьи. „Из недель выкинути“ — исключить из списка недельщиков.

СТАТЬЯ 33

Ср. Судебник 1497 г., ст. 15.

СТАТЬЯ 34

Ср. Судебник 1497 г., ст. 16.

СТАТЬЯ 35

Ср. Судебник 1497 г., ст. 17.

СТАТЬЯ 36

(Новая). Отпись — здесь расписка в получении всего долга или его части. ;удная грамота кн. Владимира Андреевича 20 марта 1561 г. противополагает лучай с уплатой долга по кабале случаю уплаты безкабально, т. е. без олгового обязательства: „А уплату выборным судиям на кабалах и на аписех велети подписывати, докуды которой ответчик от исцова иску[1]; ескабально что долгу принесет в уплату, и выборным судьям тех людей · той уплате давать отписи земских дьяков руки, а как который ответ-ик по кабалам и по записем и безкабально исцев иск выплатит сполна, и ыборные судьи тот хлеб и деньги отдали [бы] исцом без росту, а правые рамоты тогда у исцов имати назад, а платеж на правых грамотах велети одписывати".[2] В ст. 36 слова: „... от всякиа отписи, в колке отпись и буди" имеют в виду тот случай, когда по одной кабале будет несколько тписей в нескольких платежах в рассрочку. Если бы не последнее обстоя-ельство, надобность в отписи отпадала бы — за возвращением самой кабалы юлжнику.

СТАТЬЯ 37

Ср. Судебник 1497 г., ст. 21 и Судебник 1550 г., ст. 8.

От слов „а диаку..." до конца — здесь дополнение к ст. 21 Судеб-ика 1497 г.

СТАТЬЯ 38

Ср. Судебник 1497 г., ст. 22.

СТАТЬЯ 39

Ср. Судебник 1497 г., ст. 24.

СТАТЬЯ 40

Ср. Судебник 1497 г., ст. 23.

СТАТЬЯ 41

Ср. Судебник 1497 г., ст. 26.

Опричь служилых людей. Это — льгота, установленная здесь внове;. авно как и дальнейшее: „срок отписывати беспошлинно для службы".

По поводу ответственности дьяка (в размере всего иска) за ненадлежащее ранение срочных грамот (у подьячего) и оговорки, что „дьяк с своим одьячим сам ся ведает", Владимирский-Буданов замечает, что здесь „для ьяка открывается право иска на подьячего, если этот последний взял рочную без его ведома", и видит здесь „доказательство, что подьячие — ица вольнонаемные у дьяков".

[1] Недостает речи: искупится; далее пропуск". (Примечание издателя ААЭ, — *Б. Р.*).
[2] ААЭ, т. I, № 257, стр. 283.

СТАТЬЯ 42

Ср. Судебник 1497 г., статьи 27 и 25.

Добавление Судебника 1550 г. со слов „а болше им того...“ средактировано сравнительно со статьями 6, 8—11, 33, 34 сокращенно: „... а обыщется то, что жалобник солгал...“.

СТАТЬЯ 43

Новая. Льготная грамота здесь ясно противополагается грамоте тарханной: текст статьи предполагает, что именно льготные грамоты впредь будут выдаваться по велению царя, с оплатой услуг печатника и дьяка, а выдачу тарханных грамот, напротив, категорически отвергает. Отличал льготные от тарханных и составитель Стоглава в некоторых случаях, иногда не выдерживая четкости в словоупотреблении (и этим отражая колебания в отношении этих терминов и в юридической практике).[1] Судебник, повидимому, под льготными грамотами разумел те, в которых предоставлялось освобождение от платежа податей или оброка только на известный срок и только ради того, чтобы по истечении этого срока платеж был обеспечен. Сравним термин „лгота“ в одной из ранних грамот, ее предоставляющих: „... а сказали нам Орефа да... Федор..., что деи то раменье не отдано никому и не пашет его никто, и оже будет так... и мы им дали то раменье на розпашь дворы им ставити и пожни чистити на лготу на 10 лет и как отсидят лета и им давати оброку... по гривне денег да пошлины...“.[2] Ср. „льготные грамоты“ (так себя и называющие и содержащие срочную льготу) у Д. Я. Самоквасова[3].

Имеется указание соответственно и на существование „льготных книг“ для записи того, „что в которой деревне из пуста в живущее прибудет“, в с. Марьине Тверского уезда, принадлежавшем Симеону Бекбулатовичу.[4]

---

[1] Случаи различения см. в Стоглаве, стр. 21: „... а строения в монастырех никоторого не прибыло, и старое опустело где те прибыли, и кто тем корыстуетца, да тарханные и несудимые и лготные грамоты у них же о торговлях беспошлинно, чернецы по селом живут...“; или стр. 96: „... и те старосты... святительскую дань... збирают по книгам и по грамотам, опроче пустово и лготных и тарханных грамот...“ (случай неразличения см. стр. 102: „.. церкви запустели... и им по всем тем церквам давати лгота и торханные грамоты, на уреченные лета на 15 лет...“).

[2] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 221—222.

[3] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I. М., 1905, стр. 194 и сл.

[4] „А на пустые выти прикащику, старостам и целовальником и всем крестьяном селчаном и деревенщиком, называти жилцов на лготу... а давати лготы года на 2, и на 3, и на 4... а кто будет на пустое место и без хором и на переложную землю порядитца, и тем людем давати лготы лет на 5 и на 6... а на которые пустые выти порядитца крестьянин, и прикащику... писати в книги подлинно порознь, как которому крестьянину имя, и чей кто сын, и с которого лета и числа кто порядитца и на колко

Ср. также „льготные деревни“ в царской грамоте новгородским дьякам от 13 сентября 1556 г.[1]

В противоположность льготным грамотам под тарханными грамотами статья 43 разумеет грамоты, заключающие в себе те или иные освобождения от платежа бессрочно.

Уставная грамота определяет устройство и порядок деятельности органов местного управления (наместников, губных старост или выборных, „излюбленных“, старост). Таковы уставные грамоты наместничьего управления, губные грамоты или „наказы“ и уставные грамоты земские.[2] Уставные грамоты собраны А. И. Яковлевым.[3]

Полетная грамота — это грамота (по ст. 90 Судебника 1550 г.), которую получал купец, утерявший чужой товар по несчастному стечению обстоятельств („дати ... полетнюю грамоту с великого князя печатью; посмотря по животом, платитися исцом в истину без росту“). Полетная грамота выдавалась должнику верховной властью на предмет предоставления ему рассрочки платежа долга без уплаты процентов.[4]

Красная печать — „печать вислая на красном воску“, в противоположность черной печати удостоверяла, что снабженный ею акт исходит от верховной власти (царя и великого князя всея Руси).

Тарханные грамоты. — Статья 43 сформулирована применительно к соседним с нею статьям (42-й и 44-й) как статья, определяющая взимание пошлин за выдачу, подписание или удостоверение тех или иных государственных актов. Логическим подлежащим ее является дьяк, доход которого от перечисленных в статье трех видов грамот устанавливается в том же размере, что и побор печатника. Категорическое постановление о тарханных грамотах имеет здесь вид как бы приписки к тексту, вполне законченному и изготов-

---

...тей... а как лгота отойдет, и тем крестьяном денежный оброк и посопной хлеб и мелкий доход платити с своею братьею ровно; а лготные книги... ежегод привозити к великому князю Семиону... и отдавати в Дворцовый Приказ“ (Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. II, СПб., 1877, стр. 294).

[1] „...деревни черные пусты... и те деи деревни... писцы наши... дали на лготу, ...в книгах де они написали: как те деревни... изо лготы выйдут, и с тех деревень... ...ше тягло тянуть хрестьяном с черными деревнями; и после ден тех писцов ездили ...ши другие писцы... и те деи льготные деревни... отдали в придачю детем боярским... а от черных деи деревень тех льготных деревень... сошным письмом не росписали...“. (ДАИ, т. I, № 59, стр. 122—123).

[2] Ср.: М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910, стр. 222.

[3] А. И. Яковлев. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909.

[4] См., например: Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. ..., 1898, № 149. (В дальнейшем цитируются: Акты Юшкова). См. также: ААЭ, т. I, № 48/I.

ленному, возможно, даже в иной момент: оно не имеет здесь никакого отношения ни к побору печатника, ни к доходу дьяка.

Статья 43, в заключительной своей части, имеет особый социально-политический смысл. Она „наносит удар по привилегированному землевладению ликвидацией тарханов“, „лишает силы старые тарханные грамоты“ и устанавливает „принцип“ впредь их „не давати никому“.[1] Этот „принцип“ звучит у составителя Судебника 1589 г. еще острее: „...а тарханных грамот впредь не давати, а старые имати у всех назад“ (бесповоротно, безвозвратно).

Еще в начале 70-х годов XIX в. Владимирский-Буданов дал следующее пояснение к термину „тарханные грамоты“: „Это тот вид иммунитетов, по которому права суда и дани переходят к землевладельцу (в противоположность уставным)“[2] и отметил, что „татарское название не указывает на татарское происхождение самого учреждения“.

Слово „тархан“ бытовало в русском языке еще в XVIII столетии, но уже требовало пояснений. Так, Татищев (в комментарии к ст. 43) писал: У татар чин тархан давался от ханов за великие заслуги. Имя значит то же, что барон, вольный господин“.[3] Рычков, описывая свое путешествие по киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. и упомянув о Даудбае, „одном из знатнейших из тарханов“, пояснил, что „тарханство у всех степных народов есть некая степень княжества“ и что „в народе ежели не превосходят, то верно не уступают они силе ханской“.[4] В русском церковном (житийном) тексте XVI в. встречаем термин „тархан“ в применении к русскому князю: „...в то же время князь Юрьей тархан, любляше его святый, понеже по закону божию правяще власть свою“.[5] В значении привилегированного лица или учреждения употреблен термин „тархан“ и в приговоре церковного собора 24 июля 1584 г. об „отмене тарханов“. Но там же он употреблен и в значении состояния на привилегированном (в отношении платежа податей) положении: „...утвердихом ... о тарханех, чтоб впред тарханом не быти, что земли митрополичи и архиепископли и владычни и монастырские в тарханех, и с тех никакие царские дани и земских разметов не платят, а воинство служилые люди те их земли оплачивают: и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. стр. 322.

[2] Разрядка моя, — *Б. Р.*

[3] Здесь и далее цитируется по изданию: Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные В. Н. Татищевым. М., 1768. Страницы не приводятся, так как ссылка делается на номер статьи.

[4] Н. Рычков. Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 г. СПб., 1772.

[5] Великие Минеи-Четии. Декабрь, дни 6—17. М., 1904, стб. 1027.

тарханы; а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе...—а платить тарханом всякие царские подати и земские разметы всяким тарханом от священных и боярским и княженецким со всеми людми ровно по всей земле, как тарханом, так и всяким служилым людем и тамга тарханом и всяким людем в то время до государева указу платить, кто ни почнет торговати".[1]

Непременной принадлежностью тарханной грамоты и являлось освобождение грамотчика от того или иного вида платежей и повинностей, причем зачастую к этому освобождению от платежей присоединялось и освобождение от суда местных властей (в той или иной мере) как самого грамотчика (с предоставлением ему права судиться непосредственно у представителя верховной власти), так и подвластного ему населения (с предоставлением грамотчику права суда над этим населением). В том случае, если речь шла только о суде, жалованная грамота носила обычно название „несудимой". Отсюда и различение С. Б. Веселовским трех видов иммунитетных грамот: „тарханная", „тарханно-несудимая" и „несудимая".[2] Приводим пример такой „тарханно-несудимой" грамоты, которая сама себя называет „тарханной", с одной стороны, и которая попала под действие ст. 43 Судебника, с другой (о чем придется вести речь ниже в другой связи).[3]

У Троицкого монастыря (как обнаружилось в январе 1554 г.) была царская „грамота жалованная тарханная на их двор, что на Двине на усть Курьи, да на деревню на Горки, что в Двинском уезде в Курецкой волости; а в грамоте было у них написано: не надобе им с тово двора ни с деревни моя царева дань и посошная служба, ни ям и подвод, ни мыт, ни тамга, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни дворов моих, ни наместничьих, ни волостелиных, ни ямских не ставят, ни на яму с подводами не стоят ни города не делают, ни мостов не мостят, ни бережного, ни бражного не дают, ни к соцким, ни к десяцким с тяглыми людми не тянут ни в которые протори, ни в розметы, ни иные никоторые пошлины с того двора и з деревни не надобе. А наместницы наши и волостели и их тиуни тех их людей не судили ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным; а праветчики и довотчики поборов своих у них не брали, ни въезжали к ним ни по что, а сместной суд наместницы и волостели и их тиуны судят, а игумен с братьею или их приказщик с ними же судят а в правде и в вине монастырской человек игумену с братьею и их при-

---

[1] СГГД, т. I, стр. 594—595.

[2] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, стр. 32 и сл.

[3] Приводим ее в пересказе из тарханной грамоты 1554 г., опубликованной в Сб. ГКЭ, Пгр., 1922, т. I, стб. 857 и сл. — Приведенная в этом пересказе грамота относится к 1548 г.

казщику а недельщики наши тех их людей им крестьяном писали один срок в году; а судил их яз царь и великий князь или мои казначей“. Далее в этой тарханной грамоте следовало запрещение „всяким ездокам“ ставиться на этом дворе и в той деревне, освобождение от уплаты „явки“ наместникам за обнаруженный во дворе или деревне труп, и разрешение пятнить коней у монастырского пятенщика. Затем (в пересказе 1554 г.) объяснялось, что тот их двор и та деревня были пожалованы игумену Ионе (в 7056 г. — 1548 г.) ради того, что до того монастырским людям приходилось на Двине останавливаться „на наемных дворех“, и что кроме того монастырю было пожаловано право беспошлинного провоза „всякого товара“ (без указания его количества) по рекам „в насаде“ с Вологды до Двины и от Двины до моря и от Двины на Вологду, а оттуда к Троице, „зиме на возах“, „лете на телегах“, „а наместницы по городом и по волостемь волостели и их тиуни (в пути, — *Б. Р.*) слуг их и купчин, монастырских людей и кормщиков и гребцов, где они приедут, не судили ни с кем ни в побережных, ни в каких делех“. Удостоверительная часть этой тарханной грамоты описана была (в пересказе 1554 г.) так: „...а подпись на грамоте дьяка Василия Захарова, а приказ казначеев Ивана Ивановича Третьякова да Федора Ивановича Сукина, приписал дьяк Яков Щелкалов“.[1]

Владимирский-Буданов полагал, что под удар попали тогда не только тарханные грамоты (с судебно-податным иммунитетом), но и „несудимые грамоты, даваемые духовенству“, „уничтоженные Стоглавом (гл. 62)“. Здесь у Владимирского-Буданова сущее недоразумение, только запутывающее вопрос о том, что разумел составитель Судебника под т а р х а н н ы м и грамотами в ст. 43. В самом деле, в Стоглаве речь идет об отмене не тех „несудимых“ грамот, которыми жаловала „духовенство“ светская, великокняжеская власть от своих наместников (как можно понять замечание Владимирского-Буданова), а „царевых жалованных грамот, а в них пишет не судити в л а д ы к а м архимандритов и игуменов, ни попов, ни чернецов, ни дьяконов, ни всякого причта церковного“. Об этих грамотах сказано, что они „даваны кроме [помимо] священных правил“, и дан ответ: „...впредь таковым грамотам не быть, а судити святителем [т. е. тем же владыкам] сами с о б о р н е, по священным правилом, коемуждо в своей области... [всех перечисленных выше лиц] в д у х о в н ы х д е л е х и в прочих, опричь душегубства и розбоя и татьбы с поличным, и л и повелят кому судити, а не о мирских“.[2] Таким образом, с точки зрения светской власти, именно владыки получают здесь обычный судебный иммунитет в отношении церковных подданных в пределах своих епархий. В отношении же монастырей этой епархии устанавливается: „...а чернцов и слуг монастырских промеж себя судя

[1] Сб. ГКЭ, Пгр., 1922, т. I, стб. 857 и сл.
[2] Стоглав, стр. 92.

сами архимандриты и игумены во всяких делех с соборными старцы [коллегиально, как и сами святители в епархии — „соборне“] или кому прикажут; и по суду и управу [исполнение] им чинят...“. Это все — в замкнутом круге церковного мира. Далее устанавливаются принципы, на которых строятся отношения этого круга с миром светским, по тем же двум разделам: монастырь и епархия. „А кому будет на слугах и на христианех монастырских царя и вел. князя детем боярским и посадским людем и всяческим черным людем [т. е. крестьянам] и прочим, чего искати или о земли спор, и в тех во всех делех судят бояри и дворецкие государевы царевы и по их жалованным грамотам“, т. е. предполагается, что монастыри и впредь смогут пользоваться судебным иммунитетом в форме „сместного“ суда при наличии царской жалованной грамоты. „А архимандритов, и игуменов и протопопов и дьяконов и чернцов и всего причета церковного — князем и бояром и дворецким и по градом наместником и всем мирским судиям не судити; а которым архимандритом и игуменом и попом и дияконом и всему причету церковному искати своих обид на мирских людех, и они просят за собою присадки [т. е. судьи] у святителей и у властей, да пред теми мирскими судиями и пред священники десяцкими и пред земскими старосты, которым велено в суде быти, своих обид ищут, и судии им управу чинят по Судебнику и по царской Уставной грамоте и по соборному уложению“ [1] — в порядке тоже сместного суда (ср. „присадка“). Таким образом, Стоглав не только не „уничтожает“ несудимых грамот, „даваемых духовенству“, а исходит из твердого убеждения, что несудимость не отменена и Судебником 1550 г. (в известной мере эта несудимость была подтверждена в ст. 91 Судебника 1550 г.).[2] А потому и говорить, как то делал Владимирский-Буданов, что постановления Стоглава „не были выполнены в точности, хотя новые жалованные грамоты давались уже реже“ — нельзя: глава 62 Стоглава не имеет никакого отношения к выдаче новых несудимых грамот после Судебника 1550 г. (выдавались ли они или не выдавались).

Отдельный от этого и особый вопрос — об осуществлении постановления ст. 43 Судебника 1550 г. о „тарханных грамотах“. Вопрос этот остается еще очень мало изученным и в советской исторической литературе. Занимавшийся специально историей иммунитета (судебного и податного) С. Б. Веселовский вовсе не упоминает ст. 43 ни в первой,[3] ни в последней своей работе (хотя и посвящает „податному иммунитету“ здесь особый § 6 главы 6, стр. 132—141).[4] Между тем, сделанное им наблюдение, что тарханные грамоты служилым людям московское правительство перестало

---

1 Стоглав, гл. 62.

2 Ср. также ДАИ, № 46.

3 С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

4 Он же. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М., 1947.

выдавать с 1506 г. (если это так), нельзя не поставить в связь с отменой тарханных грамот в ст. 43. На эту связь и указал И. И. Смирнов, обратившись против наблюдения С. Б. Веселовского: „...тот факт, что среди дошедших до нас актов отсутствуют тарханные грамоты после 1506 г., еще не достаточен для столь ответственного и категорического вывода, как сделанный С. Б. Веселовским. Напротив, включение в Судебник 1550 г. статьи о тарханных грамотах, причем, статьи новой, отсутствующей в Судебнике 1497 г., заставляет предполагать обратное, т. е. продолжавшуюся выдачу тарханов. Та же ст. 43 дает возможность и для объяснения отсутствия тарханных грамот за первую половину XVI в.: это могло быть результатом реализации требования ст. 43 об изъятии старых тарханных грамот у тарханщиков",[1] т. е. у служилых людей они были „поиманы" безвозвратно. Но, как отмечает и сам И. И. Смирнов, в политическом плане, независимо от судьбы, постигшей тарханные грамоты служилых землевладельцев, статья 43 „сохраняет свое значение важнейшего политического мероприятия, ибо она уничтожала старые тарханы, т. е. наносила удар по основным группам привилегированных землевладельцев-тарханщиков". Выше (см. стр. 192) мы отметили первый удар, нанесенный, действительно всем группам тарханщиков (не исключая царя) царским указом, отменившим в 1549 г. пункт тарханных грамот о неплатеже таможенных пошлин на городских рынках. К сожалению, в отношении ст. 43 Судебника мы не располагаем материалом общего значения и далее приходится ограничиться материалом, относящимся лишь к монастырскому землевладению. Какова же была судьба ст. 43 в этом последнем секторе феодального землевладения?

Уже С. В. Рождественский отметил, что в тарханных грамотах „рано обнаруживается стремление изъять из круга льгот, даруемых тарханами, те повинности, которые непосредственно предназначались на развитие и поддержание военной организации государства", а с начала XVI в. соответствующие оговорки („опричь" того-то и того-то) „встречаются все чаще и чаще" и касаются они „повинностей, имеющих общегосударственное военное значение";[3] однако он же высказал мнение, что „обилие тарханов после 1550 г. и самый приговор 1584 г. (об отмене тарханов)[4] свидетельствуют, что постановление Судебника (ст. 43) совсем почти не применялось на практике". Еще ранее и еще категоричнее высказывался в этом смысле А. Павлов: „Предположение Судебника (ст. 43) об отобрании старых тарханов по отношению к монастырям так и осталось одним предположением".[5] Впервые про-

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 322.

[2] Там же, стр. 323.

[3] С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, стр. 138 и сл.

[4] СГГД, I, № 202.

[5] А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, стр. 116.

ерить такого рода утверждение сделал попытку П. П. Смирнов, уделив вопросу о тарханах и владельческих слободах при Иване IV" целую главу I, стр. 104—159).[1] П. П. Смирнов пришел при этом к заключению, что это тверждение „неверно и в значительной степени объясняется недостаточной зученностью относящихся к вопросу материалов". П. П. Смирнов впервые опоставил решение Стоглавого собора от 11 мая 1551 г. (о возвращении оместных и черных земель, отнятых владыками и монастырями у детей оярских и крестьян за долги и об отобрании тех земель, которые неправильно были записаны за монастырями и владыками, и возвращении их тем, ому принадлежали эти земли „исстари") с собранными им наблюдениями ад опубликованными жалованными грамотами, имеющими подтвердительные одписи царя Ивана Васильевича, датированные преимущественно 16 и 17 мая 551 г., и сделал вывод, что „весной 1551 г. у грамотчиков были затребованы к государю во дворец их жалованные данные, тарханные, несудимые, ьготные, полетные и др. грамоты для пересмотра и подписания на царское мя".[2] Так как наблюдения эти охватили более 20 монастырей, то П. П. Смирнов и делает заключение, что „пересмотр касался не того или иного грамотчика, а очень многих из них, возможно даже всех, потому что ст. 43 Судебника 1550 г. говорит именно о всех" (между тем, как раз это-то и подлежит проверке!). Более пристальное изучение этого пересмотра П. П. Смирнов произвел в отношении по преимуществу неопубликованных грамот из рхива Троице-Сергиева монастыря. Из 97 пересмотренных 17 мая 1551 г. рамот этого монастыря 57 были полностью подтверждены, а 40 „были одтверждены с оговорками о сокращении объема пожалования, податных зъятий и несудимости. Грамот, которые были бы полностью аннулированы, архиве Троице-Сергиевой лавры мы не имеем, вероятно потому, что такие рамоты не возвращались обратно".[3]

---

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., . I, М. — Л., 1947, стр. 122 и сл.

[2] Там же, стр. 123—124.

[3] Особенным „доверием" при этом пересмотре пользовались грамоты Василия Темного, Ивана III и Василия III, „которые обычно подписывались без изменения"; „особенно асто пересмотру и сокращению подвергались грамоты 1533—1538 гг., т. е. времени правительства матери царя, Елены Глинской, и ее фаворита кн. Овчины Телепнева-Оболенского"; „обычно утверждались грамоты, выданные в 1542—1545 гг., — после переворота, роизведенного кн. Андреем Шуйским и владимирскими детьми боярскими в январе 1542 г., свержения князей Бельских и митр. Иосафа"; не утверждались жалованные грамоты, ыданные в 1547—1550 гг. — „до сформирования избранной рады" (что, кстати сказать, еверно, как увидим ниже). При этом П. П. Смирнов различает четыре „основных" формулы приписки грамот на царское имя: 1) „формула утверждения без изменения"; 2) „формула частичного ограничения размеров пожалования" (в территориальном отношении); 3) „формула сокращения тарханных привилегий, т. е. податных изъятий и льгот"; 4) „четвертая формула касалась ограничения некоторых несудимых грамот" П. П. Смирнов. Посадские люди..., стр. 129—133).

Однако собранный и изученный автором материал ничего не меняет в установившемся мнении, что статья 43 на практике „совсем почти не применялась“, кроме разве того, что этот материал дает конкретные примеры прямого ее нарушения в пункте об изъятии старых тарханных грамот „у всех“. Более того, автор, упрекая своих предшественников „в недостаточной изученности материала“, попадает в парадоксальное положение: именно его изучение (если бы его продолжать еще и еще) только увеличило бы количество собранных им примеров пересмотра и подтверждения старых грамот и не может дать примеров аннулирования их. Как отметил И. И. Смирнов, к ст. 43 „непосредственно примыкает“ статья 91, но, в отличие от ст. 91, статья 43 рассматривает вопрос о тарханах „в общей форме“. Именно эта общая форма ст. 43 и лишила ее практически применимого содержания. Она носит чисто декларативный характер и сформулирована как предписание, обращенное не к подчиненным органам управления или подданным, а к самой верховной власти (потому что только она сама и выдает тарханные грамоты и аннулирует их, давая „грамоту на грамоту“). Можно говорить о более или менее полном или неполном исполнении заключающейся в ст. 43 программы, а не о нарушении или соблюдении закона.

Факты, подобные собранным П. П. Смирновым, говорят о том, что по окончании работы Стоглавого собора Иван IV приступил к „пониманию“ жалованных грамот и „слушал“ их пачками в майские и июньские дни 1551 г. — причем под „поимати“ разумел представление их на пересмотр и переутверждение, а не уничтожение всех до одной. Тем самым предрешалась и судьба постановления ст. 43 о невыдаче новых грамот в дальнейшем. Повидимому, такое авторитетное и практическое толкование ст. 43 явилось результатом споров, возгоревшихся по вопросу о тарханах (еще до Стоглавого собора) вообще. Самый же майский пересмотр грамот никак не был связан с приведенным П. П. Смирновым решением Собора от 11 мая о возвращении незаконно захваченных церковью частновладельческих земель (да едва ли и возможна была широкая мобилизация грамот для доставки в Москву в 5-тидневный срок). Грамоты из таких дальних мест, как Вологда, Вага, Великий Устюг повезли в Москву, конечно, не после 11 мая на срок 16—17 мая, а с того момента, когда обозначилась возможность, что статья 43 не будет проводиться в жизнь в ее прямолинейном понимании. Сам же П. П. Смирнов сообщает данные (найденные им в архиве Троице-Сергиева монастыря, но не использованные им в этой связи), которые помогают определить этот момент с некоторой вероятностью, если их поставить в связь с так называемым приговором о слободах 15 сентября 1550 г., анализ которого дал И. И. Смирнов.[1]

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 324 и сл.

І И. И. Смирнов убедительно показал (вопреки М. А. Дьяконову),[1] что ·лаве 94 Стоглава к дате 15 сентября приурочен не приговор о слободах, ·редставление митр. Макария царю Ивану Васильевичу по поводу состояв-гося „прежь сего“ приговора о новых слободах — „что слободам всем звым тянути з городцкими людми во всякое тягло и з с у д о м“ — и что ттексте Стоглава вскрывается попытка Макария дать этому приговору ·пределенное истолкование“ „в форме резюме“ с „тенденцией“ „изобразить иговор о новых слободах как акт, не уничтожающий целиком действия настырских иммунитетов в отношении новых слобод [как это видно из :ста приговора], а лишь ограничивающий объем монастырских привилегий“ именно: „в новых слободах ведает бог да ты, государь, о п р и ч ь с у д а“, ее. „что за исключением вопросов суда, подлежащих ведению наместников, кто, кроме государя, не имеет права вмешиваться в дела новых слобод“).

И. Смирнов, предполагая, „что в р е м я и з д а н и я этого приговора не целено слишком большим промежутком времени от объяснения по поводу го между митрополитом и царем“, допускает, „что и з д а н и е приговора новых слободах относится, примерно, к тому же времени, что и выработка 91 Судебника, или во всяком случае стоит в связи с обсуждением просов о слободах правительством Ивана IV в период определения общего правления политики по важнейшим вопросам государственного устройства, е. относится к 1549—1550 г.“.[2] Если это так (а мы думаем, что это пред-ложение весьма правдоподобно), то тем более вероятно, что и статья 43 илась результатом этого обсуждения и следом этого приговора о новых ободах, поскольку она формулировала отношение к ним правительства общей форме“ — „вопроса о тарханах“.

Только едва ли следует говорить об и з д а н и и этого приговора — не лько потому, что текст его не сохранился, а и потому, что формулировка оглава скорее не подразумевает его „издания“. „Приговорил“ царь Иван от приговор не со своими боярами, а „с нами, с своими богомольцы, со хиепископы и епископы“, т. е. с освященным собором. Но в момент пытки митр. Макария подвергнуть этот приговор ревизии — 15 сентября 50 г. — у него под руками не оказалось его текста, и митрополит говорил нем на основании припоминания: „. . . и мы тот п р и г о в о р п о м н и м“ енно: „что слободам всем новым тянути с городскими людми во всякое гло и з судом“ = „тарханных вперед не давати никому“ ст. 43). Но на ках у митрополита оказался и некий текст другого приговора: „. . . а ныне ой царский п р и г о в о р с н а м и“ — „что в те новые слободы вышли садцкие люди после описи, тех бы людей из новых слобод опять вывести город на посад“ = „а торговым людем городским в монастырех не жити,

[1] М. А. **Д ь я к о н о в**. Очерки из истории сельского населения в Московском госу-рстве. СПб., 1901, стр. 3.

[2] *И. И.* **С м и р н о в**. Судебник 1550 г., стр. 224 (разрядка моя, — *Б. Р.*)

а жити им в городских дворех; а которые торговые люди учнут жит на монастырех, и тех с монастырей сводити, да и наместником их судити" — см. ст. 91, варианты, стр. 174). Этот приговор на том освященно соборе был сформулирован в письменном виде (что не дает еще основани говорить о его издании). Что же припомнил митрополит о ст. 43 Судебника Что в новых слободах отныне будут судить наместники. И свое пре ставление царю митрополит сделал 15 сентября 1550 г. (через 2—3 меся после составления Судебника) из-за того, что „ныне наместники твои царев государевы и волостели возле тех новых приходцев (т. е. наряду с ними, — *Б. Р.*) и старых слобожан хотят судити, и в том тем (т. е. старым, — *Б. Р.*) слобожанам нашим запустети, а (между тем как, — *Б. Р.*) прежде того, гос дарь, твои наместники и волостели наших (старых, — *Б. Р.*) слобожан і суживали". Претензия митрополита и заключалась в том, чтобы „госуда своим наместником и волостелем и впредь наших (старых, а не новоприхо цев, — *Б. Р.*) слобожан не велел судити". Эта претензия касалась той ст. 43 и метила в выраженное в ней намерение царя „старые тарханн грамоты поимати у всех". Как видно, это намерение в сентябре 1550 оставалось еще только на бумаге, но представители власти на мест (кормленщики) поспешили его использовать по собственной инициативе в нарушение „старых тарханных грамот". Так как еще и в сентябре ца не приступил к пониманию старых грамот, митрополит 15 сентября, отдав должное ст. 91, поскольку она отражала находившийся у него в рук „царский приговор" о выводе на посад слободских новоприходцев, остав это на волю божию: „... и о том ведает бог да ты, государь, как тебе о н бог известит"; но и тут не преминул подчеркнуть отличие новых слоб от старых: „... а впредь бы митрополитом и архиепископом и монастыр держати свои старые слободы по старине о суде и о всяких дел по прежним грамотам", т. е. нашим „старым тарханным грамотам" ст. еще ни у кого не „поиманным". В этой связи и в формулировке митроп лита: „а мы и ныне тот приговор помним: в новых слободах ведает б да ты государь, опричь суда" — подчеркнутые нами слова выража согласие митрополита не касаться сейчас податного вопроса отно тельно новых слобод. Но в обоих случаях эти формулировки выда надежду митрополита Макария, что в любой момент намерения царя в эт сфере определятся, когда дело дойдет до дела, не без „помощи божие

Ценность упомянутой выше архивной находки П. П. Смирнова и закл чается в том, что она являет пример именно такого определения воли ца благостной для церкви „помощью божией". В те же сентябрьские дни 1550 представители Троице-Сергиева монастыря, игумен Серапион с братье обратились к царю со следующим челобитьем (очевидно, на лл. 278—2 книги № 527 троицкого архива оно приводится в цитате от имени цар „... и наши наместницы и волостели и их тиуни и наши прикащики горо

ее и посланники (т. е. буквально любой представитель светской власти, — *Р.*) наши жалованные грамоты у них рудят [нарушают], а намест-цы де наши и волостели и их тиуни людей их крестьян и дворников, торые живут за монастырем и торгуют монастырским товаром, судят ни всякие пошлины на них емлют силно, и на мытех мытчики с их дей и с товару емлют пошлины и судят их силно через нашу жало-нную грамоту; и прикащики де нашы городовые ямские денги с них ют по городом, и в том де у них людем и крестьяном и дворником иятца продажи и убытки великие". К сожалению, этот ценнейший доку-нт П. П. Смирнов далее дает в пересказе, но и этого достаточно для ших целей: „...по этому челобитью тогда же, в сентябре 1550 г., оицкие власти получили новую жалованную грамоту, которая, нако, ограничивала тарханные привилегии монастыря торговлей только настырскими товарами... Несудимые грамоты монастыря были со-нены".[1]

Как видим, уже в сентябре 1550 г., едва ли не в связи с представле-ем, сделанным митр. Макарием царю Ивану 15 сентября, царь создал ецедент в отношении концовки ст. 43 („а старые тарханные грамоты имати у всех") и этим троицким примером открыл дверь для предъявления арых тарханных грамот" на пересмотр (а не на уничтожение). Заинтере-ванным монастырским тарханщикам оставалось по следам троицкого игу-на Серапиона устремиться в эту дверь, дождавшись благоприятного мента (вскрытого теперь исследованием П. П. Смирнова в виде майских ушаний Иваном монастырских жалованных грамот при участии двух дья-в, в том числе „кормленого" Юрия Сидорова, — по окончании соборных дов 1551 г.).

Примеры этого пересмотра грамот, приведенные П. П. Смирновым, все носятся к этим весенним пособорным дням и ограничиваются подписа-ями на царево имя старых грамот. Но можно привести пример и иного рядка — выдачи новой грамоты взамен прежней и не в эти дни, а позднее.[2] к видно из этой грамоты, три года спустя после описанной П. П. Смир-вым операции, Иван IV, по челобитью игумена Гурия с братьею, дал эту вую грамоту ему „или хто по нем у Троицы иныи игумен будет", — изложением обстоятельств дела, предшествовавших челобитью игумена . выше, стр. 221). Изложив их, грамота 1554 г. продолжала: „...и яз рь и великии князь ту свою жаловалную грамоту новую велел пору-ти, велел [в мае 1551 г.] дьяку своему Юрью Сидорову подписати ричь тамги, то есми на них велел имати, потому что им была грамота

---

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди..., т. I, стр. 117, прим. 2.

[2] Сб. ГКЭ, т. I, стб. 857 и сл., жалованная тарханная грамота царя Ивана Васильевича оице-Сергиевому монастырю на его вотчины и торговлю в Двинском уезде, 27 января

дана новая [в 1548 г.] без уроку". Из этих слов можно заключить, что в момент, когда царь распорядился (очевидно, ее „слушав") ее „порудить", т. е. частично отменить в части беспошлинного провоза товаров под тем предлогом, что в ней не было определено количество („урок") разрешаемого к провозу товара, — она была „новой" в потоке тех „старых" грамот начиная еще от времени Ивана III, которые проходили через руки того же Юрия Сидорова, занимавшегося подписыванием подобного же рода оговорок на монастырских грамотах, предъявленных весной 1551 г. к пересмотру. Новой эта грамота называлась потому, что дана была самим же Иваном IV, а не прежними правителями — дедом, отцом или матерью его. И хоть она формально и не подходила тогда в 1551 г., как новая, под ст. 43, имевшую в виду „старые тарханные грамоты", она подверглась внимательному (и ревнивому) осмотру наметанным глазом дьяка Сидорова. Можно догадываться, что в те горячие майские дни 1551 г. игумену Ионе не удалось отстоять свою „новую" грамоту, а по прошествии времени его преемник Гурей включил в свою челобитную напоминание об этом формальном обстоятельстве, в полном соответствии со ст. 43 Судебника, в расчете провести дело, поскольку горячка давно улеглась и штамповальная машина 1551 г. перестала работать. И действительно он выиграл дело. Как видно из дальнейшего текста грамоты 1554 г., царь (в первом лице) „велел есми им ту свою жаловалную грамоту (т. е. „тарханную", „новую", 1548 г., с оговоркой „опричь тамги", — *Б. Р.*) переписати на двор их и на деревню", а именно — „велел есми им дати сю свою грамоту с первые (т. е. с той „тарханной", „новой", — *Б. Р.*) грамоты, которая им была дана в лете семь тысящ в пятьдесят шестом году, слово в слово, а о насадех и подвозкех велел есми им в сей грамоте написати урок". Как видим, та первая грамота была дана уже в царствование самого Ивана, почему и была в свое время „новой", а обстановка была теперь иная, и во дворце, хоть и попрежнему были тверды в иных пунктах, готовы были слушать резоны, обсуждать компромиссы и вносить поправки — в пределах закона. Подписана была эта новейшая грамота 27 января 1554 г. уже и не Сидоровым, а дьяком Павлом Микифоровым. Но эта новейшая грамота, тоже тарханная, хоть так себя и не называла, не подходит под категорию тех тарханных грамот, которых статья 43 предполагала „вперед не давати никому".[1]

[1] Сб. ГКЭ, т. I, стб. 857 и сл.— Можно привести еще один, не замеченный П. П. Смирновым, случай предъявления на майский пересмотр жалованных грамот в 1551 г. — жалованной грамоты Звенигородскому Сторожевскому монастырю. Сама эта грамота до нас не дошла. Упоминание о ней имеется в „посыльной" грамоте царя Ивана звенигородскому наместнику кн. И. В. Мезецкому от 11 апреля 1552 г., одиннадцать месяцев спустя после майского пересмотра 1551 г. (см. АЮ, № 362, стр. 386). „Посыльная" написана по поводу жалобы, устно принесенной самому царю игуменом монастыря через своего „старца" „о том, что

Таким образом, упоминавшаяся выше формула Стоглава, „ведает бог да государь“, в отношении податного иммунитета, на деле оказалась формулой оправданного дальнейшим ходом событий оптимизма митр. Макария. В обстановке массовых нарушений всяческими местными властями монастырских тарханных грамот по силе прямолинейно понятой ст. 43, глава русской церкви ловко расчленил вопрос и разъединил своих противников. Предъявив Стоглавому собору свой Судебник на утверждение, царь ставил вопрос о привилегированном церковном землевладении на обсуждение в общем виде: „. . . да тарханные и несудимые и льготные грамоты, у них же о торговлях беспошлинно, чернецы по селом живут, да в городех тяжутся о землех, достойно ли то, а села и имения в монастыри емлют“,[1] или: „. . . да у которых еще монастырей земли и сел довольно, посмотря по братству, и мочно прожити, и те бы архимандриты и игумены и игумении и строители и старцы благочестивому царю не стужали, излишнего не просили. Также бы и тарханных и лготных и о торговлях беспошлинно и несудимых грамот и угодий не припрашивали, и так де у меня царя поимали много по всем монастырем“.[2] Макарий же сразу стал на защиту старых иммунитетов и, в частности по линии судебных привилегий, которые были атакованы кормленщиками, и, считая на данный момент и на ближайшее время вопрос о суде для новых грамот проигранным, на будущее он отделил вопрос о податном иммунитете как предмете доброй воли царя, более свободной в этом вопросе от давления кормленых судей. Макарий прекрасно знал, что наместники-кормленщики (как то прошло по Судебнику красной нитью) для царя были такой же острой проблемой, как и льготное церковное землевладение, —

у них наша жалованная [н е с у д и м а я грамота] о т Рузских и Звенигородских наместничьих к о р м о в, а подпись у тое грамоты дьяков наших Ю р и я С и д о р о в а да Кожюха Кроткова, а п о д п и с а н а в лете 7059 году в майе в осмый на десять день числе — а ты деи нынеча и царевы пошлинники сторожевских крестьян велите давати на поруки и да и под суд их к себе притягиваете, и корм деи великоденской на всех крестьянех правите, а нашу деи грамоту жаловалную рудите“ (нарушаете); наместнику предписывалось: „. . . и ты бы. . . грамоты жаловальные рудити не велел, о п р и ч ь д в о р о в о г о д е л а, и пошлин бы еси на них не имал никоторых, а ходил бы еси у них по их жаловальной грамоте, п о п о д п и с и, как на их грамоте писано. . .“. Имеем здесь пример предъявления не тарханной, а несудимой грамоты (но такой, которая освобождала не только от суда, но и от наместничьего корма) в день 18 мая 1551 г. на „подпись“, т. е. для подтвердительной на ней приписки за подписью известного нам дьяка Сидорова, причем в приписке-подписи пожалование в этот день было ограничено: подтверждена она была во всем, кроме „д в о р о в о г о д е л а“, т. е. натуральной повинности участия в постановке и починке дворовых строений под наместника. Речь здесь идет несомненно о с т а р о й грамоте, и, как уже отмечалось выше, очень характерно упорство, с которым наместники вели нападение на монастырские иммунитеты не только до сентябрьских жалоб Макария, но и, как видно, п о с л е майской перерегистрации их в 1551 г

[1] Стоглав, вопрос XV, стр. 21.

[2] Там же. гл. 69, стр. 107.

и отклонил грозу, готовую, казалось, разразиться над привилегированным церковным землевладением. Гроза миновала — и ясное небо более уже не заволакивалось до самого 1584 г., с его рецидивом покушения на церковные привилегии (тоже, как известно, не очень удавшегося).[1]

СТАТЬЯ 44

Ср. Судебник 1497 г., ст. 28.

Поскольку недельщик в ст. 44 явно выступает как кормленщик, он выправляет приставную грамоту, как документ на получение своего дохода, у дворцовых чинов — печатника и дьяка, которым заранее и уплачивает пошлины прежде получения своего „езда“. При этом составляет приставную он сам, почему ему, а не дьяку, и грозит теперь тюрьма за представление на подпись приставной по „иску менше езду“. В иных случаях, однако, приставная составлялась помимо недельщика дьяком: не сам же недельщик вписывал в одну приставную большое количество дел (которое теперь ограничивается в интересах недельщика до 20); потому дьяку и запрещается подписывать приставные „без недельщика“ (навязывать ему больше 20 дел сразу). Дополнение, внесенное в ст. 44, развивает оба эти варианта и возлагает полную ответственность за неправомерную и заочную (для недельщика) приставную на дьяка, отдельно карая тюрьмой и недельщика. Нельзя не видеть в этих вариантах следа разделения в среде недельщиков: на „площадных“ и „дворцовых“. См. жалованную тарханную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю от 27 июня 1578 г.: „... а наши дети боярские и площадные и дворцовые неделщики и их ездоки и всякие наши посланники к ним не въезжают ни по что и на поруки не дают и по приставным сроков не наметывают“;[2] или грамоту от 28 февраля 1551 г.: „... а пристава у них даного... царь и великий князь велел отставить, а велел им дати пристава из площадных недельщиков не их города, ково они себе излюбят“.[3]

СТАТЬЯ 45

Ср. Судебник 1497 г., ст. 29.

Слова „а болши того им не имати“ являются дополнением. В ст. 29 Судебника 1497 г. речь идет о хоженом „на Москве“; здесь попытка обобщения: „в городе“. Ср. аналогичную попытку в ст. 47: „... а как неделщик из недель выйдет, и тем ездоком в том городе от иных неделщиков не ездити; а которого ездока изымают, а он ездит в том же городе от иного неделщика, и того ездока казнити торговою

[1] В. А. Петров. Соборное уложение 1584 г., об отмене тарханов. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, стр. 191 и сл.

[2] Сб. ГКЭ, т. I, стб. 870.

[3] А. И. Яковлев. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты..., стр. 102.

зденью да вкинути в тюрму". Значит, составитель Судебника 1550 г. мыслил ббе недельщиков делающими свои недели не только в Москве и совершаюими свои поездки не только из Москвы, как то подразумевалось ст. 29 удебника 1497 г. Однако расчет езда (см. ст. 46) составитель Судебника 550 г. сохранил прежний от Москвы.[1]

СТАТЬЯ 46

Ср. Судебник 1497 г., ст. 30.

СТАТЬЯ 47

Ср. Судебник 1497 г., ст. 31.

Статья 47 принадлежит к числу статей, насыщенных политическим соержанием, она привлекла к себе пристальное внимание советских историев в части, которая явилась здесь дополнением к ст. 31 Судебника 1497 г. менно в этой части видят И. И. Смирнов и П. А. Садиков (хотя и расодятся в деталях) усиление „контроля со стороны центральных органов ад органами местного управления", контроля, проводимого посредством ормленых дьяков.[2] Но еще И. Д. Беляев обратил внимание на изменения, несенные здесь в текст ст. 31 Судебника 1497 г., и отмечал „бо́льшую пределенность и бо́льшую обеспеченность", которую составитель Судебника 1550 г. придал „порядку вызова в суд" (не меняя его по существу), ак он был очерчен в ст. 31 Судебника 1497 г. Именно составитель Судебника 1550 г. и „начал с того, что отменил порядок первого Судебника, о которому недельщики должны были или сами ездить за вызываемыми ли посылать своих родственников и слуг, и вместо сего обратился к старому порядку, бывшему в Москве до первого Судебника, по которому едельщики посылали не родственников и слуг, а уговорщиков или урочиков, т. е. людей, принимавших на себя обязанность вызова по особым оговорам с недельщиками".[3] Анализ Беляева нуждается, однако, в поправке и уточнении, а тогда и редакционная работа составителя Судебника 550 г. получит иную историческую оценку. Составитель исключил из числа иц, посылаемых недельщиком с приставными грамотами, его домочадев (родственников = „племянников" и людей = „холопов") и заменил их новым для Судебника 1497 г. термином „ездок" (явившимся в Судебнике 550 г. еще в ст. 21), а из числа лиц, не допускаемых к посылке, сключил „урочников" (вольнонаемных со стороны из „урока", т. е. услоленного вознаграждения) и заменил их „людьми своими" (т. е. именно омочадцами, холопами по преимуществу, отчего и исчезли „племянники"),

[1] И. Д. Беляев. О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 г. урнал Министерства юстиции, 1860, т. III, кн. 2, отд. III, стр. 97—143.

[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 279.

[3] И. Д. Беляев. О вызове в суд. . ., стр. 120.

т. е. ввел радикальную перемену в способ доставки приставной грамоты и производства связанных с ней действий на месте. Судебник 1497 г. выдел в недельщике кормленщика чистой воды, который эксплуатирует свое кормление домашними средствами по своей полной воле, обходясь без постороннего участия. Но уже тогда бытовая новизна силою вещей пробивалась в этот старый строй отношений, и недельщики, вопреки старине искали подсобной силы на стороне (в виде „урочников"). Составитель Судебника 1497 г., видимо, исходил из мысли, что случайные новички, из неподвластных недельщику людей сторонних, в роли его заместителя — менее верное, хотя бы в смысле реальной ответственности за них, орудие, чем домочадцы, ходившие в его воле. Между тем *заместительство* недельщика *совершенно* выключало из *государственной* судебной процедуры момент вручения приставной грамоты, связанный с дачей на поруки вызываемого на суд и чреватый всяческими „обидами" и „продажами". Эта-то бытовая новизна, уже пробившаяся в жизнь и еще не принятая законодателем в 1497 г., проложила себе путь и закрепилась в ст. 47 Судебника 1550 г. — в виде не просто (обобщенных и никак не квалифицированных) „урочников", а точно профессионально квалифицированных „ездоков", должностное положение которых и было регламентировано в дополнении, сделанном к ст. 31 Судебника 1497 г. При этом естественно отпала стародавняя старина в отправлении государственной функции (участие домочадцев). „Ездок" и оказался здесь у составителя Судебника 1550 г. на первом плане и со всей отчетливостью: его не забыли упомянуть повторно в той же фразе при запрещении „имать" что-нибудь „поклонного" при поездках с приставными (вместо общего „им" Судебника 1497 г., статья 47 дает „*им самим и их ездоком поклонного ...не имати*..."). Так, вопреки Беляеву, ездок явился в ст. 47 как носитель не „старого порядка", а новой политической эры. И, вопреки же Беляеву, явился только как „урочник" (что видно из текста), а не как „уговорщик", чего в тексте нет и что по ассоциации с термином „заговорщик", сделало для Беляева „ездока" „заговорщиком" — ошибка, замеченная Владимирским-Будановым еще у Ф. М. Дмитриева: „ездоки — это лица, нанятые одним из приставов, а не члены товарищества" (= „заговора").[1]

Обстоятельный комментарий к дополнительной, новой, части ст. 47 дал П. А. Садиков в поисках „контрольных органов по провинциальному управлению кормленщиков".[2] Он находит их в статьях 72 и 75 (см. ниже, стр. 273—282), с которыми и сопоставляет ст. 47. В ст. 47 его внимание остановило прежде всего „наименование дьяков, которые ведают недельщиком *кормленым*, термин, кажется, не встречающийся более нигде в других источниках применительно к приказным людям того времени", в связи с тем

[1] Ф. М. Дмитриев. История судебных инстанций ..., стр. 137.

[2] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 247 и сл.

что „Судебник, говоря о дьяках, действующих безусловно в центральных учреждениях, нигде не называет их «кормленными» (ср., например, ст. 7, 28, 29, 34, 75, 77 и т. д.), а один раз (в ст. 26) именует их «полатными»". Да и прямой „смысл самой ст. 47 указывает также, что недельщики должны были записываться не вообще у всех приказных дьяков, а у определенных лиц, которые именно в момент записи «у кормления будут»". Что касается термина „кормленый", то „он определяет те или иные предметы, положения или отношения, связанные с управлением кормленщиков, но нет, кажется, известий, чтобы термин прилагался к самому субъекту, занимавшему кормление. Так были: «кормленые книги», в которых в чети записывалось государево жалование, получаемое служилыми людьми — четвертчиками (до отмены кормлений имевшими на него право); «кормленый окуп», или «кормленый оброк», — деньги, вносимые населением взамен доходов наместника-кормленщика и за право самоуправления, «кормленое верстание» — распределение кормлений между служилыми людьми, — но не было «кормленого» служилого человека, «кормленого» боярина или сына боярского, «кормленого» дворянина, хотя бы эти лица и пользовались каким-либо кормлением. Такое же значение термин получает и в ст. 47, если только внимательно присмотреться, кем ведали упомянутые там «кормленые дьяки»". П. А. Садиков обратил внимание на то, что недельщики были разновидностью „кормленщиков": „Из документов несколько более поздних, чем Судебник 1550 г., видно, что служилые люди с большой охотой отказывались от денежного государева жалования и даже от кормления, предпочитая бить челом о «неделях».[1] Конечно, привлекала служилых людей не самая служба на посылках у приказных дельцов, а «езд» и «хоженое» недельщика. Обязанности недельщиков правительство и рассматривало, ограничивая право вмешательства их в действия мирских властей после введения местного самоуправления, как нечто второстепенное сравнительно с получением вознаграждения за «недели»: «а недельщиком», читаем мы в дополнительных статьях к Царскому Судебнику (1556 г.), — «с старостами не обыскивати и никоторого дела с ними не делати, а в о з и т и г р а м о т ы д л я с в о е г о езду». Получение «езда» — вот главное для недельщика. Подобная должность, своеобразная синекура, близко стоит по бытовым

[1] См., например, у Е. Д. Сташевского (Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. Чтения ОИДР, 1911, кн. 1, отд. I), ряд случаев в 1578 г. когда о „неделях" взамен жалования били челом служилые люди с довольно значительными поместными и денежными окладами — по 200 четей, по 12 руб. (стр. 6—7, 10, 11, 13—15, 18, 19 и т. д) .. и само правительство рассматривало службу в неделях как вознаграждение за настоящую ратную службу: так, назначая тарханщику-монастырю особого „данного" пристава, обычно писали: „доколе он в н а ш е м ж а л о в а н ь и в неделях побудет. . .". И вот из общего количества записанных в десятне 200 с небольшим человек, около 50 сами просили о припуске „в недели", и не явилось ни одного челобитья о даче в кормление черных волостей. (Примечание П. А. Садикова, — *Б. Р.*).

условиям к старинным кормлениям, именно к той их разновидности, которую знаем мы под именем «пути» — определенной отрасли управления, отданной в «корм» служилому человеку. Очень характерно, что в наместничьем провинциальном управлении недельщику соответствовал уже чистый кормленщик — «доводчик», должность, уничтоженная с отменою кормлений в 50-х годах, за «поборы» которого население платило «кормленый окуп» наравне с наместничьим (см., напр., уставные земские грамоты Важскую 1552 г. и Двинскую 1556 г.).

Итак „«кормленые дьяки» ст. 47 ...кормлеными... звались потому, что ведали дела по управлению кормленщиками. В данном конкретном случае обязанности их заключались в том, чтобы вести записные книги «ездоков» недельщика и его поручителей-заговорщиков для контроля их деятельности, «чтобы ся недельщики своих заговорщиков и ездоков не отпирали»“.[1]

И. И. Смирнов, считая изложенное толкование „остроумной гипотезой“, не видит возможности признать ее обоснованной источниками. „Контроль над наместниками осуществляли не «кормленые дьяки», а «бояре и дворецкие и казначеи и дьяки, у кого будут которые городы в приказе»“. Предпочитая оставаться на почве фактов, т. е. „материала, который дает ст. 47 Судебника“, И. И. Смирнов все же полагает, что „в руках «кормленых дьяков» был сосредоточен контроль над весьма важной стороной в деятельности органов местного управления, именно над исполнительной судебной властью, которой являлись «недельщики»“: „«кормленые дьяки» являлись важным звеном в той системе контроля со стороны центральных органов управления над местным управлением, которую находим в Судебнике 1550 г.“.[2]

Для понимания содержания и политической направленности ст. 47 это разногласие между И. И. Смирновым и П. А. Садиковым не имеет значения альтернативы, а скорее помогает уточнить представление о „кормленых дьяках“. Следуя тексту статьи, нельзя сомневаться, что речь идет не об одном, а о нескольких кормленых дьяках, действующих по кормленым делам одновременно. Нет и намека (в частности и у П. А. Садикова) на то, чтобы это была дьячья группа или коллегия, находящаяся в одном определенном пункте города Москвы, или чтобы эти дьяки занимались только регистрацией ездоков и заговорщиков. С другой стороны, как мог бы осуществлять контроль над органами местного управления тот боярин, дворецкий или казначей, у которого эти органы находились в приказе, вне той или иной делопроизводственной формы, получившей отражение в письменном акте, т. е. без участия дьяка? Перефразируя аргумент, который П. А. Садиков приводит против старой концепции „кормившихся дьяков“, можно указать на то, что странно было бы совершенно произвольно вы-

[1] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 220—222.
[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 279—280.

делять каких-то особых приказных людей (кормленых дьяков), специально и исключительно ведавших недельщиков, тогда как другие ведали бы прочие дела по контролю за местным управлением (т. е. кормленщиками) и кормлеными не назывались бы. Иными словами — можно ли противополагать кормленых дьяков ст. 47 тем дьякам, которые фигурируют в формуле, приводимой И. И. Смирновым? По крайней мере, в том единственном примере кормленого дьяка, который П. А. Садиков приводит в лице Юрия Сидорова, этот последний пишет по приказанию государева казначея, т. е. казначей осуществляет контроль через дьяка.[1]

Зато вызывает недоумение как раз то, в чем сходятся названные два комментатора ст. 47, — именно трактовка предмета ее как усиления контроля над **местным управлением**. Бесспорно, что вводимая ею регистрация была направлена против недельщиков-**кормленщиков**. Но эти последние являлись органами отнюдь не местного управления. Недельщики — это агенты центрального, приказного управления. Такими они выступают в ст. 48 Судебника 1550 г., где недельщику противопоставлен, как соответствующий ему агент наместничьего управления, доводчик, и в ст. 44, где недельщик получает свою приставную от дьяка центрального московского приказа (это можно увидеть и в ряде других статей). На местах же при наместнике в роли недельщика (в уставных грамотах) выступают доводчики с положенными им ставками езда и хоженого по подвластной их наместнику или волостелю территории (см., например, уставные грамоты Мариинской трети Артамоновского стана крестьянам 1506 г. или Онежскую 1536 г.[2] В тех же случаях, когда, в порядке льготы, центральная власть назначала во владения иммуниста особого „данного пристава“, который и доставлял жителей этого владения в московский приказный суд в раз навсегда назначенный один срок в году, в жалованной грамоте оговаривалось: „... а иным **своим** недельщиком по игумена с братьею и по их людей и по крестьян по монастырских ездити не велел никому ни от кого, а кто... приедет **мой** великого князя недельщик, опричь того моего даного пристава ... и яз им тем недельщиком на поруки даватися не велел...“.[3]

Таким образом, статья 47 не имеет никакого отношения к организации контроля над органами местного (наместничьего) управления, а преследует цель укрепить одно из важных звеньев центрального приказного суда, вводя в кормление по „неделям“ начало государственной регламентации и служебной ответственности.

Сам недельщик проходит в ст. 47 вторым планом: на первом плане здесь фигуры „**заговорщика**“ и „**ездока**“, оба как непременные уча-

[1] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 224—226.

[2] ЛАЭ, т. I, №№ 144 и 181, стр. 116 и 152.

[3] Там же, № 189, жалованная грамота 1540 г. Успенской Зосиминой пустыни в Клинском уезде, стр. 166.

стники в работе недельщика. Оба они подлежат записи в книгах за именем недельщика, чтобы он при случае от них не отпирался и нес ответственность за их служебные преступления. Но их отношения к недельщику, как и размер ответственности его за того и другого, ясно различены. Записывается за недельщиком не более семи ездоков (во избежание безграничного разрастания кормления в крупное предприятие), ездят они только „от“ своего недельщика, а он посылает только их. Материальная ответственность за „обиду или продажу“, учиненную ездоком в этой поездке, целиком падает на недельщика, ездоку же назначается только „торговая казнь“. Ездок, которому было отказано в записи „за недельщиком“, но удалось все же получить от какого-либо недельщика поручение или выдать себя за ездока (и это вскроется), подлежит торговой казни. Если к тому же он успеет учинить обиду или продажу, претензия пострадавшего обращается целиком на него и удовлетворяется „без суда“. Но и записанный за недельщиком ездок, по истечении срока кормления его недельщика, автоматически выбывает из ездоков без права ездить от другого недельщика. Примечательно, что, в случае поимки ездока на посылке „от иного недельщика“, ездок не только подвергается торговой казни, но и заключению в тюрьму — без всяких последствий для этого второго недельщика, а по возникшему иску пострадавшего расплачивается не ездок в отдельности и не недельщик, а оба вместе.

В ином положении относительно недельщика выступает в ст. 47 „заговорщик“. Теоретически мыслимо было, что недельщик может обойтись и без помощи ездоков; бытовым явлением было, наоборот, обрастание недельщика ездоками, что и стало здесь предметом пресечения у законодателя. Не то с заговорщиками. Теоретически мыслимо было, что недельщик и сам не пожелает работать один; практически же назрела необходимость запретить недельщику „делать недели“ сам-друг „без заговорщиков“. Как ясно из текста статьи, заговорщик легко может „учинить какову продажу или обиду“ (совершенно так же, как и ездок), но отвечать по иску пострадавшего будет не один недельщик (как то было с ездоком), а „весь заговор“ (т. е. в том числе и этот заговорщик и сам недельщик), и только тюремное заключение при этом назначается одному лишь провинившемуся „заговорщику“. Значит, „заговорщик“ — не „урочник“ (как ездок), а член товарищества, связанного круговою порукой (порукой в том числе и за самого недельщика, получавшего личное государево жалованье в виде „недель“); отныне это жалование обусловлено обязательным для недельщика привлечением поручителей. Несомненно, „заговор“ этот оформлялся соответствующей „заговорной записью“, но таковых, насколько известно, не сохранилось. Имеем, однако, образец „розговорной“ записи от 17 августа 1568 г., расторгающей, повидимому, ранее заключенный договор о „заговоре“: „Царю государю великому князю Ивану Васильевичу

я Руси биет челом холоп твой государев Скурат Иванов сын Оничкова. жаловал ты, царь государь, меня холопа своим царским жалованием, угородцкыми неделями, и яз, государь, твоим царским жалованием, неи делати, заговорил с Федором да с Васильем Свербеевыми да с Ива- с Ширяевым: добычею было нам промеж себя делитца повытно, и по хом, государь, какова проделка учинитца — и нам ту проделку платити ытно же. И нонеча, государь, яз Скурат с ними делати в заговоре не ню и добычею с ними делитца, и какова, государь, проделка учинитца ех мест и мне в ту проделку им не тянути. Тобе бы царю государю ло ведомо. А розговорную писал Инька Степанов лета 7070-шестого авга в 17 день" (на обороте: „К сей розговорной челобитной яз Григо- Микифоров сын Языков в Скуратово место Оничкова руку приложил").[1] ед нами здесь „заговор" недельщика с тремя заговорщиками-товарими, работающими на долевых началах и принявших на себя ответственть за всякую „проделку" („обиду или продажу") тоже каждый из своей ли („повытно"). Не поладив со своими „заговорщиками", недельщик Ску- явочным порядком расторгает „заговор". Не видно вовсе ли тем сам он выходит из „недель", или нет, и, если нет, то будет ли он дальше лать недели" в одиночку или подыщет себе иных „заговорщиков". Но, точному смыслу текста, названные „заговорщики" не прекращают своей ятельности, ибо и „с сих мест" предвидится в этой их деятельности возжность „проделки". Записанные при заключении „заговора" в книги, „заворщики „сыграли свою роль поручителей за недельщика и приобрели аво на участие в его „неделях" в известной доле. Этого права не отрист за ними теперь и сам недельщик, да никому из них и не грозит рьма, как было бы, если бы кто-нибудь из них был „уличен" в оделке" типа „обиды или продажи". Соблазнительно предположе-е, что паями („вытями") в доходах от эксплуатации „недель", при записи, было оплачено поручительство, которое недельщик был вынужден едставить прежде, чем приступить к осуществлению пожалованного у права — по силе ст. 47: „А без заговорщиков недельщиком недель делати".[2]

Предположенный нами здесь момент поручительства подтверждается авнением ст. 47 со статьями 147 и 148 Уложения царя Алексея Михайлоча (небезынтересными для понимания и других деталей в ст. 47). „А быти дельщиком во всех приказех за крепкими поруками, а поруки велети них збирати в том, что им, будучи у государева дела в недельщиках, каким воровством не промышляти, и челобитчиком продажи и убытков

[1] АЮ, № 44. — Терминологический словарь частных актов Московского государства (под редакцией А. И. Андреева, Пгр., 1922), не знает термина „разговорная".

[2] Ср. поручную запись по недельщике от 19 ноября 1567 г.: ААЭ, т. I, № 274.

ни в чем не чинити, и колодников из приказу и от себя з дворов без указу не отпускати, и никаких дел на скуп никому не отдавати", — гласит ст. 147 Уложения.[1]

Ясно, что в середине XVII в. преемники „кормленых дьяков" середины XVI в. прочно осели со своими записными книгами во „всех" приказах, и очень вероятно, что и недельщики закреплялись теперь каждый за определенным приказом (а тогда и слова боярского приговора 21 августа 1556 г.: „а посылати к старостам и к целовальником грамоты с недельщики, запечатав: и старостам, сыскав правду всякими сыски, и написати и приклости всем свои руки ... да запечатав своею печатью, прислати к тем, кто к ним грамоту привезет... и недельщик или ездок отдаст бояром *в ту избу, из которыя пошлют*" — не следует ли понимать так, что недельщик уже знает ту избу приказную, где записаны его ездоки и заговорщики, но выполняет поручения еще не только своей избы, а и любого Приказа?). Ясно также, что требование „крепких порук" развило здесь формулу ст. 47 Судебника 1550 г.: „...а без заговорщиков недельщиком недель не делати". Да и сами заговорщики не бесследно исчезли к середине XVII в.; только в Уложении (ст. 148) они выступают под именем „товарищей": „...а ездити недельщиком с наказными памятьми и с приставными, и на поруки давати [ответчиков] самим и *товарищам их, кому кто верит*, а людей своих с наказными памятьми не посылати... а в котором городе недельщик живет, и ему в тот город с наказными памятьми не ездити, и в свое место товарищев своих не посылати. А сколько у которого недельщика будет *товарищев кому с кем в заговоре делати*, и то дьякам записывати в книги, чтобы недельщики своих заговорщиков не отпиралися. А будет кто недельщик или его товарищи учинят кому какие убытки... и то взяти на всех заговорщиках и отдати челобитчику, да того же, кто такое дело учинит, бити кнутом по торгом и вкинути в тюрьму на сколько государь укажет, а без заговорщиков недельщиком недель не делати".

Следует в заключение отметить, что *ездоки* зато начисто исчезли в Уложении. С ними вместе, повидимому, отошел в область прошлого и оставивший по себе след в Судебнике 1550 г. тип недельщика-кормленщика, склонного посиживать в столице и командовать отрядом работающих из „урока" (а не из „езда", который недельщик берет себе) ездоков и не хотя вступающего в заговор с третьими лицами, на основе дележа доходов. На месте ездоков в Уложении выступают „заговорщики-товарищи" („кто кому верит"), работающие на посылках у приказных дельцов как члены товарищества на паях, а артели, не эксплуатирующей ничьего наемного труда, хотя и делящей свои доходы попрежнему „повытно". Попытки

[1] Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1907.

цельщиков подменить себя иной раз (при дальнем, например, езде) своими ично зависимыми) „людьми“ остались и теперь, по истечении столетней зности, под запретом — „людей своих с наказными памятьми не посылати“.[1]

СТАТЬЯ 48

(Ср. Судебник 1497 г., ст. 37.

„Его человек“ Судебника 1497 г. и здесь заменен словом „ездок“, как ст. 47.

Владимирский-Буданов объяснял: „Здесь запрещается приставам московких приказов вызывать к суду областных жителей помимо ведома областых судей и тем более вызывать их в центральный суд помимо областного — мпетентного. — Выставленное здесь условие компетенции, т. е., чтобы оба истца» (истец и ответчик) были подсудны одному судье, противоречит щему определению подсудности, сделанному выше, в статье 30-й“. Это ротиворечие“ Владимирский-Буданов объяснял „неловкостью“ редакции атьи. Такое объяснение — плод недоразумения: статья 48 здесь повторяет кст Судебника 1497 г., а ст. 30 в Судебнике 1550 г. новая и толкует о том. В ст. 30 действие начинается по инициативе истца, в случае „сместго“ суда, обращением за приставом к чужому судье (ответчика), и пристав дит или ездит в пределах *своего* судебного округа — будь то столица ли провинция. Здесь же, в ст. 48, разбирается случай приезда столичного истава (недельщика) в *провинциальный* округ и обязательной ки его к местным властям с предъявлением полномочий (приставной рамоты).

Можно указать даже прямой источник ст. 48 — великокняжеские жалованые грамоты на кормление первой половины XVI в., данные в промежутке жду двумя Судебниками. „Се яз князь велики Василий Иванович всея уси пожаловал есми Семена Дмитриева сына Аминева Жылиным, без равды, под Третьяком Шейкиным в кормленье: и вы все люди тое волости, ните его и слушайте; а он вас ведает и судит и ходит у вас по тому, как ило преже сего. А хто по кого возведет моего великого князя пристава, будут оба истца тое волости, и пристав мой ставит тех обоих истцов ред Семеном, или перед его тиуном; а не поставит пристав мой тех обоих стцов перед Семеном, или перед его тиуном, и он езду лишен; а который оих истцов перед Семеном или перед его тиуном не учнет искати или вечати, и яз князь велики велел того обвинити и грамоту правую на го дати“.[2]

---

[1] Ср. ДАИ, т. I, № 58, стр. 121, царская грамота Новгородскому наместнику от сентября 1555 г. с описанием конкретного случая из службы недельщика.

[2] ДАИ, т. I, № 215, 1524 г.

Новость, по сравнению с Судебником 1497 г. заключается здесь, как обычно для Судебника 1550 г. в назначении санкции — лишении недельщика „езда“ и уплате местному доводчику „хоженого“, которое тому причиталось бы, если бы недельщик предъявил приставную наместнику и при этом выяснилась бы подсудность обоих тяжущихся (суду ли одного наместника или сместному в пределах данного уезда — наместничества). Здесь два варианта служебного преступления: 1) наметывание срочной и дача на поруки ответчика з а с п и н о й н а м е с т н и к а, с вызовом ответчика в Москву и 2) наметывание срочной и дача на поруки ответчика с вызовом его в Москву, в о п р е к и в ы я с н и в ш е й с я е г о п о д с у д н о с т и н а м е с т н и к у. Как правильно указывал Владимирский-Буданов, суд происходил в Москве, если тяжущиеся принадлежали разным уездам (т. е. были именно „судимы“ разным наместникам).[1]

В ст. 48 налицо, несомненно, охрана компетенции и интересов наместника-кормленщика. Инициатор дела — пожелавший избежать наместничьего суда истец. Кто, как не он, начал дело в Московском Приказе?

СТАТЬЯ 49

Ср. Судебник 1497 г., ст. 36.

Новость здесь — санкция: „...а кто станет волочити после срока, и на том взяти тому, кого волочит, проести по три денги на день“.

СТАТЬЯ 50

Ср. Судебник 1497 г., ст. 32.

Новость здесь, как и в ст. 49, — нормировка „проести“: „на голову — по три денги“. В Судебнике 1497 г. оставалось непонятным, от чего может произойти „убыток“ и как отличить, кто прав, кто виноват. Редакционные дополнения в Судебнике 1550 г. делают ситуацию совершенно ясной: виноват тот, кто не приехал к сроку, откуда и убытки у того, кто к сроку явился.

СТАТЬЯ 51

Ср. Судебник 1497 г., ст. 64.

---

[1] „А случится суд сместной тем крестьяном (дворцовых сел) с городскими людми или с волостными и становыми, и прав ли будет, виноват ли городской человек или волостной и он в правде и в вине наместником и третчиком и тиуном и волостелем; а прав ли будет, виноват ли тех сел и деревень крестьянин и он в правде и вине поселскому... А кому будет до тех крестьян какое дело из иных городов, и в том по них ездят наши недельщики дворцовые..., а сужу яз царь и великий князь или мой дворецкий Большого Дворца“ (ААЭ, т. I, № 240, 1554 г.) „А кому будет чего искати опричным людем (посторонним) на колмогорцах на посадских людех и на волостных..., или колмогорцем... на опричных людех, и те обои приходят о управе на Москву к дьяку Путиле Нечаеву“ (ААЭ, т. I, № 250, 1556 г.).

СТАТЬЯ 52

Ср. Судебник 1497 г., ст. 13.

Судебник 1497 г. знал термин „ведомой лихой“ и применил его дважды (статьи 8 и 39) в случае „татьбы или душегубства или разбоя“; „тать ведомой“ ст. 13 Судебника 1497 г. заменен в ст. 52 Судебника 1550 г. „лихим человеком“. Обыск и пытка здесь — новости текста, а не процедуры, которая вероятно подразумевалась и в Судебнике 1497 г. (см. Судебник 1497 г., статьи 14, 34). Безусловная новость ст. 52 — альтернатива признания или непризнания в прежних татьбах, и отсюда альтернатива наказания: смертная казнь или пожизненное заключение, равно как и случай, когда „скажут в обыску, что он доброй человек“.

Владимирский-Буданов объяснял: „...резкое отличие следственных начал от обвинительных („суда“) проявляется в том, что если нет оснований вести процесс следственным порядком („на обыске одобрили“), то процесс не прекращается, а ведется обвинительным порядком („вершить по суду“). В последнем случае ответчик может быть обвинен и понести, кроме гражданских последствий, уголовное (в нашем смысле) наказание („пеню“), но никогда такое, какое бы наступило, если бы он был обвинен по следственному процессу“.

В Судебнике 1550 г. нет иной статьи, которой мог бы руководствоваться „суд“ в данном случае, кроме ст. 55.

СТАТЬЯ 53

Ср. Судебник 1497 г., ст. 34.

В статье 53 опущена первая фраза ст. 34 Судебника 1497 г., имевшая в виду не начальный момент (арест), который открывал участие недельщика в процедуре суда над татями, а частный, промежуточный — случай передачи обвиняемого недельщику для допроса. Зато, кроме татя, вставлен и разбойник, не попавший в ст. 34, возможно, по недомолвке.

Дополнение к ст. 34 („а поноровит...“ и т. д.) — типичная для Судебника 1550 г. санкция. Владимирский-Буданов различал в этой санкции „три различных вида наказания за одно преступление“ и объяснял это тем, что два первых большею частью употреблялись совместно, а третий присоединен потому, что преступление по службе влекло за собою «пеню»“ (как ст. 3). Это след того, что в Судебнике 1550 г. недельщик находится в переходной стадии от положения чистого вида кормленщика к положению звена в государственном центральном аппарате: пеня государева для него здесь дело новое (и факультативное). Если она последует, то и тюрьма явится не вторым наказанием (назначаемым приказным судьей, поручение которого выполнял недельщик), а временным задержанием — до назначения государевой пени (например определения срока тюремного заключения). Статья 86 гл. XXI Уложения 1649 г. разрешает вопрос

о трех наказаниях, поставленный Владимирским-Будановым: „...да его же за то бити кнутом и вкинути в тюрму до государева указу“.

Статья 53 почти дословно перенесена в Уложение 1649 г. (ст. 83, гл. XXI). Отпало только предположение, что недельщик при „поимании“ (аресте) преступников может соблазниться прихватить и людей непричастных („опричных“), в соответствии с чем в Уложении опущены слова: „а опричных ему людей не имати“.

СТАТЬЯ 54

Ср. Судебник 1497 г., ст. 35.

Дополнение Судебника 1550 г. („а которой неделщик...“ и т. д.) — типичная для него санкция. Владимирский-Буданов недоумевал: „... почему в этом случае истцом иск взыскивается вдвое, тогда как в случае, обозначенном в статье предыдущей, только просто иск. Повидимому, частный интерес истца затрагивается и там и здесь одинаково; преступление же в ст. 53 более важно, чем обозначенное в ст. 54“.

Повидимому, дело здесь было не в степени нарушения „частного интереса“, а в степени распространенности этого своевольного действия недельщика. Как и статья 53, статья 54 почти дословно перенесена в Уложение 1649 г. (ст. 86, гл. XXI). Столетие, разделяющее эти два памятника, покончило с чисто кормленщичьим пережитком в работе недельщика в виде продажи доверенного ему татя, и запрещение „а не спродати ему татя“ отсутствует в Уложении. Но самовольная дача татя на поруки стойко выдержала испытание времени в практике недельщика — и удивлявшее Владимирского-Буданова взыскание с него двойного иска сохранено Уложением. Это подтверждает наше предположение, что дело было здесь в оценке Судебником 1550 г. степени распространенности практики поруки — оценке, оправданной дальнейшим ходом вещей, что засвидетельствовано Уложением 1649 г.

СТАТЬЯ 55

Ср. Судебник 1497 г., ст. 10.

Ср. губной наказ селам Кириллова монастыря 27 сентября 1549 г.: „...и которого татя поимают на первой татбе, а досудите до вины, и вы б, на том тате доправя исцовы иски, отдавали исцем, а в продаже тот тать наместнику и волостелем и их тиуном; и как наместники и волостели и их тиуны на тате продажу свою учинят, и вы б старосты губные тех татей велели, бив кнутьем, да выбити их из земли вон“.[1]

Судебник 1497 г. не интересовался дальнейшей судьбой „татя“, после того как с него будет доправлен иск, а сам он будет продан судьей. Судебник 1550 г. вставляет в текст Судебника 1497 г. точное ее определение:

[1] ААЭ, т. I, № 224.

...а его дати на крепкую поруку, а не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрму, доколе порука по нем будет“.

Судебник 1497 г. не знает понятия выдачи человека „головою на правеж до искупа“; это понятие вводит статья 55 Судебника 1550 г. вместо прежней выдачи „головою на продажю“ Судебника 1497 г., в которой обнаруживается по меньшей мере то же безразличие к судьбе татя после его продажи на сторону. Наоборот, Судебник 1550 г. требует от истца гарантии, что он, „доправя свое“, не продаст татя, а отдаст его боярам, и даже грозит истцу, не дающему такой гарантии, невыдачей ему татя на правеж и отсрочкой удовлетворения иска до взятия татя на поруку кем-либо третьим. Судебник 1550 г. и в дальнейшем, новом своем тексте проводит начало поруки применительно к татю по окончании дела о его первой татьбе. Татя отдают на поруку или сажают его в тюрьму, пока не явится порука, с изъяснением: „кто ему [т. е. на случай, если] будут вперед иные истцы“, т. е. если окажется, что украл он не впервые или не у одного только этого истца.

Статья 55 не ставит и не решает вопроса, доколе будет сидеть тать в тюрьме без поруки. Близкую к этой ситуацию имело в виду Уложение Алексея Михайловича (гл. XXI, ст. 92): „... а которые люди в исцовых искех сидят в тюрме, а ис тюрмы на них исцовы иски правят, а исцов у правежу нет, а сидят они в тюрме лет пять и больши; и тех людей дати на статныя поруки з записью в том, как их спросят, и порутчиком их поставить, а исцовых исков на них бес челобитчиков не править“.

Так же точно статья 55 не предусматривает случая, когда истцу не удастся добиться удовлетворения на правеже. Этот случай был рассмотрен царем Иваном „со всеми бояры“ и разрешен их приговором, присланным государевым казначеям 5 мая 1555 г.: „...которые люди у вас в которых делех обвинены и стоят в исцовых искех на правеже, и те бы люди стояли на правеже во сте рублех месяц; а которые люди стоят на правеже менши ста рублев или болши, и те бы люди стояли по тому же розчету. А на которых людех и в месяц истцова иска доправити не мочно, и вы бы тех людей в истцовых искех выдавали истцом головою до искупа; а болши бы месяца ответчики в истцовых искех на правеже не стояли. А которые люди (ответчики, — *Б. Р.*) добиют челом о переводе (отсрочке, — *Б. Р.*), ино дати срок денги перевести и на другой месяц, а болши того срока не давати, для волокиты людские“.[1]

СТАТЬЯ 56

Ср. Судебник 1497 г., ст. 11.

Судебник 1497 г. рассматривал случай вторичного воровства, караемого смертной казнью, только с точки зрения удовлетворения потерпевшего —

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, стр. 3.

истца, — при несостоятельности татя, отказывая в удовлетворении и не допуская выдачи татя истцу головою.

Судебник 1550 г. переключил в ст. 56 внимание на способ удостоверения вторичности факта воровства и ввел в текст в этом качестве пытку как решающее обстоятельство: „...скажет на собя сам, ино его казнити смертною казнью"; „...не скажет, ино про него послати обыскати". Но что бы ни дал обыск („лихой" он человек или „добрый"), при отсутствии собственного признания, смертная казнь отпадала и заменялась („лихому") пожизненным тюремным заключением или („доброму") через тюрму, „крепкою порукой". Собственное признание и есть новость, внесенная в судопроизводство по татиным делам составителем Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 57

Ср. Судебник 1497 г., ст. 14.

Судебник 1550 г. ограничился здесь тщательным перередактированием ст. 14 Судебника 1497 г.: заменил неопределенное „опытати" технически точным „обыскати", соответствующим дальнейшему „в обыску про него худа не скажут"; уточнил, о каком „доводе" (доказанном обвинении) идет речь (именно, „по обыску в какове в прежнем деле"), почему и заменил прежнее (в ст. 14) „прирока с доводом" одним „доводу" („прирок" по связи со словом „прирочный", т. е. оговоренный татем, тут исходил бы не от татя и порождал двусмысленность), и ввел мотив собственного признания прирочного человека как решающее для обвинения обстоятельство. Ср. ст. 56.

СТАТЬЯ 58

Ср. Судебник 1497 г., ст. 12.

Татищев дает иной текст: „...а довода на него прежних дел у кого крал, или татьбу принимал (не будет?), ино на того суд, а по суду чего доведется; а покажут кого преж крал или кому татьбу плачивал, ино на том взяти истцову гибель без суда...". Владимирский-Буданов полагал, что „заметное поновление языка, конечно, не принадлежит Татищеву, который всегда передает текст довольно точно". Однако ни в одном списке Судебника (см. варианты к ст. 58, стр. 159) подчеркнутых слов нет.

Владимирский-Буданов отмечал: „Царский Судебник увеличивает, сравнительно с I Судебником, число добрых людей (присяжников) с 5—6 на 10—15 или 15—20. При этом весьма замечательно, что совесть детей боярских оценивается выше совести крестьян, относясь к ней как 2:3. — Уже Герберштейн писал: «Unius nobilis testimonium plus valet, quam multorum

ililis conditionis hominum»;[1] вместе с этим Судебник Царский возвышает значение показаний этих добрых людей (за неодобрительными показаниями следует уже не одно гражданское взыскание, но и уголовная кара). Очевидно, что Царский Судебник придает показаниям этих свидетелей полное значение повального обыска".

Здесь правильно отмечена перемена в оценке показаний детей боярских (ср. комментарий к ст. 64). Но непонятно, о какой „уголовной каре" говорит Владимирский-Буданов, когда дело не доходит даже и до суда. Несомненно только, что тать в ст. 58 не совсем то, что „тать поиманный с татбою впервые" в ст. 55, ибо его не казнят торговой казнью, как того, а ограничиваются только отдачей его „на крепкую поруку" или задержанием „доколе о нем порука будет". Но вопрос о дальнейшей судьбе татя, стоявший перед составителем Судебника 1550 г. в ст. 55, явился у него и при пересмотре ст. 12 Судебника 1497 г.; на него он и дал ответ в своем дополнении к этому прежнему тексту.

Не меньшую трудность представляет и толкование дальнейшего—о мерах наказания мошенника и обманщика. „Торговый обман", как правдоподобно толкует здесь мошенничество Владимирский-Буданов, конечно, меньшее преступление, чем прямое воровство. Не трактовал ли составитель татьбу здесь как сравнительно мелкое воровство? На такое предположение наводит Судебник 1589 г., где при изложении казуса ст. 58 в ст. 110 сказано: „...и на нем исцев иск доправити без суда, будет ниже 10 рублев", а в ст. 111 поставлена под подозрение правдивость оговора „добрых людей" ст. 58 (не „солгали" ли они „нарядом"). Во всяком случае, составитель ст. 58 мошенника приравнял татю; но с оговоркою: „...хто на оманщике (= мошеннике) взыщет и доведут на него (т. е. приведут улики), ино у ищеи иск пропал. А оманщика, как его ни приведут, ино его бити кнутьем". Объяснения такому странному обороту дела Владимирский-Буданов предложил искать в изложении ст. 112 Судебника 1589 г.: „...а кто на мошеннике или на оманщике взыщет того, что его оманул, и хоти его трою днем вымаешь (= приведут, — ст. 58 Судебника 1550 г.) и доведешь на него, ино его бити кнутом, а исцева иску не правити, потому что один оманывает, а другой догадывайсе, а не мечися на дешевое". — Парное сочетание терминов „оманщик" и „мошенник" имеется и в Стоглаве: „...в троецкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жалниках и плачютца по гробом с великим кричанием, и егда начнут играти скоморохи и гудцы и прегудницы, они же от плача преставше, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сатанинские пети на тех же жалниках — оманщики и мошенники!"[2]

[1] Перевод: „Показание одного дворянина значит больше, чем многих людей низкого сословия".

[2] Стоглав, стр. 74.

СТАТЬЯ 59

Ср. Судебник 1497 г., ст. 8.

Составитель Судебника 1550 г. исключил из прежнего текста татьб вопрос о которой был разработан в предшествующих статьях, но добави „подписку", т. е. подделку документов. Принципиальная новость здесь - лишение боярина и дьяка центрального приказа права на оставшееся (уплатой иска) после казненного имущество.

Отдати в прогоны — Владимирский-Буданов переводит „приставам"; Тат щев — „расходы приказные". Владимирский-Буданов справедливо виді в этом „доказательство того, что центральные суды... потеряли все сво ства кормлений".

От того не имати ничего — вероятно, „на истца" (ср. ст. 60).

СТАТЬЯ 60

Ср. Судебник 1497 г., ст. 39.

По мнению Владимирского-Буданова, составитель Судебника 1550 в начале ст. 60 исключил разбой, потому что „в провинциях губное де было отделено от обыкновенных судов, — а под губными делами именн разумелись только дела о разбое, тогда как душегубство, татьба и други определенно отнесены к суду наместников...". Это и сформулирован в общей форме в дополнении ст. 60 к первоначальному тексту (ст. Судебника 1497 г.).

И. И. Смирнов обращает внимание на оговорку в начале ст. 6 „... а будет ведомой лихой человек", оговорку, отличающую ст. 60 от ст. 7 „которая также рассматривает вопрос о важнейших уголовных преступл ниях, но в отличие от ст. 60 исходит из того, что преступники не являлис в момент совершения данного преступления ведомыми лихими людьми"[1] Трактуя ст. 60 в плане проводимого Судебником 1550 г. ограничения влас наместников, И. И. Смирнов видит его не только в том, что „дела о вед мых разбойниках целиком исключались из ведения наместников и сосред точивались у губных старост", но и в том, как решается в ст. 60 вопр о татьбе, в словах: „... а старостам губным, опричь ведомых розбойнико у наместников не вступатись ни во что. А татей им судити по царевым вел каго князя губным грамотам, как в них написано". Владимирский-Будан относил это „им" и к губным старостам и к наместникам. И. И. Смирн не считает возможным признать „двойственный смысл слова «им». В текс Судебника оно несомненно относится к губным старостам. В самом дел в то время как первая часть приведенного текста формулирует общу

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 287.

рму: губные старосты не вмешиваются в действия наместников за исклю-нием дел о ведомых разбойниках, вторая часть ограничивает эту норму азанием на то, что губным старостам („им“) подлежат также и дела татях в порядке, установленном губными грамотами. Столь же неприем-мо и допущение Владимирского-Буданова, что наместники в делах о татях ководствуются нормами губных грамот... Губные грамоты устанавли-ют не порядок деятельности наместников, а как раз наоборот — опреде-ют круг дел, изымаемых из ведения наместников“.[1] И. И. Смирнов спра-дливо отводит ссылку Владимирского-Буданова, для выяснения этого руга дел, на Белозерскую губную грамоту 1539 г., передавшую губным аростам дела только о разбое, — к моменту издания Судебника 1550 г. на успела уже устареть. И для толкования ст. 60 Судебника надо привлечь бной наказ селам Кирилло-Белозерского монастыря, датированный 27 сен-ября 1549 г., „т. е. отделенный от издания Судебника лишь несколькими есяцами“. А именно его раздел о татях: „А с татьми бы есте управу инили: которого татя поимают и приведут к вам, к старостам к губным, поимают его в волости или в котором деле, и вы б, старосты губные, ого татя судили с волостели тех волостей, а коли не будет в тех волостех олостелей, и волостелины бы тиуны судили тех татей с вами с старостами губными. И которого татя поимают на первой татьбе, а досудите до вины, вы б на том тате доправя исцовы иски, отдавали исцем, а в продаже от тать наместнику и волостелем и тиуном. И как наместники и волостели их тиуны на тате продажу свою учинят, и вы б, старосты губные, тех тей велели бив кнутом да выбити их из земли вон. А поимают того татя другою татбой, а доведут на него другую татбу, и вы б на том тате лели бив кнутьем да отсечь у него руку, а в продаже бы того татя отда-ли волостелем и их тиуном, и как тому татю волостели и их тиуны про-жу свою учинят, и вы б, старосты губские, того татя велели выбити из мли вон. А поимают того ж татя с третьею татбой с поличным, и доведут него третью татбу, и будет тот тать ведомой лихой, и вы б исцевы иски ли исцем из его животов и статков; а что тех татиных животов останется исцовых исков, и вы б досталь тех татиных животов отдали волостелем и их уном за их пошлину; а того бы есте татя велели, бив кнутьем да казнив ертною казнью, повесити в тех местах, где которого татя поимают с татбою“.[2]

Анализируя этот текст, И. И. Смирнов заключает, что грамота предо-авляет разбор дел о татьбе именно губным старостам и сохраняет за лостелями лишь право на „продажу“ или „пошлину“ с преступника, „т. е. получение определенных судебных доходов от процессов о татьбе“. Именно эту форму суда и имеет в виду ст. 60 Судебника 1550 г., пред-

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 289.

[2] Там же, стр. 289—290; ААЭ, т. I, № 224.

писывая судить татей губным старостам“ — „по губным грамотам, как в них написано“. Но как же тогда быть с другой формулой ст. 60: „а старостам губным, опричь ведомых розбойников, у наместников не вступатись ни во что“, — которая стоит, на первый взгляд, в противоречии с ее же формулой о суде губных старост над татями? По мнению И. И. Смирнова, „это противоречие устраняется грамотой 1549 г., которая следующим образом определяет взаимоотношения между судом наместничьим и судом губных старост: «а в наместничь бы есте суд у наместников и у волостелей и у их тиунов в бои и в грабежи и в поличные не вступалися, опричь ведомых татей и розбойников; а наместники бы и волостели и их тиуны в ваш суд не вступалися». Сопоставляя эту формулу со ст. 60 Судебника 1550 г., следует заключить, что Судебник объединяет под одним термином «ведомых разбойников», помимо разбойников в собственном смысле слова, также и ведомых татей“ (ср. в той же грамоте употребление термина „разбойник“ как родового понятия, объединяющего разбойников и татей: „...а который разбойник или тать своих товарыщев разбойников скажет и в иных городех, где которые разбойники и тати живут“, или „а которых разбойников ведомых поимаете и обыскав их казните, и тех разбойников и татей животы и статки отдавали бы“).

Свой комментарий к ст. 60 И. И. Смирнов подводит к следующему общему заключению: „Итак, определяя взаимные отношения наместников и губных старост, Судебник 1550 г. идет по тому же пути ограничения объема деятельности органов наместничьего управления, что и в вопросе о «докладе» и «боярском суде» (ст. 71 и 68). Вместе с тем Судебник 1550 г. столь же отчетливо проводит линию на укрепление и развитие новых органов в системе местного управления Русского государства. В этом смысле издание Судебника 1550 г. можно рассматривать как важнейший этап в проведении губной реформы, поскольку Судебник своей ст. 60 превращает губные учреждения в органическую составную часть государственного аппарата в масштабе всего государства. Если при этом учесть, что губные старосты в своей деятельности находились под контролем Разбойного приказа, то усиление их веса в управлении за счет ограничения наместников и волостелей означало дальнейшее укрепление централизованного государства, одним из органов которого и являлись губные учреждения“.[1]

Насколько кормленщики (наместники и волостели) находились на постоянном подозрении у составителя Судебника 1550 г., можно и здесь видеть в обычно не отмечаемом небольшом дополнении к старому тексту ст. 39 Судебника 1497 г. Статья 39 запрещала выдавать истцу ведомого лихого человека, в случае его несостоятельности, „головой“ — „в его гибели“. Так как и наместнику в этом случае не доставалось ничего, то составитель

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 290—291.

)бавил: „...а на исце (и без того пострадавшем, однако же платеже-ıоособном, — *Б. Р.*) наместнику или волостелю и их тиуном не имати ıччего".

СТАТЬЯ 61

[Ср. Судебник 1497 г., ст. 9.

СТАТЬЯ 62

Ср. Судебник 1497 г., ст. 38.

Статья 62 открывает в Судебнике 1550 г. сплошной ряд статей (статьи ?—75), относящихся к регламентации наместничьего управления, частью ззвитых на основе текста Судебника 1497 г., частью совершенно новых ı образующих как бы уложение по этому предмету, проникнутое единой :нденцией — организовать контроль над местным управлением в обще-эсударственном масштабе.

В советской литературе „вопросам управления в Судебнике" обширное ссследование посвятил И. И. Смирнов.[1] „Одним из центральных вопросов ıутренней политики в момент издания Судебника, — по его мнению, — был ›прос о наместничьем управлении. Пересветов, сочинения которого есьма важны для выяснения той обстановки, в какой создавался Судебник 550 г., рассматривает наместничье управление как одно из главных зол государстве. «Махмет-салтан, турецкий царь», деятельность которого еересветов изображает как пример, которому должен последовать Иван IV, иикому ни в котором граде наместничества не дал вельможам своим для рго, чтобы не прелщалися неправдою судити». Чрезвычайно важно и арактерно, что в качестве средства, которое должно послужить к уничто-еению «неправды», производимой действиями «вельмож», Пересветов, наряду ıтребованием замены суда наместников судом «прямых судей», указывает аı «судебные книги», которые должны обеспечить беспристрастность суда: И послал (Махмет-салтан, — *И. С.*) на все свои грады прямые судьи, угро-ивши своею грозою царскою, и выдал им *книги судебныя* по чему им инити и правити.[2] Таким образом, дворянская публицистика 40-х годов XVI в., эдвергая резкой критике наместничье управление, указывала вместе с тем ıпути борьбы против наместников, выдвигая в качестве одного из средств той борьбы «книги судебные». Вопросам управления и суда посвящена амая большая группа статей Судебника 1550 г., причем именно в этой асти Судебника 1550 г. содержится наибольшее количество новых статей о сравнению с Судебником 1497 г., равно как из статей Судебника 1497 г., ошедших в состав Судебника 1550 г., наибольшей переработке, измене-ниям и дополнениям подвергались статьи об управлении и суде.

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 277—317.

[2] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908, стр. 72—73. (Курсив [. И. Смирнова).

Определяя роль и значение различных органов управления государством и их взаимоотношения друг с другом, Судебник 1550 г. не ликвидирует старой системы управления, существовавшей в Русском государстве. Основа этой системы — наместничье управление — сохраняется Судебником 1550 г. Но, сохраняя старые органы управления, Судебник 1550 г. вместе с тем вносит чрезвычайно важные изменения в систему управления Русского государства".[1]

Статье 62, в этой связи, И. И. Смирнов не уделяет внимания, ограничиваясь мимоходом указанием, что в словах ст. 62, заимствованных ею из Судебника 1497 г., описана процедура „обычного порядка рассмотрения лихих дел" и что в этом „обычном порядке продажа и казнь, т. е. наказание преступника (или его оправдание), вытекают из хода судебного процесса".[2] Между тем уже и в этой старой части ст. 62 можно отметить (чего не отметил и Владимирский-Буданов) определение судебных пошлин наместника в абсолютной цифре (с рубля по гривне) вместо прежних: „противни по грамотам" (если они есть) или „противу исцова" или „противня в полы исцова", как была сформулирована наместничья пошлина в Судебнике 1497 г. Что дело было здесь не просто в унификации пошлины, а в ее уменьшении, ясно само собою из отмены 100 и 50 процентов от суммы иска и из того, что сейчас пошлина с „виноватого ищеи" была понижена с гривны до двух алтын (как то было уже сделано, например, в уставной грамоте 16 июля 1537 г.,[3] где, однако, с виноватого ответчика еще сохранена была пошлина „в полы исцова"). То же понижение — и с „полевыми пошлинами", установленными в ст. 62 в размере полутора рублей — взамен „противня противу исцова",

Что касается вставок в старый текст Судебника 1497 г., сделанных при редактировании ст. 62 составителем Судебника 1550 г., то первая из них детально разрабатывает процедуру контроля судебной деятельности наместников (бояр и детей боярских, „за которыми кормления с судом с боярским"), так сказать, снизу и принадлежит той же многоопытной в делопроизводстве руке, которая так заметна в ст. 28 (см. комментарий к ней). Это делопроизводство в наместничьем суде ведется в две пары рук. „Судное дело" пишет з е м с к и й дьяк, „противень" „слово в слово", т. е. копию пишет н а м е с т н и ч и й дьяк. На подлинном прикладывают руки старосты и целовальники, к копии прикладывает свою печать наместник. Подлинник хранится у наместника, „противень" дается старосте и целовальникам. Учтен и бытовой факт возможной неграмотности некоторых из целовальников: неграмотные рук своих не прикладывают, зато именно они получают на хранение „противень" за наместничьей печатью. Учтен — в предположении

[1] И. И. С м и р н о в. Судебник 1550 г., стр. 277.

[2] Там же.

[3] ААЭ, т. I, № 183.

. легче осуществим сговор наместника с грамотной частью целовальников предмет параллельных изменений в тексте судного дела, потому что грамотные в подобном случае были бы пассивной стороной.

Напрашивается при этом предположение, что пространная вставка (от вв: „целовальником. А судные дела“, кончая словами: „...старосте и овалником“) была заказана и исполнена как цельное произведение или, жет быть, даже писалась в расчете, что она будет заканчивать будущую статью, надстраиваемую над старым текстом. Принцип обязательного сутствия на суде старосты и целовальников, выраженный в начале 62 в положительной форме, — в конце вставки 1550 г. повторно выра- н в крепко замыкающей все изложение отрицательно-утвердительной рме (без таких-то „не судити“—„быти на суде“ таким-то).

Этим можно было и кончить ст. 62 с тем, чтобы отнести дальнейшее старого текста о пошлинах в следующую, самостоятельную статью, каково было, вероятно, намерение составителя, потому что далее старый текст дебника 1497 г. гласил: „А без (таких-то) суда не судити“, что делало лишним вновь сочиненное окончание изготовленного текста в контроле.

Второе дополнение в ст. 62 („а убьют на поле ищею...“), в стиле отме- нной выше редакционной работы над старым текстом, отвечало на вопрос, делать, если на поле будет „убит“ не ответчик (чем кончался текст удебнике 1497 г.), а истец, и сводило дело к уплате истцом пошлин.

Значит, статья 62, при ближайшем рассмотрении, написана была под ом зрения усвоенной правительством Ивана IV программы усиления гламентации и контроля наместничьего управления.

Ср. Стоглав: „...оприч духовных дел, попов и дияконов... и мирских дей повелевают святители бояром своим судити; а у бояр в суде сидети ростам поповским... да грацким старостам и целовальником и земскому яку, которым царь прикажет, и тем старостам и целовальником и зем- ому дьяку с тех судных дел списывати противни слово в слово да д е р- т и и х у с е б я, а к тем спискам дьяки р у к и с в о и п р и к л а д ы в а ю т, их дьяк земский или сами старосты и целовальники... к тем судным иском к обоим... руки свои прикладывают, чтобы было брежно... да те иски держати дьяком у себя в ларце за боярскими печатьми п о ц а р е в у д е б н и к у“.[1]

СТАТЬЯ 63

Новая. Можно думать, что новое, ограничительное, определение бояр- ого суда внесено в ст. 63 именно после ст. 62 потому, что в этой последней чь шла (по традиции еще Судебника 1497 г.) о кормленщиках, „за кото- ми кормления с судом боярским“. Здесь Судебник ограничивает компе- нцию наместников в делах о холопстве. И. И. Смирнов учел высказан-

[1] Стоглав, стр. 94.

ное мимоходом замечание А. Е. Преснякова о необходимости исторического подхода к понятию „боярского суда“[1] и рассматривает ст. 63, как отражающую определенный этап в истории боярского суда, близкий к его ликвидации. „Результаты рассмотрения в суде дел о холопстве фиксировались в виде определенного типа грамот: правых, отпускных, полных, докладных, беглых. Каждая из этих разновидностей грамот соответствовала определенному кругу дел: о поступлении в холопство (полные, докладные) об освобождении от холопства (отпускные) и розыске беглых холопов (беглые), об исках между холопами и господами (правые). В Судебниках компетенция наместников по делам о холопстве определяется правом наместников выдавать ту или иную разновидность грамот. Судебник 1497 г. предоставляет право давать правые, отпускные и беглые грамоты наместникам с боярским судом (статьи 40, 41, 42; ср. статьи 18, 20), включая таким образом дела о холопстве в круг дел, составлявших сферу действия боярского суда. Судебник 1550 г. вносит существенные изменения в порядок рассмотрения дел о холопстве. Из пяти разновидностей грамот по делам о холопстве перечисленных выше, Судебник 1550 г. сохраняет за наместниками с боярским судом право выдачи лишь полных и докладных грамот (ст. 63). Выдача правых и беглых грамот наместниками разрешается Судебником 1550 г. только с доклада боярам в Москве. Тот же порядок устанавливается и для отпускных грамот, выдача которых должна быть только «с боярского докладу»... (см. стр. 77, — *Б. Р.*). Таким образом и в делах о холопстве подобно делам об уголовных преступлениях, Судебник 1550 г. резко ограничивает права наместников, подчиняя их деятельность центральным органам управления. Изменения, вносимые Судебником 1550 г. в понятие боярского суда, шли таким образом по пути изъятия из его компетенции почти всех дел, которые были ему подсудны прежде. В итоге они означали по существу ликвидацию «боярского суда» наместников как высшей судебной инстанции, сосредоточив высший суд в руках центральных органов государства. Рассмотрение вопроса о боярском суде в Судебниках 1497 г. и 1550 г. дает возможность правильно понять существо ст. 63 Судебника 1550 г., содержащей определение боярского суда и вызывавшей такое большое количество споров в литературе.[2] Странное на первый взгляд

[1] „Судебник Ивана Грозного ограничил полномочия боярского суда по наместничествам в пользу окрепших центральных учреждений и сильно затруднил понимание боярского суда исследователям, которые пытаются построить его определение на признаках, взятых из разных эволюционных моментов изучаемого явления“ (А. Е. Пресняков. Московское царство. Пгр., 1918, стр. 54).

[2] Обзор мнений по вопросу о боярском суде см. у В. О. Ключевского „Боярская дума древней Руси“ (изд. 5-е, Пгр., 1919, стр. 113—114) и у А. Е. Преснякова „Московское царство“ (1918, стр. 53—54), где подвергнуты критике взгляды В. О. Ключевского на боярский суд. (Примечание И. И. Смирнова, — *Б. Р.*). — Ср.: „Русский вестник“ (1876, № 5) и „Вестник Европы“ (1876, № 9) — полемику Н. Ланге и Н. Костомарова.

пределение боярского суда в ст. 63 как права наместника «давати полные докладные» становится вполне понятным, если его рассматривать истори-ески. Ст. 63 Судебника определяет понятие боярского суда не «вообще», на вполне определенном этапе его истории, на том ее этапе, когда новый акон... фактически уже почти ликвидировал этот старый вид высшего уда, изъяв из его компетенции основную массу наиболее важных дел оставив лишь наименее значительные".[1]

О боярском суде см. комментарий к Судебнику 1497 г., стр. 41—43 66—68.

СТАТЬЯ 64

Новая. Оценивая „издание" Судебника 1550 г. как „акт огромной олитической важности" И. И. Смирнов называет ст. 64 „одной из централь-ых по своему значению статей, ибо в ней выражена политическая линия удебника 1550 г. в отношении дворянства, помещиков".[2]

Камнем преткновения при толковании текста ст. 64 долгое время был ермин „вопчие грамоты", встречающийся только в этом тексте. Владимир-кий-Буданов искал разъяснения этого термина в понятии „вопчего суда" ли, что то же, „сместного", почти непременной принадлежности текста обой жалованной или уставной грамоты) и дал такой комментарий к этой атье: „...не вернее ли объяснить некоторое исключительное положение етей боярских в отношении к областному суду тем, что они вообще режде не были связаны с областною жизнию, составляя двор князя, в областях лишь испомещаясь. Судебник прочнее водворяет их в областях, одчиняя суду наместников с теми ограничениями, какие по местам пред-авляли жалованные грамоты и грамоты о суде «вопчем». Последнее ка-ается не только самих детей боярских, сколько людей, поселенных в их мениях...". За этим, как видно, стояла у Владимирского-Буданова общая онцепция, согласно которой до Судебника 1550 г. ни сами дети боярские, население „их имений" не были подчинены наместничьему суду, пользо-ались полной несудимостью. Судебник же ограничил их иммунитет, под-инив их „вопчему" (в подлежащих случаях) суду (по типу обычных жало-нных грамот), в котором принимал участие наместник, очевидно, совместно данным сыном боярским,—по делам о спорах между людьми этого оследнего и людьми, подсудными наместнику. Таким образом, оборотной тороной ограничения, уготованного правительством царя Ивана IV детям оярским, было бы расширение компетенции наместничьего управления (против оторого восставал Пересветов, см. комментарий к ст. 62). Ясно, что при акой концепции и таком толковании термина „вопчие грамоты" статья 64 овершенно выпадала из стиля окружающих ее в Судебнике статей, направ-енных к ограничению власти наместников.

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 285—286.

[2] Там же, стр. 267 и 296.

Для историографического положения Судебника 1550 г. как исторического источника очень характерно, что статья 64 осталась обойденной такими историками, как М. В. Довнар-Запольский, уделивший много внимания пересветовским мотивам в политической программе первых лет царствования Ивана IV,[1] или Н. П. Павлов-Сильванский, можно сказать, посвятивший себя изучению русского иммунитета. Не менее характерна в этом смысле и судьба одного летописного текста, заключавшего в себе прямой комментарий к ст. 64, изданного еще в 1911 г. и в течение 15 лет остававшегося непривлеченным к ее истолкованию. Имеем в виду отрывок русской летописи с 1451 по 1551 г., попавший в так называемый Музейский список Русского хронографа редакции 1512 г.[2]

Это „важное известие“ впервые было пущено в научный оборот только в 1923 г. С. Ф. Платоновым[3] со сдержанной оговоркой, что „повидимому событие 27 февраля 1549 г. послужило поводом к составлению легенды о земском соборе 1547 или 1550 г.“, когда будто бы царь на площади торжественно говорил всему народу покаянную речь и обещал ему правосудие, и без попытки связать с этим известием о посланных „во все города“ жалованных грамотах детям боярским „вопчие грамоты“ ст. 64. В свое время (еще в 1900 г.) С. Ф. Платонов[5] первый приложил руку к разрушению „легенды“ о „соборе примирения“ царя с народом, и, вероятно, этим можно объяснить его пренебрежение к ясному указанию нашего известия на два выступления Ивана в день 27 февраля — одно в заседании освященного собора и боярской думы с осуждением бояр и защитой детей боярских, в конечном счете „умильное“, и другое в собрании иного состава с участием детей боярских, столь же „умильное“ (две умильности одновременно по адресу обоих антагонистов — это ли не попытка примирения?") Конечно, и А. Н. Филиппов и М. К. Любавский, если бы подозревали о существовании этого летописного текста, использовали бы его в осторожно гипотетических рассуждениях о „соборе 1550 г.“ в своих общих курсах[6] и отметили бы двупалатность в процедуре, которой обставил царь свою политическую работу в этот исторический день.

---

[1] М. В. Довнар-Запольский. Политические партии первой половины XVI в. и власть московского царя. Русская история в очерках и статьях под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. II, б. г., стр. 118—224.

[2] ПСРЛ, т. XXII (см. выше, стр. 183, полный текст).

[3] С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пгр., 1923, стр. 60—62.

[4] Н. М. Карамзин. История государства Российского. Изд. 5-е, СПб., 1843, т. VIII, примечания 182, 184.

[5] С. Ф. Платонов, Соч., т. I, стр. 201 и сл.

[6] А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права, ч. I. Юрьев, 1914, стр. 400 и сл. — М. К. Любавский. Лекции по древней истории русской до конца XVI века. М., 1915, стр. 288 и сл.

(Совершенно игнорировал „важное известие“ 27—28 февраля и С. Б. Весе-зский, хотя его работа о Вотчинном режиме[1] и вышла три года спустя ле работы С. Ф. Платонова. Собрав 40 жалованных грамот, данных ужилым людям“ в XV в., и 62 грамоты, данные им же в первой поло-е XVI в., С. Б. Веселовский установил, что „в первой половине XVI в. и (пожалования, — *Б. Р.*) выливаются в однообразный шаблон четырех-тейной несудимой грамоты“, и сделал отсюда решительный вывод о „все-щности таких пожалований“. Статья 64 и понадобилась ему как „очень жное указание на то, что в середине XVI в. дача несудимых грамот была щим правилом“. При этом С. Б. Веселовский не сомневался, что термин опчие грамоты“ в ст. 64 изобличает ее „неудачную редакцию“ и что о — „те же несудимые жалованные грамоты“. Оставалось только объяс-ить, „почему, в таком случае, редакторы Судебника употребили такой не-ычный термин“. Но объяснение получилось у С. Б. Веселовского непо-нее объясняемого: так как редакторы „вовсе не думали отменить... не-димости“ (которой пользовались дети боярские по своим несудимым гра-там), „поэтому им казалось неправильным и неподходящим сказать, что местники должны судить детей боярских по их несудимым грамотам“ (но к же можно было бы предотвратить нарушение наместниками прав несу-мости детей боярских, как не обязав их сообразоваться с несудимыми гра-тами, т. е. поступать „по“ ним?). Сам же С. Б. Веселовский и продол-ет: „...а что Судебник вовсе не отменял несудимых грамот, видно из го, что судить наместники должны «по» грамотам, а также из того кта, что выдача несудимых грамот, совершенно прежнего типа, продол-ется несколько лет и после Судебника — в 1551—1554 годах. Поэтому я ду-ю, что ст. 64 имела в виду только сместный суд и потому назвала жа-ванные грамоты «вопчими»“. Ничего этим не объяснив, С. Б. Веселов-ий естественно вынужден был переспросить: „...почему, в таком случае, надобилось говорить о суде наместников, если сместный суд существо-л задолго до Судебника и статья о нем повторяется в грамотах, данных ле Судебника, без изменения против прежнего?“. Но и на этот вторич-й вопрос у С. Б. Веселовского получился вторично неудовлетворитель-й ответ. Ответ этот строится на произвольной предпосылке, что статья имела в виду только те „земли служилых людей“, которые „занимали лошь весь уезд или значительные части его“, где „людям и крестьянам жилых грамотчиков приходилось большей частью сплетаться в тяжбах с городскими или волостными государевыми людьми, а с людьми слу-лых же грамотчиков“, и где „практика выработала факультативный сме-ый суд, т. е. два грамотчика, не обращаясь к суду волостеля или на-стника, сами судили сместно своих людей“. Но где С. Б. Веселовский шел такие изолированные районы, сплошь заселенные „служилыми людь-

[1] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

ми“, где несудимая грамота становилась бы бессмысленным клочком бумаги — за отсутствием каких-либо инородных соседей, в виде монастыря, боярской вотчины, дворцового села, города или черной деревни? Поставив „служилых людей“ в это положение противоестественной изоляции, С. Б. Веселовский легко создает для них якобы типическую ситуацию „несогласия и споров между ними“, из которой для них нет иного выхода как „обращаться к суду наместника или волостеля“ не как к суду „сместному“, а как к суду „единоличному“, т. е. попросту напрашиваться на судимость у наместника. Но далее оказывается, что был из этого положения для служилых людей и еще один выход — „по четвертой статье несудимых грамот“, по которой грамотчики „были подсудны только самому князю или его боярам“, что-де открывало „возможность переносить сместные дела их людей и крестьян на суд царя и бояр в Москву“, под тем предлогом, что „служилые люди, сливая свои интересы с интересами крестьян, все чаще и чаще стали выступать на судах вместо своих крестьян“. Но иммунитетное право, формулированное в несудимых грамотах, не знало никакого сливания интересов, а четко противополагало три случая: 1) когда крестьян своих судит сам иммунист, 2) когда иммунист совместно с наместником или волостелем судит своих людей и чужих людей, подсудных наместнику, и 3) когда „кому будет чего искати“ на иммунисте, и тогда суд судит сам князь или его боярин.[1] Раз уже заставив служилых людей обратиться к наместничьему суду, как к якорю спасения, теперь С. Б. Веселовский заставляет центральную власть широко открыть двери в столицу потоку любых судных дел, какие только вздумается перенести на княжеский суд служилому человеку, и создать уже новое „право“, которое не только „значительно увеличивало количество судных дел“ в Москве, но и, по собственному же признанию С. Б. Веселовского, „становилось во многих случаях невыгодным самим служилым людям“ (по дальности расстояний и из-за московской „волокиты“). Построив это внутренне противоречивое предположение С. Б. Веселовский приходит к заключению, что статья 64 Судебника и явилась средством, „направленным против этих неудобств“: она „имела в виду только ... главным образом, те вопчие или сметные дела, которые грамотчики не могли решить (между собою, — *Б. Р.*) полюбовно. По ст. 64 такие дела становились обязательно подсудными наместникам, а дети боярские лишались права переносить их на суд царя и бояр в Москву. Только такие дела имела в виду 64 статья“.[2] Иными словами, статья 64 наградила новой функцией в отношении служилых иммунистов тех самых наместников, которым до того якобы подсовывали ее сами служилые иммунисты, и направила в русло наместничьего суда тот поток судебных дел, который якобы грозил затопить московское приказное

[1] См., например ААЭ, т. I, № 149, жалованная грамота 1506 г.

[2] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 103—10

делопроизводство, и тем вернула несудимости служилых людей ее исконный смысл, отняв завоеванное было новое, как выразился Б. С. Веселовский, „право“. Больше нельзя было затушевать и запутать политический смысл происходившей в те дни и месяцы острой борьбы внутри господствующего класса русского общества.

На это и указал С. Б. Веселовскому в нескольких словах А. Е. Пресняков, сославшись на цитированный выше летописный рассказ от 27—28 февраля 1549 г.: „Это известие ярко подтверждает общий вывод С. Б. Веселовского, что во время издания Судебника судебные привилегии служилых людей были общим правилом и во всех городах (а не только в районах сплошного и изолированного расположения поместий, — *Б. Р.*). Но если бы он знал этот текст, он, конечно, узнал бы в грамотах, о которых упоминает статья 64 царского Судебника („а детей боярских судити наместником по всем городом по нынешним царевым жаловалным по их вопчим грамотам“), те самые, о каких сообщает известие 1549 г., что они посланы во все города детем боярским». Это избавило бы С. Б. Веселовского при толковании им ст. 64 Судебника от всегда сомнительного приема, ссылки на ее будто бы «неудачную редакцию», и от искусственного толкования, вслед за Владимирским-Будановым, термина «вопчие грамоты» как наименования грамот по имеющейся в них клаузуле о «вопчем» или сместном суде. Нынешние «вопчие грамоты», очевидно, не старые именные, а новые общие» для служилых землевладельцев целого уезда“. В примечании А. Е. Пресняков добавляет: „Таких грамот до нас не дошло, или они пока не разысканы; это не должно удивлять, так как их сохранность, как актов по выполнению общего уложения, не имела особой цены ни для центральных учреждений, ни для землевладельцев, тщательно хранивших личные жалованные грамоты“.[1]

Так просто и с такой длительной историографической задержкой был разрешен вопрос о том, что такое „вопчие грамоты“ ст. 64, — стоило только выйти „за рамки обычного для историков-юристов истолкования текста“ и привлечь „для объяснения содержания ст. 64 материал летописей“.[2] И. И. Смирнов принял предложенное А. Е. Пресняковым толкование термина „вопчие грамоты“ и использовал его в своем обширном комментарии к ст. 64, построенном в плане исторической оценки русского иммунитета с марксистских позиций и с „учетом хронологического момента“, с учетом „хронологии жалованных грамот“, в частности. И вывод получился у него как раз обратный тому, к которому приходил С. Б. Веселовский, целиком продолжавший стоять на позициях либерально-буржуазной историографии как в толковании ст. 64, так и в общем вопросе о судьбах русского иммуни-

[1] А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость. ЛЗАК, вып. 34, 1927, стр. 190.

[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 304.

тета. „Раскрытие подлинного смысла «вопчих грамот» ст. 64 Судебника дает возможность раскрыть и содержание формулы Судебника о том, что наместники судят детей боярских по жалованным «вопчим грамотам». Очевидно, это тот самый порядок суда, который был установлен законом 28 февраля 1549 г. и заключался в том, чтобы «во всех городех Московские земли наместникам детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и тадьбы и разбоя с поличным». Итак, действительное существо ст. 64 Судебника 1550 г. заключается в том, что она лишает наместников их судебных прав в отношении детей боярских, оставляя наместникам для суда над детьми боярскими лишь узкий круг уголовных дел, связанных с убийством и разбоем. Во всех же других случаях дети боярские получают права непосредственного царского суда, т. е. приравниваются к привилегированным землевладельцам — боярству. В частности, и во всех делах между землевладельцами дети боярские не «лишались права переносить их на суд царя и бояр в Москву», как думает С. Б. Веселовский, а наоборот, исходя из содержания «челобитья» бояр царю в феврале 1549 г. о том, чтобы царь давал суд боярам с детьми боярскими, по челобитьям последних, в «каких делех ни буди», мы имеем все основания для вывода о подсудности детей боярских и в этого рода делах царскому суду“.[1]

Этот свой вывод И. И. Смирнов подкрепляет сопоставлением ст. 64 со ст. 100 Судебника (см. комментарий к ст. 100), которая, действительно, „категорически устанавливает принцип непосредственного царского суда в делах между детьми боярскими московскими и удельными, причем в одном случае царь осуществляет суд лично, «судит царь и великий князь сам» (при истце — сыне боярском из удела и ответчике — сыне боярском москвиче), а в другом осуществляет свой суд через специального судью. Таким образом, по крайней мере между детьми боярскими московскими и удельными, их судил царский суд. Но очевидно, что этот порядок суда, устанавливаемый в ст. 100, есть не что иное, как применение к специальному вопросу (которому посвящена эта статья) общей нормы (ее и формулирует ст. 64 Судебника)“.[2]

Так, вместо усиления власти наместников и самообороны центральной московской власти от наплыва в Москву детей боярских в поисках царского суда, как то было у С. Б. Веселовского, статья 64 у И. И. Смирнова знаменовала, как и весь Судебник в целом, „важнейший этап в истории политического возвышения дворянства — помещиков“: она „зафиксировала и законодательно закрепила итоги борьбы служилых людей против наместников и за расширение своих привилегий“.[3] Тем самым статья 64 заняла подобающее ей положение для понимания истории детей боярских —

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 305 (разрядка моя, — *Б. Р.*).
[2] Там же, стр. 306.
[3] Там же, стр. 302.

помещиков в XVI в. По-настоящему закрепить этот результат можно было, однако, не одним только устранением ошибочных рассуждений С. Б. Веселовского по поводу текста этой статьи, а и устранив до конца всю его ошибочную концепцию русского иммунитета, связанную с этими рассуждениями.[1] Антиисторичность этой концепции И. И. Смирнов вскрывает на употреблении, какое сделал С. Б. Веселовский из своих наблюдений над „составом владельцев жалованных грамот" XV—XVI вв.: „констатируя, что большинство грамотчиков — рядовые и даже мелкие служилые люди, причем в значительной своей части даже не вотчинники, а помещики, С. Б. Веселовский не поставил этого своего наблюдения в связь с хронологией жалованных грамот, а превратил его в общую принципиальную формулу о характере иммунитета как комплекса чисто личных привилегий, обусловленных исключительно княжескими пожалованиями".[2]

Между тем в XVI в. выдача несудимых грамот служилым людям „отнюдь не означала роста иммунитета как политической силы, противостоящей центральной государственной власти, а, напротив, отражала рост и усиление этой центральной власти. Судебник 1550 г. явился своего рода итогом в процессе эволюции иммунитета. С изданием Судебника, установившего своей ст. 64 правило о неподсудности служилых людей наместникам (за исключением дел по важнейшим уголовным преступлениям), личные жалованные грамоты потеряли свое значение, так как отныне наместники в своих взаимоотношениях со служилыми людьми должны были действовать не по нормам личных жалованных грамот, а по новым вопчим грамотам, разосланным по городам Русского государства... А ликвидация в 1555—1556 г. наместничьего управления вообще сняла вопрос о несудимых грамотах для служилых людей, коренным образом перестроив всю систему органов управления и суда".[3]

В свете изложенных соображений И. И. Смирнова падает не только толкование С. Б. Веселовским текста ст. 64, но и вся его концепция истории русского иммунитета.

Нельзя обойти молчанием при этом тот факт, что С. Б. Веселовский в своей новой работе,[1] ограничившись несколькими снисходительно-небрежными замечаниями по поводу возражений, сделанных ему А. Е. Пресняковым по существу его концепции, ввел в свое изложение упомянутое „важное известие" 1549 г., ни словом не упомянув, кому он обязан указанием этого известия, и принял новое толкование „вопчих грамот" ст. 64, предложенное А. Е. Пресняковым. Но в остальном опорочил это летописное известие „недоумением", какое „прежде всего вызывает указание

[1] Критику этой концепции см.: И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 296 и сл.
[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 299.
[3] Там же, стр. 310.
[1] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М., 1947.

на душегубство, разбой и татьбу, которые (якобы, — *Б. Р.*) до этого были переданы губным старостам". Он, впрочем, готов был бы „предположить", что ко времени этого указа губные учреждения были введены еще не во всех городах, но этому предположению противоречит определенное указание Судебника" (где сказано: „по всем городам"). И отстранил от себя дальнейшее исследование вызвавшего его недоумение вопроса кратким замечанием: „...таким образом, и сопоставление указа 1549 г. с Судебником не выясняет нам, в чем состоял указ 1549 г. и какие изменения внес он в старый судебный иммунитет".[1] Разумеется, и сам С. Б. Веселовский не внес никаких изменений в свою концепцию иммунитета.[2]

В дополнение к приведенным выше уничтожающим для этой концепции соображениям, остается заметить, что и то единственное, что с уважением приняли критики этой концепции, — вывод „о преобладании среди грамотчиков (XV—XVI вв.) служилых людей — помещиков" [3] и даже о том, что „во время Судебника судебные привилегии служилых людей были общим правилом и во всех городах" [4] — требует и оговорки и уточнения. Мне представляется неприемлемым статистический подход к случаю, когда за полтора столетия мы располагаем всего 109 грамотами, и я считаю неправомерным говорить на основании такой ничтожной коллекции документов о том, что и действительно „большинство" грамотчиков в течение полутора столетий было „мелкими служилыми людьми"; тем более, что из этих 109 грамот 58 заимствуются из „Актов" Юшкова („представленных в Разряд" в конце XVII в., до какового времени естественно больше шансов было дожить потомкам именно этого сорта грамотчиков, а не тех крупных вотчинников XV—XVI вв., которые за этот длительный срок чуть не все попали под колеса истории). Тем более, о „всеобщности таких пожалований" говорить уже вовсе нельзя. В самом деле, если действительно все помещики — дети боярские — в 1550 г. обладали жалованными несудимыми грамотами индивидуального образца, — какой реальный смысл был включать в ст. 64 Судебника мотив всеобщности „вопчих" грамот? Между тем, у обоих критиков Веселовского мы не находим ясного отношения к этому неустранимому вопросу. Думаем, что ответ здесь может быть пока только отрицательным.

Но едва ли устраним здесь и еще один вопрос, связанный с происхождением ст. 64 Судебника. Что соответствующее решение было принято и осуществлено 28 февраля 1549 г., не подлежит сомнению. Но с политичес-

[1] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М., 1947 г., стр. 130—131.

[2] См. рецензию И. И. Смирнова на книгу С. Б. Веселовского: Вопросы истории, 1948, № 10, стр. 113—124.

[3] И. И. Смирнов. Судебник 1550, стр. 299.

[4] А. Е. Пресняков. Вотчинный режим..., стр 190.

ій точки зрения — в каком отношении стояло это решение к происшед- эмму на заседании 27 февраля? Ведь царь Иван поднял вопрос и вел там чнь не о структуре местного управления и не о правах детей боярских, о фактическом бедственном положении в провинции детей боярских и их естьян и о насилиях, обидах и продажах в земельных, холопьих и иных лах со стороны, как вероятнее всего по смыслу текста, бояр-кормленщиков, е. наместников и волостелей, — и бояре в заседании хлопотали о том, чтобы клонить от себя внесудебную расправу („опалу“) и гарантировать себе дебное разбирательство по жалобам с мест в столице (т. е. подтвердить йствие ст. 45 Судебника 1497 г.). Если это так, то принятое на другой нь решение нельзя иначе расценить, как заранее подготовленное за лисами (и технически оснащенное экземплярами „вопчих грамот“?) и вязанное Боярской думе. Это придало бы только (через ст. 64) еще боль- ую политическую остроту и всему Судебнику.

Как отмечено выше, ни одного экземпляра „вопчей грамоты“ до нас не шло. Но можно, кажется, отметить некоторый слабый след бытования их грамот. Разумеем следующие указания в правой грамоте игумену икольского Дудина монастыря на Арбузовых и их людей 15 января 552 г.: в Нижнем Новгороде „по цареве в. кн. Ивана Васильевича всеа сии грамоте, перед воеводою Василием Петровичем тягался Дудина настыря старец Митрофан с Шелехметом да с Иваном Ильиным детьми рбузова...“ (и еще двумя Арбузовыми и двумя людьми их). Митрофан аловался, что эта компания нижегородских **детей боярских** в один екрасный день приехала на монастырский двор и избила и ограбила скольких старцев, крестьян и крестьянок, „а бой, господине, и грабеж мы ой на Шелехметя и на его товарищев в городе вам, государевым воево- ам, и губным старостам и целовальником и в соборах протопопам являли били челом, и в Нижнем, господине, **они вам воеводам и старос- ам несудимы**“. И мы на них били челом в Москве государю и гра- оту судимую и обыскную на них свезли тебе Василию Петровичу...“[1] о произведенному этим последним обыску, дело было доложено „боярину дворецкому Данилу Романовичу“, перед которым предстали (в Москве) и бе спорящие стороны, из которых Митрофана Данил Романович велел „опра- ити“, а компанию детей боярских „обвинити“, причем взять пошлины на тветчиках Шелехмете с товарищами „**по их жаловалной грамоте по ижегородской, а не будет грамоты**, и на Селехмете с товарыщи и а Илье на Арбузове пошлины взять по Судебнику“ (приговор этот датирован 5 ноября 1551 г.). Если здесь речь идет действительно о несудимости ижегородских детей боярских по их „вопчей“ грамоте, то оговорка судьи анила Романовича о возможности отсутствия такой грамоты в Нижнем может

[1] Н. П. **Лихачев**. Сборник актов, стр. 220 и сл.

быть понята двояко: или что она в этом городе почему-то не сохранилась, или что она в свое время вовсе не была туда им, детям боярским, послана.

СТАТЬЯ 65

Ср. Судебник 1497 г., ст. 40.

В последней фразе ст. 65 в словах „от правые грамоты и от полные" слово „полные" заменило здесь слово „отпустные", бывшее в тексте Судебника 1497 г. Поскольку холоп и роба в Судебнике 1550 г. здесь являются не субъектами, а объектами, и заинтересованное лицо здесь — господин, „полные" — уместнее, чем „отпустные". Если составитель Судебника 1497 г. разумел здесь грамоты, разрывающие холопскую зависимость, и пошлину „с головы" разумел как уплачиваемую самим освобождающимся, то отмеченная замена „отпустных" „полными" значила бы, что составитель Судебника 1550 г. представлял себе, как бытовой и распространенный, обратный исход тяжбы между холопом и господином. Грамоты, укрепляющие холопское состояние, оплачиваются господином.

Та же классовая направленность в Судебнике сказывается и в статьях 66 и 67.

СТАТЬЯ 66

Ср. Судебник 1497 г., ст. 20.

Слова „полных и докладных не давати" вставлены в текст ст. 20 составителем Судебника 1550 г. По существу не меняя смысла старого текста, они явились уточнением, взятым из формулировки ст. 63. В Судебнике 1497 г. после слов „без докладу не дати" следовало продолжение: „... отпустные холопу и робе не дати". Эти слова об отпустной сняла здесь та же рука, которая заменила в ст. 65 „отпустную" „полной" (см. комментарий к ст. 65). Дополнение составителя Судебника 1550 г. („а которой наместник. . .") — обычная для него санкция. Владимирский-Буданов полагал, что выданные наместником „без боярского суда" полные и докладные „сохраняли силу, а наместник подвергался взысканию за превышение власти". Но это понимание стоит в явном противоречии с текстом: „и та грамота не в грамоту" и „а исцом суд з головы" (очевидно в другом суде, в Москве).

СТАТЬЯ 67

Ср. Судебник 1497 г., ст. 41.

Классовая направленность обеих статей (статьи 41 и 67) обоих Судебников одинаковая — ограждение холоповладельца-феодала от возможного сокращения количества рабочих рук в его дворе, вследствие произвольных действий помощника наместника, тиуна (обычно из холопов): отпускные грамоты и судебные решения („правые грамоты") на руки холопу тиуном наместничьим без доклада наместнику не выдаются. Статья 41 Судебника

1497 г. выразила эту направленность неприкрыто: речь в ней идет о запрещении выдачи этих грамот холопу, о запрещении же выдачи правых грамот господину (на холопа) речи нет. Статья 67 снимает эту односторонность формулировки и запрещает выдачу правых грамот тиуном наместничьим (без доклада) как „холопу на государя", так и „государю на холопа", подчеркивая тем значение здесь доклада. Но снятая в этой первой фразе, та же классовая направленность выступила в дальнейшей, дополнительной части ст. 67, принадлежащей перу того же составителя Судебника 1550 г. На это обратил внимание еще Владимирский-Буданов, но истолковал он эту дополнительную часть как „замечательную, но бессодержательную привилегию в пользу рабовладельцев: тиун, выдавший без доклада правую грамоту, по которой оправдан холоп, подвергается тюремному заключению и уплачивает убытки, если же он выдаст правую грамоту, по которой оправдан рабовладелец, то не несет никакой ответственности, только решение его, как и в первом случае, ничтожно".

С такой оценкой этой „привилегии" нельзя согласиться: ни в какое сравнение не могут итти запрещение под страхом наказания и взыскания убытков и запрещение, нарушение которого влечет за собою только уничтожение силы запретного документа. Нельзя принять и оговорку, какую сделал к своей оценке этой „бессодержательной привилегии" Владимирский-Буданов: „... впрочем, может быть, в этом курьезе виновата неискусная редакция закона". Обычно в подобных случаях именно так называемые неискусные редакции и выдают природу дела. В данном случае безнаказанность чиновника, когда он играет на руку господину, это — вовсе не „бессодержательная" привилегия господина, а очень существенное и реальное условие, ставившее холопа в неизмеримо худшее положение.

Выделение в ст. 67 наместничьего тиуна в особую статью и обособление его уголовной ответственности от ответственности наместника по ст. 66 — существенная новость, подрывавшая старую кормленую природу наместника, х о з я й н и ч а в ш е г о на наместничестве с помощью своих „людей", а не п р а в и в ш е г о там посредством подчиненных ему д о л ж н о с т н ы х л и ц. Этот тиун отвечает теперь сам за себя перед центральной властью — через голову наместника.

СТАТЬЯ 68

Новая. Напрашивается сравнение ст. 68 со ст. 62, которая запрещает наместникам судить „без дворского и без старосты и без целовалников" и дает четко разработанную делопроизводственную схему, которая должна гарантировать контроль старост и целовальников над судебной деятельностью наместников, „за которыми кормление з боярским судом". Держась „старины" Судебника 1497 г., составитель Судебника 1550 г. в статьях 63—65 разработал вопрос об этой разновидности наместников и, покончив

с ним, перешел в ст. 66 (ст. 40 Судебника 1497 г.) к вопросу о наместниках без боярского суда и в ст. 67 (ст. 41 Судебника 1497 г.) возвел наместничьего тиуна на степень уголовно-ответственного представителя государственной власти. Закончив эту работу по приспосабливанию старой текстовой основы к новой общей установке, принятой правительством царя в отношении наместничьего управления, составитель Судебника 1550 г. не мог не заметить, что в результате именно всеобщий характер этой установки не получил законченного выражения в только что прилаженных пристройках и наложенных на старый текст заплатах в статьях 62—67. Правда, частично это удалось составителю в ст. 64, куда он ввел целиком принятое 28 февраля 1549 г. постановление Боярской думы о „вопчих грамотах" детей боярских, носившее и всеобщий характер (см. комментарий к ст. 64). Но, как правильно указывает И. И. Смирнов, в речи царя Стоглавому собору имеется заявление, связывающее это постановление с более широкой темой — уже не о детях боярских, а о наместниках в их отношениях с населением вообще: „Да устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники и сотцкие, пятидесятцкие по всем городом, и по пригородом и по волостем и по погостом, и у детей боярских, и уставные грамоты пописал. Се судебник перед вами и уставные грамоты: прочтите и рассудите". „Следовательно, — заключает И. И. Смирнов, — «устройство по всем землям» старост и целовальников было осуществлено еще до издания Судебника, параллельно с работой по его подготовке," причем „закон о новых органах был введен в действие совершенно тем же способом, что и акт о суде над детьми боярскими: путем выработки уставных грамот, которые, очевидно, и были разосланы «по городам» (как были разосланы жалованные грамоты детям боярским по закону 28 февраля 1549 г.)",[1] т. е. „вопчие грамоты" ст. 64. Осторожнее, однако, не делать столь решительного заключения. Что „вопчие грамоты" детям боярским были не только „пописаны", но и разосланы „по всем градом", это не подлежит сомнению и удостоверяется как текстом Судебника (ст. 64), так и показанием летописной записи 1549 г. Что уставные грамоты о целовальниках и прочих выборных органах „по всем землям" были „пописаны" — тоже засвидетельствовано текстом речи царя. Но что уставные грамоты были действительно разосланы „по всем землям" „еще до издания Судебника", — об этом прямых свидетельств в наших источниках пока нет. И, в отличие от „вопчих грамот", самый текст Судебника 1550 г. не содержит никакого намека на подобную „уставную грамоту".

Самый термин „уставная грамота" встречается в Судебнике 1550 г. дважды. В ст. 62 этот термин заимствован из ст. 38 Судебника 1497 г. В ст. же 43 Судебника 1550 г. термин „уставная грамота" упоминается действительно вновь, но зато и в сплошь новом тексте, не имеющем прототипа в Судеб-

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550, стр. 270.

кке 1497 г. и подразумевающем, что речь ведется о тех уставных грамо-т,, которые будут еще выдаваться (и тогда должны быть оплачены пош-лами печатнику и дьяку), а не о тех, которые уже выданы в прежнее ремя (что делало бы введение специального нового упоминания о пошли-к бессмысленным). С такой оговоркой (что уставные грамоты о старостах цеховальниках были „выписаны“, но не были „разосланы“) можно и лжно принять указание И. И. Смирнова, что „уставные грамоты, торыми вводился в действие новый закон, и явились источником данной уппы статей Судебника 1550 г.“[1], т. е. в первую очередь ст. 68.

Именно статья 68 устанавливает „в качестве всеобщей и обяза-тельной нормы участие в суде наместников и волостелей старост и цело-вальников“[2], прибегая к исчерпывающей формулировке: „...а в которых волостях (именно „волостях“, а не „городах“, — *Б. Р.*) наперед сего ста-рост и целовальников не было, и ныне в тех волостях быти старостам и целовальником во всех“. И вновь повторяет это положение в отрицатель-ной форме („а без старосты... также не судити“), с тем чтобы придать ей не только географически-всеобщий характер, но и уравнять заодно (в этом отношении) обе разновидности кормленщиков — как тех, „за кото-рыми кормление з боярским судом“, так и тех, „за которыми кормление в боярского суда“. Ясно, что ст. 68 „нельзя рассматривать как простое повторение прежней формулы, лишь в более точной редакции... смысл новой редакции заключается в том, чтобы подчеркнуть обязатель-ность участия старост и лучших людей в суде для всех наместников без исключения, в том числе и для наместников с боярским судом“ (здесь „та линия на ограничение объема компетенции боярского суда, что и в дру-вопросах, связанных с боярским судом“ — в статьях 62 и 63).[3] К этому надлежит добавить, что именно потому и понадобилось в Судебнике, не ограничиваясь переработкой старых текстов Судебника 1497 г., подробно ввести положения „описанных“ уставных грамот (в новых статьях о на-местничьем суде — 68, 69, 70, 72, 73), — что они не были разосланы на места. „Вопчие“ же грамоты детям боярским были разосланы и потому попали в ст. 64. в лаконичном упоминании. Именно поэтому составителю Судебника 1550 г. не было никакой нужды раскрывать их содержание в тексте Судебника, к великому сожалению историка, так как не сохрани-лось ни одного экземпляра этих грамот.

Что касается мотива всеобщности, выраженного в царской речи 1551 г. в словах „по всем землям“ и „по всем градом и по пригородом и по волос-тем и по погостом“ (с выделением „и у детей боярских“), то он сказался в Судебнике двояко.

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 293.

[2] Там же (разрядка моя, — *Б. Р.*).

[3] Там же.

Как мы видели, все относящееся к детям боярским („и у детей боярских"), нашло себе место в ст. 64, а „по всем градом" было, как увидим, разработано в ст. 72, и на долю ст. 68 оставалась тема о черном волостном крестьянстве. Она и прошла в тексте ст. 68 красной нитью („а в которых волостех", „из тех волостей", „тех волостей старосте и целовальником, из которые волости") и получила яркое выражение в требовании, чтобы на суде волостеля присутствовали целовальники и той волости, к которой принадлежит истец, и той, к которой принадлежит ответчик, привлекая к контролю над наместником двойное количество целовальников.

СТАТЬЯ 69

Новая. Ср. ст. 62, в частности первую вставку ее в старый текст ст. 38 Судебника 1497 г., начиная со слов „... целовалником. А судные дела..." и до конца. Статья 69 показывает разработанную там „спору для" схему делопроизводства по составлению и хранению „судных дел" на местах в действии, когда судный список будет прислан в Москву „к докладу" и возникнет тот самый спор, ради которого разработана эта схема. Этот спор возникает здесь только по инициативе сторон, если ищея или ответчик „у докладу список оболжывит". В 1553 г. царю Ивану Васильевичу на подпись была предъявлена уставная грамота Устьянским волостям, данная им от его же имени в 7048 (1539) году 11 сентября, до венчания на царство. Эта подпись на подлинной грамоте оказалась пространной и кончалась следующим заключением: „...и велел у них...волостелем и их пошлинным людем ходити о всем по тому, как у них в сей (т. е. в предъявленной подпись,— *Б. Р.*) грамоте написано опричь суда. А о суде у них волостелем и их пошлинным людем ходити как у них на сей грамоте подписи написано и рудити ее... волостелем и их пошлинным людем велел ничем...". Содержание этой подписи действительно касается лишь суда и представляет собою сокращенное изложение статей 62 и следующих со ссылкою на „новый Судебник": „...а о суде у них наш волостель ходит по нашему по приговору и по новому Судебнику", причем изложена и делопроизводственная схема ст. 62, но нет и слова о докладе и связанной с ним процедуре в столичном суде, описанной в ст. 69. Видимо, „тое волости староста и лучшие люди целовалники", которым предписывалось „на суде у них быти", почитались достаточной гарантией „праведного суда",[1] а доклад как здесь, в „подписи" на грамоте, так и в ст. 69 представляется обычным и само собою разумеющимся процедурным моментом, в котором обязательным и санкционированным было присутствие обеих сторон, а отсутствие одной из них (истца или ответчика — безразлично

[1] М. М. Богословский. Уставная грамота Устьянским волостям 1539 г. Чтения ОИДР, 1907, кн. 1, отд. IV, Смесь, стр. 47—51.

ркло к ее обвинению („обвинити"), в случае неявки по истечении льготоо срока (7 дней на 100 верст) со дня, назначенного доводчиком (наместкаа или волостеля) в поручной записи. Если обе стороны налицо и судоо списка „не лживят", приговор провинциального суда утверждается и ько тогда вступает в силу. Приговор подпадает под сомнение только случае, если его оболживит одна из сторон. В качестве свидетелей („на авду") тогда вызываются староста и целовальники, которые привозят ообою „противень" судного списка для сверки (на „исправу"). Их словес подтверждение и совпадение копии с оригиналом „слово в слово" шает дело, и судный список „подписывается" на того, кто неправильно оболживил, и выдается на руки тому, кто оправдан. Если же показаями приехавших „судных мужей" и сличением документов будет вскрыта оделка наместника, он уплачивает всю сумму иска и несет наказание, тго царь государь укажет". Но если грамотные судные мужи подтвердят оои рукоприкладства и исправность списка, а неграмотные „с ними порозтся", т. е., выслушав судный список, скажут, „что суд был, да не таков", предъявят скрепленную наместничьим дьяком копию (у них на то и хравшуюся, по ст. 62) и она окажется с судным списком „не слово в слово", иск уплачивается совместно наместником и грамотными судными мужами, последующим наказанием по назначению царя. Еще Ф. М. Дмитриев заметил, оо „преимущество отдавалось тем, которые не знали грамоте, а потому что неучастие в подлоге было вероятнее".[1] Таким образом, статья 69 примыеет к ст. 62 так, что, обе в совокупности, они обнаруживают одну политискую тенденцию — осуществить и усилить контроль над наместниками.

СТАТЬЯ 70

Новая. Статья 70 „вводит чрезвычайно важную норму, заключауюся в том, что деятельность наместничьих и волостелиных людей ставится под контроль: в городах — городовых прикащиков, дворского и арост с целовальниками, в волостях — старост и целовальников. Контроль оот заключался в обязательной явке наместничьими и волостелиными одьми городовым прикащикам, дворскому и старостам лиц, обвиняемых ки осужденных по суду, подлежащих заключению и заковыванию в оковы, иду отсутствия по ним поруки. Нарушение этого порядка наместничьими волостелиными людьми влекло за собой освобождение незаконно заюченного, а также наказание наместничьих и волостелиных людей. Самое мечательное при этом заключается в том, что, обязывая агентов наместчьего управления явкой к городовым прикащикам и старостам, Судебк вместе с тем предоставляет последним и право отмены незаконных

[1] Ф. М. Дмитриев. История судебных инстанций..., стр. 287.

действий наместничьих и волостелиных людей и их наказания по челобитным родственников потерпевшего“.[1]

Поскольку составитель Судебника считает нужным здесь ясно оговорить, что эти старосты и целовальники „в суде сидят“, можно сказать, что статья 70 поднимает здесь вопрос о недопустимости ареста привлеченного к суду (до суда или после него) без постановления суда.

Однако не суду в его полном составе, во главе с наместником, присваивает законодатель здесь описанную новую функцию: наместник и волостели не принимают никакого участия ни в принятии от их „людей“ заявки о несостоявшейся поруке, ни в подразумеваемом возможным распоряжении судебной коллегии о задержании и заключении лица, приведенного в коллегию, ни тем более в „вымании“, т. е. освобождении, самовольно заключенного наместничьими „людьми“ человека, ни во взимании в его пользу „бесчестия“, ни во взыскании двойной суммы иска, предъявленного пострадавшим.

Нельзя, однако, согласиться с И. И. Смирновым, что статья 70 имеет в виду и „наказание“ для наместничьих людей: именно о „пене“ или о „казни“ или о „вине“ для них Судебник умалчивает, хотя обычно — даже только в своих дополнениях к статьям Судебника 1497 г., формулирующих санкции, — он держит наготове либо тот, либо другой, либо третий из этих терминов.

В противоположность столичному недельщику, праветчики и доводчики (= „люди“ ст. 70) попрежнему остаются личными агентами кормленщика (откуда и умолчание о „наказании“ за служебное преступление).

О городовых приказчиках см. у М. А. Дьяконова и у Владимирского-Буданова.[2] И. И. Смирнов подчеркивает значение ст. 70 для характеристики „весьма важной роли“ городовых прикащиков „и в вопросах управления“ в сфере „надзора за деятельностью органов наместничьего управления“.[3] Отдельные поручения в этом смысле городовым приказчикам давались и до Судебника 1550 г. Например, по жалобе Троицкого монастыря в 1543 г. Кашинскому городовому приказчику было предписано: „. . . и ты бы сю нашу грамоту наместникам нашим кашинским и их тиуном и всяким пошлинником прочел, чтобы монастырских слуг и крестьян через нашу жалованную грамоту силно не судили и мыта на них и всяких пошлин не имали“.[4]

То, что описанный в ст. 70 случай — арест под предлогом отсутствия поруки при наличии „рода и племени“ потерпевшего — попал в Судебник

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 291.

[2] М. А. Дьяконов. О городовых прикащиках. ЖМНП, 1900, январь. — М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, II, прим. 164 к Судебнику 1550 г.

[3] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 292.

[4] М. А. Дьяконов. О городовых прикащиках, стр. 85.

…зволяет заключить о распространенности (до Судебника 1550 г.) таких …естов как приема для всяческого вымогательства и поживы наместничьих …ентов (не говоря уже о сведении любых личных счетов).

СТАТЬЯ 71

Ср. Судебник 1497 г., ст. 43.

Добавление, сделанное составителем Судебника 1550 г. к ст. 43 …удебника 1497 г., — до того обычная для Судебника 1550 г. санкция, что …ладимирский-Буданов даже и не отметил этого добавления в своем изда…нии. Зато в текст самой ст. 43 внесены существенные изменения: 1) опу…щены слова „без боярьского суда" при слове „кормления", 2) опущены …слова „за которыми кормления с судом з боярьским, холопа и робы без …доклада не выдати и отпустные не дати; а" — после слов „боярским тиуном" …3) вставлено „и детей боярьских тиуном".

По поводу **первого** пропуска Владимирский-Буданов заподозрил порчу …екста: „… здесь следовало бы, согласно с 1-м Судебником, разуметь …наместников без боярского суда. Если действительно, все наместники оди…наково лишены были Судебником права уголовного суда без доклада, то …как понять статью 60?". И. И. Смирнов снимает это противоречие между …ст. 71 и ст. 60 указанием, что „ст. 60 имеет в виду не вообще душегубство, …разбой и татьбу, а совершение этих преступлений «**ведомыми лихими** …**людьми**»" и что „устранение противопоставления кормлений «с боярским …судом» кормлениям «без боярского суда» является „вообще характерной …тенденцией»" Судебника 1550 г. (ср. ст. 68), как типично для него „стремление к уменьшению объема компетенции" боярского суда и к „за…мене суда боярского судом царским (через процедуру доклада)".[1] Статья 71 „лишает наместников и волостелей права окончательного суда по лихим …делам", предусматривая „обычный порядок рассмотрения данной категории …дел, путем обвинительного процесса, причем доклад является завершающим …моментом в судебном процессе" (в ст. 69).[2]

На примере ст. 71 особенно заметны крайняя связанность составителя …Судебника 1550 г. текстом Судебника 1497 г., стремление его по возмож…ности сохранить этот текст и в него именно втиснуть иной раз совсем новое …содержание. Статьи 39 и 43 Судебника 1497 г., явившиеся источником …статей 60 и 71 Судебника 1550 г., — одна относилась к наместникам с бояр…ским судом, другая — к наместникам без боярского суда, причем статья 39 …предписывала наместнику казнить смертной казнью „ведомых лихих людей", …попавшихся в уголовном деле, не заикаясь о докладе, а статья 43 предписы…вала наместнику „без боярского суда" доклад, опасаясь с его стороны по-

[1] И. И. **Смирнов**. Судебник 1550, стр. 285.

[2] Там же, стр. 287.

блажек татям и душегубцам, и потому требовала „всякого лихого человека без докладу ни продати, ни казнити, ни отпустити“. Дойдя в своей работе до 60-й статьи, составитель Судебника 1550 г. столкнулся с противоречием между ее началом и текстом губных грамот по вопросу о разбое, сосредоточил свое внимание на распутывании этого противоречия с помощью дополнения о губных старостах и оставил без определения, о каком наместнике здесь (в ст. 60) идет речь — с боярским судом или без оного. Сузив понятие „боярского суда“ (в ст. 63) до права „давати полные и докладные“, а затем пристраивая ст. 43 Судебника 1497 г. как основу 71-й статьи в Судебнике 1550 г. и найдя в ст. 43 Судебника 1497 г. наместников, которые держат кормления „без боярского суда“, он не преминул отбросить эти заключенные в кавычки слова, получил таким образом новое ограничение „боярского суда“, вытекавшее из определения ст. 63, и, прописав этому наместнику (на этот раз того и другого ранга) „тюрьму до царева государева указу“, счел свою работу законченной. А между тем его предшественник в 1497 г., освобождая от доклада дела о „ведомых лихих людях“, думал (в ст. 39) о наместниках „с боярским судом“, и, думая (в ст. 43) о наместнике „без боярского суда“, запрещал ему мирволить „всякому лихому человеку“ или его „казнить“ без доклада центральной власти. Невероятно, чтобы составитель Судебника 1497 г. под „всяким лихим человеком“ не мыслил „ведомого лихого человека“ и чтобы он в своей ст. 43 к запрету казнить „всякого“ лихого сделал бы добавление: „а будет ведомый лихой, ино велети ему (наместнику без боярского суда, — *Б. Р.*) казнити его (ведомого, лихого, — *Б. Р.*) смертною казнью и без докладу“. А составитель Судебника 1550 г. в своей очень экономной работе сделал (неумышленно) все для того, чтобы ему оставалось только именно так и дополнить ст. 71 и исключить таким образом возможность недоумений, подобных недоумению Владимирского-Буданова. Но у самого составителя Судебника 1550 г. и мысли не было о каком-то противоречии между ст. 60 и ст. 71 (почему он и не сделал такого дополнения). Статьи 52—61 разрабатывали у него уложение о наказании по уголовным делам, и статья 60 отвечает на вопрос о наказании для „ведомых лихих людей“ и о размежевании компетенций наместника и губных старост. Статья же 71 вошла в состав уложения о наместничьем суде и о контроле над ним центральных властей, и ведет речь ст. 71 о своих „всяких“ лихих людях, совершенно не интересуясь степенью наказания их и даже скорее выражая опасение, что они вовсе не будут наказаны — по злой воле наместника. Как подчинить эту волю контролю центральной власти — на этот вопрос отвечает совершенно точно статья 71.

Отметим, что в последующих за Судебником 1550 г. уставных грамотах, после отмены кормленщиков-наместников, содержание статей 60 и 71 Судеб-

ника передавалось так: „... а доведут на кого разбой или татбу или ябедничество или иное какое лихое дело, а будет ведомый лихой человек, доведетца до смертной казни, и выборным целовальником з губными ста-юостами... посадити в тюрьму, да отписать в Москву, а без государева указу (т. е., значит, и без доклада, — *Б. Р.*) смертью его не аазнити".[1]

Второй пропуск (в ст. 71) слов ст. 43 Судебника 1497 г. бъясняется не только необходимостью устранить различение здесь двух идов кормлений (с боярским судом и без него), но и тем, что в ст. 63 оставитель уже выделил вопрос о холопстве и связанных с ним грамотах особый сюжет (вопрос об отпускной грамоте вынесен им в ст. 77).

Наконец, вставка о тиунах „детей боярских" отвечала характерному ля Судебника 1550 г. вниманию к этой группе феодалов (ср., например, т. 64).

СТАТЬЯ 72

Новая. Еще Татищев отметил под нота-бене, что „в сей статье смешаны ри разные дела: 1) о суде посадских воеводам [как Татищев называл наместников], 2) о окладных годовых книгах, 3) о суде крестьян по пожиткам", высказал неудовлетворение тем, что однако „все недовольно изъяснено". ентральным пунктом ст. 72 он считал отсылку на Москву обвиненных осадских людей и видел в этом „явное сочинителя обличение лакомства грабленью посадских, чтоб обвиня тамо (т. е. на месте, — *Б. Р.*) еще дьяку для покормки прислать", но все же одобрил „сочинителя", что правильно лишнее искать ябедничеством назвал", и иллюстрировал это „на римере" своих дней: „... кто купит мужика в бегах за сто рублев, а, нашед о на держателе кроме мужика ищет тысячи или более: то уже явно видимо, то ябеда ищет того, что никогда его не было".

Действительно, сложное содержание ст. 72 открывало возможность различных аспектов при комментировании ее. Владимирский-Буданов цель оставителя видел в „предупреждении ябедничества и, преимущественно, есправедливых жалоб на наместников", и в том обстоятельстве, что жалобы ти „конечно, предъявлялись в Москве", видел объяснение тому, „почему ля уголовного взыскания предполагаемые ябедники отсылаются непре-енно в Москву к государю". Отсюда, по мнению Владимирского-Буданова, и „странная угроза" „на наместника суда не дати", если „книг Москве не пришлют".

И. И. Смирнов, следя за „усилением в наместничьем суде значения судых мужей", обращает внимание в ст. 72 на „чрезвычайно важную функцию", оторая возлагается на них в связи с составлением и хранением ими раз-

[1] И. Побойнин. Торопецкая старина. Исторические очерки г. Торопца с древейших времен до конца XVII в. М., 1902, стр. 353 и сл.

метных книг: они „тем самым получали возможность оказывать влияние на исход исков, признание которых законными или незаконными зависело от результатов справок в разметных книгах“, и „играли очень важную роль“ „в вопросе о взаимоотношениях между наместником и населением“ — „через составление и посылку разметных книг“. И статья 72, равно как и статья 69, рассматриваются им в плане усиления значения старост и целовальников „по линии установления связей между земскими властями и центральными органами управления Русского государства“.

Статью 72 нельзя, конечно, отрывать от предшествующих ей статей, как вероятный элемент некоей „уставной грамоты“, „пописанной“ было для рассылки „по землям“, а затем обратившейся в источник для вработки в старый текст Судебника 1497 г. целого уложения о наместничьем суде, распределенного по статьям 62—75 Судебника 1550 г. Статья 72 и начинается с ответа на вопрос, как надлежит наместникам судить (в отличие от ст. 62) посадских людей по городам, с тем чтобы во второй своей части перейти к рассказу о том же в применении к волостелям „по волостем“. Налицо и в ней мы имеем ясно выраженное ограничение судебной власти кормленщиков: возникающее из обычного искового дела между тяжущимся дело о „ябедничестве“ изымается из наместничьего суда и переносится в Москву „к государю“. По ст. 39 Судебника 1497 г. ябедничество значилось в числе лихих дел, подсудных наместнику „с боярским судом“, но при переработке ст. 39 в ст. 60 Судебника 1550 г., помимо разбоя, который был прямо отнесен к ведению губных старост, ябедничество попросту было изъято из перечня лихих дел, подсудных наместнику, как видим теперь, — с тем чтобы возникнуть в ст. 72 в качестве преступления, судимого только в Москве. Оно и понятно: статья 39 имела в виду наместника „с боярским судом“ (и Судебник 1550 г. сохранил ябедничество в числе преступлений, судимых боярином в Москве, в ст. 59), а статья 72 имела в виду наместника вообще, как и статья 71. Только в ст. 71 этот „наместник вообще“ сохранил словесный след того, что в источнике ее (в ст. 4 Судебника 1497 г.) он принадлежал к числу тех, „которые держат кормления без боярского суда“, ибо подчеркнутые три слова не были вычеркнуты редактором ст. 71 и повисли без смысла, а три последние слова были вычеркнуты. В новом же тексте ст. 72 этой неловкости нет, и речь там идет вообще о наместниках и волостелях, без упоминания о том, с боярским они судом или без боярского суда.

Если все это так, т. е. если в ст. 72 обе противокормленщические тенденции — одна к ограничению судебной компетенции, другая к стиранию различия между двумя видами кормленщиков — выступают ясно, то не остается разумных оснований относить, вслед за Владимирским-Будановым, отмеченную им „угрозу“ (не дать посадским суда на наместника, если в тот год разметные книги присланы в Москву не будут) за счет намерения пр

предить „несправедливые жалобы на наместников". Принять ли, вслед И. И. Смирновым, что Судебник „**возлагает**" на старост в городах **оставление**" разметных книг,[1] или видеть в разметных книгах не нововедение, а давно бытующий документ мирского делопроизводства — обоих случаях операция, несомненно возлагаемая ст. 72 на мирскую канлярию, была для нее вовсе не такой простой.

В самом деле от мирской канцелярии требовалось ежегодное снятие **двух** **пий** с разметных книг: одной, переписанной земским дьяком и скрепнной руками административно-финансовых старост, для отсылки ее московский приказ, и другой для сдачи ее на хранение судным старостам.[2] еедрение этой трудоемкой операции в местное делопроизводство по всей ране было тогда делом очень нелегким, и, чтобы в этом успеть, составтель Судебника 1550 г. прибег к действительно серьезной и всякому нятной угрозе: отказа в принятии челобитных на повсеместно ненавистных рмленщиков, „буде книги в Москву присланы не будут". Не следует крывать глаза и на то, что это новшество могло встретить сопротивлее в равной мере и со стороны кормленщиков и со стороны воротил садского мира. Наличие (в Москве) заверенной копии разметной книги висало неумолимым дамокловым мечом над всеми причастными к делу интересованными сторонами. Иски, несоразмерные с „животом" ищущих, ступают в ст. 72 (особенно в сопоставлении ее со ст. 73) как обыденное гражданско-правовом обороте (в городе и в волости одинаково) явление, язанное с корыстными интересами кормленщиков, их присных и стакнувйся с ними местной прослойки, промышляющей такими исками либо лично, бо через подставных лиц (см. ст. 73). Весьма правдоподобно поэтому едположение Татищева о „покормке" и „лакомстве", какие представляли бою такого рода дела и для столичной приказной бюрократии, заинтесовавшейся теперь вырвать их из рук кормленщиков.

Что дело было тут не только в кормленщиках, об этом достаточно ясно ворят последовавшие за отменой кормлений уставные грамоты, в текст торых тема об исках не в меру „животов" вошла в виде особого поставления. Например: „... а которые волостные люди учнут искати на своих же лощанех боев и грабежов ябедничеством, двожды и трожды, и доведут них в том всеми селы, и руки селские люди к своим речем приложат, те люди ябедничают: и тех ябедников, по тому обыску, бити кнутьем высылати из волости вон, а животов их не грабити".[3] Или: „... да кото-

[1] И. И. **Смирнов.** Судебник 1550 г., стр. 294 (разрядка моя, — *Б. Р*).

[2] Существование особых „денежного сбору целовальников" в городах при городовых иказчиках документально засвидетельствовано (М. А. **Дьяконов.** О городовых придиках. ЖМНП, 1900, стр. 81: „изба, а в ней сидят городовой прикащик и денежного ору целовальники". — Цитата из писцовой книги г. Можайска).

[3] АИ, т. I, № 165.

рые люди учнут на ком какого своего дела грабежного или заемных бес-
кабалных денег искати намного рублев, а ответчики будет на тех людей
учнут бити челом и станут их в суде уличати, что тех исцов животов
и статков столко нет, на колко рублев ищут, и про тех исцов и про их
животы и статки сыскивать тутошними околними всякими людьми, где тет
живут, и всякими сыски накрепко. Да будет по сыску тех исцов животов
и статков нет, чего на ком ищут, и тем исцом в их искех отказывати,
а ответчиков их свобожати".[1] Характерно при этом, что у составителя ст. 72
не возникало и мысли, что у такого ябедника может не оказаться поруки
в связи с обязательной его присылкой в Москву вместе с „обыскным спи-
ском", удостоверявшим его ябедничество: обычная в таких случаях при-
писка — „а не будет по нем поруки, ино..." — отсутствует в ст. 72.

Но что с ябедничеством дело было не только в истцах, но и в кормлен-
щиках, можно думать потому, что в последующих уставных грамотах
и речи не подымается об отправке ябедников в Москву, а, вероятно в связи
с этим, и о разметных книгах. Из цитированных выше посадских уставных
грамот в двух имеем прямое указание не на разметные книги, а на „сыск"
„всем посадом", а в грамоте 1622 г. прямым образом отвергается и не-
обходимость „доклада": „... а кто учнет перед ними искати поклепом или
каким-нибуди ябедничеством, и уличат его добрыми людьми, и им того
сыскав обвинити и без докладу".[2]

Таким образом, основное положение ст. 72 о размере исков вошло
в гражданско-правовой оборот. Постановления же ее, направленные против
кормленщиков, отпали вместе с их „отставкой".

СТАТЬЯ 73

Новая. Ср. комментарий к ст. 72. Относящееся к этому варианту юриди-
ческого казуса (изложенного в ст. 72 в общей форме) постановление в уставных
грамотах формулировано так: „... кто взыщет на ком бою и грабежу ..
рубля, или свыше того, и им посадским людем (г. Шуи, — *Б. Р.*) того сыски-
вати всем посадом, лутчими и середними и молодчими людми, есть ли ее
столко животов, на колко рублев заищет: и скажут на него, что бой и гра-
беж был, и искал своего грабежу по своим животом, и им в том ответчика
обвинити, а скажут в сыску, что им бой был, а о грабежу никому ведомо
нет и искал истец не по своим животом, и им тех истцов винити. А ска-
жет истец, что у него отняли чужие животы, и им потому ж про то сыски-
вати, чье у него отняли, и сыщут допряма, что у того исца чужие живот

[1] С. Б. Веселовский. Земская уставная грамота Усольского уезда отписной сошки Луцкой Пермцы. Чтения ОИДР, кн. I, 1907, Смесь, стр. 40—47. Ср. также: ААЭ, т. I, №№ 250, 257; С. Шумаков. Губные и земские грамоты..., стр. 100; ААЭ, т. III, № 36.

[2] ААЭ, т. III, № 126.

іхли, а на грабеж видоков нет, и им в том присуживати целованье с жеобья. А взыщет кто великих животов, рублев до двадцати или до тридцати ли болши, и им в том потому ж сыскивати всякими сыски и обыскивати крепко, а чего сыск не имеет, и им в том присуживать целованье жеребья ж".[1]

Тонкое отличие формулировки ст. 73 от этой формулировки грамот заклюеется в дополнительном вопросе относительно истинного владельца переінного ябеднику „живота": „было ли у него столке жывота и корым обычаем тот у него жывот взял?". За этим стояло ддозрение, не скрывается ли за подставным истцом не одно, а несколько иц, и обнаруживается интерес к условиям, на каких вел здесь свою игру ттец-ябедник, выступавший открыто по поручению третьих лиц, и к тому, оо же были эти третьи лица, предпочитавшие оставаться в тени.[2]

СТАТЬЯ 74

Ср. Судебник 1497 г., ст. 65.

Дополнение составителя Судебника 1550 г. развивает дальше заметную в Судебнике 1497 г. тенденцию к ограничению поборов кормленщика. уд „вопчей" = суд „сместный".

СТАТЬЯ 75

Ср. Судебник 1497 г., ст. 45.

Статья 75 — последняя заключительная статья в уложении о наместниах-кормленщиках (статьи 62—75). Место ее определилось логически безуоечно: предметом ее является действительно заключительный момент деятельности кормленщика, когда к нему могут быть предъявлены частные оетензии из среды местного населения. Вопрос о привлечении к ответвенности наместников, волостелей и их агентов ставился еще при Иване III определение по нему было внесено в Судебник 1497 г. (ст. 45). Судебник 1497 г. устанавливал право всякого („кто") „послать пристава", т. е. вызвать суду в Москву любого агента провинциальной администрации (от доводика до самого наместника), и обязывал вызванного либо самому явиться суд „к сроку", либо к сроку же прислать заместителя — и выразил это оложение в самой общей форме, не установив никакой санкции. Практика аевидно показала, что без санкции это положение оставалось мертвой уквой. Что оно было начисто забыто в годы боярского правления (1533—1547), показывает летописный рассказ (приведенный выше на

[1] С. Шумаков. Губные и земские грамоты. . ., стр. 100 и сл.; ААЭ, т. I, № 257; ИИ, т. I, № 165.

[2] Ср. царский приговор 12 марта 1582 г. о ябедниках, крамольниках и составщиках оддельных документов): М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, зд. 4-е, стр. 30.

стр. 183), о заседании Боярской думы и освященного собора в царских „полатах“ 27 февраля 1549 г.: в ответ на обвинения царя, предъявленные „боярам“ в том, что они чинят „продажи“, „силы“ и „обиды“ детям боярским и крестьянам, бояре просили царя на них опалы не накладывать, а давать им „суд“, если будут являться жалобы на них со стороны обиженных, — т. е. воскресить к жизни ст. 45 Судебника 1497 г. Судебник 1550 г. в ст. 77 вводит прежде всего санкцию — в виде принятия судом заочного решения о взыскании „истцова иска“ и „недельщикова езда“ в пользу истца, без судебного разбирательства — в случае неявки ответчика или его заместителя. Можно не сомневаться, что новый Судебник выдвигал против уклонения кормленщиков от явки в суд угрозу полного имущественного их разгрома потому, что это уклонение приняло всеобщий характер. Но кормленщик-наместник был не только бытовым стихийным бедствием для управляемых, каким рисуют его летописные известия 1549 и 1556 гг. (см. ниже, стр. 280), но и органом центральной власти в области — и здесь, видимо, тоже что-то „поисшаталось“, по выражению царя Ивана в речи к Стоглавому собору, и требовалось что-то „исправити“ в плане укрепления централизованного государства. Составитель и попытался в одной статье соединить оба эти аспекта в отношении наместников. Но соединил их так, что создал большие трудности при толковании своего текста. Попробуем разобраться в этом тексте слово за словом.

Заочное решение о взыскании с ответчика принимается в Москве в Приказе, не точно в тот день, к которому назначено явиться ответчику, а с некоторой отсрочкой — в зависимости от дальности пути, который надо проделать ответчику от места кормления до Москвы. Эта отсрочка вычисляется по твердой формуле: за „срок“ принимается не день, назначенный для приезда, а день выезда с места кормления, скорость же передвижения до Москвы определяется как 100 верст в семь дней („а из дальных городов розчитати по верстам по тому ж росчету“). Поскольку „срок“, попадая в эту формулу, становился непременным условием санкции, он должен был быть тут же как-то определен в о б щ е й ф о р м е: ибо, поскольку речь шла о разновременно возникающих частных претензиях к представителю местной администрации, открывалась бы нетерпимая с государственной точки зрения перспектива передвижения кормленщиков в Москву и обратно сообразно со сроками, если они будут назначаться индивидуально каждым жалобщиком в отдельности. Составитель ст. 75 поспешил предотвратить мысль о такой вопиющей возможности в о т р и ц а т е л ь н о й общей форме: „а срочных по приставным на наместников и на волостелей и на их тиунов не наметывати“ (т. е. не пускать в ход таких грамот на имя вызываемого, где указывался день явки в суд.[2]

[1] Ср.: И. И. С м и р н о в. Судебник 1550 г., стр. 282.

[2] Например, „стати им перед великим князем на Ильин день, а кто не станет, то

Вместо того чтобы тут же подойти к определению срока явки в положительной общей форме и покончить, таким образом, с вопросом о частных исках к наместникам, составитель предпочел, прежде этого, ограничить только-что сформулированное запрещение о наметывании „срочных" только теми случаями, когда вызов наместника производится по частным делам, заявить о снятии этого запрещения с дел государственного значения „ведомых разбойных" и „приказных"). По этим делам вызовы мыслились составителем не в форме „срочных", а в форме „записей", даваемых по велению „государя" на вызов наместника („а з записми не посылати никуды, опричь ведомых розбойных дел, по наместников и волостелей, и их тиунов, и их людей, опричь приказных дел, в которых делех велит государь дати запись"). После этой громоздкой оговорки о разбойных и приказных делах составитель вернулся к определению срока вызова наместников по частным жалобам и определил его в форме ответа на вопрос: если нельзя на наместников давать „срочных" (на чем он оборвал речь о частных исках), значит ли это, что нельзя давать на них и приставных? И построил свой ответ с этого именно конца: „...а приставов з записми (не со „срочными", — *Л. Р.*) по наместников и по волостелей и по их тиунов д а в а т и, а велети им чинити срок" (не на определенный календарный день, отчего это и не будет „срочная", а) „как съедет з жалованиа". И сейчас же поспешил сделать оговорку о возможности внесения и поденного срока в те „записи" („опричь тех записей"), „которую запись велят дати бояре, приговоря вместе" (по „велению государя" относительно разбойных и приказных дел), о запрещении давать пристава с „записью" в таких делах „одному боярину дьяку".

Таким представляется нам ход мысли составителя ст. 75 и содержание этого нового законодательного определения. Его политическая злободневность бросается в глаза с первого взгляда. Статья 75 завершает развитое в Судебнике 1550 г. уложение о наместничьем суде (статьи 62—75) с различными его ограничениями — постановлением, исключавшим для наместника возможность уклониться от судебной ответственности по частным жалобам об „обидах и продажах", учиненных им за время своего кормления, простою неявкою в суд. Независимо от явки или неявки его, статья 75 гарантировала потерпевшим удовлетворение иска.

Поэтому не могу согласиться с И. И. Смирновым, что „наиболее важным в этой статье является определение порядка привлечения к ответственности наместников и волостелей по делам о службе или приказным делам" и что в этом пункте, якобы, „Судебник лишает наместников тех льгот, которыми

без суда и виноват" (АЮБ, III, № 358); приставная грамота выдавалась на имя пристава с предписанием „дать ему на поруки такого-то... от такого-то по челобитной к суду" (АЮБ, II, № 235).

они пользовались по искам к ним в обычном порядке".[1] Думаю, что именно в этом пункте следует говорить не о лишении льгот „обычного порядка", а, наоборот, скорее о формулировании гарантий того, что вызов наместника в Москву по приказным и разбойным делам не будет впредь поставлен в зависимость от (каприза) „одного" боярина и дияка, которым „приказан" этот наместник со своим городом, а будет этот вызов обставлен некоторой процедурой высшего политического порядка, выражающейся в приговоре боярской думы и указе государя (именно этот процедурный момент гипотетически выдвигает сам И. И. Смирнов, критикуя комментарий Владимирского-Буданова в иной связи.[2] Концовка ст. 75: „...а одному боярину и дьяку пристава з записью не дати" — подчеркивает п о л и т и ч е с к и й смысл положения о коллегиальном приговоре „бояр" („приговоря вместе") тем, что л о г и ч е с к и резко противополагает одно другому (когда именно логически — здесь это не нужно).

С другой стороны, не могу расценить сосредоточения рассмотрения всех частных исков к наместнику на период после того, „как съедет с жалования", — как „л ь г о т у". Обратное, т. е. применение общего порядка разбора исков к наместникам, как к „частным лицам", было бы утопией, граничащей с „вечным движением" кормленщика на кормлении (и можно было бы вычислить, сколько и с какими сроками челобитий в год потребуется, чтобы в конец загонять наместника-кормленщика на пространстве между Москвой и его провинциальной резиденцией). Отсрочка в предъявлении и рассмотрении частных исков к наместнику не создавала для него никакого льготного положения при разборе этих дел по „съезде" его „с жалования": к разбору накопившихся дел приступали немедленно, а все поступавшие позднее разбирались в обычном порядке. Взятый из этого обычного порядка принцип заочного вершения дела с непременным обвинением неявившегося в суд — низводил наместника до уровня р я д о в о г о о т в е т ч и к а перед толпою тех, по выражению летописи, „мужиков", которые, „как съедут [наместники и волостели, — *Б. Р.*] с кормлений", „многими иски отыскивают",[3] только и поджидая этого момента. В результате этой „льготы" в течение пяти лет действия ст. 75 Судебника (1551—1556 гг.) „многие наместники и волостели и старого своего стяжания (а не только награбленного на кормлениях, — *Б. Р.*) избыша (т. е. лишились) животов и вотчин".[4]

И. И. Смирнов, критикуя Владимирского-Буданова, правильно указывает, что „заключительная часть ст. 75 („а приставов з записми... з записью не дати", — *Б. Р.*) относится ко всему предшествующему тексту статьи"

---

[1] И. И. С м и р н о в. Судебник 1550 г., стр. 280.

[2] Там же, стр. 282.

[3] ПСРЛ, т. XX, ч. 2, стр. 570, под 1556 г.

[4] Там же.

э приведенное понимание им „самого важного“ в этой статье приводит] И. Смирнова к не совсем правильному толкованию в этой „заключи-льной части“ „двоякого решения вопроса о сроке“: одного — „для обычных ков“, когда „срок явки к суду устанавливается после того, как наместник едет с жалования“, и другого — когда „для дел разбойных и приказных ок явки чинится приставом немедленно“.[1] В первом случае статья 75 ает основание для рассмотрения накопившихся к моменту съезда с жало-ния дел различать срок, который определяется формулой о 100 верстах „семом дне“, и те сроки, которые будут устанавливаться особо для тальных дел, по мере поступления по ним челобитий (причем для чело-тчиков, запоздавших к дню „съезда“ наместника, по аналогии со ст. 24, зможно, мыслилась годичная давность). Во втором случае, с разбойными приказными делами, ниоткуда не видно, чтобы срок явки для наместни-в „чинился **приставом**“ „немедленно“: здесь все зависело от того, как елит государь“ и „приговорят вместе“ бояре.

Итак, практически самое важное в ст. 75 — это гарантия истцам из сла управляемых, что ни при каких условиях суд по иску не будет ставлен или отложен ухищрением ответчика. Гарантия, по признанию фициальной летописи, не оставшаяся втуне, хотя и не остановившая ужичьих многих коварств“ и „убивств“ наместниковым „людем“, происхо-явших еще и до съезда их с жалования. Отсюда понятно, почему в упо-инавшемся заседании Боярской думы 27 февраля 1549 г. „бояре“ сами осили царя о даче им „суда“ по жалобам-искам частных лиц: они опаса-ись не только „опал“, но и погромов. И в этой сфере ждать в ст. 75 аких-либо послаблений и льгот кормленщикам — исторически исключено. наче в сфере дел уголовных и преступлений служебных. Правда, здесь — после лихолетья боярского правления — стояла задача добиться овиновения кормленщиков центральной власти и явки их в Москву по ервому вызову. Можно было поручить эту задачу тому приказу, кото-ому подведомствен был город, где кормился данный наместник. Но чем учше был „один боярин“, сидевший в приказе с дьяком в Москве, ругого „боярина“, сидевшего на кормлении и пустошившего свой город свою волость в сотрудничестве со своими „людьми“? При том условии, то эта пара „бояр“ в любой момент могла разменяться местами, а тот, идевший в Москве, поставлен был Судебником 1550 г. под ясное подозре-ие по линии „посула“, — отдать одного, случайно оказавшегося на пери-ерии, на злой или благостный произвол другого, случайно остававшегося центре, резонов не было никаких. Вот почему, вероятно, статья 75 эту адачу укрепления централизованного государства в его наместничьем вене возложила на высший орган центрального управления, через про-

[1] **И. И. Смирнов.** Судебник 1550 г., стр. 283.

цедуру государева указа и боярского приговора. Если поднимать речь о каких-либо „льготах“ кормленщикам в ст. 75, то надлежит их искать по линии дел государственных, а не частных, и тогда в категорическом устранении из процедуры по этим делам инициативы и участия „одного боярина и дьяка“ можно усмотреть, пожалуй, и льготу для наместника.

СТАТЬЯ 76

Ср. Судебник 1497 г., ст. 66.

Владимирский-Буданов так резюмировал дополнения, внесенные здесь к старому тексту Судебника 1497 г.: „а) требуется непременно докладная грамота для обращения сельского ключника в холопа; б) требуются полная и докладная грамоты для обращения тиуна в холопа; в) разъясняется, что рождение от холопа есть непременный источник рабства; что г) жена следует в рабство за мужем, когда этот последний поступает в холопы, и что д) отец и мать могут продавать своих детей в полное холопство; при продаже взрослых детей они лишь участвуют в сделке („стоят у полной“). Такого права не имеют (равно как и прочих прав гражданских) отцы, состоящие в холопстве и монашестве“.

Новейший исследователь истории холопства А. И. Яковлев отмечает, что „начало ст. 76 является простым воспроизведением ст. 66 Судебника 1497 г.“, а „новые мотивы“ ее предполагает заимствованными из издававшихся „в промежуток между 1497 и 1550 гг.“ „самостоятельных указов“; каковы: „разрешение не считать тиунства автоматическим источником холопства, что было в древности общим правилом, и запрещение родителям холопить сына, рожденного ими на свободе, с нарочитым запрещением чернецам и черницам холопить своих детей, рожденных до пострижения“.[1]

Можно, однако, отметить и еще некоторые изменения, внесенные в ст. 76 при ее редактировании. Таково положение, что дети, родившиеся до вступления в холопство отца, не поименованные в „крепости“ и живущие отдельно — „не холопи“. Но чего стоило это положение в действительности, показывает ясно выраженная предвзятая мысль о таком „не холопе“ в словах составителя Судебника 1550 г.: „...а продастся он сам кому хочет: тому же государю, у кого отец его служит, или иному кому хочет“ (точно нет третьего исхода — остаться на свободе). Отстаивая его свободу от этого отцовского „государя“, составитель ст. 76 понимает ее как свободу продать себя в холопы. Таково же положение, запрещающее родителям „стоять“ „у полные“, т. е. присутствовать при самопродаже детей (повидимому, если они несовершеннолетние) — с тою же предвзятой мыслью (звучащей в словах „и ис холопства [его] не взяти“), т. е. как бы не сорвалась, из-

[1] А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943, стр. 96.

вмешательства родителей, сладившаяся было сделка самопродажи несовершеннолетнего.

Таково же и дополнение о чернецах: „не продавати им детей своих“ — пусть „продастся он сам кому хочет“. Если вести традицию ст. 76 от ст. 110 Правды Русской, то можно заметить, что намечавшаяся и там тенденция к оформленности сделок о холопстве доведена здесь до логического предела. Нет, однако, никаких оснований, вслед за Владимирским-Будановым, видеть в ст. 76 разъяснение, что (свободные) „отец и мать могут продавать своих детей в полное холопство“ (это — давнее бытовое явление, нигде никак не оспоренное в праве) и что выражение „у полные стояти“ имеет здесь в виду участие родителей в сделке продажи „взрослых детей“.

Таким образом, новости текста в ст. 76 несоразмерны с (ничтожными) новостями права, внесенными в этот текст. Но эти новости текста вскрывают некоторые черты жизни, не отмеченные иными памятниками: такова, например, судьба бедняцкой семьи, родители которой искали прибежища от нищеты в монастыре, а дети выбрасывались на холопий рынок. Едва ли это положение о чернецах — надуманное ученым юристом казуистическое измышление.

Б. Д. Греков, отмечая новость ст. 76 — „а по тиуньству без полные и без докладные не холоп, а по селскому ключю без докладные не холоп“, — видит в ней отражение процесса отмирания полного холопства (начиная от ст. 110 Русской Правды, где „по тиунству и по ключу холоп“).[1] В этой связи следует отметить указ 15 октября 1561 г. о запрещении „продаватись“ „в полные и докладные“ несостоятельным должникам и о выдаче их истцам „головою до искупа“.[2]

СТАТЬЯ 77

Ср. Судебник 1497 г., ст. 18.

Здесь „социальный“ консерватизм, отмечаемый, например, в ст. 88, облечен в новые политические одежды — крайней централизации выдачи отпускных грамот на холопов, не иначе, как с целью затруднить эту операцию. Статья 77 — единственный пример переработки старого текста Судебника 1497 г. не путем последующего дополнения старой основы, с сохранением ее в начале переработанной статьи, а путем наращивания ее, с отнесением этой старой основы в конец. Обязательный боярский доклад, монополия Москвы, Новгорода и Пскова (где исстари наместники занимали совсем иное положение, чем в иных городах) на выдачу отпускных грамот, точное определение пошлин и категорическое запрещение выдачи отпускных „нигде, ни в которых городех“ — таковы новые положения ст. 77

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 577.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, изд. 4-е, стр. 23.

Судебника 1550 г., к которым пристегнуты жалкие остатки текста ст. 18 Судебника 1497 г. Нечего и говорить, что отпала тут выдача отпускных с доклада „наместнику, за которым боярином кормление с судом боярским"; отпало тут и исключение, которое делал Судебник 1497 г. для отпускной, которую „государь (т. е. господин, — *Б. Р.*) своею рукою напишет", и не просто отпало, а специально оговорено, что „хоти и государя своего руку и та отпускная не в отпускную".

СТАТЬЯ 78

Новая. Еще Татищев догадывался: „...более 15 рублев кабал не писати, мню, для того, чтоб вечно не крепили".

Развернутый исторический комментарий к ст. 78 дан И. И. Смирновым: „Ст. 78 ... представляет собой легализацию в общегосударственном масштабе новой группы феодально-зависимого населения — кабальных людей или кабальных холопов. Уходя своими корнями в глубокую древность (социальными предками кабальных людей справедливо считают закупов Киевской Руси), кабальное холопство, однако, представляло собой новое явление в социально-экономических отношениях Русского государства XVI в."[1] И. И. Смирнов „развитие кабальной зависимости" ставит в „непосредственную связь" „с теми новыми явлениями в экономике России XV в., которые заключались в развитии товарно-денежных отношений, в растущем товарном обращении и усилении в связи с этим роли денег. Кабальное холопство и явилось тем институтом, в форме которого феодально-крепостническая зависимость распространялась на новые слои свободного населения, оказавшиеся неспособными в новых хозяйственных условиях сохранить экономически самостоятельное собственное хозяйство и вынужденные итти в кабалу, беря денежную ссуду и давая вместе с тем обязательство «за рост служити», т. е. работать на своего господина-кредитора". Однако же Судебник 1497 г. обходит кабальное холопство полным молчанием — знак, по мнению И. И. Смирнова, что к тому моменту „служилая кабала еще не настолько распространилась, чтобы возникла необходимость законодательного регулирования этой формы зависимости". Зато статья 78 Судебника 1550 г. сигнализирует уже „о широком распространении кабальных отношений", обнаруживающих „явную тенденцию к вытеснению старых видов холопства, полного и докладного", если судить по кругу лиц, выступающих в ст. 78 владельцами кабальных людей: это не только „князья, бояре и дети боярские", но и „всякие люди", т. е. „прежде всего торговые верхи посада". „Отражение бурного роста кабальной зависимости" И. И. Смирнов видит и в противопоставлении Судебником 1550 г. предельного, 15-рублевого, максимума „старым кабалам, которые иманы на вольные

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 333—336.

ɔдей и болши пятинадцати рублев“, ради „регламентации дальнейшего юоцесса развития кабальной зависимости“, угрожавшего „в противном учае дезорганизацией существовавшего строя социальных отношений“. ıыставляя принцип „имать кабалы на вольных людей“, статья 78 закрыла возможность „расширения числа кабальных людей за счет беглых олопов“ и направляла „развитие кабального холопства по тому пути, который соответствовал интересам господствующих классов Русского государства, — по пути втягивания в сферу отношений феодальной эксплоатации овых слоев еще не закрепощенных групп населения“. „Той же цели“, по нению И. И. Смирнова, служило и „установление предельной величины уммы долга в служилой кабале в 15 рублей“, ибо и этот „максимум“] 15 раз превышавший размер крестьянского пожилого, см. ст. 88) оставлял остаточную возможность (владельцу, — *Б. Р.*) надежно закрепить за обой кабального человека, уровень платежеспособности которого, конечно, ыл во много раз ниже установленной Судебником грани“. Если это так, е. если дело было тут в платежеспособности самого кабального человека если 15 рублей были для него петлей, то дальнейшее в объяснении . И. Смирновым мотивов законодателя представляется мне искусственным. то объяснение заключается в том, что „тенденция владельцев кабальных юдей к максимальному (т. е. еще большему, чем 15 рублей, — *Б. Р.*) подятию размеров суммы долга“ „неизбежно должна была бы привести полному обесценению реального значения служилой кабалы“ и „превраилась бы в тормоз, мешающий росту кабальных отношений“, в которых момент временности и условности зависимого состояния являлся основным тимулом, толкавшим свободных людей, оказавшихся перед лицом необхоимости лишиться своей свободы, предпочитать именно эту форму неволи“. Іоэтому „регламентация размеров служилой кабалы... означала укреплеие п р а в о г о б а з и с а кабального холопства и устранение извращений, оторые могли угрожать дальнейшему развитию этого института“. Остается епонятным, как сочетаются здесь у И. И. Смирнова „временность и условость“ как условия предпочтительности для вольного человека кабального олопства и сумма в 15 рублей как условие „надежного закрепления“ абального человека кабалодержателем? Отсюда следовало бы, что эта-то менно сумма и подрывает на деле, сводит на-нет „временность и условность“ абальной сделки. Думаю, что в этом пункте И. И. Смирнов сам связал ебя тем, что, вскрывая классовые характерности текста ст. 78, относит их о б щ е й ф о р м е (как см. ниже и в ст. 88) за счет „интересов господтвующих классов Русского государства“ (или „интересов правящих классов“).

У Б. Д. Грекова находим ценную попытку уточнить классовые интеесы, отраженные в ст. 78 в отношении пятнадцатирублевого максимума лужилых кабал. Подчеркивая выдвигаемый в ст. 78 принцип „вольности“ абальных „людей“ („не холопов“), Б. Д. Греков пишет: „В подготовке

нового Судебника принимают участие близкие царю люди. Среди них і мог не быть и Сильвестр, взгляды которого (критические, — *Б. Р.*) на раз ский труд нам известны. Царский Судебник не случайно ни разу не назв вает кабального человека холопом...

Кабальный человек по царскому Судебнику это воль ный человек, взявший на себя обязательство работат на своего хозяина определенный договором срок. С(остается юридически вольным и после заключения договора. Зак(не закрепляет кабального человека за его хозяином навсегда, а дает прав и ему самому освободиться через уплату серебра и не закрывает возмо: ности для ищущих рабочих рук получить их на доступных условия (,,боле 15 рублев на серебряника кабалы не имати"). Это последнее услов было очень важно для тех, кто либо обзаводился новым хозяйством, либ стремился расширить свое старое. Имелись в виду люди среднег достатка, главным образом служилые люди. Именно эти лю, были заинтересованы в возможности «окупить» себе работник(т. е. заплатить за него серебро и перевести его к себе. Вопрос шел не толь о деревенских работниках, а и о городских, и, пожалуй, о городских больш чем о деревенских, поскольку город очень нуждался в рабочей силе и, і располагая крестьянским трудом, имел более ограниченный людской конти гент, из которого он мог черпать себе работников".[1]

Если под „служилыми людьми" „среднего достатка" Б. Д. Греков по: разумевает, как можно думать, преимущественно детей боярских, то э догадка о доступности предельного максимума служилой кабалы могла б(и должна бы найти себе опору в общей концепции социальной направле ности Судебника 1550 г., неуклонно развиваемой И. И. Смирновым в е: работе.

За всем тем, статья 78 имеет своим предметом не только кабал ных людей, и для ее понимания нельзя ограничиться одним толь „кабальным" комментарием к ее первой части. Статья 78 не просто мех нически входит в ряд статей (с 76-й по 83-ю), образующих как бы уло ние о холопстве („О холопстве суд", ст. 76). В основном она реша ставший, очевидно, массовым случай столкновения в суде двух прав на одно и того же работного человека — и решает его в пользу старины, защищ интересы и неприкосновенность прав группы старинных холоповл. дельцев. Покончив в первых двух фразах с вопросом о 15-рублев максимуме в служилых кабалах на „вольных людей", составитель далее пер ходит к центральному моменту, к злобе дня, которую несло во владел ческую феодальную среду вторжение служилой кабалы как способа сман вания чужих холопов посредством кабальных авансов: „А имати им кабал

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 660—661 (разрядка моя, — *Б. Р*).

і вольных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных лопей кабал не имати". Но если держаться точного смысла дальнейшего кста (в двух последних фразах, составляющих половину всей статьи),

увидим, что составитель Судебника отводил здесь угрозу интересам правам холоповладельцев не только со стороны держателей и приобретателей кабал: наравне с кабалами, он опорочивает при тех же условиях кже и „беглые" (грамоты о розыске беглых холопов). Он, очевидно, еел здесь в виду положение („широко" дававшее себя знать и „до Судебка"),[1] связанное с бегством полных, докладных, старинных и иных холовв от старых своих владельцев с целью продать на кабальных условиях оою рабочую силу в обстановке, полной неразборчивого спроса на любого оисхождения рабочие руки; он имел при этом в виду, что этим неразрчивым покупателям удавалось в московских приказах не только являть бaлы, но и выправлять „беглые". Конечно, когда такая сделка становиcь предметом судоговорения, ответчик ссылался на свое неведение о придлежности купленного человека другому владельцу, что и выразил составтель Судебника в деликатных оговорках: „не опытав" и „не обыскав".) обстоятельство, что составитель ст. 78 не ввел сюда и варианта заведоости (у ответчика), удовольствовавшись только мотивом неосмотрительости, лишний раз подтверждает предположение о широкой распространености этой ситуации, слагавшейся в обстановке социальных противоречий утри „господствующих классов".

Видеть ли в этих покупателях („рабочей силы") служилых людей средго достатка (по Б. Д. Грекову) или и „торговые верхи посада" (по . И. Смирнову), на таком судебном разбирательстве, до введения в дейвие нового Судебника, прописанная в кабале сумма была далеко не беззлична для обеих спорящих сторон: она играла для кабалодержателя оежде, до Судебника 1550 г., роль, так сказать, страховой суммы, никак есоразмерной с тем „серебром", которое действительно получал на руки серебреник", т. е. закабаленный ст. 78. Теперь ст. 78 ставила предел росту гой, для кабального фиктивной суммы ссуды, а для покупателя (рабоей силы) — реальной страховой суммы. Только ведь теперь, „с сего уложеяя", дело поворачивалось так, что „у него", ответчика, „деньги проали" и что та „гибель" (имущество), которое „снес" „покрадчи" беглый олоп, будет взята „на том, хто не обыскав на чюжого холопа кабалу или еглую возмет".

В этой связи надлежит трактовать и обойденную в комментариях I. И. Смирнова и Б. Д. Грекова оговорку в конце второй фразы ст. 78: а вперед хто ту кабалу (старую кабалу „болши пятинадцати рублев", вленную на подпись и к приложению печати в приказе, — *Б. Р.*) оболжы-

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 335.

вит, и та кабала врышити по суду". Составитель хотел сказать, что печата боярина и подпись дьяка, поставленные теперь на старой кабале, не озн чают заверки суммы долга, а только гарантируют кабале прие к рассмотрению в суде. „Оболживит", т. е. оспорит сумму долга — эт возможность, допущение которой у составителя вытекало, можно думат из практики судебных дел о расчете по служилым кабалам предшеству щего времени. На этих процессах, возникавших по жалобе кабально человека, пожелавшего развязать свои отношения с господином, и вскрыв лась фиктивность прописанной в кабале суммы.

Практически в этот момент за спиной кабального стоял его друго будущий, господин, и спор о сумме долга превращался на деле в эпизо внутриклассовой борьбы. На чью сторону — какой именно группы феод лов — становился теперь составитель Судебника со своим 15-рублевым макс мумом, — вопрос этот должен бы послужить предметом специального иссл дования. Приведенное выше предположение Б. Д. Грекова о служилом чел веке „среднего достатка", как оно ни соблазнительно, нуждается ещ в дополнительных изысканиях, чтобы приобрести конкретную убедител ность.

Но при рассмотрении вопроса о значении 15-рублевого максимума вопроса, центрального для понимания всей 78-й статьи, — нельзя упуска из виду не только общественного лица кабалодержателя, но и того, как „вольных людей", вступающих в кабальную службу, разумел здесь закон датель.

Среди ничтожного количества известных нам кабал, писанных до 1551 нет ни одной на сумму 15 рублей (высшая сумма 10 рублей).[1] На нескольк сотен кабал второй половины XVI в. насчитывается 15-рублевых немног более двух десятков (преимущественно на двух-трех братьев или на целу семью в несколько человек). Из этого можно заключить только, ч 15-рублевый максимум соблюдался и не был простым измышлением состав теля Судебника 1550 г., а в ряде случайно сохраненных документами пр меров действительно служил „потолком" для прописываемой суммы дол

Некоторые наблюдения, имеющие отношение к 15-рублевому максимум возможны и в законодательном материале. Статья 81 Судебника 1550 запретила принимать в холопы детей боярских „служивых" и их детей, е в службу недоспевших, а разрешила принимать в холопы только отставн или в службу не принятых (см. об этом ниже, комментарий к ст. 8 стр. 291). Это значит, что предложение рабочих рук шло со стороны имен запрещаемых Судебником категорий детей боярских и что спрос обраща и на них (а не только на возрастной или увечный отсев от основной масс господствующего класса феодалов). Что составитель Судебника улов

[1] Акты Юшкова, №№ 102 и 107.

есь самый нерв вопроса о самопродаже детей боярских в кабальное олопство, показала практика ближайших лет — со случаями нарушения : 81 и со случаями ее использования для освобождения себя от кабальй службы неслужилыми детьми боярскими, под действие ее не подходивими. Об этом красноречиво свидетельствует царский приказ от 1 сенбря 7067 г., посвященный разъяснению того случая, когда „кто на ком ыщет по служилой кабале, и ответчик кабалу оболживит, а скажет, что сына боярского служивого сын". Практика представила этот случай двух вариантах, и рассмотрен он был в царском приказе в двух же вариан:: или это был юноша „менши 15 лет" — и тогда вступала в силу статья 81, суда по таким кабалам царь „давати не велел", а кабалы те „приговорил ставливати"; или это был человек „болши 15 лет", который „службы сударевы не служит", и кабала на него была написана, когда ему уже инуло 15 лет" (и он почему-то в службу взят не был), и тогда вступала силу статья 78, и по этой кабале истцу давался суд.[1] Не только в перм, но и во втором случае речь шла о начинающей самостоятельную изнь молодежи из числа сыновей детей боярских. Как видим, наступле- е спроса и на эту среду неукоснительно продолжалось в течение всех их восьми лет (1550—1558 гг.).

Примечательно, что в тот же день (1 сентября 7067 г.) царь рассмотрел еще один случай, в котором такую же живучесть показал и 15-рублевый ксимум в служилых кабалах. Случай этот заключался в том, что „боярский ловек" (т. е. холоп, для того и посланный ходить по Москве) задержит го-нибудь по обвинению в том, что то беглый холоп его господина, но, держав, сказать точно, какой документ есть у господина на этого холопа, может. И вот, разрешен был в царском приговоре этот случай при доми- рующем посредстве 15-рублевого максимума, а именно — царь приговорил давать задержанного на поруку „по кабале в 15 рублях", а задержавшему вать срок (из определенного поверстного до местонахождения господина счета, по ст. 75) для доставки „к а б а л ы и л и к а к о й д р у г о й к р е- о с т и", чтобы затем „суд дати и вершити по Судебнику". При этом, если тот оложит крепость или кабалу м е н ш и 15 р у б л е в", дело передается в суд, тец же не отвечает за то, что пойманный был дан на поруку в „крепости 15 рублях", т. е. в завышенной сумме. Если же будет положена „кабала ли к а к о в а к р е п о с т ь н и б у д и" „болши 15 рублев", тогда задержав- ему „на того человека" суда не дается. Подчеркнутые мною слова „крепости" выдают подозрение законодателя, что за истекшие (после удебника 1550 г.) 8 лет покупатели рабочей силы изобрели и стали именять способ обхода ст. 78 в отношении 15-рублевого максимума — средством замены служилой кабалы иною „каковою крепостью нибуди".

[1] М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Христоматия, вып. III, изд. 4-е. Указная нга ведомства казначеев, № XII.

Здесь неизбежно исходить из мысли, что все старые кабалы выше 15 рублей были своевременно явлены на утверждение после Судебника и были утверждены, и приговор 1559 г. имеет в виду новое накопление запрещенного размера кабал и иных „крепостей". А тогда — не значит ли это, что напряжение в спросе на рабочие руки, вызвавшее к жизни 15-рублевый максимум в ст. 78 Судебника 1550 г., представлялось законодателю не меньшим и в 1559 г.? И это-то и заставило его цепко держаться за этот максимум потому, что он попрежнему стоял на страже интересов человека „среднего достатка" из числа тех же детей боярских, в защиту которых он вторично, после Судебника, выступил 1 сентября *военного* 1559 года — в обоих возможных для них положениях: в положении кабалящего (с подтверждением максимума) и в положении кабалимого (с подтверждением ст. 81 Судебника).[1]

СТАТЬЯ 79

Новая. „Знахарь тот, кто того беглого приведет, и о вольности того холопа письменно или словесно уверит; оного должно почитать как составившего подложную отпускную" (Татищев). Последнее предположение мало вероятно: для подделывателя документов московский язык знал термин „нарядчик" (Судебник 1589 г., ст. 113). Владимирский-Буданов видит в знахарях „сторонних людей", через которых „лицо, принимающее другого в холопы, должно

[1] Некоторые наблюдения, относящиеся к вопросу о 15-рублевом максимуме в слу лых кабалах XVI в., могут быть извлечены из так называемой Боярской книги, опубли ванной Оболенским в „Архиве Историко-юридических сведений, относящихся до Росси издаваемом Н. Калачевым (кн. 3, СПб., 1861, отделение второе, стр. 27—80). Книга бы составлена после военной реформы 1556 г., установившей нормы военной службы помещи (со 100 четей доброй земли 1 человек на коне и в доспехе полном), и сохранила данн о количестве „людей", выставлявшихся в поход данным помещиком „с земли" (по эт норме) и „передаточных" (выставленных сверх нормы); из нее видно, что за люд „с земли" помещик получал по 2 рубля с человека и за „передаточных" — по 5 рубл Представляется вероятным, что формула служилой кабалы „жити по вся дни во двор (господина) открывала перед теми сыновьями детей боярских, о которых проявили забо как Судебник 1550 г., так и указы 1559 г., перспективу не на пашню и не на скотн двор и не в пастухи, а в „люди с земли" или в „передаточные люди". Книга сохрани пример помещика (Хлопова), у которого было 100 четей земли, не выставившего ни одн человека „с земли", поскольку со ста четей земли он шел в поход сам, но выставивш трех передаточных и получившего за них 15 рублей. Жалованья ему назначено бы 15 рублей в год. Операция с передаточными, таким образом, удвоила его денежный годов доход. В моменты обострения спроса среди помещиков на боеспособную молодежь 15-р левый максимум ст. 78 позволял таким Хлоповым все же заключить кабальную сделку у одного человека, блюдя, таким образом, в этом случае интересы служилого челов „среднего достатка" (судя по Боярской книге, где высшим указан оклад денежного жа вания в 50 рублей, и 15-рублевый оклад является действительно средним, при низ в 6 рублей). Обследование помещичьих денежных бюджетов, которому я посвящаю осо исследование, вполне подтверждает приведенное наблюдение.

ıαо удостовериться..., что продающий себя не состоит в холопстве у кого-ıбо".

(Ср. „не опытав" и „не обыскав" в ст. 78, которая разбирает аналогичный судебный казус.

СТАТЬЯ 80

(Ср. Судебник 1497 г., ст. 56.

EВладимирский-Буданов к словам „или он побежит без государя своего... выйдет тот холоп ис которые земли опять к Москве, и он старому госу-рюю холоп по старому холопьству" дает пояснение: „... это, конечно, ом случае, если холоп эмигрирует без своего господина. Холопы госу-рственных преступников обыкновенно освобождались". Здесь, конечно, ıь идет о бегстве холопа с поля боя (в противопоставление полону), а не эмиграции. Если же видеть здесь эмиграцию в отношении к холопу, надо бы и бегущего вместе с холопом господина считать тоже эмигран-ı, — что исключено всем контекстом статьи. Но если господин с холопом кит с поля боя, то и холопа одного здесь надо полагать в этом же ıожении. За этим, вероятно, стоит заурядное явление, вскрывшееся время действия ст. 56 Судебника 1497 г. — попытка симуляции пленения способ освобождения.

СТАТЬЯ 81

Новая. Ср. ст. 64 тоже о детях боярских.

Дьяконов ставил ст. 81 в прямую связь с сообщением Герберштейна ом, что великий князь (Василий III) „через год или через два делает бор по областям и переписывает боярских детей, чтобы знать их число сколько каждый имеет лошадей и служителей", а также с термином ссятница" в одной грамоте 1552 г. „для обозначения списка служилых дей". Это правило (о занесении дворян и детей боярских „в списки служи-х людей") и „было выражено применительно к детям боярским в Судеб-ее II" (в ст. 81). Смысл же ст. 81 Дьяконов видел в том, что „дети ярские не могли располагать своей свободой вследствие своих служеб-х обязанностей",[1] точно в этом заключалось подавление „свободы" ей боярских лишать себя личной свободы! Наоборот, Н. А. Рожков вслед за ним и И. И. Смирнов) видел в ст. 81 намерение защитить нную свободу детей боярских: „По происхождению своему дворянство Московском государстве представляло собой пеструю смесь различных циальных элементов... Одним из этих элементов были потомки удельных язей и бояр, захудавших, не выдвинутых вперед службой, затертых своими ее удачливыми товарищами по прежнему положению, обедневших. Наряду

[1] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя..., 281—282.

с этим в дворянство провинциальное — в число дворовых или дворян и детей боярских — вливались довольно широкой струей и низы общества, вплоть до холопов, несвободных слуг феодальной аристократии, в особенности слуг московских князей. Бедноты здесь, в среде мелкого уездного дворянства было, таким образом, довольно много, более чем достаточно. И такому мелкому служилому человеку постоянно грозила опасность охудать и опас... окончательно, совершенно отбиться от службы, лишиться всяких средств и прежде всего земли, пойти бродить или скитаться меж дворы, наконец даже лишиться личной свободы, поступить в закладни, продаться в холопы полные или кабальные. Необходимо было оградить их личную свободу и обеспечить им минимум материального достатка, оградить их в обоих отношениях — личном и имущественном — от покушений со стороны богатых и знатных людей. Законодательство второй половины XVI в., защищавшее интересы дворянской массы, пошло навстречу этим потребностям".[1]

Обращаясь к самому тексту ст. 81, нетрудно заметить, что речь тут идет не о детях боярских вообще, как то было в ст. 64, а о детях боярских „служивых" и их детях, которые „не служивали", и о тех из них, которые могли бы состоять в списках, да в списках не состоят, потому что от службы отставлены. Статья 81 детям боярским ничего не запрещает. Она запрещает „примати" их в холопы третьим лицам со всеми невыгодными для этих последних последствиями, держа открытою для боеспособного сына боярского, попавшего в холопы, возможность освободиться по ст. 81. Однако же она не определяет для нарушителя закона никакой санкции. Отрицать, что с момента „отставки от службы" статья 81 не ставит детям боярским никаких „преград продаться и в холопы" (Дьяконов), нет оснований. Отрицать, что статья 81 „устраняла" для детей боярских „угрозу деклассирования" и способствовала „консолидации" и „укрепляла их социальные позиции"[2] — тем более никак нельзя. Но что можно сказать об отношении (как ставит вопрос Рожков) „законодательства второй половины XVI в." к вопросу о „личной свободе" детей боярских „не служилых", а вообще? Можно поискать ответа на этот вопрос в дополнительной статье к Судебнику 1550 г. от 1 сентября 7067 (1559) г.: „...которые люди учнут у кого займовати денги и кабалы на себя учнут давати за рост служити, и кто на ком взыщет по служилой кабале, и ответчик кабалу оболживит, а скажет что он сына боярского служивого сын, и про то государь велел сыскивати: будет тот человек, которой кабалу оболживит, сына боярского служивого сын и болши пятинадцати, а будет службы государевой не служивал и в десятке не написан, а та будет на него кабала, по которой взыщ...

[1] Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. ..., ч. I. Пгр.—М., 1922, стр. 81—82.

[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 337—338.

писана в тех летех, как ему минуло пятнадцать лет (и в этот промежуток написания кабалы он в службу взят не был, — *Б. Р.*), и по тем кабалам сударь приговорил на детей боярских („не служилых“, — *Б. Р.*) суд вати и вершити те дела по новому Судебнику (т. е. по ст. 78, — *Б. Р.*). кто на кого положит служивую кабалу, и будет тот человек сына ярского служивого сын, а менши пятинадцати лет (т. е. „не служил“ и был „в десятке не написан“, — *Б. Р.*): и те кабалы государь приговорил оставливати и суда по тем кабалам давати не велел, а велел сударь те кабалы вершити по своему государеву прежнему уложенью, новому Судебнику“ (т. е. трактовать их, согласно ст. 81, как уничтоенные, — *Б. Р.*). Таким образом, по толкованию самого царя Ивана, статья запрещала „приимати“ не только в „холопи“, но и в кабалу лько „служивых“ детей боярских и их детей, „которые не служили“, и не имела никакого отношения к той совершеннолетней молодежи детей боярских „вообще“, которая от службы была государем отставна. Вопрос о ее личной свободе, погребенной в служилой кабале, шался, согласно ст. 78, по одному лишь формальному признаку (как ло, кстати, разъяснено царем тогда же 1 сентября 1559 г. там же): будет положит крепость или кабалу менши пятинадцати рублев, ино суд ти, да по суду и управа чинити... А положит кабалу... болши пятинадти рублев, и в том ему суда на того человека не дати...“.[1] Это правительственное разъяснение к закону 1551 г., данное через 8 лет, в течение оторых действовал этот закон, свидетельствует о том, насколько он отвечал насущным потребностям группы детей боярских в годы, непосредственно эедшествовавшие опричнине.[2]

СТАТЬЯ 82

Новая. Татищев (вероятно, по смежности со ст. 81) расшифровал: „Сие не наче как о дворянстве узаконено, ибо о прочих в ст. 78 точно положено а рост служити“, а слово „держати“ он понял не как насильственное акабаление, а как добровольное временное проживание у заимодавца по приятству, не холопство“. Владимирский-Буданов резонно возражал: То же самое узаконение повторено буквально в судной грамоте кн. Вла-

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III. изд. 4-е, стр. 17—19.

[2] Упоминания в источниках о переходе помещиков в холопы могут быть находимы лько случайно. Например, в Тетради дворовой (второй половины XVI в.) про кн. Ивана яж Афанасьева сына Шелешпанского: „в холопех умре“ (Тысячная книга 1550 г. и Тетрадь воровая 50-х гг. XVI в. М. — Л., 1950, стр. 147); также в „обыске“ Бологовского погоста еревской пятины 7098 (1590) г. имеется упоминание, что Богдан Обернибесов в 7096 588) г. „сшел в московские городы и ныне живет в холопах у Ивана у Григорьева сына аликова, а поместье свое покинул“ (Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ., 1909, ч. 2, стр. 455). — См. термин „неслуживый сын боярский“ в грамоте 11 июля 84 г. у Н. П. Лихачева (Сборник актов, стр. 264).

димира Андреевича 1561 г. крестьянам Замосковной Вохонской волости бобровничьей полусохи, — причем земские судьи, выборные от крестьян должны применять эту статью к своим подведомственным, которые были исключительно крестьяне“,[1] — и предложил: „. . .не лучше ли статью 88 отнести к договору займа (а статью 78 к договору личного найма)?“.

И. И. Смирнов считает нужным рассматривать ст. 82 в плане „основной линии Судебника 1550 г.“, определяющей „социальное лицо кабального холопства и пути его развития“ „как постановление, имеющее целью сохранение, наряду с отношениями кабальной зависимости, долговых отношений обычного типа, при которых наличие задолженности не влечет за собою для должника потери им свободы и превращения в кабального холопа. Таким должником, конечно, мог оказаться не только дворянин и не обязательно дворянин. Однако, по существу, Татищев очень верно указал основной социальный смысл данной статьи как своего рода барьер против поползновений кредиторов к закабалению должников“. Уже самый „факт появления ст. 82 в Судебнике 1550 г. является выражением вполне определенной политической линии Судебника в вопросе о кабальном холопстве. Создавая правовые основы для развития этого института, Судебник направляет развитие кабальных отношений по пути вовлечения в кабалу социальных низов, одновременно запрещая обращать в кабальные холопы всякого должника вообще, преследуя этим в первую очередь цель устранения угрозы закабаления для задолжавшего служилого человека — помещика“.[2]

П. П. Смирнов, следя за выработкой „правовых норм для посадских людей“ на пути „к раскрепощению“, упоминает и ст. 82, с ее стремлением „предотвратить обращение ростовой кабалы, неизбежной в городском обороте, в кабалу служилую“, и связывает ее „запрещение должникам служить у заимодавца“ с позднейшим „лишением основного контингента городского населения, так называемых жилецких людей... права принимать к себе на службу кого бы то ни было по служилой кабале“, заменяя ее „житейскими записями“ — мера, которой „формально уничтожалось закабаление в пользу горожан и вместе суживалась возможность попасть в кабалу для жителей городов“.[3]

За всем тем, всего ближе к прямому смыслу текста остается комментарий Владимирского-Буданова, но его замечания носят формальный характер и исторически ничего не объясняют.

Присмотримся к тексту с иной стороны.

Какую ситуацию имел в виду составитель Судебника в ст. 82? Как она складывалась в жизни? Каково было отношение суда — до Судебника — к описанной в ст. 82 ее развязке? В поисках рабочих рук кредитор в данн

[1] ААЭ, т. I, № 257.

[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 336—337.

[3] П. П. Смирнов. Посадские люди, стр. 96—97.

ий момент не мог найти их на иных условиях, как ростовая кабала; вступивший в долговое обязательство не был в таком ультимативном положении, чтобы согласиться надеть на себя петлю служилой кабалы — „за рост служити вся дни во дворе“. Таково было соотношение сил в момент заключения сделки, создававшее положение весьма неустойчивого равновесия. На насильственное удержание кредитором своего должника в ст. 82 нет и намека: пользуясь терминологией Татищева, это было добровольное проживание по приятству“, а „не холопство“. Рост, — вопреки условию займа, — не оплачивался должником, но для кредитора дело было и не в росте, а в работе. Должник за рост работал, но для должника дело было сейчас и не в работе, в свободе от обязательства „за рост работать“. Формально это напоминает ситуацию, отмеченную в ст. 111 Пространной Правды Русской для середины XII в.[1] Когда должник исчезал со двора „покрадчи“, с житейской точки зрения (не формальной), это казалось „бегством“ даже составителю Судебника 1550 г. Ясно, что любой судья — до Судебника 1550 г. — судил сбежавшего, как татя, и вернул бы его кредитору, как недобросовестного должника „до искупа“. Теперь статья 82 решительно отвергает это: сам виноват, не держи холопа без крепости. Именно так раскрывают эту мотивировку и указ 7 марта 1607 г. [„А будет которые добровольные холопы... кабал дати не хотят, и тех... в неволю давати не велел, а велел им тем людем (господам, — *Б. Р.*) в кабалах отказывати: не держи холопа без кабалы ни одного дни, а держал бескабально и кормил, и то у себя сам потерял“],[2] и Уложение 1649 г. [ст. 17, гл. XX: „а будет такие **в о л н ы е** люди, у кого живучи в холопстве **д о б р о в о л ь н о**, **б е с к р е п о с т и**, пойдут (уже не „**п о б е г у т**“, — *Б. Р.*) от них прочь с отказом или без отказу, и те люди, от которых они пойдут, учнут на них искати сносов, хотя их тем у себя удержати: и им на тех людей, которые от них отойдут, в сносе суда не давать, для того, на что он холопу верил, и у себя его держал без крепости“]. Конечно, и в середине XVI в. отсюда вытекала та же мораль — крепить служилой кабалою. А борьба за рабочие руки все не ослабевала, и описанный в ст. 82 житейский казус не терял своей живучести.

Поэтому, может быть, „осторожнее и правильнее будет рассматривать ст. 82 как постановление, имеющее целью“ не „сохранение, наряду с оформлением кабальной зависимости, долговых отношений обычного типа“ (как думает И. И. Смирнов), а **п о о щ р е н и е** покупателя к **з а к р е п о щ е н и ю** человека путем служилой кабалы во что бы то ни стало, и притом вовсе **н е** „**з а п р е щ а я о б р а щ а т ь** в кабальные холопы **в с я к о г о д о л ж н и к а в о о б щ е**“ (как думает И. И. Смирнов). В ст. 82 два логических подлежащих — не всякий должник вообще, а тот должник, который

[1] Ср.: Правда Русская, т. II, Комментарии. М.—Л., 1947, стр. 714—715.

[2] М. Ф. **В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в**. Христоматия, вып. III, изд. 4-е, стр. 88.

соглашается работать у кредитора во дворе, и не всякий кредитор вообще, а только тот кредитор, который соблазнился удовлетвориться легкой ростовой сделкой на нелегкую почему-либо в данный момент покупку работного человека посредством служилой кабалы. Статья 82 конечно имеет ближайшее отношение к проблеме „развития кабальных отношений", но в ее тексте не заметно следов, чтобы она „направляла" это развитие „по пути вовлечения в кабалу социальных низов" и проявляла заботу об „устранении угрозы закабаления для задолжавшего служилого человека" (по И. И. Смирнову) или, тем более, о „предотвращении обращения ростовой кабалы, неизбежной в городском обороте, в кабалу служилую" (по П. П. Смирнову); в описанном в статье казусе составитель ее озабочен именно тем, чтобы держащий у себя во дворе своего должника впредь оказывал решительное предпочтение кабале служилой перед кабалой ростовой, — будь этот должник хоть сын боярский. Если, как склоняется думать И. И. Смирнов, попавшим в это рискованное трудовое положение в ст. 82 можно подозревать и сына боярского, то его-то именно и гнал составитель Судебника 1550 г. в служилую кабалу, нагоняя страх на заимодавца. Но практически мне представляется не менее вероятным, что и в роли заимодавца следует подозревать едва ли не в первую очередь тоже сына боярского, вынужденного неразборчиво хвататься за любую возможность залучить к себе во двор на работу хотя бы и своего менее счастливого собрата. В жизненном водовороте отдельные представители столь картинно описанного Рожковым феодального слоя легко могли размениваться ролями — в зависимости от тысяч случайностей (ср. выше, стр. 291).

СТАТЬЯ 83

Ср. Судебник 1497 г., ст. 54.

Статья 54 Судебника 1497 г. трактовала „наймита", т. е. свободного наемного работника, с точки зрения ограждения интересов его хозяина („государя") и посредством устрашения наймита: досрочный уход наймита от хозяина вовсе лишал его права на „наем" (заработную плату). Статья 83, полностью сохраняя эту трактовку, в своем дополнении к старому тексту ограждает интересы наймита в плане угрозы хозяину: если хозяин откажется расплатиться с наймитом, то по суду заплатит вдвое. Б. Д. Греков подчеркнул, что за этим стоит предположение, что дела о найме разбираются в суде („уличат").[1]

СТАТЬЯ 84

Ср. Судебник 1497 г., ст. 63.

Небольшое дополнение к ст. 63 Судебника 1497 г. (о давности в земельных исках), сделанное составителем ст. 84 Судебника 1550 г., ничего н

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., стр. 581.

няет в сроках давности, а касается лишь принципа, каким надлежит редь руководиться при назначении судей по земельным делам. Заголовок 63 Судебника 1497 г. „О землях суд“, сохраненный и для ст. 84, делал механическое соединение правомерным. Обращает на себя внимание ограммность формулировки статьи с ее обращением к „государю и бояром жем приказным людем“, — программность, напоминающая ст. 43, с ее до- лнением о тарханных грамотах (см. выше, стр. 226). Старому обычному рядку назначения судей по земельным делам противопоставляется здесь инципиально новый. Этот старый порядок заключался в том, что для ждого судебного разбирательства по земельному спору великий князь значал двух судей по указанию обеих сторон с тем, что судьи эти езжали на место спора, где и протекал суд. Корнями своими этот поря- к уходил в седую старину предельного господства феодальной раздроб- нности, когда земельные споры, вместо феодальной „войны“, стали шаться „сместным судом“, составлявшимся из представителей сторон на ритетных началах (без всякого вмешательства какой-либо „централь- й“ власти). От этой седой старины ко времени составления Судебника 550 г. сохранились: 1) назначение судей только на данный случай, двойственное их число и 3) называние кандидатов в судьи тяжущимися оронами. Составитель ст. 84, предлагая „не посылати“ судей по „ище- ну челомбитью“ и „дву судей на землю не посылати“, а „послати судью землю, выбрав одного“, выдвинул тем самым новый политический инцип — укрепления централизованного государства.[1]

СТАТЬЯ 85

Новая. Статья 85 представляет собой целое уложение („суд“) о вотчинах, остоящее из 9 пунктов (фраз, которые в нашем издании отделены одна от ругой точкой). Размером это уложение не уступает, например, „уставу“ закупах Правды Русской (статьи 56—64), состоящему тоже из 9 статей. удебник 1497 г. вовсе не касался вопроса о вотчинах — ни о продаже, ни покупке, ни о закладе, ни о промене, ни о родовом выкупе вотчин. татья 85 — одна из 33 новых статей Судебника 1550 г. — рассматривает опрос со всех этих сторон.

Это не значит, что предшественники царя Ивана держали этот вопрос небрежении или что ход вещей не выдвигал этого вопроса еще при отце деде его, что для этого вопроса у Ивана IV не было „старины“, по торой надлежало бы „исправить“ Судебник деда (как формулировал свою

[1] Пример такого судебного дела, относящегося к 1531 г., где можно ясно различить — торый из двух судей принадлежит (с обозначением „мой“, „его“) кому из двух тяжу- хся, и где судьями являются явно не профессионалы, а дети боярские, отрываемые от дебных своих обязанностей военной службой, см. у Н. П. Лихачева: Сборник ак- в, стр. 181 и сл.

законодательную задачу Грозный на Стоглавом соборе; см. выше, стр. 181). Документально удостоверено, что о вотчинном выкупе существовали указы как Ивана III, так и Василия III, и есть возможность представить себе их содержание (см. ниже, стр. 311, Соборный приговор 11 мая 1551 г.). И при истолковании текста ст. 85, если бы в нем встретились трудности, надлежало бы обратиться к этой „старине". А трудности в тексте ст. 85 есть и связаны они с тем, что положения ее сформулированы в крайне общей форме, прикрывающей конкретную социальную сущность и самых этих положений и намерений законодателя.

Отсюда — различная историческая оценка ст. 85 в советской науке.

С. В. Юшков,[1] останавливаясь на вопросе о происхождении права родового выкупа вотчин, отказался видеть в нем остаток „родовых отношений", т. е. „прежнего общего владения родовыми имуществами" (как полагал Владимирский-Буданов), и „наиболее правильным" счел мнение Неволина, что „право родового выкупа возникло позже и что благодаря этому родовому выкупу искусственно поддерживались знатные фамилии". Аргументом для С. В. Юшкова здесь служили соображения о том, что „впервые „право родового выкупа" „отметил Царский Судебник", что ни Судебник 1497 г., „ни другие, более древние памятники" „не упоминают о праве родового выкупа" и что это право сохранилось вплоть до XX столетия. Таким образом, ст. 85 С. В. Юшков счел новостью, введенною в 1550 г. правительством царя Ивана с целью „искусственного" „поддержания" „знатных фамилий". В последующих изданиях своего курса С. В. Юшков, правда, опустил цитированное место о происхождении права выкупа вотчин, но и не отказался от своего толкования ст. 85 („право родового выкупа имело „целью сохранить в знатных дворянских родах вотчины", и Судебник 1550 г. „устанавливает" это право, равно как и „40-летний срок родового выкупа".[2] Этот несколько расплывчатый термин — „знатные фамилии", „знатные дворянские роды" — остался у С. В. Юшкова ближайшим образом не определенным (но это, конечно, не вся масса феодалов).

С. В. Бахрушин[3] появление в Судебнике 1550 г. ст. 85 приписывал „участию" в избранной раде „титулованных феодалов" и называл ее статьей „о предоставлении преимущественного права выкупа княжеских вотчин членам рода" (и называл это „уступкой"). При этом ни С. В. Юшков, ни С. В. Бахрушин не дали анализа текста ст. 85, и приведенные утверждения их остаются бездоказательными.

---

[1] С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1. Изд. 1-е. М., 1940, стр. 275—276. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

[2] С. В. Юшков, ук. соч., изд. 3-е, 1950, стр. 285.

[3] С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного. Исторические записки, т. 15, 1945, стр. 29—56.

Напротив, у И. И. Смирнова[1] находим детальный анализ самого текста . 85 и совершенно иную историческую оценку ее как программного „мероиятия“ правительства царя Ивана, „направленного против княжат и бояр“ и интересах дворян-помещиков. В этом именно И. И. Смирнов видит визну статьи, делающую ее „особенно интересной“, — исходя из мысли, о право родового выкупа „в условиях феодального общества и при сподстве частной собственности“ являлось „одним из тех устоев, на которых коилось могущество вотчинников, ибо оно давало возможность противоэять тому процессу мобилизации земель, развитие которого создавало яя вотчинного землевладения угрозу распыления путем перехода, через плю-продажу, в чужие руки.[2]

Что же заставило составителя Судебника 1550 г. подвергнуть переотру этот устой и в каком направлении он произвел этот пересмотр? ными словами, каково было его отношение к „могуществу вотчинников“, одной стороны, и к „чужим рукам“, с другой? А следовательно, каково ыло его отношение и к „процессу мобилизации“ земельной собственности, котором, как напоминает И. И. Смирнов, „нашел свое выражение кризис тчинного землевладения, испытывавшего все сильнее и сильнее давление стороны новых, развивающихся социальных групп в составе господвующего класса, прежде всего со стороны помещиков“?[3]

И. И. Смирнов и подходит к толкованию ст. 85 с точки зрения поебностей развития *поместного* землевладения, поскольку это развитие дразумевало необходимость изыскания „все новых и новых фондов земель, огущих быть превращенными в поместные земельные владения. Но таких точников было два (если не считать церковного землевладения): черные мли и светские вотчины. Что касается черных земель, то вопрос об их обилизации решался непосредственно актами государственной власти тем раздачи черных земель в поместья. Иначе обстояло дело с мобилиццией земель светских вотчинников. Здесь необходимый эффект достился путем косвенным, посредством ряда мероприятий, направленных своим трием против вотчинного землевладения. В этом и заключалась основная нденция земельной политики Русского государства в XVI в.: способствоть развитию поместного землевладения за счет черных земель и вотчинэго землевладения“.[4] Статья 85 и направляет, по мнению И. И. Смирнова, дар против могущества вотчинников, обставляя один из его устоев — право одового выкупа — ограничениями „по четырем направлениям“: 1) ограниение „круга лиц, за которыми сохраняется право выкупа“, 2) ограничение рока действия права родового выкупа“, 3) „изъятие из сферы действия

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 267—352.
[2] Там же, стр. 318 и 322.
[3] Там же, стр. 318—319.
[4] Там же, стр. 319.

этого права купель“ и 4) затруднение реализации этого права „даже для тех родичей, которые формально это право сохраняли“, постановкой определенных условий.

Ограничение круга лиц, за которыми сохранялось право выкупа, сопровождалось указанием способа, которым „могли быть лишены права родового выкупа“ и все прочие родичи, — через послушество: „... покупателю вотчины требовалось лишь добиться в момент заключения сделки участия в ней в качестве послухов, боковых родичей продавца, что лишало права выкупа не только самих послухов, но и их потомство... Так как продажа вотчинных земель являлась всегда актом вынужденным, то продавец, естественно, должен был соглашаться на требование покупателя и предоставлять ему гарантии прочности сделки путем привлечения в послухи своих родичей“. Что касается „изъятия из сферы действия права выкупа купель“ (т. е. вновь купленных земель), то „смысл постановления Судебника о куплях заключается в закреплении купель за их новым владельцем“, что „достигается Судебником двояким способом: негативно — изъятием купель из сферы действия права родового выкупа и позитивно — признанием за новым владельцем всей полноты прав вотчинника, в том числе и права родового выкупа“, т. е. статья 85 „лишает права родового выкупа старых вотчинников, а новым предоставляет это право“. Наконец, что касается затруднений, создаваемых реализации этого права, то в ст. 85 их два: принцип полюбовного соглашения в вопросе о выкупной цене и запрещение выкупа вотчины чужими деньгами, а также ее заклада и продажи, — причем оба они „сформулированы с позиций защиты интересов покупателей родовых вотчин“.[1]

Отсюда у И. И. Смирнова и общая историческая оценка ст. 85: она „открывает собой законодательство Ивана IV о вотчинах. Ударяя по интересам вотчинников, ослабляя родовые связи боярских и княжеских фамилий, ст. 85 облегчает мобилизацию вотчинных земель, стимулируя переход их в новые руки. Поэтому ст. 85 должна быть квалифицирована как мероприятие, направленное против княжат и бояр, как выражение антибоярской земельной политики правительства Ивана IV, и поэтому же она должна быть поставлена в связь с дальнейшим законодательством XVI в. о вотчинах и прежде всего — с законами 1551, 1562 и 1572 гг.“.[2]

Иное толкование и иную оценку ст. 85 находим у С. Б. Веселовского.[3] Впрочем, С. Б. Веселовский нигде не сосредоточивает своего внимания на ст. 85 специально и не дает ее социально-политической характеристики.

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 319—322. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

[2] Эти законы см.: ААЭ, т. I, № 227; М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. III, изд. 4-е, стр. 24.

[3] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси, стр. 20 и сл.

целом, если не считать ничего не дающего в этом смысле замечания, что при некотором несовершенстве редакции смысл 85 статьи все же ясен". Пользуясь теми или иными пунктами ст. 85 по ходу своего изложения (гл. 2 о вотчинном праве в Московской Руси), С. Б. Веселовский выдвигает консервативные ее тенденции: „Судебник подтвердил существовавшую до него практику и провел ясную грань между родовыми вотчинами, подлежащими выкупу и купленными, на которые право родичей на выкуп не распространялось. Одновременно он разрешил вопрос, подававший, вероятно, повод к тяжбам и спорам, вопрос о превращении купленных вотчин в родовые".[1] Или: „основные положения выкупа родовых вотчин формулированы в Судебнике несомненно на основе старых обычаев, сложившихся задолго до него".[2] Даже „лишая вотчича, выкупившего вотчину, права перепродать ее инородцу", Судебник руководствовался примером практики, существовавшей среди северных крестьян, которые в купчих давали „обязательство не выкупать вотчину чужими деньгами". По мнению С. Б. Веселовского, здесь Судебник лишь „предупреждал спекуляцию на почве выкупа"; но и эта попытка отметить целеустремленность составителя ст. 85 не сопровождается у С. Б. Веселовского попыткой вскрыть социально-политический смысл этой целеустремленности, оставляя читателя в убеждении, что здесь мы имеем дело с попросту врожденным составителю Судебника отвращением к „спекуляции".[3]

Отмеченные разногласия в толковании смысла ст. 85 связаны с характером текста ее. Поэтому необходимо обследовать текст статьи слово за словом и пункт за пунктом и привлечь для этого некоторый сторонний Судебнику актовый материал.

Исходным положением нашего анализа должно быть признание, что статья 85 отражает борьбу вокруг продаваемой вотчины четырех сторон, упоминаемых в статье, т. е. четырех интересов: 1) собственника вотчины („кто" в первой фразе), 2) покупателя вотчины („купец" в третьей фразе), 3) претендентов на выкуп вотчины („вотчичи" четвертой, восьмой и девятой фраз = братья, сестры и племянники второй фразы), и 4) третьих лиц, либо эксплуатирующих право выкупа вотчины (родичами) в свою пользу, либо покушающихся перебить выкупное право вотчича рублем („сторонний человек" восьмой фразы и владелец „чужих денег" седьмой фразы). При анализе текста статьи необходимо расценивать ее положения с точки зрения всех этих четырех интересов.

П е р в а я ф р а з а ст. 85 („Кто вотчину продаст, и детем его и внучатем до тое вотчины дела нет, и не выкупити ее им; а братья будут или племян-

---

[1] С. Б. В е с е л о в с к и й. **Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси, стр. 20.**

[2] **Там же, стр. 29.**

[3] **Там же, стр. 32.**

ники в тех купчих в послусех, и им и их детем по тому ж до тое вотчины дела нет и внучатом") примечательна в указанном смысле тем, что формально она отнимает право выкупа вотчины у прямых нисходящих собственника-продавца и у тех боковых родственников его, которые скрепили купчую своими подписями в качестве „послухов" (и у их же прямых нисходящих). Ясно, однако, что законодателя интересовало здесь это положение не само по себе, не ради того, чтобы ударить по этим именно родичам: по существу речь здесь шла о гарантии интересов как раз того, кто здесь даже и не назван — покупателя вотчины (а косвенно и вотчича-продавца, поскольку без такой гарантии практически он не мог бы продать своей вотчины). В этом пункте приведенные выше толкования ст. 85, как мероприятия, направленного ли против бояр или в интересах княжат либо „знатных дворянских фамилий", не дают ответа на вопрос: кто же этот покупатель? Имеем ли мы здесь правовую новость (благостную для вотчинника, как полагают, повидимому, С. В. Бахрушин и С. В. Юшков, либо зловещую, как думает И. И. Смирнов) или (как полагает С. Б. Веселовский) „старый обычай, сложившийся задолго до него", т. е. Судебника, попавший теперь под защиту закона, — все эти определения не улавливают компромиссного характера этого пункта ст. 85, в котором отдана дань интересам и вотчича-продавца и покупателя вотчины и непричастных к сделке племянников.

Вторая фраза ст. 85 („А не будет братьи в послусех или племянников, и братья или сестры или племянники ту вотчину выкупят") сформулирована открыто в интересах отказавшихся подписать или не подписавших купчую, в качестве послухов, родичей, будь то хоть „сестры", которых вспомнил здесь составитель Судебника единственный всего раз в этой статье. Если бы и здесь на виду у него был интерес покупателя (и тем самым продавца-вотчича), то он, даже и вспомнив про сестер в последний момент, не схватился бы вставить упоминание о них между братьями и племянниками уже по одному тому, что практически сестра, вышедшая замуж в иной, менее опустившийся род, была бы более мощным выкупателем „своей" вотчины на средства своего супруга. Таким образом, вторая фраза нарочито подчеркивает компромиссный характер первой фразы.

Следующая, третья фраза ст. 85 („А станет тот купец ту вотчину продавати, и тем продавцом вотчина у них купити полюбовно, как ему тот продавец ту вотчину продаст; а не полюбовно ему вотчины не выкупити") представляет трудность сменой терминов „купец" и „продавец" — трудность определить, чьи интересы здесь оказываются под защитою закона, и кто (какие такие „продавцы") здесь покупает вотчину „полюбовно". Отсюда и троякое толкование этой фразы — у Неволина, Владимирского-Буданова и Рождественского. У Неволина „продавцы" — это те самые, „кто вотчину продаст" (из первой фразы): „...о продавце в Судебнике прямо замечено,

о он не имеет права выкупа, а может только вновь купить проданное имущество по добровольному соглашению с покупщиком".[1] У Владимирского-Буданова — это „дети продавца и послухи". У Рождественского — это „братья, сестры и племянники", „конечно, за исключением тех, которые своим рукоприкладством слили свою личность с личностью продавца".[2] И. Смирнов примыкает к толкованию Рождественского на том основании, что „Судебник в категорической форме лишает права выкупа детей продавца и боковых родичей-послухов", а „лишение права выкупа детей продавца вотчины предполагает, что сам продавец тем более не имеет этого права".[3] Однако в самом тексте ст. 85 есть два препятствия к такому его пониманию. Первое — почему составитель назвал „продавцами" тех, кто не только не продавал, не только не примкнул к продаже через послушество, а как раз то или отказался от соучастия в сделке продажи или остался от нее в стороне по неосмотрительности покупателя („купца").

И. Смирнов устраняет это препятствие пояснительной ремаркой: „продавцом (т. е. родственникам лица, продавшего свою родовую вотчину, выкупающим ее теперь в порядке осуществления права родового выкупа; «продавцами» они названы потому, что они являются родичами действительного продавца)".[4] Но именно подчеркнутое свидетельствует о том, что вне поля зрения И. И. Смирнова (и Рождественского) осталось второе препятствие в нашем тексте. Оно создается тем, что разбираемая третья фраза ст. 85 начинается не словами „А учнут те вотчичи ту отчину выкупати, ним (им — вместо бы „продавцом", — *Б. Р.*) ту вотчину купити полюбовно" (тогда речь действительно шла бы о „выкупающих" на праве „родового выкупа"), — а словами „а станет тот купец (по своему почину, — *Б. Р.*) вотчину продавати" (т. е. предложит ее к продаже на рынке). Эта последняя ситуация не имеет никакого отношения к тем правовым положениям, которые предусмотрены предшествующим текстом ст. 85 (первой фразой, с ее „лишением права выкупа" поименованных там действительно продавцов или участников продажи). Иными словами, когда купец сам надумает избавиться от купленной было вотчины посредством продажи, то ни вотчич, продавший ему в свое время эту вотчину, ни отрешенные от права выкупа его нисходящие, купно с послухами, не должны воображать, что они могут при этой оказии „выкупить" ту вотчину „не полюбовно", а должны знать, что они могут ее только „купить" и только „полюбовно", т. е. по полюбовной оценке.

---

[1] К. А. Неволин. История российских гражданских законов. Полн. собр. соч., V, СПб., 1858, стр. 76.

[2] С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, стр. 97—98.

[3] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 322, примечание.

[4] Там же, стр. 321. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

Такое толкование находит себе косвенное подкрепление в той части текста ст. 85, где (в *восьмой фразе*) идет речь о закладе вотчины „у стороннего человека“ и „тем сторонним людем“ рекомендуется „те вотчины в заклад имати в колке (т. е. в той цене, — *Б. Р.*), чего та вотчина стоит“, а не исходя из полюбовной (высшей) оценки — именно потому, что полноправный „вотчич“, не ровен час, выступит с законной претензией „та вотчина в заклад взяти (самому) в меру, чево та вотчина стоит“, и тогда у неосмотрительного „стороннего человека“ „те денги пропали“ (те, что он дал *лишка* против того, чего вотчина стоит).[1] В своем комментарии И. И. Смирнов обошел это место в ст. 85, и вопрос — почему *при выкупе* (который он усматривает в третьей фразе) ст. 85 ставила бы стороннего покупателя, „купца“, и признанного вотчича (не связавшего себя послушеством) в одно положение, с презумпцией в пользу покупателя — „купца“, а *при закладе* (в *восьмой фразе*) — в другое, с презумпцией в пользу не залогопринимателя (= покупателя, „купца“ из *третьей фразы*), а в пользу вотчича? — вопрос этот остается у И. И. Смирнова без ответа.

Так, мне думается, отпадает одно из „затруднений“, созданных, по мнению И. И. Смирнова, ст. 85 для „реализации“ права выкупа вотчин, в виде „принципа полюбовного соглашения в вопросе о выкупной цене“. Ибо именно *выкуп* вотчины происходит как после ее продажи (третья фраза), так и после ее заклада (*восьмая фраза*) „в колке чего та вотчина стоит“, а *вовсе не полюбовно*. И. И. Смирнов прав, что здесь (в третьей фразе) статья 85 „сформулирована с позиций интересов *покупателей* родовых вотчин“, — как мы видели, в противоположность предшествующей (второй) фразе. Но интересы эти защищаются здесь не тем, что *признанные* в правах выкупа родичи осуществляют свое право через свободный рынок по полюбовной цене, а тем, что раз навсегда *отрешенные* от права выкупа соучастники в сделке продажи вотчины ставятся законом в положение *вольных* покупателей *свободно* предложенной к продаже вотчины, и заикнуться не смеют они при этой оказии о *выкупной*, а не о *продажной* цене.[2]

---

[1] Принимаю чтение „стоит“ по спискам 5, 23, 28, 29, 32, 35, 36; „судит“ — не имеет смысла.

[2] Мое толкование третьей фразы ст. 85 находит себе подтверждение в конкретном случае продажи (в 1528 г.) и выкупа (в 1561 г.) вотчины Степана Нелединского (см. С. Шумаков. Сотницы, грамоты, записи, вып. I. М., 1902, стр. 224; *он же*. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. I. М., 1899, стр. 40—41). В 1528 г. Степан Нелединский продал свое сельцо Перемут Симонову монастырю за 220 руб. и „пополнка конь“. В 1561 г. племянник Степана, Юрий Нелединский же, бил царю челом о разрешении ему выкупить у монастыря эту вотчину дяди, и ему, Юрию, был назначен срок явиться с деньгами (225 р. = 220 р. и „пополнка конь“) „платити за тое вотчину Симановскому архимандриту“. Купчая 1528 г. (текст которой сохранился в копийной книге Симонова монастыря, хранящейся в Историческом музее в Москве, в Син. собр., № 65, лл. 362—365

Вопрос о втором затруднении, которое создает, по мнению И. И. Смирнова, статья 85 для реализации права выкупа вотчин, связан с толкованием седьмой фразы ее („А хто купит вотчину чюжими денгами [и] или заложит или продаст, а доведет на него продавец, что он выкупил чюжими денгами и дръжит ее не за собою, и та вотчина прежнему продавцу безденежно“). Я толкую эту фразу так: „если вотчич, сохранивший на то право, выкупит вотчину чужими деньгами (по цене в меру того, чего та вотчина стоит, а не полюбовно,—*Б. Р.*) и затем передаст ее владельцу этих денег, оформив эту передачу как заклад или как продажу (по рыночной цене,—*Б. Р.*), а подаст на него жалобу тот, у кого выкуплена вотчина, на то, что он выкупил вотчину чужими деньгами и сам ею не пользуется и не владеет,—в таком случае эта вотчина возвращается ее владельцу-вотчиннику, который первый продал ее“ (т. е. „кто“ из первой фразы ст. 85).

С. Б. Веселовский понимает суть дела здесь так, что Судебник имел в виду „предупредить спекуляцию на почве выкупа“ с помощью „чужих денег“, но не разъясняет, откуда и зачем у составителя явилось такое (моральное?) отвращение к спекуляции, что он счел нужным ее пресечь. И. И. Смирнов видит здесь „линию на ограничение права родового выкупа“, на затруднение „реализации права родового выкупа даже для тех родичей, которые формально это право сохраняли“[1] через „запрещение выкупа вотчины чужими деньгами“.[2] Причем полагает, что и в этом случае сделано было это „с позиций защиты интересов покупателей родовых вотчин“.

Однако является вопрос: если выкуп для родича возможен был только по полюбовной цене (как толкует И. И. Смирнов третью фразу ст. 85), то, очевидно, покупатель („купец“ третьей фразы = „продавец“ седьмой фразы), интересы которого, по мнению И. И. Смирнова, защищает статья 85 и в пункте с „чужими деньгами“, возьмет за выкупаемую вотчичем (= „кто“ седьмой фразы) вотчину максимальную рыночную цену,—то тогда как возможен будет выкуп чужими деньгами? Иными словами,—сколько должен предложить вотчичу сторонний человек, собственник этих своих „чужих денег“, чтобы вотчичу осталась какая-нибудь разница? Возможно ли, иначе говоря, вложение в эту операцию „чужих денег“ в размере большем максимальной цены вотчины, если этот сторонний человек

была написана от лица Степана Нелединского и пяти его сыновей, а в послухах расписались восемь мужских представителей рода Нелединских, среди которых нет подписи Юрия, предъявившего в 1561 г. требование о выкупе вотчины.—За указание этого случая и предоставление мне фотоснимков с указанных листов копийной книги приношу благодарность И. И. Смирнову.

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 321.

[2] Там же, стр. 322.

действует в здравом уме и твердой памяти? Или, с другой стороны, возможно ли, чтобы вотчич пустился в эту хлопотную операцию ради пр красных глаз стороннего человека? Не следует ли отсюда, что операц с чужими деньгами возможна была только при условии, что вотчич зде совершал свой выкуп по цене, „чево та вотчина стоит" (т. е. по котор она была продана в первый раз), и разницу брал себе? Так, косвенн подтверждается мое толкование полюбовной сделки и в пункте треть ст. 85 — как покупки, но не выкупа. Имеем ли мы в седьмой фра ст. 85 дело с посредническим вознаграждением правомочного вотчича ил с продажей им своего права выкупа, — едва ли можно говорить зде о затруднении „реализации права родового выкупа" в социально-полит ческом смысле.

Социально-политическая оценка седьмой фразы ст. 85 осложняет последними словами ее: „...и та вотчина прежнему продавцу бе денежно". Еще Владимирский-Буданов сопроводил эти слова следующ рассуждением: „Здесь устанавливается (повидимому, странная) привиле в пользу бывшего владельца вотчины (т. е. первого вотчинни в первой фразе, а не первого „купца" третьей фразы, — *Б. Р.*) на сч второго покупщика (т. е. давшего свои „чужие деньги", — *Б. Р.*)", — спрашивал: „почему же все невыгодные последствия такой противозак ной сделки падали не на родича, выкупившего вотчину за чужие день а на чужеродца, давшего эти деньги?". Однако еще более законно было недоумение, почему такая привилегия доставалась бы чужеродцу — пе вому покупателю (= „продавцу" седьмой фразы = „купцу" третьей фраз Если бы составитель Судебника радел здесь об интересах этого последне (как полагает И. И. Смирнов), то отсюда открывалась бы соблазнительн возможность — скупки вотчин первым покупателем (= „купцом" треть фразы = „продавцом" седьмой фразы) с помощью заранее подговоренн им на роль подставных выкупщиков родичей-вотчичей („кто" седьмой фраз закладывающих или перепродающих выкупленную вотчину с тем, чтоб сам же первый покупатель (= „продавец", у которого здесь выкупает вотчина) мог возвращать себе такие вотчины „безденежно", оставл обобранным второго покупателя, доверившего свои „чужие деньги" это подставному вотчичу, стакнувшемуся с первым покупателем. Для состав теля ст. 85 важно здесь было не то, что подобный оборот дела грозил принять массовый характер (что мало вероятно), а то, что логически был бы неустраним при такой конструкции, где ничего не теряющее ли (первый покупатель вотчины = „купец" третьей фразы) получает и то другое: и выкупные деньги за вотчину и самое вотчину. Такая прем стороннему покупателю была бы понятна только в том случае, если законодатель, согласно С. Б. Веселовскому, объявлял здесь — и прит в первую очередь — войну „спекуляции чужими деньгами" не на живо

ана смерть и искал бы содействия тех, кто „доведет“ на спекулянта, ощряя их премией.

Предположение о безденежном возвращении вотчины пустившему ее в пер-ою продажу первоначальному владельцу (= „прежнему про-вцу“ = „кто“ в первой фразе), помимо изложенных соображений, может ыть подкреплено в известной мере и документально. Разумею опублико-нный Н. П. Лихачевым судный список от 11 июля 1584 г. по делу об ске Тимофея Шиловского к Андрею Шерефединову о возвращении ему вотчины — села Шилова. На это село суду была представлена купчая, вершенная на имя Родиона Биркина (через которого действовал Шере-динов), как выяснилось, „вымученная“ у Тимофея и скрепленная в каче-ве послухов не „племянниками“ Шиловского, а сторонними людьми, тогда „племянники“ эти грамоте умели и приложили бы свои руки к купчей заявлению истца), если бы она была не вымученная; и в решении по этому у было, между прочим, записано: „...в Судебнике написано: «кто пит вотчину чужими деньгами и держит ее не за собою и та вотчина преж-му продавцу безденежно»; и Родион Биркин которого году тое вотчину пил, того же году ее и заложил у Андрея у Шерефединова, и только бы тое тчину Андрей Шерефединов не насильством взял и купчей не вымучил купил бы ее Родион своими деньгами, для чего ему было тое вотчину Андрея закладывати... а на вотчину село Шилово да на деревню Выр-во велели Тимофею Шиловскому... дати правую грамоту“.[1] Здесь режний продавец“ — это вотчич, первый продавший вотчину („кто“ — первой фразы ст. 85), а покупка Биркиным вотчины и немедленный клад ее у Шерефединова приняты за явную улику, что деньги у Биркина ли „чужие“, шерефединовские. В этом судебном деле примечательно то, сами судьи XVI в. широко и применительно использовали ст. 85 дебника не в интересах стороннего человека, а в интересах вотчича, чем цитировали ее на память, не дословно, но по существу верно.

Ввиду изложенного не могу согласиться с И. И. Смирновым относи-ьно и только что описанного второго затруднения, создаваемого, как думает, для вотчинника ст. 85 и „сформулированного“ „с позиций щиты интересов покупателей родовых вотчин“ (из числа чужеродцев). маю, что в вопросе о „чужих деньгах“ седьмой фразы ст. 85 состави-ь переместился на позицию защиты интересов вотчича — первого про-вца (первого = „прежнего“), направляя вотчину обратно в род, наподо-того, как он только что сделал в шестой фразе ст. 85 („А кто вотчину ою выкупит в те урочные сорок лет, и та ему вотчина дръжати за собою, ному ему тое вотчины не продати, ни заложити в чужой род, а отдати у та вотчина в свой род, тому ж, кого нет в прежних купчих в послусех“).

[1] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 245 и сл.

В сущности обе фразы (шестая и седьмая) ст. 85 рассматривают два вариан с выкупом вотчины: один — на свои деньги, другой — на чужие, и дв варианта с ликвидацией этой выкупленной вотчины: один — когда есть нали желающие, из числа правомочных родичей, ее купить или принять в зало и другой — когда, за отсутствием таковых, вотчина, ушедшая в чужой ро возвращается безвозмездно тому родичу, который в свое время по нуж продал ее, — лишь бы только она не ушла в чужой род вторично.

В ином свете, может быть, теперь представится и вопрос о купл в ст. 85 (в четвертой и пятой фразах). Говоря о „третьем сущ ственном ограничении, вносимом Судебником 1550 г. в право родово выкупа“, которое „состояло в изъятии из сферы действия этого пра купель“, хочет ли И. И. Смирнов сказать, что раньше купли находили в сфере действия этого права? Чтобы это было так, нет тому никак следов. Бесспорно, что статья 85 не включает в сферу действия род вого права купли, так сказать, первого поколения (в четвертой фраз Но столь же бесспорно и примечательно, что она включает в сферу де ствия права выкупа все купли, перешедшие, переходящие и имеющ переходить по наследству в первое же поколение нисходящих, и тем созда постоянный источник пополнения вотчинной земельной масс в общегосударственном масштабе (в пятой фразе). Что составите Судебника видел в этот момент перед собой „новых“ вотчинников, к торые еще только будут обзаводиться куплями, — это допустимо. Но ч он не ставил креста и на тех „старых“ вотчинников, которые способн были использовать свое старинное право для возвращения своей стар родовой вотчины из рук „нового“ вотчинника, и что он писал свой зак в защиту и полноценных старых вотчинников, отсеивая сорвавших с круга вотчичей и отметая в сторону чужеродцев, готовых перебить старинное право рублем, — это все читается в статье ясно (шестая восьмая фраза).

Если же И. И. Смирнов полагает, что статья 85 „закрепляет“ купли их новыми владельцами „негативно — изъятием купель из действия пра родового выкупа“ в том смысле, что все родичи вотчинника, продавше свою вотчину „новому владельцу“, лишаются права выкупа своей вотчи ставшей куплей „нового владельца“, — то такое понимание противоречило второй фразе ст. 85. Для того, кто купил вотчину, она тотчас ста вится „куплей“, и именно эту „куплю“ в течение 40 лет имеют пра выкупить родичи, перечисленные во второй фразе ст. 85.

Остается еще то „ограничение“ не права, а „в вопросе о праве ро вого выкупа“, которое видит И. И. Смирнов в „определении срока д ствия права родового выкупа“ (четвертая фраза). Формально — э конечно, ограничение. Но практически и по существу оно едва ли могло им то политическое значение, какое склонен, повидимому, приписывать е

И. Смирнов. Как отмечал Владимирский-Буданов, при установлении ьй давности „вероятно, принята была в соображение и обыкновенная одолжительность одного человеческого поколения“ (а Неволин ссылался на „соображение с законами, действовавшими по делам церковным, Корм-я, гл. 24“). Во всяком случае, срок этот не был выдумкой составителя рского Судебника и применялся в земельных делах судьями и Ивана III Василия III (судья Ивана III „обвинил“ истцов, потому что они „искали земель лет за сорок“, судья же Василия III поступил с истцом же, потому что тот „за двадцать лет искал“.[1] Практически для ассовой группировки в целом (княжат и бояр-вотчинников, если уж приниать здесь во внимание только их, хотя статья 85 трактует формально же обо ех вотчинниках без исключения) это определение давности по выкупным жам не могло иметь разрушительного значения, и нисколько не укрело бы ее исторических позиций увеличение этого срока, скажем, до 100 лет. С другой стороны, законодательное определение (= ограничение) срока ікупа абсолютно необходимо было потому, что купля обращалась в вотну (через завещание) во втором поколении: это создавало право выкупа того же клочка земли для другой родственной группы и открывало рспективу столкновения двух выкупных прав на этот клочок. Теперь конодатель (в четвертой фразе ст. 85) искал выхода из этой ситуаи в установлении 40-летней давности, с тем, что по истечении 40 лет сле продажи вотчинного клочка вотчинником А (в куплю покупателю Б) тупало в действие новое (провозглашенное в пятой фразе) право ікупа на эту бывшую куплю (завещанную владельцем Б своим детям вотчину). Ясно при этом, что чем меньшая давность была бы предложена конодателем, тем быстрее, при прочих равных условиях, переходило бы аво выкупа этого клочка от первой родственной группы ко второй. Из ух случайно известных нам сроков давности законодатель выбрал здесь меньший (20 лет), а больший — 40 лет, чем ставил новых вотчинников положение более длительного выжидания (в случае столкновения), когда течет право первой родственной группы.

Таким образом, вопрос о ст. 85 как о „мероприятии, направленном против іяжат и бояр“, как о „выражении антибоярской земельной политики пра-тельства Ивана IV“ не может почитаться до конца разрешимым (для 50 г.) на основании лишь анализа текста ст. 85. И надо бы поискать этой связи той „старины“, которая стояла перед воображением состави-ля Судебника и требовала „исправления“ старого Судебника с помощью едения в его текст ее установок.

Трудность исторического истолкования ст. 85 зависит отчасти от того, о она держится крайне общей, отвлеченной терминологии: „продавец“,

---

[1] АЮ, № 8, стр. 14—17; № 16, стр. 29.

„купец“, „сторонний человек“, „вотчич“ никак ближе не опреде лены социально. Только в последней, девятой, фразе ст. 85 о промен вотчин („А хто свою вотчину променит невотчичю, а примет денег, и хто вотчичь ту вотчину учнет выкупати, и тому та вотчина выкупати, а земли ему оставити в меру, сколко он своей земли променил“) — контр-агент вот чича, „сторонний человек“ (= „невотчич“), вырисовывается как то ж землевладелец и вотчинник, а не помещик и не безземельный тол стосум из гостей или суконников. В остальном тексте ст. 85 ясно тольк одно — на родовую вотчину идет чье-то наступление, не стесненное в денеж ных средствах. В том же казусе с променом вотчины ясно еще, что вотчи меняет большее на меньшее и получает („примет“) приплату разницы, т. капитал, без которого он не мог тянуть свое хозяйство на старой свое вотчине и при помощи которого он рассчитывает или надеется справитьс с хозяйством меньшего масштаба, освободившись, может быть, и от долго При этом законодатель одинаково блюдет интересы и вотчинника и сто роннего человека, представляя вотчичу-претенденту одни остатки.[1]

Нет в ст. 85 и интереса к вопросу о том, что станется с вотчиной, есл она сделается выморочной, и даже к тому, до какого колена идет насл дование ее в разветвленной родовой группе всяческих „племянников“, точн мысли об образовании поместного земельного фонда вовсе и не был у составителя ст. 85. Судьба вотчины после выхода ее из родового кру и из-под действия выкупного права центральную власть как бы и не инте ресует. А как удержать вотчину в этом круге посредством это выкупного права — целиком поглощает внимание автора статьи. Да, — о раз и навсегда отверг выкупные претензии вотчичей, старше сорокалетне срока давности, к покупателю, у которого эта его „купля“ успела тем вр менем превратиться тоже в вотчину, вероятно, даже успела и впрямь к вотчина перейти к следующему поколению (потомков покупателя). И выбр он тут из двух нам встретившихся в документах Ивана III и Василия I не двадцатилетний, а сорокалетний срок. Но заботит его (в шесто фразе ст. 85) на этом тридцатидевятилетнем отрезке времени, чтобы во чич, использовав этот срок для реализации своего права выкупа, держал б ту свою вотчину „за собою“, „а иному тое вотчины не продати, заложити в чюжей род“; а если уж придет нужда расстаться с той во чиной, то „отдати ему та вотчина в свой род тому ж, кого нет в прежн купчих в послусех“.

---

[1] См. в меновной белозерского князя Михаила Андреевича и Ф. Судокова (АЮ, № 10 стр. 135): Судоков „променил“ князю „свое село“ „со всеми угодьи“, „а выменил осп даря своего земли... со всем тем, что к тем деревням исстарины потягло“, „приня есми у дьяка (кн. Михаила, — *Б. Р.*)... к своим землям на те земли осподаря свое 30 рублев серебра...“ (там же, № 102, где „придано“ было одной стороной друг при земельном обмене 90 рублей).

На страже чьих интересов видим мы в этом последнем случае автора . 85? Никак не тех слабых вотчичевых рук, которые раз уже подписали документ, вытолкнувший их вотчину на свободный рынок, а тех, кто дал своих подписей на этом документе и сохранил нетронутым свое ;аво родового выкупа и окажется сейчас в силах удержать свою вотчину :своем роде. Отчего бы автору ст. 85 не использовать подвернувшийся ıагоприятный случай (желание вотчича избавиться от выкупленной вотчины) ıди „распыления“ „вотчинного землевладения“ „путем перехода, через пплю-продажу, в чужие руки“?[1] Искать ответ на этот вопрос можно лько в предположении, что на виду здесь у составителя Судебника 1550 г. ıли такие (одиозные) „чужие руки“, против которых он держал наготове естую и седьмую фразы ст. 85.

Как видим, составитель Судебника в ст. 85 вовсе не пощадил только цну из четырех сторон, введенных им в борьбу вокруг продажной вотины, — ту, которая своими „чужими деньгами“ пыталась использовать чужое аво родового выкупа в своих интересах. В отношении остальных трех ıконодатель пока занял позицию поддержки когда одной, когда другой, ккогда и третьей стороны. При этом он тщательнейшим образом зашифроıл социально-политическую направленность своего творения.

Чтобы вскрыть ее, обратимся к ближайшему законодательному соседу удебника 1550 г. — соборному приговору 11 мая 1551 г. о некоторых опросах имущественного положения церкви. Вопрос о владении родовыми отчинами и выкупе их явился центральным здесь, и не привлечь этого иговора к объяснению ст. 85 никак нельзя.

Год, прошедший со времени „уложения“ Судебника 1550 г., в одном ношении ничего не изменил в политической позиции царя Ивана: как в Судебнике, в приговоре 11 мая 1551 г. все должно было быть пересотрено под углом зрения ликвидации последствий „боярского правления“ 533—1549 гг.). Например, как быть с выкупом завещанных монастырям етских вотчин? — Конечно, поступать „по старине, по тем же указом, как было при в. кн. Иване Васильевиче всея Русии при в. кн. Василии Ивановиче всея Русии“. Или как быть селами и прочими угодьями, которые „подавали“ монастырям и святителям „бояре“ „после в. кн. Василия“? — Конечно, „учинити так, как было при в. кн. Василии“. Или как быть с „придачей ново“ („после в. кн. асилия“) „в ругах и милостынях“ церквам? — Конечно, „милостыни новоидачные отставити, а учинити по старине“. И так далее через весь риговор. В данном случае нас будет интересовать в этом приговоре все , что относится к земельной политике царя Ивана, в частности к выкупу одовых вотчин.

---

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 318.

В противоположность ст. 85 Судебника 1550 г. в приговоре имеем совершенно четкую расстановку сил. Налицо здесь с первых же строк два противопоставленных один другому лагеря — церковных и светских вотчинников. Первым запрещается без докладу и ведома царя покупать „ни у кого“, вторым („князем и детем боярским и всяким людем“) — продавать вотчины. Это запрещение всеобще и беспощадно: „. . . а кто купит или продаст (безразлично, — *Б. Р.*) вотчину без докладу, и у тех, кто купит, деньги пропали, а у продавца вотчина“, — и тут же ясный результат: „. . . а взяти вотчина на государя. . . безденежно“ (как тому нашему первому „продавцу“ вотчичу в ст. 85). Это все настолько категорично, что безденежное накопление государева земельного фонда таким путем мыслимо лишь формально, на деле же непредставимо, так как доклад при таких прямых сделках можно считать абсолютно обеспеченным санкцией (угрозой конфискации). Так с куплей-продажей. Иное дело — вотчины „в вечный поминок“, которые уже („посяместа“) попали или еще („вперед“) попадут в монастырские руки: „. . . и тех вотчин у монастырей никому же никако не выкупати“. Вот это было бы настоящее запрещение права родового выкупа, на что не решился царь год назад в своем Судебнике. Значит, статья 85 Судебника в церковной сфере неприменима (возможно потому, что в приговоре речь идет не о продаже)? — Нисколько. „А которые люди (любые: и княжата, и дети боярские, и всякие люди, — *Б. Р.*) вотчины свои посяместа давали, да и вперед которые учнут вотчины свои давати в монастыри, а напишет кто в духовных и в данных и во всяких крепостях: кому будет до их вотчины роду их (пропущено: „дело“, т. е. право, — *Б. Р.*) и род их (т. е. родичи-вотчичи ст. 85, — *Б. Р.*) скуп (т. е. выкуп, — *Б. Р.*) дадут столко, сколко в духовной или в иных которых крепостях написано дати скупу, — и те вотчины вотчичем выкупати (по ст. 85, — *Б. Р.*) по духовным и по данным крепостям по старине, по тем же указом, как было при в. кн. Иване. . . и при в. кн. Василии. . .“, т. е. именно и действительно по ст. 85, зафиксировавшей, как видим, эту „старину“ молча и не сославшись на источник (чего Судебник и не делает никогда). Монастыри в этих строках приговора 1551 г. выступают в роли того „стороннего человека“, который в ст. 85 ближе не определен.

Но этот сторонний человек здесь занимается отнюдь не только вотчинами детей боярских, княжат и всяких людей. Он поуспел (за время боярского правления, конечно) проявить сильный интерес и к иным землям — поместным и черным: „. . . а которые царевы в. кн. поместные и черные земли задолжали у детей боярских и у крестьян и насилством поотоймали владыки и монастыри, или которые земли писцы, норовя, владыкам же и монастырем подавали, а называют владыки и монастыри те земли своими, а иные починки поставляли на государевых землях — и того сыскати, чьи земли были исстари (т. е. до смерти Василия III, — *Б. Р.*), за тем то

:илли и учинити". Монастырский ростовщический капитал представал здесь совершенно разнузданном виде, как грызун, принявшийся точить оборонй земельный фонд государства по линии простого кредита, а не под эдлогом (как было с вотчинами) помина души, и, повидимому, непосредвенно, не прибегая к подставному лицу.

Таким образом, интересующее нас в ст. 85 право родового выкупа вотчи выступает в этом приговоре как подновленное этим приговором всеещее для вотчинников всех мирских общественных групп и масштабов удие обороны против „стороннего человека" в лице монастыря — откуда нятна и та обезличенная всеобщность формулировок ст. 85, которая так грудняет ее социальный анализ нам, людям XX в., и которая не нуждась в расшифровке для современников: с полуслова им было понятно, о ком чем тут шла речь. Что не прошло и года после издания Судебника, кс купля-продажа вотчин между вотчинниками и монастырями (без доклада рю) была категорически запрещена, — ничего не может изменить в очедной связи наших двух документов. Ст. 85, нельзя забывать, предусмоела и еще одну операцию — заклада вотчин, — которая осталась привором 1551 г. не запрещенной, хотя и была им вскрыта как средво „отымания" поместных и черных земель. К тому же никто и не запрелл тут монастырю действовать через третьих лиц — мирян, вроде Мясоа Вислого (см. ниже, стр. 318, примечание).

Следует здесь отметить и то, что никакого принципиального постановния о поместных и черных землях в приговор 11 мая 1551 г. есено не было: расхищенное возвращалось по принадлежности, но никаих положений и санкций на будущее не предусматривалось. Вся масса етских вотчинников (а не помещиков) гораздо больше, видимо, ставляла предмет заботы правительства царя Ивана в момент составления иговора 11 мая. На всем этом фоне „чужие деньги" „стороннего челокка" в руках подставного полноправного вотчича ст. 85 приобретали злощий характер, как щупальцы, настигавшие даже бывшую вотчину азалось, попавшую в крепкие руки, как купля будущего вотчинника вой формации), используя незапрещенную сделку залога и право родого выкупа в этой его разновидности через подставных лиц — вотчичей. ельзя преуменьшать изобретательности и упорства монастырских старцев всселукавых мнихов") в деле подкарауливания лакомых земельных кусков оплетения воли „боголюбцев" — вотчинников (а особенно боголюбивых отчинниц, например из числа незабытых автором ст. 85 „сестер") средвами церковного воздействия.[1]

---

[1] Само собой разумеется, я не берусь отрицать возможности выступления, в качестве тороннего человека", „твердого покупателя" из числа светских вотчинников. Но в таких учаях статья 85 тем более не может быть трактована как орудие, направленное против уппы светских вотчинников вообще. Маловероятно выступление в роли „стороннего

Так обстояло дело с массой вотчинников всех видов и масштабов в мае 1551 г. в той части соборного приговора, которая, повидимому, не имела под собой никакой старой текстовой основы. Но в него же было включено некоторое, не имевшее общегосударственного значения, уложение в. кн. Василия Ивановича тоже о вотчинах, дающее представление о традиции, родственной вотчинной концепции, составителя Судебника 1550 г. Приведу его текст:

„А что из старины, по уложенью в. кн. Василья Ивановича всея Русии, во Тфери, в Микулине, в Торжку, в Оболенску, на Белоозере, на Рязани, мимо (т. е. помимо, — *Б. Р.*) тех городов людей, иных городов людем вотчин не продавали и по душам в монастыри без докладу не давали, а Суздальские князи да Ярославские да Стародубские князи, без великого князя ведома, вотчин своих мимо вотчич не продавали никому и и в монастыри по душам не давали. А ныне (т. е. в 1533—1550 годах, — *Б. Р.*) деи и в тех городех князи и дети боярские в монастыри вотчины свои продавали и по душам давали: и вперед во Тфери и в Микулине, на Белеозере и на Рязани и в Оболенску, иногородцом вотчин и купель (отчего купли и попали в ст. 85 вслед за вотчинами, — *Б. Р.*) не продавати, и Суздальским и Ярославским и Стародубским князем вотчин никому, без царева в. кн. ведома, не продавати и по душе не дати. А кто вотчину свою без царева в. кн. ведома, через сесь государев указ кому продаст, и у купца денги пропали, а вотчичи вотчин лишены (следовательно, вотчины поступают „безденежно“ государю, — *Б. Р.*). А кто без государева ведома в тех городех... да Ярославских и Суздальских и Стародубских князей в которой монастырь кто даст по души без государева докладу — и та вотчина у монастырей безденежно на государя имати. А которые вотчины свои в монастыри по душам до сего государева приговора давали без государева докладу — и те вотчины имати на государя, да за них по мере („чево та вотчина стоит“ в ст. 85, — *Б. Р.*) денги платити, да те вотчины отдавати в поместиа. А кто, без государева ведома, в которой монастырь вотчину свою даст по душе, и та вотчина у монастырей безденежно имати на государя. А которые вотчины свои в монастыри по душам до сего государева приговору давали — и тем вотчинам вперед за монастыри и быти, потому что те вотчины даваны в монастыри до сего государева приговору“.[1]

Как видим, при в. кн. Василии Ивановиче в некоторых районах все и всяческие вотчичи были ограничены в выборе покупателей своих вотчин (границами района), а в иных районах только княжата были лишены

человека“ помещика типа Пересветова в начале 50-х годов. Иное дело — Штадены 60-х годов, но не об этих годах идет и речь.

[1] ААЭ, т. I, № 227.

лава продавать свои вотчины иначе как в своем родовом кругу, но и те другие на деле не могли находить иных покупателей, кроме монастырей. ьперь при царе Иване вновь вся мобилизация вотчинного землевладения этих районах ставится под строгий контроль центрального правительства, в этом отношении купли ставятся в то же положение, что и вотчины ак будущие вотчины по ст. 85). Вклады по душе идут заодно с продаами. Санкция во всех случаях нарушения (впредь) этого нового государва „указа" — взятие этих вкладов у монастырей безденежно на государя, т. е. в поместный фонд, за исключением тех вкладов, которые еланы были до этого приговора и подлежали государственному выкупу монастырей и тоже раздаче в поместья.

Итак, приговор 11 мая 1551 г., в обеих его частях, заключает довольно тткие данные об основных установках земельной политики правительства ря, получившей отражение — бледное и шифрованное — в ст. 85 Судебика 1550 г. В этих установках пока не было ничего направленного „прова княжат и бояр", т. е. к подрыву их вотчинного землевладения. В частости, в отношении княжат, поскольку некоторые из них были поставлены несколько иное положение, сравнительно с другими вотчинниками известых районов, можно отметить стремление законсервировать их вотчины их тесном родовом круге. Основная проблема в сфере земельной политики, заполонившая внимание царского правительства в приговоре 1551 г. . будущее, это — обуздание владычного и особенно монастырского безержного и бесконтрольного напора на земли всего светского сектора вотнного землевладения, безотносительно к калибрам и общественному оложению его представителей вплоть до детей боярских и даже „всяких одей". Статья 85 Судебника, в известной мере, имела целью оформить равовым образом и мобилизовать сопротивляемость последних этому напору. о статье, которая предотвратила бы махинации монастырского ростовщического капитала вокруг поместных и государевых черных земель, аправленные на их присвоение, составитель Судебника 1550 г., видимо, казаний не получил. В приговоре же 11 мая 1551 г. шла речь лишь о ликидации последствий случившегося раньше расхищения этих земель святиелями и монастырями, которое, однако, оставалось безнаказанным как в отноении правительственных органов, допустивших эти махинации, так и в отноении самих расхитителей. Конечно, мероприятие это направлено было ротив авторитета „боярского правления" (1538—1549 гг., как и весь Судебик в целом), т. е. определенной кучки олигархов, но материально острадать" тут должны были только церковники, а не „княжата и бояре", е. безымянная верхняя прослойка класса феодалов.

Как справедливо отмечает Б. Д. Греков, из состояния „нужды в земельом фонде для испомещения армии" в момент приговора 11 мая 1551 г. наиболее реальных выхода было два: отобрать землю либо у церкви,

либо у бояр".[1] Но и Судебник и этот приговор не ставят еще этой альтернативы открыто. Приговор дает лишь понять, что в изучаемый момент правительство царя слабейшей стороной считало не „вселукавых мнихов", а Курбских и Пересветовых одинаково, за групповые интересы которых и выступало в законе, как могло, ища компромиссов в рамках „дедовой" и „батковой" старины. Жизнь расшифровала зашифровки в ст. 85 Судебника против Курбских только в опричнине. А в 1550—1551 гг. намечалось образование поместного фонда пока только за счет конфискации тех монастырских земель, которые достались монастырям в виде добровольных вкладов по душе вотчинников — „боголюбцев".[2]

Прошло шесть лет после приговора 11 мая и семь — после утверждения Судебника 1550 г., и опять вотчинный вопрос попал на обсуждение царя „со всеми бояры" (5 августа 1557 г.).[3] И опять это был вопрос только о выкупе. Наши первые покупатели („купцы" из фразы третьей = продавцы из фразы седьмой), когда дело доходило до выкупа у них вотчинной земли вотчичем, норовили взять наценку на землях под лесом и рощами (якобы взросшими иждивением самого „купца"), — и царю с боярами пришлось (в приговоре 5 августа 1557 г.) занять определенную позицию по этому наболевшему, очевидно, вопросу: „за лес за всякой царь и великий князь цену велел отставити", т. е. стал за вотчичей и против „сторонних людей". Второй вопрос, поставленный на обсуждение 5 августа 1557 г., прямым образом был связан с практикой приговора 11 мая 1551 г., который разрешил вотчичам выкуп вотчин, данных монастырю в вечный поминок, по цене, означенной в духовной грамоте „боголюбца" или в ином документе, закрепляющем сделку. В результате этой практики явился поток челоби-

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., стр. 615. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

[2] Нет никаких признаков того, чтобы ради верстания поместьями (вокруг Москвы) цвета класса феодалов (начиная с „бояр"-княжат и „окольничих", согласно расписанию, данному в „Тысячной книге" 1550 г.) была бы произведена конфискация каких-либо светских или церковных вотчин. Равным образом, и военно-служебная реформа 1556 г. обошлась без покушения на вотчинный земельный фонд, ограничившись некоторым перераспределением земель между помещиками в рамках поместного земельного фонда. Установив „праведные уроки" в сфере денежного жалования „бояр и велмож и всех воинов", царь Иван „и сея разсмотри: которые вельможи и всякие воины и ини многими землями завладели, службою оскудеша, не против государева жалования и своих вотчин служба их, государь же им ровнение творяше: [1] в поместьях землемерие им учиниша, кому что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим, а [2] с вотчин и с поместья уложенную службу учини же со ста четвертей добрые угоже земли человек на коне и в доспесе в полном...". „Преизлишки" — это земля, с которой службу нести помещик не мог, в частности, однозначные и двузначные числа четвертей поместной земли, практически никак не переводимые на формулу „со ста четвертей 1 человек" и потому поступавшие, по мысли автора указа, в общий поместный фонд для „ровнения", т. е. образования целых односотенных земельных наделов (см. ПСРЛ, т. XX, 2, стр. 571).

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, изд. 4-е, стр. 10.

ний „о мере“ (т. е. переоценке) и о том, „что в духовной на вотчину цена написана велика, от вотчичев ухитряючи“. Выходило, что за эти годы монастырь успел перехитрить всех и запретительным выкупным тарифом, диктуемым завещателю или дарителю вотчины (в духовных и данных грамотах), фактически покончить с родовым выкупом вотчин, ему доставшихся. И в этом пункте царь стал тоже на сторону вотчичей. Нельзя было и ждать, чтобы он решился аннулировать все, уже „подписанные“ , „запечатанные“, „вершенные“ (т. е. утвержденные) духовные. Но „которые вотчичи бьют челом о том, докуды духовная не запечатана и не совершена: и тем вотчичем на вотчины давати мерщиков, и выкупити вотчины по мере, чего та вотчина стоит“. И „велел“ царь „сесь приговор в Судебник написати“.[1]

Если бы задаться целью не просто „написати“ „в Судебник“, а вредактировать эти два положения приговора 5 августа 1557 г. в текст ст. 85 Судебника 1550 г., это не составило бы труда: в ст. 85 был предусмотрен похожий казус, сформулированный только применительно к закладу вотчины, а не ее дарению, и там вопрос о цене, по которой вотчич имел право перенять у стороннего человека заложенную тому в большей сумме вотчину, решен был в пользу вотчича: „...и тому вотчичю та вотчина заклад взяти в меру, чево та вотчина стоит“. Иными словами, принцип, сформулированный в восьмой фразе ст. 85 с презумпцией в пользу вотчича, был неукоснительно применен (в 1557 г.) к аналогичному казусу выкупаемой вотчиной, созданному ухищрением монастыря. А это значит, что правительство царя Ивана и в 1557 г. продолжало твердо стоять вопросе о выкупе родовых вотчин на позициях 1550—1551 гг., вовсе же не таких фатальных для вотчичей.[2]

Этой операции никак не проделать с приговором 15 января 1562 г.: ее говоря о том, что в нем под обстрел были взяты преимущественно нарочито княженецкие вотчины, он вторгался в самое право наследования вотчин и право распоряжения ими, держа наготове при всяком случае взятие вотчины „на государя“, притом по возможности безденежно,

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, изд. 4-е, стр. 10.

[2] Это положение не изменилось и в следующем, 1558, году, как можно судить по приговору царя 11 января этого года „о закладных вотчинах“, на которые теперь было распространено действие царского приговора 25 декабря 1557 г. об отмене процентов рассрочке в платеже долгов „служилых людей“ на 5 лет (по 25 декабря 1562 г.): „которые люди займовали денги у кого нибуди, а в тех деньгах закладывали вотчины свои на рост пахати, и тем людем... ныне мочно будет тем заимщиком платитися в ту пражную 5 лет...: и князю Дмитрию Ивановичу (Немово) с товарищи тем людем велети платитися в ту же пять лет, по государеву указу, по розчету, в колько у кого чья вотчина заложена... а вотчина отдати тому, кто закладывал... а та вотчина закладная тому... держати за собой, доколе своему должнику (т. е. кредитору) выплатит...“ (М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. III, изд. 4-е, стр. 14).

и не щадя даже подвернувшегося под эту руку „сына боярского“, если бы он соблазнился купить кусок земли у кого-нибудь из „князей“. Но это был уже самый канун опричнины, которая только и решила отмеченную Б. Д. Грековым альтернативу в пользу разгрома вотчинного землевладения „княжат“ и „бояр“ (а не церкви и монастырей).[1]

Статья же 85 создавалась в дни господства так называемой „избранной рады“, распад которой только и расчистил путь к крутому решению земельного вопроса посредством учреждения опричнины.[2] Земельная поли-

---

[1] Для времени опричнины документы сохранили нам пример светского скупщика вотчин — в лице Мясоеда Вислого, вотчинника, сделавшего карьеру в качестве столичного дьяка, который, проживая в Москве, занимался перекупкой земель, отводимых (точнее — назначаемых) вотчинникам взамен конфискованных у них в опричное ведомство их старых вотчин (П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. Исторический архив, т. III, стр. 156 и сл., 215 и сл.). Все купчие, относящиеся к этой операции, носят одну и ту же общую дату: „лета 7076“ (т. е. 1567 или 1568 г.) и засвидетельствованы одной и той же группой „послухов“, в числе коих один — подьячий Поместной избы, ведавший вотчинными делами. Все контрагенты Вислого — костромские мелкие вотчинники; все продаваемые ими вновь пожалованные им вотчинки расположены в Надпорожском стане Белозерского уезда. По четырем купчим Вислый уплатил им 230 рублей. В том же Надпорожском стане оказалась и еще одна вотчина, которую новый владелец, видимо, не захотел продать „впрок без выкупа“, как сделали те четверо, а предпочел ее заложить тому же Вислому за 100 рублей (что было оформлено за той же датой и при участии той же компании послухов). Вся эта операция производит впечатление направленной целеустремленно на Надпорожский стан. В том же стану присмотрел себе новопожалованную вотчину у целой группы костромичей дьяк Рахман Житков и выменял ее у них на свою „купленную вотчину“ в Юрьевском уезде, и тут же продал только-что купленную Надпорожскую вотчину все тому же Вислому за 300 рублей. Можно догадываться, что Житков совершил тут не безвыгодную сделку, в которой заинтересован был и Вислый. Вся совокупность приобретенных Вислым таким образом вотчин не оставила никакого следа в духовных грамотах Вислого, написанных одна в 7076, а другая в 7078 гг.: все эти вотчины, в том числе и закладная (претензии на которую залогодателей каким-то образом исчезли подобно дыму!), не поступила в хозяйственную эксплуатацию скупщика и в „лето 7077“ продана была Вислым ни кому иному, как крупнейшему землевладельцу Белозерского уезда — Кирилло-Белозерскому монастырю. Разумеется, „впрок без выкупа“ — оговорка, которая аккуратно проставлялась и во всех купчих на эти вотчины при покупке их Вислым. Была ли тут напористая инициатива монастыря (через своего вкладчика: Вислый хранил свои деньги в „казне“ монастыря, см.: Архив Строева, т. I, стлб. 501) или было то усердие самого Вислого, старинного белозерского вотчинника и кириллобелозерского богомольца, — ничего не меняет в том обстоятельстве, что даже в разгар опричнины подобное покушение на землицы мелких вотчинников, пострадавших „с городом“, а „не в опале“, завершилось по-наторенному — переходом их вотчинок (в которых они, вероятно, и побывать-то не успели) в монастырские „чужие руки“, хотя и через светского „стороннего человека“, вероятнее всего тоже не поинтересовавшегося посмотреть свои новые „купли“.

[2] См. работы: С. В. Бахрушин. Избранная рада Ивана Грозного. Историч. зап., 1945, т. 15; И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. Историч. зап., 1947, т. 24; Б. А. Романов. К вопросу о земельной политике избранной рады. Историч. зап., 1951, т. 38; И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 31.

аı „избранной рады“, как показывает статья 85, была исполнена ;ппромисса и отражала социальную неоднородность состава правительства ряя Ивана конца 40-х—50-х годов.

СТАТЬЯ 86

Ср. Судебник 1497 г., ст. 61.

СТАТЬЯ 87

Ср. Судебник 1497 г., ст. 62.

Судебник 1550 г. стоит на тех же позициях защиты феодальной собственности, как основы феодализма,[1] воспроизведя почти без изменения стт статьи 62 Суд. 1497 г. и внеся в него лишь редакционные уточнения.

СТАТЬЯ 88

Ср. Судебник 1497 г., ст. 57.

И. И. Смирнов справедливо подчеркивает, что в вопросе о крестьянах дебник 1550 г. занимает „консервативную позицию“. „Принцип исправния Судебника 1550 г. «по старине», провозглашенный в царской речи Стоглавом соборе, нигде так отчетливо не выступает, как в ст. 88... аı не дает почти ничего нового по сравнению со ст. 57 Судебника 77 г. ... Все ... дополнения и поправки направлены к одной цели — ббολее точно и полно раскрыть содержание крестьянского отказа... нее всего можно было бы определить соотношение между ст. 57 дебника 1497 г. и ст. 88 Судебника 1550 г., назвав ст. 88 Судебника 00 г. комментированной статьей 57 Судебника 1497 г., причем ериал для этого комментария дан практикой применения ст. 57“.[2] — обы не упустить и малого в этом комментарии, продиктованном самой одной жизнью, отметим одну за другой все поправки и дополнения, сенные составителем ст. 88 в старый закон о крестьянском отказе.

Первая поправка. Вместо рубля и полтины Судебника 1497 г. килое в ст. 88. обратилось в „рубль и два алтына“ „в полех“ „полтина и два алтына“ „в лесех“. Бросается в глаза непроциональная накидка двух алтын в обоих случаях — и на рубль и на лтину, — когда ожидать должно бы при „рубле и двух алтынах“ лтину и один алтын“ или же при „полтине и двух алтынах“ „рубль етыре алтына“. Возможно, что имеем здесь описку в оригинале, перешую в списки; логически допустимо было бы и то, что самая надбавка режней цифре „пожилого“ объясняется причислением к ней забытого Судебнике 1497 г. „повоза“ (подводной повинности), равного 2 алтынам, мер которого не мог меняться в зависимости от лесистости местности.

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 41.
[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 330—331.

Но это логически допустимое предположение разбивается о фактическую справку в приходо-расходных книгах Иосифова Волоколамского монастыря 70-х годов XVI в.: пожилое („пожиль“), в полном размере, неизменно записывается в книгах в сумме 1 рубль и 4 алтына и, при этом, никогда не записывается взимание „за повоз“, т. е. в записи слиты собственно пожилое Судебника 1550 г. (1 рубль и 2 алтына) и „за повоз“ (2 алтына). По всей вероятности, „за повоз“ Судебник 1550 г. мыслил, по аналогии с пожилым, не в неизменной цифре 2 алтына, а в изменяемой, в зависимости от прожитого срока („а за повоз имати з двора по два алтына“, т. е. с полудвора алтын, с четверти двора пол-алтына). Поэтому, когда в книгу записывается пожилое за два года, то оно исчисляется ровно в половину против 1 рубля и 4 алтын, т. е. в полтину и 2 алтына: из этих 2 алтын 1 алтын — это половина 2 алтын, добавленных Судебником к „рублю“ Судебника 1497 г., а другой — это половина 2 алтын „повоза“. То же самое повторяется и в иных комбинациях, встречаемых в книгах монастыря, вроде пожилого за год с двух крестьян в размере полтины и 2 алтын или пожилого „с двух выходцев“ за 2 года в размере 1 рубль и 4 алтын.[1] В книгах Волоколамского монастыря имеем, повидимому, случаи вывода крестьян во владения монастыря из местностей, лежащих „в полех“, но пожилого в размере „полтины и четырех алтын“, как следовало бы по ст. 88 (считая тут пожилое + повоз), в волоколамских записях не встречаем.

Вторая поправка (вставка), „где десять връст до хоромного лесу“, решала, вероятно, бесконечно многократные споры о том, в „лесе“ или в „полех“ стоит покидаемый крестьянином двор.

Дополнения:

Пожилое имати с ворот. М. А. Дьяконов объясняет так: „... т. е. одно пожилое со всех жилых зданий за одною оградою с одними воротами“.[2] Вернее бы сказать — независимо от величины, застроенности и, главное, личного состава двора (т. е. живет ли в нем, за одними воротами, один крестьянин-тяглец или несколько). Об этом свидетельствуют такие, например, записи в цитированных книгах Волоколамского монастыря: взято „с дву выходцев“ рубль 4 алтына, или взято рубль 4 алтына „на Исаке да на Андрюшке Мняковских, жили за одними вороты“, или взято полтина и 2 алтына пожилого „на Ефиме на Поповкинском с полуворот“ (т. е. жил он во дворе с кем-то пополам).[3]

... а опричь того пошлин на нем не имати. Б. Д. Греков поясняет это дополнение так: „Из записей в тех же книгах (Волоколамского монастыря, — Б. Р.) узнаем о том, что приказчики монастырские старались удерживать желающих от них уходить крестьян и что одним из средств задерживания

[1] Исторический архив, т. II. М., 1939, стр. 68 и сл.

[2] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя, стр. 330.

[3] Н. В. Тимофеев. Крестьянские выходы конца XVI в., стр. 79—80.

іестьян было увеличение размеров пожилого. Делается совершенно понят-ий оговорка, очень важная для стороны, перевозящей к себе крестьянина, втором Судебнике: «опричь» и т. д.“[1] Составитель ст. 88, сам добавив пожилому пошлину в виде „повоза“, предусматривал здесь не просто еличение пожилого, а именно изобретательство господ в сфере дополни-льного и отдельного от пожилого обложения крестьян.

Хлеб в земли. Два алтына за него „это арендная плата за землю, нятую озимым посевом вышедшего крестьянина (потому что до Юрьева я озимые посевы уже кончаются)“ (Владимирский Буданов). Упоминание: ли со стоячего“, вызвавшее недоумение Владимирского-Буданова („каким разом мог остаться стоячий хлеб?“), только подчеркивает, что суть тут оплате простоя земли, обнаруживая тем самым полное безразличие дебника к тому, снят ли действительно этот хлеб или по каким-либо стоятельствам не снят: Судебник здесь на страже только владельческого тереса феодала. Тот же смысл имеет и формулировка платежа „царевой еликого князя подати со ржи“ — „по кои места (т. е. покамест, — Р.) была рожь его в земли“. Очевидно, это был столь же спорный жизни вопрос, как и вопрос о „боярском деле“ (барщине), который перь решается Судебником в пользу нового владельца.

Из кипучего котла народной жизни и еще два дополнения — о „попе“ „холопе“. Еще Владимирский-Буданов заметил, что „приходское ьское духовенство находилось в одинаковых условиях с крестьянами осительно пользования двором и аренды земли. Отсюда позднее, во мена прикрепления крестьян, землевладельцы расположены были смотреть а приходских священников как на крепостных; иногда даже они ставили опы своих рабов, не освобождая их“. Последнее отмечено русскими рковными памятниками еще до XIII в.[2]

Статья 83 решительно провозглашает свободу сельского попа на земле одала. Повидимому, в правительстве в. кн. Ивана III не нашлось церков-за, который вспомнил бы о судьбе сельского попа, а в 1549—1550 гг. ой церковник оказался налицо и даже, может быть, причастным к пере-ботке Судебника 1497 г.[3]

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 846.

[2] РИБ, т. VI, Правило митрополита Кирилла 1274 г., стр. 90.

[3] Ср. предположение Б. Д. Грекова об участии в составлении Судебника попа ьвестра (Крестьяне на Руси, стр. 660; см. также мою статью в сборнике статей: Акаде-у Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, стр. 140 и сл.). „Книге ключей“ Волоколамского монастыря читается необычная для этой книги ись: „Лета 7060-го, священник Андрей Захарьин сын пришел семи к Николе юдотворцу в Ераполчь служити в село в монастырская Осифова монастыря ко , а рожь церковная Никольская в земле. И потити мне прочь от ржи ж, а рожь земле останется Никольская. А писал яз священник Андрей сваею рукою“. Поп рей пришел и уговорился служить в Никольской церкви села Яроплоча в мо-

Мало привлекавшее к себе внимания добавление о *холопе* представ-ляет существенную новость. В специальном исследовании истории холопств-в А. И. Яковлев ограничился об этом постановлении следующим замечанием: „Ст. 88 дает желанное для *служилого человека* разрешение холопит-крестьянина, сидящего на пашне, не определяя того, на каком — вотчинно-или поместном — участке он сидит, о переводе в какое хозяйство идет речь, и обнаруживая только одну заботу — оберегание фискального интерес-(„подать цареву и великого князя").[1]

Владимирский-Буданов выразил даже удивление: „чем объяснить эт-видимую привилегию в пользу рабовладения (вопреки смыслу ст. 78)?? Но в том-то и дело, что статья 78 вовсе не пропагандирует кабально-холопства, а целиком стоит на страже охраны неприкосновенности *полного* холопства, борется против утечки всяческих холопов на сторону — в то-числе и в кабальное холопство. Вопреки же Яковлеву, в ст. 88 сказывает-отнюдь не „только одна забота о фискальном интересе". Более того-о фискальном-то интересе применительно к холопу статья 88 упоминает та-же формально, как и применительно к крестьянину. Относительно после-него, как и относительно холопа, составитель Судебника и мысли, конечн-не допускал, чтобы регулируемое законом (в ст. 88) организованное пере-движение крестьян как-нибудь могло нанести ущерб поступлению тягл-в казну государеву. И в том и в другом случае речь здесь велась о то-на которого из феодалов падет обязанность платить это крестьянск-тягло, неумолимо взимаемое с данной податной организации в установле-ной общей цифре. Примечательно здесь совсем другое. В случае с кресть-нином, уходящим в холопы, статья 88 предоставляет уходящему на выбо-либо платить цареву подать с оставшегося в земле хлеба через старо-владельца, либо вовсе не платить, но тогда и оставить хлеб на мес-И больше того: допуская и даже поощряя (бессрочно, в любое врем-переход крестьянина в полные холопы, Судебник обнаруживает явн-готовность, в широкой перспективе, *пренебречь фискальным инте-ресом* и навсегда выключить уходящего в холопы тяглеца из тягло-государственного счета (поскольку холопы не платили никаких подате-

мент, когда на церковной земле уже была посеяна рожь (возможно, его предшеств-ником), которая и была бы им убрана и освоена, если бы он досидел на новом ме-до уборки урожая. Запись дана была Андреем на случай, если бы ему пришлось покин-новое место (все равно — по своей ли воле, или по воле монастырских властей), не-ждавшись уборки. Андрей признавал, что в земле останется рожь, принадлежащая церк-тем самым отказываясь от всяких на нее претензий (хотя бы соразмерных с прослужен-в этом селе сроком). За всем этим подразумевалось, что поп Андрей волен уйти, ко-ему заблагорассудится. Новелла статьи 88 о попе имела в виду, конечно, не та-случаи кратковременного пребывания сельского духовенства на службе феодала, а случ-где налицо имелась известная давность. См.: Книга ключей и долговая книга Воло-ламского монастыря XVI в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 46.

[1] А. И. Яковлев. Холопство и холопы, стр. 47. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

Комментарий А. И. Яковлева не может нас удовлетворить и еще в двух ношениях. Во-первых, статья 88 ни слова не говорит о „р а з р е ш е н и и лопить крестьянина, сидящего на пашне“, а формулирует фразу условно: ли какой-нибудь крестьянин „п р о д а с т с я в холопи в полную“, — считая, никакого разрешения тут не требуется (поскольку нигде и запрещения ой сделки формулировано не было). Статья 88 разрешала заключать сделку, во-первых, „б е с с р о ч н о“, т. е. в нарушение основного авила о крестьянском отказе и Юрьеве дне, разрабатываемого в этой статье, и, во-вторых, б е з у п л а т ы п о ж и л о г о, заботливо подвергнуго переоценке в ней же. Р а з р е ш е н и е относилось только к этим двум черкнутым обстоятельствам. И в этом-то и заключалась новость, вызвавяя удивление Владимирского-Буданова — „чем объяснить эту привилегию пользу рабовладения“.

Во-вторых, комментарий А. И. Яковлева, повидимому, подразумевает, продающийся крестьянин здесь не меняет владельца — и отсюда проистекает удовлетворение последнего этим пунктом ст. 88 („ж е л а н н о е я служилого человека разрешение“). Однако тут же А. И. Яковлев овами „не определяя того, . . . о переводе в к а к о е х о з я й с т в о идет чь. . .“ — допускает, как будто, и правильное понимание ст. 88 в том ысле, что „перевод“ тут совершается из хозяйства одного феодала хозяйство другого. Но если так, то как можно говорить в общей форме этой новости, что она „ж е л а н н а д л я служилого человека“, т. е. д л я о и х с л у ж и л ы х л ю д е й — и для того, кто приобрел холопа, не латив пожилого и не дожидаясь ноябрьских двух недель, и для того, которого его крестьянин в один прекрасный день исчез, бросив только ой хлеб ему в утешение? Если же „служилый человек“ тут подразумеваея А. И. Яковлевым все же один, то это противоречит ясным формуливкам текста ст. 88. В нем речь о том, что крестьянин продастся „к о м у“, е. кому-нибудь, а не „боярину“, как назвал бы составитель господина аналогии с „боярским делом“ строчкой выше. Лишено смысла было бы разрешение на бессрочность сделки, т. е. на нарушение Юрьева дня, еденного ради интереса в л а д е л ь ц а того крестьянина, который выбывает хозяйства владельца, а не в интересах крестьянина и тем более постониих третьих лиц. Лишено смысла точно также было бы и предоставлее крестьянину, п р о д а в ш е м у с я уже в холопы, с в о б о д ы выбора атить или не платить царевы подати, снимать или не снимать урожай своей пахоты: это все дело исключительно холоповладельца, в деревне торого жил крестьянин до холопства. Свобода выбора сохраняется здесь я полного холопа — в отношении б ы в ш е г о владельца.

Таким образом, оценивая эту новеллу о полном холопе, приходится азать, что Судебник здесь обнаруживает еще больший консерватизм, м тот, который правильно отмечает в своем комментарии И. И. Смирнов

(лишь вскользь и формально упоминая о холопе).[1] Подрывное для нормы о Юрьеве дне значение этой новеллы ст. 88 о холопе не отмечено и никак не оценено в комментарии И. И. Смирнова. Оно даже захоронено его конечной, заключительной оценкой статьи о крестьянском отказе, в переработке Судебника 1550 г.: „... и в 1550 г. она была столь же действенна и так же соответствовала интересам господствующих классов Русского государства, как и в 1497 г.“.[2] Подчеркнутая мною общность этой формулировки стоит, думается, в противоречии с этой новеллой, которая, хотел того законодатель или нет, грозила забить глубокий клин в самую толщу господствующего класса, если бы возымела сколько-нибудь широкое применение. Имеем здесь первый в законе симптом того, что в ближайшем будущем и самый Юрьев день станет предметом ожесточенной внутриклассовой борьбы в поисках рабочих рук.

Прошло более полувека. Русское государство вступило в полосу затяжной гражданской войны. От Юрьева дня осталось одно воспоминание. Прошли голодные (1602 и 1603) годы с попытками царя Бориса разрешить в эти годы возку крестьян в низших слоях служилой массы (из крестьян „во крестьянеж“) и с массовым передвижением крестьян „с животами“ „верст за двести и за триста и болши“ по всей стране, „из за московских городов на украины, а с украины в московские городы“. Наступил черед правительству Лжедимитрия (под напором челобитий „бояр и дворян и детей боярских и владычних и монастырских вотчин“) разобраться в создавшемся положении с крестьянами и холопами. Оно ответило на эти челобитья боярским приговором 1 февраля 1606 г., по которому вопрос о „бежавших“, „сбредших“ и „сшедших“ крестьянах был решен надвое: 1) бежавшие до голодных и после голодных лет возвращались прежним „помещиком и вотчинником“ безоговорочно, 2) бежавшие в голодные годы (1602—1604) подлежали разбору по признаку состоятельности: те, кто „от помещика или вотчинника сбрел от бедности, что было ему прокормиться немочно“ — „и тому крестьянину жити за тем, кто его голодные лета прокормил“; те же, про кого будет установлено, что „он был не беден и сбежал от своего помещика или вотчинника с животы, а прокормиться было ему мочно“ — „и того по сыску отдати старому помещику или вотчиннику“.[3] Применение этого принципа особо было оговорено в приговоре относительно тех крестьян, кто в эти же голодные годы „пришли к своим или к сторонним помещиком и вотчинником, и кабалы служилые на себя подавали“, а старые их помещики и вотчинники „учнут их вытягивати из холопства по крестьянству“ — „и того сыскивати накрепко: будет сшел от бедности и животов у него не было ничего, и тем исцом отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 331.
[2] Там же, стр. 333.

прокормитись не в мочь, и от бедности, не хотя голодною смертью иереть, бил челом в холопи... и ныне того крестьянина з холопства во естьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокорил, а не от самые бы нужи в холопи он не пошел".[1]

Не стоял ли и составитель Судебника 1550 г. на этой же точке зрения, о крестьянин пойдет „продаваться в полную в холопи" только в случае айней „нужи" и „бедности", и рассматривал свою новеллу в ст. 88 как ддушину на подобный самый крайний случай? Что это могло быть так, тому склоняет признание в приговоре 1 февраля 1606 г. и такой возможости, что крестьяне переходили в холопы „и до голодных лет". Только этом случае приговор 1606 г. не возлагал ответственности на феодала и остановил (вопреки ст. 88 Судебника?!) таких холопов „по крестьянству холопей выдавати". Составитель же Судебника эту ответственность на го возложил — и пригрозил такому помещику или вотчиннику узаконеием бессрочного ухода его крестьянина в полные холопы на сторону без латы пожилого.

СТАТЬЯ 89

Новая. Случай ст. 89 не был вовсе предусмотрен Судебником 1497 г. при ормулировке условий крестьянского отказа. Судебник 1550 г. ставил вопос о нем, очевидно, потому, что жизнь успела выдвинуть его как спорный. рестьянин совершил какое-то „лихое дело" (уголовное преступление) первый раз, был признан виновным, так как на „поле" был „убит" (т. е. обежден), но не был облихован (см. статьи 55, 56, 62) и был дан на поруки оему „государю", — имеет ли он право „отказа"? Статья 89 отвечает на от вопрос утвердительно — при условии вручения его „государю", „за ем жил", поручной записи (очевидно, нового его „государя"). Ясно, что осудари" и поручную запись иной раз использовали как крепость на естьянина, поднявшего вопрос об „отказе". Повидимому, была разница — адут ли крестьянина за государя его" или же „государь" сам „выручит о". Первый вариант как будто намекает на то, что ответственность за оего крестьянина ложится на „государя".

СТАТЬЯ 90

Ср. Судебник 1497 г., ст. 55.

Дополнение Судебника 1550 г. продиктовано интересами „истца", более рупного предпринимателя кредитора или комитента: рассрочка долга преащается с момента нахождения пропавшего товара. Судебник 1497 г. не оедусмотрел вовсе разбойного варианта бесхитростной утраты доверенных енег или товара. В дополнении составителя Судебника 1550 г. сказывается

---

[1] ААЭ, т. II, № 40. Советом привлечь в этой связи приговор 1 февраля 1606 г. обязан И. И. Смирнову, за что приношу ему благодарность.

оптимистическая оценка опыта работы губной организации борьбы с разбоем за полвека, отделяющие Судебник Ивана IV от Судебника 1497 г.

СТАТЬЯ 91

Ср. Судебник 1497 г., ст. 59.

Дополнение, сделанное к ст. 59 Судебника 1497 г. составителем Судебника 1550 г., придало статье 91 остро политический характер. Еще в 1873 г. Владимирский-Буданов (в первом издании своей „Христоматии") оценил ст. 91 как „первое известие о прикреплении посадских людей к посаду (к тяглу)", и обратил внимание на то, что здесь „воспрещается задаваться за частных лиц во избежание тягла (причем и право суда в известных границах переходило к частному лицу, здесь к церкви)" и что „вместе с тем отсюда же вытекает и следующее постановление: люди монастырские не имеют права заниматься торговлею, не неся тягла" (этот комментарий в точности воспроизводился и во всех последующих изданиях „Христоматии"). Позднее Н. П. Павлов-Сильванский, „в пояснение" ст. 91, обратил внимание на то, что в 1551 г. царь Иван, „подтверждая жалованные грамоты, данные ранее монастырям на городские дворы, ограничивает их действие по отношению к лицам, живущим на этих дворах; очевидно, предупреждая закладничество, правительство определяет, что только одно или два лица („дворника"), живущие в этих дворах, будут впредь пользоваться привилегиями суда и дани"[1]. Наконец, М. А. Дьяконов привлек к объяснению ст. 91, „как современный комментарий к этой статье", главу 94 Стоглава о властельских и монастырских слободах (см. выше, комментарий к ст. 43), „ускользнувший от внимания исследователей".[2] Правда, Дьяконов ошибочно истолковал самый текст Стоглава и не разобрался в реальной текстологической связи между главой 94 Стоглава и ст. 91 Судебника 1550 г., но ему интересен был, главным образом, тот вывод (который был уже сделан из одного только текста ст. 91 Судебника Владимирским-Будановым), что „тяглые городские люди по этому уложению в праве перехода в значительной мере ограничены".[3] Однако, приоритет в попытке сопоставления этих двух документов остается за Дьяконовым.

В советской литературе это сопоставление со всею тщательностью было произведено И. И. Смирновым.[4] При этом сопоставлении И. И. Смирнов исходил из мысли, что статья 91 Судебника „явилась конкретным выраже-

[1] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 467—468; ААЭ, т. I, №№ 179, 200; А. А. Федотов-Чеховский. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I, № 43.

[2] М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901, стр. 3.

[3] Там же, стр. 4.

[4] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 323.

нием“ политики правительства Ивана IV вообще в посадском вопросе, политики укрепления позиций посада, население которого особенно ощущало на себе результаты развития закладничества“. Эта политика „встречала при ее реализации очень упорное сопротивление со стороны церковных и монастырских властей, по интересам которых ударяла ст. 91 Судебника“, И. И. Смирнов при сопоставлении ее с главой 94 Стоглава ставит своей задачей „проследить основные этапы этой борьбы“. Основное его наблюдение при анализе главы 94 устанавливает, что она „по содержанию делится на две части: мотивировочную и резолютивную“, причем „текст гл. 94 начинается с изложения содержания старого приговора Ивана IV о митрополичьих, архиепископских, епископских и монастырских слободах“, который вносил коренные изменения в положение церковных и монастырских слобод“, устанавливая, что „слободам всем н о в ы м тянути з градскими людми во всякое тягло и з судом“. Ссылаясь на этот приговор, Собор „обвинял наместников в том, что предоставленное им приговором о новых слободах право суда над новыми слободами они незаконно распространяют и на старых слобожан“ и „противопоставляет свое понимание приговора о слободах“ („в новых слободах ведает бог да ты, государь, опричь суда“). Критикуя толкование Дьяконовым слов „опричь суда“ в том смысле, что суд „сохраняется в руках церковных и монастырских властей“, И. И. Смирнов убедительно доказывает, что митрополичье понимание приговора о новых слободах заключалось в утверждении, „что за исключением вопросов суда (подлежащих ведению наместников), никто, кроме государя, не имеет права вмешиваться в дела новых слобод“. При этом формула „в новых слободах ведает бог да ты государь, опричь суда“ „не является простым резюмэ приговора о новых слободах (именно так эта формула изображается в тексте главы 94), а представляет собой определенное истолкование закона о новых слободах, данное в форме резюмэ“, которое „является далеко не объективным и содержит вполне определенную тенденцию“ „изобразить приговор о новых слободах как акт, не уничтожающий целиком действие монастырских иммунитетов в отношении новых слобод (как это видно из текста приговора), а лишь ограничивающий объем монастырских привилегий“. В этой формуле и „нашла свое выражение политическая борьба вокруг вопроса о привилегированных слободах“. „Итогом этой борьбы вокруг вопроса о слободах явился новый приговор о слободах, принятый на Стоглавом соборе“, составивший „содержание второй части главы 94 Стоглава“. Содержание этого приговора И. И. Смирнов резюмирует в виде пяти пунктов: „1. Посадские люди, вышедшие в новые слободы «после описи», должны были быть выведены обратно «в город на посад»; 2. В отношении старых слобод церковные и монастырские власти сохраняли прежние права «о суде и о всяких делех, по прежним грамотам»; 3. Запрещалось ставить новые слободы и новые дворы в старых слободах (в отношении „опричных прихо-

жих людей“, городских и сельских, запрет носил абсолютный характер; старым слобожанам разрешалось „выставливаться и своими дворами жити“ в случаях семейных разделов: „от отца детем или от тестя зятии или от братии братии“); 4. Владельцы слобод сохраняли право «называть» в запустевшие дворы в старых слободах «сельских людей пашенных и непашенных», посадских же людей (кроме нетяглых казаков) запрещалось как «называть» самим, так и «принимать» пришедших добровольно; 5. За населением же церковных и монастырских слобод, напротив, сохранялось право выхода как «в город на посады», так и «в села», с соблюдением правил Судебника о крестьянском отказе“. Отсюда И. И. Смирнов заключает, что „линия правительства Ивана IV на ликвидацию привилегированных слобод и на слияние их с тяглыми посадами, нашедшая свое отражение и в приговоре о новых слободах и в ст. 91 Судебника 1550 г. и в царских вопросах Стоглавому собору, встретила упорное сопротивление со стороны церкви“, и „правительство Ивана IV“ „вынуждено было пойти на компромисс, уступив в ряде пунктов требованиям церковных и монастырских властей. Приговор Стоглавого собора (в пяти пунктах, — *Б. Р.*) и явился результатом этого компромисса между правительством Ивана IV и церковью. Наиболее крупной уступкой церкви со стороны правительства Ивана IV было оставление за церковью в неприкосновенности ее иммунитетных привилегий в отношении старых слобод“. Подводя итоги, И. И. Смирнов отказывается принять определение Дьяконовым главы 94 Стоглава как „современного комментария к ст. 91 Судебника“: „. . . приговор Стоглавого собора о слободах отнюдь не имел целью разъяснить содержание ст. 91 Судебника, а явился результатом подробного обсуждения вопроса о слободах, поставленного перед Стоглавым собором «вопросами» царя Ивана IV“, „явился «новым этапом»“ и „не может быть назван шагом вперед по сравнению с Судебником“. „Категорически сформулированный в Судебнике 1550 г. запрет торговым людям жить в монастырях, сопровождавшийся предписанием «сводить» с монастырей тех посадских людей, которые нарушают этот запрет, отсутствует в главе 94 Стоглава“.[1]

Останавливается на ст. 91 Судебника и П. П. Смирнов.[2] В отличие от И. И. Смирнова, П. П. Смирнов полагает, что „запрещение торговым людям городским жить в «монастыре», т. е. в подмонастырных слободках и около церквей, не является новостью. Она, т. е. ст. 91, воспроизводит соответствующие положения законодательства Ивана III, писцы которого отбирали у монастырей все дворы за исключением одного и все слободки в городах. Возможно даже предположить, что в статьях Судебника мы имеем воспроизведение несохранившегося «указа слободам» Ивана III, на который ссылался для оправдания своего законодательства Иван IV

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 328—330.
[2] П. П. Смирнов. Посадские люди..., стр. 113 и сл.

ечи Стоглавому собору". Зато „новое о выходе посадских людей вносит жение о слободах 15 сентября 1550 г., которое дополняет и расширяет тановления Судебника о слободах и становится законом после его рассмония на Стоглавом соборе". Цитируя полностью, но не анализируя текста вы 91 Стоглава, П. П. Смирнов правильно оценивает выступление митрогита Макария 15 сентября 1550 г. как „проникнутые горечью, но, очено, бессильные возражения против принятых решений о слободах ковных учреждений", а содержание главы 94 как „протест в виде осо мнения с изложением проекта закона вместо самого закона". Однако „несмотря на протест, выработанное правительством положение о слоax стало законом", в котором „принципиально нового" „не было ничего", „все же в законе были и новые черты": так, о новых слободах скао, что „слободам всем новым тянути з городскими людми во всякое ло и з судом", но не сказано, что они берутся на государево имя... он... открывал для таких новых слобод перспективу двойного обложе- — на государя и в пользу частного вотчинника, вероятно, предполагая, при таких условиях слободы и без конфискации долго не продышут... ее, из слобод и новых и старых выводили не всех вообще бывших лецов великого князя, а только посадских людей... Вводилось понятие садской старины» и ограничивалось право свободного выхода посадских ей из посада". Присматриваясь к последующим отдельным фактам, П. Смирнов приходит к заключению, что „влияние указа слободам нна III, подтвержденного или даже расширенного на Стоглавом соборе, людается на многих современных актах, имеющих отношение к городму дворовладению и к положению черных городчан. Например, сохрашаяся сотная по Серпуховскому посаду 1552 г. с книги писца кн. С. Фуникова с товарищи, который писал посад в 1552 г., содержит иску об обязательной свозке с церковных дворов торговых и мастеро людей. Подсчитав, что за 20 посадскими церквами, кроме 1 пустого ра, 2 пустых мест и «опроче келий», числится еще 42 двора церковных стьян, «которые у тех церквей на церковных местех живут без пашни», ец делает выписку, очевидно, из своего писцового наказа: «а городцким ем торговым и мастеровым в тех дворех на церковных местех не жити, оторые городцкие люди торговые и мастеровые учнут в тех дворех ти, и серпуховскому сотцкому и всем городцким людем тех людей ис тех ров вывозити да сажати в свои старые дворы и тяглые»".[1]

П. П. Смирнов полагает, что этот писцовый наказ 1552 г. воспроизводит положение ст. 91 Судебника 1550 г., а „уложение о слободах 15 сенря 1550 г., утвержденное на Стоглавом соборе". Между тем, интерес

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди..., стр. 141 (наказ Фуникова); П. Ф. Симпсон рия г. Серпухова. М., 1880, прил. I, стр. 329.

этого факта заключается именно в том, что выписка из наказа содерж в себе (хотя и не точно воспроизведенное, а расширительно истолкованно постановление ст. 91 (не только „торговых“, а и „мастеровых“). Значит, приходится говорить о том, что статья 91 Судебника 1550 г. практичес была перебита приговором Стоглавого собора, как то вытекало бы приведенного выше комментария И. И. Смирнова. Документ, цитируемы П. П. Смирновым, ясно говорит о том, что, по крайней мере, в ближайш к изданию Судебника 1550 г. время статья 91 почиталась находящейс в полном действии.[1]

К сожалению, дальнейшее изложение П. П. Смирнова, построенное очень небольшом числе фактов, не дает ясного представления даже о л нии, которой держалось правительство царя Ивана в вопросе о посадск слободах, но скорее склоняет принять заключение автора о том, что „пр казные дьяки к концу XVI в. основательно забыли не только указ о сл бодах Ивана III и Василия III, но и уложение о слободах 1551 г. По по сказкам жалобщиков они упорно подменяли это уложение то запрещени держать на вотчинных дворах посадских тяглых людей, то тяглецов, посадивших вместо себя нового тяглеца, и устанавливали снова в отнош ниях между посадскими тяглыми мирами и вотчинниками в городах неопр деленные и неясные отношения, открывая простор бесконечным тяжбам жалобам, от которых в выигрыше оставались одни приказные. К кон XVI в. ни правительство, ни посадские люди, ни вотчинники, повидимом не знали, чем руководиться во взаимоотношениях среди нараставше хаоса земельных отношений в городах, и каждый, вероятно, добросовест считал себя правым, а своих противников «ворами» и насильниками“.[2]

Возвращаясь к ст. 91 Судебника 1550 г. и главе 94 Стоглава, нель умолчать о том, что сопоставление текстов этих двух документов в точном понимании не дает твердых оснований для вывода, который делаю при всем различии в понимании расстановки сил в правящих круг в 1550—1551 гг., оба последних комментатора. Возбуждает сомнение вывод о том, что глава 94 Стоглава сообщает не проект, а текст зако о слободах, содержание которого И. И. Смирнов резюмирует в цитирова ных выше 5 пунктах, а П. П. Смирнов — в 4-х (здесь мною за полным поч тожеством не цитированных). И. И. Смирнов, повидимому, склонен да отнести описанное в главе 94 Стоглава совещание Макария с царем к чис соборных совещаний, т. е. начинать деятельность собора не с января 1551 а по крайней мере с сентября 1550 г. („вопрос о приговоре о новых сл бодах был поднят на Стоглавом соборе“, „собор обвинял намес ников в том, что «ныне наместники...»“ и т. д. — из жалобы Макар

[1] См. также: М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения, стр.
[2] П. П. Смирнов. Посадские люди..., стр. 142—155.

сентября),[1] хотя сам же в другом месте придерживается датировки работ бора, даваемой Стефановичем.[2]

Текст главы 94 Стоглава представляет собой запись о сделанном итрополитом Макарием 15 сентября представлении царю по вопросу слободах. В этом представлении различимы следующие пять моментов: изложение Макарием прежнего приговора о новых слободах, который , митрополит, „помнил", 2) жалоба его на расширительное толкование местниками этого приговора (отразившегося в ст. 43 Судебника) в смысле спространения его на старые слободы (на что жаловались в сентябре же власти Троице-Сергиева монастыря, см. выше, комментарий к ст. 43), пожелание-просьба к царю прекратить это самоуправство („и ты бы сударь своим наместником впред... не велел судити"), 4) изложение приговора, текст которого был в руках митрополита („с нами") и не подлежал перетолковыванию, ни оспариванию: „что в те новые слободы шли посадские люди после писца, и тех бы людей из овых слобод опять вывести в город на посад", и тут же ыражение готовности против приговора не возражать: „и о том ведает ог да ты, государь, как тебе о них бог известит", и 5) изложение, в виде ожелания-просьбы, проекта указа о слободах старых и новых, начинающегося словами, аналогичными тем, какими начиналась просьба-пожелание, меченная мною выше в п. 3: „а впред бы..." и т. д. до конца (как и няял было это место П. П. Смирнов).

Подчеркнутое мною выше в пункте 4, как нетрудно заметить, вкратце лагает ст. 91 Судебника, который был к тому времени единственным окументом, заведомо готовым к предъявлению собору на утверждение. оответственно выраженному в п. 4 отношению митрополита, бог „известил" царю включить через год в писцовый наказ Фуникову как раз то, ред чем склонил свою голову митрополит 15 сентября 1550 г. Пункт же 5 — итать ли его дающим нечто „новое" сравнительно со ст. 91 Судебника 1550 г. (как то делает П. П. Смирнов), или считать его результатом омпромисса, достигнутого митрополитом Макарием на Стоглавом соборе, „шагом назад" против ст. 91 (как то делает И. И. Смирнов) — остается лько митрополичьим контр-проектом, о дальнейшей судьбе которого нам ичего точно неизвестно, кроме того, что текст его не оказал никакого лияния на текст ст. 91, оставшийся в Судебнике 1550 г. таким, каким он был компанован составителем из ст. 59 Судебника 1497 г. и лаконичного к ней обавления о торговых людях и нищих. В этом дополнении, например, осается в глаза отсутствие излюбленного главой 94 Стоглава термина лобода". Если же сравнить предполагаемый в главе 94 текст „приговора" слободах, например, с текстом приговора 11 мая 1551 г. (находимого

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 325.

[2] Там же, стр. 268.

тоже в списках Стоглава), то нельзя не заметить, что точность формули вок этого последнего не идет ни в какое сравнение („приговорил... со все собором“ и др.) с формулировкой главы 94 („а впред бы...“), — и обстоятельство порождает недоумение: как составители Стоглава могли допустить такой разнобой в тексте, относящемся к столь жизненным церкви вопросам, как ее слободы и ее вотчины, и прибегнуть к вольно пересказу официального документа („приговора“, если бы он существо как принятый к действию закон). Недоумение это устраняется предлагаем пониманием текста главы 94.

СТАТЬЯ 92

Ср. Судебник 1497 г., ст. 60.

СТАТЬЯ 93

Ср. Судебник 1497 г., ст. 46.

Статья 93 должна быть названа новой статьей: сходство ее со ст... Судебника 1497 г. ограничивается только тем, что обе разбирают слу покупки на торгу — ст. 46 чего-либо „нового“, ст. 93 — чего-либо „но ного“. Лаконизм ст. 93 объясняется заурядностью всем хорошо тогда з комого эпизода перепродажи краденого и неизбежного „поимания“ сьое и иска со стороны обворованного („тем быти и виновату“ по это иску, если не запасается порукою).

Рядовая порука — вероятно, словесное поручительство за владел лавки или разносчика завсегдатая торга — со стороны постоянных торг цев рыночного „ряда“ (лавок).

СТАТЬИ 94—96

Новые. В противоположность Москве и ее уезду, где и книги и пятна лошадей и пошлина пятенщиком были „стариною“, „по городом и по вол тем“ пятнанье лошадей организовывалось (ст. 95) заново: „образец пятна“ местника заносился в книгу, хранившуюся у целовальников, запись ло дей в книгу велась земским дьяком, а пятнили и взимали пошлину пят щики наместника, как они же взимали и штраф за непятненную лоша (пропятанье). Последняя фраза ст. 95 как будто подразумевает особую ор низацию надзора за лошадьми со стороны территориальных властей, ко рые и несут ответственность за купленную в их округе и не запятненн там же лошадь. Статья 96 освобождает и даже охраняет от пятнанья шадей непродажных и доморощенных, для которых эта операция почи лась равносильной порче: отсюда возможность иска („взыщет“) и убытк падающих на наместника с его агентами.

СТАТЬЯ 97

Новая. Смысл ст. 97 — закон обратного действия не имеет. Но мысль эта звита с исчерпывающей точностью и предусмотрительностью; отдельно повлены дела, уже законченные производством („вершены“), отдельно — оизводством не законченные („не вершены“), каковы бы они ни были и гда бы они ни были начаты производством („прежние всякие“), вынесено было по ним решение („суженые“), или они были начаты, но до судебого разбирательства не дошло („несуженые“), были ли то дела по земельм спорам или о холопстве или иски по кабалам или что иное („во всяких елех“), независимо от того, в какой судебной инстанции („тиунствах“) — такие дела должны производиться, как производились до сих пор ершены“), а впредь всякие дела надлежит судить по новому Судебнику риговоры приводить в исполнение („управа чинити“) сообразно тому, в этом Судебнике постановлено, и с того дня, как он будет утвержден оем.

Конкретный случай применения этой статьи имеем в правой грамоте по лу между Калязиным монастырем и крестьянами И. Ф. Воронцова, вынной монастырю 4 июля 1551 г. Проиграл дело Воронцов, и царь „Коина монастыря слугу Офоню“ „оправил“, а Ивана Федоровича Воронва „обвинил“ и „велел недельщику Вас. Кривцову на Иване на Федорове не Воронцова . . . исцов иск . . . всего пятнадцать рублев с четью доправить старому Судебнику, потому что то дело сужено до нового Судебника“.[1]

И. Смирнов впервые обратил внимание в ст. 97 на формулировку: . . . тех всех дел не посуживати, быти тем делом всем в землях и холопстве и в кабалах, и во всяких делех и в тиуньстве суги по тому, как те дела преж сего сужены, вершены“, — подытоживающую новное содержание политической программы правительства Ивана IV, как а была реализована в Судебнике 1550 г., и правильно сопоставил эту рмулировку с текстом „февральской декларации Ивана IV 1549 г.“, где перечне вопросов, которые должны были подлежать пересмотру, мы нацим те же самые вопросы, что и в ст. 97 Судебника“, а именно „царь винял бояр в том, что «до его царского возраста от них и от их людей ем боярским и крестьяном чинилися силы и продажи и обиды великие землях и в холопех и в иных обидных делех»“. Это сопоставление водит И. И. Смирнова к заключению, что пересмотр перечисленных т. 97 вопросов „представлял собой таким образом реализацию февральй декларации“.[2]

---

[1] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 218—219.
[2] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 317—318.

СТАТЬЯ 98

Новая. Эта статья, смысл которой с первого взгляда представляется совер
шенно ясным, породила, однако, целый историографический спор, взявши
у его участников много труда на дополнительные далеко идущие исследо
вания. Прежде чем обратиться к этому спору и этим исследованиям, не
обходимо остановиться на самом тексте ст. 98. Ее текст никак не отдели
от текста предшествующей ст. 97: оба они смыкаются логически и связан
единством терминологии. Статья 97 трактует о „делах“, которые „пре
сего Судебника вершены“, противополагая их тем „всяким делам“, кото
рые „вперед“ (т. е. впредь) надлежать будет „судити по сему Судебнику“
Продолжая этот ход мысли, составитель ст. 98 среди этих „всяких дел
различает две категории: одни, по которым действительно можно „управ
чинити по тому, как царь и великий князь в сем своем судебнике с кото
рого дни уложил“ (потому что на сей предмет в Судебнике написаны под
ходящие статьи), — другие же „новые“, по предмету которых статьи „в се
Судебнике не написаны“. И ставит вопрос: как впредь быть с „новым
юридическим казусом, не подходящим ни под одну из статей Судебника
Практически составитель ст. 98 сейчас не стоит перед этим возможным „но
вым“ казусом и считает свою работу по линии „законодательны
предположений“ исчерпанной — иначе он сейчас же бы и „написал“ эт
„новое дело“ в лежавший перед ним текст Судебника. Поэтому и ответ н
возникший вопрос он дает в ст. 98 в будущем времени: как только тако
новое „дело“ практически возникнет, он будет ждать, „как“ это дело буде
„вершено“ высшей инстанцией (т. е. какое она по этому делу вынесет ре
шение), и, как только это решение состоится, наступит его черед „припи
сать“ „в сем Судебнике“ — не это решение, а этот юридический казу
(„дело“), оформив его в виде статьи обобщающего характера (на что о
или преемник его по этой работе получит надлежащее указание). Све
для него в июне 1550 г. не кончался, и он хотел отдать себе в ст. 9
ясный отчет в том, как будет пополняться его творение. Решая этот про
цедурный для него вопрос, составитель пользовался четкой и выдержа
ной терминологией („дело“, „вершить“, „судить“, „посуживать“, „упра
чинить“, „уложить“, „написать“, „приписывать“, „суженый“, „несуженый
в обеих соседних статьях, трактовавших, по его мнению, об одном обще
предмете — о его Судебнике в отношении прошлого, в отношении насто
щего и в отношении будущего. Когда ему понадобилось по ходу изложе
ния назвать ту высшую инстанцию, от „вершения“ которой беспокоивше
его „нового дела“ зависела его работа над продолжением его Судебник
он воспользовался словосочетанием: „с государева докладу и с
всех бояр приговору“. Возможно, что здесь и будет когда-нибу
установлена некая толика его словотворчества — в этой литой форм
лировке. Но заподозрить здесь с его стороны правотворчество и

никаких оснований. В 1549—1551 гг. вся его работа, все его деловые ии проходили в обстановке более или менее торжественных, чинных, межающихся церковными церемониями, съездов в кремлевский госуев дворец и длительных совещаний царя с боярами, или царя с владыі, или царя с теми и другими вместе, совещаний, кончавшихся „пригоыми", в прямой зависимости от которых стояла его работа над Судебом. Да и сам этот Судебник царь „уложил", как стояло в его ловке, именно „с бояры". Это же „уложил" наш писатель-юрист торил только что в ст. 97.

Обращаясь к завязавшемуся вокруг ст. 98 историографическому спору, нно заметить, что повод к нему подала именно только что отмеченная та писательской манеры составителя Судебника. Еще Ключевский поэил на ст. 98 вывод о том, что „в XVI в. было формально утверждено итическое значение думы: боярский приговор был признан необходимым еентом законодательства, через который должен был проходить кажзакон, прибавлявшийся к Судебнику".[1] Сергеевич пошел еще дальше ст. 98 заподозрил „ограничение царской власти" (проведенное в Судник избранной радой), использовав и подчеркнув выражение „всех р": „... для пополнения Судебника новыми законодательными определеми, требуется приговор «всех бояр». Это несомненное ограничение цар-й власти и новость: царь — только председатель боярской коллегии и ее согласия не может издавать новых законов".[2] Еще дальше зашел Н. Покровский. Для него статья 98 — это „феодальная конституция едины XVI в.", проявление „высшего торжества феодальной знати": .. московский великий князь, только что ставший царем, не мог издавать аких законов без согласия Боярской думы".[3]

Эта трактовка ст. 98 как конституционного закона встретила возражееще в дореволюционной литературе. Детальному разбору этой конституционной теории много внимания уделил Владимирский-Буданов. Помимо щего соображения, что „ко времени влияния Сильвестра и Адашева 47—1555 гг.) относятся самые мудрые меры ограничений боярского прооола (созыв 1-го земского собора, многие постановления Судебника — 3, 7, 24, 60, 62, 68, — особенно последние о повсеместном учреждении рост и целовальников и о судных и земских властях в отношении к суной власти наместника), затем повсеместное введение земских учрежде-і 1550—1556 гг., отмена местничества и новая организация служилого асса 1555 г.", — Владимирский-Буданов произвел обследование законо-

---

[1] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, стр. 313—314. — Разрядка ., — *Б. Р.*

[2] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1908, стр. 404.

[3] М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. 1933, . 231—232.

дательных формул в документах 1550—1558 гг., подсчитав, что „в эпп власти избранной рады закон об ограничении законодательной власти ц был применен лишь 1 раз, царь совещался с некоторыми боярами по с ственному выбору 2 раза, а законодательствовал один без бояр 6 раз. указал, что „глава избранной рады А. Адашев именно обходил закон дебника, испрашивая у царя указ без думы боярской". И приходил к ключению, что формула „со всеми бояры" означает то же, что и „с бояр „т. е. обычный порядок издания законов царем с участием Боярской дум действовавший даже в марте 1582 г., когда „Грозный в эпоху наивыс гонений на бояр, тем не менее приговорил «со всеми бояры» (о ябедниках

Дьяконов, подобно Владимирскому-Буданову, произвел обследова документального материала в более широком хронологическом масштаб получил „совершенно странный вывод: правило Судебника, почти сов не применявшееся в эпоху господства избранной рады, соблюдалось Судебника и после устранения избранной рады гораздо чаще и регул нее", т. е. „власть царя была еще более ограничена до Судебника, в эп опричнины и поздней, при Федоре Ивановиче". И приходил к заключен что формула „с государева докладу и всех бояр приговору", означ то же самое, что и другая формула — „государь указал и бояре приго рили", „т. е. совместное решение вопроса государем и всеми наличн членами боярской думы, и ничего более".[2]

И. И. Смирнов, принимая выводы последних двух своих предшеств ников, направил свое внимание на изучение „самого хода законодательн процесса", чтобы ответить на вопрос, нужно ли истолковать форм ст. 98 так, что „государев доклад" и „боярский приговор" представля собой два момента в законодательном процессе, две инстанции, котор проходит принимаемый закон, или, что „«государев доклад» и «боярск приговор» — это два различных способа издания новых законов, котор могут быть утверждены непосредственно царем („государев докла или путем принятия их Боярской думой („боярский приговор")."[3] Особен ценны здесь наблюдения И. И. Смирнова над материалами, относящими к закону о холопьих отпускных и позволившими ему проследить на эт примере не только ход законодательного, но и ход кодифи ционного процесса переработки собственно „закона" о холопьих пускных в „статью" того же содержания, которая должна была б „приписанной" к Судебнику в качестве дополнительной его статьи, т. подойти к тому предмету, над которым, как указано выше, собственно и

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. Киев, 1907, стр. 170—177.

[2] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя... стр. 470—471

[3] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 342.

...ывался составитель ст. 98. И. И. Смирнов так подводит итоги этим ...им наблюдениям. „Нетрудно заметить принцип, которому следовали ...сковские юристы, составлявшие текст дополнительных статей к Судеб...у. Этим принципом было выделение из содержания изданных законов ...щих юридических норм, которые и составляли содержание данной статьи ...опущение всех тех постановлений, которые по своему характеру не явля...ь нормами, а имели чисто временный, частный характер“ [1].

Итоги же рассмотрения вопроса о порядке законодательства во второй ...ловине XVI в., имеющие прямое отношение к толкованию формулы ст. 98, ...дставлены И. И. Смирновым в следующем виде. „Основные стадии, через ...орые проходит вновь издаваемый закон: 1) доклад царю, мотивирующий ...бходимость издания закона, и 2) приговор царя, формулирующий норму, ...орая должна составить содержание нового закона. Самое же составле... закона и окончательная редакция текста производятся в приказах, точ..., казначеями, по приказу царя выполняющими эту работу. Наконец, на ...ове новых законов составляются дополнительные статьи Судебника, ...орые и приписываются к его основному тексту... Различные законы ...разному проходят намеченные выше стадии законодательного процесса... ...ли доклад является общим для всех разновидностей законов второй по...вины XVI в., то вторая стадия законодательного процесса — приговор — ...уществляется для различных законов по-разному: 1) приговором одного ...ря, 2) приговором царя с боярами и 3) устным волеизъявлением царя ...осударевым словом“)... Привлечение или непривлечение Боярской думы ...обсуждению закона зависело целиком от конкретных обстоятельств мо...нта. Надо признать, впрочем, что традиция предписывала участие бояр ...обсуждении новых законов, и для большинства их отмечено участие бояр ...приговорах» об издании законов. Дает ли, однако, участие бояр в за...нодательном процессе основание говорить о дуализме законодательных ...ганов Русского государства? (как то делали Владимирский-Буданов и ...яконов, — *Б. Р.*)... Ответ на это может быть только отрицательным. ...рская дума во второй половине XVI в. представляла собой одно из ...ньев в государственном аппарате Русского централизованного государ...ва, и хотя аристократический состав думы давал ей возможность занимать ...зицию защиты княжеско-боярских интересов, но как у ч р е ж д е н и е дума ...лялась ц а р с к о й д у м о й, собранием советников царя, к выяснению ...нения которых по тем или иным вопросам обращался царь, когда он счи... это нужным“.[2] Исследование И. И. Смирнова, таким образом, ликвиди...т спор, возникший вокруг ст. 98 по вопросу, к которому она сама по ...е никакого отношения не имеет, и отвечает именно на тот вопрос, ко...ый поставлен в ст. 98 самим ее автором.

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 350.

[2] Там же, стр. 351—352.

СТАТЬЯ 99

Ср. Судебник 1497 г., ст. 67.

Торговая казнь в Судебнике 1497 г. назначается один раз (в ст. 10(в Судебнике 1550 г. в ст. 99 она встречается в шестнадцатый раз.

СТАТЬЯ 100

Новая. Уже Татищев поставил под сомнение принадлежность ст. 100 пе воначальной редакции Судебника, сделав к ней примечание: „Сия статья в многих копиях не находится, и потому можно мнить, что она после приписана"[1] Действительно, статьи 97, 98 и 99 логически и литературно закончено з вершают изложение документа величайшей (и осознанной вполне его сост вителями) государственной важности: статья 97 предельно точно опред ляет введение его в действие, статья 98 определяет порядок его дополн ния и продолжения и, наконец, статья 99, используя, правда, готовый тек старого Судебника, дает указание о процедуре оглашения по всей стра лозунгов того праведного и беспосульного суда, руководство к которою и являл собою новый Судебник. С этой точки зрения статья 100 предст вляется документом самостоятельным, хотя, возможно, и современным С дебнику 1550 г.[2]. Единственный исторический комментарий к ст. 100 да И. И. Смирновым. „Историческим предшественником" ее можно счита „запись, что тянет душегубством к Москве" (в просторечии — Моско скую губную запись),[3] датируемую И. И. Смирновым 1480—1485 гг. Э запись „внесла коренные изменения в вопрос о процессе суда по дел между великокняжескими людьми и населением уделов"[4], и „установлен зависимости содержания ст. 100 Судебника 1550 г. от московской губн записи важно для выяснения того, что внес нового Судебник 1550 г. в в прос о суде во владениях удельных князей" (их было тогда два: бр Ивана Юрий Васильевич и двоюродный брат царя Владимир Андреев Старицкий).[5] Содержание этой записи таково: „Во всех делах, сове

[1] Рукописи Татищева: БАН, 16. 14. 9; ГПБ, FII. 91.

[2] В правильности этой точки зрения убеждают следующие соображения: в вось списках из известных нам статья 100 отсутствует; в тринадцати других она приведе но, в противоположность остальным статьям, без номера; в четырех списках ст. 100 пр ведена не вслед за ст. 99, а далее, среди следующих за Судебником дополнительных у зов. Характерна и запись в конце списка 10: „Конец Судебнику сему, глав в нем 99". Все эти соображения приводят к выводу, что статья 100 не была включена в первонача ную редакцию Судебника, а возникла несколько позднее и отдельно. Можно, однако, лагать, что она появилась очень скоро после принятия Судебника Боярской думой, в можно в том же июне 1550 г. Предположение это вытекает из записи о написании спис 25 в июне 1550 г., помещенной вслед за ст. 100 (см. описание этого списка, стр. 125).)

[3] ААЭ, т. I, № 115.

[4] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 314.

[5] Там же, стр. 313.

иных «на Москве» людьми удельных княжеств... суд осуществляет осковский великокняжеский наместник. За удельными же князьями ается вместо прежнего права сместного суда лишь право на долю судебных пошлинах, для чего они посылают в суд наместника своего дью, который ограничивается тем, что «своего прибытка смотрит». и и это право удельных князей ограничено: судья удельных князей ста- ся на суд великокняжеского наместника лишь в делах «пенных» (т. е. ишего разряда уголовных делах, караемых штрафом), да в тех случаях суда высшим уголовным делам (душегубство и др.), когда отсутствует по- иное; если же «кого поимают за поличным на Москве, судит его намест- московьскый с двема третниками, и отсилкы (т. е. отсылки для произ- ства суда в удел, — *И. С.*), ни судьи за ним нет». Более или менее полно ебные права удельных князей сохраняются лишь в делах, совершенных территории принадлежавших им в Московском уезде деревень. Здесь дят волостели удельных князей. Но и тут великокняжеская власть уже шивается в права удельных князей. При докладе по этой категории дел клад должен быть обязательно в Москве. Если удельный князь нахо- ся в этот момент в Москве, то волостель «доложит своего князя», если удельного князя в Москве не окажется, тогда доклад должен быть сде- великокняжескому наместнику, «а по иным городом их не водить к до- ду»... Но... великокняжеская власть еще вынуждена была считаться равами удельных князей и итти даже на известные уступки им. Такой упкой, в частности, было признание за удельными князьями права по- лки на суд великокняжеского наместника своего судьи — смотреть за им «прибытком»".[1] Статья 100 Судебника делает значительный шаг впе- „по пути ограничения судебных прав удельных князей. Если в губной иси решение вопроса о подсудности великокняжеской власти или удель- му князю стоит в известной мере в зависимости от характера преступ- ния, то Судебник 1550 г. совершенно игнорирует этот момент, и различ- е формы судебной процедуры устанавливаются Судебником исключи- льно в зависимости от принадлежности сторон. При этом Судебник после- вательно проводит принцип, во-первых, разбора дел в Москве, во-вторых, — оскими судьями. Так, при иске москвитина к волостелю московских сел ельного князя дело разбирается судом царя. Царь же судит по жалобе ельного сына боярского на «царева и великого князя человека». Дела жду москвитином и городским человеком удельного князя судят москов- ие наместники. Они же посылают своего судью в случае иска москви- на к горожанам удельных городов. В этом случае, правда, Судебник до- скает отступление от принципа разбора судебных дел в Москве, предпи- вая истцу ехать в город, где живет ответчик. Но и здесь суд осуще-

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 314—315.

ствляет судья московских наместников. Лишь для одной категории дел Судебник сохраняет формы сместного суда, это — в делах между москов-скими и удельными детьми боярскими, но и то лишь в том случае, если удельный сын боярский является ответчиком. В этом случае «царь и вели-кий князь, воименовав своего судью да пошлет к своему брату к удельному князю, коли будет князь на Москве, и уделной князь даст своего судью». Но и этого рода дела обязательно должны разбираться в Москве... Ана-логичные дела, но в которых удельный сын боярский не ответчик, истец, ответчиком же является московский сын боярский, «судит царь и великий князь сам». Таким образом, не уничтожая формально судебных прав удельных князей, ст. 100 Судебника фактически в значительной сте-пени сводит их на-нет: или путем изъятия определенных категорий дел и суда удельных князей в суд царский, или путем установления контроля с стороны царского суда над судом удельных князей, что особенно облег-чается вследствие переноса судебного разбирательства в Москву".[1] К этому следует добавить, что ремесленники удельного князя, живущие на монас-тырской территории, подлежат записыванию царскими писцами в тягло по месту жительства, но судит их один их князь; суд же сместный в монастыр-ских „сельцах" (для людей разной подсудности) производится не иначе как с докладом царю, а не кому-либо иному „третьему". Это — применение ст. 91 Судебника 1550 г. к монастырским селам, хотя и не об этих по-следних шла до сих пор речь в ст. 100.

[1] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 315—316

СУДЕБНИК 1589 ГОДА

ВВЕДЕНИЕ

Так называемый Судебник царя Федора Ивановича, или Судебник 1589 г. был известен в русской исторической науке лишь в 1899 г., когда список этого памятника, принадлежавший Ф. Ф. Мазурину, в составе собрания рукописей последнего поступил в Московский главный архив Министерства иностранных дел и был опубликован С. К. Богоявленским.[1]

С тех пор в архивах Москвы и Ленинграда удалось найти еще четыре списка Судебника 1589 г.; таким образом, в настоящее время нам известно всего пять списков этого памятника. Эти списки отчетливо делятся на две редакции, значительно отличающиеся друг от друга. Первую редакцию, в которую входят списки Музейский и Барсова, можно назвать краткой; вторую, включающую списки Мазурина, Савваитова и Андреевского, — пространной.[2]

Списки краткой редакции включают статьи новые относительно Судебника 1550 г. и переработанный указ 1556 г.

Списки второй, пространной, редакции состоят из статей Судебника 1550 г. указа 1556 г., в ряде случаев дополненных и измененных, и из новых статей, в Судебнике 1550 г. не имевшихся. В списки этой редакции вошли все сто статей Судебника 1550 г. — как те, которые подверглись переработке, так и те, которые оставлены составителем Судебника 1589 г. без изменений.

Новыми статьями, не имеющими аналогии в Судебнике 1550 г. и указе 1556 г., являются статьи (по нумерации списка Мазурина, принятой нами как наиболее полной) 23—26, 32, 38, 46, 52—72, 111, 130, 131, 135, 151—161, 169—171, 174—177, 183, 185—187, 191—193, 223—231. Статьи 205—222 являются переработкой части указа 1556 г.

Списки краткой редакции либо вовсе не приводят тех статей Судебника 1550 г., которые вошли в Судебник 1589 г. без изменений, либо ограничиваются ссылкой на соответствующие статьи Судебника 1550 г. Так, например, вместо повторения статьи 26 Судебника 1550 г., устанавливающей штраф за нанесение „бесчестья“ разным категориям населения, Судебник 1589 г. краткой редакции ограничивается ссылкой: „А бесщестья боляром и дьяком полатным и гостем болшим писано назади в 26 главе“.

---

[1] С. К. Богоявленский. Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. М., 1900.

[2] Кроме того, М. М. Богословским (К вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1905 г., декабрь) был обнаружен в судном списке 1641 г. текст статей 159 и 174 пространной редакции Судебника 1589 г. Статьи 159 и 174 по судному списку 1641 г. можно рассматривать как шестой список Судебника 1589 г. Текст этих статей публикуется в приложении к настоящему изданию (стр. 562).

Такая ссылка на статьи, писанные „назади“, возможна потому, что, как уже указывалось, оба списка этой редакции непосредственно следуют за текстом Судебника 1550 г. (см. стр. 122—124).

Поскольку краткая редакция не содержит тех статей, которые входят в Судебник 1550 г., в списках этой редакции значительно меньше статей, чем в списках редакции пространной: их всего 56 (в списке Барсова — 55 статей, но конец рукописи утрачен). Эти 56 статей и составляют те статьи, которые в чем-либо дополняют или изменяют текст Судебника 1550 г.

Полное оглавление имеется только в двух списках Судебника 1589 г.: в списке Мазурина и в списке Музейском. В обоих списках оглавление соответствует тексту как по количеству статей, так и по содержанию их. Таким образом, в оглавлении списка Мазурина 231 статья, в Музейском — 56. Частично сохранилось оглавление в списке Андреевского.

Судебник 1589 г. издается нами как по краткой, так и по пространной редакции. Из двух списков краткой редакции в основу положен список Музейский, как более исправный и лучше отредактированный. В основу передачи пространной редакции положен список Мазурина: он сохранился почти полностью, в этом его преимущество перед списком Андреевского, от которого сохранились лишь значительные отрывки, причем утрачены как раз последние главы, которые являются новыми по сравнению с Судебником 1550 г. Что касается списка Савваитова, он, как поздняя копия списка Мазурина, не мог, конечно, быть положен в основу издания, несмотря на свою полноту. Он использован только для восстановления тех мест, которые в основном списке утрачены.

А. И. Андреев отмечает грамматическое несовершенство списка Мазурина, заключающееся, по его мнению, в том, что большинство статей этого списка не начинается, как это было обычно принято, с союза „а“.[1] Союз „а“ или другая заглавная буква действительно отсутствует в начале большинства статей и оглавления списка Мазурина. Но объясняется это тем, что заглавную букву предполагалось проставить позднее киноварью: в ряде статей заглавные киноварные буквы проставлены, в других для них оставлено место. Эти отсутствующие в тексте, но несомненно подразумевавшиеся заглавные буквы восстановлены нами в оглавлении в статьях: 1—38, 40—91, 105—109, 111—117, 120, 122—135, 137—148, 150, 151, 154—158, 160—231; в тексте в статьях 1—36, 129.

В примечаниях даны только те варианты, которые имеют смысловое значение. Разночтения, имеющие характер описок и случайных ошибок переписчика, в вариантах не даны.

Все варианты даны в подстрочных примечаниях под цифрами. Под буквами даны примечания к основному списку.

Текст Судебника печатается с заменой отсутствующих в современном алфавите букв: *е* вместо ѣ, *и* вместо *і*, *о* вместо ѡ, *у* вместо *оу* и ꙋ, *я* вместо ꙗ и ѧ, и т. д., с отказом от ъ в тех случаях, когда его употребление не требуется современными грамматическими правилами, безоговорочным раскрытием титлов и вставкой гласных букв после выносных согласных. Буквы и слова, написанные киноварью, здесь не выделяются.

Переходим к описанию списков.

---

[1] А. И. Андреев. О происхождении и значении Судебника 1589 г. Пгр., 1922, стр. 8.

СПИСКИ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ

11. Список Музейский хранится в Государственном Историческом музее, 11915, 4°. Он включен в рукопись, содержащую Судебник 1550 г. (описа-: рукописи см. во вводной статье к этому Судебнику, список № 20), и яяется непосредственным его продолжением. В списке имеется оглавле-: и состоит он из 56 статей. Наличие последней, 56, статьи отличает тот список от списка Барсова, в котором утрачены последние листы.

12. Список Барсова дошел до нас в составе рукописи, хранящейся Государственном Историческом музее, собр. Барсова, № 2079, 4°, на рвых листах которой помещен список Судебника 1550 г. (см. описание ого списка, по нашей нумерации — № 17, во вводной статье к Судебнику 560 г., стр. 122—123). Список составляет как бы непосредственное продолжение иска Судебника 1550 г.: он писан на такой же бумаге, тем же почерком и аглавлен: „Государева Судебника новой приговор". В самом тексте имеются однократные ссылки на статьи Судебника 1550 г. (см. статьи 7, 9, 10, , 16, 17, 22, 23, 26, 32), помещенные в рукописи „назади". В списке статей. Конец рукописи утрачен, первоначально в ней было 100 листов, них сохранилось 96. По листам современная списку запись: „Изложенье ррила Юрьева сына Рычкова". Об этом списке впервые упомянул М. Богословский.[1] Несколько позднее он был подробно описан и опубкован А. И. Андреевым.[2]

В остальном списки Музейский и Барсова чрезвычайно близки между бой как по расположению и объему вошедшего в них материала, так и разбивке его на статьи. Музейский список отличается только бо̀льшей правностью и более тщательно отредактированным текстом. Разница еется также в тех ссылках на статьи Судебника 1550 г., которые нахотся в обоих списках: список Музейский дает ссылки на статьи Судебкка 1550 г. по обычной их нумерации; в списке Барсова нумерация изменна, все ссылки на единицу меньше. Это находит свое объяснение в том, о в данном списке Судебника 1550 г. пропущена статья 19 по обычному ксту (она помещена ниже, под № 97) и вся нумерация статей вследствие ого передвинута на единицу.

СПИСКИ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ

3. Список Мазурина хранится в Центральном Государственном архиве евних актов, в собрании Мазурина. Рукопись конца XVI в., 8°, на листах, из коих л. 87 утрачен, а лл. 43 об.—44 — чистые. Переплет сненой кожи на досках с застежкой. Водяные знаки: гроздь (близок № 455 у Тромонина — 1576 г.) и кувшинчик (Лихачев № 630 — 1589 г.).

Рукопись писана одним почерком, кроме нескольких приписок в тексте, еланных другими почерками (так вписаны целиком или частично статьи , 31, 35, 41, 42, 77—82, 112, 127—129, 141, 173, 198, 199, 211). Рукопись лючает только Судебник 1589 г. На лл. 1—15 помещено оглавление, на . 15—92 об. — текст. Заглавные буквы части статей оглавления и текста исаны киноварью, в остальных оставлено место для вставки киноварной

---

[1] М. М. Богословский. К вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1905, дек.; н же. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1915, дек.

[2] А. И. Андреев. Судебник 1589 г. и его списки. Изв. Росс. Ак. Наук, Л., 1924, р. 207—224.

заглавной буквы. По листам рукописи записи: почерком XVII в. — „К сей скаске“, и почерком XIX в. — „Ростовской Вознесенской церкви Павла Соболева 1823-го года“. В оглавлении и в тексте 231 статья. Статья 93 текста не дописана. Вследствие утраты л. 87 и одного листа между лл. 88 и 89 в тексте недостает статей 218 и 222 и отсутствуют части статьи 219, 221 и 223.

4. Список Андреевского хранится в Ленинградском отделении Института истории Академии Наук СССР, собр. рукописей № 296, 8°. Рукопись XVII в. на 50 листах без переплета. Начало и конец рукописи утрачены. Недостает также одного листа перед л. 4, одного листа между лл. 36 и 37, двух листов между лл. 40 и 41 и двух или трех листов между лл. 44 и 45. В одном месте листы рукописи перепутаны: л. 12, содержащий начало Судебника, должен был быть помещен вслед за л. 3. Все перерывы в списке Андреевского отмечены в подстрочных примечаниях к соответствующим местам текста. Водяной знак — два С, пересеченные крестом и увенчанные короной (Лихачев № 457 — первая половина XVII в.). Писана одним почерком.

По листам запись, почерком XVIII в.: „Сия тетрадь церкви Воскресения на Березнике[1] попа Дмитрея Захарова сына“ и другие записи, имеющие характер пробы пера.

Список содержит отрывки оглавления и текст Судебника 1589 г., в котором, вследствие упомянутой выше утраты конца рукописи и некоторых листов ее, отсутствуют целиком или частично некоторые статьи.

Текст списка близок к тексту списка Мазурина, но разбивка на статьи и их нумерация совершенно не соответствуют делению на статьи по списку Мазурина и почти полностью совпадают с постатейным делением Судебника 1550 г. Список Андреевского ближе к Судебнику 1550 г., чем список Мазурина, также и по встречающимся в нем разночтениям. Отсутствующий в списке Мазурина конец ст. 93 (по списку Андреевского ст. 44) в этом списке имеется.

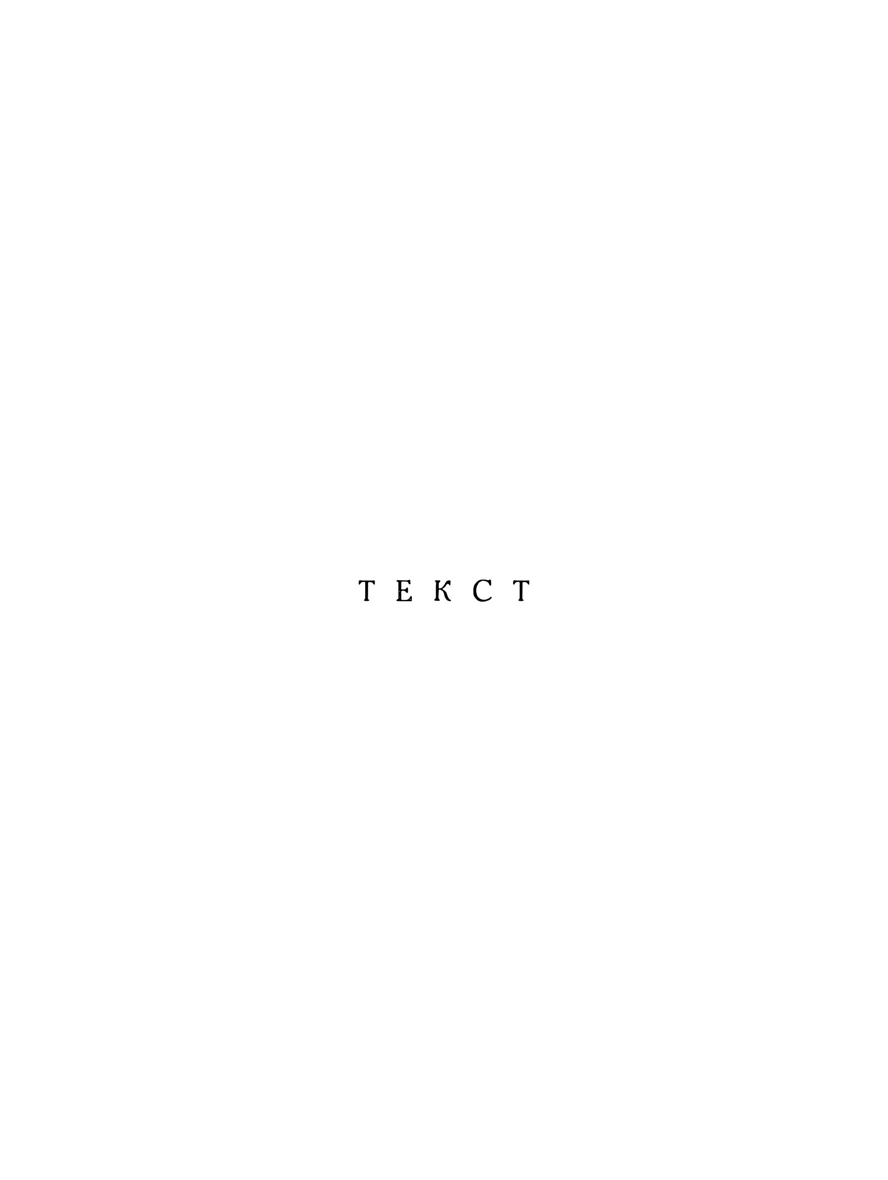
5. Список Савваитова хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, собр. Савваитова, сборник № 152 (F XVII 61), в лист. Рукопись, по определению И. А. Бычкова,[2] начала 1840-х годов. Этот поздний список настолько близок к списку Мазурина, что почти не оставляет сомнений в том, что он является копией с последнего: он повторяет все его ошибки и случайные описки. Ценность его заключается в том, что копия была снята, очевидно, до того, как в списке Мазурина были утрачены листы. Таким образом, список Савваитова дает возможность восстановить несохранившиеся совсем статьи 218 и 222 и статьи 219, 221 и 223, сохранившиеся лишь частично.

При подведении вариантов списки получили следующие обозначения: *М* — список Мазурина, *А* — список Андреевского, *С* — список Савваитова, *Б* — список Барсова, *ИМ* — список Музейский (Исторического музея).

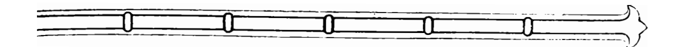
---

[1] Согласно указанию Л. И. Андреевского, „имеется церковь Воскресенья в Вельском уезде, Ракуло-Кокшеньгского прихода на Березнике, на р. Кокшенге, верстах в 50 от Вельска: это территория бывших дворцовых Важских волостей Верховажской четверти Важского уезда“ (Л. И. Андреевский. О новом списке Судебника 1589 г. ЛЗАК, вып. 35, 1929, стр. 166).

[2] И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке, вып. I. СПб., 1900, стр. 190—191.



ТЕКСТ



КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ

Новой приговор царя и великого князя Феодора л. 12
вановича всеа Росии под прежние главы.

1. А в суде друг другу не дружить, посулов и поминков имати.
2. А которой дьяк список нарядит или дело запишет не по ду.
3. А хто учнет бити челом по кабале, суда прошать.
4. А которой истец или ответчик отобьется, силен учинитца дье.
5. А буде по кабале послуси порознятце или дьяк.
6. А на судей давати суд.
7. А бесчестье бояром и дьяком, и гостем, и крестьяном, всем людем.||
8. А хоженое неделщиком и приставом имати.
9. А приведут кого с полишным первые. л. 12 об.
10. А на кого возмолвят дети боярские или крестьяне добрые.
11. А хто на каменщике или на оманщике, и на мошеннике ыщет.
12. А которой ответчик, на суде стоя: сам де крест целую и цу верю, а денег и живота у него под крест почожити нечего.
13. А хто на суде учит исца или ответчика.
14. А хто на ком взыщет, дал ему животов на соблюденье.
15. А судьям коего году судить, перед товарыщы не отве-гь.|
16. Наймит до сроку не доживет.
17. А о землях суд. л. 13
18. О новоприезжих жилцов.
19. А где умерит подворной земли.
20. А кой складник захочет на каково место двор ставить.
21. А которой наездом деревню пашет.

22. А хто возмет сторонней человек, а не вотчинник, вотчину в закладе.

23. А промеж сел и деревень межной огород.

24. А про тех людей сыскивати накрепко, хто назло огород отворит в поле и напустит скота в какую ниву и в гумно.

25. А отхожих пашнях и пожнях и огороде как городить. ||

л. 13 об. 26. А хто зорет межу или грань ссечет.

27. А о старых лесех и о молодых у сел и у деревень.

28. А что за которою деревнею угодья есть и путики и плашники.

29. А где меж деревнями лучитца межа.

30. А о мерной печатной сажени.

31. А в разбойном деле кому дадут полетную грамоту.

32. А попа и дьякона, и чернца, и черницу, и старую вдовицу, которые питаютца от церкве божии, судить святителю.

33. А которые люди живут в погосте, а питаютца собой, а не от церкви божии, ино их судити судьям земским. ||

л. 14 34. А которой умрет без духовной.

35. А о замужных дочерех.

36. А муж умрет, а з женой у него дети не останутце.

37. Да велети проклинати на Москве по торгом и во всех городех про посулы и про послушество.

38. А взыщет москвитин какова дела на селецких.

39. Приговорил царь и великий князь: шлютце с суда ищея или ответчик на мир в обыск.

40. А послать на обыск по ищеиным или по ответчиковым речам.

л. 14 об. 41. А которой ищея и ответчик тяжутце перед бояры || и в приказех, а шлютца в обыск на многие люди безимянно.

42. А после того сыскивати, где владыка или игумен и архимарит есть, ими сыскивать.

43. А пошлетца в суде истец и ответчик из виновата человек на пять или шесть.

44. А пошлетца ищея или ответчик на боярина или на приказщика, или на добра человека.

45. А пошлетца истец или ответчик из виновата хотя на одного человека.

46. А бояром, и дьяком, и всем приказным людем приказывати в своих селех и в волостех своим крестьяном. ||

л. 15 47. А старостам и целовальником татиные и разбойные дела сыскивать.

48. А учнут старосты и целовальники татиные и разбойные ила сыскиват ложно.

49. А досудятца до поля и станет ответчик или истец бити илом, что поля поставить нечем.

50. А которому холопу дадут отпускную з боярского докладу.

51. А дорога от Москвы и до Колмогор и куде были прежее дороги.

52. А кой сусед у суседа в одной деревне какую животину ььет без вины.

53. А о изъедистой лихой собаке. ||

54. А которой умрет без духовной грамоты, а останутца у него тти сыновья и дочери, и почнут дети делитися. л. 15 об.

55. Приговорил царь и великий князь, что по всей Руской мле без суда и без управы не быть ни единого часа.

56. А кого где дань застанет, тут с него и имати и суд ему вати. ||

ГОСУДАРЕВА СУДЕБНИКА НОВОЙ ПРИГОВОР л. 68 об.

В лета 7097-го июня в 14 день царь и великий князь еодор Иванович всеа Росии приговорил и улоыл сей Судебник со отцем своим духовным святеиим московским Иовом, патриархом [1]всеа Росии,[1] и с митрополитом новгороцким Александром, и со семи князи, и з бояры, и со всем селенским собоом по прежнему уставу, [1]и по указу, и[1] по уложенью отца своего, благовернаго [1]и благочестиаго[1] царя и великого князя Ивана Васильевича сеа Росии, и его братьи, и его прежних властеи князеи и бояр, || и всего вселенского собора,[1] л. 69 новые[2] главы к прежнему же уложению.[а]

1

А на суде друг другу не дружить, а недругу не мстить. осулов[3] не имати в суде. А на том велети судьям крест целоати в том, что посулов не имати, а судити в правду истинную.[4]

2

А которой дьяк список нарядит и дело запишет не по суду, е так, как у исца или у ответчика речи были, посулу для...

[а] *В рукописи* приложенью; *исправлено по Б.*

[1—1] *Б нет.* [2] *Б доб.* сии. [3] *Б доб.* и поминков. [4] *Б нет.*

и запишет без боярсково или без судецкого ведома [1]и веления,[1] и уличат его, что он посул взял, и на том дьяке половина взяти
л. 69 об. исцева иску, да его || бити кнутом и отставити его от дьячества, а руки ему не сетчи; а другая половина иску взяти на судье, потому что он, знаючи дьяка лжива, пошто[2] с ним судит. А по дьяки взяти порука, что ему впредь не воровати; и в суд его не примати, доколе жив будет.

3

А хто учнет бити челом по кабале, суда прошати, и судье кабалы досмотрити; и будет кабала пятнатцати лет или ниже, ино суд дати; а будет болше пятнатцати лет кабале, ино без государева царева ведома суда не дати. А которой судья не даст
л. 70 суда, коя кабала 15 лет и ниже, тем судья виноват, и воло||киты на нем доправити рубль, а по кабале судить. А рост правити за пять лет, а дале пяти лет росту не правити. Кабалы писать на крестьян вдвое, а рост править на пять шестой; а в чем кабала писана, то и правити. А попросит ответчик суда на исца в переемных денгах, ино суд дати. А будет истец иного уезда или иной волости, ино там на него бити челом, чей суд будет. И в чем ответчик повинитце по кабале, то на нем справити, а в достале его судом судити. А в чем не мочно управы учинити меж исцы в какове деле ни будь, ино исцов и ответчиков за судным списком срочить к нам к Москве. ||

л. 70 об.

4

А которой истец или ответчик отобьетца, и судье писати отбой да послати к нам к Москве; а отбой за поповой рукой.

5

А будет по кабале послуси порознятце или дьяк, которой кабалу писал, и про то сыскати: которой послух или дьяк лгал, и на том повытье иску, что на заимщике ж, доправити; а будет послухи, кои в кабале, по скупу все солжут, а дьяк руки не попретца, или[3] миром сыщут, что кабала писана в правду, ино исцов иск весь доправити на послусех повытно и на заимщике,
л. 71 а дьяк доброй человек. Да и во всяких делех || судити по тому ж; истец по кабале денег дошел.

[1—1] *Б нет.* [2] *Б а.* [3] *Б и.*

Царя судебника што приговор

Лѣта ЗЧЗ иуня …

Царь и великий князь Феодоръ Иванович

всеа Росии приговорилъ и уложилъ се

судебникъ со отцемъ своимъ духовнымъ

с светейшимъ богомолцемъ Иевомъ

патриархомъ всеа Росии и с

митрополиты новгородцкимъ Алек-

сандромъ и со всеми князи и бояры и

дьяки селенникомъ соборомъ по

прежнему уставу и подписи и по уложенью

отца своего благоверного и благочестиваго

царя и великого князя Ивана Василье-

вича всеа Росии и его братьи

и его прежних властей князей и боя

1589 г. Краткая редакция, л. 66 об. (ГИМ, Музейское собрание, № 1915).

Судебник 1589 г. Краткая редакция, л. 77 (ГИМ, Музейское собрание, № 1915).

6

/А на судей давати суд после его году, доколе жил, кроме гоо, кого царь государь пожалует, не велит на кого суда и после оэду его—[1] дати.

7

/А бесщестье бояром, и дьяком полатным[2], и гостем болшим зано назади в 26[3] главе. А середнему гостю бесщестья дват-ть рублев, а жене его вдвое против его бесщестья; а меншему тю бесщестья 12 рублев, а жене его вдвое против его бес-стья; а доброму крестьянину, которой торгует, или денги оожь взаймы дает, или в волосте его назозут добрым челове-м, бесщестья три рубля, а жене его вдвое против его бес-стья; || а гороцкому человеку доброму бесщестья два рубли, *л. 71 об.*
жене его вдвое; а молотчему человеку гороцкому [1]—и деревень-эму крестьянину—[1] бесщестья рубль, а женам их вдвое; а судье сщестья пять рублев, а жене его вдвое против его бесщестья; целовалнику судецкому верному бесщестья пять рублев, а жене э вдвое; а соцкому бесщестья два рубля, а жене его вдвое; пятидесятскому волостному бесщестья полтина, а жене его вое; [a]—а десяцкому деревенскому бесчестья полполтины, а жене вдвое;—[a] а дьяку земскому по указу бесщестья против его соду годового, что от судов по указу [4]—писчего и з мирской эяды найму,—[4] а жене его вдвое; а церковному старосте и губ-му старосте бесщестья по 5 рублев, || а женам их вдвое против *л. 72*
бесщестья; а попу бесщестья против его доходу, что на год соду церковного и волостного доходу, а жене его попадьи зое [4]—против его всего доходу;—[4] а церковному дьячку, и поно-эю, и просфирнице, и трапезнику бесщестья против их доходу же ового, что от церкви [4]—и з миру—[4] на год доходу дойдет, кенам их вдвое; а игумену, и чернцу, и чернице бесщестья что тититель укажет; а вдове, и девице, и нищему бесщестья против животов[5] вдовичьих и нищих, а девице бесщестья против чер-цы; а скомороху государеву описному бесщестья два рубля, кене его вдвое; [a]—а неописному скомороху бесчестья гривна, жене его вдвое;—[a] || а походному скомороху бесщестья две *л. 72 об.*
нги, а жены его вдвое; а каликам, которые ходят и с кусом, щестья четыре алтына, а жене его вдвое; а московским городцким нищим, и кликуном каликам[2] бесщестья осмь алтын

[a—a] *Приписано другими чернилами.*
[1—1] *Б* сроку. [2] *Б нет.* [3] *Б* 25 [4—4] *Б нет.* [5] *Б доб.* а животон.

две денги; а выблятку, которые не от венчаные жены родилися, бесщестья две денги для материных промыслов; а блядям и ве-дуньям[1] бесщестья две денги по их промыслом; а татем и раз-бойником, и зажигалщиком, и ведомым лихим людем бесщестья нет, потому что оне лихие люди; а зерщиком, и кабацким ярыш-
л. 73 кам, и бражником кабацким бесщестья || по две денги, зерщики [2—]на зернь завесь,[—2] а ярышкам и бражником похмельная чарка; а стрелцем, и ратным людем, и волным казаком, и каменщиком что царь [3—]и великий князь[—3] укажет за их бесщестье. А за увечье всякому человеку указывати, по человеку и по увечью смотря.

8

А хоженое неделщиком и приставом имати в городе, а на правду вдвое. А по волостям довотчиком хоженое, на поруки давать ходить, имати на версту по денги, а в трапезе две денги. [4—]А болши того не имати.[—4]

9

л. 73 об. А приведут кого с поличным впервые || с узлом, и доведут его поличным, и на нем доправити тритцать рублев узлового в государеву казну; а не доведут на него поличным, ино того исца привотчика бити кнутьем да и бесщестье на нем взяти на того, кого полишнил; а того татя судить и послать про него обыскать, и про то писано назади в 52[5] главе.

10

А на кого взмолвят дети боярские или крестьяне добрые, про то писано назади в 58[6] главе. А кои люди взмолвили, и на тех на всех дати суд тому,[a] на кого взмолвили, да про них и про
л. 74 их речи миром сыскати || подлинно, отставя их род и племя, и кумовство, и сватовство, сыскать черными людми, и опричь миропродавца; и скажут про них миром, что оне не солгали на того человека, не нарядом на него говорили, и сами оне не лживые люди, ино дело вершити по суду; а скажут, что оне солгали, на того человека нарядом говорили, ино на них его гибель исцове доправить, а их дати на крепкую поруку на чистую в том, чтобы им впредь не лгати, [1—]в обыске нарядом лживо не послуховати.[—1]

---

[a] *В рукописи* потому; *исправлено по Б.*

[1] *Б* ведьмам. [2—2] *Б* на зерне завез. [3—3] *Б* государь. [4—4] *Б нет.* [5] *Б* 55.
[6] *Б* 57.

будет мир молвит[1] в их прежные речи, [2]—и про то—[2] и тому
цу писано назади в...[а,3] главе [2]—про все указ.—[2] ||

11 л. 74 об.

А хто на каменщике взыщет, или на мошеннике и на оман-
ке, и хотя и двою днем изымаеш и доведеш, ино бити кну-
м каменщика и мошенника, и оманщика, а исцова иску на них
и не правити на них, потому: один оманывает, а другой
гадывайся, не давайся на оман и не утекайся на дешевое.
еще про то ж писано назади в 58—[4] главе.

12

А которой ответчик, на суде стоя, отвечает: сам крест целую,
сверх того исцу верю, а денег и живота [2]—у него—[2] нечего
крест положити, || и: я де сам под крест сяду до искуга, л. 75
тому исцу выцеловати ответчика головою, а целовати исцу
ест ис своего доиску; а ответчику под крест класти, чево на
м истец ищет; и сверх того по суду и по речам дело вершити.

13

А хто на суду учит исца или ответчика, и уличат его в том,
будет ответчика учил, и будет обвинят, и на нем половина
цова иску, а другая на ответчике; а будет исца оправят, и на
м, [2]—что учил,—[2] пересуд по указу; а будет ответчика оправят,
на нем пересуд и правой десяток; а сверх того дати на чистую
руку, что впредь не учити никого на суде. ||

14 л. 75 об.

А хто на ком взыщет, скажет: дан был ему живот на соблю-
ние; и ответчик скажет: было живота у меня, да не столко,
лко ищет; и что скажет имянно живота, и то на нем взяти;
в достале [5]—суд и иск дати,—[5] и крестное целованье дати на
ветчикову волю: хочет сам целует, что в достали не виноват,
и исцу поверит.

15

А судьям по волостем, коего году судит, и ему перед това-
щем не отвечати, а отвечати ему в новой год, как его судные
ла вершатца. А судьиным товарыщам, целовальником и соцкому,

[а-а] *Оставлено место.*
[1] *Б* молвят. [2—2] *Б нет.* [3] *Б* 57 [4—4] *Б* А иное писано назади в 57. [5—5] *Б* сыски и суд дати.

л. 76 опричь дьяка, всем отвечати перед тем судьею, с кото||рым сидя
в суде в году. А не учнут отвечати, и их в том и винити; а [1-]н
суде[-1] в их место к суду садити людей добрых.

16

А наймит до сроку не доживет у государя своего а пойде
прочь, а вины не сказав на своего государя, и он найму свое
лишен; а будет государь его до сроку учнет отсылати, и ем
наем мзда по розщету; а кой государь не захочет найму дат
наймиту, и уличат его в том найму, и на том наем доправит
вдвое. А иное[2] писано[3] в 83[4] главе.

17

А о землях суд писано назади в 84[5] главе. А судити о зе
л. 76 об. лях сыскивати старожилы, || хто знает межы, или преж сего т
землю пахивал или живал. А будет истец или ответчик стар
жилца оболживит, а молвит старожил исцов или ответчиков н
в его речи, как он слался, ино его повинити и в половине убы
ков, аще старожил не в ответчиковы речи молвит. А суди
судьям, отнюдь отставя обоих исцев, опришным людем, кого пол
бят оба исца. А пошлин судье на ищеи за боран два алтын
целовалнику две денги с обеих исцов, а дьяку четыре ден
с ысцов пополам. А послух придет перед судью правда, что реч
л. 77 скажет, и дьяку то записати. А имати дьяку с правды || з голов
по две денги.[7]

18

[8]А приедет новой жилец в деревню и хочет землю дели
всю[9] в деревне, в полях, и в наволоках, и во всяких земл
и угодьях, и путики повытно, по купчим, и где друг друга умери
тут и умер взяти безубыточно. А с полос с назму не лес
[10-]с уголка имати.[-10]

19

А где умерит подворною землею, и противо того имати зем
любая, где захочет, опричь хмелника и садовныя земли.

[1-1] *Б* судье. [2] *Б* досталь. [3] *Б* доб. назади. [4] *Б* 82. [5] *Б* 83. [6] *Б* реч
[7] *Б* доб. з человека. [8] *Б доб.* О новоприезжых жылцов. [9] *Б* во всю зем
[10-10] *Б нет.*

20

А кой складник захочет на каково место двор ставить или
уу хоромину, и ему поставить от далных хоромов в любое
есто, || где похочет, хотя и на хмелник; а отдати ему земля *л. 77 об.*
любом же месте, где другой [1]—захочет и—[1] полюбит; а на какову
имлю наставитце двором или хороминою, и такова же земля
отдати; а сверх того по любви.[2]

21

А которой наездом деревню пашет, и ему болше трех лет
: пахати наездом: любо скупати, любо спродавати с суда
з жеребья; а огороду ему ставити по своеи выте. А складник
[3] складника в одной деревни наставитце хороминою на дворо-
ию землю, и ему земля очистить и хоромина снести, тольки
удет другому на то место что ставити; || а будет не ставить,[4] *л. 78*
лу против того земля взяти в любом месте, где похочет.

22

А хто возмет сторонней человек, не вотчинник, вотчину
закладе болше того цены, чево та вотчина стоит, а кто вотчин-
ик[a] учнет бити челом, что закладывает или уже заложил, о том
исано назади в 85[5] главе.

23

А промеж сел и деревень межной огород, о том писано
азади в 86[6] главе. А потрава с лета в году до Семеня дни
толпника, а после Семена дни потравы нет. А огород ставити
коло поля семь жердей добрая да два кола, а около || гумна *л. 78 об.*
евять жердей добрая, а осек семь колодин[7] добрых же ставити.
 чья животина через таковы изгороды пакость учинит, и, сыскав,
а том, чья животина, потрава взять, а сыскав соцкому, и волост-
ому старосте, и ближными соседи.

24

А про тех людей сыскивати накрепко, хто назло огород отво-
ит в поле [1]—и в гумно—[1] и напустит скота, или осек отворит
выпустит скот за осек; и которая незгода учинитца над ско-
ом, и сыскивати того в гибель, а на нем взяти,[8] а его бити кну-

[a] *В обоих списках* вотчину.

[1]—[1] *Б нет.* [2] *Б доб.* как оба излюбят. [3] *Б нет.* [4] *Б доб.* и. [5] *Б* 84. [6] *Б* 85.
[7] *Б* хлудин. [8] *Б доб.* гибель вся.

л. 79 том, что лихо творит, [1]огород и осек разби||вает;[1] и колько животин за осеком утеряетца, и на нем же доправити по цене; а будет в поле отворил огород, и та потрава на нем же взяти, чем люди осудят.

25

А отхожих пашнях [а]и пожнях.[а] Где отхожые пашни, и огород, и пожни будет от сел и от деревень на лесе[б] или на при реках, и чья где будет пожня, и будет скот его ходит на той пожни, в кое время ни будь, или на пашне, и ему огород ставити половину; а чей чюжей скот ходит, тому другая [1]половина огорода ставить.[1] А будет его скот не ходит, чья [1]пожня ачь[1] л. 79 об. прилегла к его пожни орамая земля, или чей скот ходит, || ино тем городить вся изгорода и не травить пожни; а хто стравит [1]пожню или хлеб на поле, чьим огородом попал скот,[1] и на том[2] потрава без суда.

26

А хто зорет межу или грань ссечет меж деревнями или меж селы, и уличат его в том, и того бити кнутом, а исцу на нем взяти за грань и за межу рубль. А крестьянин у крестьянина на одной деревни межу перекосит или переорет, ино волостелю на нем взяти за боран два алтына. [1]А иное писано назади про то в. . .[в] главе.[1]

27

А о старых лесех и о молодых. У которых сел и у деревень есть молоди, и тех молодей прежних запашеи [1]и тех л. 80 лесов[1] || складникам меж собя [1]без соседа и[1] без делу не пахать, ни сетчи. А кой складник без делу молоди высечет [г]и запашет, а тот складчик без делу не сечет,[г] ино выть ему такова ж в хлебе, хотя он и оставил того же лесу. А черной лес сузем пахати без делу, где не молодь и не угодье, и сколко хто может: тот лес черной[3] царя и великого князя.

28

А что за которою деревнею угодья есть и путик или иное что, ино про то сыскивати старыми жилцы; и сыщут в которой деревне или в сотной приписано, ино [4]далними жилцы[4] иных деревень к тем путиком и угодьям не ходить за чюжую деревню и никоторого угодья не угодозать не полюбовно. ||

[а—а] *Приписано другими чернилами.* [б] *В списке ИМ* насел; *Б* на селе. [в] *Оставлено место.* [г—г] *Приписано на полях другими чернилами.*

[1—1] *Б нет.* [2] *Б доб.* справить. [3] *Б нет.* [4—4] *Б* далным жилцем.

29 л. 80 об.

А где меж деревнями лучитца межа, ино мерити[1] до осека ..на осек ста,[2] топором шиби, докаместа имет; и дале вопчей ..царя и великого князя.

30

А сена мерная копна две сажени с локтем, а печатная сажень ..ная с локтем да два перста поперек.

31

А в розбойном деле кому дадут полетную грамоту, и как ..его розбою доищетца, или в его иску розбойников изымают, ..у того полетная грамота не в грамоту, [3]-тольки взмолвят на ..го.-[3] ||

32 л. 81

А попа и дьякона, и чернца и черницу, и старую вдовицу, ..которые питаютце от церкви божии, тех судити святителю. ..будет поп захочет на ком какова дела искати перед судьями, ..судьям судити, и самому попу отвечати перед тем же судьею, ..что и-[4] на нем чего взыщет. А во всяких делех попа судити ..ребьем, и дьякона, и чернца и черницу по тому же; а на доклад ..отсылати к святителю. А будет поп не похочет на доклад ..святителю, и ему в приговор садити попа десятого да старосту ..рковного и людей добрых; и после приговору и под правеж ..у попу даватце, как список приговоря, [3]-будет виноват.-[3] ..крылашан, дьячка || и пономаря, опрочь проскурницы, всех л. 81 об. ..дити земским судьям и меж их росправливати. А будет крыла..на учнут меж собя тягатися в какове деле, ино их судити ..пу, с кем служат; а в суде у них быти старосте церковному, ..целовальнику земскому верному, да волостных людеи, ково ..любят; и судя их дела, и приговаривати. А иное писано назади ..[a, 5] главе.

33

А которые люди живут в погостех, питаютце о себе, а не от ..ркви божии, и тех судити земским судьям и росправа меж ими ..нити, как меж крестьяны. ||

---

[a] *Оставлено место.*

[1] *Б* мери. [2] *Б* стала. [3-3] *Б* нет. [4-4] *Б* и хто. [5] *Б* 90.

л. 82

34

А которой человек умрет без духовные грамоты, и не будет у него сына, ино статки его и земля все взяти дочере; а не будет дочери, ино взяти хто от ближнего его роду отцева и матерня. А хто при смерти пишет духовную грамоту, а [1—] по духом [а],[—1] сидети. А больше рубля безкабалного долгу взятки не писати; да и то писати, роспраша, коим обычаем дано: а что боль говорит, то и писати. А будет боль умрет, и попу взяти сороксуст, духовная [2—]подписать и[—2] отдать, кому приписана. А будет боль оживет, и попу духовная изодрати [3] минет, шесть недель. ||

л. 82 об.

35

О з а м у ж н ы х д о ч е р е х. Хто дочь даст замуж, и та дочь помрет, а останитце дитя вотчичь, и ему взимка не просити; [4] а не будет отроду, ино взимок взяти, что давал.

36

А которой муж умрет, а у него з женой дети не останутца, и жене его приданое взяти, да сверх того имати жене полетная по две гривны на всякое [5] лето.

37

Да велети проклинати [6] на Москве по торгом, и во всех городех Московские земли и в Новогороцкие, и по волостем, и по соборным церквам, и по погостам, и по выставочным, всем людем, л. 83 чтобы исщеи и ответчики судьям || в суде посулов не давали, а послухи б, не видев, не послуховали, а видев бы то, сказали в правду. А послух, не видев, опослушествует ложно, а сыщут, что он ложно правдал, ино на лживом послухи исцова гибель и убытки взяти, а во лжи его казнити торговою казнью, бити кнутом.

38

А взыщет москвитин какова дела ни будь на селецких, которые селца волостели московского за уездными князи, ино судити великому князю; а не отвечает селецкои перед великим князем, и великому князю его винити. А взыщет селецкои на селецком, и волостелю их же судити. ||

[а] *В списке* а по духом, *написано по стертому.*

[1—1] *Б* по духовной. [2—2] *Б нет.* [3] *Б доб.* как. [4] *Б доб.* и не имать. [5] *Б нет.*

[6] *Б* прокликати

Судебник 1589 г. Краткая редакция, л. 90 об. (ГИМ, Музейское собрание, № 1915).

39

л. 83 об.

[1-]Приговорил царь и великий князь.[-1] Шлютца с суда ищея
іл ответчик на мир в обыск, и многие люди лжут семьями
заговоры великими: иные молвят по исце, а иные по ответчики;
по тем лживым обыском дел не вершити, а посылати вдругие
ыскивати,[2] ино те ж люди говорят новые речи; а на суде ищея
ответчик шлютца на иных в слух, а на иных в виденье
зв ведомо, а против того истец и ответчик шлетца в послу-
сство, а отводу не даст, и за тем лживым обыском и за послу-
сством дело не вершитца, а иным присужати[3] поля и крестное
лованье; и тех же бы делех[a] поля не присужали, а обы||сков *л. 84*
отставливали, что шлетца в послушество,[4] почему он шлетца
послушество; и будет отводу не учинит, ино того[5] повинити.

40

А послать на обыск по ищеиным речам или по ответчиковым
с теми людьми, на которых слался ищея или ответчик, опрочь
ду и заговору; велети обыскивати старостам и целовалником,
по тем обыскным[6] вершити без поля и бес целованья.

41

А которой ищея и ответчик тяжутся перед бояры и во всех
иказех, а шлютца в обыск[7] на многие люди безимянно, и в тех
лех пошлют бояра обыскивати с Москвы [8-]старостам и цело-
ль¦ником верным,[-8] ездить по обыском многим людем лутчим, *л. 84 об.*
язем и бояром, крестьяном, архимандритом и игуменом, попом
дьяконом, и з городов посацким лутчим людем обыскивати
лица на лицо; а за очи обыскных людей не писати. А речи бы
вои писали сами обыскные люди; а которые обыскные люди
рамоте не умеют, ино бы отцы их духовные руки свои[9] прикла-
ывали. А скажут в обыске обыскные люди не одне речи: иные
ищеи, а иные по ответчике, и[10] по котором человеке молвят
обыску люди болше, человек 50 или 60, и тому болшему по
олшему правити, а по меншему винити исца или ответчика бес
оля и бес целованья. ||

---

[a] *Приписано другим почерком.*

[1-1] *Б нет.* [2] *Б* сыскивати. [3] *Б* присужают. [4] *Б доб.* а послушество его до-
рашивати. [5] *Б доб.* тем. [6] *Б* обыском. [7] *Б* в обыску. [8-8] *Б* старост и целоваль-
ков верных. [9] *Б доб.* в их место. [10] *Б доб.* которых людей.

л. 85

42

А после того сыскивати, в котором городе владыка есть, или архимандрит, или игумен, будет где обыск был, и о том им что государь укажет, чтоб о том сыскивали и розведывали в правду, которая половина солгала; и тех лживых казнити по приговору, как и в розбойном деле. А скажут поровну, половина по ищее, а другая по ответчике, и по тем обыском того дела не вершити, а посылати вдругие на обыск, велети обыскивати старостам и целовальником, опроче тех людеи, иными людми многими про то, которая половина лукавая; и на которую половину
л. 85 об. доведут, || что они солгали, а тех людей[1] изо 100 человек, выбрав приказщиком лутчих крестьян человек пять или шесть, бити кнутом, а игуменов, и попов, и дьяконов отсылати ко святителям, а езд, и прогоны, и волокиты правому, что будет убытка в том деле, опрочь исцовых исков, то взяти на тех, на кого ложь доведут. А которых людеи попытают по тому обыску, и тех людем взяти бесщестья вдвое для лжи, чтоб впредь не лгали. А которые люди в одном обыску двои речи говорят, и тех изо ста человек пять или шесть бити кнутом.

43

л. 86 А пошлетца в суде истец или ответчик || в обыск из виноватого человек на пять или на шесть, а верити кому не мочно, и теми людми не обыскивати, а вершити дело по суду, смотря по речам.

44

А пошлетца в суде ищея или ответчик на боярина, или на приказщика, или в волости на добра человека, или на целовальника, или на старосту волостного или на церковного, или на дьяка, кому мочно верити, тое правды спросити: что скажет, так и вершити дело бес целованья.

45

А будет ищея или ответчик хотя на одного человека пошлетца
л. 86 об. из виноватого в слух или в виде, и тое его правды[a] || спросити, что скажет, так[2] и вершити без целованья; а хотя любая правда невеликим словом не договорит, [3]‑ино истец или ответчик тем и виноват.‑[3]

---

[a] *Приписано другими чернилами.*

[1] *Б доб.* лживых. [2] *Б доб.* ино дело. [3—3] *Б* и тех не винити исца или ответчика

46

А бояром, и дьяком, и всем приказным людем приказывать своих селех своим крестьяном, чтоб они по обыскам говорили авду, что знают. А сыщут, что их крестьяне лгали в обысках, том бояром самим быти от царя и великого князя в опале, кюдем их крестьяном быти казненым [1]—от государя царя,—[1] как з разбойных делех казнь. А ведая боярин и приказные, что естьяне не лгали в обысках, сказывали правду, ино им сказыии[2]; дело, сыскав, по тому вершити. ||

47 *л. 87*

А старостам и целовальником татиные и розбойные дела скивати в правду по государеву цареву крестному целованью, угу[3] не дружити, а недругу не мстити. Да и того им сыскивати репко, хто в обыску семьями и заговоры великими говорят одело, стакався; и старостам, сыскав о тех семьях и о загоех, отписывати про них к царю государю,[4] что семьями обысках говорят неподелно и не по правде ложью.[5]

48

А учнут старосты татиные и розбойные дела обыскивати кно, [6]—не по государеву цареву—[6] [7]—наказу и указу, не по крестму целованью, || не в правду,—[7] другу дружить, а недругу *л. 87 об.* тить; или, сыскав, не учнут про семьянные заговоры отписыь к Москве[5] государю, ино им быти от государя в великой опале казненым без милости. А посылати старостам недельщиков обысками теми[5] к Москве, а сыскав им про всякое дело и руки ои приложити; а хто грамоте не умеет, ино бы отцы их духове руки свои приложили да, запечатав своими печатьми, призти к Москве; а в печати писати старостам имяна свои.

49

А досудятца в котором деле до поля, и станет ответчик бити лом, что ему не мочно у поля стояти, чтоб ему присудили || естное целованье, а поле отставити, а дати целованье на ответ- *л. 88* кову волю. А учнет истец бити челом, что нечем поля постати, ино его повинити.

[1—1] *Б нет.* [2] *Б доб.* царь государь (*вероятно, должно быть* царю государю). друг другу. [4] *Б доб.* и великому князю. [5] *Б нет.* [6—6] *Б* не по цареву и икого князя. [7—7] *Б* указу и не в правду.

50

А которому холопу дадут отпускную грамоту з боярскова докладу, а у которого старая отпускная, и тем холопем у старых государей не служить; а станет которой холоп служити с отпускной старому государю, и та его отпускная не в отпускную.

51

А дорога от Москвы и до Колмогор,[1] куде были дороги прежде сего, и ныне бы те дороги были чисты, и через реки бы перевозы были[2] по государеве[3] дороги бы, а через || ручьи мосты
л. 88 об.
были вново добры. А где мосты были мимо кои волости истари, а на которых дорогах мосты не починиваны, и кто едучи лошадь истепет, или ногу изломит, и про то сыскивати тою волостью накрепко, в которой волости деялося и коея деревни та земля и мост; и на ком сыщут, на том исцова гибель доправити безо суда, по сыску. А где в осень дорога живет, и по рекам, и по тои дороге ставити вехи, до коих мест чья земля имет. А кто не поставит по дороге вех, и что над кем учинитца, то взяти на том убыток весь. А по лесом дорога чистить поперек полторы ||
л. 89 сажени, и выскирей[4] и поперечной лес высекати. А на ручьях мосты поперег полторы сажени. А где на проезжей дороге завор, и тут быть отводам.

52

А кой сусед у суседа в одной деревне какову животину убьет без вины, лошадь, или корову, или овцу, или куря и курицу, или какую ни буди животину убьет неподелно, совету не положа и иным складником [5]—вины не объявя,—[5] и уличат его в том, и какову скотину[6] он убил, такова ему и отдать или цену, чем люди оценят[7] да чем тот пожалует, у кого убил животину. А будет не почнет давати цены[8] з доброй воли, ино взяти за
л. 89 об. петуха сорок алтын, за курицу две денги, || а иную животину чем люди ценят. А хто собаку убьет без вины, дворовую, или гонную, или лешую, и уличат его в том, что он убил без вины собаку, и на том взяти за собаку цена, чем государь той собаке пожалует. А будет не учнет миритися, и тому, хто собаку убил до смерти, стеретчи двора, у кого убил собаку, до тех мест, как такову же собаку воскормит; а в том порука по нем взяти, хто убил собаку, что стеретчи двора неоплошно.

---

[1] *Б доб.* и. [2] *Б доб.* добры. [3] *Б* по царево и великого князя. [4] *Б* выскидей. [5—5] *Б нет.* [6] *Б* животину. [7] *Б* обценят. [8] *Б нет.*

53

А у кого во дворе или под окном на улице и в ызбе собака ьеест стороннего человека, ино чем тот раненой пожалует, или омить и поить и рана личить, покаместа изживет, || тому [1—]на л. 90
му своем,[—1] чья собака, потому что знав у себя собаку съеету, а не крепит. А изгонитце собака съедистая на дорогу за ловеком, и хто ея ушибет и на смерть, тому вины нет.

54

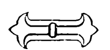
А которой человек умрет, а у него останутце дети, и захотят ее промежу себя делитися, и колко их братов и сестер, ино всем живот [1—]отцевы статки[—1] делити повытно поровну: и дочере же выть, что сыну, толки духовной нет. А по отцем же их лу, и по матери их, меж их делу нет и во веки.[2] И з дядею, л по отце, толки делных нет.

55

Приговорил царь и великий князь, что || по всей моей[3] Руской л. 90 об.
мле, по городом, и по селам, и по станом, и по волостем мли без суда и без управы судьям не держать ни часу: а про якое дело суд давати нелживой и сыски. А погоные за беглыми выписи давати в ыные уезды. А хто не даст[4] погоные, и бегому сноровит, и он[5] тем винозат. А под суд даватися, чей хто будь.[6]

56

А где кого дань застанет, тут с него и имати поголовное, ем мир осудит, где хто дань даст, тому тут и судитися в том исуде.



ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ

л. 1 Царь и великий князь Федор Иванович все
Руси в лета 7097 июня в 14 день приговорил и ул
жил сей Судебник со отцем своим духовным патр
ярхом московским Иевом, да с митрополитом[a] нао
ротцким Александром, и со всеми князми, и бояр
и со вселенским собором по прежнему уставу, п
уложению отца своего благовернаго царя Иван
Васильевичя всея Руси, и прежних князей, и боя
как впредь суд судити бояром, и околничим, и дв
л. 1 об. рецким, и казначием, и дияком, и по городом || наме
ником, и по волостем земским судьям, и по все
моей государеве Руской земли; а впредь всяки
дела судить по сему Судебнику и управы чинити п
указу, как государь укажет, с котораго дни уложит

1. Суд царя и великаго князя, как судить коим судьям.
2. А которые судьи просудятца, ино суд з головы.
3. А которые бояре и судьи в суде посул возмет.
4. А которой дияк список нарядит посула для.
5. А которой подъячей дело запишет не по суду.
6. Хто виноватой солжет на суде на коих ни буди. ||

л. 2 7. А судьям жалобников от собя не отсылати.
8. А будет жалобнику не мочно управы учинити.
9. А имати бояром и судьям пошлин с рублеваго дела.
10. А дияку что от белово списка имать писчево.
11. А что судья возмет ли[ше]к пошлин возмет; или жалобни солгал.
12. А не став у поля помирятца, и что пошлин имать.

---

[a] *В списке далее зачеркнуто:* московским
[1] *С* уложил.

113. А у поля став помирятца, околничему имать полевых шлин.

114.[a]

115. А кого побиют на поле, что пошлин имать. ||

116. А не став у поля или отбежит, и что пошлин имати. л. 2 об.

117. А побиютце на поле в пожеге, в душегубстве, на убитом шлин.

118. А у поля спросит стряпчих и порутчиков окольничей.

119. А битися бойцу з бойцом на поле или небойцу с небойцом.

120. А ищея пошлетца на послуси, и кои как послуси говорят.

121. А убиют на поле ищеины послуси ответчиковых.

122. А послух по исце или по ответчике не молвыт.

123. А коя кабала в пятнатцеть лет, как судити. ||

124. А хто суда просит в переемных или в чем повинитца. л. 3

125. А хто от судеи отбиетца, и как отбои писати.

126. А дияк и мужи порознятца по кабале по скупу.

127. А послух опослушествует кого, и того повинить.

128. А против послуха стар, и мал, и увечен ответчик, или поп.

29. А послух перед судьею не придет, есть ли ричи или нет.

30. А взыщет женка или девка и мал, и даст целование.

31. А ищет на трех или на четырех, || и за коих отвечяют л. 3 об. не отвечяют.

32. А езду имать на версту, хотя пеш или конем, по указу.

33. А на кого накинут срочную и не покажет, кои с ним саны.

34. А хто на намесникех учнет искать, и не отвечяют за всех.

35. А которых учнут примешивать к намесничиим и городских волосных.

36. А иногородцы пришлецы о обидах биют челом, и что д крест класть.

37. А иногородцы на намесников биют челом, а пришлецам д давати до осми годов. ||

38. А на земских судей давать суд и до кех месть. л. 4

39. Ответчик скажет бил, а не грабил; да и в ыных делех тому же судити.

40. А хто в чем на суду повинитца, без суда доправити.

41. А безчестия детем боярским кормленым.

42. А детем боярским, кои жалованье емлют.

43. А дияком полатным безчестия.

44. А гостю болшему безчестия.

[a] В списке белая строка.

45. А середнему гостю безчестия.
46. А меншему гостю безчестия.
47. А торговым середним посатцким. ||
л. 4 об. 48. А боярскому человеку доброму.
49. А тиуну и довотчику безчестие.
50. А крестиянину безчестия.
51. А молотчему человеку безчестия.
52. А торговому человеку безчестия.
53. А повоскому доброму безчестия.
54. А молотчему повоскому безчестия.
55. А судье безчестия.
56. А целовалнику верному безчестия.
57. А сотцкому безчестия.
58. А петидесятцкому и десятцкому.
59. А дияку земскому безчестия.
60. А старосте церковному и губному.
61. А дияку, и пономарю, и проскурнице.
62. А попу безчестия. ||
л. 5 63. А игумену, черньцу и чернице.
64. А вдове и вдовице.
65. А скомороху описному.
66. А неописному скомороху.
67. А каликам, кои с кусом ходяд.
68. А московским кликуном.
69. А выблядку, кои не у венчялные.
70. А блядем и видмам.
71. А татем, и разбойником, и зажигалникам лихим.
72. А ст[р]елцам, и ратним казакам, и каменщикам.
73. А за увечье хрестияном.
74. А которой чюжеземец ищет на чюжеземце, и то по крест положит, или на волощанине. ||
л. 5 об. 75. А которое дело судит царь.
76. А которые дела судят бояре, исцем у записки не стоят
77. А смесной суд: ищея у своего судьи возмет сторожа и не сходя с суда, да против ищет; да и всякой суд судити смесной по тому, доложа судьи.
78. А исцы, не ходя на суд, помирятца.
79. А дав челобитные судье да помирятся, на суд не ходя
80. А недилщику на суде на бояр и на судей не имать.
81. А пошлин имать от правые грамоты бояром и дияком. |
л. 6 82. А докладной список печятати боярину и дияку.

Црь и великии кнзь Федор Иванович всеа Русии лета з҃ ц҃з

Июня в а҃ дн приговори и уложил [illegible] духовным патреархом [illegible]

[illegible]

Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 1
(ЦГАДА, собрание Мазурина).

Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 1 об.
(ЦГАДА, собрание Мазурина).

883. А с холопа и с робы от правые отпускные грамоты имать *л. 6*
шеч[яти].
884. А как на кабалы отпись имать.
885. А царева суда пошлин имати.
886. А цареву и детей царевых печятнику имать от правые.
887. А докладнаго списка царева докладу имать от печяти.
888. А с холопа и с робы от правые имать и з головы.
[а]89. А безсудные правые давать за колко верст.
990. А дать грамота с красною печятью какая ни бу[ди].
991. А тарханных не давати. ||
993.[а] А от приставных имати езду. *л. 6 об.*
994. А хоженое неделщику и на правду, и волосным доводчи-
і поверстное, и в трапезе.
995. А езду от Москвы до котораго города.
996. А ездити неделщику с приставными, на поруки давати.
997. А в которой город и в волость приедет неделщик
ровотчик.
998. А кого даст на поруки недельщик или доводчик.
999. А строки хрестияном отписывати и безсудные по срочным;
еез записки на поруки не давати. ||
1100. А хто, дав на поруки, и не станет на срок искати сам. *л. 7*
1101. А пересуд как имати.
1102. А судной список оболживит, а лжи не доведет.
1103. А приведут кого с поличным впервые с узлом, и колко
рэсв.
1104. А имати татей и разбо[й]ников, а чистых не имати.
1105. А кой неделщих или волосной кой человек татю
ровит.
1106. А у котораго неделщика или в волостях у сотников
ят тати и разбойники.
1107. А поимают татя с какою татбою || и доводу нет, и голо- *л. 7 об.*
ві[б] исцу отдати.
1108. А поимают того же татя вдругие, и на кого тать скажет.
1109. А на кого возмолвит тать, и про того обыскати.
1110. А на кого молвят дети боярские и добрых хрестиян
ловек десят или 15, или 20.
1111. А на тех 10, 15 и 20 дати суд, на кого неподелно
ивыли.
1112. А на мошенники, оманщике ищет хто.

[а—а] *Так в списке.* [б] и головою *повторено дважды.*

113. А на кого доведут разбой, и душегубство, и ябедничеств
и подписку ручную кабалную. ||

л. 8 114. А доведут душегубство, опричь разбою, или злой челове

115. А го[с]подарьскому убойце, и здавцу, и коромолнику и ли
хим людем.

116. А бояром судити, и кому на суде быти.

117. А суд боярской, давати полные и доклад[ные].

118. А детей боярских судити по жаловалным грамотам на
месником.

119. И по волостям кабалных людей судити.

120. А намесник и властель без суда выдаст холопа и роб

121. Ни господарю на холопа ти[у]ну грамоты не давати. ||

л. 8 об. 122. А где целовалников и старост не было, и ныне без це
ловалников не судити.

123. А судной пришлют в доклад и оболживят список.

124. А не станет з записком исщея или ответчик.

125. А по ком поруки нет.

126. А всякаго лихаго без докладу не казнить, ни продати.

127. А посадских судити городских по их животом и по пр
мыслом.

128. А про изцов сыскивати розметными книгами.

л. 9 129. А по волостем черных судити; || и хто много ищет не п
животом и не по промыслом.

130. А ответчик говорит на суду: сам под крест сяду.

131. А хто на суде учит кого.

132. Скажет: дал было живот на соблюдение, а ищет.

133. А где два суда, и суд не в розне и не в розделе.

134. А по намесника и по властеля пошлет пристава.

135 А по волостям судьям коего году судит, и товарище
ему отвечяти и не отвечяти. ||

л. 9 об. 136. О холопстве суд.

137. А кои родилися в холопстве дети и как холоп.

138. А кои отец и мати в черньцех.

139. А отпускные давати в Новегороде и Пскове.

140. А оприч Москвы и Пскова и Новагорода отпускных н
давати.

141. А кои люди вольные.

142. А на вольных людей, на старых холопей.

143. А положат на одного холопа 2 полные.

144. А холопа рать полонит.

145. А кой холоп побежит з господарем своим. ||

л. 10 146. А детей боярских, век не служивали, не приимати.

1147. А казаку денег хто даст взаймы и держит у собя.
1148. А наймит не доживет до сроку.
1149. О землях суд и манастыря.
1150. А взыщет хрестиянин на хрестиянине, и за сколько
[..]пти.
1151. А в землях судити старожилы, и старожила лживит,
[с]воего не поставит.
1152. А истец много в челобитную убытка пишет не по земле.
1153. А старожилцы порознят в речях о землях. ||
1154. А молвыт старожил исцев или ответчиков не в их речи. *л. 10 об.*
1155. А судьям су[ди]ти, род и племя отставливати.
1156. А взыщет на боярине или на монастыре земли ца-
[..]ьы.
1157. А двум судьям на землю не ехати, и кому с ним
[..]ти.
1158. А правда пред судьею речи скажет.
1159. А новой жилец в деревне захочет землю делити и
[..]цья.
1160. А кой складник захочет на новое место двор ставити.
1161. А хто наездом деревню пашет.
1162. А складник у складника в одной деревне наставитца. ||
1163. А суд о водчинах, хто вотчину продаст. *л. 11*
1164. А судити о вотчинах за 40 лет.
1165. А хто деревню отпишет детем после своего живота.
1166 А хто с сторон даст денги под чюжую вотчину.
1167. А хто вотчину свою променит не вотчиннику.
1168. А промеж селы и деревни как огород городити; и срок,
[..] протраве.
1169. А охород каков ставить около поль, и гумен, и осек;
[..] пакостьливой животине.
1170. А хто назла огород отворит в поле или за осек. ||
1171. А отхожие пожни пашни как пахати и городити, чей скот *л. 11 об.*
[..]ит.
1172. А хто межу зорет меж селы и деревнями.
1173. А крестиянин у крестиянина в одной деревне межу пере-
[..]ит.
1174. А как молоди пахати просто без делу.
1175. А черной лес пахати просто без делу.
1176. А где у деревни угодья, и старожилы сыскивати.
1177. А меж деревнями межа до осека. ||
1178. А крестияном отказывати один срок; и о подворном. *л. 12*
1179. А хто за кем живет год; и какова мерная копна сена.

180. А убиют на поле в розбое и лихом диле.
181. А купец, идучи на торговлю, возмет.
182. А хто возмет торговати и безумием потеряет.
183. А в розбойном деле дадут полетную.
184. А попа и диякона, черньца и черницу.
185. А поп похочет на ком искати чего ни буди. ||

л. 12 об. 186. А крылашеня похотят тягатися, и кому их судити.
187. А крылашаня похотят меж собою тягатися.
188. А кои люди живут в волосте не от церкви питаютца.
189. А торговые люди станут жити на монастырях.
190. А[1] [2]–умрет хто без духовные и не будет сына.–[2]
[3]–191. А хто при смерти пишет духовную, и попу быть.–[3]
[4]–192. А хто дочерь даст замуж и дочь умрет.–[4]
193. А у кого не останупа дети з женою. ||

л. 13 [5]–194. А купит на торгу что поношено.–[5]
[6]–195. А хто лошадь купит или менит в городе и в волостях.–[6]
[7]–196. А по всей моей земли лошадей не пятнати.–[7]
197. А в служебном походе купил хто лошадь.
[8]–198. А доморощеных и непродажных не пятнати.–[8]
199. А кои дела преж сего Судебника вершены.[9]
200. А впредь всякие дела судить по Судебнику.
201. А которые дела новые, а в сем Судебнике не писаны.

л. 13 об. [10]–202. А на Москве и по всеи земле || велити кличь прокликати исцев и ответчиков, чтобы посулов судиям не давали.–[10]
203. А послухи бы, не видев, не послуховали.
[11]–204. А взыщет москвитин на селецких волостях.–[11]
[12]–205. А приговорил царь: шлютца на мир и многие лжут.–[12]
206. А шлютца на иных послух ведомо, и послушества доспрашивати.
[13]–207. А послать на обыск, опричь родов и заговоров обыскивати.–[13]

---

[1] *Здесь начало списка А.* [2]–[2] *А* . . . умрет без духовные грамоты. [3]–[3] *А* 91. А хто при смерти духовную пишет. [4]–[4] *А* 92. А хто даст замуж дочерь и та его дочь умрет. [5]–[5] *А* 93. А хто купит на торгу что поношено. [6]–[6] *А* 94. А хто купит лошадь на Москве и в Московском уезде. [7]–[7] *А* 95. О лошадех купленых. А по волостем по всей моей земли хто купит лошадь, и тех лошадей не пятнати. [8]–[8] *А* 96. А наместником и волостелем и тиуном непродажных лошадей не пятнать. [9] *А* 97. А которые дела преже сего Судебники вершены. [10]–[10] *А* 99. А велит на Москве по торгом, и во всех городех, и по всей земли Московской проклинати лживых послух и исцов, кои посулы дают судьям в суде. [11]–[11] *А* 100. Аще взыщет москвитин на селецких волостех ли какова дела ни будь. [12]–[12] *А* 101. О мирских обысках приговорил царь государь и великий князь Феодор Иванович.

[13]–[13] *А* 102. О мирском обыску. Послать на обыск по ищеиным или по отвечиковым ричам.

98. А на коих шлютца безымянно || на многие люди, и обы- *л. 14*
гги с лица на лице.—[1]
99. А речи бы сами писали обыскные.
00. А скажут в обыску не в одне речи, и болшему опра-

01. А в обысках коя половина солгала.
02. А скажут в обыску поровну по ищее и по ответчике.
03. А кои люди в одном обыску двои речи скажут.
04. А пошлютца из виноватаго человек на 5 или на 6.—[2]
05. А пошлютца ищея или ответчик на власных людей.—[3] ||
06. А пошлютца из виноватого оба, хотя на одного чело- *л. 14 об.*

07. А бояром и дияком приказывати своим крестьяном гово-
—[4]
08. А сыскивати розбойные дела в правду, что заговоры
ят семьями.—[5]
09. А учнут татиные и разбойные дела сыскивати ложно.
10. А посылати старостам обыски к Москве.
11. А ответчик скажет: нечем поля поставити, и истец.—[6]
12. А которому холопу дадут отпускную грамоту.—[7]
13. А дорога от Москвы и до Колмогор куды преже
—[8] ||
14. А где в осен дорога. *л. 15*
15. А сусед у суседа да животину утепет в одной деревне
о ни будь.—[9]
16. А хто у ково собаку утепет безвинно.
17. А хто умрет и как делить живот, и з дядею.—[10]
18. А приговорил царь, что без управы земли не дер-
—[11]

А 103. А которой тяжетца пред бояры и во всех приказех. [2—2] *А* 104. А пош-
вз суде истец или отвечик в обыск из виноватого человек на 5 или 6. [3—3] *А* 105.
ется в суде ищея или отвечик на боярина, или на приказного, или на добра
кка на правду в обыск. [4—4] *А* 106. Бояром и дьяком приказывать своим кре-
им. [5—5] *А* 107. А старостам и целовалником татиные дела сыскивать всякие
зду. [6—6] *А* 108. А досудятся до поля и ответчик станет бить челом, что не мош-
оля стать. [7—7] *А* 109. А которому холопу дадут отпускную грамоту. [8—8] *А* 110.
оге, и о мостах, и о перевозех. [9—9] *А* 111. А хто суседа и складник у
ика убьет животину или что иное без вины. [10—10] *А* 112. А кой человек
а у него останутся дити и захотят меж собою дилится, и о всяком делу меж
[11—11] *А* 113. Приговорил царь и великий князь, что земли бес [с]уда не быти и
по волостям.

229. А погонные и выписи давати за бег[лыми].
230. А под суд даватися.
231. А кого где дань застанет.

1

Суд царя великаго князя судити бояром, и околничим, и д
л. 15 об. рецким, || и казначием, и земским судьям. А в суде другу
дружить, а недру[гу]⁻¹ не мстити. А посулов не имати в с
А на том велити судьям крест целовати, что посулов не имат
судити в правду.

2

А которой дворецкой, или боярин, или дияк, или судья пр
дится, кого обвинити не по суду безхитросно, или список по
шет и правую грамоту даст, а сыщетца в правду, и боярин
околничему, и судье в том пени [н]ет; а исцем дать суд з гол
новой, а взятые пошлины отдать назадь. ||

л. 16

3

А которой боярин, или подьячей, или дворецкой, или су
или дияк, или целовалник в суде посул возмет, а повинит к
не по суду, а сыщут, что посул взяли, и на том боярине,
на дворецком, и на дьяке, и на судье взяти исцев иск, и
шли[ны] на царя государя, и езд, и правда, и пересуд, и пра
десяток, и пожелезное на том взяти втрое, кой посул взял.

4

А которой дияк список нарядит или речи перепишет не
как на суде говорили истец и ответчик, или список подпи
л. 16 об. без боярскаго или без судьина ведома, а сыщут, что он || п
взял, а список нарядил, а на том дияке половина исцева и
да его бити кнутом да отстазити от диячества, а руки ему
сетчи; а другая половина взяти иску на судие, потому что, зна
дияка лжива, почто с ним судит. А по дьяке взяти поруку,
впредь не воровати, доколе и жив будет; а в суд его не п
мати, и доколе жив будет.

5

А которой подьячей запишет дело не по делу для по
без диячия приказу, и того подьячего бити кнутом.

¹⁻¹ *Восстановлено по списку А.* ⁻¹ *Здесь обрывается список А.*

6

А хто виноватой солжет[1] на боярина, || или на дворецкого, или л. 17
на судью, или на дияка, или на кого ни буди, а сыщут, что солгал, и того жалобника повинити,[2] безчестие на нем взяти, да бити его кнутом, да вкинути в тюрму да порука взяти, что впредь не лгати.

7

А которому боярину, или дворецкому, или судье придет жалобник его приказу или не его, иные волости, а биет челом, суда прошает, и судье жалобников от себя прочь не отсылати, давати всем управа,[3] которой биет челом по делу.

8

А которому будет судье жалобнику без господарева ведома
по его челобитной || управы учинить не мочно, ино того жалоб- л. 17 об.
ника челобитье сказати царю государю. А которой боярин, или дворецкой, или судья жалобников отошлет, и суда не даст, и челобитья его царю государю не скажет, и отказу ему не учинит, а тот жалобник биет челом царю государю на судью, что суда не дал и его волочил, и государь его жалобницу подписав, с ним не отошлет[4]—к тому же,—[4] а велит ему судити, и боярин, или судья, или казначий управы ему не учинят же, и тому судье быти от господаря царя в великой опале; да на том же судье допра-
вити волокиты рубль да отдати жалобнику. || А которой жалобник л. 18
биет челом не по делу, а судья ему откажет, и он опять учнет царю государю докучять, и того жалобника вкинути в тюрму.

9

А имати боярину, или дворецкому, или судье, или дияку от рублеваго дела на виноватом пошлин: судье одиннатцеть денег, а дияку 7 денег с ысца и со ответчика пополам.

10

А учнет дияк судной список набело писать, которой список в доклад идет, и ему писчево десеть денег с обех[5] пополам; а от поручных записей дияку не имати. А судье пошлинные денги, ||
взяв, держати у себя, доколе государь попытает. А будет дело л. 18 об.

---

[1] *Отсюда продолжение списка А.* [2] *А доб.* и. [3] *А* суд и управа. [4—4] *А* к тому судье, чей суд. [5] *А доб.* исцев.

выше рубля или ниже, ино судье имати по тому же розчё с рубля по одиннацети денег, а болши того не имати. А ко рой боярин или судья на ком что возмет лишек, на том взя втрое.

11

А которой жалобник станет бити челом на судью, а скаж что на нем лишек пошлин взял, а сыщут, что он солгал, и то жалобника бити кнутом да вкинути в тюрму.

12

А досудятца до поля, а не став у поля помирятца, а бо
л. 19 рину, || и дворецкому, и казначию, и дияку, и подьячему има пошлина по тому же указу; а околничему и недилщику полев пошлин не имати; а хто возмет болши того лишек, и на т взяти втрое. А которой жалобник солжет, и того бити кнутом вкинути в тюрму.

13

А у поля став помирятца, и боярину, и дворецкому, и казн чию, и дияку по тому же указу имати.

14

А окольничему имати полевых пошлин по 8 алтын по 2 денг а дияку по 4 алтына, а подьячему денга, а недилщику четвер
л. 19 об. рубли, || да ему вязчего 2 алтына; а болши того им не има А хто возмет лишек, на том взяти втрое. А солжет жалобник, его бить кнутом да на поруки дать, чтобы вперед не лгал.

15

А побиютца на поле в заемном деле или в грабеже, и окс ничему полтина да за доспех убитаго три рубли, а дияку [2]—че верть рубли,—[2] а недельщику полтина, да ему ж вязчего 4 алты [3]—без копейки,—[3] а подьячему 2 денги.

16

А не станет хто у поля или отбежит от поля, и околничем
л. 20 и дияку, и неделщику имати || пошлин как с мироваго дела; а из ных пошлин имати с рубля по гривне; а болши того не има

[1] *А* по четыре. [2—2] *А* четвертой рубль. [3—3] *А* без дву денег.

.л. А кой возмет лишек, и на том взяти втрое. А жалобник со-
лжет, и его бити кнутом да вкинути в тюрму, докамест порука по
нем будет.

17

А побиютца на поле в пожеге, или в душегубъстве, или в роз-
бое, или татбе, ино на убитом исцев иск доправити, да околни-
чему на убитом полтина, да за доспех убитаго три рубли, а
дияку[1]—8 алтын 2 денги,—[1] а неделщику полтина, да ему ж вяз-
чего 4 алтыны || без двух денег. А убитаго дати на поруки: как л. 20 об.
его государь попытает, и он бы был в лицах. А не будет по нем
поруки, ино его кинути в тюрму, доколе по нем порука будет.

18

А к полю приедет околничей, дияк, им воспросити исца и
ответчика: хто у них за ними стряпчеи и порутчики. Кого за со-
бою скажут стряпчих и порутчиков, тем велити[a] у поля стоять.
А доспехов и дубин порутчиком у собя не держати. А бой бой-
цом[2] давати ровен. А которые[3] люди опришенные стоят, и тех
отсылати; || и кои не поидут прочь, и тех кинути в тюрму. л. 21

19

А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом;
а бойцу с небойцом не битися. А похочет небоец з бойцом би-
тися сам, ино им битися. Да и в ыных делех по тому же.[4]

20

А ищея пошлетце на послуси в заемном деле без кабалы, а
ответчик шлетца на свои послуси, или в бою, или в грабеже, или
в татбе, или в какове деле ни буди, и послуси, став, межу собою
роrознятца: иные молвят по исце, а иные по ответчике; || и ко- л. 21 об.
торые молвят по исце, а просят поля и целования со ответчико-
выми послусями, кои не молвыли по исце, ино дати кресное це-
лованье и поле на волю тех послухов, кои говорили во ответчи-
ковы речи: хотят сами целуют или ищеиным вирят послухом; а
межь исцами по суду дати кресное целованье, а сверх того как
суд был.

---

[a] *В списке* винити; *исправлено по списку А.*

[1]—[1] *А* четверть рубля. [2] *А* полщиком. [3] *А доб.* у поля. [4] *А доб.* указу.

21

А убиют на поле ищеины послуси ответчиковых послухов или крест поцелуют, ино исцев иск доправити на ответчике и на его
л. 22 послусех, что по исце не говорили. || [1]—А ищеям ответчиков вдругие ко кресту не приводити деле иску.[a,]—[1] А убиют ответчиковы послуси ищеиных послусей, кои по исце говорили или крест поцелуют, ино послусей ищеиных обвинити и пошлину взяти на ищее и на его послусех.

22

А не просят ищеины послуси поля и целованья со ответчиковы послусями, или послуси не зговорят по ищее, ино тем исца повинити.

23

А кто учнет бити челом по кабале, суда прошати, и судьи кабалы дозрити; и будет кабала петинатцати лет или ниже, ||
л. 22 об. ино судити; а будет того болши лет кабале, ино без господарева ведома не дати суда. А которой судья не даст суда, коя пети натцети лет, и тем судья виноват, и волокита на нем справити рубль, а по кабалам судити. А рост правити за пять лет, а дал пети лет росту не правити. А кабалы писати на крестиян вдвое а рост правити на пять шестои; а в чем кабала писана, то справити.

24

А просит ответчик суда на исца в переемных денгах, ино суд
л. 23 дати. А будет истец иного уезду или иные волости, || ино там на него не[2] бити челом, чеи суд. А в чем ответчик по кабале повинитца, то на нем справити, а в достале суд дати. А в чем не мочно управы учинити меж исцами в какове деле ни буди ино исцов за судным списком срочити к нам к Москве.

25

А которые исцы или ответчик отобиютца, и судие писати отбои да прислати к нам к Москве; а отбои писати за попов скою рукою.

---

[a] *Так в тексте. Вероятно, следует читать* в том же деле, *или* для иску.

[1]—[1] *А* А ищей и ответчиков вдругие в том ко кресту деле иску не приводити. [2] *А* нет

26

А будет по кабале послуси порознятца и дияк, кой кабалу писал, и про то сыскати: которой послух || или дияк солгал, и на *л. 23 об.*
том повытие иску, что на заимщике ж, доправити; а будет послуси, кои в кабале,[1]по скупу все[1] солжут, а дияк руки не попретца, и миром сыщут, что кабала в правду писана, ино исцев иск весь доправити на послусех[2]и на заимщике[2] повытно, а дияк человек доброй. Да и во всяких делех по тому же судити. А истец по кабале[3] дошел.

27

А кого послух опослушествует в бою, или в грабеже, или в какове деле ни буди, ино его повинити, а с послухами дати ему суд да кресное целованье. А будет || послух поцелует крест, *л. 24*
ино пошлины взяти на ответчике. А будет послуха на поле побьют, ино пошлины на убитом же.

28

А против послуха ответчик стар, или мал, или немощен, увичен, или поп, или чернец, или девка, или женка, и тому против послуха наймит. А послуху наймита нет; а будет чем послух увечен без хитрости, или поп, или чернец, или женка, и тем наймит же. А что правому и послухам учинитца убытка, то имати на виноватом.

29

А которой послух перед судью не приедет, || есть ли за ним *л. 24 об.*
речи или нет, и на том исцевы иски доправити и пошлины; а з довотчиком в строце дати суд.

30

А на ком взыщет женка или девка и мал детина, или хто взыщет на женке или на девке, ино их судити судом; а досудятся до поля или до целования, ино поле отставить, дати вера на ответчикову волю, а сверх того по суду, как суд был; а не мочно вершити дела, ино срочити к нам на Москву, чей суд.

1—1 *А* по иску по всему. 2—2 *А нет.* 3 *А доб.* денег.

31

л. 25 А хто взыщет человек на трех, или на 4, или на колки || ни буди по жалобнице, а напишет в жалобнице человек 10, или на пятинатцати, или болши, или менши, и те два или 3 за собя и за иных отвичяют, а за иных не отвичяют, а за коих отвичяют по жалобнице, ино судити в их жеребьях, а за которых не отвичяют, ино по тех посылати розсылщыка из езду.

32

А езду имати на версту по денге, колко верст ни буди: хочет пеш поди, хочет [1]-лошадь найми.-[1] А по кого пристав ходил, ино на тех писати безсудные в их жеребьях. ||

л. 25 об. 33

А на котораго на них ездок накинет срочную на одного, и тот срочные товарыщем своим не покажет, кои писаны с ним в одной срочной, и на тех в их жеребьях выляжет безсудная грамота, и езд и хоженое, ино тем дати суд, хто им не показал срочные.

34

А которои люди учнут искати на намесниках, и на властелях, и на иных людех по жалобницам, не за всех отвечяти учнут, а исцы учнут искати на них и на людех всего своего иску по жа-
л. 26 об. лобнице и без тех, за которых не отвечяют, и по тех || их жалобницам судити в всем иску тех людей за тех людей, за которых не отвечяют.

35

А которых людей исцы учнут примешивати к намесничьим людем или к волостелным, героцких людей или волостных людей, а намесничные люди за тех городских людей отвечяти не хотят, ино судити в их вытех, а по городцких и по волосных посылати пристава; а которой не пойдет ко ответу, ино давати неответныя; а до намесничных людей[2] дела нет.

---

[1] *А* лошадью. [2] *А доб.* в тех вытех.

36

А которые люди иногородцы или пришлецы станут бити челом о обидах на намесников, или на судью, или на судецких товарищев, или на волосных людей, и как намесники или властели, едучи на жалованье, или на волосте живучи, или едучи зь жалованья, кого чем изобидят, и тем людем иногородцем на намесников и на волосных людей суд давати; а что пришлец в жалобнице напишет и досудятца до креста, и ответчику то под крест класти. А не похотят намесники отвечяти, ино им ко ответу посылати своих людей. ||

37 *л. 27*

А которые иногородцы[1] а не станут бить челом о своих бедах[2] на намесников до году, и впредь им и суда не дати; и на их людей и на волосных хрестиян давати суд пришельцам давати до осми лет; а судити им, обыскав по их жалобницам.

38

А на судей давати суд после его году, доколе и жив будет, кроме того, кого государь пожалует, не велит на кого суда дати.

39

А которой ищея взыщет бою и грабежу, а ответчик скажет: бил, а не грабил, и ответчика в бою повинити и безчестие || на нем доправити, а в пене что государь укажет; а в грабеже дати суд и правда, а во всем не повинити. А скажет он, что грабил, а не бил, ино то доправити имянно, что[3] грабил, а в пене что государь укажет, и безчестие взяти по человеку. А в ыных делех по тому же судити. *л. 27 об.*

40

А хто в чем на суде повинитца, то на нем по тому же без суда доправити; а в достале суд, и по суду кресть, и как суд был и речи на суду были.

41

А безчестия детем боярским, за которыми кормление, противо доходу, что на кормление по книгам, а женам || их вдвое. *л. 28*

[1] *А* новогородцкие. [2] *А* обидах. [3] *А доб.* скажет.

42

А которые дети боярские емлют жалованние денежное, и колко емлет на год по книгам, то им и безчестие, а женам их вдвое.

43

А дияком полатным и дворцевым что царь государь укажет, а женам их вдвое.

44

А гостю большему безчестия петдесят рублев, а женам их вдвое.

45

А середнему гостю безчестия дватцет рублев, а жене его вдвое.

46

А меньшему гостю безчестия двенатцет рублев, а жене его вдвое.

47

А торговым[1] людем[2] посадцким и всем середним безчестия петь рублев, а женам их вдвое. ||

л. 28 об.

48

Боярскому человеку доброму безчестия пять рублев, опричь тиунов и доводчиков, а женам их вдвое.

49

А тиуну и доводчику безчестия против их доходу, а женам их вдвое.

50

А крестиянину пашенному безчестия рубль, а жене его два.

51

А молодчему человеку боярскому, и посадцкому, и волосному безчестия рубль, а жене его два.

---

[1] *А* городовым. [2] *А доб.* и.

52

А доброму крестиянину, которой торгует, или денги и рожь взаимы дает, или в волосте его назовут добрым человеком, безчестия ему три рубля, а жене его вдвое.

53

А повоскому человеку доброму безчестия два рубля, а жене его вдвое. ||

54 *л. 29*

А молодчему человеку повоскому безчестия полтина, а жене его вдвое.

55

А судье безчестия петь рублев, а жене его вдвое.

56

А целовалнику судецкому[1] верному безчестия петь рублев, а жене его вдвое.[2]

57

А сотцкому безчестия два рубля, а жене его вдвое.

58

А петидесятцкому и десятцкому безчестия полтина, а жене его вдвое.

59

А дияку земскому безчестия по указу против его доходу годоваго, что от судов дойдет по указу, а жене его вдвое. ||

60 *л. 29*

А старосте церковному безчестия петь рублев, а жене его вдвое; а губному то же, а жене его вдвое.

61

А попу безчестия против волоснаго доходу, что от церкви годом дойдет, а попадье вдвое.

---

[1] *А нет.* [2] *А доб.* то ж.

62

А дияку, и пономарю, и проскурне, и строю против их доходу безчестия годоваго, что от церкви дойдет.

63

А игумену, черньцу и чернице что святитель укажет безчестия.

64

А вдове, и девице, и нещему человеку против их животов вдовьих и нищих, а девице против черьницы безчестия.

65

А скомороху[1] описному безчестия два рубля, а жене его ничего. ||

л. 30

66

А неописному скомороху гривна безчестия, а жене его вдвое.

67

А каликам безчестия, которые [2]–ис кусов–[2] ходят, 4 алтыны.

68

А московским[3] городцким нищим кликуном безчестия 8 алтын 2 денги.

69

А выбляткам, которые не у венчялные жены родился, тому безчестия 2 денги для матерних промыслов.[а]

[б]–70

А блядям и видмам безчестья 2 денги против их промыслов.–[б]

71

А татем, и разбойникам, и зажигалщикам, и ведомым лихим людем безчестия нет, потому что оне лихие люди.

[а] *В списке* а для матерних промыслили; *исправлено по списку А.* [б]–[б] *Статья 70 в списке пропущена; восстановлена по списку А.*

[1] *А доб.* государеву. [2]–[2] *А* и с кусом. [3] *А доб.* и.

42.

Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 42
(ЦГАДА, собрание Мазурина).

Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 42 об.
(ЦГАДА, собрание Мазурина).

72

А стрелцам, и ратним людем, и волным казакам, и каменщикам что царь государь укажет.[1] ||

73 *л. 30 об.*

А за увичье крестияном указати, зря по человеку и по увичью.

74

А которой чюжеземец взыщет на чюжеземце или на волощанине, ино того воля, на ком ищут: хочет сам отцелуетце, что в том не виноват, или под крест положит, чего на нем ищут; [2]-истец поцелует;-[2] а пошлины имать на ответчике.

75

А которое дело судит църь и великий князь или дети царевы и бояре, и которой суд не кончяетца, а оставят его во обговоре, и дияку исцевы и ответчиковы речи велити записывати пред собою; да те ему дела держати у собя за своею печатью, || доколе дело кончяетца. *л. 31*

76

А которые дела судят бояре, и тот суд велити записывати дияком перед собою, а исцем у записки не стояти. И будет исцы к чему будет надобе, и их призывати и, выспрося их, отсылати от записки. А списка не чести перед исцы, а прочести ево боярем.

77

А случитца суд смесной, ищея и ответчик судимы будут не одному судье, и хто по ково возмет пристава в какове деле ни буди, ищея возмет у своего судьи за собою сторожа, да идет к тому судие просити пристава, да перед тем судьею ищет. || А будет ответчик, не ходя с суда, да против на нем ищет, и ему отвечяти перед тем судьею. Да и во всяких делех судити смесной суд[а] тому судие, у кого в приказе ответчик. А пошлины имати одне по указу, а делити пополам. *л. 31 об.*

[а] *Далее* по.

[1] *А доб.* А дияку полатному болшему безчестия что царь государь укажет. [2—2] *А* истец, поцеловав, и возмет.

78

А хто по кого пристава пошлет в бою или в какове деле ни буди, а исцы не похотят на суд итьти и, доложа судьи, помирятце, а судие пошлин на них нет, опричь езду и хоженого.

79

А которые исцы зададут судьям челобитные, а сами до суда помирятце, и судьям пошлин не имати. ||

л. 32

80

А неделщику на судех на бояр, и на околни[чи]х, и на дворецких, и на дьякох посулов не имати и самому неделщику не просити. А которой неделщик возмет посул в суде на боярина, или на околничево, или на дьяка, или на собя посул возмет и уличят его в том, и того неделщика бити кнутом, а посулы на нем доправити втрое да и езд, [1]а из[1] недельщиков выкинути.

81

А пошлин имати от правые грамоты: боярину от печяти по девети денег, дияку от подписки с рубля по алтыну, а подьечему с рубля по три денги; а болши того им не имати. А кой возмет

л. 32 об. лишек, || и уличят его в том, и на нем взяти втрое. А жалобник солжет, и его бити кнутом да порука взяти по нем, чтобы впредь не лгал.

82

А докладной список боярину,[2] и дияку,[2] и казначию печатати, а дияку подписывати. А пошлин имати с рубля по алтыну, а от печяти дияку с рубля по 4 денги, а подьячему по две денги; а болши того им не имати.

83

А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпускные боярину и казначию от печяти имати з головы по 9 денег, а

л. 33 дияку з головы от подписки[3] по алтыну, а подь || ячему з головы по три денги, кой правую отпускную напишет.

[1]—[1] *Восстановлено по списку А.* [2]—[2] *А нет.* [3] *А подписи.*

84

А хто займет денги в кабалу в росты, и на те кабалы отписи без боярскаго докладу и без диячьи подписки не имати. А боярину от всякие подписки[1] от печяти по три денги, а дияку от подписки 2 денги, а подьячему, которой отпись напишет, имати по денге.

85

А с царева и великаго князя с суда и з детей царевых с суда пошлин имати на виноватом по тому ж, как з боярскаго суда: с рубля по одиннацети денег, а дияку по 7 денег, а подьячему по 2 денги. ||

86 *л. 33 об.*

А цареву и детей царевых печятником имати от правые грамоты с рубля по 9 денег, а дияку с рубля по алтыну, а подьячему с рубля по 3 деньги, кой правую напишет.

87

А з докладнаго списка царева и великаго князя з докладу имати цареву печятнику от печяти с рубля по девети денег, а дияку по алтыну, а подьячему по 2 денги, которой список[2] напишет.

88

А с холопа и с робы от правые грамоты имати печятнику от печяти з головы по 9 денег, а дияку от подписки[3] по алтыну, а подьячему по 3 деньги, кой правую напишет. ||

89 *л. 34*

А от строчных и от подписей имати дияку по 2 денги, а подьячему с рубля от подписей по 2 денги. А похотят оба исца срок отписывати, ино оба платят от подписи пополам, а недельщику хоженое.

90

А безсудные давати,[4] правые за сто верст семым днем, а далего по тому же розчету. А пошлин имати от правые и безсудные цареву печятнику от печати с рубля по алтыну, а дияку

---

[1] *А* отписи. [2] *А* на списке. [3] *А* подписи. [4] *А* и.

с рубля по тому ж, а подьячему по тому же с рубля по 2 денги; а болше того им не имати. А кой лишек возмет, и на том доправить втрое. ||

л. 34 об. 91

А велит кому[1] какову грамоту дати льготную, или уставную, или полетную с красною печятью, что возмет печятник от грамоты от печяти, а дияку то ж от подписи.

92

А тарханных грамот впредь не давати; а старые имати у всех назад.

93

А от приставных имати цареву печятнику, дияку [2-]и недельщику[-2] по езду: с которые приставные рубль езду, и печятнику с рубля от печяти по алтыну, а дияку от подписи с рубля по алтыну; а будет езду до котораго города рубля больше или менше,
л. 35 и печятнику и дияку имати по тому же розчету. А будет || [3-]в приставной иск менше езду, и дьяком тех приставных не подписывать, а того недилщика вкинуть в тюрму да на него зказати царю государю.[-3]

94

А хоженое неделщику в городе 10 денег, а по правду вдвое. А по волостем доводчику имати хоженое, кого на поруки даст, на версту по деньге; а в трапезе от поруки 2 денги. А от поруки неделщикам и доводчикам [4-]поклоннаго и поминков не имати.[-4] [3-]А езд им имать[-3] до котораго города по указу, а на правду вдвое.

95

А езду от Москвы: до Коломны полтина, до Кошыры полтина, до Хутыни[5] 10 алтын,[6] до Олексина 25 алтын, до Колуги рубль,
л. 35 об. до Ерославца полтина,[7] || до Клинца[8] 20 алтын, до Можайска полтина, до Вязмы полтора рубли, до Воротынска 40 алтын, до Ко[зе]лска рубль с четвертию, до Одоева[9] 40 алтын, до Беляева

[1] *А доб.* государь. [2-2] *А* у нидилщиков. [3-3] *Восстановлено по списку А.*
[4-4] *А* по 2 денги, а поминков не имати. [5] *А* Хотыни. [6] *А доб.* до Торусы 20 алтын.
[7] *А доб.* до Боровскаго полтина. [8] *А* Кременца. [9] *А* Одуева.

рубль с четвертию, до Мезецка[a] 40 алтын, до Оболенска пол-
тина, до Звенигорода 2 гривны, до Дмитрова 10 алтын, до Радо-
нежа 8 алтын,[1] до Ростова рубль, до Ерославля рубль с четвер-
тию, до Вологды полтретья рубли, до Белаозера полтретья рубли,
до Устюга петь рублев, до Вятки полосма рубли, || до Вычегды *л. 36*
семь рублев, до Двины до Колмогор 8 рублев, до Юрьева рубль,
до Володимера рубль с четвертию, до Суздала рубль с четвертию,
до Костромы полтора рубли, до Галичя полтретья рубли, до Мурома
полтора рубли, до Стародубских князей водчин полтора рубля,
до Мещеры два рубля, до Новагорода до Нижнего полтретья
рубли, до Углечя рубль, до Романова Городка рубль с щетвертию,
до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Великово
Новагорода полтретья рубли, до Пскова || полчетверта рубли, до *л. 36 об.*
Смоленска[2] полтретья рубли, до Иванагорода полчетверта рубли,
до Великих Лук и до Торопца по получетверта рубли. А где
будет болше или меньше того верст, ино имати по тому ж роз-
чету.

96

А ездити недилщику с приставными, на поруки давати, самим
или ездоков своих посылати, а людей своих не посылати. А от
поруки им поклоннаго не имати. А в котором городе недилщик
живет, и ему в том городе с приставными не ездити и своих
ездоков не посылати. || А кой неделщик или доводчик поклоннаго *л. 37*
у ково возмут, и уличят его в том, и на нем взяти втрое.

97

А в которой город или в волость приедет неделщик, или
доводчик, или ездок с приставною, и ему приставная явити намес-
нику или судье и его товари[ще]м. А будет оба исца одного
города или тое волости, а наместнику и судие оба судимы
и ответны, ему обоих исцов перед судиею и наместника поста-
вити. И не явит неделщик и доводчик наместнику и судие при-
ставные, || или обоих исцов перед наместника или перед судию *л. 37 об.*
не поставит, и он езду лишен своего; а одного исца не поста-
вит, и поручные не покажет, и исправы на собя не поставит,
и на нем справити исцева волокита на день по три деньги.

---

[a] *В списке* Мерецка; *исправлено по списку А.*

[1] *А доб.* 2 денги, до Перославля 20 алтын. [2] *А* Смоленца.

98

А кого даст недельщик или доводчик на поруки в какове деле ни буди, и ему исцов и ответчиков не волочити, а ставить их перед судиею.

99

А строки крестьяном отписывати, и безсудные по срочным
л. 38 давати, и волокита правити || по три денги на день, кто на срок не станет по записе; а без записи на поруки не давати. А правя волокита отдати тому исцу, которой к сроку приедет. А которой истец и ответчик сам на срок не приедет, а пришлет в свое место человека сроку описывати, и доводчику на том имати езд и хоженое.

100

А хто по кого пошлет пристава, а сам на тот срок не станет и не ищет, и что во жданье после сроку учинитца убытка, и тому
л. 38 об. и то справити на том || волокита на день на голову по три денги, кои велят на поруки дать. А сам не стал, да и суда ему не дати за тем судьею до новаго судии году.

101

А пересуду имати на виноватом с рубля по две гривны; а кое дело за иск менше рубля, и пересуду нет.

102

А кото[ро]й человек судной список оболживит, а лжи на него не доведет, и на том пересуд, да бити его кнутом, да порука по нем взяти чистая, что ему впредь не лживить, да на нем же праваго десятка 4 денги. ||

л. 39

103

А приведут ково с поличным впервые с узлом, и доведут на него поличное, и на нем доправити за узол тритцеть рублев государю в казну; а не доведут на него поличного, ино того исца и приводчика бити кнутом да безчестие на нем взяти на того, кого поличнили; а того татя судити да послати про него обыскати и назовут его лихим человеком, ино его пытати накрепко кнутом дать ему 100 ударов; и скажет он сам на собя, ино его
л. 39 об. казнити смертною казнию; || а не скажет сам на собя, и его вкинути в тюрму до смерти, а исцево заплатити из его статков; а скажут в обыску, что он доброй человек, ино дела до него нет.

104

А пошлут котораго недельщика имать татей и разбойников, и ему их имать безхитросно и не норовити; а изымав татя или разбойника не спустити[1] и посула не взяти; а чистых ему людей не имати.

105

А кой неделщик или в волостех кой человек татю снаровит, посул возмет, [2]а татя[2] отпустит, || и уличят его в том, и на том человеке доправити исцев иск, а его бити кнутом да кинути в тюрму, а в казне что государь укажет и его дияки. л. 40

106

А у котораго недильщика или в волостях у сотников седят тати и разбойники, и ему татей без боярскаго или без судьина ведома на поруки не выдать. А будет недилщик или сотник без докладу татя или разбойника на поруки выдаст и уличят его в том, и на том недилщике или на сотнике доправити исцев иск вдвое || да бити их кнутом,[3] а в казни[4] что государь укажет. л. 40 об.

107

А котораго татя поимают с татбою с какою ни буди[1] церковные и головные, а в ыной в прежней татбе доводу на него нет, ино его казнити торговою казнию кнутом да исцев иск доправити, а его дати на крепкую поруку; а не будет по нем поруки крепкие, ино вкинути в тюрму до поруки. А не будет у коего татя исцово заплатити, и его бити кнутом да отдати исцу в его искупу головою на правеж || до искупу; а исца дати на поруки, л. 41 что ему, доправя свое, отдать его судиям; а не похочет истец по собе поруки дати в том, что ему, доправя свое, отдати, и того татя вкинути в тюрму, доколе по нем порука будет; и тогды на [не]м за тою порукою, кто его из тюрмы выпустит, выручит, исцев иск доправити. И как на нем истец, свое взяв, отдаст его бояром, и судиям дать его на крепкую поруку, что ему будет впредь исцы; а не будет по нем поруки крепкие, ино его вкинути в тюрму до поруки; а судье с того не имати ничиго. ||

---

[3] *В списке* указе; *исправлено по списку А.*

[1] *А* отпустить. [2—2] *А* или. [3] А *доб.* да кинути в тюрму. [4] *Здесь обрывается список А.*

л. 41 об. 108

А поимают того ж татя[1] с татбою вдругие, ино его пытати накрепко: скажет сам на собя, ино его казнити смертною казнию, а исцев иск заплатити из его статков; а нет котораго татя с ысцев иск, и его казнити до смерти, а исцу в его гибели головою не выдати; а пытан тать на собя не скажет, ино послати про него обыскати. И скажут про него, что он лихой человек, ино его повисити; а назовут его добрым человеком, ино его дать на крепкую
л. 42 поруку; а нет по нем поруки, ино его вкинути в тюрму, || доколе порука будет.

109

А на кого взмолвыт тать, и про того обыскати; и будет в обыску скажут в какове деле прежнем приточен тот человек, ино его пытати; и скажет сам на собя, ино его казнити татиною казнию; а не будет на него прежнего доводу, и в обыску про него лиха не молвят, ино татиным речем не верити, дати его на крепкую поруку. А того татя казнити по суду и по указу.

110

А на кого молвят дети боярские 10 человек или 15,[a] или
л. 42 об. в волосте добрых хрестян || человек 10, или 15, или 20, или целовалников, или судья по господареву кресному целованию, что он тать, и грабитель, и всякой лихой человек, хотя на него довода и в прежних делех нет, у кого крал, или татбу плачивал, или обыск старой, или душегубство, или зажигание, или какое[2] дело ни буди, ино тем 10 или 20[3] человеком повирити и на нем исцев иск доправити без суда, будет ниже 10 рублев; а будет того больше, ино его судити. И как, доправя на нем иск по их обыск-
л. 43 ным речям, отдати исцу, || а у него взяти в том отпись.

111

А на тех на 10 или на 20 человек дати суд да про них и про их речи миром сыскати, отставя их род и племя, и кумовство, и сватовство, сыскати добрыми християны черными, опричь миропродавцов; и скажут про них миром, что оне не лгали, а на того человека не нарядом говорили, а сами оне люди добрые, не лжи-

[a] *В списке 12; исправлено по списку А и по оглавлению.*

[1] *Отсюда продолжение списка А.* [2] *А доб.* лихое. [3] *А* 15.

вые, и дело верши по суду; а скажут про них, что оне солгали[1] нарядом, и на них его гибель исцева доправити, а их дати на чистую поруку, чтобы впредь не лгали. А будет [2]миром || мол- л. 44 об. вят[2] в прежние их речи, ино того татя дати на крепкую поруку; а нет по нем поруки, ино его вкинути в тюрму.

112

А хто на мошеннике или на оманщике взыщет того, что его соманул, и хоти его трою днем изымаешь и доведешь на него, ино его бити кнутом, а исцева иску не правити, потому что один соманывает, а другой догадывайсе, а не мечися на дешевое.

113

А доведут на кого татбу, и разбой, и душегубство, или ябедничество, или подписку ручную, или ка||балную, или какое дело л. 45 лихое ни буди, и будет он ведомой лихой человек, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити из его животов[3] и статков, а нарядчика и подписщика бить кнутом, а в указе что государь укажет; а нет у котораго татя чем исцева иску заплатити, и его исцу головою не выдать, казнити смертною казнию. А бояром и судьям от того не имати.

114

А на кого татбу, или душегубство, или иное лихое дело, опричь розбою, а в котором городе или в волосте ведомой злой человек, || и наместнику его казнити смертною казнию, исцево платить л. 45 об. из его животов;[4] что останетце за исцевым, и то имать наместнику и судие; а нечем исцева заплатити, и его казнить смертною казнию.

115

А государьскому убойце, и градцкому здавцу, и коромолнику, и церьковному татю, и головному, и коневому, и подметчику, и зажигалщику, и ведомому лихому человеку живота не дати, казнить смертною казнию. А будет ис тех лихой истец, ино || заплатити им его статки; что ся останет, ино отдати в про- л. 46 гоны; а нет котораго татя с ыскуп, ино его повинити или заказнити.

[1] *А доб.* на того человека, молвили. [2–2] *А* мир молвит. [3] *Здесь обрывается список А.* [4] *Отсюда продолжение списка А.*

116

А бояром и детем боярским судити, за которыми кормление; а на суде у них быть дворетцкому, да старосте, и лутчим людем, да целовальнику; а судные писати земским дияком, а старостам и целовальником к тем спискам руки прикладывати.

117

А суд боярской: которому наместнику дано, и ему давати ||
л. 46 об. полные и докладные; а правые и беглые давати з докладу, а без докладу правые не давать.

118

А детей боярских судити наместником по всем градом по царевым грамотам по жаловальным. А от правые грамоты имать от печяти с рубля по полутретья алтыны, а дияку с рубля по 3 денги.

119

А наместником и судиям по волостям кабалных людей судити, а полных на них и докладных не давати, и грамоты беглые[1] без докладу не давати.

120

л. 47 А которой наместник или властель без боярскаго суда, || а выдаст холопа или робу без докладу и правую грамоту даст, и та грамота не в грамоту. А что государь того холопа или робы убытка скажет, ино то взяти на судье втрое.[2] А исцам з головы суд.

121

А тиуну н[3]аместничю государю на холопа, ни холопу на государя правые грамоты не давать без докладу. А которой тиун государю на холопа или хо[ло]пу на господаря даст без докладу правую грамоту, и тому холопу на государя дати суд новой, а тиуна вкинути в тюрму до государева указу. ||

л. 47 об. 122

А которому наместнику дано в кормление город с волостьми, а преже того в тех волостях старост не было и целовалников, и ныне быть по всей моей земли по городом и по волостем

[1] *А доб.* и правые. [2] *А* вдвое. [3] *Здесь обрывается список А.*

быть старостам и целовалником, и в суде им с намесником и судиею седити, а суд писати земскому дияку, а без целовалника никако же не судити. А посулов им от того не имати.

123

А пришлет намесник или судья судной список в доклад, и будет ищея или ответчик у докладу || полживят список, ино л. 48
послать на правду по старосту и по целовалника, кои в суде были. И скажут, что суд таков был и руки у списка их есть, и судные мужи молвят, что суд таков был и противень их с матицею сойдетца слово в слово, и того винити и судной на него подписати, хто лживил || список. А скажет целовалник и судные мужи, что л. 48 об.
суд не таков был, и руки, скажут, не их у писма, и по тому судному исцев иск взяти на судье, а в пене что государь укажет.

124

А не станет за списком ищея и ответчик на срок, а доводчик на него запись положил, и того, кой не стал на срок, повинить, а подписати на вину, будет не станет || в седьмой день за л. 49
сто верст.

125

А кого намесничии люди или властелные станут давать на поруки от кого до суда или после суда, и по ком поруки не будет, и тех им людей езя в городе приказчику да старосте и целовалникам, кои в суде седят; а у намесников и судьи не явя, тех людей к собе не водити || и у собя их не держати, не л. 49 об.
ковати.

126

А намесникам, и волостелям, и тиуном, и великаго князя тиуном боярским татя, и душегубца, и всякаго лихаго человека без докладу ни продати, ни казнить, ни отпустити. А хто татя или душегубца отпустит или продаст, и на том исцев иск доправити, а в пене вкинуть в тюрму || до государева указу. л. 50

127

А по городам намесником городцких[1] посадцких людей промеж их судити и, обыскав по их животам и по промыслом и по

[1] *Отсюда продолжение списка А.*

розмету, сколко он рублев дани даст, и по тому их судить. А розметные писать дияком земским. А старостам розметные отсы-
л. 50 об. лать || к Москве ко бояриной и дияком, у кого кои городы в приказе.

128

А хто учнет пред намесником тягатись, и про тех исцев сыскивати розметными книгами; и сыщут, что живота его столко есть, на колко ищет, ино дати суд; а будет живота его столко нет,
л. 51 на колко в челобитной писано, тех исцев винити || и пошлины на них взяти, а в пене дать на поруки что государь укажет.

129

А по волостям крестьян черных судити судьям по их жалобницам и управа чинити без[во]локитно. А хто взыщет много не по животом, а ответчик и станет бити челом, что[1] живота его
л. 51 об. столко нет, на колко ищет, и тем судьям посылать це||ловалников и людей добрых[2] на обыск про то сыскати накрепко по тех исцев, сколко он дани дает, и что под ним позему, и чем промышляет, было ли живота его столко, на колко в жалобнице. Скажут миром в обыску, что живота его было столко, и в том
л. 52 ему дати суд. А скажут в обыску, что живота || столко не было, сколка ищет, ино того исца повинити и пошлина на нем взяти, а в пене и в ябедничестве что государь укажет, да дать на поруки и срочити к Москве перед дияка; а в казне что государь укажет.[3]

130

А которой ответчик, на суде стоя:[4] сам крест целую, а сверх того исцу вирю, а денег нечево под крест положить, сам[5] под крест сяду до искупа, и тому исцу не выцеловати ответчика
л. 52 об. головою, а це||ловать исцу крест из его доиску; а ответчику под крест класть, чего на нем ищут; а сверх того по суду и по речям.

131

А хто ково учит на суде, исца или ответчика, и уличят его в том, будет ответчика учил, и обвинят, на нем половина исцева иску, а другая половина на ответчике; а будет исца оправят,

[1] *А доб.* он клеплет а. [2] *А* поводных. [3] *А доб.* по приговору. [4] *А доб.* отвечает. [5] *А* и аз сам.

и на нем пересуд по указу; а будет ответчика оправят, и на нем пересуд и правой десяток; а сверх того даст || на крепкую[1] поруку, *л. 53*
что впредь не учить никого.

132

А хто на ком взыщет, а скажет: дан было ему живот на соблюдение; и ответчик скажет: было у меня живота его не столько, на колко ищет; и что скажет имянно, то на нем взяти; а про досталь сыскати, и судом судити, и кресное целование дать на ответчикову волю: хочет сам целует[2] или исцу вирит.

133

А в котором городе два наместника или на волосте два судьи, а суд у них не в розделе, || ино им имати пошлин по списку[3] *л. 53 об.*
обем за один человек, а его тиуном за одного тиуна; а которые городы у них в розделе или волости, и случитца у них суд смесной, ино им имати пошлины одне, а делити пополам. А возмут с суднаго дела двои пошлины, а уличят их в том, и на них взяти втрое.

134

А хто пошлет пристава по наместника, или по боярина, и сына боярскаго, или по волостеля, и по их тиунов, и по царева и великаго князя тиуна, и по доводчиков, и намес||нику, и боярину, *л. 54*
и тиуну, и детем боярским отвечяти к сроку ехати, или своих людеи посылати отвечять. А кои наместник и боярин за 100 верст в седмой день ко ответу не приедет и своего человека не пришлет, и его повинити по жалобнице, исцев иск доправити, и пошлины неделщиковы и езд.

135

А судиям по волостям, коего году он судит, и ему пред товарищем не отвечяти, а отвечяти в новой год, как его судиины дела вершатца. А судным товарищем, целовалнику || и сотцкому, *л. 54 об.*
опричь дияка, всем отвечяти перед тем судиею, с кем в году судят. А не учнут отвечяти, [4]—и их винити; а судье в то место садити—[4] людей добрых.

[1] *А* чистую. [2] *А доб.* что не виноват. [3] *А* сыску. [4—4] *А* и их винити в том; а судье в ых место в суд садити.

136

А о холопстве суд. По полным кабалам и по грамоте холоп з докладу з женою и з детьми, которые дети у одного государя в одной крепосте родился и в холопстве.

137

А которые дети родились до холопства, а учнеть жить у одного
л. 55 государя, или собе, то не холопи тому, у ково отец их. || А по государеву указу по робе холоп, а по холопе робы нет; по духовной холоп, и по приданой робе холоп; а по тиунству без полные[1] кабалы не холоп. А полному холопу и докладному сына своего свободнаго, кой родился до холопства, не продать, а продастся сам кому хочет; а отцу его и матере у полные не стояти, ни из холопства не взяти, потому что отецъ его и мати сами в холопстве; а [в] полные писати, что отец его и мати у полные не стоя[ли], потому что сами[2] в холопстве. ||

л. 55 об. 138

А у кого отецъ в черньцах и мати в черньцах, и тому отцу и матере у сына своего у полные не стояти и у докладные, ни из холопства не взяти; а в полные писати, что отецъ его и мати у полные не стояли, потому что позтрижены. Да и не продати детей своих, а продасться сам кому хочет.

139

А отпускные давати з боярскаго докладу; а бояром к тем отпускным печять прикладывати, а дияком подписывати. А от-
л. 56 пускные бояром давати на Москве || да в Великом Новегороде и во Пскове бояром и дияком. А пошлины имати отпускные боярину и наместнику от печяти з головы по 9 денег, а дияку по алтыну, а подьячему, которой напишет отпускную, ино з головы по 3 денги.

140

А опричь Москвы и Великово Новагорода и Пскова в ыных городех отпускных не давати. А хто отпускную положит без московских и наогородцких бояр дияков к докладу подписи, хотя своего государя рука, и та отпускная не во отпускную. ||

[1] *А* покловые. [2] *Здесь обрывается список А.*

141

л. 56 об.

А которые люди волные учнут бити челом князем, и бояром, детем боярским, и всем людем, а станут на себя кабалы давати а рост служити, и более 15 рублев и на сребряники кабал не мати. А старые кабалы, кои преж сего на простых людей писаны олше петинатцети рублев, и те кабалы переписывати, а тем юдем у них за росты служити; а тем людем приносити кабалы бояром и детем боярским печяти прикладывати, || а диаком под- *л. 57* исывати. И впредь хто кабалу оболживит, и та кабала вершить о суду. А имать кабалам на волных людей.

142

А на полных людей и на старых холопей кабал не имати хто возмет на них кабалу или беглую грамоту, и по тем кре- остям у него денги пропали; а чей то он холоп был, и тот осударь скажет, что он у него убежал, что скажет сносу, то зяти на том, хто, не обыскав, || на чужого холопа кабалу или *л. 57 об.* еглую возмет; и тот холоп старому государю по прежней крепосте.

143

А положат на одного холопа две кабалы полные, и которая удет старие, тому холоп, а по новой кабале у того денги про- али; а снос стараго государя на том же, хто новую кабалу оложил, чево попытает сносу.

144

А холопа рать полонит, а выбежет ис полону, и он свободен, старому государю [1]—не холоп. А похочет тот холоп к своему тарому государю,—[1] и того холопа явить бояром, и дияку под- исывати на старой крепосте. ||

145

л. 58

А которой холоп побѐжит з государем своим, а не рать поло- ит, а выйдет холоп ис которые земли опять на Русь, и он ста- ому государю опеть холоп по старым полным, оприче кого осударь пожалует, даст волную грамоту.

[1]—[1] *Восстановлено по Судебнику 1550 г.*

146

А детей боярских служилых, которые век не служивали, в холопех не бывати, опричь кого государь отставит от службы; и хто сколько денег займет в рост, и тем людем не служити, жити им о собе[1]; и у кого сколко заняли, то им и раздавати. ||

л. 58 об. 147

А кто казаку даст денег взаймы в рост, да того человека станет держати у собя силно, а будет до него недобр, и казак тот, не мога терпити, от него покрадчи збежит, и что у него снесет, то пропало, а по кабале денег лишен.

148

А наймит не доживет до сроку у государя своего и пойдет прочь, а вины на государя не скажет, и он найму лишен; а будет государь учнет его до сроку отсылати, и ему дати наем[2] по
л. 59 розчету; а кой государь не захочет найму дати наймиту, || уличят его в том, и наймит уличит, на том доправить наем втрое.[3]

149

А о землех суд. Взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре ж, или боярин на монастыре, ино судити за 3 годы.

150

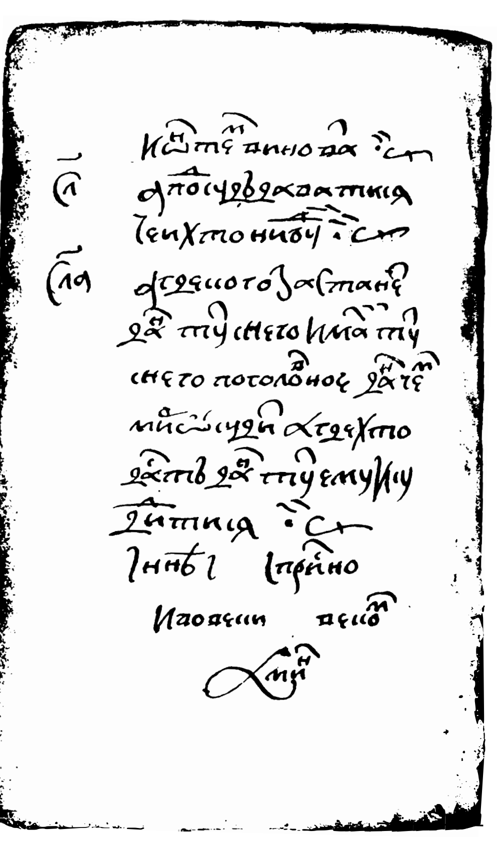
А взыщет крестиянин на крестиянине, ино судити за 3 годы. А крестиянин на земле суда не поставит в 3 годы, и не биет челом о обиде, и ему дале того [4]-не давати.-[4]

151

А в землях судити[5] старожилцы, хто знает межу или преж
л. 59 об. сего ту землю пахивал || и живал. А будет истец или ответчик старожилца оболживят, а своего не поставит, и он тем виноват.

[1] *Отсюда продолжение списка А.* [2] *А доб.* мзда. [3] *А* вдвое. [4-4] *А* суда нет.
[5] *А доб.* сыскивати.

Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 92
(ЦГАДА, собрание Мазурина).



Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 92 об.
(ЦГАДА, собрание Мазурина).

152

А будет истец много в челобитную напишет[1] не по земле, судьям про то сыскати, по земле зря: мошно ли столко убытков инитца; а будет ответчиков повинят, и что на земле сияно, е суд был, или пожня, и то исцу за убытки, а в достале дать д и кресное целование, а челобитной исцеве не верити.

153

А будет старожилцы, став, в речях порознят: ищеин молвит || ищее, а ответчиков по ответчике, ино им не верити, дати цело- л. 60 нье на ответчикову волю: хочет сам поцелует, что земля его, и исцу вирит; а убытки под крест положити и земли отступитца.

154

А молвыт исцев старожил или ответчиков не в его речи, как слался, и его пови[ни]ти в земле и в половине убытков, аще лвыт старожил не в ответчиковы речи.

155

А судиям судити, род и племя || отставя обоих исцев, опри- л. 60 об. іными людми, ково полюбят оба исца.

156

А взыщет на боярине или на монастыре земли царя великаго ізя, ино судити за шесть лет.

157

А по государеву приговору двум судьям на землю не ехати, ехати[2] одному судье, да целовалнику с ним верному, и старосте осному, и людем добрым. А пошлины имать на ищее за боран лтыны, целовальнику 2 денги со обех исцев, а дияку 4 денги ісцев пополам. ||

158 л. 61

А послух придет перед судию правда, и что речи скажет, то ку записати. А имати дияку с правды з головы по 2 денги.

А доб. убытка. [2—2] Восстановлено по списку А.

159

[1] А приедет в деревню новой жилец и захочет землю делити во всу землю, и деревню в полях, наволоках[2], и во всяких землях и угодья делити, [3—]и путики, ино[—3] земля и пожни и угодья и путики повытно, по купчим, и где друг друга умирит, туто умер взяти безубыточно. А с полос назму не вести. А где умерит подворною
л. 61 об. землею, против || тово имати земля любая, где захочет, опричь хмелника и садовые земли.

160

А кой складник захочет на новое место двор ставить или иную хоромину, и ему поставить от далних хоромин в любом месте, где похочет, хотя на хмелник; а отдать ему земля в любом месте, где другой полюбит; а на какову землю наставитце двором или храминою, такова земля и отдати; а сверьх того по любвее

161

л. 62 А хто наездом деревню па||шет, и ему болше трех годов не пахати наездом: любо скупать, либо спродавати с суда и з жеребия; и огород ему по своей выте ставить.

162

А складник у складника в одной деревне наставитце хороминою на подворную землю, и ему земля очистити, снести хоромина; толко другому на то место что ставити; а будет не ставить ничево на то место, и ему земля противо того взяти в любом месте. Новой приговор.

163

л. 62 об. А суд о вотчинах. А хто вотчину || продаст, а будет у купчих в послусех брат, или сестра, или племянник,[4] и детем его и внучятом до тое вотчины век дела нет; а не будет брата,[5] ни племянников, ни родни у купчие в послусех, и дети его и внучята отцеву вотчину выкýпят; а будет тот купец опродаст им назады как ему стоит, и им купити.

---

[1] *А доб.* И о новоприезжих жилцах. [2] *А* и в наволоках. [3—3] *Восстановлено по списку А.* [4] *А доб.* или ближней родитель. [5] *доб.* и сестра.

164

А судити о вотчинах за сорок лет, а дале сорока лет вотчиньником до вотчин дела нет, до купцев детем его и внучятом дела нет. ||

165 *л. 63*

А хто после живота своего отпишет деревню детем, то им водчина ввек. Хто вотчину выкупит в те урочные сорок лет, и та ему водчина держати за собою, а иному ни продати, ни заложити в чюжей род, [1]—а отдать ему в свой род—[1] кому хочет полюбовно.

166

А хто сторонней человек даст денги, а молвит: выкупи свою водчину, а не надобе себе, ино яз в ней живу; а доведет на него продавец, что он скупил чюжыми деньгами, а держит не за собою, ино та деревня[2] первому купцу безденежно, || а у того денги *л. 63 об.*
пропали у стороняго. А станет тот продавец и купец иным людем закладывати, и тем сторонним людем имать та вотчина под заклад, а деньги давать, чево та деревня стоила. А возмет кто сторонней человек, а не вотчичь[3] водчину в заклад болше того цены, чего та вотчина стоит, и хто водчин[ник] учнет бити челом, что закладывает или уже заложил в чюжей род, и тому водчиннику в заклад взяти в меру, чего та водчина стоит;[4] и что тот денги лишек дал взаймы, то у того пропало. ||

167 *л. 64*

А хто водчину променит, а примет денег, и хто водчинник учнет ту водчину выкупати, и ему своя водчина выкупати, а земли ему оставить столко, сколко своея вотчины земли променил.

168

А промеж селы и деревни городити межной огород, где межа придет, пополам. А чиим огородом протрава || учинитца, и про *л. 64 об.*
то сыскати и на нем протрава взяти, чем люди осудят. А протрава до Семена дни, а после Семена дни протравы нет.

1—1 *Восстановлено по списку А.* 2 *А* **вотчина.** 3 *Восстановлено по списку А.* 4 *А* **судит.**

169

А огород ставити около поля 7 жердей добрая, а около гумна
л. 65 9 жердей добрая, а осек ставить 7 хлубин[1] || нарочитая. А чия животина через таков огород пакость сотворит, и, сыскав, на том протрава взяти;[2] а сыскивать сотцкому, да волосному старосте, и ближными суседи.

170

А про тех людей сыскивати накрепко, хто назло огород отво-
л. 65 об. рит и в поле скота напустит, или осек || отворит и выпустит скот за осек; и которая незгода учинитца, и как сыскав того, и на нем гибель взяти, а его бити кнутом, что лихо творит; а будет в поле отворил, и та протрава на нем же взяти, чем люди осудят.

171

л. 66 А где отхожие пашни, и пожни, и огороды, и пожни, || и будет от сел и от деревень на лисе и при реках, и где чья пожня, и будет скот его ходит на той пожне, в кое время ни буди, или на пашне, ему огород ставити половина; а чей чюжей скот ходит, тому другая половина. А будет его скот не ходит, а чия прилегла
л. 66 об. к пашне ораная земля, или чей скот ходит, || тому и городити все. А пору[a] ему скотом не травити; а хто стравит, на том и протрава справити без суда.

172

А хто зорет межу или грань ссечет меж селы и деревни, и уличят его в том, и его бити кнутом, а исцу за грань и за межу взяти рубль.

173

л. 67 А крестиянин у крести||янина в одной деревне межу подорет или перекосит, ино властелю на нем взять за боран два алтына.

174

А у которых сел и деревень есть молоди, и тех молодей прежних выпашей и тех лесов складниками меж собя без делу и без жеребия ни сетчи, ни пахати. А кой складник без делу ||
л. 67 об. молоди высечет и запашет, а иной складник не сек, а выть ему такова ж в хлебе, хоти он и ставил того же лесу.

---

[a] *В списке слово переправлено. Может быть нужно читать:* пару.

[1] *А* гледин. [2] *Здесь конец списка* А.

175

А черной лес пахати в суземке просто, без делу, где не молодь, кто сколко может: то лес вопчей царев и великаго князя.

176

А что за которою деревнею угодья есть, путики || или иное *л. 68*
что, ино про то сыскивати старыми жилцы; и сыщут в которой деревне или в судной приписати, ино далным жилцам, иным деревням, к тем путикам не ходити за чюжые деревни и никотораго угодья угодовати не полюбовно.

177

А где меж деревнями случитца межа, и межа || до осека; а на *л. 68 об.*
осек став, топором шиби, до ка[ки]х мест имет; а дале вопчей лес царев и великаго князя.

178

А крестияном отказыватися из волости в волость, из деревни в деревню один срок в году: за неделю до Егорьева дни и неделя по Егорьеве дни осеннем. А пожи...[a] || подворною платить *л. 69*
подворникам на год 8 алтын по 2 денги, до коего лесу десет верст.

179

А хто за кем живет и пойдет прочь, и он платит пожилое по 8 алтын по 2 денги. А останется у кого рожь в земле, и как от хлеб пожнет, и он с того хлеба даст боран 2 алтыны влателю, да с того же || хлеба даст подать цареву, оброки и всякие *л. 69 об.*
подати, и ему по хлебу дати, да пожилая копна сена, две сажени локтем, одинова топтати, и то взяти тому, кому он деревню продаст.

180

А убиют котораго крестиянина на поле в розбое или в ыном лихом || деле, и выручит его государь, за кем он живет, и пойдет *л. 70*
из за него, ино его выпустити, а по нем порука взяти з записью; и попытают на нем того крестиянина, и он бы был в лицах.

---

[a] *Недописано переписчиком списка.*

181

А которой купец, идучи на торговлю, возмет деньги у ково
л. 70 об. или товар, да на пути у него тот || товар утеряетца безхитросно
истонет, или згорит, или рать или разбой возмет, и бояром
и дияком про то сыскивати и, сыскав, дати царская грамота
с красною печатию по его животом полетную по его животом
л. 71 в колко лет ему платитца, исцу свое имать ему без росту. ||

182

А хто у ково на торговлю возмучи товар или денги или что ни
буди, да тот товар пропиет или безумием потеряет без напрасн
ства, и того человека исцу выдати головою до искупа.

183

А в розбойном деле дадут кому полетную грамоту, и как
л. 71 об. своего розбою доищетца, и в его иску розбой||ников поимают
и у того грамота полетная не в грамоту.

184

А попа и диякона, черньца и черницу, и старую вдовицу,
которые питаютца от церкви божии, ино тех судити святителю

185

А будет поп захочет сам на ком искати какова дела, и судьям
л. 72 его судити; а самому попу || отвечяти перед тем же судиею, хто
на нем ищет чего. А во всяких делех попа и диякона судити
жеребьем, а черньца по тому ж; а в доклад их отсылати к све-
тителю. А будет поп не похочет на доклад к светителю, и ему
в приговор садити десятаго попа да старосту церковнаго и людей
л. 72 об. добрых, || хто ему люб; и после приговору под правеж даватися,
как список приговорят.

186

А дияка и пономаря, крылашан, опричь проскурни, всех судити
земским судиям и меж их управа чинити.

187

А будет учнут крылашане меж собою тягатись в какове деле
л. 73 ни буди, ино их || судити попу, с коим служат; а в суде у них

быти старосте церковному, да целовалнику верному земскому, да волосных людей, коих оба полюбят; и судия их и дело приговорит.

188

А которые люди живут в волосте, а питаютца о собе, не от церкви божии, и тех судити судьям || земским и розправа меж ими чинити, как меж крестияны. *л. 73 об.*

189

А которые торговые люди учнут на монастыре жити, и тех с монастыря ссылати. А на монастыре жити нищим, которые от церкви божии питаютца.

190

А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статки || все и землю дочере; а не будет дочери, ино взяти от ближнего роду от оцева или от материна. *л. 74*

191

А хто при смерти напишет духовную, и попу у духовные седити. А болше рубля безкабалново долгу не писати; да и то писати, коим обычяем дано: что боль говорит, то || писати. И будет боль *л. 74 об.* умрет, и попу взяти сорокоуст и духовная отдати, кому приписано. А будет боль оживет, и попу духовная драти, как минет шесть недиль.

192

А хто дочерь даст замуж, а та дочь его умрет, а останетца детя водчинник, и ему взимков не прошати; а не будет отрод, ино взимки взяти, что давал. ||

193 *л. 75*

А кой человек умрет, а у него дети не останутце з женою, и жене его приданое взяти, а сверх того полетное имати по две гривны на год.

194

А хто купит на торгу что поношено или из лавки, и ему купити с порукою с рядовою; а хто купит без поруки, и тому быти виновату. ||

л. 75 об.

195

А по городам и по волостям, кои около города, лошадь купит где хто или минит, и ему приводить и пятенщикам и пятнати. А пошлины имать с купца денга, с продавца денга.

196

А по волостям и по всей моей государеве земли хто лошадь *л. 76* купит или менит, и тех лошадей не пятнать, || а купить и менить перед третьими людми. А хто в городе купя лошадь или около города, держит[a] ея не пятнав, и уличят его в том, и на том пропятения 2 рубли; а хто поимаетца за ту лошадь, чего с тою лошадью взыщет, доколя ея не запятнав, и на том тот исцев иск *л. 76 об.* взяти без суда. А детем боярским || купленые лошади по тому ж пятнати.

197

А в служебном походе хто у ково купит лошадь, и хто за нея поимаетца, и тому купцу ставить послухов человек 5 или 6 на том, у кого он купил; а запретца тот человек продавец, ино им суд.

198

л. 77 А намесником, и властелем, и тиуном, и пятенщиком || в городех и волостех непродажных доморощоных коней не пятнать. И хто учнет непродажные и доморощеные лошади пятнати, а доведуд на него, и хто на нем чего взыщет в тех лошадех, и ему убытки платить без суда втрое, а в пене что государь укажет.

199

л. 77 об. А которые дела преж || сего Судебника вершены, и тех всех дел не посуживати, быти тем всем делам земляным, в холопстве и во всяких делех по тому, как те дела преж сего верьшены.

200

А впредь всякие дела судити по сему Судебнику, и управы чинити по указу, как государь укажет, с котораго дни уложит. ||

---

[a] *В списке* держати.

201 л. 78

А которые дела будут новые писаны, и как те дела з государева докладу и со всех бояр приговору вершатца, и те бы дела в сем Судебнике не приписываны были.

202

А велити на Москве и по торгом проклинати и во всех городех Московския земли и Наогордцкия, и по волостям, || и по л. 78 об. соборным церквам и по выставочным проклинати, чтобы ищеи и ответчики судиям в суде посулов не давали.

203

А послухи бы, не видев, не послуховали, а видев бы сказывали в правду. А послух, не видев, опослушествует ложно, а сыщут, что он ложно правдал, а на лживом послухе исцева гибель || и убытки, а во лже казнити торговою казнию и бити кнутом. л. 79

204

А взыщет москвитин какова дела на селецких волостелех, и которые сельца Московские земли за уделными князми, ино судити великому князю; а не отвечяет селецкой перед великим князем, и великому князю его повинити. || А взыщет его селец- л. 79 об. кой на селецком, ино их судити их же властелю.

205

А приговорил царь и великий князь. Шлютца с суда ищея и ответчик на мир в обыск, и в обысках многие люди лжут семиями и заговоры великими: иные молвят по исце, а иные по ответчике; и по тем || лживым обыскам дел не вершити, а л. 80 посылати вдругие обыскивати, ино те ж люди говорят иные речи.

206

А ищея или ответчик шлютце на иных в слух, и на иных в видение и в ведомо, а против тово истец или ответчик шлютце в послушество, а отводу не учи[ня]т, и за тем лживым послу-

л. 80 об. шеством || и за обыском дела не вершатца, а иные присужают поля и кресное целование; и в тех бы делех поля не присужали и обысков бы не оставливали, что шлютца в послушество, а послушества бы его доспрашивали, почему он шлетца в послушество; и будет отводу не учинит, || и того повинити.
л. 81

207

А послати на обыск по ищеиным речям или по ответчиковым и с теми людми, на которых слался ищея или ответчик, опричев их родов и заговоров; а велити обыскивати старостам и целовальником, да тем обыском и вершити без поля и без целования. ||

208

л. 81 об.

А которые ищея или ответчик тяжутца перед бояры и во всех приказех, а шлютца в обыску на многие люди безимянно, и в тех делех пошлют бояр обыскивати с Москвы, старостам и целовальникам велеть по обыском и многим людем добрым лутчим князем, и бояром, и всем крестияном, || и архимандритом, и игуменом, и попом, и дияконом, и з городов с посадов лутчим людем обыскивати с лица на лице; и за очи обыскных людей не писати.
л. 82

209

А речи бы свои обыскные люди писали; а которые грамоте не умеют, ино отцы бы их духовные руки свои прикладывали. ||

210

л. 82 об.

А скажут в обыску обыскные люди не одне речи: иные по ищее, а иные по ответчике, и по котором человеке молвят в обыску людей болше, человек пятдесят или шездесят, и по тому болшему правити, а по меншему винити исца или ответчика без поля и без целованья.

211

л. 83 А после того сыскивати, || в котором городе владыка есть, или архимандрит, или игумен, будет где обыскивати, и государь им пришлет о том, чтобы сыскивали и розведывали в правду, которая половина солгала; и тех лживых казнити по приговору, как в розбойных делех.

212

А скажут в обыску поровну, || а половина по ищее, а другая л. 83 об.
по ответчике, и по тем обыском того дела не вершити, а посылати вдругие на обыск, а велити обыскивати старостам, опричь тех людей, иными людми многими про то, которая половина солгала; и на которую половину доведут, что оне солгали, || и ис л. 84
тех людей изо ста человек выбрати прикащиков и лучших хрестиян, человек пять или шесть, бити кнутом, а игуменов, и попов, и дияконов отсылать к светителю; а езд, и волокита, и прогоны правому, что будет убытка в том деле, опричe исцевых исков, то взяти на тех, на коих ложь доведут. А которых || людей по тому л. 84 об.
обыску попытает, и тем людем взяти безчестия вдвое для лжи, чтобы впредь не лгали.

213

А которые люди в одном обыску двои речи говорят, и ис тех людей изо ста выбрати человек пять или шесть, бить кнутом.

214

А пошлутца в суде ищея или ответчик в обыск || из винова- л. 85
таго человек на 5 или на 6, а вирить кому не мочно, и теми людми не обыскивати, а вершити дело по суду, зря по ричям.

215

А пошлетца в суде ищея или ответчик на боярина, или на прикащика, или в волосте на добраго человека, или на целовалника, или на старосту волос||тнаго или на церковнаго, или дияка, л. 85 об.
кому мочно вирити, тое правды спросити: и что скажет, как дело вершити без целования.

216

А будет ищея или ответчик сошлютца на одного человека из виноватаго в слух и в ведомо, и тое правды опросити: и что скажет, так же || как дело вершити без целованья; и хоти правда л. 86
не великим словом не договорит, и тем не винити исца или ответчика.

217

А бояром, и дияком, и всем приказным людем приказывати в своих землех своим хрестияном, чтобы оне в обысках гово-

л. 86 об. рили правду, что знают. || А сыщут, что их хрестияне лгали в обысках, и в том боярем самим быть от государя в опале, а крестиянам быти казненым от государя, как в разбойных делѐх. А заведают бояре и приказные, что хрестияне в обысках не лгали, сказали правду, ино им сказывати государю; дело, сыскав, по тому вершити. ||

л. 87 [1]–218

А старостам и целовальникам татиные дела сыскивать, обыскивати, и разбоиные в правду по государеву крестному целованию, другу не дружити, а недругу не мстить. Да и того им сыскивати накрепко, кто в обысках семьями и заговоры великими говорят неподельно, стакався, и старостам сыскивати, и о тех людех семьях и заговорах отписати царю государю, что семьями говорят в обысках неподельно.

219

А учнут старосты татиные и розбойные дела сыскивати ложно, не по государеву крестному целованию и не по государеву наказу, другу дружити, а недругу мстити, или сыскивати не учнут,
л. 87 об. про те заговоры–[1] || не учнут государю описывати, ино им от государя быти будет казнь [a] без милости.

220

А посылати старостам неделщиков со обысками к Москве и, сыскав, им про всякое дело и руки свои прикладывати; а кои грамоте не умеют, ино отцы бы их духовные руки свои прикла-
л. 88 дывали да, запечятав своими || печатми, прислати к Москве; а в печяте писати старосте свое имя.

221

А досудятца в котором деле до поля, и станет ответчик бити челом, что ему не мочно стоять у поля, чтобы ему присудили целованье, ино поле оставити, а дати кресное целованье на
л. 88 об. ответчикову волю. А учнет || [1]–бити челом истец, что нечем поля поставить, ино его повинити.

---

[a] *В списке* князь.

[1]–[1] *Восстановлено по списку С.*

222

А которому холопу дадут отпускную грамоту с боярского докладу, а у которого старая отпускная, и тем холопам у старого государя не служити; а станет которой холоп служить с отпускною старому государю, и та его отпускная не в отпускную.

223

А дороги с Москвы до Колмогор, куде были преж сего дороги, и ныне бы те дороги были чисты, и через реки перевозы по государеве дороге, а через ручьи мосты вново добрые, где мосты были мимо волости истари. А на которых дорогах мосты не починиваны, и кто еду||чи[1] лошадь истепет или ногу изломит, *л. 89*
и про то сыскати тою волостию накрепко, в которой волосте деетца и коея деревни та земля и мост; на ково [в]зыщут, и на ком исцева гибель доправити без суда по обыску.

224

А где в осень дороги живут, дорога живет по рекам, || и по *л. 89 об.*
той дороге ставить вехи, до кех мест чья земля имет. А хто не ставит по дороге вех, и что над кем учинитца, и то взяти на том весь убыток. А по лесом дорога чистить поперег полторы сажени, и выскиди и поперечной лес высекати. А на ручьях мосты мостити поперег полторы сажени. || А где на проезжжей дороге *л. 90*
заворы, и тут бы были отводы.

225

А хто сусед у суседа в одной деревне какую животину утепет безвинно, лошадь, или корову, или овцу, или куря, или курицу, или какую животину ни буди, и убиет не повинно, извету не положа иным складникам, || и уличят его в том, и какову он жи- *л. 90 об.*
вотину убил, такову ему и отдати или цену, чем люди осудят добрые да чем тот пожалует, у кого он убил. А будет он куря убил петуха, ино на нем взяти сорок алтын, а за курицу две денги.

[1—1] *Восстановлено по списку С.*

226

л. 91 А хто у ково собаку утепет безвинно, дворовую, || или гонную, или лешую, и уличят его в том, что он убил безвинно, и на нем взяти за собаку цена, чем государь тое собаки пожалует. А будет он не учнут миритись, и тому, хто собаку убил, стеретчи двора до ка[ки]х мест такову же собаку скормит; а в том по нем по-
л. 91 об. рука взяти крепкая, чтобы его тати || не покради, чтоб он стерег двора.

227

А кой человек умрет, а у него останутце дети, и захотят оне меж собою делитися, ино колко их братов и сестр, ино им делити живот повытно: дочере та же выть, что сыну. А по отце меж их дел, а по матере меж их делу нет и во веки, и з дядею по отцеву делных нет. ||

л. 92

228

А приговорил царь и великий князь, что по всей моей Руской земли, по городом, и по селом, и по волостем земли без управы не держати ни чясу; а про всякое дело суд давати не лживо.

229

А погонные за беглыми давати и выписи в ыной уезд.
л. 92 об. А хто не даст погонные, а беглому снаровит, || и он тем виноват.

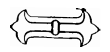
230

А под суд даватися, чей хто ни буди.

231

А где кого застанет дань, тут с него имати, тут с него поголовное дань, чем мир осудит; а где хто даст дань, тут ему и судитися.

И ныне и присно и во веки веком. Аминь.



КОММЕНТАРИЙ

ЗАГОЛОВОК

Одновременно с опубликованием Судебника 1589 г. в исторической литетптуре были высказаны различные предположения о происхождении и знанении этого интересного памятника. Первый издатель Судебника С. К. огоявленский полагал, что он „является проектом, заслушанным царем е его советниками, но не введенным в действие".[1] В. О. Ключевский высказал несколько иную точку зрения — он считал Судебник 1589 г. черновым оектом „переработки Судебника 1550 г., предпринятой вследствие привора 14 июня 1589 г.".[2] Совершенно по-другому оценил Судебник 1589 г. . Ф. Владимирский-Буданов. В специальном исследовании он утверждал, о „памятник, носящий имя Судебника царя Федора Иоанновича, есть мятник литературный, не имеющий никакого официального значения"[3], е., по его мнению, правительство не было причастно к составлению ого Судебника. Исследование внутреннего содержания памятника и его ешней формы привело Владимирского-Буданова к выводу, что Судебник 89 г. „частная работа человека малообразованного из простонародья верной России, который по собственному почину занялся переработкою удебника царя Грозного и указа 1556 г., приписанного к нему, не зна ругих узаконений, вышедших после 1556 г., причем рабски подчинился стеме источников, но зато везде переделал их язык и содержание и иногда понимая источника, искажал его смысл. Зато он присоединяет к законотельным положениям не мало своих собственных, измышленных по собвенному разумению... И в таком виде памятник возбуждает большой торический интерес, как голос из народа конца XVI в. по разным вопром государственной жизни и законодательства, но главнейшее и в высшей

---

[1] С. К. Богоявленский. Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. М., 1900, . XXII.

[2] Там же, стр. XXV, XXVIII (о „приговоре 14 июня" В. О. Ключевский говорит, основаясь на первой фразе введения к Судебнику 1589 г.: царь и великий князь Феодор ванович всеа Росии в лета 7097-ое июня в 14 день приговорил и уложил" и т д.).

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Судебник 1589 г. Его значение и источники. ев, 1902, стр. 65.

степени важное значение он имеет потому, что автор многое взял в свою работу из живого обычного права северной России".[1]

Последующие работы М. М. Богословского, посвященные земскому самоуправлению на русском севере в XVII в., а также две специальные статьи его о Судебнике 1589 г., дали достаточный материал, подтверждающий мнение Владимирского-Буданова о происхождении Судебника 1589 г. в среде северного крестьянства.[2] Богословский считал „вполне и бесспорно установленным, что Судебник 1589 г. возник в северной крестьянской среде, в Поморье, с его не знавшим крепостного права черным крестьянством, с его земским самоуправлением, земским судом, волостной организацией... Составитель Судебника 1589 г., перерабатывая царский Судебник, привносил в свой текст то, что касалось волостного устройства, земского суда, социальных отношений и экономического быта северного крестьянства". Богословский пытался также определить точнее тот район севера, где возник Судебник 1589 г., и пришел к заключению, что этим районом были так называемые Устьянские волости (по верхнему течению р. Ваги и ее притокам Вели и Пежме и р. Устье с ее притоками). А. И. Андреев принимает этот последний вывод Богословского, как бесспорный, и в свою очередь подтверждает его новыми данными, полученными им в результате тщательного исследования двух списков Судебника — Савваитова и Барсова.[3]

Однако следует отметить одно обстоятельство, которое, как нам кажется, ускользнуло от внимания названных исследователей: содержание некоторых статей Судебника 1589 г. не всегда соответствует социально-экономическому облику Устьянских волостей и географическим масштабам их. Богословский отметил, что Устьянские волости — район без города,[4] т. е. такой район, где не было посадского населения, где проживали исключительно сельские (деревенские) жители. В соответствии с этим следовало бы ожидать, что составитель Судебника 1589 г. — сельский житель Устьянских волостей — обратит свое внимание исключительно на жизнь сельского населения. Но в Судебнике 1589 г., наоборот, целый ряд новых, по сравнению с Судебником 1550 г., статей посвящен именно городским посадским жителям. Это статьи „о бесчестии". Составитель Судебника 1589 г. не довольствуется простым списыванием ст. 26 Судебника 1550 г. относительно городских жителей, он развивает положения этой статьи дальше. Например, гости у него разделены на три категории: „гости большие", „середние" и „меньшие", двух последних категорий нет в Судебнике 1550 г. Точно так же

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Судебник 1589 г...., стр. 65.

[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909; т. II, М., 1912. — Он же. К вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1900, декабрь. — Он же. Еще к вопросу о судебнике 1589 г. ЖМНП, 1915, декабрь.

[3] А. И. Андреев. О происхождении и значении Судебника 1589 г., стр. 21.

[4] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 26.

новыми являются статьи 53 и 54, говорящие о бесчестии городскому „человеку доброму“ и „молодчему человеку“ городскому. Следовательно, из статей, определяющих размер штрафа за оскорбление (бесчестие) различных категорий городского населения, 4 новых и 3 взяты из Судебника 1550 г. Подобная, более детально разработанная, чем в Судебнике 1550 г., шкала штрафов за бесчестие для городского населения, не находит оправдания в жизни Устьянских волостей. Статьи о городском населении показывают, что Судебник 1589 г. отражал судебные нормы не устьянского суда, а значительно более обширной области, в которой наряду с сельским населением было значительное городское население: от самых высших торговых чинов Русского государства — гостей всех рангов — до „молодчих“ посадских людей. Такой областью на севере в XVI в. могла быть только Двинская область, имевшая крупные города — такие, как Холмогоры и Архангельск, где группировалось значительное торгово-посадское население.

Укажем еще на одно несоответствие содержания Судебника 1589 г. с действительным положением в Устьянских волостях: на наличие в Судебнике новых статей, относящихся к монастырям, и на полное отсутствие монастырей в Устьянских волостях. Так, в ст. 63 (новой) определяется бесчестие игуменам, монахам и монахиням; о „чернецах“ говорится также в новой статье — 185. Кроме того, в текст Судебника с известной переработкой включаются все статьи Судебника 1550 г. о монастырях. Следовательно, и в статьях о монастырях Судебник отражает действительное положение населения не Устьянских волостей, а более обширной области — области, в которой имеются монастыри. Таким районом могла быть, прежде всего, та же Двинская область. Здесь было 7 местных монастырей, такие как Архангельский, Никольский-Корельский, Антониев-Сийский и другие; крупнейшие монастыри Русского государства — Троице-Сергиевский, Соловецкий и Кирилло-Белозерский — имели на Двине обширные промыслово-вотчинные хозяйства и вели здесь крупную торговлю.

Не соответствует общему облику Устьянских волостей и еще одна новая статья Судебника 1589 г. — 72-я. В ней определяется бесчестие стрельцам, ратным людям, вольным казакам и каменщикам. Вряд ли стрельцы и ратные люди были характерным явлением в Устьянских волостях. И в этой статье Судебник 1589 г. вновь обращается к большим городам, где стояли военные гарнизоны (Архангельск, Холмогоры).

Чем объяснить то, что Судебник, возникший, как доказано, в Устьянских волостях, по содержанию своему отражал положение населения более широкой области — Двинской. Для разрешения этого вопроса следует выяснить — каким образом возник Судебник, что было побудительной причиной к составлению его.

В связи с этими вопросами важное значение приобретает сообщение источников о наличии на Двине уставной грамоты царя Федора. В записи

от 11 февраля 1589 г. о выборе земского судьи Куростровской волости сказано: „Лета 7097 по государеве царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии по уставной грамоте сотник Куростровской волости... пятидесяцкой... десяцкий... да волостные люди... выбрали есмя и излюбили в Куростровской волости судиею Мокея Нечаева сына Пикишева и ему Мокею нас крестьян судити во всяких делех по государеве по уставной грамоте. Выборную писал куростровской церковной дьячек Безсонко Марков лета 7097 февраля в 11 день".[1] Приведенный текст сообщает нам интересное известие о том, что в одной из центральных двинских волостей в феврале 1589 г. (т. е. в тот самый год, которым помечен Судебник царя Федора) имелась уставная грамота Федора, по которой должен был судить волостных крестьян вновь избранный волостной судья.

Возникает вопрос, не является ли упомянутая в куростровском выборном списке грамота уставной грамотой Ивана Грозного, подтвержденной только царем Федором. При разрешении этого вопроса следует учитывать, что от 1556 г. до царствования Бориса Годунова мы не имеем ни одного подтверждения на сохранившихся уставных грамотах. Нам кажется, Шумаков правильно объяснил этот факт. Он пишет: „Если земские учреждения после 1556 г. стали общим правилом, то, естественно, что с этого же времени и на земских грамотах, как и на губных, не бывает подтверждений". Время царя Федора Шумаков считает „временем наибольшего расцвета и силы земских учреждений, и за это время мы действительно не имеем ни одного подтверждения на земских уставных грамотах". Появление подтверждений (со времени Бориса Годунова) Шумаков связывает с тем, что тогда „уже носилось в воздухе сознание несостоятельности земских учреждений и необходимости замены их чем-либо другим".[2] Итак, раз мы не имеем ни одного случая подтверждения царем Федором других уставных грамот, мы можем и в данном случае считать уставную грамоту царя Федора, упомянутую в куростровских столбцах, не подтверждением грамоты царя Ивана Грозного, а новой уставной грамотой. Причем, следует учитывать, что она, выражаясь словами Шумакова, дана в пору „наибольшего расцвета и силы земских учреждений". Поэтому можно полагать, что ее содержание было шире обычных земских грамот, так как отражало нормы земского суда периода наивысшего развития его.[3]

---

[1] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 15.

[2] С. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895, стр. 31.

[3] Есть сведения о том, что земские судьи в Куростровской волости выбирались еще и во время царствования Ивана IV (ЛОИИ, Куростровские столбцы, №№ 7, 8 и 10). Однако можно предполагать, что выбор земских судей проводился нерегулярно. Во всяком случае, в „судимой" грамоте Ивана Грозного 1584 г. по делу о податях и повинностях с деревень Чухченемского монастыря названы земские судьи Чухченемской, Ухтостровской, Ровдогорской и Великокурской волостей, а в Куростровской волости назван лишь сотский.

Хронологическое совпадение наличия уставной грамоты на Двине (по оторой судили) и возникновения Судебника в районе, близком к Двинской бласти, позволяет предполагать, что составитель первоначальной краткой едакции Судебника использовал данную уставную грамоту наряду с друими источниками — Судебником 1550 г. и указом 1556 г. Хотя мы больше ичего не знаем о характере этой уставной грамоты, но по аналогии с друими уставными грамотами можно полагать, что она отражала своеобразные словия волостного суда, бытовавшие в Двинской области в конце XVI в.

Предположение о том, что нормы этой уставной грамоты составитель ереносил в Судебник 1589 г., объясняет полностью факт появления в нем овых, по сравнению с Судебником 1550 г., статей о городском населении, монастырях и о стрельцах. Таким образом, устраняется то недоумение, оторое возникало при предположении, что Судебник отражал нормы суда стьянских волостей. Можно полагать даже, что сам факт пожалования арем Федором уставной грамоты, определявшей суд, явился побудительным олчком к составлению Судебника 1589 г.

Но возникает законный вопрос: могла ли грамота царя Федора, упомяную в источниках, относящихся к территории одной из двинских волостей, пость в Устьянские волости в руки составителя Судебника 1589 г.? (Что судеб ик составлялся именно здесь, для нас кажется вполне возможным). По этому опросу можно высказать лишь ряд предположений. Прежде всего надо учитыать то, что мы не знаем текста упомянутой грамоты, следовательно, мы не наем даты ее (приблизительно ее можно датировать 1584—1589 гг.), а также ого, кому эта грамота (в какой район) была адресована.

Возможно, действие этой грамоты распространялось и на Устьянские олости, выходило за пределы Двинской области. За подобное предполоение говорит, во-первых, то, что в 80-х годах XVI в. оба эти района были лизки как по социальному облику, так и по системе управления. Они ыли районами черного крестьянского землевладения и развитого земского амоуправления. (Известно, что земская уставная грамота на Двину была ана в сентябре 1556 г., а грамота Устьянским волостям датирована 15-м

ледовательно, можно полагать, что земского судьи в этой волости в 1584 г. не было. е было также земского судьи в Курейской волости (ГКЭ, т. I, № 276). Таким образом, конца царствования Ивана IV Куростровская волость, а может быть и некоторые друие двинские волости, выбирали волостных судей нерегулярно, а возможно, и совсем ыли лишены этого права. Как известно, по уставной Двинской грамоте 1556 г. в волости ыбирались лишь сотские, пятидесятские и десятские, т. е. полицейские агенты, обязанные адерживать преступников и приводить их на суд к всеуездным выборным судьям. Регулярый выбор земских судей в двинских волостях наблюдается со времени царя Федора. приведенном выше выборном списке от 11 февраля 1589 г. куростровцы выбирают земкого судью как раз „по уставной грамоте царя Федора". Не было ли одним из важных становлений этой грамоты постановление о выборе земских судей во всех волостях винской области.

октября 1555 г.[1] Кроме того, следует принять во внимание и то, что до 1584 г. северные области (Двина, Вага, Устюг и др.) управлялись единым центральным ведомством — Дворовой четвертью дьяков Арцыбашева и Сумарокова. Только с этого года источники позволяют предполагать, что единая территориальная четверть раскололась на две. Большая часть Поморья отошла к дьяку А. Щелкалову, меньшая к дьяку Д. Петелину (Устюг и Сольвычегодск).[2]

Можно полагать, что Устьянские волости также оставались в ведомстве Андрея Щелкалова. Известно, что грамотой от 2 марта 1583 г. Устьянским волостям предоставлялось право отвозить дань непосредственно в Москву. Этим самым подтверждалась независимость Устьянских волостей от Тотьмы, к которой они были приписаны после отделения их от Устюжского уезда.[3] Какое центральное учреждение ведало тогда Устьянскими волостями? Прямого ответа на этот вопрос в источниках не встречается. Но, рассуждая по аналогии с Вагой, которая в 1586 г. находилась в ведомстве Андрея Щелкалова,[4] полагаем, что и Устьянские волости, граничившие с Вагой, были в четверти того же дьяка. Следовательно, центральное управление как Двинской области, так и Устьянских волостей в первые годы царствования Федора находилось, вероятно, в одной четверти. Общее центральное управление могло выдать и общую уставную грамоту для обеих областей. Эта грамота и была использована составителем Судебника 1589 г. А так как составлялась грамота применительно к условиям более развитой Двинской области с ее городами и крупнейшими монастырями, то в ней несомненно стояли указанные выше статьи о городском населении и монастырях, которые и были перенесены составителем в Судебник 1589 г. Поэтому Судебник по содержанию своему выходит за пределы того захолустного деревенского уголка, каким являются Устьянские волости. Он отражает нормы земских судов обширного района Поморья. Отсюда напрашивается вывод: чтобы правильно истолковать все статьи Судебника 1589 г., надо привлекать, наряду с Устьянскими источниками, источники и других областей нашего Севера.

[1] Уставная грамота Устьянским волостям от 8 сентября 1622 г. очень сходна по содержанию с упомянутой выше уставной грамотой от 15 октября 1555 г. (изменения касаются главным образом оброка). Промежуточных грамот между грамотами 1555 г. и 1622 г., данных специально Устьянским волостям, не имеется (ААЭ, т. I, №№ 243, 250).

[2] П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 354.

[3] М. М. Богословский. Земское самоуправление . . ., т. I, стр. 25.

[4] Об этом узнаем из подтвердительной записи этого дьяка на грамоте Ивана Грозного 1577 г., выданной Клоновскому монастырю на его владения в Важском уезде. В записи, между прочим, сказано. „. . . ни въезжати к ним никому опроче боярина и конюшева Бориса Федоровича Годунова и ево пошлинных людей, для того, что боярину и конюшему Борису Федоровичу Годунову Вага дана в путь. Дьяк Андрей Щелкалов“ (ГКЭ, т. II, № 205). Несмотря на то, что Вага дана „в путь“ Годунову, она продолжала в 1586 г. ведаться в четверти Андрея Щелкалова.

У нас имеется еще одно косвенное доказательство того, что Судебник 1589 г. действовал за пределами Устьянских волостей, а именно в Двинском уезде. Дело в том, что в той рукописи, в которой дошел до нас Музейский список Судебника 1589 г. помещена также уставная грамота от 25 февраля 1552 г., выданная Иваном IV в Двинский уезд, в волости Малую Пинежку, Выю и Суру Поганую.[1] Таким образом, указанная рукопись по содержанию представляет собой юридический сборник, в котором, наряду с Судебниками 1550 г. и 1589 г., помещен важный для волостного суда документ, относящийся к Двинскому уезду. Несомненно, что эта уставная грамота присоединена к Судебнику 1589 г. именно здесь — в Двинской области — а это указывает, что Судебник 1589 г. действовал за пределами Устьянских волостей. Огметим здесь еще одно обстоятельство. Составитель указанного сборника, помещая список с уставной грамоты от 25 февраля 1552 г., разбил, по примеру судебников, текст ее на 32 статьи („главы") и предпослал грамоте оглавление. Причем в начале оглавления объясняется, что разбивка грамоты на статьи произведена „для ради скорого дела досмотру, про кое дело наскоре понадобитца выборным людем и в мир досмотрить". Приведенный текст говорит в весьма живой форме о значении уставной грамоты для выборных должностных лиц в волости, а также и для всего волостного мира. Но это же самое можно сказать и относительно всего указанного юридического сборника — он являлся своеобразным собранием законов для волостных судей. Наличие в составе такого сборника Судебника 1589 г. показывает, что этот Судебник применялся в волостном суде наряду с Судебником 1550 г. и уставными грамотами не только в Устьянских волостях (на что имеются прямые указания), но и в Двинском уезде.

Оценивая Судебник 1589 г., А. И. Андреев, вопреки мнению Владимирского-Буданова, считавшего Судебник царя Федора памятником литературным, о котором центральная власть даже не знала, утверждает, что Судебник был „законодательным (судебным, — *А. К.*) руководством" для земских судей, и что центральное правительство (Устюжская четь) признавало его имеющим законную силу. Последнее очевидно из сообщенного Богословским судебного дела, начавшегося в 1640 г. в волостном суде Введенского стана в Устьянских волостях, в ходе которого тяжущиеся стороны ссылались на две статьи — 159-ю и 174-ю — Судебника 1589 г. в подтверждение своих доводов. Ссылка на Судебник была принята земскими волостными судьями и не была оспорена в Московском приказе ([illegible] Устюжской четверти), куда дело поступило для окончательного решения.[2]

---

[1] Указанную уставную грамоту см. ГИМ, Музейское собрание, № 1915, лл. 94—115.

[2] М. М. Богословский. К вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1905, декабрь, стр. 269 и сл. Правда, в приговоре Устюжской четверти нет упоминания указанных статей; „. . . 149 г. марта в 31 д. дьяк Пантелей Чириков, сего судного дела слушав, при-

Что Судебник 1589 г. применялся при судебных разбирательствах в волостных судах доказывает косвенно и то обстоятельство, что в настоящее время мы располагаем тремя списками этого памятника, которые находятся в рукописях конца XVI в., т. е. времени его возникновения (Мазуринский, Барсовский и список Андреевского). Один список дошел до нас в рукописи середины XVII в. (Музейский). Факт наличия 3 списков в рукописях одного и того же времени позволяет предполагать, что сразу же после выработки Судебника были заготовлены копии с него, которыми и пользовались в своей судебной практике волостные судьи. Такое распространение списков Судебника не могло, конечно, быть инициативой „частного лица" (в этом были заинтересованы прежде всего выборные волостные власти).

В связи с вопросом о происхождении Судебника 1589 г. приобретает особый интерес наличие двух редакций его — краткой и пространной (см. „Введение"). А. И. Андреев, сравнивая краткую редакцию Судебника (по списку Барсова) с пространной редакцией (по списку Мазурина), пришел к выводу, что „список Барсовский является дальнейшим шагом — и по времени и по характеру своему" — в сравнении со списком Мазурина.[1] Иначе говоря, А. И. Андреев полагает, что этот список краткой редакции является результатом переработки пространной редакции Судебника 1589 г. Доказательство более позднего появления краткой редакции, по сравнению с пространной, А. И. Андреев видит в том, что в списке Барсова многие малопонятные или ошибочные места списка Мазурина сформулированы лучше и точнее передают смысл. Кроме того, в списке Барсова имеется ряд новых статей, отсутствующих в списке Мазурина. А. И. Андреев полагает, что они внесены в текст при переработке пространной редакции в краткую.

Однако возникает ряд сомнений в правильности приведенных А. И. Андреевым доказательств более позднего происхождения краткой редакции. Во-первых, общие соображения. Непонятно, зачем была проделана работа по сокращению пространной редакции, если учесть, что результат этой переработки — краткая редакция — была добавлением к Судебнику 1550 г., — к тому законодательному памятнику, который в переработанном виде (т. е. в более приспособленном к условиям волостного суда) входил в ту же самую пространную редакцию, из которой и делались выборки. Такой шаг назад от выработанного уже нового текста Судебника 1589 г. к старому Судебнику 1550 г. нельзя обосновать. Во-вторых, вряд ли воз-

---

говорил по истцову попову Васильеву землю сыскати тутошными и окольными людми и старожильцы, и сотною и письменными крепостьми, которою его землею завладели ответчики" и т. д. (там же, стр. 274). Тот факт, что в приговоре Устюжской чети нет никаких возражений против ссылок на Судебник 1589 г. доказывает, что такие ссылки считались законными.

[1] А. И. Андреев. О происхождении и значении Судебника 1589 г., стр. 21.

можно делать какие-либо выводы только из разночтений списков Барсова и Мазурина, так как сам А. И. Андреев удачно доказал, что составитель списка Барсова имел в своем распоряжении не тот список Судебника, который известен нам под названием списка Мазурина, а другой.[1] В-третьих, сам А. И. Андреев, наряду с удачными редакторскими изменениями Барсовского списка, отметил ряд неудачных, которые не способствуют лучшему пониманию смысла статей. Например, редакция статей 6 и 17 списка Барсова затемняет соответствующие статьи списка Мазурина. В-четвертых, примечательно, что составитель списка Барсова, как указывает А. И. Андреев, не включил в краткую редакцию „многие статьи Судебника 1550 г., подвергшиеся изменению и дополнению в Мазуринском списке, с точки зрения приспособления их к условиям северной жизни[2] (статьи 7, 10, 74, 75, 89, 105, 106, 156, 178, 179 и др.).

А это вызывает недоуменный вопрос, почему составитель краткой редакции, выбирая из пространной редакции статьи, относящиеся к волостной жизни, не включил в свой текст целый ряд статей пространной редакции, являющихся переработкой статей Судебника 1550 г., хотя они и подходили к условиям северной жизни. Более того, две новые статьи списка Мазурина, 152-я и 153-я, не имеющиеся в Судебнике 1550 г., не попали совсем в краткую редакцию. Если считать, что краткая редакция явилась результатом выборки статей из пространной, то этот пропуск совершенно необъясним. Дело в том, что две пропущенные статьи являются по содержанию логическим развитием статей 151 и 154. А они обе включены в краткую редакцию! Чем объяснить, что составитель со 151-й статьи перескочил на 154-ю, опустив две промежуточные статьи, логически с ними связанные.

Все эти пропуски краткой редакции (списка Барсова), по сравнению с пространной редакцией (списка Мазурина), получают удовлетворительное объяснение, если сделать обратный вывод о более раннем появлении краткой редакции (чем пространной), а именно, что до возникновения пространной редакции Судебника 1589 г. краткая редакция была цельным текстом, специально составленным для добавления к Судебнику 1550 г. На это прямо указывается в заголовке краткой редакции. Так, в Музейском списке (краткая редакция) перед оглавлением значится: „Новой приговор царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Росии под прежние главы", а в Барсовском списке заголовок гласит, что царь Федор „приговорил и уложил сей Судебник со отцем своим духовным... новые сии главы к прежнему же уложенью".[3] Из приведенных текстов очевидно, что составитель разумел Судебник 1589 г. краткой редакции как добавление „к преж-

[1] А. И. Андреев. О происхождении и значении Судебника 1589 г., стр. 14.
[2] Там же, стр. 9.
[3] А. И. Андреев. Судебник 1589 г. и его списки, стр. 210.

нему уложенью“, „под прежние главы“, т. е. к Судебнику 1550 г. То обстоятельство, что составитель краткой редакции писал свои добавления к „главам“ — статьям Судебника 1550 г. по порядку, начиная с первой, определило и порядок статей краткой редакции — он соответствует (по содержанию) порядку статей в Судебнике 1550 г. О том, что краткая редакция была первоначально добавлением к Судебнику 1550 г., косвенно говорит и то, что оба списка краткой редакции, имеющиеся в нашем распоряжении, находятся в рукописях после списков Судебника 1550 г., являясь дополнением к нему. Причем в тексте краткой редакции сделаны ссылки на статьи Судебника 1550 г. там, где составитель не считал нужным переписывать заново ту или иную часть статьи Судебника 1550 г. (см. „Введение“). Ссылки производились чрезвычайно тщательно, на что указывает список Барсова, где нумерация статей Судебника 1550 г. передвинута на один номер; однако ссылки сделаны точно — именно на этот Судебник с перепутанными номерами статей. Точность ссылок на Судебник, нам кажется, указывает на то, что первоначально именно в таком виде (Судебник 1550 г. плюс краткая редакция) этот законодательный памятник применялся в волостном суде. Доказательством этого является также тот факт, что в рукописи, в которой дошел до нас Музейский список краткой редакции, сначала помещено оглавление к Судебнику 1550 г., потом следует оглавление к Судебнику 1589 г., а затем уже идут тексты Судебника 1550 г. и 1589 г. Причем, последний начинается на обороте того листа, на котором кончается Судебник 1550 г. То, что оглавления к обоим судебникам следуют одно за другим, впереди текстов этих судебников, указывает, что краткая редакция Судебника 1589 г. рассматривалась первоначально как добавление к Судебнику 1550 г. и применялась в волостном суде в соединении с ним. Соединение краткой редакции с Судебником 1550 г., т. е. пространная редакция, является, видимо, вторым этапом в истории текста Судебника 1589 г. На этом этапе составитель включил все новые статьи краткой редакции в общий ряд статей царского Судебника, поставил на свое место видоизмененные статьи, и произвел изменения почти всех остальных статей Судебника 1550 г. в смысле приспособления их к условиям жизни северных волостей.

Приемы органического включения текста краткой редакции в Судебник 1550 г. подтверждают также наше предположение о том, что сначала была составлена краткая редакция. Приведем несколько примеров.

Прежде всего, значительные добавления наблюдаем в тексте предисловия к пространной редакции по сравнению с предисловием к краткой редакции. Причем характер этих добавлений позволяет предполагать, что именно введение к краткой редакции Судебника 1589 г. было написано раньше и расширено при составлении пространной редакции. Так, составитель последней отбросил из предисловия краткой редакции все указания на характер ее как добавления к Судебнику 1550 г., совершенно излишние

в задуманной им работе, которая представляла собой переработку всего Судебника 1550 г. в целом в духе положений, сформулированных ранее в краткой редакции. В текст предисловия к пространной редакции, следовательно, не попали: 1) заключительная фраза предисловия к краткой редакции: „...новые главы к прежнему же уложенью“; 2) первая фраза: „Государева Судебника новой приговор“ — эти фразы не соответствовали характеру нового памятника, каким является Судебник 1589 г. в пространной редакции. Но вместо этого составитель пространной редакции дополнил введение краткой редакции новым текстом, в котором говорится, что впредь следует судить как в центральном суде, так и в волостном („и по волостем земским судьям“) „по сему Судебнику“. Это добавление находится в полном соответствии с содержанием Судебника 1589 г. в пространной редакции, значительно более широким, чем содержание краткой редакции его. Работая над предисловием, составитель изменяет неудачные выражения краткой редакции. Так, выражение „селенский собор“ читается в пространной более правильно: „вселенский собор“. Фраза краткой редакции: „... уложыл сей Судебник со отцем своим духовным святейшим московским Иовом патриархом“, сформулирована более удачно в пространной: „... уложил сей Судебник соотцем своим духовным патреярхом московским Иевом“. Эти примеры показывают, что текст введения краткой редакции перерабатывался при составлении введения к пространной редакции.

Такие же наблюдения можно сделать на примере ст. 1 пространной редакции. Статья 1 пространной редакции представляет собой механическое соединение первой фразы ст. 1 Судебника 1550 г. с текстом ст. 1 краткой редакции, которая, как известно, начиналась со слов: „А на суде друг другу не дружить, а недругу не мстить...“ Ниже мы пытаемся доказать, что эта статья в краткую редакцию попала из уставной грамоты. Если это так, то намечаются следующие этапы развития текста ст. 1: уставная грамота, краткая редакция, пространная редакция. А если предполагать, что краткая редакция возникла позднее из пространной, то необъяснимо, почему из ст. 1 пространной редакции взята в краткую редакцию только вторая часть и отброшена первая часть, где как раз упомянуты те земские судьи, для которых прежде всего и составлялся Судебник 1589 г. К такому же заключению о соотношении редакций Судебника приводит сравнение ст. 4 пространной редакции со ст. 2 краткой редакции.

Более точная, на наш взгляд, формулировка ст. 4 пространной редакции по сравнению со ст. 2 краткой говорит о работе составителя пространной редакции над текстом краткой. Отметим такую деталь: выражение краткой „без судецкого ведома“ заменено в пространной правильным „без судьина ведома“.

Точно так же статья 94 пространной редакции представляет собой переработку текста ст. 8 краткой, а не наоборот. При сравнении

статей очевидно, что источником дополнений текста краткой редакции в данном случае была статья 45 Судебника 1550 г. Размер „хоженого“ недельщику определяется тот же, что и в ст. 45; из этой же статьи взято постановление, запрещающее недельщикам и доводчикам брать „поминки“ и „поклонное“ от поруки. Ясно, что соединение текста ст. 45 Судебника 1550 г. с текстом ст. 8 краткой редакции было произведено на втором этапе работы — при составлении пространной редакции. Последняя фраза ст. 94 взята почти дословно из Судебника 1550 г.: „А езд им имать до котораго города по указу, а на правду вдвое“. Эта фраза вполне законна в пространной редакции (так как здесь далее, в ст. 95 определяется именно размер езда до различных городов Русского государства) и была бы совершенно излишней в тексте ст. 8 краткой редакции, в которой статья о езде отсутствует.

Составитель пространной редакции не только дополнял текст краткой, но и по-иному делил его на статьи. Например, текст статей 18 и 19, ошибочно разделенный в краткой (так как в обеих статьях определяется порядок передела земли в деревне в связи с новоприезжими жильцами), в пространной составил одну статью — 159-ю. Правда, это единственный пример соединения двух статей краткой редакции в одну статью пространной. Наоборот, многочисленны примеры дробления одной статьи краткой редакции в целый ряд статей пространной.

Пример переработки ст. 17 краткой редакции интересен так же в этом отношении. Текст данной статьи образует семь статей пространной редакции: 149, 150, 151, 154, 155, 157, 158, и мы видим, что между этими статьями, текстуально сходными со ст. 17, вставлены новые статьи 152, 153 и 156. Составитель пространной редакции нашел нужным сделать эти добавления, которые по содержанию развивают дальше сюжеты, разбираемые в ст. 17. Статья 149 является повторением первой фразы ст. 84 Судебника 1550 г. Статья 150 представляет собой уже коренную переработку текста ст. 84. Составитель в ст. 150 развивает лишь одно положение Судебника 1550 г. — „... а взыщет черной на черном“ („А взыщет крестиянин на крестиянине“ — как читается это в ст. 150), и отбрасывает весь текст относительно исков: „черного... на помещике“ и „помещика... на черном“. Раскрывая ссылку ст. 17 краткой редакции: „А о землях суд — писано назади в 84 главе“, составитель пространной редакции (ст. 150) совершенно изменяет текст ст. 84. Следовательно, в пространной редакции дан текст не тот, на который ссылался составитель краткой редакции, и это не единичный случай (об этом см. ниже). Статья 151 есть повторение текста ст. 17 краткой редакции. В ней говорится о привлечении старожильцев в качестве свидетелей при решении судебных дел о земле. Следующая, 152, статья является новым (по сравнению с краткой редакцией) добавлением: в ней определяется порядок выявления убытков, связанных с тем, что оспариваемая земля была засеяна. Статья 153, также

новая, говорит о случае, когда старожильцы обеих сторон „в речах порознят“, т. е. дадут несходные показания. Но следующая, 154, статья дословно передает опять текст ст. 17 и разбирает случай, когда старожильцы не подтверждают показания (не „молвят... в речи“) сторон, которые их выставили. Мы видим, что вставленные вновь статьи развивают сюжеты статей 151 и 154, взятых из краткой редакции. Следующая, 155, статья воспроизводит также текст ст. 17. В ней определяется, что старожильцы должны быть из „опричных людей“, а не из „рода и племени“ спорящих. После этой статьи неожиданно появляется статья 156, являющаяся воспроизведением третьей части ст. 84 Судебника 1550 г. и отсутствующая в краткой редакции. Следующая, 157, статья составлена из текста ст. 17 (конец статьи со слов: „А пошлины имать“) и добавления нового текста (начало статьи), в котором развивается положение ст. 84 Судебника 1550 г.: „...а дву судей на землю не посылати“. Это добавление нового текста в ст. 157 к тексту, взятому из краткой редакции, произведено, конечно, при составлении пространной редакции, когда текст краткой редакции был соединен с переработанными статьями Судебника 1550 г. Следующая, 158, статья является воспроизведением заключительной части ст. 17. Итак, пример переработки этой статьи краткой редакции в ряд статей пространной редакции доказывает с очевидностью, что краткая редакция предшествовала пространной.

Отметим еще одно обстоятельство. На примере переработки ст. 17 краткой редакции мы уже видели, что ссылка, имевшаяся здесь на статью Судебника 1550 г., заменяется включением самой этой статьи, но в переработанном виде, в текст пространной редакции. То же наблюдается во всех случаях, когда в краткой редакции имеются подобные ссылки. Например, в ст. 9 краткой редакции после ее текста: „А приведут кого с поличным впервые с узлом и доведут его поличным, и на нем доправити тритцать рублев узлового в государеву казну; а не доведут на него поличным, ино того исца привотчика бити кнутьем да и бесщестье на нем взяти на того, кого полишнил; а того татя судить и послать про него обыскать...“ — добавлено: „...и про то писано назади в 52 главе“. Составитель пространной редакции (ст. 103), переписав весь выше приведенный текст краткой редакции, который развивает лишь первую фразу ст. 52 Судебника 1550 г. („А приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати“), добавляет, следуя ссылке краткой редакции, всю остальную часть ст. 52, в которой определяется, как поступать при том или ином результате обыска. Причем, переписывая этот текст из Судебника 1550 г., составитель вносит в него важное добавление, определяющее силу пытки числом ударов кнута (100 ударов). Мы видим, что составитель краткой редакции сослался на ст. 52, а составитель пространной редакции внес изменения в текст этой статьи. Если бы статья 9 (краткой редакции) была

выборкой из ст. 103 пространной редакции, такая ссылка на Судебник 1550 г. была бы невозможна, ибо текст пространной редакции не сходен с текстом ст. 52 Судебника 1550 г., и составитель не мог бы этого не заметить. Следовательно, переделка текста Судебника 1550 г. была произведена после того, как составитель краткой редакции на нее сослался, т. е. статья 103 пространной редакции написана позднее ст. 9 краткой редакции, а не наоборот, как полагает А. И. Андреев. Это подтверждается неопровержимо сравнением текста оглавления к той и другой статье (к 9-й — „А приведут кого с полишным первые", к 103-й — „А приведут кого с поличным впервые с узлом, и колко ударов"), т. е. изменения текста Судебника 1550 г. нашли отражение в заголовке, где как раз и подчеркивается важное нововведение Судебника 1589 г. по сравнению с Судебником 1550 г. (пытка — 100 ударов кнутом). Очевидно, что составитель краткой редакции еще не знал этого новшества и поэтому сослался на Судебник 1550 г.

Точно такое же явление наблюдаем почти во всех случаях, когда в пространную редакцию включается статья краткой, имеющая ссылки на Судебник 1550 г. Та статья, на которую краткая редакция ссылается, включается обычно в пространную редакцию с очень значительными изменениями не только по форме, но и по содержанию.

Так, в ст. 10 краткой редакции есть ссылка: „А на кого взмолвят дети боярские или крестьяне добрые, про то писано назади в 58 главе". Статья 58 Судебника 1550 г. соответствует ст. 110 пространной редакции Судебника 1589 г. (см. комментарий к ст. 110), хотя и очень отличается как по форме, так и по содержанию от последней. Текст же ст. 10 краткой редакции составляет здесь ст. 111, но включен в ст. 111 также не целиком, а с изменениями. Заменена первая фраза ст. 10 „А кои люди взмолвили, и на тех на всех дати суд тому, на кого взмолвили...", другой фразой: „А на тех на 10 или на 20 человек дати суд", которая и открывает ст. 111. Это изменение легко объяснимо. Составитель краткой редакции начал ст. 10 с приведенной выше фразы, так как он мыслил впереди своего текста, в одной статье, еще текст ст. 58 Судебника 1550 г. (на которую он и сослался). Таким образом, начальная фраза ст. 10: играла роль связующего предложения между текстом Судебника 1550 г. и новым текстом краткой редакции. Другое положение создалось, когда составитель пространной редакции переработал ст. 58 Судебника 1550 г. в отдельную статью — 110-ю, а ст. 10 краткой редакции в отдельную ст. — 111-ю. В этом случае он не мог принять старое начало ст. 10 (мыслившейся как продолжение текста ст. 58 Судебника 1550 г.) и заменил его более подходящей для начала отдельной статьи фразой. Этот пример опять показывает, что ссылки составителя краткой редакции на статьи Судебника 1550 г. означают, что он не знал еще переработки этого Судебника в пространную редакцию. Изменения текста

нашли отражение и в оглавлении. Статья 10 озаглавлена: „А на кого взмолвят дети боярские или крестьяне добрые", статья 111 — „А на тех 10, 15 и 20 дати суд, на кого неподелно молвили".

Сопоставление ст. 22 краткой редакции со ст. 166 пространной также доказывает, что первая предшествовала второй. Вся статья 22 — почти дословное повторение части текста ст. 85 Судебника 1550 г.: „А хто возмет сторонней человек, не вотчинник, вотчину в закладе больши того цены, чево та вотчина стоит, а кто вотчинник учнет бити челом, что закладывает или уже заложил, о том писано назади в 85 главе". Следуя этой ссылке, составитель пространной редакции, переписав текст краткой, выписал в ст. 166 весь надлежащий текст Судебника 1550 г. Но этим он не ограничился. Статья 166 содержит еще в значительной переработке ту часть текста ст. 85, в котором говорится о случае, когда сторонний человек дает деньги для выкупа вотчины, именуемой здесь „деревней". Слияние отдельной статьи краткой редакции с переработанным текстом Судебника 1550 г. могло произойти только при втором этапе работы над текстом краткой редакции и Судебника 1550 г.

В ст. 23 краткой редакции об огородах и потраве имеется также ссылка на ст. 87. И опять в ст. 168 пространной редакции текст ст. 87 подвергся изменению.

Итак, факт ссылок в краткой редакции на статьи Судебника 1550 г. является веским доводом за то, что краткая редакция появилась раньше, чем пространная, ибо составитель краткой редакции ссылался именно на те статьи Судебника 1550 г., которые подверглись переработке в пространной редакции. Нельзя представить себе такое положение (которое неизбежно должно было бы создаваться, если бы краткая редакция была лишь выборкой отдельных статей из пространной), чтобы составитель краткой редакции, выбирая тот или иной текст из пространной редакции, делал ссылки на те статьи Судебника 1550 г., которые уже подверглись переработке, приближавшей обычно нормы Судебника 1550 г. к нормам статей краткой редакции. В таком случае ссылка на текст Судебника 1550 г. была бы шагом назад, была бы абсурдом. Отсюда вытекает неизбежный вывод, что составитель краткой редакции не знал текста пространной редакции, что краткая редакция возникла ранее пространной.

Ссылки в краткой редакции на статьи Судебника 1550 г. вполне законны, потому что она была добавлением к этому Судебнику. Но как объяснить появление этих ссылок? На этот вопрос можно ответить лишь предположительно. Вероятно, тот документ, который явился источником краткой редакции (уставная грамота), имел в своем тексте целый ряд мест, совпадающих с текстом Судебника.

Эти совпадающие тексты составитель не выписывал в свой памятник, а лишь делал ссылки на соответствующие статьи Судебника. Правда,

в некоторых статьях краткой редакции все же сохранились чтения, дословно совпадающие с Судебником 1550 г. (статьи 22, 31, 32, 34 и т. д.).

Кроме того, если краткая редакция предшествовала пространной, то возникает вопрос — почему при переработке первой во вторую составитель пропустил две статьи (не говоря уже о пропуске и замене отдельных слов и выражений): пропущена часть текста ст. 7 краткой редакции относительно размера бесчестия зернщикам, кабацким ярыжкам и бражникам кабацким. Этот пропуск можно объяснить тем, что составителя смутила неопределенность терминологии этого текста. В самом деле, кто такой бражник кабацкий или зернщик (азартный игрок)? Он мог быть кем угодно: и крестьянином, и городским человеком любого ранга. Но ведь бесчестие этим людям уже было определено выше. Видимо поэтому-то составитель пространной редакции и опустил этот текст. Не включено также в пространную редакцию постановление краткой о бесчестии „походному скомороху". Составитель пространной редакции, взяв из краткой текст, определяющий бесчестие „описным" и „неописным" скоморохам, посчитал, вероятно, излишним выделение в отношении бесчестия еще одной группы скоморохов. Целиком опущена статья 53 краткой редакции („о изьедистой лихой собаке"). В ней говорилось об ответственности хозяина собаки в случае если она кого-либо искусает. Составитель пространной редакции опустил ее или ошибочно или потому, что нашел это установление второстепенным.

Особое место занимает вопрос о ст. 30 краткой редакции. В ней определяется размер копны сена: „А сена мерная копна две сажени с локтем, а печатная сажень ручная с локтем да два перста поперек". Эта статья в очень сокращенном виде включена в текст ст. 179 пространной редакции, которая является переработкой ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе в духе приспособления ее к условиям жизни северного черного крестьянства. По этой статье крестьянин, продавший свой участок, обязан передать новому деревенскому жильцу, между прочим, „пожилую" копну сена, „две сажени с локтем, одинова топтати". Мы видим, что текст ст. 30 сокращен и изменен. В частности выражение „мерная копна" сена совсем не было включено в текст ст. 179. Тем не менее статья 179 озаглавлена „А хто за кем живет год; и какова мерная копна сена". Слова оглавления „мерная копна сена" составитель несомненно взял из начальной фразы ст. 30, т. е. часть текста этой статьи была включена в ст. 179 пространной редакции, а часть в оглавление ее. Такое разделение текста одной статьи краткой редакции между статьей и оглавлением в пространной подтверждает также, что краткая редакция появилась раньше пространной.

Теперь нам следует попытаться выяснить вопрос об источниках Судебника 1589 г.

Обычно указывается, что источниками Судебника 1589 г. являются Судебник 1550 г., указ 1556 г. и обычное право, т. е. те нормы суда,

Уставная земская грамота пинежанам от 25 февраля 1552 г. Начало оглавления (ГИМ, Музейское собрание, № 1915, л. 94).

Уставная земская грамота пинежанам от 25 февраля 1552 г. Начало текста (ГИМ, Музейское собрание, № 1915, л. 97).

которые бытовали в среде волостного крестьянства Севера. Но раз мы утверждаем, что краткая редакция появилась раньше пространной и что первая была включена во вторую, мы должны прежде всего выяснить источники именно краткой редакции. При изучении текста краткой редакции выясняется, что большинство статей ее не имеют аналогии ни в Судебнике 1550 г., ни в указе 1556 г. Они формулируют так называемое „обычное право“. Но возникает вопрос: не были ли эти нормы обычного права зафиксированы в каком-либо правительственном документе прежде, чем они были включены в краткую редакцию Судебника. Если бы составитель нашего Судебника все статьи, излагающие нормы обычного права, сформулировал сам, то мог ли бы он назвать свою работу „Государева Судебника новой приговор“, как это обозначено в начале списков Барсова и Музейского. Думаем, что нет. Вероятно, новые статьи краткой редакции, отражающие нормы обычного права, в основе своей взяты составителем также из официального документа — из той уставной грамоты царя Федора, которая упомянута в выборном списке Куростровской волости 1589 г. (см. стр. 420). Анализ краткой редакции позволяет выявить следы уставной грамоты в тексте Судебника. Так как уставная грамота царя Федора не сохранилась, то мы вынуждены сравнивать текст Судебника с более ранними или с более поздними уставными грамотами, полагая, что грамота царя Федора составлялась с учетом общего формуляра уставных грамот.

Влияние уставной грамоты на составителя Судебника 1589 г. (краткой редакции) можно усмотреть в тексте ст. 1. Она не только читается совершенно по-другому, чем статья 1 Судебника 1550 г., но и не соответствует ее содержанию: „А на суде друг другу не дружить, а недругу не мстить посулов не имати в суде. А на том велети судьям крест целовати в том, что посулов не имати, а судити в правду истинную“. Мы видим, во-первых, что в ней нет той части ст. 1 Судебника 1550 г., где перечисляются судьи. Во-вторых, в ст. 1 краткой редакции есть важное постановление о присяге судей, которого нет в ст. 1 Судебника 1550 г.

Составитель не мог заимствовать ст. 1 из Судебника 1550 г., но зато он мог ее взять из уставной грамоты. Именно в уставных грамотах вводится присяга земских судей. Так, в уставной Двинской грамоте 1556 г. читаем постановление о присылке судей в Москву к дьяку, и „дьяк наш тех... судей приводит ко крестному целованию на том, что им судити и во всяких делех меж крестьян управа чинити вправду, по нашему крестному целованию, и посулов и поминков не имати ничего ни у кого“.[1] В другой уставной грамоте — крестьянам Усецких и Заецких волостей Устюжского уезда — сказано: „А другу им и роду своему и племяни в суде не норовити, а недругу не мстити, и посулов и поминков не имати“.[2] Статья 1 краткой редакции не только

[1] ААЭ, т. I, № 250.
[2] Там же, № 243.

по содержанию, но и по форме близка к приведенным местам уставных грамот (там и здесь наряду с посулами упоминаются поминки, там и здесь говорится о присяге судей).

Следы уставной грамоты можно усмотреть также в заключительной фразе статей 24 и 30 пространной редакции. Здесь говорится о случаях, когда то или иное дело нельзя разрешить в волостном суде: „А в чем не мочно управы учинити меж исцами в какове деле ни буди, ино исцов за судным списком строчити к нам к Москве". Личная форма „к нам" и общее построение фразы сходно с формуляром грамот и именно уставных земских грамот. Например в судной грамоте Устюжны Железопольской 1614 г. говорится: „А в которых будет делех (судьям) управы чинити не мочно, и они суда своего списки, обоих исцов присылают к докладу к нам, к Москве".[1]

Некоторые нормы Судебника 1589 г. в краткой редакции соответствуют нормам уставных грамот. Так, содержание ст. 3 краткой редакции сходно с постановлениями земской судной грамоты Луцкой Пермцы от 3 октября 1615 г., повторяющей грамоту Ивана Грозного.[2] В ст. 3 устанавливается 15-летний срок давности кабалы и пятигодичный рост. В указанной грамоте читаем: „которые люди учнут перед судьями перед целовалники искати по старым кабалам, а писаны будет те кабалы с тех мест, как перед судьями и перед целовальники положат, больши пятинадцати лет, и судьям и целовальником по тем кабалам отказывати и суда им и управы не давати... а рост бы всяким людем указывали по кабалам, которые были кабалы писаны с тех мест, как в суд положат за пять лет или менши и которые кабалы писаны с тех мест дале пяти лет, а рост будет в них хотя и написан и по тем кабалам росту дале пяти лет на ответчикех не указывати".[3] Мы видим, что нормы Судебника соответствуют нормам грамоты.

Приведем еще один пример. Многочисленные статьи о бесчестии в Судебнике 1589 г. расширяют значительно шкалу размеров бесчестия Судебника 1550 г. за счет включения новых категорий населения. Выдумать эти новые нормы бесчестия составитель, конечно, не мог — он взял их из официального источника, вероятно, из той же уставной грамоты.[4] В связи

---

[1] ААЭ, т. III, № 36.

[2] Грамота опубликована С. Б. Веселовским (Чтения ОИДР, кн. I, 1907, Смесь, тр. 40—47), разобрана С. Шумаковым (Новые губные и земские грамоты. ЖМНП, 1909, № 10, стр. 392—411).

[3] С. Шумаков. Новые губные и земские грамоты, стр. 399—400.

[4] Характерно, что некоторые постановления Судебника 1589 г. о бесчестии близки к постановлениям Уложения о бесчестии. Так, в главе X, § 94, бесчестие людям гостинной сотни 1-й статьи устанавливается в размере 20 р. (т. е. столько же, сколько в Судебнике гостям „середним"), людям суконной сотни 1-й статьи 15 р., т. е. в размере, близком к бесчестию гостя „меньшого" в Судебнике 1589 г.

с этим отметим, что в сохранившихся судных грамотах включается пункт о бесчестии, правда текстуально сходный со ст. 26 Судебника 1550 г.[1] Формуляр судных грамот несомненно был использован также при составлении уставной грамоты царя Федора. Только здесь шкала бесчестия была более подробно разработана применительно к условиям той области, куда эта грамота давалась.

Формуляр уставной грамоты сказывается в известной мере в тексте предисловия к Судебнику 1589 г. Начинается предисловие в третьем лице: „Царь... приговорил и уложил"; в середине говорится уже от первого лица: „...вперёдь суд судити... по городом... и по волостем... и по всей моей государеве Руской земли". Анализируя это место Владимирский-Буданов отмечает: „...таким образом, текст переходит в форму грамот, а не законов".[2] Это становится вполне объяснимым, если учесть, что одним из источников Судебника 1589 г. была уставная грамота царя Федора.

Следует, однако, отметить, что приведенный текст из предисловия находится только в начале пространной редакции Судебника 1589 г. и отсутствует в предисловии к краткой редакции. Выше было уже указано, что составитель пространной редакции, включая в свой текст краткую редакцию, произвел значительные добавления во вводной части ее. Текстологическое сходство этих добавлений с формуляром грамот позволяет предполагать, что и при составлении пространной редакции (по крайней мере текста предисловия к ней) была использована вновь уставная грамота царя Федора.

Выяснить, какую работу над текстом уставной грамоты проделал составитель краткой редакции, чрезвычайно трудно. Вероятно, он вносил некоторые добавления к ее тексту, которые отражали те или иные условия волостной жизни. Несомненно также, что частично текст грамоты (вводная и заключительная части) им опущен как неподходящий к тому Судебнику, который он составлял. Очевидным результатом работы составителя является разбивка текста уставной грамоты на статьи. Можно сказать, что составитель краткой редакции проделал над текстом уставной грамоты примерно то же, что проделано было каким-то волостным юристом с уставной грамотой крестьянам волостей Малой Пинежки, Выйской и Суры Поганой от 25 февраля 1552 г. Последняя также разбита на статьи и к ней дано — по типу судебников — оглавление (см. фотографии на стр. 432).

Выше было уже сказано, что все исследователи одним из источников Судебника 1589 г. считают Судебник 1550 г. И это справедливо, но справед-

[1] Пункт о бесчестии есть в судной грамоте царских подклетных сел крестьянам 1556 г. (АИ, т. I, № 165), в судной грамоте князя Владимира Андреевича крестьянам замосковной Волхонской волости бобровничьей полусохи 1561 г. (ААЭ, т. I, № 257), в судной грамоте Устюжны Железопольской 1614 г. (ААЭ, т. III, № 36).

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Судебник 1589 г..., стр. 4.

живо лишь в отношении пространной редакции Судебника 1589 г. На вопрос же, был ли Судебник 1550 г. источником при составлении краткой редакции Судебника 1589 г., следует, на наш взгляд, ответить отрицательно. Несомненно, что составитель краткой редакции наряду с уставной грамотой имел под рукой и Судебник 1550 г. Об этом говорят имеющиеся в краткой редакции (в статьях 7, 9, 10, 11, 16, 17, 22, 23, 32) ссылки на восемь статей Судебника (на статьи 26, 52, 58, 83, 84, 85, 86, 91). Выше мы высказали предположение, что эти ссылки можно объяснить наличием в источнике краткой редакции (в уставной грамоте) текстов, совпадающих с текстом Судебника. Такое предположение вполне законно, так как отдельные статьи Судебника 1550 г. частично или полностью встречаются в значительном количестве в дошедших до нас уставных земских грамотах.[1] С помощью ссылок на статьи Судебника 1550 г. составитель краткой редакции в своей работе по дополнению Судебника 1550 г. нормами, содержавшимися в уставной грамоте, избегал повторений и брал из уставной грамоты только то, что было новым по сравнению с Судебником. Ссылки на Судебник 1550 г. в девяти статьях краткой редакции доказывают неопровержимо, что при составлении этих девяти статей источником явился не Судебник 1550 г. Ссылка предполагает, что текст Судебника 1550 г. мыслился в составе каждой из девяти статей краткой редакции, хотя и не переписывался, так как на него есть ссылки. Новый текст этих девяти статей представляет собой дополнения к указанным в ссылках статьям Судебника 1550 г. Приведем примеры. В ст. 7 краткой редакции имеется только ссылка на ст. 26 Судебника 1550 г. Текст ст. 26 не переписывается в ст. 7; статья 7 представляет собой новый текст, которым устанавливается размер бесчестия совершенно новым категориям населения, совсем не упоминаемым в ст. 26 Судебника 1550 г. Статья 9 краткой редакции представляет собой дополнение ст. 52 Судебника 1550 г., на которую в ст. 9 имеется ссылка. В начале и в конце ст. 10 краткой редакции имеются ссылки на ст. 58 Судебника 1550 г. Как известно, статья 58 посвящается делам, возникающим по оговору 10, 15, 20 человек. Статья 10 представляет собой добавление к ст. 58 — в ней определяется способ проверки (мирским обыском) справедливости показаний оговорщиков, о чем в Судебнике 1550 г. нет ни слова. Статья 11 краткой редакции совершенно отлична текстуально и по содержанию от заключительной части ст. 58 Судебника 1550 г., хотя здесь и там говорится о мошенничестве. Текст ст. 11 фактически не дополнял, а заменял текст заключительной части ст. 58 Судебника 1550 г. Поэтому ссылка в ст. 11 сформулирована иначе, чем в других статьях: „А иное писано назади, в 58 главе" (Барсовский список). В ней фиксируется то, что в ст. 58 о том же мошенничестве

[1] С. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 239—242 (Здесь приводятся параллельные тексты — Судебника и уставных грамот).

сказано иначе (в других ссылках указывается обычно краткое содержание того текста, на который производится ссылка. Например, в ст. 7: „А бесщестье бояром и дьяком полатным и гостем болшим писано назади в 26 главе“, или в ст. 10: „А на кого взмолвят дети боярские или крестьяне добрые, про то писано назади в 58 главе“). В заключении ст. 16 краткой редакции, текст которой имеет значительные различия с текстом ст. 83 Судебника 1550 г., указывается также: „А иное писано назади в 83 главе“. Текст Судебника в данном случае также дополняется. Статья 17 краткой редакции начинается словами: „А о землях суд — писано назади в 84 главе“. Текст ст. 17 совершенно новый — в статье определяется порядок суда о земле с помощью старожильцев или опричных людей и т. д., т. е. краткая редакция и здесь дополняет текст Судебника 1550 г., на который имеется в ней ссылка. Статья 22 краткой редакции не содержит никаких новых постановлений сравнительно со ст. 85 Судебника. Поэтому весь текст ее представляет собой развернутую ссылку на ст. 85. Повторив значительный текст из ст. 85 Судебника 1550 г.: „А хто возмет сторонней человек, не вотчинник, вотчину в закладе болши того цены, чево та вотчина стоит, а кто вотчинник учнет бити челом, что закладывает или уже заложил...“, составитель добавляет: „о том писано назади в 85 главе“. В данном случае составитель краткой редакции, обнаружив совпадение текстов его источника и ст. 85. Судебника 1550 г., не переписывает текст Судебника, а лишь ссылается на него. В начале ст. 23 краткой редакции стоит ссылка на ст. 86 Судебника 1550 г. („А промеж сел и деревень межной огород, о том писано назади в 86 главе“). Следовательно, текст ст. 86, хотя и не повторен, но подразумевался составителем в составе ст. 23 краткой редакции. Новый текст ст. 23 является добавлением к тексту Судебника 1550 г. (о потравах до „Семена дни“, о количестве жердей в огороде и в осеке и т. д.). Наконец, в ст. 32 краткой редакции имеется ссылка на ст. 91 Судебника 1550 г. Текст ст. 32, за исключением первой фразы, которая почти полностью совпадает с первой фразой ст. 91, представляет собой новое дополнение к Судебнику 1550 г.[1]

Итак, приведенные примеры показывают, что источником тех статей краткой редакции, в которых имеются ссылки на статьи Судебника 1550 г., является не текст Судебника, а другой документ — полагаем, что этим документом была уставная грамота.

Аргументом, который можно было бы выдвинуть в защиту предположения о том, что Судебник 1550 г. был источником при составлении краткой редакции, является соответствие, в той или иной степени, ряда статей краткой редакции (статьи 2, 5, 8, 14, 34) по содержанию, а не текстуально

[1] Статья 31 краткой редакции представляет исключение: она является точным повторением заключительной части ст. 90 Судебника 1550 г. Трудно объяснить, почему составитель краткой редакции в данном случае изменил правилу — не сослался на текст Судебника, а повторил его. Вероятно, это объясняется краткостью текста ст. 31.

статьям 4, 15, 45, 73 и 91 Судебника 1550 г. Однако данное обстоятельство не дает права считать, что указанные выше статьи краткой редакции явились результатом переработки перечисленных статей Судебника составителем этого памятника. Невозможность принять данное положение обусловливается, прежде всего, соображениями логического порядка. Наличие в тексте краткой редакции ссылок на текст Судебника 1550 г. („А то... назади“) свидетельствует о том, что составитель этой редакции в своей работе исходил из факта наличия текста Судебника 1550 г., а составляемую им краткую редакцию рассматривал как дополнение к основному тексту, т. е. к Судебнику 1550 г. Следовательно, автор краткой редакции не мог вносить в свой текст статей Судебника 1550 г. Этот вывод позволяет высказать предположение, что и те пять статей краткой редакции, которые по сюжетам, излагаемым в них, сходны со статьями Судебника 1550 г., составитель краткой редакции взял в готовом виде из своего источника — уставной грамоты. Анализ содержания сюжетно соответствующих статей Судебника 1550 г. и краткой редакции показывает, что в нормах этих статей имеются большие противоречия. Так, например, статья 2 краткой редакции сходна со ст. 4 Судебника 1550 г. только тем, что там и тут говорится о дьяке, совершившем подлог в судебном протоколе, но наказания дьяку совершенно различны, т. е. санкция ст. 2 является совершенно новой, а не повторением Судебника. То же можно сказать о ст. 5 краткой редакции. Она посвящена, как и статья 15 Судебника 1550 г., случаю, когда возникает спор между послухами, подписавшими кабалу, и дьяком, писавшим ее, но способы решения спора и установление материальной ответственности проигравших спор в краткой редакции совершенно другие, чем в Судебнике, т. е. статья 5 краткой редакции не есть повторение ст. 15 Судебника 1550 г. Статья 8 краткой редакции совершенно отлична по формуляру и по нормам от ст. 45 Судебника 1550 г., хотя в той и другой определяется размер пошлин, взимаемых недельщиками и доводчиками с вызываемых на суд.

Статья 14 краткой редакции совершенно не соответствует ст. 73 Судебника 1550 г., хотя в той и другой статье говорится о случае передачи пожитков одним лицом на „соблюдение“ другому, так как норма, устанавливаемая в статье краткой редакции, совершенно другая, чем в Судебнике 1550 г. Начало ст. 34 краткой редакции представляет собой повторение ст. 92 Судебника 1550 г. с добавлением слов „отцева и мотерня“. Добавление важное — оно изменяет порядок наследования, установленный Судебником 1550 г., а именно земля и имущество могут перейти (по краткой редакции) не только по отцовской линии, но и по материнской. Пропуск этого текста в краткой редакции и замена его простой ссылкой на ст. 92 Судебника 1550 г. (как в других случаях) здесь был уже невозможен, так как добавленные слова придают другой смысл тексту Судебника 1550 г. Вторая часть ст. 34 посвящена определению порядка составления духовных завещаний —

текст новый по сравнению с Судебником 1550 г. Наконец, статьи 37 и 38 краткой редакции представляют собой переработку ст. 99 и небрежное сокращение ст. 100 Судебника 1550 г.[1] Итак, все статьи краткой редакции (кроме ст. 31), в той или иной степени соответствующие по содержанию статьям Судебника 1550 г., текстуально не совпадают с ними. Ни одна статья Судебника не вошла целиком в краткую редакцию. В некоторых статьях краткой редакции встречаются одна-две фразы из соответствующей статьи Судебника 1550 г., но они всегда дополняются новым текстом, в котором устанавливаются нормы волостного судопроизводства. В таких случаях текст, взятый из Судебника, органически сливался с новым текстом.

Выше мы пытались доказать, что краткая редакция была лишь добавлением к Судебнику 1550 г. Составитель краткой редакции еще не изменял текста Судебника, он, наоборот, ссылался на него. Поэтому можно полагать, что те статьи краткой редакции, в которых нормы Судебника были изменены, составитель взял целиком из своего источника — уставной грамоты. Следовательно, изменение некоторых постановлений Судебника 1550 г., имеющееся в краткой редакции, было произведено при составлении уставной грамоты, а так как уставная грамота давалась правительством, то изменения норм Судебника в духе приспособления их к условиям волостного судопроизводства приобретало законную силу. Составитель краткой редакции разделил по типу судебников текст уставной грамоты на статьи и назвал свой памятник с полным правом „Государева Судебника новой пригозор“. Последующая переработка Судебника 1550 г. в целом, в духе постановлений краткой редакции (т. е. составление пространной редакции Судебника 1589 г.), производилась на основе тех измененных постановлений Судебника 1550 г., которые были зафиксированы в документе, исходящем от центрального правительства — в уставной грамоте, а потом перенесены в краткую редакцию.

Другим важным источником, использованным при составлении краткой редакции (статьи 39—50) был указ 1556 г. Причем характерно, что этот указ приписывался здесь царю Федору. Так, в оглавлении к списку Андреевского относительно статей, взятых из указа 1556 г., сказано: „О мирских обысках приговорил царь государь и великий князь Феодор Иванович“. Подобная ошибка может быть объяснена тем, что в руках составителя были главным образом документы, исходящие от имени царя Федора (уставная грамота, может быть и другие указы), поэтому закон Ивана Грозного был приписан также царю Федору.

Итак, на основании вполне официальных источников была составлена первоначально краткая редакция Судебника как дополнение к Судебнику

[1] Включение этих статей в текст краткой редакции объясняется тем, что с точки зрения составителя краткой редакции статьи 99 и 100 не входили в состав Судебника 1550 г., а являлись „новыми приговорами“ (см. комментарий к ст. 204).

1550 г., переработанная потом в пространную редакцию. Работая над текстом краткой редакции, составитель как бы излагал, сводил различные источники воедино. В этой связи приобретает особый интерес надпись на листах рукописи, в которой дошел до нас список Барсова. Она гласит: „Изложенье Кирила Юрьева сына Рычкова“. Приводя эту надпись, А. И. Андреев небезосновательно полагает названного Рычкова автором краткой редакции.[1]

Неодинаковые чтения некоторых статей в различных списках Судебника могут быть объяснены не только тем, что переписчики ухудшали или улучшали оригинал, но и намеренным внесением в текст новшеств, соответствующих деталям волостной жизни данной конкретной волости, для земского судьи которой тот или иной список предназначался. Например, Музейский список краткой редакции Судебника, определяя размер бесчестия дьяку земскому „против его доходу годового, что от судов по указу...“, добавляет „писчего и з мирской подряды найму“, т. е. в данной волости, где действовал этот список Судебника, земский дьяк, наряду с доходами от суда, получал наемную плату от мира (см. ст. 59).

Добавления Музейского списка к ст. 62 показывают, что церковные служители — дьячок, пономарь, проскурня и трапезник — получали в этой волости точно также плату от мира („и з миру на год доходу“). В двух списках краткой редакции, в Музейском и Барсова, размер бесчестия десятскому уменьшен наполовину по сравнению с пятидесяцким, вопреки списку Мазурина, где бесчестие им обоим равное (ст. 58).

Таких примеров можно было бы привести больше. Они показывают, что за разночтениями списков иногда следует видеть своеобразные условия жизни разных волостей Севера.

Был ли утвержден составленный таким образом Судебник 1589 г. центральной властью? Все исследователи отвечают отрицательно на этот вопрос, хотя, как указано выше, Богоявленский и Ключевский говорили о правительственном происхождении его. Главным доводом правительственного происхождения Судебника 1589 г. Богоявленский считал „введение с определенной датой“, которую, по его мнению, составитель „не мог вымыслить“. „Заподозрить действительность того, что изложено во введении, мы не имеем никаких оснований“,[2]— пишет Богоявленский. Однако Владимирский-Буданов поставил под сомнение все написанное в предисловии к Судебнику 1589 г. По его мнению, „составитель скопировал свой источник — Судебник царский — и приспособил заглавие к современности, „наименовав царя, тогда правившего, патриарха и Новгородского митрополита, тогда живших“.[3] Точная дата „июня в 14 день“ взята составителем Судебника, как

[1] А. И. Андреев. О происхождении и значении Судебника 1589 г., стр. 15—16.

[2] С. К. Богоявленский. Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. М., 1900, стр. XII.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Судебник 1589 г...., стр. 5.

ечает А. И. Андреев,[1] из Судебника 1550 г., изданного как раз в июне. составителя был список, помеченный 14-м июня. Год 1589 А. И. Анев, связывающий происхождение Судебника с Д. И. Годуновым, объяст тем, что именно в этом году Устьянские волости были даны Годунову кормление". Но мы видели, что, еще до пожалования Д. И. Годунову ьянских волостей, на Двину была дана уставная грамота царя Федора, ичие которой могло побудить к составлению Судебника (в краткой рециии) в 1589 г.

Следует отметить, что именно в 1589 г. патриархом московским стал з, упомянутый в предисловии. Составитель, однако, извратил его титул, добавив „и всея Руси", что было бы невозможным, если бы Судебник дставлял собой официальный проект или утвержденный закон. В предивии назван также митрополит новгородский Александр (и не названо никао другого), потому что составитель жил в его епархии и знал только его. Выражение предисловия „вселенский собор" пытались объяснить ряд ледователей. Богоявленский считает эпитет „вселенский" не характерным XVI в. Вместе с тем он указывает на присутствие в Москве в 1589 г. точного духовенства, полагая, что именно это собрание духовных лиц тавитель и назвал „вселенским собором".[2] Владимирский-Буданов счит, что „вселенский собор" представляет собой неофициальное название ского собора, происходящее из народно-литературного языка.[3] Заявле предисловия о том, что царь Федор „уложил" Судебник вместе „со ленским собором", не является, по его мнению, ссылкой на действительно вший место факт (т. е. собрание Земского собора), а представляет сой выражение „собственных воззрений" составителя Судебника 1589 г. государство и законодательную власть".[4] Владимирский-Буданов ука также, что выражение „вселенский собор" Судебника 1589 г. употреено в несколько измененной форме — „вселенский совет" — в таком извеом литературном памятнике XVI в., каким является „Беседа валаамских дотворцев".[5] Это сближение двух памятников нашло свое полное обоснование в работе И. И. Смирнова, посвященной „Беседе". Анализируя сожание „Беседы валаамских чудотворцев", И. И. Смирнов убедительно казал, что этот памятник „вышел из среды черного волостного населе русского севера".[6] Требование о ежегодном созыве „вселенского соа", высказанное в „Ином сказании" — памятнике более позднего проождения, чем „Беседа", но присоединенном к ней, — И. И. Смирнов

[1] А. И. Андреев. О происхождении и значении Судебника 1589 г., стр. 17.

[2] С. К. Богоявленский. Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г., стр. XXII.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Судебник 1589 г...., стр. 5.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 56—57.

[6] И. И. Смирнов. „Беседа валаамских чудотворцев", ее место в русской публицистике XVI века. Исторические записки, т. 15, М., 1945, стр. 257.

считает „лозунгом, вышедшим из тех же северных черных кругов“.[1] В свете этого вывода становится понятным появление выражения „вселенский собор“ в Судебнике 1589 г. — в памятнике, возникшем в той же среде, что и „Беседа“.

Разбирая вопрос об утверждении Судебника царем, Владимирский-Буданов обратил внимание на несоответствие выражений начала предисловия: „Царь... в лета... июня в 14 день приговорил и уложил сей Судебник“, и конца предисловия: „...впредь всякие дела судить по сему Судебнику и управы чинити по указу, как государь укажет, с которого дни уложит“. Из первой фразы предисловия можно заключить, что царь уже утвердил Судебник, тогда как в конце предисловия об этом говорится в будущем времени. Подобное противоречие было бы невозможно, если бы Судебник был действительно утвержден верховной властью. Следует, кроме того, отметить, что в предисловии к Судебнику 1589 г. говорится, вслед за Судебником 1550 г., о суде наместничьем по городам, т. е. упоминается институт наместников, отмененный еще в 50-х годах XVI в. Однако, сохранив слова Судебника 1550 г. о суде наместников по городам, составитель Судебника 1589 г. в следующей фразе заменяет суд волостелей по волостям судом земских судей: „по волостем (судити, — *А. К.*) земским судьям“. Но в действительности как суд волостелей, так и суд наместников был заменен судом земских судей. Вряд ли бы правительственные круги не заметили подобное противоречие, если бы текст предисловия составлялся, а еще более — утверждался ими. Упоминание в предисловии вместо волостеля земского судьи еще раз подтверждает, что Судебник 1589 г. был руководством волостных судей.

Итак, анализ предисловия к Судебнику 1589 г. показывает, что царское правительство никогда не утверждало этот Судебник. Но факты, приведенные выше, позволяют предполагать, что этот Судебник был судебным руководством для земских судей и признавался имеющим законную силу со стороны центральных правительственных органов.

В комментарии к статьям 41—73 сделана попытка доказать, что в северных волостях к концу XVI в. наблюдается процесс значительной имущественной дифференциации. Документы XVI в., характеризующие деятельность волостного самоуправления, показывают, что выделившаяся верхушка волостного крестьянства фактически захватила управление волости в свои руки.[2]

Надо полагать, что Судебник 1589 г. отражал интересы в первую очередь этой выделившейся волостной верхушки и использовался ею как средство укрепления своего господства в волости.

---

[1] И. И. Смирнов. „Беседа валаамских чудотворцев“, ее место в русской публицистике XVI века, стр. 260.

[2] А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в. Сборник статей академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия“, М., 1952, стр. 146—156.

СТАТЬЯ 1[1]

Вместо слов ст. 1 Судебника 1550 г. „и дьяком“ здесь стоит „земским судьям“, таким образом рядом с судьями центрального суда поставлен судья местный, волостной. Упоминание земских судей наряду с другими судьями имеется во всех других соответственных Судебнику 1550 г. статьях Судебника 1589 г., где по тому или иному поводу они перечисляются, причем в перечне центральных судей составитель допускает часто небрежности, пропуская то одного, то другого. „Постоянное упоминание в Судебнике 1589 г., — пишет Богословский, — земских судей среди других судей служит доказательством возникновения этого Судебника в среде северного крестьянства, где такие учреждения существовали“.[2] Богословский отверг мнение Владимирского-Буданова относительно второй части ст. 1 как о первой попытке „установления специальной служебной присяги (в частности — судейской)“ и доказал, что такая специальная присяга существовала и до Судебника 1589 г. и приносилась выборными при вступлении их в должность. О такой присяге говорит уставная Важская грамота 1552 г., грамота Устьянским волостям 1555 г.[3] и др.

---

[1] Нумерация статей дается по пространной редакции Судебника 1589 г.

[2] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 355.

[3] В уставных грамотах предписывалось посылать выборных земских судей для присяги в Москву. Но низшие должностные лица волостного суда и управления приносили присягу на месте — в волости. Об этом свидетельствует крестоцеловальная запись выборных одной из Устьянских волостей: „Лета 7098-го февраля в 11 день целовалник Поздний Васильев сын Меледин, да сотцкой Ондрии Иванов сын Слудного, да пятидесятцкой Дмитреи Иванов сын Дирин, да десятцкой Трофим Васильев сын Тяненой, да земской дьячек Данило Омосов сын целуем крест своему царю государю великому князю Федору Ивановичю всея Руси, великой царице Ирине и их землям, что нам в Усеньской волосте в Веденском стану з земьским судеею с Суетою с Федоровым сыном в суде сидити и управа меж крестьяны чинити, а мне диячеку Данилу судные дела писати. А другу в суде не дружити, а недругу не мстити и посулов и поминков не имати ни у ково ни у ково никоторыми делы. На том своему царю государю великому князю Федору Ивановичю всея Руси, великой царице Ирине их землям и крест целуем. А у крестного целования на приводе был целовалник прошлово году Василей кузнец Павлов сып, да Матфий ...шинин Максимов сып, да волостные люди добрые Логин Дементиев сын, да Иван Ондриев сын Береза, да Перьхурей Васильев сын Рыпаков, да прошлой судия Иван Иванов сын Поторочин, да Михайло Дементиев сын, да Овдоким Кузмин сын Нагорь кого, да Карп Власиев сын Лебедев, да Яков Данилов сын Жехов, да веденской диячек Поспел Григориев сын Попов. А подкрестной список писал земской дьячек Гриша Иванов сын ...огин лета 7098-го февраля в 11 день“. На обороте подпись: „Веденской церковной диячек Поспелко на приводе был и руку приложил“. (Опубликована М. Романовым в приложении к книге „История одного северного захолустья“. В. Устюг, 1925, Приложения, стр. ...—6. Сверена нами с подлинником, хранящимся в Архиве ЛОИИ, Собр. Лихачева, карт. № 58, № 3). Опубликованные Богословским крестоцеловальные записи XVII в. показывают, что и земские выборные судьи присягали также на месте — в своей волости (М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, Приложения, стр. 103—105).

Присяга судей, вводимая ст. 1, является установившейся практикой в отношении земских судей и неожиданным нововведением относительно центральных судей — бояр, окольничьих, дворецких и казначеев, так как о специальной служебной присяге их ничего неизвестно. Богословский усмотрел в этом стремление составителя распространить присягу и на центральных судей. Но вряд ли у жителя Поморья конца XVI в. могла появиться идея обязать центральных судей давать специальную судебную присягу. Можно иначе объяснить такое несоответствие второй части разбираемой статьи с первой ее частью. Составитель, включив в перечень судей земского судью, присоединил механически к ст. 1 Судебника 1550 г. ст. 1 краткой редакции, взятую в последнюю, вероятно, из уставной грамоты, т. е. составитель в одной статье соединил постановления о центральном суде и о суде местном, устроенном на совершенно иных началах.

СТАТЬЯ 2

Ср. Судебник 1550 г., ст. 2.

Богословский указал на ст. 2 как на пример небрежности составителя Судебника 1589 г., допускаемую им часто при перечислении центральных судей. В первой части статьи пропущены окольничий и казначей, во второй — дворецкий, казначей и дьяк. Подобную небрежность Богословский объясняет тем, что с ними „северному крестьянину не приходилось иметь дела".[1] Это не совсем точно — дела северного крестьянства в большом количестве поступали на решение центрального суда и, конечно, составитель мог знать всех судей, перечисленных в Судебнике 1550 г. Правильнее объяснять такую небрежность в перечислении центральных судей тем, что Судебник 1589 г. составлялся применительно к практическим потребностям земского волостного судьи. Выражение „суд з головы новой" Владимирский-Буданов называет тавтологией, которая показывает незнание составителем Судебника 1589 г. юридических терминов. Но это несправедливо. Составитель знает юридический термин „з головы" и разъясняет его как суд новый, начинаемый сначала, т. е. добавлением слова „новой" он разъясняет этот термин для волостного судьи, избираемого из крестьян, который иначе мог и не понять его.

СТАТЬЯ 3

Ср. Судебник 1550 г., ст. 3.

Как и в ст. 2, пропущены казначей и окольничий, зато названы судья (земский), целовальник и подьячий — должностные лица волостного суда. За неправильно решенное дело, вследствие посула, взятого целовальником, подьячим или судьей, „исцов иск и пошлины на царя государя" „втрое"

---

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 355.

взыскиваются на одном судье — как лице, которому были подчинены целовальник и подьячий. По сравнению с Судебником 1550 г. в ст. 3 выпущены слова „а в пене, что государь укажет“, вероятно, потому, что дело о посуле, взятом должностными лицами в волостном суде, невозможно было доводить до верховной власти. Скорей всего преступления выборного судьи и его подчиненных разбирал и судил волостной мир.

СТАТЬЯ 4

В этой статье имеются значительные новшества по сравнению со ст. 4 Судебника 1550 г. Общее в этих статьях только то, что в той и другой говорится о дьяке, совершившем намеренный подлог в судебном списке или в речах сторон. Но определение наказания дьяку, размеры возмещения убытков, которые понесет потерпевшая сторона, и т. д. — различные. Это объясняется прежде всего тем, что комментируемая статья имеет в виду дьяка земского, а статья 4 Судебника 1550 г. — дьяка центрального суда. Следовательно, все новые нормы ст. 4 Судебника 1589 г. фиксируют действительное положение земского дьяка в волостном суде. Это подтверждается и тем обстоятельством, что статья 4 включена (под № 2) в краткую первоначальную редакцию Судебника 1589 г., которая была добавлением к Судебнику 1550 г.

По ст. 4 Судебника 1589 г. за подлог протокола дьяк 1) наказывается кнутом, а не тюремным заключением, как это положено в Судебнике 1550 г., потому, вероятно, что содержание провинившегося дьяка в волостной тюрьме было бы обременительно для волости; 2) отставляется от дьячества навсегда „доколе и жив будет“, а это легко было осуществить, так же как и проследить за этим, именно в волости, где земский дьяк занимал должность по мирскому выбору; 3) за такого дьяка дается порука, „что впредь не воровати, доколе и жив будет“, вполне возможная в волости, так как провинившийся дьяк жил в той же местности до конца своей жизни. Отрицательная прибавка „а руки ему не сетчи“ показывает, что на практике были случаи подобной расправы с земскими дьяками. Отставка земского дьяка от должности производилась на мирском сходе. Так, например, крестьяне Антропьевой слободы Усольского уезда в явке 1623-24 г. писали о своем земском дьячке Василье Максимове: „...учал, государь, тот Васка на многих крестьян воровски кабалы лживые писати и отписи и иные многие крепости. И мы, государь, зведали то его великое воровство што пишет лживо, да его отставили от дьячества; и он, государь, вперед угрожает тем же воровством, лживым писмом; а живет он у отца своего у Максима в деревне“.[1] Мы видим, что мир, подавая явку на имя царя, пытается оградить себя от злонамеренных действий бывшего земского

[1] О. П. Сенигов. Памятники земской старины. СПб., 1903, стр. 2.

дьячка, отставленного за „лживость“. Важным постановлением статьи является также и то, что убытки потерпевшей стороны („исцев иск“) взыскиваются пополам — с дьяка и с судьи (земского), причем мотивировка звучит народной присказкой: „... знаючи дияка лжива, почто с ним судит“. Об отставке дьяка от дьячества Владимирский-Буданов говорит как о весьма замечательной черте в истории государственной службы. Вряд ли можно постановление Судебника 1589 г. относительно земского дьяка считать характерным для положения дьяков в центральных приказах, т. е. на государственной службе.

СТАТЬЯ 5

Повторение ст. 5 Судебника 1550 г. с заменой выражения „не по суду“ другим — „дело не по делу“.

СТАТЬЯ 6

Ср. Судебник 1550 г., ст. 6.

В перечне судей, которые защищаются от лживого обвинения, пропущены по сравнению с Судебником 1550 г. окольничий и казначей, вновь назван судья (земский), далее указан дьяк, а вместо слов Судебника 1550 г. „или на подьячего“ поставлено „или на кого ни буди“. Последнее выражение Владимирский-Буданов считает „ошибочной редакцией“, так как это общее выражение противоречит тому, что в данной статье имеются в виду только органы суда. Но известно, что в волостном суде вместе с земским судьей и дьяком участвовали сотские, пятидесятские и целовальники. Отметим здесь, что статьи о бесчестии этих должностных лиц расположены в Судебнике 1589 г. рядом: судье (ст. 55), целовальнику (ст. 56), сотскому (ст. 57), пятидесятскому (ст. 58), дьяку земскому (ст. 59). Не защищались ли формулой „на кого ни буди“ и эти члены волостного суда от лживого обвинения? Новым по сравнению с Судебником 1550 г. является постановление о взыскании с жалобника бесчестия в пользу лживо обвиненного представителя суда. Кроме того, жалобник подвергается наказанию кнутом и заключается в тюрьму до тех пор, пока не будет взята порука, „что впредь не лгати“. Таким образом, человек, виновный в ложном оговоре судей, становился под постоянное наблюдение волости. Включая в ст. 6 постановления об охране волостных судей от лживых обвинений, составитель Судебника пытался придать большую авторитетность решениям волостного суда.

СТАТЬЯ 7

По сравнению с первой частью ст. 7 Судебника 1550 г. в Судебнике 1589 г. после слов „его приказу“ добавлено „или не его, иные волости“. Это добавление изменило смысл статьи. По Судебнику 1550 г. судья обя-

ни выслушивать жалобника „его приказу“, по Судебнику 1589 г. судья лжен принимать жалобника не только „его приказу“, но и „не его, иные лости“. Этим редакционным изменением составитель приспособил статью центральном суде к условиям волостной жизни. Богословский отметил, о употребление слова „волость“ в смысле судебного округа вместо „приза“ указывает именно на северный „крестьянский быт“, где „юрисдикия земского волостного судьи простиралась на волость“.[1] Обязанность дьи выслушивать жалобников и из „иные волости“, не противоречит инципу территориальной подсудности, установленному ст. 231 Судебика 1589 г., так как здесь имеются в виду иски иноволостных на жителей й или иной волости. Эта практика нашла свое отражение в документах. к, в заемной кабале 1619 г. И. С. Говорухина указывается: „А где ся бала меня заимщика застанет под которым судом ни буди, тут по суде правеж“,[2] т. е. держатель кабалы мог возбудить дело в любом том присуде“, где будет находиться и платить дань (по ст. 231) заимщик.

СТАТЬЯ 8

Статья является продолжением ст. 7 и соответствует второй половине . 7 Судебника 1550 г. При переработке составитель включает в текст сколько раз судью (земского), допуская явную небрежность в перечиснии центральных судей. Излагая случай, когда жалобник обратится челобитьем к царю на судью, „что суда не дал и его волочил“, составтель заменяет фразу Судебника 1550 г.: „и государь ту его жалобницу ошлет к тому, чей суд“ — другой: „и государь, его жалобницу, подписав, ним же отошлет к тому же (судье — как в списке Андреевского), чей суд.“ адимирский-Буданов увидел в этом выражении „попытку определить коном действия самого государя“, но это явно надумано. В этой фразе разился тот простой факт, что обычно жалобники, если их челобитие Москве было удачно, привозили сами на далекую Двину предписания нтральных правительственных органов местным властям. Так, в судном ие 1596 г. приведена в копии царская судимая грамота, которую привез дьям Низовской Луки старец Карельского монастыря, ходивший в Москву ловаться на крестьян Заостровской волости. В конце копии помечено: на другой стороне пишет: царь и великий князь Федор Иванович всея си“.[3] Приведенная надпись и объясняет выражение Судебника „и госуръ его жалобницу, подписав...“. Это выражение означает санкцию дела имени царя, а не указание на личную подпись царя на обороте граты. Известно, что цари лично ничего не подписывали. Нововведением.

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 356—357.
[2] Архив ЛОИИ, Собрание актов Антониево-Сийского монастыря, карт. 10, № 54.
[3] Там же, Собрание актов до 1613 г., № 569.

по сравнению с Судебником 1550 г. является постановление о взыскании с судьи в пользу жалобника „волокиты рубль“ — вероятно, отражение обычных норм волостного суда. Владимирский-Буданов указал, что термин „волокита“ неупотребителен в законе.[1]

СТАТЬЯ 9

Статья представляет собой сокращение первой части ст. 8 Судебника 1550 г. В один ряд с центральными судьями поставлен судья земский. Примечательно, что пошлины волостному судье определяются в той же норме (11 денег с рубля), что и судье центральному, причем взимаются они „на виноватом“. В отличие от Судебника 1550 г. пошлины дьяку земскому 7 денег с рубля берутся с обеих сторон „с ысца и со ответчика пополам“. Владимирский-Буданов считает, что составитель „или допускает ошибку... или иначе распределяет пошлины: собственно судебные взимаются с виноватого, а канцелярские — с обеих сторон пополам“.[2] Что здесь не ошибка составителя, а иное распределение пошлин, видно из ст. 10 Судебника 1589 г., где „писчее“ дьяку (земскому) от переписки судного списка набело к докладу определено брать также с обеих сторон. Взимание пошлин земским дьячком с обеих сторон подтверждается в „памяти“ (которую можно датировать 1616 г.) крестьян Никольской сохи, посланной крестьянам Введенской, Усть-Мехренгской и Шангальской сох (Устьянские волости). Крестьяне Никольской сохи писали: „...мы излюбили в земские дьячки Романа Захарьева сына на год, а ругу ему в пол дани, да с суда с обоих истцов и ответчиков по деньге“.[3] Обозначение оплаты земского дьячка церковным термином „руга“ (ругу получал церковный притч, в частности церковный дьячок) показывает, что часто (а может быть и в данном случае) эти должности совпадали. Богословский приводит достаточно примеров, когда церковный дьячок одновременно со своими церковными обязанностями исполнял обязанность земского дьячка.[4] С конца XVII в. такое совместительство стало запрещаться церковными властями.[5]

СТАТЬЯ 10

Статья является продолжением ст. 9. Первая часть ст. 10 „доколе государь попытает“ написана заново, остальной текст соответствует ст. 8 Судебника 1550 г. Новыми постановлениями статьи являются: 1) „Писчее“ дьяку от переписки судного списка набело берется с обеих сторон. 2) Дьяку

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 200.
[2] Там же.
[3] Архив ЛОИИ, Собрание Лихачева, карт. 58, № 7.
[4] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 297—300.
[5] Там же, т. II, стр. 35.

не полагается пошлин от поручных записей. 3) Судебные пошлины идут в казну. Последнее постановление подтверждается судебной практикой. В судном деле 1596 г. между Никольско-Корельским монастырем и крестьянами Заостровской волости записано, „...да с того иску судные пошлины и пересуд и правой десяток всего 3 р. 9 алтын 5 денег... прислать к Москве в четь дьяков Ивана Нармацкого да Посника Дмитриева часа того“.[1]

СТАТЬЯ 11

Статья представляет собой переработку заключительной части ст. 8 Судебника 1550 г. Обратим внимание на первый случай, когда составитель, заимствуя статью из Судебника 1550 г., совсем не упоминает центральных судей (боярин, дворецкий, казначей, дьяк, подьячий, недельщик), а адресуется только к судье земскому. Вместо „казнити торговою казнью“ — „бити кнутом“. Такая же замена наблюдается и в других статьях. Не объясняется ли это тем, что в волостях не было такого места, которое бы называлось „торгом“, ибо торговая казнь есть тоже наказание кнутом, но „на торгу“ — на торговой площади. Хотя наказания кнутом в волости производились не на „торгу“, но несомненно публично — на мирском сходе, перед выборными лицами волостного управления и т. д.

СТАТЬИ 12—19

Статьи соответствуют почти полностью статьям 9—14 Судебника 1550 г., в которых определяются нормы судебного поединка — „поля“. При изучении статей 12—19 Судебника 1589 г. следует учитывать, что „поле“, еще употребительное в период судебников, к концу XVI и началу XVII в. совершенно выходит из практики, так что в XVII в. всякая память о нем исчезает.[2] Следовательно, Судебник 1589 г. составлен в то время, когда судебный поединок — „поле“ — почти уже не играет сколько-нибудь заметной роли в судебном процессе. Больше того, можно с уверенностью сказать, что в той области, где возник Судебник 1589 г., и в том суде, который имеется в виду в Судебнике (в волостном суде), „поле“ не существовало. Уже в уставных грамотах 50-х годов XVI в. поле запрещалось вообще. Так, в уставной Двинской грамоте 1556 г. сказано: „а судити им и сыскивати во всяких делех и управа чинити без поль“.[3]

Итак, когда составитель при переработке Судебника 1550 г. дошел до статей о „поле“, он столкнулся с такими нормами судебного процесса,

---

[1] Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 569.

[2] Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда в древней и новой России. Сб. „Судебная реформа“, под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, М., 1915, стр. 138, 139. — М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 7-е, Пгр.-Киев, 1915, стр. 637—638.

[3] ААЭ, т. I, № 250, стр. 272.

которые совершенно не соответствовали практике волостного суда, хорошо ему известной, т. е. он не мог в данном случае никакими редакционными изменениями сделать эти статьи подходящими к условиям волостного суда. Поэтому все названные выше статьи Судебника 1550 г. были переписаны в новый судебник лишь с очень незначительными изменениями в тексте. Так, в ст. 12 вместо вторичного перечисления центральных судей и должностных лиц поставлено обобщающее „а хто возмет". В ст. 14 полевые пошлины окольничему „четверть рубли" выражены иначе: 8 алтын 2 деньги (то же в ст. 17). Выражение Судебника 1550 г. „того жалобника казнити торговою казнию да вкинути в тюрму" заменено обычным под пером составителя Судебника 1589 г. „бить кнутом да на поруки дать, чтобы впредь не лгал". В ст. 15 „без 2 деньги" заменено „без копейки". В ст. 19 допущено вместо пространного рассуждения Судебника 1550 г. краткое: „Да и в ыных делех по тому же". Мы видим, что ни одно из этих дополнений не изменило смысла статей Судебника 1550 г. Выше уже отмечалось, что составитель Судебника 1589 г. путем редакционных изменений приспосабливал статьи Судебника 1550 г. к условиям суда волостного. Отсутствие такой редакционной работы над данными статьями доказывает, что нормы этих статей совсем не соответствовали нормам волостного судопроизводства.

СТАТЬИ 20—22

Статьи представляют собой переработку ст. 15 Судебника 1550 г., в которой речь идет о возможности „поля" между послухами одной и той же стороны (исца) в случае их разногласия. Составитель Судебника 1589 г., для которого „поле" было мертвой нормой, увидел в этом ошибку, так как во всех других статьях „поле" назначается между сторонами. Он исправляет статью и излагает ее в смысле поединка между послухами двух противных сторон. Владимирский-Буданов отметил, что „в старом процессе право и обязанность выставлять послухов принадлежало только исцу". Ответчик послухов не выставлял. Следовательно, выражение ст. 20 „а ответчик шлетца на свои послуси" является ошибочной вставкой в текст Судебника 1550 г. Однако это утверждение Владимирского-Буданова неверно. В ст. 20 говорится и об уголовных делах, где выставление послухов обеими сторонами было обычным явлением (см. выше, стр. 206—207).

Владимирский-Буданов правильно отмечает, что составитель Судебника 1589 г. „ставит альтернативом поля крестное целование". Так, в ст. 20 читаем: „...ино дати кресное целованье и поле на волю тех послухов", или в ст. 21: „...убиют на поле... или крест поцелуют". Из этого видно, что составитель противополагает полю более знакомую ему норму „кресное целование", так как последнее пережило „поле" в судебном процессе. Правда, процесс мог закончиться и без присяги, но и без поединка: например, собственным признанием ответчика „а сверх того как суд был" (ст. 20). „Если

ело окончено присягою послухов, то уже стороны (именно ответчик) не огут быть принуждаемы к присяге: «а ищеям ответчиков в другие ко ресту не приводити деле иску»“[1] (ст. 21).

Относительно выражения ст. 22, взятого из Судебника 1550 г., „или ослуси не зговорят по ищее“ Владимирский-Буданов замечает, что оно не имеет никакого смысла при таком понимании послушества, какое своил составитель Судебника царя Феодора, потому что и ответчик аходится в таком же положении“.

СТАТЬЯ 23

Новая. Статья говорит о 15-летнем сроке действия кабалы и о взимании оста по кабале. Владимирский-Буданов считает, что содержание статьи осноано на указе от 8 февраля 1588 г.,[2] „но с существенными ограничениями, именно: ук. 1588 г., назначив 15-летний срок давности для исков по олговым обязательствам, предписывал взыскивать и рост за все 15 лет“,[3] огда как в ст. 23 рост полагается брать лишь за 5 лет. Данная норма Судебника 1589 г., вероятно, не была новой для той области, где возник Судебник. На существование этой нормы в Поморье задолго до Судебика 1589 г. указывает уставная грамота Луцкой Пермцы 1615 г., котоая представляет собой повторение уставной грамоты той же волости ремени Ивана Грозного: „А рост бы всяким людем указывати по кабалам, оторые были кабалы писаны с тех мест, как в суд положат, за пять лет ли меньши: и которые кабалы писаны с тех мест дале пяти лет, а рост удет в них хоти и написан, и по тем кабалам росту дале пяти лет на ответиках не указывати“.[4] В этой же грамоте указывается: „... а писаны будет е кабалы с тех мест, как перед судьями и перед целовальники положат, ольши пятинадцати лет, и судьям и целовальником по тем кабалам откаывати и суда им и управы не давати“.[5] Из приведенных текстов уставной рамоты видно, что судьям запрещалось давать суд по кабалам по истечеии 15-летнего срока давности, а в случае судебного разбирательства по абале, с ответчика запрещалось взыскивать рост „дале пяти лет“. Раз та норма бытовала в Поморье в XVI в., она могла быть занесена и уставную грамоту Федора, которая, вероятно, явилась источником ст. 23, ак как эта статья представляет собой первую часть ст. 3 краткой редакции Судебника 1589 г. Жизненность этой нормы Судебника 1589 г. подтверждается тем, что 8 марта 1626 г. был издан общий указ, предписывавший

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 203—204.

[2] АИ, т. I, № 221.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 205.

[4] С. Б. Веселовский. Земская уставная грамота Усольского уезда. Чтения ОИДР, 1907, кн. 1, Смесь, стр. 44.

[5] Там же.

брать рост только за 5 лет.[1] Постановление Судебника 1589 г. о взимании роста за 5 лет стоит в связи с размером роста, установленным в ст. 23 — „рост правити на пять шестой“. Следовательно, по истечении 5 лет сумма долга удваивается. А отсюда вытекает законность следующего постановления ст. 23: „А кабалы писати на крестиян вдвое“ и „... а в чем кабала писана, то и справити“ (т. е. взыскать двойную сумму долга, написанную в кабале). Владимирский-Буданов выражение о кабалах „вдвое“ считает результатом порчи текста. Богословский, выступая против этого мнения Владимирского-Буданова, доказал, что писание долговых кабал „вдвое“ было обычным и очень распространенным явлением на севере в XVII в. В статье „Кредит в земском хозяйстве XVII в.“ Богословский привел ряд примеров этого рода: в 1641 г. целовальник Устьянской Соденской волости М. Сухоносов, посланный в Москву с данными и оброчными деньгами, занял в Москве на мирскую издержку у своего земляка, тоже устьянца Чадромской волости, Д. Пономарева 4 р., выдав ему при этом кабалу на 8 руб. Устюжский земский мир, занимая в 1633 г. у Кирила Босого 600 р., написал в кабале 1200 р., а в 1643 г. тот же мир занял у Гостинной сотни Исаака Ревякина 150 р. и выдал кабалу даже на 400 р.[2] Подобные факты имеются и в документах более раннего времени. Так, крестьянин Устьянской Дмитриевской волости Июда Васильев сын Головина в 1625 г. пишет в своей духовной: „... да взяти мне на Фарифоне Мосиеве мера овса, а кабала в двух мерах, да взяти мне по кабале на Госте Кепроеве дватцеть алтын денег, а кабала писана в сорока алтынах... на Сидоре Селиванове тринацеть алтын денег, а кабала писана в четырех гривнах...“ и т. д.[3] Мы видим, что кабалы „вдвое“ писались не только при займах денег но и при займах хлеба. Приведенные выше примеры позволяют принять вывод Богословского о том, что „обычай писать кабалу с двойною валютою существовал, очевидно, и во время составления Судебника 1589 г. и этим судебником возводился в норму“.[4] Богословский объясняет происхождение обычая писать кабалы „вдвое“ размером роста, принятом при долгосрочных займах на „пять шестой“ (20%). Такой рост указан в многочисленных заемных кабалах, сохранившихся от первых десятилетий XVII в. (т. е. до указа 1626 г.) в архиве Антониево-Сийского монастыря.[5] Обратим внимание еще на одно постановление ст. 23 — она разрешает суд по кабале и по истечении 15 лет, но лишь с „господарева“ ведома. Полагаем, что это постановление могло быть взято из документа, исходящего от центральной власти — вероятно, уставной грамоты царя Федора.

[1] АИ, т. III, № 92, XIV.

[2] Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 39; см. там же другие примеры.

[3] М. Романов. История одного северного захолустья, стр. 11.

[4] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 358.

[5] Архив ЛОИИ, Собрание актов Антониево-Сийского монастыря.

СТАТЬЯ 24

Новая. Является продолжением ст. 23 (в краткой редакции Судебника 1589 г. статьи 23 и 24 составляют одну статью — 3-ю). Владимирский-Буданов полагает, что здесь „дело идет о встречном иске (о деньгах, взятых обратно истцом у ответчика, — „переемных“)“. Но если учесть, что по содержанию статья 24 является развитием ст. 23, то можно понять ситуацию, разбирающуюся в статье, по-иному. В ст. 24 излагается случай, когда ответчик (должник) предъявляет иск к истцу (заимодавцу) в том, что заимодавец взял с должника денег свыше нормы, установленной в ст. 23, т. е. взял „рост“ не за 5 лет, а за больший срок и не на „пять шестой“, а выше (переемные деньги). В ст. 24 по Мазуринскому списку определяется, что суд должен происходить по месту жительства ответчика, даже в том случае, если истец „иного уезду или иные волости“, что противоречит общему принципу подсудности „по дани“, установленному в ст. 231. Более правильным следует считать чтение этой фразы в трех списках (Андреевского, Барсова и Музейского), где между словами „на него“ и „бити“ отсутствует частица „не“. Таким образом, фраза приобретает обратный смысл, вполне соответствующий принципу подсудности ст. 231. Интересна заключительная фраза статьи. В ней устанавливается, что в случае невозможности „управы учинити“ на месте следует „исцов за судным списком срочити (прислать на срок) к нам к Москве“. Личная форма „к нам“ и общее построение фразы позволяют предполагать, что это цитата из какого-то правительственного документа. И, действительно, она близка как по содержанию, так и по форме со следующим местом из судной грамоты Устюжны Железопольской 1614 г.: „...а в которых будет делех... (судьям) управы чинити не мочно и они суда своего списки, обоих исцов присылают к докладу к нам, к Москве“.[1] Приведенная фраза в несколько измененном виде встречается и в других уставных земских грамотах. Это еще одно доказательство того, что при составлении Судебника в краткой редакции была использована уставная грамота царя Федора.

СТАТЬЯ 25

Новая. Представляет собой ст. 4 краткой редакции. Владимирский-Буданов определяет „отбой“ как „сопротивление исполнению судебных решений, окончательных приговоров или даваемых еще во время процесса отдельных предписаний суда“. Богословский отмечает, что „формы этого сопротивления могли быть различны. Ответчик отбивается сам или его отбивают родные и близкие“.[2] О сопротивлении составлялся протокол — отбой, отбойная запись. Приводим здесь пример отбойной записи. „Лета 7145 апреля в 23 д. пришли в Соденскую волость

[1] ААЭ, т. III, № 36, стр. 75.

[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 245.

на стан к Спасу перед земского судью перед Аксака Иевлева сына с товарищи с ослопами и с палками Мартын Лукин (и др., всего названо 16 человек), отбили ответчиков по челобитным Вторка Невежина да Захарка Марашева в истцовых искех Якова Иванова сына Конанова да Ратка Денисова... а тот Вторка Невежин, да Захарка Марашев (ответчики)... с теми людьми, которые в сем отбое имены писаны судейку били и бранили неподобными речами. У отбою были...“ и т. д.[1] Богословский приводит жалобу упомянутого в „отбойной записи“ судейки Аксачки Иевлева на то, что соденские крестьяне, хотя быть „безсудны и самовольны“, оказывают ему, судье, сопротивление и во всех делах отбиваются. Богословский отмечает, что число „отбойных записей“ в поморских судебных делах XVII в. очень велико.[2]

СТАТЬЯ 26

Новая. Включена в краткую редакцию Судебника (ст. 5) и является логическим продолжением статей 23—25. В ней излагается случай, отмеченный в конце ст. 15 Судебника 1550 г.: „... а по кабале порознят послуси и дияк, ино по тому ж“. При этом Судебник 1589 г. излагает процесс, который возникает из такого положения, совершенно иначе, чем Судебник 1550 г. В последнем рекомендуется поступать „по тому ж“, как и при случае, когда послухи истца дадут разноречивые показания, — т. е. назначать поле между дьяком и послухами, со всеми последствиями для истца. Судебник 1589 г., в случае если „по кабале послуси порознятца и дияк“, о поле и не упоминает, а рекомендует „про то сыскати“. Причем сыск производится „миром“, т. е. общиной, к которой принадлежат истец и ответчик. Сыск ведется тщательно, вплоть до проверки подлинности документа: „... а дияк руки не попретца, и миром сыщут, что кабала в правду писана“. В отличие от Судебника 1550 г. Судебник 1589 г. не ограничивается процессом. В ст. 26 имеются в виду и материальные последствия для дьяка и послухов. Тот из них, кто солгал, привлекается вместе с заимщиком „по вытям“ (по долям) к уплате долга. Примечательны заключительные слова статьи: „Да и во всяких делех по тому же судити“. Из этого следует, что разногласия между дьяком и послухами и других документов (купчих, закладных и т. д.) разбираются мирским сыском, — т. е. при участии общины.

СТАТЬЯ 27

Статья является переработкой ст. 16 Судебника 1550 г. Как уже отмечено, составитель Судебника 1589 г. относился отрицательно к „полю“ — поле выходило из практики. И здесь вместо постановления ст. 16: „... хочет с послухом на поле лезет, или став у поля у креста на целованье ему“,

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 359.
[2] Он же. Земское самоуправление..., т. II, стр. 244—245.

постановлено: „...а с послухами дати ему суд за кресное целованье“, т. е. вместо „поля“ употреблено слово „суд“. На небрежность переработки указывает заключительная фраза статьи „А будет послуха на поле побьют“, так как она противоречит смыслу статьи, отрицающей поле.

СТАТЬЯ 28

Статья является повторением ст. 17 Судебника 1550 г. с одним изменением — добавлены слова „или девка“. Владимирский-Буданов объясняет это тем, что составитель Судебника 1589 г. „был мало знаком со старым русским языком, в котором слово «жонка» означало женщину (замужнюю или девицу — все равно)“.[1] Но вряд ли это правильно, ибо точно такое же упоминание „девки“ рядом с „жонкой“ имеем в ст. 30, а в ст. 64 „девица“ противопоставлена „вдове“: „а вдове, и девице“. Надо полагать, что во всех этих статьях имеется в виду замужняя женщина и незамужняя. Из этого вытекает, что права незамужней женщины не ущемлялись.

СТАТЬЯ 29

Статья повторяет ст. 18 Судебника 1550 г. с заменой слов „а с недельщиком и с праведчиком о сроце тому послуху суд“, словами „а з довотчиком в строце дати суд“. Это объясняется тем, что функции недельщика и праветчика центрального суда в волостном суде исполняли доводчики. Доводчик — низший выборный служитель при волостных судах, избираемый волостью. Доводчик вызывает в суд ответчика, свидетелей и отдает вызываемых на поруки. Близкою к доводчику была должность земского пристава.[2] Так, в судном списке 1596 г. сказано: „и судьи велели... земскому своему приставу... поставить... перед себя... ищей и ответчиков... с очей на очи“.[3]

СТАТЬЯ 30

Статья представляет собой коренную переработку ст. 19 Судебника 1550 г. В последнем определяются условия судебного поединка в том случае, когда истцом выступает женщина, ребенок, старик, больной, увечный или духовное лицо. В Судебнике же 1589 г., наоборот, предписывается не прибегать к судебному поединку вообще, если истцами или ответчиками выступают женщины и дети. Владимирский-Буданов увидел в этом важное „свидетельство народных стремлений в конце XVI в. к ограничению и отмене судебных поединков“.[4] Но можно полагать, что статья 30 отражает не только стремления к отмене судебных поединков, но и сам факт исчезно-

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 207.
[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 237—238.
[3] Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 569.
[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 208.

вения „поля“ из судебного процесса волостного суда в конце XVI в. В заключении статьи указывается, что если невозможно будет „вершити“ дела на месте, то „срочити к нам на Москву, чей суд“ (см. об этом в ст. 24). Выражение „чей суд“ становится понятным, если учесть, что в конце XVI в. центральное управление и суд отдельных областей Русского государства сосредоточивались в территориальных приказах — четвертях. Во главе „четвертей“ стояли дьяки, которые и ведали судом своих областей. Так, управлением большей части Поморья во время составления Судебника 1589 г. ведала четверть Андрея Щелкалова.

СТАТЬЯ 31

Статья является повторением большей части ст. 20 Судебника 1550 г. Вместо „посылати пристава“, в Судебнике 1589 г.: „посылати розсылщика из езду“ (см. комментарий к ст. 20 Судебника 1550 г., стр. 210).

СТАТЬЯ 32

Статья повторяет конец ст. 20 Судебника 1550 г. Добавлением является первая фраза, устанавливающая размер „езду“ (подробнее об этом в ст. 94—95). Владимирский-Буданов обращает внимание на „народно-литературный“ оборот речи („хочет пеш поди, хочет лошадь найми“) как на „доказательство неофициального происхождения памятника.“ Правильнее сказать — как на доказательство того, что Судебник возник в среде волостного крестьянства; в текст Судебника 1589 г. составитель вносил даже разговорно-народные обороты.

СТАТЬЯ 33

Статья буквально повторяет ст. 21 Судебника 1550 г. Ездок по Судебнику 1550 г. — это агент недельщика, т. е. должностное лицо центрального суда (см. комментарий к ст. 21 Судебника 1550 г.). Ездока как особого лица в волостном суде, вероятно, не было. Ездок — это рассыльщик ст. 33, пристав ст. 32, доводчик ст. 94 и т. д. Когда они отправлялись за вызываемым в суд человеком, тогда им полагался „езд“ „на версту по денге“.

СТАТЬИ 34—37

Статьи 34—37 соответствуют статьям 22—24 Судебника 1550 г., в которых определялся порядок подачи исков на наместников, волостелей и их людей. Несмотря на отмену в 1555 г. кормлений („наместников и волостелей и праветчиков от городов и от волостей отставили“) и замену их земскими судьями, составитель Судебника 1589 г. сохранил не только эти (статьи 22, 23), но и все остальные статьи Судебника 1555 г., относящиеся к наместничьему суду. В данном случае он поступал так же, как со статьями, определяю-

щими нормы судебного поединка. Одни статьи переписаны в Судебнике 1589 г. без особых изменений, другие значительно сокращены. Некоторые же с помощью редакционных дополнений (составитель выставляет на первый план земских судей и целовальников, совсем забывая о наместниках и волостелях) были приспособлены к условиям волостного суда.

Механически переносятся (хотя и с сокращениями) те статьи Судебника 1550 г., которые по их содержанию — по нормам, изложенным в них, — уже совершенно не соответствовали действительности. Например в ст. 22 говорится об ответственности наместников и волостелей за всех своих людей (и за отсутствующих), на которых поступили жалобы. Подобная ситуация вообще не могла возникнуть во время составления Судебника 1589 г. Тем не менее статья 34 Судебника 1589 г. является повторением ст. 22 Судебника 1550 г., с незначительными сокращениями. Точно также статья 35, в которой говорится о случае, когда истец примешивает к наместничьим и волостелиным людям городских или волостных людей, является повторением ст. 23 Судебника 1550 г. Вновь добавлено: „. . . а которой не пойдет ко ответу, ино давати неответныя“. Владимирский-Буданов отмечает, что „термин «неответная» неизвестен в официальном языке (вместо безсудная)“. Богословский, наоборот, указывает на большое количество „неответных записей на севере, которые составлялись тогда, когда ответчик отказывался отвечать, явившись все-таки в волостной суд, или скрывался от судебных агентов“.[1]

Статья 36 представляет неудачную попытку переработать текст первой части ст. 24 Судебника 1550 г., в которой определялся порядок подачи исков на наместников и волостелей со стороны иногородцев. Составитель поставил рядом с наместником судью (земского), „судецких“ товарищей и волостных людей, хотя это противоречит следующей фразе той же статьи: „. . . и как намесники или властели (волостели, — *А. К.*), едучи на жалованье, или на волосте живучи, или едучи зь жалованья, кого чем изобидят“, т. е. в данной фразе ни судья, ни судецкие товарищи не упомянуты. Да это и понятно, ни те, ни другие на жалованье не ездили и никуда не уезжали — жили постоянно в волости, т. е. данная статья к ним не могла быть отнесена.

Статья 37 повторяет конец ст. 24 Судебника 1550 г., в которой устанавливается одногодичная давность для возбуждения исков на наместников со стороны иногородцев. Но в отличие от ст. 24 эта статья выделяет людей наместника, на которых, как и на волостных людей, устанавливается исковая давность в 8 лет, — по мнению Владимирского-Буданова, „норма, не отразившаяся ничем в действительном законодательстве“.[2]

---

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление. . ., т. II, стр. 242—243.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 210.

СТАТЬЯ 38

Новая. Представляет собой ст. 6 краткой редакции Судебника 1589 г. При переработке последней в пространную статья 6 поставлена удачно после ст. 37 и стала, таким образом, ст. 38 Судебника 1589 г. Если статья 37 определяет давность исков на наместников, то статья 38 отвергает какую-либо давность исков на земских судей: „...на судей давати суд... доколе и жив будет“, т. е. в течение всей жизни бывший земский судья мог быть привлечен к ответственности за совершенные им во время выборной службы преступления. Богословский отмечает, что жалобы на судей, отбывших свою должность, в большом количестве встречаются в архивах приказов, управлявших Поморьем в XVII в., — жалобы на отказ в правосудии, на нежелание судьи произвести разбирательство, на волокиту, на попустительство судьи той или иной стороне (подкупившим его богатеям или их родственникам), на неисполнение судьей предписаний приказа и т. д. Иногда иск к судье за его смертью обращался на его наследника. Так, в 1640 г. крестьянин Соденской Устьянской волости Савва Пронинский предъявил иск к сыну бывшего судьи в 26 рублей, которые были присуждены его отцом (бывшим судьей) и взяты у ответчика в 1639 г., но не переданы ему, Пронинскому.[1] Устанавливая бессрочную ответственность отбывших должность земских судей, Судебник 1589 г. стремится запугать подобной перспективой должностных лиц волостного суда и побудить их не делать злоупотреблений во время их выборной службы. Срок службы судьи обычно годовой (см. комментарий к ст. 100).

СТАТЬЯ 39

Статья представляет собой повторение первой части ст. 25 Судебника 1550 г. с той разницей, что как за бой, так и за „грабеж“ установлено бесчестие, т. е. штраф, взимаемый с преступника. Такое отступление от Судебника 1550 г. можно объяснить тем, что „грабеж“ и „бой“ на практике были неотделимы, ибо „грабежом“ в то время считалось самоуправное отнятие „имущества у другого лица после драки, возникшей по каким-либо личным или имущественным счетам“.[2] Отметим, что размер бесчестия полагалось „взяти по человеку“, т. е. по тем нормам, которые устанавливались в статьях 41—73.

СТАТЬЯ 40

Статья является повторением второй части ст. 25 Судебника 1550 г.

---

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 257.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 7-е, стр. 352.

К СТАТЬЯМ 41—73

Статьи являются развитием ст. 26 Судебника 1550 г. Из этих 33 статей лишь 10 повторяют с большими или меньшими изменениями ст. 26. Остальные 23 статьи — новые. (В краткой редакции ст. 7). В них перечисляются новые, по сравнению с Судебником 1550 г., разряды населения и должностные лица, для которых определяется тот или иной размер бесчестия. Таким образом, Судебник 1589 г., расширяя перечень социальных категорий в данной статье, раскрывает нам более подробную, чем Судебник 1550 г., картину социального состава общества конца XVI в., правда, характерную, может быть, лишь для русского Севера — точнее Двинской области, где появился и был в действии этот памятник. Развитие товарно-денежных отношений в Русском государстве в XVI в. с особой силой сказывалось на хозяйственной жизни Поморья. Здесь, наряду с земледелием, были развиты различные промыслы: солеварение, морской промысел, охота и т. д. Поморские товары (соль, рыба, меха и др.) шли на рынки центральных областей Русского государства. По водному пути к морю (Сухона, Двина) шел поток русских товаров из центральных районов за границу. Каждое лето во вновь построенный порт Архангельск приходило много иностранных кораблей — шла оживленная торговля. Все это не могло не отразиться на социальном составе населения Двинской области. Прежде всего происходила социальная дифференциация городского населения. Внутри посада из общей массы выдвигаются „лучшие посадские люди" — разбогатевшие торговцы, всякого рода промышленники и т. д. Если Судебник 1550 г. отмечает только два разряда городского населения — гостей и торговых и посадских средних людей, — то Судебник 1589 г. отражает более сложную социальную структуру города. „Гости" в отличие от Судебника 1550 г. разделены здесь на три категории: гости большие (ст. 44), средние (ст. 45) и меньшие (ст. 46). Размеры бесчестия, назначенные для каждой из этих категорий, говорят о значительных различиях в их общественном и несомненно в имущественном положении. Гостю большому полагалось бесчестие в 50 рублей, гостю среднему в 2 с лишком раза меньше — 20 рублей, а честь меньшего гостя оценивалась в 12 рублей. Далее, вслед за Судебником 1550 г., Судебник 1589 г. выделяет разряд торговых посадских людей и всех средних людей посада, назначая им бесчестие в 5 рублей, т. е. в 10 раз меньше, чем гостю большому и в 4 раза меньше, чем среднему (ст. 47). Еще меньше бесчестие — 2 рубля — назначалось городскому человеку доброму (ст. 53) и совсем ничтожное — полтина — городскому молодчему человеку (ст. 54). Правда, статья 51 выделяет еще одну низшую социальную категорию — молодчих посадских людей, которым положено рублевое бесчестие. Сравнивая различные размеры бесчестия, определенные для разных разрядов городского населения, мы можем судить о степени социальных различий внутри посада: честь самой низшей в социальном отношении кате-

гории населения оценивается в 100 раз ниже, чем честь самой высшей категории — гостей больших.

Факт значительной социальной дифференциации можно заметить также и в составе сельского населения. Судебник 1589 г. отмечает в ст. 52 крестьянина разбогатевшего, связанного с торговлей и с ростовщичеством, и назначает ему бесчестие в 3 р. В противовес этому честь рядового волостного жителя — пашенного крестьянина — оценивается в 1 рубль, т. е. в три раза меньше, чем честь разбогатевшего крестьянина (статьи 50, 51). Размеры бесчестия говорят нам о значительных различиях в общественном, а значит и в имущественном положении волостного крестьянства. Подтверждение этого находим в документах XVI в., отражающих волостную жизнь. В Куростровской волости в 1549 г. собирались деньги на мирские нужды, причем раскладка их производилась „по животам", т. е. по имуществам, — согласно оценке специальных оценщиков — выборных от волости. На значительное имущественное неравенство указывают следующие цифры: 6.8% плательщиков вносили от 4 гривен и выше и уплатили 28.5% всего сбора; 21% платили от 2 до 4 гривен, что составило 37% сбора; 14.7% платили от 1 до 2 гривен, что составило 14.4% сбора; и, наконец, 57.4% вносили менее гривны — они уплатили только 20.1% общей суммы сбора. Мы видим, что больше половины крестьян данной волости (57.4%) имели „животов" меньше, чем незначительная кучка богатеев, составлявшая всего 6.8% волостных жителей.[1] Имущественное неравенство сопровождалось значительным неравенством земельных наделов. Это видно из тех волостных разрубов, которые производились „по земле" — „по веревкам". Например, в 1589 г. в Куростровской волости собирались деньги по 10 алтын с веревки. Из сохранившегося списка плательщиков по этому разрубу, в который включено 103 имени, ясно, что 9 домохозяев имели земли от 10 до 22 веревок, 15 — от 5 до 10 веревок, 65 — от 1 до 5 веревок и 14 — меньше одной веревки.[2] Такие же данные о неравенстве земельных владений крестьян Куростровской волости получаем из другого разруба того же года (1 июня 1589 г.), когда взималось по алтыну с веревки.[3] Из этих примеров мы видим, что как в отношении „животов", так и в отношении земельных владений внутри волости не было никакого равенства. Экономически более сильные крестьяне захватили в свои руки значительную часть волостных земель. Прямым следствием этого является заметное к концу XVI в. обезземеленье обедневшей части волостного крестьянства. Некоторые из крестьян довольствовались совершенно ничтожными наделами, другие совсем лишались земли и превращались в беспашенных людей,

[1] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 3. — Ср. А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в., стр. 152.

[2] Там же, №№ 17, 22.

[3] Там же, № 16.

нанимавшихся в качестве казаков-работников к богатым крестьянам. В документах Куростровской волости такие безземельные люди, проживавшие за хозяевами, называлась „пешками“ (см. комментарий к ст. 231, стр. 561). Из вышесказанного видно, что данные Судебника 1589 г. о различных категориях крестьян (в отношении размера бесчестия) отражают реальное положение, сложившееся внутри северной черной волости к концу XVI в. На процесс расслоения посадского и волостного населения указывают также статьи Судебника о нищих. Нищенство было, вероятно, для обеднevшего человека, попавшего в ту ли иную беду, единственным способом пропитания. Судебник 1589 г. различает нищих, которые еще сохранили кое-какое имущество (ст. 64), от нищих, ничего не имевших (ст. 67). Особо выделяются нищие московские и городские, т. е. происходящие не из данной волости. Значительное неравенство внутри черной волости в конце XVI в. является одной из характерных сторон процесса отделения города от деревни — процесса, который на севере Русского государства имел свои особенности. Одной из своеобразных особенностей развития города на Севере, как указывает П. П. Смирнов, является то, что посады здесь „не отграничивались резко от окружавших их черных волостей“.[1] Иными словами, часть населения северных черных волостей, оставаясь в составе волости, по характеру своих занятий подходила близко к посадскому населению. Занятие торговлей и промыслом сочеталось здесь довольно часто с земледельческим хозяйством. Крестьянин ст. 52 Судебника 1589 г., „которой торгует или денги и рожь взаймы дает“, близок к переходу в посад. Поэтому, когда нужно было заселить вновь основанный город Архангельск, правительство приказало перевести сюда жителей не только из двинских посадов, но и из черных волостей. В царской грамоте 15 февраля 1586 г. предписывалось этим новопоселенцам дворы „поставить и огородити и жити им на посаде, в новом Колмогорском городе торговати“.[2] Конечно, предписать открыть торговлю в городе правительство могло только такому крестьянину, который этим делом занимался, будучи еще деревенским жителем. В более поздней грамоте 1613 г. сообщается, что часть этих переведенцев в городе не живут (хотя и платят по городу подати), „а живут по посадам и по деревням в старых своих дворех верст за сто и за полтораста“,[3] т. е. числясь в составе посадского населения, некоторые жители (вероятно, продолжая заниматься торговлей) фактически жили по деревням.

Далее, Судебник 1589 г. в статьях о бесчестии выделяет еще одну значительную прослойку населения Севера — церковников. Причем, опре-

---

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I. М.—Л., 1947, стр. 217. — См. об этом же: М. М. Богословский. Земское самоуправление. . ., т. I, стр. 124—126.

[2] В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, стр. 164.

[3] Там же, стр. 169.

деление размера бесчестия представителям „черного духовенства“ — игуменам и монахам — было отнесено к юрисдикции церковных властей: „что святитель укажет“ (ст. 63). Бесчестие попам, дьячкам, пономарям, просвирням, трапезникам определялось сообразно тем доходам, которые эти лица получали от церкви и волости (статьи 61, 62).

Судебник 1589 г. знает новые разряды служилых людей — стрельцов, ратных людей, вольных казаков и каменщиков (ст. 72). Называется и такая категория населения, как скоморохи (статьи 65,66). Характерной особенностью Судебника 1589 г. являются статьи о бесчестии представителям выборного волостного управления: судье (ст. 55), целовальнику (ст. 56), сотскому (ст. 57), пятидесятскому и десятскому (ст. 58), земскому дьяку (ст. 59), старосте церковному (ст. 60). Все эти статьи с большой наглядностью показывают связь Судебника 1589 г. с волостным судом и управлением. Вслед за Судебником 1550 г. Судебник 1589 г. сохраняет разницу в нормах бесчестия для мужчин и женщин. За оскорбление женщины взыскивался штраф вдвое бо̀льший, чем за оскорбление мужчины. Почти во всех статьях о бесчестии повторяется одна и та же фраза: „а женам их вдвое“. Владимирский-Буданов двойной размер бесчестия объясняет „трудностью самозащиты“ женщины.[1] Однако в другом месте Владимирский-Буданов отмечает, что „привилегированное положение чести женщины“ зафиксировано в памятнике, современном Правде Русской, а именно в договоре с немцами 1195 г. В ст. 7 договора за удар, нанесенный женщине (замужней или девице), назначается штраф, равный вире за убийство свободного человека, и столько же частного вознаграждения оскорбленной.[2] Следовательно, признание законодательством Русского государства XVI в. оскорбления женщины тягчайшим видом преступления против чести является исторически сложившейся нормой права.

Что же считалось бесчестием? Владимирский-Буданов отмечает, что „московское право уже знает чистую форму преступлений против чести в отношении ко всем лицам — «лай» и «непригожее слово»“.[3] Судебник1589 г. указывает целый ряд случаев бесчестия. Например, согласно ст. 39, бесчестие взималось с ответчика, обвиненного не только в „бое“, что соответствовало Судебнику 1550 г., но и в „грабеже“, что было новым по сравнению с тем же Судебником, — т. е. избиение человека и связанное с этим похищение имущества, по тогдашним представлениям, имело элемент бесчестия для личности потерпевшего. Поэтому,хотя то и другое преступления как уголовные наказывались государством: „а в пене, что государь укажет“, за них полагалось еще наказание и как за бесчестие. По статье 103 Судебника 1589 г. за ложное обви-

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II., изд. 5-е, стр. 129—130.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 7-е, стр. 320.

[3] Там же, стр. 350.

нение кого-либо в воровстве взыскивался штраф-бесчестие в пользу ложно обвиненного. Бесчестие в двойном размере уплачивалось тому, кого пытали безвинно, в результате несправедливо проведенного обыска (ст. 212). Бесчестием земскому судье, дьяку и всем другим лицам, присутствовавшим на волостном суде (в качестве помощников судьи) считалось ложное заявление ответчика о несправедливости суда, если обвиненная сторона лживо заявляла, что суд был несправедливым (ст. 6). Наконец, согласно ст. 73, за нанесение увечья кому-либо уплачивалось бесчестие „зря по человеку и по увичью". Из всех приведенных случаев видно, что бесчестием считалось действие, которое наносило кому-либо личную обиду или оскорбление, — в таком случае потерпевшему выплачивалось вознаграждение, размер которого определялся социальным положением и должностью потерпевшего. Назначая особые, сравнительно высокие, нормы бесчестия для выборных должностных лиц волостного суда и управления, Судебник 1589 г. выходит за рамки охраны личной чести. В данном случае охраняется честь лица, поставленного на должность мирским выбором, — тем самым подчеркивается важность всего института выборных и выборного управления. Следует, однако, учитывать, что в основном важные выборные должности волости, как это отмечено выше, занимала богатая волостная верхушка. Следовательно, высокий размер бесчестия для должностных лиц был одним из путей обеспечения их господства в волости.

Составитель Судебника 1589 г., создавая новые статьи о бесчестии, исходил из тех основ феодального права, которые были сформулированы в Судебнике 1550 г. Принцип защиты чести „зря по человеку" укреплял позиции господствующего класса.

СТАТЬИ 41—43

Статьи 41—43 являются повторением с некоторыми сокращениями текста первой части ст. 26 Судебника 1550 г. В краткой редакции (ст. 7) они опущены, но имеется ссылка: „А бесщестье бояром и дьяком полатным... писано назади в 26 главе". Наличие статей о детях боярских, бесчестие которым определяется по величине их кормлений, Владимирский-Буданов называет одним из примеров анахронизма: „... как будто система кормления при ц. Федоре господствовала так же, как при ц. Иоанне в 1550 г.".[1]

СТАТЬИ 44—46

В статьях 44—46 определяется бесчестие торговым людям — „гостям".

Статья 44 является повторением текста ст. 26 Судебника 1550 г., статьи 45 и 46 — новые. „Гости" как бытовое прозвание чужеземных или иногородних купцов, известное по источникам с X в., сохранялось и в XVI в.

[1] **М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 213—214.**

Но наряду с этим в конце XVI в. появилось новое значение этого термина — гость как звание, жалуемое царской властью богатейшим торговцам и промышленникам. Гости в качестве чиновных торговых людей ведали закупкой товаров на царское имя, их хранением и продажей, чеканкой монеты, а также важнейшими таможнями страны, например, в Архангельске и других городах. Термин „гость большой" известен уже Судебнику 1550 г., который определяет ему бесчестие в 50 рублей. Судебник 1589 г. употребляет новые термины: „середний гость" и „меньший гость" — оба термина неизвестны из официальных источников. Не являются ли новые звания гостей Судебника 1589 г. отражением того факта, что как раз около этого времени были созданы гостинная сотня и суконная сотня, в состав которых набирались „лучшие" торговые люди Москвы и других городов? Это предположение становится вполне вероятным, если сравнить нормы бесчестия Судебника 1589 г. и Уложения.[1] Честь „гостя большого" в обоих памятниках — оценивается одинаково — в 50 рублей, честь „лучшего" человека гостинной сотни оценивается по Уложению в 20 рублей, что совпадает с оценкой чести „середнего" гостя в Судебнике 1589 г. Честь „лучшего" человека суконной сотни оценивается по Уложению в 15 р., тогда как честь „меньшего" гостя оценивается в Судебнике 1589 г. в 12 рублей. Подобная близость размеров бесчестия Уложения и Судебника 1589 г. относительно высших категорий купечества позволяет предполагать, что составитель Судебника 1589 г. в терминах — „середний гость" и „меньший гость" — отразил этот важный факт в истории торговли — создание гостинной сотни и суконной сотни.

СТАТЬИ 47—49

Статьи 47—49 представляют собой повторение текста ст. 26 Судебника 1550 г. с незначительными изменениями.

СТАТЬЯ 50

Статья повторяет текст ст. 26 Судебника 1550 г., но неполностью. Судебник 1550 г. определяет бесчестие „пашенному и непашенному" крестьянину, тогда как в ст. 50 Судебника 1589 г. говорится лишь о первом — о пашенном. Такое изменение текста может быть объяснено тем, что составитель Судебника 1589 г. не хотел смешивать в одной статье столь разные по роду занятий и по экономическому положению группы волостного населения: обладающего землей, ведущего свое хозяйство пашенного крестьянина и не имеющего земли, занимающегося каким-либо промыслом или работающего в „казаках" непашенного человека — вроде таких бес-

[1] Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1907, гл. X, § 94.

пашенных людей как „пешки“ (см. комментарий к ст. 231). Поэтому в ст. 50 составитель оставил только пашенных крестьян. О бесчестии волостным людям вообще, в том числе и „непашенным“ крестьянам, он сказал в ст. 51, переработав соответствующим образом ст. 26 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 51

Статья представляет собой значительную переработку ст. 26 Судебника 1550 г. Выражение Судебника 1550 г. „или черному городцкому человеку молодчему“ заменено здесь другим „и посадцкому и волосному“. Если составитель Судебника 1550 г. ставит в один ряд (в смысле размера бесчестия) молодчего боярского человека и черного городского человека, то для составителя Судебника 1589 г. было вполне естественным поставить в этот же ряд и волостного молодчего человека, так как население северных волостей, о котором говорится в Судебнике 1589 г., принадлежало к разряду черного населения Русского государства. В отличие от статей 50 и 52, в ст. 51 говорится о волостном человеке (молодшем) вообще, независимо от того, чем он занимается. Под эту формулу может быть подведен и тот непашенный крестьянин, который опущен, видимо намеренно, в ст. 50.

СТАТЬЯ 52

Новая. В статье определяется бесчестие „доброму“ крестьянину, который как по величине бесчестия (3 рубля), так и по характеру своих занятий (торговля и ростовщичество) выделяется из среды остальных волостных жителей (ст. 51) и пашенных крестьян (ст. 50). Это высшая по состоятельности категория волостного крестьянства. „Добрый“ крестьянин ст. 52 дает взаймы не только деньги, но и рожь. Вряд ли этот хлеб производился в его хозяйстве. Правильнее предположить, что сосредоточение хлеба в руках „добрых“ крестьян было результатом участия их в хлебной торговле— в скупке хлеба в центральных уездах.[1] Эпитет „добрый“ по отношению к крестьянину означает в данном случае более состоятельного жителя волости. Поэтому неправ Владимирский-Буданов, считая, что составитель Судебника 1589 г. неправильно пытается „определить понятие «доброго человека» крестьянина по источникам его доходов“. „Едва ли древние люди, — пишет далее Владимирский-Буданов, — сопричислили бы к лицам, честь которых охраняется тройным привилегированным штрафом, ростовщиков..., надо вспомнить, как смотрело на рост, даже умеренный, законодательство, литература и общественное мнение того времени“. Следовательно, Владимирский-Буданов выдвигает на первый план момент мораль-

[1] О торговле хлебом на севере см.: А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.—Л., 1951.

ной оценки и полагает, что истинным способом такой моральной оценки является указание: „...или в волосте его назовут добрым человеком".[1] Но как раз волость и привлекалась для оценки имущественного состояния данного крестьянина, а не для оценки его нравственных качеств.[2] Указанные в Судебнике 1589 г. размеры бесчестия для разных категорий крестьян — 3 рубля для „доброго", 1 рубль для пашенного, 1 рубль для молодшего волостного человека и (согласно ст. 7 краткой редакции) 1 рубль для „деревенского крестьянина" („молодшего") — позволяют раскрыть обычную формулу волостных документов, подобную следующей: „Лета 7090 генваря в 7 день куростровские волости люди добрые большие, и середние, и молодчие... (имена) разрубили....".[3] И здесь люди „добрые большие" (ст. 52) стоят впереди всех крестьян; за ними следуют средние, вероятно, пашенные (ст. 50); ниже всех — молодчие волостные люди (по ст. 51 и по ст. 7 краткой редакции). Если даже понимать слово „добрый" в приведенном разрубном списке не как „богатый", а как „благонадежный", то все же деление волостных крестьян на „больших", „середних" и „молодчих" отражало имеющееся среди крестьянства неравенство.

СТАТЬИ 53—54

Новые. Правильное чтение этих статей находим в ст. 7 краткой редакции, где вместо слова „повоскому" употреблено в обоих случаях „гороцкому". Следовательно, ст. 53 надо читать: „А гороцкому человеку доброму...", ст. 54: „А молодчему человеку гороцкому...". Чтение краткой редакции „городскому", взятое несомненно из официального источника, составитель пространной редакции переработал применительно к условиям своего района, где население на погостах („повоские" люди) было значительно. В ст. 53 устанавливается бесчестие городскому „доброму" человеку 2 рубля; в ст. 54 „молодчему" человеку городскому — полтина. Следует отметить, что в краткой редакции наряду с „молодшим" городским человеком указан еще и „деревеньский крестьянин", к которому, вероятно, применим также эпитет „молодший". Это самая низшая категория волостного крестьянства, названная в краткой редакции Судебника 1589 г.

СТАТЬЯ 55

Новая. В статье определяется бесчестие земскому судье в 5 рублей. По сохранившимся судным делам видно, что в различных местностях Севера земские судьи назывались по-разному. Например судебное дело 1579 г. Антониево-Сийского монастыря[4] с крестьянами разбирали „двинской данный староста" и

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 212.
[2] См. упоминание оценочных волостных книг в комментарии к ст. 231.
[3] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 11.
[4] Там же, Собрание актов Антониево-Сийского монастыря, № 474, сстав 1.

2 целовальника. „Данный староста с товарищами“ также назван в судном деле 1594 г.[1] Суд Никольско-Карельского монастыря с крестьянами в 1596 г. состоялся перед выборным земским судьею Низовской Луки и „перед приписными судьями“.[2] В царской „судимой“ грамоте 1 февраля 1584 г. названы „земские судьи“ четырех двинских волостей.[3] В Устьянской уставной грамоте судьи названы „излюбленными старостами“, в Двинской уставной грамоте — „излюбленными головами“. Такая разница в наименованиях судей объясняется прежде всего тем, что функции судьи не ограничивались судом. Богословский отмечает, что земские судьи иногда сосредоточивают в своих руках и судебно-полицейскую и финансовую власть (например в Устьянских волостях).[4] Судья избирался на волостном сходе преимущественно из числа богатых, „прожиточных“ крестьян волости, которые имели возможность влиять на волю схода, экономически господствуя в деревне. Например судьей в Куростровской волости в 1589 г. был избран Мокей Нечаев сын Пикшиев.[5] А из разрубных списков этой волости мы узнаем, что Мокей Пикшиев имел 11 веревок земли. Это далеко превосходило средний уровень крестьянского надела. Таких крестьян в этой волости было не больше 10 человек.[6] Срок службы судьи был обычно годовой.

СТАТЬЯ 56

Новая. Установление бесчестия судецкому целовальнику в том же размере что и земскому судье, указывает на важное значение целовальника в волостном суде. Он должен был заседать вместе с судьею при разборе всяких дел, наблюдать за правильностью составления судного списка, принимать участие в следствии и т. д. Целовальники выбирались вместе с земскими судьями. Так, в 1643 г. крестьяне Чушевицкой волости выбрали земского судью „да к нему же в товарищи в судецкие целовальники Ивана Порфенова сына... и ему... целовальнику быть с судьею в судецких целовальниках и нас крестьян... им судити и управа меж нами крестьяны чинити вправду“.[7] Богословский отмечает, что термин „судецкий“ употреблялся в официальных документах еще задолго до Судебника 1589 г. В актах XVII в. наряду с судецкими целовальниками часто упоминаются судецкие старосты.[8]

---

[1] Ср. также: сб. ГКЭ, т. I, № 340.

[2] Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 569.

[3] Сб. ГКЭ, т. I, № 276.

[4] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 177.

[5] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 15.

[6] Там же, №№ 16, 22. — См. также: А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в., стр. 152—154.

[7] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, Приложения, V, стр. 84.

[8] Там же, т. I, стр. 272, 275, 276, 278; т. II, стр. 177, 178, 183. — См. также: ААЭ, т. I, №№ 254.

СТАТЬИ 57—58

Новые. Статьи определяют размер бесчестия лицам, занимавшим выборные полицейские должности в волости, причем размер бесчестия сотскому был выше в 4 раза, чем пятидесятскому и десятскому (в Музейском списке бесчестие десятскому снижено до полуполтины), что говорит о высоком положении, которое занимал сотский в волости. Богословский считает, что сотский в волостях Двинского уезда и Подвинской четверти Важского уезда стоял во главе других земских волостных властей, включая и земского судью. Но в других местах, в том числе и в Устьянских волостях, роль сотского была менее значительной. Об этом же свидетельствует и Судебник 1589 г. По ст. 55 бесчестие судье полагается в $2^1/_2$ раза выше, чем сотскому. В обязанности сотского входило заведывание сбором податей, заключение мирских займов, сбор мирского схода, участие в суде, ведение следствия, заведывание волостной тюрьмой (ст. 106) и т. д. Его помощником являлся пятидесятский. Он, как и сотский, принимал участие в суде, вел следствие, чаще всего выступал в роли полицейского агента, подчиненного сотскому. Десятский — низший полицейский агент. Иногда он избирался на волостном сходе, а иногда в своем десятке. Известны десятки из 20 дворов.[1] Были десятки и более мелкие. Об этом свидетельствует выборный список Куростровской волости конца XVI в.: „По цареве и великого князя грамоте куростровские волощане выбрали... сотского (одного), пятидесятских (два человека)..., десятцких (8 человек)“. Причем в выборном списке указываются поименно крестьяне каждого десятка. Так, у десятского Григория Никитина „в десятке людей“ — 7 человек. В этом десятке назван также и сотский, выбранный на этом мирском сходе. В десятках шести десятских указано по 9 человек, в одном десятке — 7 человек.[2] В выборном списке от 3 октября 1591 г. выбранным значится 1 сотский, 1 пятидесятский и 5 десятских, а далее записано: „И тому нашему сотцкому Василью наши всякие дела делати земские и волостные и разрубы волостные сбирати по нашим волостным разрубным спискам, и на каково дело земское приведетца денег занять до розруба и сотнику деньги займовати в кабалы... а пятидесятцкому и десятцким нашего сотника во всяких земских делах слушать. Куда которого пошлет. А пятидесяцкому на земские дела десяцких свещати, десятцким нас крестьян свещати, которому ж ведати свой десяток“.[3] Мы видим, что десятский подчинялся пятидесятскому, а этот последний сотскому.

---

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 231—236.
[2] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 24.
[3] Там же, № 18.

СТАТЬЯ 59

Новая. Земский дьяк, или дьячок, был непременным лицом в составе самоуправления каждого волостного и посадского земского мира. Он заведывал письмоводством — писал приговоры мирских сходов, всякого рода бумаги земских властей, а также частные акты. Земский дьячок выбирался мирским сходом и необязательно из жителей данной волости. В „выборе“, избирательном акте, вручавшемся избранному, указывался срок службы (иногда значительный) и определялся размер „найма“. Так, например, земский дьячок волости Юрьева Наволока дал расписку старосте в том, что он взял у него „найму своего годового от земского письма по своем ряде 2 рубля денег“.[1] На мирской наем указывает также добавление к тексту ст. 59 в Музейском списке: „з мирской поряды найму“.

СТАТЬЯ 60

Новая. Бесчестие церковному старосте и губному старосте назначается одинаковое — 5 рублей. Такой же размер бесчестия определяется земскому судье и „судецкому“ целовальнику. Это показывает, что все эти должностные лица по социальному положению были равны — они все происходили из волостных крестьян или посадских. Видимо, принцип уставных губных грамот — выбирать губных старост „из детей боярских грамотных“ в местности, где действовал Судебник 1589 г., не выполнялся. Вообще с развитием на Севере во второй половине XVI в. земских учреждений в сферу их деятельности попадают разбойные дела, а это приводило к тому, что губные учреждения или вовсе прекращали свое существование или попадали в положение, зависимое от земских: губной староста становился помощником земского судьи (см. комментарий к ст. 114, стр. 492—493). Этим, вероятно, и объясняется то, что Судебник 1589 г. о губных учреждениях вообще не упоминает, а говорит лишь о губном старосте. Старосты губные кое-где еще сохранились. Так, в Устьянской уставной грамоте 1555 г., подтвержденной при царе Михаиле в 1622 г., в Устьянских волостях предполагаются губные старосты. И действительно, в одном из станов Устьянских волостей — Введенском — губные старосты избирались до 1637—38 г. (Между прочим, наличие губных старост в Устьянских волостях Богословский считает одним из доказательств, что Судебник 1589 г. был составлен именно здесь).[2]

Церковный староста, упомянутый в ст. 60, избирался на мирской сходке прихожан той или иной церкви или погоста. Срок обычно не указывался. Иногда староста занимал свою должность десятки лет. Церковным старостой мог быть тяглый волостной крестьянин или посадский

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 299.
[2] Там же, т. II, стр. 225.

из „прожиточных“, т. е. богатых. Церковный староста управлял всеми церковно-хозяйственными делами (сдавал подрядчикам в аренду церковную землю, следил за получением с них оброка и „празги“, заведывал церковной казной, раздавал церковные деньги в рост, смотрел за имуществом церкви и т. д.) и представлял церковь как юридическое лицо. Когда приход совпадал с волостью, церковный староста исполнял и полицейские функции.[1] Например на имя церковного старосты Селецкой волости крестьянами подавались многочисленные жалобы (явки) о покраже, побоях и т. д.[2] На его имя пишутся поручные записи по волостным крестьянам, отправленным в ратную службу,[3] он „считает“ сотского.[4] В 1627 г. Селецкий церковный староста обходит огороды своей волости и устанавливает, какие „выти“ негорожены.[5] Церковный староста представлял волость в делах с правительственными учреждениями. Так, 28 августа 1655 г. церковный староста Селецкой волости „... во всех крестьян место на стану на Борку“ в съезжей избе подал явку земскому судье на церковного старосту и всех крестьян Заостровской волости в том, что последние побили скот крестьян Селецкой волости.[6] Мы видим, что церковный староста Селецкой волости играл очень важную роль. Такое же значение по документам первой половины XVII в. имел церковный староста Дмитровской церкви в Устьянских волостях.[7] В выборных списках волостных старост, целовальников, судей и других лиц волостного управления церковный староста всегда упоминается одним из первых в ряду лиц, бывших на сходе, что свидетельствует о высоком положении церковного старосты в волости.

СТАТЬЯ 61

Новая. Бесчестие попу определяется в размере того дохода, который он получает с прихожан за исполнение службы и различных треб (крестин, венчания, похорон и др.). Выражение „волоснаго доходу“ вместо приходского рассматривается Богословским как доказательство совпадения северного прихода с волостью.[8] Поп выбирался прихожанами на определенный срок. Причем в попы выбирались иногда и не духовные лица, а грамотные крестьяне и посадские. В таком случае они „посвящались“ церковной епархиальной властью. При выборе составлялась порядная запись, в кото-

---

[1] С. В. Юшков. Очерки истории приходской жизни на севере России в XV—XVI вв. СПб., 1913, стр. 37—41.

[2] Архив ЛОИИ, Собрание Лихачева, карт. 60, №№ 3, 13.

[3] Там же, № 7, 8.

[4] Там же, № 11.

[5] Там же, № 21.

[6] Там же, № 69.

[7] Там же, карт. 58, №№ 2, 6, 26, 33, 37, 43, 49.

[8] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 361.

рой определялись не только обязанности попа, но и его доходы. В одной порядной 1649 г. указано, что поп должен уделять $^{1}/_{3}$ доходов низшим членам причта — дьячку и пономарю.[1]

СТАТЬЯ 62

Новая. Дьячок, пономарь и просвирня[2] — низшие члены причта — избирались также на сходе прихожан. Жили они обычно на погосте около церкви (см. комментарий к ст. 188, стр. 541). Получали доходы от церкви и плату от волости. Так, в Музейском списке бесчестие им определяется в размере „что от церкви и з миру на год доходу“. Церковный дьячок иногда одновременно был и земским дьячком.

Непонятное слово „строю“ разъясняется совершенно точно в Музейском списке — „трапезнику“. Трапеза — помещение, находящееся в одном здании с церковью: „она была и волостным правлением, и полицейским участком, и нотариальной конторой, и местом мирского пития ссыпного пива“.[3] Трапезник смотрел за порядком в трапезной и исполнял роль церковного сторожа. Жил обычно на погосте. Следует отметить, что трапезник был только в богатых приходах.

СТАТЬЯ 63

Новая. Размер бесчестия представителям черного монастырского духовенства — игуменам, монахам и монахиням — определяется, согласно ст. 63, церковными властями. Появление ст. 63 в Судебнике 1589 г. объясняется тем, что в составе населения Севера монахи занимали значительное место. Об этом свидетельствует то, что только местных монастырей на Двине, по данным Никольского,[4] было 7, среди них, как выше было указано, такие крупные, как Антониево-Сийский, Архангельский, Никольско-Карельский и др. Кроме того, монастыри Соловецкий, Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский имели здесь значительные промыслово-земледельческие хозяйства. Большое количество монахов из других монастырей Руси прибывали на Двину для закупки товаров: соли, рыбы, иностранных изделий и т. д., — все это свидетельствует о том, что представителей монастырского духовенства в Двинском крае было значительное количество. Следует также отметить, что на Севере было много монастырей-приходов, которые как замечает С. В. Юшков, были „характернейшим явлением церковной жизни“[5] на Севере, причем такие монастыри-приходы внезапно по-

---

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 28—29.

[2] Там же, стр. 35.

[3] С. В. Юшков. Очерки истории приходской жизни..., стр. 32.

[4] Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. 1. СПб., 1897, приложение 1, стр. IV, XII, XIII.

[5] С. В. Юшков. Очерки истории приходской жизни..., стр. 90, 98.

являлись и так же внезапно исчезали.[1] В каждом таком маленьком монастыре, теснившемся на погосте, были свои игумен и старцы.

СТАТЬЯ 64

Новая. В статье устанавливается размер бесчестия вдове и нищему человеку: „. . . против их животов вдовьих и нищих". Сопоставление вдовы и нищего человека показывает, что эта статья имеет в виду тех вдов, которые проживали на погостах и, как отмечено в ст. 184, питались „от церкви божии". Что и в таком случае вдова могла иметь имущество, доказывается ст. 193, по которой бездетной вдове возвращалось приданое и выплачивалось полетное. По аналогии с вдовой можно полагать, что и „нищий человек", упомянутый в статье, принадлежал к тем нищим, которые известны нам по писцовым книгам как жители погостов. „На погосте столько то келий... а в них живут нищие, питаютца от церкви божии" — вот обычная формула писцовых книг. Если наше предположение правильно, то можно полагать, что нищие, которые жили при церквях и владели каким-то имуществом, были в несколько лучшем экономическом положении, чем те нищие, которые по ст. 67 „ис кусов" ходили. Размер бесчестия девице устанавливается такой же, как и чернице („против черьницы").

СТАТЬИ 65—66

Новые. Статьи устанавливают размер бесчестия скоморохам — артистам русского средневековья. Искусство скоморохов, выражавшее интересы народных масс и имевшее весьма заметный элемент социальной сатиры, направленной против господствующих классов, пользовалось любовью народа и встречало решительное противодействие со стороны церкви и правительства, которые рядом мероприятий пытались ограничить или совсем запретить скоморошество. Однако наличие новых статей о скоморохах в Судебнике 1589 г. (составленного в северных волостях) и довольно высокая норма бесчестия (например бесчестие описному скомороху равнялось бесчестию сотского — 2 рубля, ст. 57) указывают на то, что скоморошество в Поморье еще в конце XVI в. процветало. Об этом же можно заключить из летописного известия 1571 г. о наборе в Новгородской области „веселых людей-скоморохов" и отправке их в Москву.[2] Немногочисленные документы, в которых упоминаются скоморохи, позволяют установить две категории их: скоморохи, проживающие в определенной местности длительное время или постоянно,

---

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 81—82.

[2] ПСРЛ. т. III, стр. 167. В более раннем документе — в уставной грамоте Устьянским волостям 1539 г. — сказано: „... а скоморохом у них в волости волостель и его тиун играти не освобожает" (М. М. Богословский. Уставная грамота Устьянским волостям 1539 г. Чтения ОИДР, 1907, кн. I, Смесь, стр. 47).

и скоморохи кочующие. Так, в приговорной соборной грамоте Троице-Сергиевского монастыря 1555 г. крестьянам Присецкой волости запрещается „в волости держати скоморохов“ и предлагается их „бив да ограбив да выбити из волости вон“. Вместе с тем в грамоте делается оговорка о странствующих скоморохах: „а прохожих скоморохов в волость не пущать“,[1] т. е. наряду с оседлыми скоморохами, которых держала волость, были скоморохи прохожие, т. е. переходившие из одного селения в другое. Если сопоставить терминологию приведенной грамоты с терминологией Судебника 1589 г., то можно отожествить „описного“ скомороха с тем скоморохом, который в волости живет, а „неописного“ с тем, которого грамота называет „прохожим“. Вероятно, скоморох, который жил постоянно в той или иной местности, при описании данной местности заносился в писцовую книгу или в окладную книгу и назывался в Судебнике 1589 г. поэтому „описным“ (в Музейском списке он назван даже „описным государевым скоморохом“); скоморох странствующий, не имеющий постоянного местожительства, не заносился при описании в писцовую книгу и поэтому назван „неописным“.[2] О существовании скоморохов, проживавших постоянно в тех или иных деревнях, говорят также данные топонимики. В списках населенных мест по Архангельской и Вологодской губерниям находим в Двинской области 5 деревень с названиями, происходящими от слова скоморох.[3] Можно полагать, что в старину в этих деревнях жили скоморохи. В словаре Даля сообщается, что вплоть до XIX в. сохранились „записные скоморохи, этим промышляющие“.[4] Скоморох, проживающий в одной местности, пользовался большим почетом у населения, чем скоморох странствующий. Поэтому величина бесчестия первому в 20 раз выше, чем второму. Вместо слов ст. 65 „а жене его ничего“ следует читать по Музейскому списку „а жене его вдвое“.

СТАТЬЯ 67

Новая. Статья охраняет честь нищих, которые не имели никакого имущества (в отличие от нищих ст. 64), а ходили по деревням и собирали милостыню („ис кусов ходят“). Термином „калика“ в древности называли странника, путешествующего к „святым“ местам и побирающегося по дороге. „Калики, —

---

[1] ААЭ, т. I, № 224.

[2] В краткой редакции названа еще одна категория скоморохов — „походные скоморохи“ с бесчестием в 2 деньги. Составитель пространной редакции исключил „походных скоморохов“ из своего текста, причисляя, вероятно, и их к „неописным“.

[3] Скоморохово (Тотемский уезд), Скомороховская (Сольвычегодский уезд), Скоморошье (Никольский уезд), Скомороховская (Архангельский уезд), Скомороховская (Шенкурский уезд): Списки населенных мест Российской империи. Вологодская губерния. СПб., 1866. — Список населенных мест Архангельской губ. на 1 мая 1922 г. Архангельск, 1922.

[4] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. 1882, стр. 207—208.

говорит И. Прыжов, — были нищими высшего разряда".[1] Ходили они целыми ватагами,[2] распевали духовные стихи, былины, рассказывали сказы о своих странствованиях и т. д.[3] Позднее название „калика" было перенесено на людей с физическими недостатками (калеки), которые обычно кормились подаянием. Таких нищих-калек и имеет, вероятно, в виду статья 67.

СТАТЬЯ 68

Новая. Размер бесчестия городским нищим (в том числе и московским) определяется выше, чем нищим ст. 67 (видимо, волостного происхождения). Термин „кликун" разъясняется добавлением к нему в Музейском списке слова „калика", т. е. это, вероятно, те калики-кликуны, о которых как о высшем разряде нищих говорит И. Прыжов (см. комментарий к ст. 67). В Вологодской губернии просить милостыню то же, что „кликать".[4]

СТАТЬЯ 69

Новая. Незначительные размеры бесчестия незаконнорожденным — 2 деньги — определялись недостойным поведением их матерей („для матерних промыслов"). Владимирский-Буданов замечает, что установление особого бесчестия незаконнорожденным вызывает недоумение: „...как будто эти последние составляют особый разряд общественных состояний".[5]

СТАТЬЯ 70

Новая. Ведьмы, или ведуньи, — волшебницы, колдуньи, ворожеи, предсказательницы и т. д. По мнению суеверных темных народных масс, знали (ведали) „тайную силу".[6]

СТАТЬЯ 71

Новая. Статья отказывает в бесчестье преступникам: татям, разбойникам, зажигальщикам и „ведомым лихим людем" (которые по ст. 115 подлежат смертной казни), т. е. любые побои и оскорбления, нанесенные этим людям, скажем, при поимке или во время содержания в тюрьме, считались допустимыми.

В краткой редакции была вслед за этой еще одна статья о бесчестии (в 2 деньги) зернщикам, кабацким ярыжкам и бражникам. Оканчивалась она

---

[1] И. Прыжов. Нищие на святой Руси. Казань, 1913, стр. 12.
[2] Там же, стр. 23.
[3] Там же, стр. 26—32.
[4] Там же, стр. 25.
[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 213.
[6] Ср.: Срезневский. Материалы, т. I, стр. 480—481.

фразой в виде народной поговорки: „зерщику на зернь завесь, а ярышкам и бражником похмельная чарка“. В пространную редакцию эта статья совсем не включена.

СТАТЬЯ 72

Новая. В один ряд со стрельцами, ратными людьми и вольными казаками поставлены каменщики, причем размер бесчестия всем этим категориям определен в общей форме — „что царь государь укажет“. Упоминание каменщиков вместе с низшими военнослужилыми людьми показывает, что и они были на государственной службе. Это, вероятно, те „записные государевы каменщики и кирпичники“, которые с 1583—84 г. ведались в приказе Каменных дел и обязаны были „ежегод“ являться в Москву в приказ для отправки на работу. Утверждение А. Н. Сперанского[1] об отсутствии рабочих каменного дела на „деревянном“ севере — в Поморье — едва ли справедливо. Статья 72 говорит о наличии каменщиков на Двине. Кроме того, ряд документов указывает, что именно здесь производились наборы каменщиков. Так, 18 марта 1600 г. в Куростровской волости по царскому приказу производился обыск каменщиков, кирпичников, гончаров, печников и других специалистов каменного и глиняного дела.[2] Записанные „на государя“ каменщики освобождались от тягла, пошлин и от подсудности местным властям. Давались и другие льготы.[3] Таким образом, каменщики обособлялись от остального тяглого крестьянского и посадского населения.

СТАТЬЯ 73

Статья повторяет конец ст. 26 Судебника 1550 г. Однако в последнем бесчестие за увечье положено не только крестьянам, но и „всем... посмотря по человеку и по увечью“. В ст. 73, напротив, говорится о бесчестии за увечье только крестьянам.

СТАТЬЯ 74

Статья представляет собой переделку ст. 27 Судебника 1550 г., в которой речь идет о тяжбах: а) между чужеземцами-иностранцами (в этих случаях присягу дает ответчик), б) между иностранцами и подданными Русского государства (в этих случаях присяга определяется жребием). Владимирский-Буданов, комментируя ст. 74, замечает: „...в Суд. ц. Ф. И. эта привилегия иноземцев отпала и дана сила общему правилу“.[4] Иначе понял эту статью Богословский. Перерабатывая ст. 27, составитель Судебника 1589 г., по мнению Богословского, совсем изменил ее смысл. Составитель

[1] А. Н. Сперанский. Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 29.

[2] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 31.

[3] А. Н. Сперанский. Очерки по истории приказа Каменных дел..., стр. 32—34.

[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 216.

„под словом «чужеземец» понимает, очевидно, жителя иной волости, потому что противополагает его «волощанину», а не «человеку здешняго государства». Поэтому в Судебнике 1589 г. нет тех двух случаев, которые различает царский Судебник; оба они соединены в один, и право выбора крестоцелования предоставляется ответчику. Если ответчик откажется целовать крест, а поцелует истец, тогда ответчик, как проигравший процесс, обязан уплатить и судебные пошлины". Богословский объясняет такое противопоставление „чужеземца" „волощанину" тем, что составитель Судебника 1589 г. не мог „отрешиться от того волостного строя жизни, в среде которого вращаются все его помыслы".[1] Нам кажется, что Владимирский-Буданов в понимании этой статьи ближе к истине. Богословский неправ, когда трактует „чужеземца" как „жителя другой волости", т. е. тоже волощанина. При таком понимании слова „чужеземец" совсем странно выглядит первая фраза ст. 74: „...а которой чюжеземец взыщет на чюжеземце или на волощанине". Подставляя значение слова „чужеземец" в толковании Богословского в цитированный текст: „а который (житель иной волости) взыщет на (жителе иной волости) или на волощанине", мы получаем положение, противное тому принципу подсудности, который установлен в ст. 231 („...а где хто даст дань, тут ему и судитися"). Согласно этому постановлению жители двух разных волостей не могут возбуждать иск друг к другу перед земским судьей третьей волости. При таком толковании слова чужеземец, которое дает Богословский, постановления ст. 74 противоречили бы порядкам волостного суда. И, наоборот, никакого противоречия не возникает, если считать „чужеземца" ст. 74, так же как и ст. 27, иностранным подданным. Следовательно, в ст. 74 разумеются, вопервых, тяжбы между чужеземцами и, во-вторых, тяжбы между чужеземцами и волостными жителями. И характерным для „волостного миросозерцания" составителя Судебника 1589 г. является то, что он выражение Судебника 1550 г. „человек здешнаго государьства" заменяет словом „волощанин". Принадлежность к волости была для составителя равнозначуща государственному подданству. Чужеземцы были, вероятно, нередким явлением в северных волостях, лежащих на пути от Белого моря к центру Русского государства. Общение иностранных купцов с местными выборными властями принимало самые различные формы. Так, в 1609 г. Д. И. Шуйский предписывал старостам, целовальникам и земским судьям стана Борок, Подвинской четверти, выдать из оброчных денег гостю английской земли Ивану Ульянову 500 рублей.[2] Последний прислал в волость за деньгами своего товарища Томаса Ульянова.[3] Иногда иностранцы вступали

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 261—262.

[2] Иван Ульянов — Джон Мерик, дипломатический агент Англии в России. См.: И. И. Любименко. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых. ЖМНП, 1916, № 11, стр. 11.

[3] Архив ЛОИИ, Собрание Лихачева, карт. 60, № 5.

в непосредственную торговлю с волостными крестьянами. Например сотский и посадские люди города Архангельска в жалобе 1673-74 г. писали: „... да оне же иноземцы розъезжают по волостем и покупают у волостных крестьян скот и рыбу и всякий харч“.[1] Такие факты могли быть и в более раннюю пору. Спорные дела между этими чужеземцами, а также между чужеземцами и жителями волостей (волощанами) могли возникать по самым различным поводам. Статья 74 Судебника 1589 г. и определяет порядок их рассмотрения.

СТАТЬЯ 75

Статья соответствует началу ст. 28 Судебника 1550 г. Вся остальная часть ст. 28 со слов: „а которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати...“ (т. е. все то, что касается делопроизводства центрального суда) опускается составителем Судебника 1589 г., Богословский объясняет это тем, „что все эти подробности делопроизводства, устанавливаемые царским Судебником, были не нужны и даже невозможны в практике земских северных судов, при которых не было дьяков и подьячих и где делопроизводство велось земскими дьячками“.[2] Следует, однако, отметить, что и первая часть статьи никак не могла быть применена „к практике земских северных судов“, так как в ней говорится о суде царя, его детей и бояр. Составитель не мог эту статью приспособить к условиям волостного суда и выписал дословно лишь первую, наиболее важную, по его мнению, часть ст. 28.

СТАТЬЯ 76

Статья повторяет почти без изменений ст. 29 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 77

Статья повторяет без существенных изменений ст. 30 Судебника 1550 г. Но, если в Судебнике 1550 г. сохранились указания на суд совместный („сместный“, т. е. с участием двух судей, представляющих обе стороны) — в делах между духовными и светскими людьми (ст. 91) и в делах между лицами разных уделов (ст. 100), то в Судебнике 1589 г. этих указаний нет. Так, в статьях 185, 186, в которых определяется порядок суда между церковными и волостными людьми, положено судить только земским судьям. Таким образом, статья 77 не имела непосредственного значения. Но ситуация, указанная в этой статье, — „ищея и ответчик судимы будут не одному судье“ — иногда имела влияние на ход судебного разбирательства.

---

[1] К. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 177—178.
[2] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1586 г., стр. 372.

Так, в судном деле 1596 г. между Никольско-Карельским монастырем (истец) и крестьянами Заостровской волости (ответчики), разбиравшемся земским судьей Вознесенского стана Низовской Луки вместе с „приписными судьями", произошел следующий случай. Крестьяне-ответчики, выслушав судимую царскую грамоту, заявили судьям: „...перед вами отвечаем, токо, государь, мы не видим с вами судьи своего заостровского". На это судьи ответили: „...вам его мочно ли поставити судью своего к нам и мы его сь собою в суд примаем". Ответчики обязались „поставить судью своего", но это им не удалось, так как судья их „не послушал" и с ними „не поехал". Дело было разобрано указанными выше судьями.[1]

Мы видим из этого примера, что ответчик мог потребовать присутствия судьи своей волости, но характерно, что судья мог и не явиться по этому требованию.

СТАТЬЯ 78

Статья повторяет с некоторыми изменениями первую часть ст. 31 Судебника 1550 г. Так, выражение ст. 31 „а кто кого поимает приставом" заменено в ст. 78 — „а хто по кого пристава пошлет", или вместо „в лае, или в займе" написано „в какове деле ни буди". Допущены также перестановки слов, не меняющие смысла статьи.

СТАТЬЯ 79

Статья является повторением второй половины ст. 31 Судебника 1550 г. с заменою термина „жалобницы" другим — „челобитные".

СТАТЬЯ 80

Статья повторяет без существенных изменений ст. 32 Судебника 1550 г., которая относится к центральному суду и запрещает недельщикам брать посулы для себя или для судей бояр, окольничих, дворецких и т. д. Составитель мог бы и эту статью приспособить к условиям волостного суда, поставив рядом с недельщиком доводчика или земского пристава, а с центральными судьями — земского судью, т. е. тем же приемом, каким приспособлены статьи 2, 3, 6, 7 и др. Судебника 1550 г. Этим приемом составитель не воспользовался в данном случае.

В тексте ст. 80 имеются описки и пропуски. Так, вероятно, вместо слова „на судей" поставлено „на судех" (ср. Судебник 1497 г., ст. 33); пропущены при перечислении центральных судей в первом случае казначей, во втором дворецкий и казначей; вместо „неделщика казнити торговою казнью" написано „бити кнутом".

---

[1] Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 569.

СТАТЬЯ 81

Статья повторяет с небольшими изменениями ст. 33 Судебника 1550 г. При определении пошлины боярину „от печати“ по девяти денег пропущено слово „с рубля“; вместо „а кто возмет болше того“ поставлено „а кой возмет лишек“. Наказание за ложный донос в Судебнике 1550 г. — торговая казнь и тюрьма — выражается в Судебнике 1589 г. обычной формулой: „бити кнутом да порука взяти по нем, чтобы впредь не лгал“ (т. е. вместо тюремного заключения — порука).

СТАТЬЯ 82

Статья повторяет со значительными пропусками ст. 34 Судебника 1550 г. Заключающая статью 34 уголовная санкция полностью опущена в ст. 82.

СТАТЬЯ 83

Статья повторяет почти полностью ст. 35 Судебника 1550 г. Имеется описка, искажающая смысл: вместо „правую грамоту... или отпускную“ стоит „правую отпускную“.

СТАТЬЯ 84

Статья повторяет ст. 36 Судебника 1550 г. Имеются искажения: вместо „отписи“ — „отписки“, вместо „подписи“ — „подписки“.

СТАТЬЯ 85

Статья повторяет ст. 37 Судебника 1550 г. Владимирский-Буданов, отметив, что в ст. 85 пропущены слова Судебника 1550 г. „кому государь укажет“, замечает, что „добавление было весьма не лишнее, потому что иначе выходило бы, что царь сам берет пошлины с суда в свою пользу“.[1] Но составителя Судебника 1589 г. совсем не интересовал вопрос — куда пойдут пошлины центрального суда.

СТАТЬИ 86—88

Статьи являются повторением без значительных сокращений и изменений статей 38—40 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 89

Статья представляет собой переделку только первого пункта ст. 41 Судебника 1550 г. Вся же остальная часть статьи — о беспошлинной отписке срока явки в суд служилым людям, о хранении срочных грамот дьяками, не подьячими, о сличении срочных дьяком при выдаче безсудных —

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 218.

совсем не включается в Судебник. Богословский объясняет это следующим образом: „Постановления об отсрочке суда между служилыми людьми не интересовали составителя Судебника 1589 г., так как на севере служилых людей не было; он эти постановления и опустил. Вместе с тем отпал и конец 41-й статьи царского Судебника с правилами о хранении срочных записей дьяками, а не подьячими — правилами, которые также не были подходящими для земского волостного суда“.[1]

СТАТЬЯ 90

Статья 90 — повторение ст. 42 Судебника 1550 г. Опущены заключительные слова ст. 42: „...а кто солжет (т. е. несправедливо скажет, что с него взяли пошлин больше), того казнити торговою казнью да вкинути в тюрму“. Начало статьи правильнее читать по списку Андреевского, где слово „давать“ заменено союзом „и“, в соответствии с текстом Судебника 1550 г.

СТАТЬИ 91—92

Статьи являются дословным повторением ст. 43 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 93

Статья повторяет первую половину ст. 44 Судебника 1550 г. Вторая половина статьи, говорящая о том, что дьяк не должен подписывать приставных грамот без недельщика и писать больше 20 вытей в одной приставной, совсем опущена. Владимирский-Буданов правильно объясняет этот пропуск: „...пропуск, вероятно, преднамеренный, потому что все это не соответствовало порядкам земского (крестьянского) делопроизводства“.[2] Первая фраза ст. 93 читается правильно (в соответствии с Судебником 1550 г.) в списке Андреевского, где вместо „и недельщику“ стоит „у недельщиков“.

СТАТЬЯ 94

Статья является ст. 8 краткой редакции. Первая фраза ее: „А хоженое неделщику в городе 10 денег, а по (в Судебнике 1550 г. — „на“) правду вдвое“, повторяет начало ст. 45 Судебника 1550 г. Роль недельщиков — представителей центрального суда, обязанных вызывать по приставным грамотам людей в суд и отдавать их на поруки, — в волостном суде исполняли доводчики, которые иногда назывались рассыльщиками (см. ст. 32). В соответствии с этим в ст. 94 главным и является определение „хоженого“ для доводчика: „А по волостем доводчику имати хоженое... на версту по деньге“. В оглавлении к ст. 94 „хоженое“ доводчику названо прямо

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 363.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 219.

„поверстное“: „...и волосным доводчиком поверстное“. Хоженое — поверстное доводчик взимал с тех, кого он вызывал к суду или „кого на поруки даст“. Статья предусматривает также случай, когда доводчик, никуда не идя, брал поруку по тому или иному лицу в церковной трапезе: „...а в трапезе от поруки 2 денги“. „Трапеза находилась в большинстве случаев в одном здании с церковью и иногда была так велика, что церковь, казалось, была простой приделкой к трапезе“.[1] Особенно важное значение имела трапеза той церкви, которая служила центральным пунктом волости. „Там, — пишет Богословский, — совершались обыкновенно разного рода публичные акты, например происходили судебные заседания, производилось обнародование царских указов и распоряжений местной правительственной власти, опрашивались крестьяне под присягой... происходил иногда прием податей и заключались разного рода частные сделки... трапеза северной церкви каждый день и помимо сходов была полна народа, являвшегося туда по общественным и частным делам“.[2] Например, 31 декабря 1633 г. Введенского стана (Устьянская волость) земские судейки собрали „крестьян въ трапезу и государеву грамоту обыскную во весь мир вычести велели и спрошали крестьян“, или 21 сентября 1634 г. земский судья с товарищами „сстал в Чушевицкой трапезе, истцов и ответчиков с очей на очи поставил и спрошал истца Федора“.[3] В купчей от 1 января 1659 г. на деревню в Селецкой волости сказано, что она писана в „ильинской трапезе“.[4] В церковных трапезах совершались иногда и трапезы в буквальном смысле слова — мирские собрания с угощением вскладчину с питьем сваренного на этот случай мирского пива.[5] Особо богатые церкви нанимали специальных смотрителей за трапезой — трапезников (ср. ст. 62). Выражение Судебника 1550 г. „а от поруки неделщиком поминков не имати“ переделано в ст. 94: „А от поруки неделщикам и доводчикам поклоннаго и поминков не имати“, т. е. и в этой фразе наряду с недельщиком поставлен доводчик.

СТАТЬЯ 95

Статья является повторением ст. 46 Судебника 1550 г. В списке городов (с обозначением таксы за проезд, взимаемой судебным приставом) допущены некоторые пропуски и перестановки. Так, опущены Вышгород, Бежецкий Верх, Зубцов, Опоки, Хлепня, Торжок, Верея и Медынь. Следует отметить, что в списке Андреевского перечень городов Судебника 1550 г. передан точнее, чем в списке Мазурина. Так, опущенные в послед-

[1] С. В. Юшков. Очерки истории приходской жизни..., стр. 32. См. также выше, стр. 471.

[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 203.

[3] Там же.

[4] Архив ЛОИИ, Собрание Лихачева, карт. 67, № 7.

[5] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 22.

нем Боровск, Тарусу и Переяславль находим в тексте первого. Неправильное чтение списка Мазурина „до Клинца“ в списке Андреевского читается, в соответствии с Судебником 1550 г., „до Кременца“. Точно так же название города Белева в списке Андреевского читается как „Белеев“, т. е. более правильно, чем в списке Мазурина, где оно читается как „Беляев“. В отличие от Судебника 1550 г., где величина езда дается всегда словом, в Судебнике 1589 г. она выражается цифрами — например слово „полтретьятцать“ выражено цифрой 25. При переписке фразы Судебника 1550 г. „до Двины и до Колмыгоры восмь рубль московская“ — последнее слово опущено. Это доказывает, что разница между московскими и новгородскими деньгами, видимо существовавшая в середине XVI в., исчезает к концу века. Указание Судебника 1550 г. на то, что езд взимается московскими деньгами, не имело для составителя никакого значения.

СТАТЬЯ 96

Статья повторяет только первую, очень небольшую часть обширной статьи 47 Судебника 1550 г. Владимирский-Буданов, пытаясь объяснить это сокращение, пишет: „...остальная, самая интересная, часть (ст. 47, — *А. К.*) об организации товарищества недельщиков („заговор“) и ездоков опущена, потому ли, что этот институт исчез в конце XVI в., или (что вероятнее) потому, что автор — уездный обыватель — вообще мало интересовался центральными учреждениями“.[1] Малый интерес у составителя к центральным судебным учреждениям мы наблюдали также и на примерах других статей (ср. комментарий к статьям 1, 2, 3, 5 и т. д., стр. 443 и сл.). Следует отметить заключительную фразу ст. 96: „А кой неделщик или доводчик поклоннаго у ково возмут, и уличят его в том и на нем взяти втрое“. Это новое, по сравнению с ст. 47 Судебника 1550 г., постановление сформулировано так, что оно может быть применено в волостном суде. Рядом с недельщиком здесь поставлен доводчик, должностные преступления которого и карались согласно этому дополнению.

СТАТЬЯ 97

Статья повторяет ст. 48 Судебника 1550 г., но с очень существенными изменениями, а именно, в текст статьи наряду с недельщиком и наместником включены доводчик и судья (земский) с товарищами. Посредством этого добавления статья 48 Судебника 1550 г. была поставлена в соответствие с теми условиями суда, которые создались на местах в результате отмены в 50-х годах XVI в. наместничьего суда и замены его судом выборных земских судей. Согласно ст. 97 представители центрального суда — недельщик или ездок, — приехав в город или в волость для вызова в суд

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 221.

того или иного лица, обязаны были теперь предъявлять приставные грамоты земским судьям и их товарищам (так как наместников уже не было), а также поставить перед ними истца и ответчика в том случае, если они оба проживали в данной волости или городе и были подсудны данному земскому судье. Если же эти представители центрального суда не предъявляли земскому судье приставных грамот и не ставили перед ним истцов, то они лишались „езда“, положенного им по ст. 95. Возникает вопрос, почему рядом с недельщиком (должностным лицом центрального суда) поставлен доводчик (должностное лицо волостного суда)? Возможна ли была вообще такая судебная ситуация, когда бы доводчик вызывал на суд своего земского судьи истца и ответчика, подсудных другому земскому судье? Мы считаем, что возможна, хотя она на первый взгляд и противоречит принципу подсудности, установленному в ст. 231. Для выяснения этого вопроса следует остановиться на организации суда конца XVI в. в такой области, как Двинская. Двинская уставная грамота 1556 г. вводила всеуездную административно-судебную коллегию из двух выборных („излюбленных“) старост и предписывала в волостях избирать сотских, пятидесятских и десятских. Выше было указано, что к концу XVI в. практика выбирать земских судей в волостях была всеобщей. Таким образом, на Двине рядом с волостными земскими судьями (судившими только в своей волости) были выборные судьи более широкой компетенции. Например, судебное дело 1596 г. между Никольско-Карельским монастырем и крестьянами Заостровской волости производил выборный судья Низовской Луки Вознесенского стана Никита Михайлов сын Любов, да 2 человека приписных судей. Судьи велели своему доводчику, названному здесь земским приставом, поставить „перед себя... ищей и ответчиков... с очей на очи“. Но оказывается, в Заостровской волости (крестьяне которой были ответчиками) имелся и свой волостной судья (см. комментарий к ст. 77). Статья 97 и предусматривает такой случай, когда доводчик земского судьи более широкой компетенции должен был поставить истцов, подсудных волостному судье, т. е. в этом случае предъявить свои приставные грамоты волостным судьям, а также ставить перед ними истцов, как это делал недельщик. Заключительная фраза ст. 97 „а одного исца не поставит“ и т. д. определяет ответственность доводчика за „волокиту“ — за оттяжку в решении дела, происшедшую по той причине, что одна из сторон не явилась к суду. В свое оправдание доводчик мог предъявить поручные записи (тогда ответственность падает на поручников) или дать объяснения о тех уважительных причинах, по которым он вызванного в суд „не поставил“ („исправы на собя не поставит“).

СТАТЬЯ 98

Статья повторяет первую фразу ст. 49 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 99

Статья соответствует второй части ст. 49 Судебника 1550 г., но смысл статьи изменен. В Судебнике 1550 г. запрещалось недельщикам „волочить“ (медлить) при отписке сроков явки в суд и выдаче бессудной грамоты при просрочке. За это с недельщика должен был браться штраф по 3 деньги в день в пользу стороны, потерпевшей от волокиты. В Судебнике 1589 г. в ст. 99 предписывается взимать штраф („править“ волокиту) по 3 деньги на день с того, кто в срок не явится в суд, в пользу той стороны, которая явится к судьям в срок и вынуждена будет ждать другую сторону.

СТАТЬЯ 100

Статья соответствует ст. 50 Судебника 1550 г., но смысл статьи изменен. В Судебнике 1550 г. говорится об обеих сторонах — истце и ответчике — и назначается взыскание „волокиты“ по 3 деньги в день с неявившейся стороны, в пользу той стороны, которая своевременно явилась в суд. В Судебнике 1589 г. говорится только о штрафе с одного истца, взимаемом в пользу ответчика, если первый, возбудив дело, сам к сроку не явится. Далее статья 100 устанавливает совершенно новую, по сравнению с Судебником 1550 г., норму: „... да и суда ему (истцу, который не явился в срок, — *А. К.*) не дати за тем судьею до нового судии году“. Владимирский-Буданов замечает, что это „могло относиться только к земским (волостным) судьям, правившим погодно“.[1] Норма штрафа 3 деньги в день за „проести“ и волокиту, установленная еще Судебником 1550 г. и принятая Судебником 1589 г., была обычной в XVII в. Помета от 20 июня 1639 г. на жалобе на судью Ростовской Устьянской волости гласит: „А будет судейка того дела не взял и учинил волокиту, и на судейке доправить проести и волокиты на три месяца на день по 3 деньги, за ослушанке“[2] (отметим, что по ст. 8 за волокиту с судьи взимался 1 рубль).

СТАТЬЯ 101

Статья повторяет первую часть ст. 51 Судебника 1550 г., опуская, однако, постановление о том, что с дел, решаемых судебным поединком — „полем“, — всегда берется пересуд. Владимирский-Буданов рассматривает это как „знак стремлений ограничить применение поединков“.[3] Но нам кажется, что подобный пропуск Судебника 1589 г. можно считать доказательством неприменяемости „поля“ в практике волостного суда в конце XVI в. вообще.

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 222.
[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 255.
[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 223.

СТАТЬЯ 102

Статья соответствует второй части ст. 51 Судебника 1550 г. В последней говорится о том, что пересуд допускается в случае, если какая-либо сторона объявит судный список лживым. Судебник 1589 г. допускает пересуд при таких же обстоятельствах, но налагает наказание на оболживившего список, если он не докажет своей правоты („лжи на него не доведет“): 1) с него берется пошлина — пересуд, 2) кроме того, он наказывается кнутом и отдается на поруку „что ему впредь не лживить“, 3) с него взыскивается „правый десяток“ — 4 деньги.

СТАТЬЯ 103

Статья является ст. 9 краткой редакции и соответствует ст. 52 Судебника 1550 г. В первой части ст. 103 („А приведут ково с поличным впервые с узлом, и доведут на него поличное, и на нем доправити за узол тритцеть рублев государю в казну“) излагается совершенно новая, по сравнению с Судебником 1550 г., норма. Владимирский-Буданов в комментарии к ст. 103 в 5-м издании „Христоматии“ склонен ошибочно рассматривать выражение „с поличным... с узлом“ как поличное в виде узла с вещами. Но в более ранней работе, посвященной Судебнику 1589 г., Владимирский-Буданов дал правильное объяснение термина „с узлом“: „...это техническое выражение древнего обычного права, требовавшего, чтобы предмет преступления был связан с преступником и в таком виде представлен судье“.[1] Богословский, комментируя ст. 103, также пишет, что слово „узел“ не означает „узла с крадеными вещами, а указывает на обычай привязывать поличное к вору, подобно тому как труп убитого привязывался к убийце“.[2] Богословский приводит ряд примеров, свидетельствующих о существовании такого обычая в Поморье еще и в XVII в. Так, в 1631 г. крестьянин Чадромской волости жаловался на земского судью за то, что он послал сотского и земского дьячка „к отцу моему ко двору в ночи, а меня Невежку поймали без узла и без поличного, и без мирского обыску, и меня сироту били и безвичили на смерть“. В другом деле, 1631 г., приведена жалоба крестьянина Вещеозерской волости в том, что его обозвали татем „а неведомо почему: ни следом, государь, ко мне не приходили, ни полишного никакого у меня не вынимывали, ни на шею не вязывали“.[3] Богословский отметил также, что в северных судебных делах не встречается указаний на 30-рублевый штраф в казну, о котором говорится в ст. 103.

Новым в ст. 103 является постановление о наказании кнутом за ложное обвинение („ополичение“) и о взыскании с лжеца, истца и приводчика

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Судебник 1589 г...., стр. 55—56.

[2] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 364—365.

[3] Там же, стр. 365.

бесчестия в пользу оклеветанного: „...а не доведут на него (на приведенного с узлом, — *А. К.*) поличного, ино того исца и приводчика бити кнутом да безчестие на нем взяти на того, кого поличнили".

Остальная часть ст. 103 представляет собой повторение второй части ст. 52 Судебника 1550 г. с той разницей, что Судебник 1589 г. точно определяет вид пытки, применяемой во время следствия („пытати накрепко, кнутом"), силу ее (100 ударов).

СТАТЬЯ 104

Статья повторяет первую часть ст. 53 Судебника 1550 г. с заменой выражения „а опричных ему людей" другим — „а чистых ему людей", т. е. в деле не замешанных.

СТАТЬЯ 105

Статья повторяет вторую часть ст. 53 Судебника 1550 г., но с существенной добавкой — рядом с недельщиком вставлено „или в волостех кой человек". Это прибавление, как отмечает Богословский, показывает, что составитель Судебника 1589 г. „имел в виду волостной строй жизни".[1] Употребление обобщающего „кой человек" вместо перечисления должностных лиц: сотского, пятидесятского и десятского, обязанных по должности ловить татей и разбойников, показывает, что поимка татей и разбойников была обязанностью всех волостных жителей. Попустительство („поноровка") татю или разбойнику со стороны любого волостного человека наказывалась. Определяя наказание, составитель Судебника 1589 г. заменяет выражение Судебника 1550 г. „казнити торговою казнью" обычным — „бити кнутом". К последней фразе ст. 53 Судебника 1550 г. „а в казни что государь укажет" в Судебнике 1589 г. добавлено „и его дияки". Это добавление Владимирский-Буданов считает „совершенно невозможным". „Неопределенная уголовная санкция «что государь укажет», во всяком случае, обозначает, что вид кары назначается в отдельном случае лицом, которое облечено и законодательной властью". Владимирский-Буданов далее признает, что иногда этой прерогативой, от имени царя, пользовались бояре (в приказах) и выборные судьи, „но отнюдь не дьяки".[2] Но нам кажется, что правом назначения наказания пользовались и дьяки. Указанием на это может быть как раз свидетельство Судебника 1589 г., который отражал действительные отношения приказных дьяков к подвластному им населению.

СТАТЬЯ 106

Статья повторяет со значительными изменениями ст. 54 Судебника 1550 г. Посредством добавлений составитель приспособил статью о центральном

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 365.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 224.

суде (какой является ст. 54) к условиям суда волостного. В текст первой фразы Судебника 1550 г. „А у которого неделщика сидят тати“ после слова „неделщика“ вставлено в Судебнике 1589 г. „или в волостях у сотников“. Эта прибавка соответствует волостному строю, в котором жил составитель Судебника 1589 г. Сотники или сотские в северных волостях — выборные люди, заведывавшие полицией. Их обязанностью было, в частности, и содержание под стражей татей и разбойников. В своей деятельности по пресечению преступлений сотский был лицом, подчиненным земскому судье. Отсюда становится понятным постановление ст. 106 о том, что как недельщик, так и сотник не имели права отпускать на поруки заключенных „без боярского или без судьина ведома“. Причем слова „без судьина ведома“ являются новой вставкой. Мы видим, что в ст. 106 сохраняются постановления по линии центрального суда — недельщик не должен „без боярского ведома“ отдавать на поруки преступников, и, вместе с тем, вводятся новые постановления по линии суда волостного — сотник не имеет права отдавать на поруки „без судьина ведома“ татей и разбойников, находящихся у него под стражей.

СТАТЬЯ 107

Статья повторяет ст. 55 Судебника 1550 г. В двух случаях вместо „боярина“ поставлено „судья“ — в чем можно увидеть попытку переделать статью с целью приспособления ее к условиям волостного суда. Выражение Судебника 1550 г. „да исцу в его гибели выдати головою“ заменено другим „да отдати исцу в его искупу головою“, т. е. вместо „в его гибели“ поставлено „в его искупу“. Владимирский-Буданов отметил, что в статье имеются описки. Так, ошибочно вставлено слово „выпустит“ перед словом „выручит“ и в начале статьи перед словами „церковные и головные“ пропущено слово „опричь“ (кроме), вследствие чего утратился смысл постановления.[1]

СТАТЬЯ 108

Статья повторяет с изменениями ст. 56 Судебника 1550 г. В Судебнике 1550 г. было положено обвиненного в татьбе заключить в тюрьму пожизненно, если он и не сознался под пыткой в своем преступлении, но на обыске назван „лихим“ человеком. По Судебнику 1589 г. тать, который при пытке „на себя не скажет“, но будет в обыске назван „лихим“ человеком, подлежит смертной казни („повесити“). Владимирский-Буданов считает это новшество странным, так как „именно при ц. Федоре Иоанновиче состоялось постановление, чтобы не применять смертной казни при отсутствии собственного сознания; см. Уст. кн. Разб. прик., ст. 9“.[2]

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 225.
[2] Там же.

Не следует ли в замене составителем Судебника 1589 г. пожизненного заключения смертной казнью видеть отражение того исторического факта, что волость (как вервь Русской Правды) была обязана искоренять в своей среде „лихих“ людей и отвечала за преступления, совершенные ее членами или хотя бы на ее территории. С точки зрения волости „лихой“ человек — это прежде всего чужой человек, опасный для нее. Он ставится вне защиты закона.

СТАТЬЯ 109

Статья повторяет ст. 57 Судебника 1550 г., прибавлением является последняя фраза статьи: „А того татя казнити по суду и по указу“.

СТАТЬЯ 110

Статья является повторением ст. 58 Судебника 1550 г., но со значительными добавлениями. На ст. 58 имеется ссылка в начале ст. 10 краткой редакции Судебника 1589 г.: „А на кого взмолвят дети боярские или крестьяне добрые, про то писано назади в 58 главе“. Включив весь остальной текст ст. 10 в ст. 111 пространной редакции, составитель в ст. 110 поместил с некоторыми изменениями ст. 58 Судебника 1550 г. Новшества ст. 110, по сравнению с Судебником 1550 г., следующие: 1) дети боярские не называются здесь „добрыми“. 2) Выражение Судебника 1550 г. „или черных людей... добрых... крестьан“ заменяется „или в волосте добрых хрестян“, т. е. для составителя термин „черные крестьяне“ был равнозначен термину „волостные крестьяне“. 3) В соответствии с волостными порядками судья (земский) поставлен, наряду с целовальниками, в число тех „добрых“ людей, показания которых о преступности того или иного лица принимались в расчет. 4) Общее положение ст. 58 „а довода на него в прежних делех нет“ раскрыто в ст. 110 более подробно: „...хотя на него довода и в прежних делех нет, у кого крал, или татбу плачивал, или обыск старой, или душегубство, или зажигание или какое дело ни буди“. 5) Обвиненный таким образом 10—20 „добрыми людми“ обязан уплатить „исцев иск“, причем в ст. 110 устанавливается, что иск в размере не свыше 10 рублей взыскивается без суда, свыше — по суду. 6) Наконец, заключительное, новое по сравнению с Судебником 1550 г., постановление говорит, что с удовлетворенного истца берется „отпись“ (расписка).

СТАТЬЯ 111

Как уже сказано выше, статья 10 краткой редакции составила, при переработке ее в пространную, ст. 111. То обстоятельство, что первая часть ст. 10 мыслилась составителем как текст ст. 58 Судебника 1550 г. (согласно ссылке), определило и первую фразу нового (добавочного к ст. 58) текста ст. 10. Эта фраза играла роль связующего предложения старого текста

(об оговоре 10—20 человек) с новым (о проверке показаний этих 10—20 человек) — „А кои люди взмолвили, и на тех на всех дати суд тому, на кого взмолвили, да про них и про их речи миром сыскати". Но, перенося новый текст ст. 10 в пространную редакцию в виде отдельной статьи, составитель не удовлетворился общей формой „А кои люди" и переделал эту фразу следующим образом: „А на тех на 10 или на 20 человек дати суд", — так начинается статья 111.

Владимирский-Буданов считает, что в ст. 111 „устанавливается порядок пересмотра (через повальный обыск — мир) решений, основанных на показаниях поименного обыска (по пред. статье)". Он считает неясным „идет ли здесь дело о пересмотре по жалобе заинтересованной стороны или устанавливается постоянная проверка поименного обыска мирским".[1] Последний вопрос разрешается вполне определенно текстом краткой редакции (приведенным выше), где сказано: „... дати суд тому, на кого взмолвили". Отсюда ясно, что проверка поименного обыска мирским производилась по инициативе заинтересованной стороны. Более сложным является вопрос о том, что имелось в виду в ст. 111: пересмотр ли „решений, основанных на показаниях поименного обыска" (как полагает Владимирский-Буданов), или проверка самих показаний. В тексте статьи прямо указывается: дать суд обвиненному на тех 10—20 человек „да про них и про их речи миром сыскати", т. е. требуется выяснить с помощью мирского сыска, что люди, давшие показания — „люди добрые, не лживые" и что в показаниях своих они говорили не лживо — „не нарядом говорили". Если на оба вопроса будет дан положительный ответ, то тогда полагалось „дело вершить по суду". Следовательно, мирской обыск, производившийся по инициативе заинтересованной стороны, предшествовал судебному решению, т. е. совершался до суда или в ходе суда и имел целью проверить правильность показаний 10—20 „добрых людей". За это же говорит и то, что согласно ст. 110 по искам не свыше 10 руб. дело не доходило даже до суда, т. е. в таких случаях оговор 10—20 человек был достаточным доказательством преступности. Понятно, что статья 111 давала возможность обвиненному и в данном случае (когда судебного решения не было) обратиться к мирскому сыску. Постановление ст. 111 о проверке „миром" показаний „добрых людей" является важным новшеством Судебника 1589 г., по сравнению с Судебником 1550 г., где даже речи нет о какой-либо проверке. Это новшество представляет собой важный шаг по пути развития судебного процесса и отражало практику волостного суда, в котором иногда вся волость (мир) привлекалась к ходу судебного разбирательства.

Проверка показаний 10 или 20 человек производилась „миром" — „добрыми християны черными, опричь миропродавцов". „Миропродавцами" назывались

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 226—227.

обычно зажиточные жители волости, которые какими-либо проступками против волости (сутяжничество, доносы, взимание высокого роста и другие притеснения) получали подобное название. „Закабаляя лихвенным ростом,— говорит Богословский,—и опутывая сетью темных финансовых операций и судебных кляуз то того, то другого из волощан, «миропродавец и ябедник» являлся для волости, пожалуй, большим разорителем и худшим злом, чем разбойник, нападавший все же открыто“.[1] Несколько типов „миропродавцев“ приведено Богословским. Например, в источниках Введенского стана Устьянских волостей в 30—40-х годах XVII в. упоминается часто миропродавец Герасимко Шаляпин. Оказывается, он, вероятно, в начале 20-х годов по ходатайству мира за ябедничество высылался из волости в Устюжский уезд. В 1623 г. он вернулся из ссылки, „добил челом миру...“, „впредь быть смиренным в миру...“, „жить с миром советно“. Но уже в 1626 г. он оттягал у соседей угодья по р. Порше. Соседние деревни жаловались на него даже в Москву—на „ведомого вора“, ложными исками отнимающего р. Поршу у ее настоящих владельцев. В 1637 г. Шаляпин получает вновь отводную грамоту на р. Поршу. В 1639 г. он затевает новое судебное дело перед судьями Введенского стана о свозе с его пожен 520 возов сена. Ответчики по этому делу—крестьяне-соседи—потребовали разыскать „про его Герасимово Шаляпина воровство и ябедничество и про ложное его челобитье, что мир продает и добрых людей клеплет“. Суд в Введенском стане из-за отказа ответчиков не состоялся. Тогда Шаляпин в 1640 г. перенес дело в Москву против земских судей и добился вызова их в Устюжскую четверть.

Сутяжничество, поклепы, принос из Москвы зазывных и судимых грамот, захват земель,—все это и привело к тому, что Шаляпин получил кличку „миропродавец“. Видимо, он был ограничен в правах. В сохранившихся протоколах по выборам на мирские должности в Введенском Устьянском стане 30—40-х годов в перечне избирателей встречается непременно оговорка: „...опричь миропродавца и ябедника Герасимка Шаляпина“.[2] Богословский полагает, что составитель Судебника 1589 г. взял выражение „опричь миропродавцев“ из подобных протоколов, с формою писания которых он был знаком.[3]

СТАТЬЯ 112

Статья соответствует второй половине ст. 58 Судебника 1550 г. Из этой статьи видно, что мошенничеством считалось похищение имущества посредством обмана (например при торговле). Слова Судебника 1550 г. „а оманщика, как его ни приведут, ино его бити кнутьем“ заменены в Судеб-

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 293.
[2] Там же, т. I, Приложения, стр. 93, 95; т. II, стр. 295.
[3] Он же. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 367.

нике 1589 г. словами „и хоти его трою днем изымаешь и доведешь на него, ино его бити кнутом“. „Здесь устанавливается, — говорит Владимирский-Буданов, — трехдневная давность иска о мошенничестве. Такой короткий срок понятен при торговом обмане“.[1] По-другому рассматривает это место Богословский. Он разъясняет выражение „хотя его трою днем изымаешь“ как „хотя бы пришлось поимать трижды в день“.[2] В Судебнике 1589 г. весьма живо объясняется, почему потерпевшему не следует никакого удовлетворения — „а исцева иску не правити, потому что один оманывает, а другой догадывайсе, а не мечися на дешевое“ (т. е. не льстись на дешевизну).

Следует отметить, что статья 112 представляет собой ст. 11 краткой редакции. Причем, в краткой редакции, наряду с мошенником и обманщиком, почему-то поставлен каменщик: „А хто на каменщике взыщет и т. д.“. Эта неудачная вставка устранена при переработке текста ст. 11 в ст. 112 пространной редакции.

СТАТЬЯ 113

Статья соответствует ст. 59 Судебника 1550 г. Составитель, пытаясь приспособить ст. 59 (о центральном суде) к условиям волостного суда, опускает в тексте ст. 113 упоминание о представителях центрального суда — боярине (опущено в двух случаях), дьяке, недельщике и тиуне, зато вставляет в последней фразе статьи рядом с боярином (однажды упомянутом) судью (земского). Фраза Судебника 1550 г. „А боярину и дьаку и недельщику“ читается в Судебнике 1589 г. „А бояром и судьям“.

В ст. 113 устанавливается новая, сравнительно с Судебником 1550 г., норма — смертная казнь для „нарядчиков“ и „подписчиков“ заменяется наказанием кнутом: „... а нарядчика и подписщика бить кнутом, а в указе (в „пене“, как исправляет Владимирский-Буданов, — *А. К.*) что государь укажет“. Под „нарядчиком“ следует понимать лицо, которое обвиняется в ябедничестве. Нарядчик — это ябедник-клеветник. Согласно ст. 111 „говорить нарядом“ означает клеветать на кого-либо. Выражение „подписку ручную или кабальную“, по мнению Владимирского-Буданова, означает „подлог акта поручительства или кабалы“. Однако по поводу слов из оглавления к ст. 113 „подписку ручную кабальную“ Владимирский-Буданов замечает, что это „означало бы просто подлог кабалы“.[3]

СТАТЬЯ 114

Статья повторяет первую часть ст. 60 Судебника 1550 г. с некоторыми изменениями. Существенным является то, что вместо „волостеля“ здесь

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 227.
[2] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 368.
[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 227.

поставлен „судья". Так, выражение Судебника 1550 г. „и наместнику или волостелю [последний в некоторых списках, — *А. К.*] и его тиуну то имати собе" читается в Судебнике 1589 г. по-другому: „и то имать наместнику и судие". В такой переработке текста можно усмотреть попытку приспособить ст. 60 Судебника 1550 г., говорящую о суде наместников и волостелей, к новым условиям суда на Севере, создавшимся после отмены кормлений. Владимирский-Буданов отметил, что статья 60 отделена в Судебнике 1550 г. от ст. 59 „только ради указания той особенности провинциального судопроизводства, по которой губное дело (о разбойниках) подсудно не наместникам, а губным старостам".[1] Но, как уже было сказано выше, составитель Судебника 1589 г., перерабатывая ст. 60, включает в свой текст (в ст. 114) лишь первую часть ее, сохранив при этом и выражение „оприч розбою", законное в ст. 60, но совсем неуместное в ст. 114, и опускает всю вторую часть ст. 60 — ту часть, в которой определялись границы судебной власти наместников и губных старост. Таким образом, он опускает то, что объясняло появление ст. 60 в Судебнике 1550 г. и без чего статья 114 Судебника 1589 г. стала простым повторением предыдущей статьи. Встает вопрос — чем объяснить, что единственный текст Судебника 1550 г. относительно губных учреждений совсем не попадает в Судебник 1589 г.? По этому вопросу можно высказать лишь ряд предположений. Можно объяснить подобное исключение текста о губных старостах из Судебника 1589 г. тем, что организация и компетенция губных учреждений определялась во времена составления Судебника особым законодательным памятником, возникшим в 50-х годах XVI в., — Уставом о разбойных и татиных делах. Шумаков, изучая губные грамоты, пришел к выводу, что губные учреждения вводятся повсеместно с 1556 г.[2] Поэтому на смену губным грамотам был составлен тогда же особый официальный устав о разбойных и татиных делах (дьяками Васильем Щелкаловым и Мясоедом Вислым), который и лег в основу Уставной книги Разбойного приказа.[3] Следовательно, губные старосты в своей деятельности в конце XVI в. руководствовались не Судебником, а другим законодательным памятником. Может быть поэтому составитель Судебника 1589 г. не включает в свой текст ту часть ст. 60 Судебника 1550 г., в которой определялись судебные права губных старост. Но возможно и другое объяснение. Есть основания предполагать, что губные учреждения были не повсеместно. Можно с уверенностью сказать, что во второй половине XVI в., в таких областях Русского государства, как Вага и Двина, губных старост совсем не было, по крайней мере со времени введения в этих областях земского самоуправления. Так, в уставных грамотах Важской (1552 г.) и Двинской (1556 г.) земским судьям предписывается ведать дела разбой-

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 228.
[2] С. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 16.
[3] Там же, стр. 37.

ные. В уставной Двинской грамоте, например, сказано, что выборные земские судьи должны выбрать себе в помощь сотских, пятидесятских и десятских и „беречи того накрепко, чтоб у них на Колмогорах на посаде и в станех и волостех... татей и разбойников или к кому лихим людем приезду, и корчем, и ябедников, и подписчиков и всяких лихих людей, не было“.[1]

Из этого текста видно, что сотские, пятидесятские и десятские (т. е. аппарат губного управления) подчиняются здесь земским судьям, а судебная компетенция их распространяется и на губные дела. Следовательно, если порядок, введенный указанными земскими грамотами, сохранился в течение последующих 30—40 лет, то можно полагать, что составитель Судебника 1589 г. — житель именно этих областей — вообще не знал губных старост в своей местности. Для него вопрос о соотношении между судебной властью земских судей и губных старост не был жизненным вопросом. Поэтому он опускает весь текст Судебника 1550 г. о губных старостах.

Следует также отметить, что губные учреждения в районах черного волостного крестьянства изменяют свой характер. Губными старостами избираются здесь не представители господствующего класса (дети боярские и служилые дворяне), а рядовые волостные крестьяне, т. е. по социальному своему положению губные старосты ничем не отличаются от земских волостных судей. Поэтому губные старосты начинают играть подчиненную роль в волости, а иногда и совсем исчезают. Ярким примером этого является история губных учреждений Устьянских волостей. По обеим уставным грамотам Устьянских волостей 1555 г. и 1622 г. губные дела остаются в ведомстве губных старост: „...а в розбойных делех волостных людей судити их и управливати губным старостам по их губным уставным грамотам и по наказным спискам“.[2] Но оказывается в действительности особые губные старосты, целовальники и сотские параллельно с земскими судьями, целовальниками и сотскими выбирались только в Введенском стане, и то до 1637-38 г. В остальных же Устьянских волостях земские судьи обязаны были действовать и ранее „и в губных старост место“.[3] Об этом говорится вполне определенно в выборных записях. Так, в 1641 г. в Пежемском стане был выбран в земские судьи Петр Прокопьев сын Третьяков. В „выборе“, между прочим, сказано: „...ему судье Петру татиныя и разбойныя [дела] ведати по государевым жаловальным и по губной, и по уставной грамотамъ, каковы даны во все Устьянские волости“.[4] В другой выборной записи 1643 г. (Чушевицкой волости) говорится о том, что судья, целовальники и сотский должны „беречи накрепко... чтоб в Чушевицкой волости татем приходу

---

[1] ААЭ, т. I, № 250, стр. 272.
[2] Там же, № 243, стр. 266.
[3] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 225.
[4] Там же, т. I, Приложения, стр. 82.

и разбойникам приезду не было, и пив продажных не варили, и вина не курили, и с продажным вином никто никого к себе не пущали".[1] Мы видим, что, вопреки постановлениям уставных грамот, губные дела в Устьянских волостях попадают в руки земских судей. Поэтому в частных челобитных, обращенных к устьянским земским судейкам, последние титулуются иногда двояким названием: земские судьи и губные старосты. Так, в деле 1631 г. назван „Чадромские волости выборной земской судейка и губной староста Марко Онтуфьев". В деле 1639 г. упомянуты „Чадромские волости земские судейки и губные старосты Никифорко Чесноков да Сидорко Леонтьев с товарищи".[2]

Итак, на примере Устьянских волостей мы видим, что выделение разбойных дел в волости в ведомство особых губных старост (избираемых также из крестьян) оказывалось нежизненным. Разбойные дела постепенно переходят в руки земских судей.[3] Может быть поэтому составитель Судебника 1589 г., хорошо знавший практику волостного суда Двинской области (где губных старост совсем не было) или Устьянских волостей, где губные старосты играли, вероятно, незначительную роль, при составлении своего судебника и выпустил совсем тот текст Судебника 1550 г., в котором определялись границы судебной власти губных старост.

СТАТЬЯ 115

Статья повторяет ст. 61 Судебника 1550 г. с включением конокрадства в ряд тех преступлений, которые влекут за собой смертную казнь (и с некоторыми сокращениями текста).

Относительно добавления „и коневому" Владимирский-Буданов говорит: „...быть может, в руках автора С. ц. Ф. И. был более полный список Суд. ц-го, так как в Пск. суд. гр. (первоисточнике статьи Суд. 1497 и 1550 гг.) стоит «и коневому»".[4]

В текст ст. 115 по вине, вероятно, переписчика попало „А будет ис тех лихой истец" вместо точного чтения ст. 61 „А будет истец которому лихому человеку". Точно так же мало понятно выражение „а нет которого татя с ыскуп", что является сокращением последней фразы ст. 61: „А не будет у которого лихово человека столко статка, чем исцово заплатити" и т. д.

---

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, Приложения, стр. 85.

[2] Там же, т. II, стр. 225.

[3] Дела принимали другой оборот, когда губным старостой избирался представитель господствующего класса. Например, в 30-х годах XVII в. в Важском уезде упоминается губной староста из служилых людей Петр Шарапов. Он деятельно отстаивает свои права от покушений земских властей и находит в этом поддержку со стороны Разбойного приказа (М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 226—228).

[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 228.

СТАТЬЯ 116

Статья повторяет с пропусками лишь первую и очень небольшую часть ст. 62 Судебника 1550 г. Остальной текст ст. 62 — о порядке оформления судных дел, о непременном участии в суде наместничьем старост и целовальников и о пошлинах в пользу наместника — опущен составителем Судебника 1589 г. Подобный пропуск текста можно объяснить тем, что для составителя ст. 116 нормы, относящиеся к наместничьему суду, не представляли интереса, так как самого наместничьего суда в то время, когда возник Судебник 1589 г., и в области, в которой он возник, не существовало. Суд здесь осуществлялся выборными судьями и целовальниками, и понятно, что текст Судебника 1550 г., в котором говорилось об участии в наместничьем суде старост и целовальников, не был повторен в Судебнике 1589 г. На этом же основании излишним показался составителю и текст, определяющий размер пошлин в пользу наместника. Пошлины же земским судьям определены были в тех статьях Судебника 1589 г., которые явились результатом переработки статей Судебника 1550 г., относящихся к центральному суду (статьи 9, 10).

СТАТЬЯ 117

Статья почти дословно повторяет ст. 63 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 118

Статья повторяет ст. 64 (причем опускает слова „по... вопчим грамотам") и начало ст. 65 Судебника 1550 г. В результате этого механического соединения двух совершенно различных по содержанию статей получилось, что пошлины в пользу наместника (по Судебнику 1550 г., „с судом з боарьским") от правых грамот взимаются только с суда над детьми боярскими. Таким образом, извращается смысл ст. 65 Судебника 1550 г., в которой определяется размер пошлин от выдачи правых грамот вообще, вне зависимости от того, кому она выдается.

В Судебник 1589 г. совсем не включен остальной текст ст. 65 Судебника 1550 г., в котором определяются пошлины в том случае, когда не наместник, а его тиун выдаст правую грамоту, а также когда правая грамота или полная выдается холопу или рабе. Подобное пренебрежительное отношение составителя к тексту Судебника 1550 г. и в данном случае можно объяснить тем, что все нормы, касающиеся наместничьего суда, нельзя было приспособить к волостному суду.

СТАТЬЯ 119

Статья соответствует первой части ст. 66 Судебника 1550 г., но текст последнего подвергнут здесь значительной переработке: во-первых, наряду с наместниками в этой статье впервые поставлены вместо волостелей судьи

(земские); во-вторых, наместники и судьи обязаны „по волостям кабалных людей судити“. Но вместе с этими нововведениями сохранено постановление ст. 66, запрещающее наместникам без боярского суда выдавать на кабальных людей полные и докладные, а также беглые грамоты (без доклада). Следовательно, права земских судей в отношении суда кабальных людей в волости равнялись правам бывших наместников, „без боярского суда“. Владимирский-Буданов прибавление о суде над кабальными людьми считает замечательным тем, что оно „свидетельствует об особом классе кабальных до указа 1597 г.“ [1] (см. комментарий к статьям 136—146).

СТАТЬЯ 120

Статья повторяет полностью вторую часть ст. 66 Судебника 1550 г. Причем здесь сохраняется упоминание о волостеле, устраненное в ст. 119. Новым, по сравнению с Судебником 1550 г., является установление здесь тройного взыскания с судьи, нарушившего эту статью, тогда как там двойное.

СТАТЬЯ 121

Статья повторяет с сокращениями ст. 67 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 122

Статья повторяет со значительными сокращениями ст. 68 Судебника 1550 г. Владимирский-Буданов считает, что все содержание статьи является анахронизмом. „Требование участия, — говорит он, — в суде наместничьем старост и целовальников, вполне уместное в Ц. судебнике до введения земских учреждений, является странностью в 1589 году; особенно же повторение след. слов С. Ц-го: «в которых волостях наперед сего старост и целовальников не было..., ныне быти...»“.[2] Однако в тексте ст. 122 можно найти такие редакционные изменения, которые показывают, что составитель Судебника 1589 г. пытался приспособить свой источник к новым условиям. Во-первых, в тексте ст. 122 нет упоминания о волостелях и тиунах. Во-вторых, старосты и целовальники по Судебнику 1550 г. обязаны „в суде быти у наместников и у волостелей и у их тиунов“, тогда как в Судебнике 1589 г. об участии старост и целовальников сказано: „... в суде им с наместником и судиею седити“, т. е. рядом с наместником поставлен вновь судья (земский). В фразе „а без целовалника никако же не судити“, по сравнению с Судебником 1550 г., пропущено „без старосты и“. Пропуск, может быть, объясним тем, что составитель привык видеть в волостном суде его времени прежде всего целовальников, которые были обязательными помощниками земского судьи и выбирались вместе с ним мирским сходом.

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 229.
[2] Там же, стр. 230.

СТАТЬЯ 123

Статья является переработкой первой половины ст. 69 Судебника 1550 г. Переработка выразилась в частичном сокращении текста. В ст. 123 пропущено постановление о случае, когда грамотные судные мужи будут противоречить неграмотным в показаниях о том, соответствует ли протокол действительному суду. Причем, подлинный судный список назван здесь матицей. Употребление этого термина обычно в северных грамотах. Например, в судном деле 1578—1580 гг. о пожне Почашовой в Дмитриевской Устьянской волости записано: „...и судья спросил Афанасия Колпачникова: слался на тебя да и на запись Андрей Левонтьев сын Лихачев (ответчик, — *А. К.*), естли у тебя запись на пожну на Почашове. И Афонасей тако рекл: восо (так в тексте), господине, запись сьем в суд, а матица у меня слово в слово. И земский диячек Гриша вычол сьем и матицу, ино во сьеме и в матице пишет тако".[1] Из приведенного текста очевидно, что термин „матица" обозначал подлинник акта и противопоставлялся копии — „сьему". Именно в таком значении термин „матица" употреблен в Судебнике 1589 г. Результатом переработки является также новое чтение начала ст. 123, по сравнению со ст. 69. Статья 69 начиналась: „А пришлет наместник или волостель, или их тиун и список судной к докладу". Начало же ст. 123 читается: „А пришлет намесник или судья судной список в доклад...". Устранение из текста волостеля и тиуна и вставка судьи (земского) говорит о попытке составителя приспособить статью Судебника 1550 г. к условиям волостного северного суда. Этим же можно объяснить и то, что составитель Судебника 1589 г. исключил „дворского" из числа лиц, вызываемых „на правду", если какая-либо сторона „список полживит". Дворские в волостном суде не участвовали.

СТАТЬЯ 124

Статья повторяет вторую половину ст. 69 Судебника 1550 г. с некоторыми сокращениями.

СТАТЬЯ 125

Статья представляет собой значительное сокращение ст. 70 Судебника 1550 г. Причем сокращение проведено так небрежно, что в тексте имеется противоречие. В первой части статьи говорится, что наместничьи и волостелины люди не могут держать у себя и заковывать того обвиняемого или уже осужденного, „по ком поруки не будет", не явя (в тексте: „явя") его приказчику и старосте с целовальниками (по сравнению с Судебником 1550 г. опускается „дворский"). Во второй же части, в противоречии с первой,

---

1 Архив ЛОИИ, Собр. Лихачева, карт. 58, № 2. В другом документе, названном „спимом с челобития слово в слово", в конце отмечено: „матицу писал Никольской диячек Парфен Амосов, а у матицы руку приложил Братай Гаврилов" (Архив ЛОИИ, Собрание Лихачева, карт. 58, № 7).

сказано: „...а у намесников и судьи не явя тех людей, к собе не водити и у собя их не держати, не ковати“. Таким образом, во второй части статьи постановляется (в отличие от постановления Судебника 1550 г., изложенного в первой части ст. 125), что явка должна производиться не приказчикам и старостам с целовальниками, а наместникам и судьям (земским). А так как наместников во время составления Судебника 1589 г. не было, то главный смысл ст. 125 состоит в том, что в волости нельзя было кого-либо держать под арестом (в оковах), не поставив это лицо перед земским судьей. Видимо, по аналогии со ст. 70 в ст. 125 разумеются действия лиц, подчиненных земскому судье.

СТАТЬЯ 126

Статья — повторение, с некоторыми сокращениями, ст. 71 Судебника 1550 г., с тем лишь изменением, что с провинившегося судьи взыскивается сумма иска не вдвое, как в Судебнике 1550 г.

СТАТЬИ 127—129

Статьи являются переработкой ст. 72 Судебника 1550 г. В соответствии с тем, что в первой части ст. 72 говорится о суде наместников в городах, а во второй — о суде волостелей в волостях, составитель Судебника 1589 г. излагает сюжеты первого порядка в статьях 127 и 128, второго — в ст. 129.

В статьях 127 и 128 говорится, как и в Судебнике 1550 г., о том, что наместники в судных делах между посадскими людьми должны справляться с разметными книгами (по которым платились государственные подати), чтобы установить — не ищет ли истец больше того, что за ним числится „животов“. В ст. 127 устанавливается, что один экземпляр разметных книг старосты должны отправить в Москву к тем боярам и дьякам, которым этот город приказано ведать. Отступлением в данном случае от Судебника 1550 г. является то, что в Судебнике 1589 г. ничего не говорится об обязанности старост передавать копии с разметных книг тем старостам и целовальникам, которые у наместников в суде сидят. Опущено также постановление, что в тот год, когда старосты не пришлют разметных книг в Москву, им не дается суд на наместника. Подобные отступления от Судебника 1550 г. Владимирский-Буданов объясняет тем, что „это уже не соответствовало порядкам земского управления в конце XVI в.“.[1] Замечание Владимирского-Буданова справедливо не только в отношении опущенного, но и в отношении оставленного в статьях 127 и 128 (из Судебника 1550 г.). Ведь в них говорится о суде наместников, которых во времена Судебника 1589 г. совсем не было — суд ведали выборные земские судьи.

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 231.

Разметные книги, о которых говорят Судебники, известны и по другим источникам XVI в. Так, в Куростровских разрубных списках упоминаются „оценные книги“, которые служили руководством при раскладке различных волостных сборов, — иначе говоря, при волостных „разметах“. Например, 12 ноября 1578 г. в Куростровской волости было собрано „по алтыну с рубля поживотного“ на уплату оброка „за наместничь доход и их пошлинных людей“ и таможенного недобора. Раскладка производилась по „животам по оценке и по окладу... оценщиков (имена)“.[1] 7 января 1582 г. была разложена в той же Куростровской волости дань „по животом и по промыслом по оценной книги наших выборных оценщиков (таких-то)... по 9 денег с рубля“.[2] Мы видим, что „в оценных книгах“ ценность имущества и промыслов каждого волостного жителя выражалась определенной денежной суммой, установленной выборными оценщиками. Такая оценка (вернее переоценка), производилась по Судебникам ежегодно (ибо разметные книги требовалось присылать в Москву ежегодно).

Статья 129, как уже отмечено, соответствует второй части ст. 72 Судебника 1550 г., в которой говорилось о суде волостелей в волостях. Составитель Судебника 1589 г. внес здесь в текст Судебника 1550 г. много нового. В соответствии с новым устройством суда в волостях первая фраза ст. 129 читается: „А по волостям крестьян черных судити судьям“, вместо соответствующей фразы Судебника 1550 г.: „А по волостям волостелем судити черных людей“. Эта замена „волостеля“ „судьей“ проведена последовательно. Дважды упомянут волостель в ст. 72 Судебника 1550 г., и в обоих случаях в ст. 129 вместо его поставлен „судья“. Изменен также, по сравнению с Судебником 1550 г., порядок определения имущественного положения истца. Если ответчик жаловался, что истец ищет „много не по животом“, то в дело вступал волостной мир. Причем, мир должен был определять имущество волощанина-истца по количеству платимой дани, по величине земельного участка и по промыслам, т. е. по всем тем признакам, которые принимались в расчет при составлении „оценных книг“, имевшихся налицо в Куростровской волости. Поэтому можно полагать, что хотя о разметных книгах ничего не сказано в ст. 129, тем не менее эти книги привлекались миром, когда возникала необходимость определить имущественное состояние того или иного крестьянина.

СТАТЬЯ 130

Новая. Статья является ст. 12 краткой редакции. Следует отметить, что в списке Мазурина (в ст. 130) текст ст. 12 передан с пропусками (после слов „на суде стоя“ пропущено „отвечает“, после „а денег“ пропущено „и живота“,

[1] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 7.

[2] Там же, № 11.

перед словом „сам“ пропущено „я де“, в конце статьи после „по речям“ опущено „дело вершити“) и с существенной вставкой (частица „не“ между слов „истцу“ и „выцеловати“), которая совершенно изменила смысл статьи краткой редакции. В списке Андреевского текст краткой редакции передан точнее (хотя слова „по животом“ и „дело вершити“ также опущены. Сохранена и вставка „не“). Владимирский-Буданов, знавший только один список Судебника 1589 г. (Мазурина), толковал ст. 130 как запрещение выдавать головою несостоятельного ответчика истцу. Он писал: „Запрещается (в ст. 130-ой) несостоятельному ответчику предоставлять присягу истцу на условии, что в случае принесения присяги этим последним, ответчик выдается истцу головою до искупа“ („и тому исцу не выцеловати ответчика головою“). Далее Владимирский-Буданов говорит: „Мотив такого запрещения понятен: обвиненный несостоятельный ответчик не всегда выдавался истцу для отработки долга“.[1] Владимирский-Буданов имеет здесь ввиду постановление Важской и Двинской уставных грамот о невыдаче истцу головой ответчика. Но в комментариях к Важской уставной грамоте Владимирский-Буданов обращает как раз внимание на приписку к ней от 8 марта 1556 г.[2] В этой приписке излагается челобитие важан о том, что „перед выборными судьями ищут по кабалам и по записям и безкабально, заемного хлеба и денег, и по тем кабалам и по записем ответчики винятся, а исцова иску доправити на них немочно...“ (т. е. излагается житейское положение ст. 130). Челобитчики спрашивают: как поступать в таком случае, ибо „в тех делех они управы чинити без государева ведома и тех людей в исцовых искех исцом их выдавати головою до искупа не смеют...“, так как „... в их грамоте того не написано“. Ответ правительства на этот запрос может до известной степени служить комментарием к ст. 130 Судебника 1589 г. Царь указал волостным судьям, „которые люди по кабалам и по записям и безкабально, в хлебе и в денгах, исцом своим перед выборными судьями (т. е. на суде, — *А. К.*) скажутся виноваты, а исцова иску скажут заплатити им не мочно“, то с таких людей следовало править долг в течение 6 недель после суда. Если ответчик в этот срок не был в состоянии заплатить деньги, то судьям позволялось таких „ответчиков в исцовых искех выдавать ищеям их головой до искупа и правые им грамоты на них давати“.[3] Таким образом, припись к Важской грамоте устанавливает выдачу истцу головой до искупа неисправного должника. Видимо, это стало нормой волостного суда и попало поэтому в ст. 12 краткой редакции. Здесь говорится, что если истец целует крест, то ему выдается неисправный должник головою („ и тому исцу выцеловати ответчика головою“). Чтение краткой редакции надо считать правильным.

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 232.
[2] Там же, стр. 280.
[3] Там же, стр. 290—291.

В последней фразе статьи „а ответчику под крест класть...“, видимо, подразумевается такой ответчик, который имел достаточно „денег и животов“, чтоб положить (хоть часть долга) под крест.

СТАТЬЯ 131

Новая. Статья является ст. 13 краткой редакции. Сторонам запрещается на суде иметь помощников. Тот, кто во время судоговорения будет учить одну из сторон, обязывается уплатить половину иска и пошлины (пересуд и правый десяток). Кроме того, он отдается на крепкую поруку „что впредь не учить никого“ на суде. Факт поучения ответчиков на суде отмечен в судном деле 1596 г. Во время судебного разбирательства между Никольско-Карельским монастырем и крестьянами Заостровской волости „пришел игумен Архангельского монастыря Лаврентей да с ним пришел старец Лаврентей Рыжей. Ищеи и ответчики стоят перед судьями на суде и старец Лаврентей Рыжой учал на суде ответчиков поучати... не отвечайте, вы на том месте, где ищеи судьи поставили, то вся земля архангельская, а подите де отвечайте на меже, где межа да так де и говорите как яз говорю“.[1] Как реагировали судьи на подобные поучения ответчиков — неизвестно, так как в данном месте непрерывность текста судного дела нарушается (отсутствует несколько ставов). Но особое подчеркивание в судном деле того факта, что старец Архангельского монастыря поучал тогда, когда „ищеи и ответчики стоят перед судьями на суде“, показывает, что подобные явления считались незаконными.

СТАТЬЯ 132

Новая. Статья является ст. 14 краткой редакции. Владимирский-Буданов считает, что статья 132 представляет собой испорченный текст ст. 73 Судебника 1550 г.[2] Но это утверждение неверно. Статья 73 (в добавление к ст. 72) говорит о том случае, когда обладающий ограниченными средствами истец для обоснования своего большого иска ссылался на то, что у него, кроме своего имущества, было еще на сохранении имущество сторонних людей. В статье же 132-й устанавливается порядок рассмотрения споров, возникающих тогда, когда человек, взявший имущество другого на сохранение („соблюдение“), признавая сам факт принятия, отрицал, однако, показания владельца о количестве этого имущества. Судебник постановляет, что в таком случае с ответчика следует взять то имущество, в хранении которого он признался, а для решения вопроса об остальном имуществе (что сверх того требовал истец) дать суд. Причем, в судебном разбирательстве ответчик поставлен в более выгодное положение, чем истец. Именно на волю

---

[1] Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 569.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 233.

ответчика давалось крестное целование, — „хочет сам целует или исцу вирит". Из изложенного видно, что статья 132 является совершенно новым сочинением составителя Судебника 1589 г., а не порчей текста ст. 73, в результате непонимания составителем своего источника (т. е. Судебника 1550 г.), как об этом говорит Владимирский-Буданов.

СТАТЬЯ 133

Статья представляет собой сокращение ст. 74 Судебника 1550 г. В соответствии с теми условиями волостного суда, которые наблюдал составитель Судебника 1589 г., он заменяет выражение Судебника 1550 г. „или на волосте два волостеля" другим — „или на волосте два судьи". Наличие в волостях, а иногда и в более крупных судебных округах, объединяющих несколько волостей, не одного, а нескольких судей очевидно из уставных грамот. Так, в уставной грамоте трем волостям Двинского уезда от 25 февраля 1552 г. предписывалось избрать в волости Малой Пинежке трех „излюбленных голов", в волости Выйской также трех, а в волости Суре Поганой — четырех;[1] в Важской уставной грамоте от 21 марта 1552 г. названы „излюбленные головы" для Шенкурской половины уезда десять человек, для Вельской — также десять человек;[2] по Двинской уставно грамоте 1556 г. полагалось избрать для „всее Двинския земли" двух голов;[3] в уставной грамоте Устьянским волостям 15 октября 1555 г. предписывалось выбрать „старост излюбленных" — в одной волости двух человек, в четырех других волостях по одному.[4] Как бы ни назывались эти избранные должностные лица (головы, старосты, судьи) важной функцией их была судебная деятельность. Обычно во всех уставных грамотах указывалось, что выборные должны „во всяких делах земских управа чинити по нашему судебнику", т. е. они выступали судьями. Мы видим, что порядок взимания пошлин, устанавливаемый в ст. 133 (в случае, если в волости будут два судьи), отвечал реальным условиям волостного суда. В ст. 133 предусмотрен и тот случай, когда судьи, поделившие волость в отношении суда, были вынуждены решать некоторые дела в „суде смесном" (термином „суд смесной" составитель Судебника 1589 г. заменяет выражение Судебника 1550 г. „суд вопчей"). Интересный пример „сместного" суда устанавливается в указанной выше уставной грамоте пинежанам от 25 февраля 1552 г. В случае если избранные „излюбленные головы" какие-либо дела сами в своей волости решить не смогут, то выборным всех трех волостей пред-

---

[1] ГИМ, Музейское собрание, № 1915. лл. 98 об. и 100 об., 101.
[2] ААЭ, т. I, № 234.
[3] Там же, № 250.
[4] Там же, № 243.

писывается „съезжатися им в Выю да судити всякие наши земские дела и управа чинити заедино всем“.[1]

СТАТЬЯ 134

Статья соответствует ст. 75 Судебника 1550 г., но повторяет с сокращением лишь первую ее половину. Вся вторая часть ст. 75 совсем не включается в текст Судебника 1589 г.

СТАТЬЯ 135

Новая. Статья является ст. 15 краткой редакции. Включение составителем пространной редакции ст. 15 краткой редакции именно здесь, после ст. 134, вполне законно. В ст. 134 (соответствующей ст. 75 Судебника 1550 г.) говорилось о вызове в суд наместников, волостелей и их тиунов, т. е. представителей провинциального суда эпохи кормлений, статья 135 содержит постановление о подсудности земских судей и их помощников — сотских и целовальников, — т. е. говорит также о провинциальном суде, но после отмены кормлений. Вопросу о давности жалоб на земских судей посвящена статья 38 (ст. 6 краткой редакции). Там было установлено, что по жалобам на земских судей судебное разбирательство могло вестись лишь после того как обвиненный судья отслужит свой (годовой) срок („после его году“). В ст. 135 в дополнение к этому говорится о неответственности судьи перед своими товарищами во время его службы и устанавливается ответственность отбывшего свой срок земского судьи перед новым земским судьей („а отвечяти в новой год, как его судиины дела вершатца“). В то же время помощники судьи — сотский и целовальники — отвечают перед своим судьей и тогда, когда они исполняют свою должность. Судья даже может отстранять провинившихся от участия в суде, заменяя их по своему выбору „добрыми людми“. Обе статьи Судебника 1589 г. подчеркивают авторитетное положение земского судьи в волости и известную его независимость во время отбывания срока его службы. Но стоило ему отслужить свой срок (и встать на одну доску с остальным волостным крестьянством), как сразу же против него могли подаваться жалобы. Богословский, говоря об обилии исков против кормленщиков, замечает, что „и к земским властям по окончании срока службы предъявляется едва ли меньшее количество исков, чем раньше к наместникам и волостелям“.[2] В жалобах земские судьи часто обвиняются в нежелании произвести судебное разбирательство и отказе в правосудии, в волоките, в „понаровке“ одной из сторон, объясняемой или корыстными побуждениями

[1] ГИМ, Музейское собрание, № 1915. лл. 104 и 104 об.

[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. II, стр. 256.

судьи или родственными отношениями и т. д. Иногда судья обязывался уплатить жалобникам все расходы, понесенные ими вследствие медлительности или неправильных действий судьи („проести и волокиты"). Вот типичный пример жалобы на судью. 1 января 1609 г. крестьянин Селецкой волости Данило Данилов в явке, поданной церковному старосте, жаловался „на прошлого судью на Никиту Семенова сына с товарищи, в том, что, г-не, тот Никита Семенов с товарищи взял у меня у Данила 2 купчие на полудеревни Лапинские, да закладную на четверть Лапинские ж деревни, в суд в 115 году да и по ся места, г-не, тот Никита с товарищи путей мне Данилу земных не отдает. А мне, г-не, непочему стало земли держати, и чужие, г-не, люди землю мою сильно переаривают и сено перекашивают, а мне, г-не, непочему стало на них суда поставити...". Из последующего текста видно, что этим обстоятельством воспользовался сын судьи, забравший эту землю, т. е. „забывчивость" судьи в данном случае вполне объяснима.[1]

К СТАТЬЯМ 136—148

Статьи посвящены вопросам холопства и являются иногда дословным, иногда сокращенным повторением статей 78—83 Судебника 1550 г. Причем сокращения производятся не всегда удачно.[2] Часто они приводят к извращению смысла текста Судебника 1550 г. Новых норм, относящихся к холопству, Судебник 1589 г. содержит мало (см. комментарий к ст. 119, стр. 495—496). Важнейшим новшеством является отрицание холопства свободной женщины, вышедшей замуж за холопа (ст. 137), нет также, в отличие от Судебника 1550 г., упоминания о таком источнике рабства, как холопство „по сельскому ключу без ряда" (статьи 136—137). Есть и другие новшества, которые будут отмечены при комментировании отдельных статей.

Сравнивая статьи о холопстве обоих Судебников мы замечаем, что составитель Судебника 1589 г. не проделал в данном случае такой работы по изменению норм Судебника 1550 г., которую мы наблюдаем в статьях о крестьянстве и землевладении (см. комментарий к статьям 149—179, стр. 515—536). Это обстоятельство можно объяснить тем, что институт холопства был чужд составителю Судебника 1589 г., так как в среде черносошного волостного крестьянства (откуда и вышел составитель Судебника) холопство не было развито.

---

[1] Архив ЛОИИ, Собрание Лихачева, карт. 60, № 3.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что в Судебнике 1589 г. нельзя найти следов не только закона 1586 г. о кабальных людях, но и никаких других узаконений ни о кабальном, ни о полном холопстве, изданных после Судебника 1550 г. При этом Владимирский-Буданов перечисляет 6 указов 50-х годов XVI в., касающихся холопства, которые никак не отразились в Судебнике 1589 г. (Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 237).

СТАТЬЯ 136

Статья повторяет начало ст. 76 Судебника 1550 г. с сокращениями. Вместо слов „По полной грамоте холоп“ в Судебнике 1589 г. поставлено „По полным кабалам и по грамоте холоп“. Заменив „по полной грамоте“ — „по полным кабалам“ (что незаконно, так как на каждого холопа могла быть одна полная кабала, — ст. 143), составитель Судебника 1589 г. сохраняет и слово „грамота“. В результате получается повторение одного и того же, ибо полная кабала и есть полная грамота. Далее в Судебнике 1550 г. следовало: „... по ключу по селскому з докладною холоп“ (т. е. говорилось об одном из источников холопства). Составитель Судебника 1589 г. совсем опускает эту фразу, но из слова „з докладною“ производит „з докладу“, в результате чего получилось, что полные грамоты обязательно должны были заключаться с доклада. В действительности же это было не всегда обязательно.[1] Дальнейший текст Судебника 1550 г., в котором говорилось, что дети, записанные в одной грамоте с родителями и родившиеся от холопов, являются холопами того же господина, передан в Судебнике 1589 г. совсем неудачно: „... которые дети у одного государя в одной крепосте родился и в холопстве“, „т. е. соединены два основания закрепощений, ко вреду смысла“, — замечает Владимирский-Буданов.[2] Итак, из сравнения ст. 136 с текстом ст. 76 видно, что составитель Судебника 1589 г. не всегда ясно понимал источники холопства, а потому и текст статьи.

СТАТЬЯ 137

Статья является продолжением текста ст. 76 Судебника 1550 г. Замена выражения Судебника 1550 г. „у иного (так в большинстве списков) государя“ другим „у одного государя“ меняет смысл фразы. По Судебнику 1589 г. выходит, что дети, родившиеся до холопства отца и матери могли жить (оставаясь свободными) у того же господина, холопами которого стали их родители. Но при таком понимании статьи было бы излишним добавление в конце фразы: „... то не холопи тому, у ково отец их“. Из этого выражения видно, что тот господин, у „ково отец их“ противопоставлялся здесь тому „иному“ господину, у которого жили дети, т. е. так, как в Судебнике 1550 г. Таким образом, чтение „у одного государя“ следует считать ошибочным. Несовершенен также грамматический строй фразы. В начале говорится в множественном числе „а которые дети“, потом в единственном „а учнеть жить“. В дальнейший текст ст. 137 не включаются совсем положения Судебника 1550 г.: „а по городцкому ключю не холоп“ и „а по селскому ключу... не холоп“. Вероятно, они не были понятны волостному жителю, не знав-

---

[1] Об этом см.: С. Н. Валк. Грамоты полные. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 113—132.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 234.

шему организации крупной феодальной вотчины. В монастырских же вотчинах, которые он мог наблюдать, ключники не были холопами.

Важным новшеством ст. 137, как уже отмечалось, является постановление „а по холопе робы нет“. Что это не „описка“, не „ошибка“ составителя, как думает Владимирский-Буданов, а вполне сознательное изменение текста Судебника 1550 г. видно из фразы, в которой слова Судебника 1550 г. „а по холопе (имеется в виду приданый холоп, — *А. К.*) роба“ опускаются совсем. Пропуск этих слов здесь является доказательством того, что составитель был последовательным противником старой формулы „по холопе роба“, т. е. он отрицал рабство свободной женщины, проистекавшее из брака с холопом. Первый издатель Судебника, Богоявленский, обратил внимание на эту „неожиданную новость“ и увидел в словах Судебника „по государеву указу“ ссылку на основание (царский указ), по которому составитель Судебника 1589 г. решился внести это нововведение.[1] Владимирский-Буданов возразил на это: „... выражение «по государеву указу» не есть ссылка на какой-либо предшествовавший закон, ибо такого не было, а ожидаемое утверждение государем этой нормы“. Касаясь существа новой формы, Владимирский-Буданов на этот раз полагает, что это не „результат порчи, а попытка нововведения... сознательное отстранение рабства жены по холопству мужа“. Он ссылается при этом на то, что „Русская Правда (Кар. 121), сказав о холопстве мужа по женитьбе на рабыне, умолчала о рабстве жены по холопству мужа“, и видит как в умолчании Правды Русской, так и в новшествах Судебника 1589 г. отражение норм обычного права. Он высказывает следующую гипотезу: „... быть может автор Судебника (как и Русская Правда) руководствовался следующим соображением: жена и без того должна следовать в домицилий мужа, а потому нет надобности ее закрепощать; наоборот, если раба выходит замуж за свободного, она совсем должна бы выйти из-под власти господина (при конкуренции прав мужа с этой властью)“.[2] Такое объяснение, исходящее из нравственных устоев семейной жизни, не может быть принято. Полагаем, что при объяснении этой новой нормы Судебника следует исходить из того обстоятельства, что Судебник 1589 г. возник в среде черносошного волостного крестьянства, где холопов вообще не было. Холопы были здесь пришлым элементом. Они сопровождали своих господ в походах, в выездах их по государственной службе и т. д. Через холопов-приказчиков крупные бояре вели торговлю на Двине с иностранцами и т. п. В общем, если местных холопов в крестьянских волостях севера и не было, то прихожих или приезжих холопов из центральных уездов было, вероятно, довольно много. В житейской практике составитель Судебника 1589 г.

---

[1] С. К. Богоявленский. Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. М., 1900, стр. XII—XIII.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 235.

)г, несомненно, наблюдать браки свободных крестьянок с холопами (при-
ıыми), на которых падало в таком случае (по Судебнику 1550 г.) ярмо
'бства — женщина, ставшая рабой, должна была покинуть свои родные
:ста и отправиться во двор господина-хозяина ее мужа. Подобные случаи
могли не волновать волость. Настроения эти и нашли отражение в попытке
:ставителя Судебника 1589 г. отменить общепринятую норму „по холопе
:ба". Обратный случай — „по робе холоп" — не имел, вероятно, такого
зачения для волостного крестьянства, так как женщины-рабыни едва ли
:обще появлялись на севере. Ясно, что все сказанное выше является лишь
потезой. Но нельзя не связать отмену в Судебнике 1589 г. древнейшей
(рмы русского права, зафиксированной в Судебниках и в Уложении,
условиями жизни черносошного волостного крестьянства — с интересами
й среды, где возник Судебник 1589 г.

Лаппо-Данилевский приводит ряд документов, доказывающих, что „пра-
мо: «по робе холоп» не имело безусловной силы с половины XVII в.",
ссылается в связи с этим на ст. 137 Судебника 1589 г., в которой отме-
лось обратное правило.[1] В другом месте той же работы он отмечает,
о изменения текста Судебника 1550 г. под пером составителя Судебника
89 г. отражают колебания политики правительства конца XVI в. в холопьем
просе (он вслед за Ключевским считает этот памятник правительственным
рновым проектом нового судебника).[2]

СТАТЬЯ 138

Статья повторяет почти дословно конец ст. 76 Судебника 1550 г. с про-
ском после выражения „у сына своего" слов „и у дочери". Пропущено
кже упоминание о докладных в двух случаях.

СТАТЬЯ 139

Статья повторяет первую половину ст. 77 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 140

Статья — повторение второй половины ст. 77 Судебника 1550 г. Влади-
рский-Буданов отмечает небрежность составителя Судебника 1589 г.
ст. 139 сказано, что отпускные могут утверждаться в Москве, Новго-
де и Пскове, а во второй половине ст. 140 говорится, что отпускные
подписи московских и новгородских бояр (о псковских ничего не ска-
со) не имеют силы.[3]

[1] А. Лаппо-Данилевский. Разыскания по истории прикрепления владельче-
х крестьян в Московском государстве XVI—XVII вв. Отчет о 41-м присуждении наград
фа Уварова, СПб., 1901, стр. 127—128.

[2] Там же, стр. 167—168.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 236.

СТАТЬЯ 141

Статья повторяет первую половину ст. 78 Судебника 1550 г. с некоторыми изменениями. Так, вместо „и всяким людем“ поставлено „и всем людем“, вместо „на волных людей“ — „на простых людей“. Вставкой, изменяющей смысл ст. 78, являются слова „и те кабалы переписывати“. В результате этой вставки постановление Судебника 1550 г. о предъявлении властям (боярам) для нового утверждения старых кабал на сумму выше 15 р. дополняется предписанием о переписке этих кабал применительно к этому закону (т. е. переписать их на сумму не выше 15 р.). Но такое толкование статьи Владимирский-Буданов считает ошибочным. Ибо означенная прибавка вставлена не на место, в 1-ю половину фразы, а затем опять следует: „приносити и бояром к детем боярским“.

В конце ст. 141 без всякого смысла поставлены слова „А имать кабалам (кабалы) на вольных людей“, которые должны были быть в начале ст. 142. Это — пример небрежности составителя.

СТАТЬЯ 142

Статья повторяет с сокращениями вторую половину ст. 78 Судебника 1550 г. Как уже сказано, начало этой статьи по ошибке попало в конец ст. 141. Слово „гибель“ Судебника 1550 г. заменяется словом „снос“.

СТАТЬЯ 143

Статья повторяет с сокращениями текст первой части ст. 79 Судебника 1550 г. Пропускаются упоминания о докладных. Опущен конец ст. 79, где говорилось об ответственности „знахарей“, которые присутствовали при совершении сделки на холопа, скрывшего свое холопство и оказавшегося впоследствии холопом другого владельца.

СТАТЬЯ 144

Статья повторяет первую половину ст. 80 Судебника 1550 г. с пропуском слов „а похочет тот холоп к своему старому государю...“. Из-за этого пропуска смысл статьи утратился.

СТАТЬЯ 145

Ст. 145 повторяет с некоторыми сокращениями вторую половину ст. 80 Судебника 1550 г. с заменой слова „к Москве“ словом „на Русь“.

СТАТЬЯ 146

Статья повторяет ст. 81 и первую половину ст. 82 Судебника 1550 г. Соединение текста обеих статей показывает, что составитель Судебника

1589 г. считал, что как в той, так и в другой статье говорится о детях боярских. В первой (81-й) устанавливается общее правило — детей боярских, находящихся в службе, и их детей никто не должен принимать в холопы. Во второй (82-й) регулировались отношения между заимодавцем и должником, если в качестве последнего выступали те же дети боярские служилые и их дети (им предписывалось „не служити ни у кого, жити им о себе, а на денги им рост давати"). При таком понимании содержания статей 81 и 82 Судебника 1550 г. возможно было слияние их текстов в единую, 146-ю, статью Судебника 1589 г. Владимирский-Буданов не допускает и мысли, что статья 82 развивает положения ст. 81. Поэтому он пишет, что вторая половина ст. 146 о воспрещении службы за рост присоединена совсем из другого постановления.[1] Но нам кажется, что соотношение статей 81 и 82 Судебника 1550 г. юрист конца XVI в. понял совершенно правильно. Однако при переписывании текста Судебника 1550 г. были допущены ошибки. Так, вместо „детей боарьских служилых и их детей, которые не служивали", здесь поставлено „детей боярских служилых, которые век не служивали". А мы видели, что в Судебнике 1550 г. дело идет именно о детях боярских, состоящих на службе. Во второй половине статьи вместо „а на деньги рост давати им" стоит: „у кого сколко заняли, то им и раздавати", т. е. два слова соединены в одно.

СТАТЬЯ 147

Новая. Статья определяет положение казака, взявшего деньги в рост. Владимирский-Буданов увидел в казаке этой статьи „указание на тот особый разряд людей, из которого бралась главная масса кабальных — т. е. бездомных батраков".[2] Но это понимание статьи нельзя считать правильным. При анализе этой статьи следует учитывать, что она является переработкой второй половины ст. 82 царского Судебника, в которой, как это несомненно правильно отметил Татищев, „о дворянстве узаконено", так как статья 82 тесно связана со ст. 81. В этих статьях царский Судебник выступает на защиту прежде всего детей боярских служилых, которым грозит долговое холопство. При переработке статей 81 и 82 составитель Судебника 1589 г. объединил первую половину ст. 82 со ст. 81 (т. е. прямо по Татищеву), а во вторую половину ст. 82, где, по мнению составителя, речь шла о детях боярских служилых, он вставил казака — как лицо, которое на Двине занимало положение, близкое к положению служилых детей боярских в центре. Документы конца XVI в. именно такими рисуют казаков на Двине. Это был особый род служилых людей, содержавшихся за счет специальных сборов с населения. Так, например, в год составления Судебника

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 238.

[2] Там же.

(17 сентября 1589 г.) крестьяне Куростровской волости „разрубили есмя в своей волости ратным казаком в наем, что им итти на каянские немцы за лук и за стрелы и за пищали и за все ратное оружье и в судовой наем“,[1] по 10 алтын с веревки. Точно так же в июне 1581 г. двиняне собирали средства для отправки военной экспедиции „в судовой наем и в казачий наем“.[2] В памяти из Тотьмы от Данила Григорьева сына Строгонова в Устьянские волости говорится, что по приказу Д. И. Годунова требуется собрать с Тотемского уезда „за сто человек за ратные казаки за плавные“ деньгами. Устьянским волостям и предписывается произвести полагающуюся им долю сбора.[3] Из этих примеров видно, что в 80-е годы в Двинской области казаки, нанимаемые для военных походов на „каянских“ немцев, на Урал и, вероятно, в Сибирь, составляли заметную прослойку военно-служилого характера среди населения Двинской области. Составитель Судебника 1589 г. стремился этой статьей защитить казака — военно-служилого человека — от кабалы „за рост служити“, так как было важно, чтобы казак не превращался в кабального холопа, чтобы он мог быть нанят в любое время в любую военную экспедицию. Таким образом, Судебник 1589 г. охранял интересы казака — служилого человека на Двине так же, как Судебник 1550 г. (в статьях 81 и 82) защищал служилых детей боярских в центре.[4] По мнению составителя Судебника 1589 г., казак должен был оставаться вольным. Так, в ст. 72, где определяется бесчестие стрельцам и ратным людям, говорится и о „вольных казаках“.

СТАТЬЯ 148

Статья повторяет ст. 83 Судебника 1550 г. с существенными добавлениями и является ст. 16 краткой редакции. В статье предусматривается случай, когда наниматель нарушает договор найма, выгоняя нанятого до назначенного срока. При таких обстоятельствах наймит имеет право на получение платы „по розчету“, т. е. за прожитое время. Причем на нанимателя не налагается никакого штрафа за такое нарушение договора. Таким образом, Судебник 1589 г., сохраняя постановление Судебника 1550 г. о фактическом запрещении для наймита уйти ранее срока (ибо он тогда терял всю плату), дает нанимателю возможность безнаказанно в любое время рассчитать неугодного ему наймита. Это постановление отражает интересы экономически состоятельной верхушки волостного крестьянства, эксплуатировавшей в своих хозяйствах наймитов.

---

[1] Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 17.

[2] Там же, № 10.

[3] Там же, Собрание Лихачева, карт. 58, № 4. — Примеры о сборе денег на „ратных казаков с двинских волостных крестьян и с монастырей“. См.: РИБ, т. XIV, стр. 140; Архив ЛОИИ, Собрание актов Антониево-Сийского монастыря, № 448.

[4] См. Комментарий к Судебнику 1550 г., статьи 78, 81, 82.

Судебник защищает наймита только от прямого произвола нанимателя — в случае если последний „не захочет найму дати наймиту“ — тогда с хозяина берется тройная сумма договорной наемной платы (в списке Андреевского и в краткой редакции, а также в Судебнике 1550 г. — двойная). В северных документах наймиты часто называются казаками. Так, например, в явке 1625 г. крестьянин одной из Устьянских волостей Пьянко Роскостов писал: „В нынешнем, государь, во 133 году нанял яз Пьянко в летные двух казаков робить, деревни пахать Ивашка Павлова Уткина, да Пятка Иванова Понамарева..., а платье на них мое зипуны, и рубашки, и портки, онучи и поршни держат и носят; топоры и всякая порядка деревенская: сальники и косы и котлы кошеварные“.[1] Названные здесь казаки и есть наймиты Судебника. Они наняты на срок (на лето). Хозяин обеспечивает их орудиями производства, пищей и одеждой.[2]

К СТАТЬЯМ 149—177

Статьи посвящены вопросам преимущественно крестьянского землевладения. Часть этих статей представляет переработку (иногда и дословное заимствование) статей 84—87 Судебника 1550 г. Целью переработки в данном случае было приспособление статей Судебника 1550 г. (в частности ст. 85, посвященной феодальному — вотчинному — землевладению) к порядкам крестьянского землевладения. Таким образом, в статьях 149—177 Судебник 1589 г. фиксирует в концентрированном виде те нормы крестьянского землевладения, о частных проявлениях которых мы узнаем из многочисленных юридических актов XV—XVII вв. При изучении статей Судебника 1589 г. о крестьянском землевладении встает общий вопрос о характере крестьянского землевладения на севере в конце XVI в.

Дореволюционная историческая наука собрала большой фактический материал по истории северного черносошного крестьянства. Особенно много внимания было уделено крестьянскому землевладению и землепользованию, так как в изучении именно этой стороны крестьянской жизни историки различных направлений видели главный способ разрешения вопроса о русской общине — вопроса, который приобрел особую остроту в связи с реакционной идеологией народничества, выражающейся в утверждениях об „особых путях“ развития России. Исследователь крестьянской общины, историк-народник П. А. Соколовский[3] дал полное изложение последовательной истории общинной организации. Северная волость — община XVI—XVII вв.,—

[1] М. Романов. История одного северного захолустья, Приложения, стр. 10.

[2] О большом количестве наймитов-казаков в XVI—XVII вв. в Соловецкой вотчине см.: А. А. Савич. Соловецкая вотчина XVI—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 111—112, 142—155, 243—244.

[3] П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб.,

по его мнению, является остатком первоначальной поземельной общины, в основе которой лежали родовые связи. Волости были союзом поселений, связанных общим владением землей. Причем часть земель (луга, леса, выгоны и т. д.) находилась в общем пользовании волостных крестьян (по их потребностям и возможностям), другая часть (поля, усадьбы) — в отдельном пользовании. В отношении последних роль волости—общины состояла в наиболее равномерном распределении их по дворам. Соколовским поставлен также вопрос о разных типах общинной организации: общине-деревне (или группы деревень) и общине-волости (в первом случае общее владение землей ограничивалось одной деревней или группой деревень, во втором — всей волостью). Идеализируя общинную организацию, Соколовский прошел мимо фактов значительного неравенства (уже в XVI в.) крестьянских наделов в волости, которыми крестьяне владели как своей частной собственностью, без сколько-нибудь регулярных переделов. Эти же ошибки свойственны и последователям Соколовского, например Владимирскому-Буданову.

Подобное невнимание представителей общинной теории к историческим фактам было использовано критиками этой теории. А. Ефименко,[1] обратившись к исследованию деревни как „основной клеточки в историческом развитии северного землевладения", пришла к выводу, что „существо земельных отношений" заключается именно в деревне, что никаких поземельных союзов больших, чем деревня, вообще не существовало. Этим самым она отрицала положение общинной теории о том, что основой волостной организации, известной нам по документам XV—XVII вв. было общее владение землей, т. е. Ефименко отрицала общину для этого периода и считала, что она возникла позже, вследствие правительственных мероприятий XVIII—XIX вв. — указов и распоряжений, которые и дали разросшейся и распавшейся на „доли" деревне общинную организацию.

Исходным моментом поземельной организации, по теории Ефименко, является деревня того периода, когда она была еще „целой и простой земельной клеточкой, собственностью одной большой родовой семьи, которая усевшись среди диких земель «теребит» «лоскуты» земли и притягивает их к себе. Все, что она успевает вытеребить из-под лесу или тундры, все, куда ходит ее плуг, коса и соха, есть ее неотделимая полная собственность".[2] Эта большая семья, состоящая из родственников нескольких поколений, живет обычно в одном дворе (может быть и в разных), т. е. составляет одно „печище" и ведет единое хозяйство. Нарисовав такую антиисто-

---

[1] А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884. — Краткое резюме своих исследований о земельных отношениях в северной деревне А. Ефименко дает в статье: Дворищное землевладение в южной Руси. Русская мысль, 1892, кн. 4—5, №№ 3—6. Перепечатана статья в сб. „Южная Русь", т. I, СПб., 1905.

[2] А. Я. Ефименко. Дворищное землевладение в южной Руси.

рическую фигуру крестьянина-робинзона, заброшенного среди диких лесов и тундр, Ефименко заявляет, что единое „печище“ вследствие тесноты („тесноты моральной и материальной“) делится. В результате возникает деревня. Однако родовые связи еще сильны, поэтому деревня в глазах ее совладельцев представляет единое целое. Каждый совладелец деревни „есть представитель не известного земельного куска, а известной идеальной доли деревни“. Но родовые связи с течением времени слабеют. Посторонние (не родственники) путем женитьбы или юридической сделки вступают в права деревенских совладельцев. В результате деревня из родовой становится деревней „соседей-складников“. Но представление о земельной целостности деревни еще живо. Поэтому „каждый из деревенских совладельцев, хотя и не связанных между собою родством, все-таки является собственником не того или иного куска деревни, а лишь идеальной доли в общем деревенском земельном целом, той доли, какая ему досталась по наследству или сделке“.[1] Такую деревню Ефименко назвала долевой. Владелец каждой доли (которые не были равными) имел все права распоряжения ею. Он мог ее, целиком или частями, продать, заложить, завещать. В случае, если деревенский совладелец находил, что его участок, которым он владеет, не соответствует его праву, его идеальной доле, то он мог требовать передела земли. Итак, открытая А. Ефименко долевая деревня (не связанная в поземельном смысле с другими деревнями) имела элементы общинного владения землей (участие дольщиков во всех землях, обязательный севооборот и переделы) и подворно-участкового (неограниченное право распоряжения каждого дольщика своей долей). Детальное изучение земельных отношений внутри деревни, выявление элементов общинного владения в ней — является несомненной заслугой Ефименко, хотя о б щ е е построение истории крестьянского землевладения, исходящее из признания первичности частновладельческого собственнического начала и позднего происхождения сельской общины, является совершенно неприемлемым и антиисторичным. Выводы А. Ефименко, с теми или иными поправками, были приняты Богословским, Островской, Клочковым и другими историками, отрицавшими наличие крестьянской общины в XVI—XVII вв. и ставившими ее возникновение в связь с правительственной политикой XVIII и XIX вв.

Итак, буржуазная историческая наука, несмотря на богатый фактический материал, собранный ею, не смогла разрешить проблему возникновения волости-общины и вскрыть тесно связанный с этим вопрос о характере крестьянского землевладения. Лишь в нашей марксистско-ленинской исторической науке эти вопросы нашли свое принципиальное решение. Община XVI—XVII вв. является пережитком того общественного строя, который прошли все народы, в том числе и славяне, — пережитком первобытно-

[1] А. Я. Ефименко. Дворищное землевладение в южной Руси.

общинного строя. Северная черносошная крестьянская волость XVI—XVII вв. сохраняет целый ряд черт прошлого и прежде всего сохраняет пережитки древнего общинного владения всей землей. В этом отношении наша община-волость, как отмечает Маркс в письме к Энгельсу от 7 ноября 1868 г., „*до малейших деталей* тождественна *с первобытной германской общиной*“.[1] Как и германская марка, русская волость-община имела право владения на все земли волостной территории. Как и в германской марке в общем пользовании волостных крестьян находились леса, луга, выгоны,[2] выморочные владения, пустоши и т. д.[3]

Характеристику земельных отношений внутри волости дал В. И. Ленин. В конспекте книги Каутского „Аграрный вопрос“ В. И. Ленин дает следующую характеристику форм крестьянского землевладения феодальной эпохи: „Формы крестьянского землевладения — *компромисс* между общинным и частным землевладением.

В частной собственности: усадьба, дом; полосы земли в различных «концах» поля.

в общинной собственности: выгон.

(NB) Inde: Flurzwang.[4]

Эта консервативная система хозяйства преобладает везде, все равно и у свободных и у зависимых крестьян“.[5] Это ленинское положение полностью подтверждается актовым материалом XVI—XVII вв. Богатый мате-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 127.

[2] В мировой записи 1501 г. крестьяне Койдокурской волости писали, что был у них спор с некиим Федькой, по поводу общеволостного выгона — поскотины, так как „Федьковы половники... отгородили нашу поскотину всей волости Койдокурской возле Койдокурью... и скоту ...волостному ходити было негде и хрестьяне... скот пустили на лес и медведь у них побил скота у всей волости на 10 рублев“ (Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 33).

[3] Несколько интересных примеров распоряжения волостью пустыми землями находим в актах Тавренской волости, хранящихся в Рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Здесь сохранились крестьянские записи о взятии ими тех или иных земель на „льготу“. Так, в 1593 г. староста Тавренской волости и все крестьяне дали Демиду Савину „пустоты тяглые“ в деревне Семеновской (№ 3); в 1601 г. землю от волости „старые пустоты в Омощине слободе“ получил Емельян Гаврилов (№ 4); в записи крестьянина Никулы Исакова Старцева 1603 г. говорится, что староста „оговоря со всем миром Ильинского приходу дали мне старые пустоты в Сомове слободе в Щекотовой деревне... на льготу“ (№ 6); в 1604 г. Григорию Михайлову был дан жеребий деревни Семеновской (№ 7); в записи Антомона Иванова Базыкина на имя сотского Тавренской волости и всех крестьян говорится, что с данной ему земли (жеребий деревни Заболотной) урожай следует собрать миром („а что в нынешнем в 112 г... на том участке ярью сияно, и то миру снять, а мне в то не вступаться“ (№ 7) (ГПБ, Рукописное отделение, Собрание актов, Акты Тавренской волости).

[4] Вследствие этого: принудительный севооборот. *Ред.* (Настоящее примечание принадлежит редакции „Ленинского сборника“).

[5] Ленинский сборник, XIX, М.—Л., 1932, стр. 31.

риал, раскрывающий ленинское положение о формах крестьянского землевладения как компромиссе „между общинным и частным землевладением", дают статьи Судебника 1589 г., посвященные крестьянскому землевладению. О частной собственности крестьян на свой надел, на свою деревню (деревней в актах иногда называется часть ее, принадлежащая тому или иному крестьянину) свидетельствует статья 165. В ней говорится о передаче деревенского надела или всей деревни от отца к детям, причем к такому наследственному владению применяется термин „вотчина" („А хто после живота своего отпишет деревню детем, то им водчина в век"). По ст. 163 подобное владение-вотчину крестьянин мог продать, причем при определенных условиях совершения сделки дети и внуки его сохраняют право выкупа. В свою очередь, купивший мог также, соблюдая известные порядки, перепродать, заложить или променять эту землю третьим лицам (статьи 166, 167). Следует, однако, отметить, что земля, ставшая частной собственностью отдельного крестьянина, связана еще неразрывными узами с теми владениями, которые находятся в общем пользовании деревни или волости, т. е. связана, выражаясь фигурально, с тем организмом, в недрах которого она зародилась. Ибо каждый крестьянин-собственник того или иного количества земель, разбросанных в деревенских полях чересполосно с землями соседей, имел право на пользование лугами (частично переделяемыми ежегодно), лесом (как в границах деревни, так и в границах волости), выгоном (для прокормления скота) и другими угодьями. Взгляд крестьян на деревню как единое целое в поземельном отношении нашел отражение в ст. 159. В ней говорится о случае, когда в деревню приедет новый жилец и захочет землю делить „во всу землю" (т. е. произвести передел всех земель деревни). Судебник предписывает в соответствии с желанием новопришельца разделить деревенскую землю „повытно, по купчим" (делились подворные земли, полевые, пожни, наволоки и даже путики). Но новопришелец мог и не пожелать дележа деревни через „всю землю". При этом часть земель и угодий в деревне оставалась обычно в общем пользовании (по актам, такие случаи очень часты). Выше было указано, что даже те земли, которые примыкали к крестьянским дворам, могли быть переделены (ст. 159). Более того, по ст. 162 складник мог построить свои хоромы на подворном участке своего соседа, а по ст. 160 складнику позволяется поставить двор на любой земле, правда, с предоставлением взамен из своего надела такого же количества земли. Эти статьи показывают, что даже в подворных землях (землях, на которых построена деревня) размер владения отдельного крестьянина мог меняться в зависимости от различных условий. Деревня как единое поземельное целое выступает перед нами также в том факте, что совокупность всех владений деревни обводилась общей межой. Статья 172 говорит об охране общих деревенских меж. Выражение „А хто зорет межу ... меж селы и деревни" показывает, что граница проходила и по пахотным

землям различных деревень, причем между полями этих деревень не всегда городился огород (изгородь), ибо тогда слова „А хто зорет межу“ были бы бессмысленны (нельзя перепахать межу, если на меже изгородь — „огород“). Такое примыкание пахотных земель нескольких деревень показывает, что первоначально эти земли составляли единое целое. Иногда деревня от деревни отгораживаются огородом (ст. 168). Но характерно, что огород должен крепиться до 1 сентября — „до Семена дни“. После этого скот одной деревни мог ходить по полям другой. Потравы уже не бралось. Вероятно, это было остатком древнего общего владения. В общем владении деревенских крестьян-складников были „молоди“ — пашни, заросшие молодым лесом (ст. 174). На практику общего владения крестьянами нескольких деревень угодиями охоты указывает статья 176. В ней запрещается крестьянам одной деревни ходить к „путикам“ „чужих деревень“ без особых соглашений. В Судебнике имеется указание и на более обширную поземельную организацию — волость. Статья 177 говорит, что за деревенскими межами шли леса („вопчей лес царев и великого князя“), которыми деревни не владели, а владела, вероятно, вся волость. Именно такой „вопчей“ лес в ст. 175 разрешается крестьянам всех деревень пахать „без делу“, кто сколько может. Причем „молоди“ и здесь, в этом общем лесу, пахать также не полагалось. Ими, вероятно, распоряжалась волость. Наконец, статья 178 определяет порядок отказа крестьян „из волости в волость, из деревни в деревню“. Из этой статьи видно, что волость интересуется не только личностью крестьянина, но и его земельным наделом. Волость как самоуправляющаяся община вмешивается всякий раз, когда возникают поземельные споры между крестьянами внутри одной деревни или различных деревень. Судебник в ст. 169 говорит о привлечении сотского, волостного старосты и ближних соседей к разбирательству спора в случах потравы. Статья 170 называет „людей“ (т. е. также волощан), которые определяют размер возмещения потравы.

Итак, Судебник 1589 г. дает значительный материал для характеристики земельных отношений в деревне. В общем, заметна тенденция выделить деревню как поземельную общину из волости.

СТАТЬЯ 149

Статья повторяет первую часть ст. 84 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 150

Статья соответствует второй части ст. 84 Судебника 1550 г. Составитель Судебника 1589 г. взял из старого Судебника лишь один сюжет „а взыщет черной на черном“, изложив его как иск о земле одного волостного крестьянина к другому: „А взыщет крестиянин на крестиянине“. Все

остальные возможные иски о земле: помещика к помещику, или черного сельского (т. е. крестьянина) к помещику и наоборот, перечисленные в Судебнике 1550 г., опускаются составителем Судебника 1589 г. как несоответствующие действительному состоянию землевладения в северных волостях, где не было вообще помещиков. Давность для исков в поземельных делах (3 года), принятая в Судебнике 1589 г., не всегда соблюдалась. В судных делах имеются факты, когда стороны „искали“ земли через значительно большие сроки. Так, в 1596 г. Никольско-карельский монастырь предъявил крестьянам Заостровской волости обвинение в том, что они захватили тоню и прилежащую к ней землю монастыря и владеют ею уже 8 лет.[1]

СТАТЬЯ 151

Новая. Статья определяет порядок привлечения к судебным разбирательствам по земельным делам старожильцев, которые знают межи. Выражение „или преж сего ту землю пахивал и живал“ указывает на факт перехода земли в волости от одного крестьянина к другому. Если истец или ответчик заявят, что показания старожильца, выставленного противоположной стороной, ложны, то они обязаны выставить своих старожильцев. В противном случае (сторона, не выставившая сторожильцев) проигрывает процесс.

СТАТЬЯ 152

Новая. Статья посвящена тому случаю, когда истец, предъявив иск о земле ответчику, потребует возмещения убытков на сумму, бо́льшую, чем тот доход, который ответчик мог бы извлечь из нее. В таком случае судьи должны определить: прав ли истец в требовании такой суммы убытков, т. е. ответить на вопрос: „по земле зря: мошноли столько убытков учинитца“? Последняя фраза статьи предписывает в вопросе определения суммы убытков „челобитной исцеве не верити“. Вторым важным постановлением ст. 152 является то, что все посеянное на земле (в год совершения суда) получает сторона, выигравшая процесс, что ей и идет в счет убытков. Вопрос об оставшейся непокрытой сумме убытков решается судом и крестным целованием. Необходимость точно определить — на какую сумму произрастает урожай на оспариваемой земле, — требует, чтобы суд о земле происходил не зимой, а в летнюю или осеннюю пору. Только тогда можно было установить межные знаки по ямам, кустам и т. д.

СТАТЬЯ 153

Новая. Статья развивает положение, изложенное в ст. 151. Если ответчик и истец выставят каждый своих старожильцев и если эти старожильцы дадут различные показания („в речах порознят: ищеин молвит по ищее,

[1] Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 569.

а ответчиков по ответчике"), то в таком случае старожильцам обеих сторон предписывается не верить. Дело решается тогда крестным целованием. Последнее дается на ответчикову волю: „... хочет сам поцелует, что земля его, или исцу вирит" (доверяет). Убытки взыскиваются со стороны, проигравшей процесс.

СТАТЬЯ 154

Новая. Статья говорит о том, что показания старожильцев имели решающее значение для истца и ответчика, их выставивших, так как если старожильцы не подтверждали показаний (не скажут „в речи") своей стороны, последняя проигрывала дело. В случае когда старожильцы ответчика дадут показания, отличные от тех, какие давал сам ответчик, и дело, следовательно, будет решено в пользу истца, то ответчик должен уплатить убытки в половинном размере, вероятно, потому, что обычно, как замечает Владимирский-Буданов, „истец преувеличивает сумму убытков".[1]

СТАТЬЯ 155

Новая. Владимирский-Буданов считает, что в данной статье под „людми излюбленными (опричными, не родственниками сторон)", с помощью которых совершался суд, следует понимать старожильцев предыдущих статей.[2]

СТАТЬЯ 156

Статья повторяет третью часть ст. 84 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 157

Статья соответствует четвертой части ст. 84 Судебника 1550 г. Владимирский-Буданов отмечает: „... «государев приговор», на котором основана эта статья, не есть какой-либо новый указ, изданный после Суд. царского, ибо норма взята из царского Судебника, где речь о том начинается так: «а государю... судии на землю не посылать»".[3] Но взяв норму из Судебника 1550 г. („а дву судей на землю не посылати"), составитель Судебника 1589 г. сформулировал статью в соответствии с волостными условиями. Во-первых, если Судебник 1550 г. запрещает центральным судьям (государю, боярам, приказным людям) „посылать" на землю „дву судей", то Судебник 1589 г. предписывает на разбор земельного дела двум судьям „не ехати". Предписание вполне объяснимо тем, что, как отмечено в комментарии к ст. 133, в волостях или в более крупных судебных округах, иногда было не по одному судье, а по два и более. Во-вторых, помощни-

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 240.
[2] Там же.
[3] Там же.

ками судьи, при разборе им поземельных споров, обязаны были быть волостной староста, целовальники и „лучшие люди", т. е. представители той волости, о землях которой шел суд. Это постановление Судебника 1589 г. показывает, что всякое поземельное дело касалось всей волости, ибо за спорами о том или ином участке пахотной или сенокосной земли всегда вставал вопрос о пользовании теми волостными угодьями, которые не были в разделе. Представители волости на суде были представителями крестьянской поземельной общины. Хотя в статьях 9 и 10 были определены в общей форме пошлины судьям и дьяку, статья 157 говорит о специальных пошлинах, взимаемых при разбирательстве земельных споров. Причем часть их берется только с истца, а часть с истцов и ответчиков пополам (пошлины целовальнику и дьяку), т. е. в полном соответствии со статьями 9 и 10.

СТАТЬЯ 158

Новая. Статья определяет сумму вознаграждения (2 деньги) земскому дьяку за записи показаний каждого послуха.

СТАТЬЯ 159

Новая. Представляет собой слияние статей 18 и 19 краткой редакции. Предусматривает производство передела земли в деревне с приездом нового жильца. Седашев, связывая ст. 159 со ст. 160, говорит: „... в ней (в ст. 159, — *А. К.*) нормируется порядок складнического передела".[1] Точно такую же позицию в оценке этой статьи занимает Клочков. Полемизируя с Владимирским-Будановым, относившим данную статью к членам общины, Клочков писал: „...у нас на севере... поземельной общины не было; поэтому и данную статью нужно относить не к общинникам, а к товарищам-складникам".[2] Мы видим, что подобная оценка ст. 159 со стороны указанных авторов вытекает из их общих неправильных взглядов на русскую общину и, следовательно, не может быть принята. Кроме того, эта оценка противоречит точному смыслу ст. 159, в которой нет ни одного слова о складниках. В ней предусматривается случай, когда „приедет в деревню новой жилец и захочет землю делити", т. е. говорится о деревенских жителях, которых можно отожествлять со складниками лишь в определенном значении этого слова. Дело в том, что термин „складник" имеет узкое и широкое значение. В узком значении слова (как его и понимают Седашев и Клочков) „складники это совладельцы общего земельного имущества".[3] Примером может служить складная запись, приведенная Ефименко. Один крестьянин продает половину деревни другому. При продаже они заключают

[1] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений на севере России по Судебнику 1589 г. Памятная книжка Константиновского Межевого института за 1908 год, М., 1909, Приложения, стр. 20.

[2] М. Клочков. К вопросу о складниках. ЖМНП, 1901, ноябрь, стр. 45.

[3] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений..., стр. 19.

договор складства на 10 лет, чтобы в течение этих лет им „пить и есть вместе и платье и обувь держать в те срочные лета из вопчего живота и та деревня... пахать, сеять и орать вместе же заедино и в промыслы ходить и посылать из вопчего живота".[1] Мы видим, что складники живут в одном дворе и ведут общее хозяйство. В широком смысле слова термином „складники" обозначаются иногда деревенские жители-соседи (т. е. те соседи, которые имеются в виду в ст. 225 Судебника: „А хто сусед у суседа в одной деревне" и т. д.).[2] О таких однодеревенцах-соседях и говорится в ст. 159. Следовательно, если и возможно употреблять термин „складник" применительно к ст. 159, то только в указанном выше широком значении этого слова, так как в ней нормируются не складнические переделы, а переделы внутри деревни — как поземельного целого. Поводом к переделу является приезд нового жильца в деревню. Он может потребовать (но может и не потребовать) делить все земли деревни или часть их („во всу землю" или не „во всу землю"). В соответствии с его пожеланиями делятся земли, занятые самой деревней, поля, наволоки, пожни и другие угодья „повытно, по купчим", т. е. в соответствии с той долей, которая полагается тому или иному домохозяину, или по купчим, если часть земель деревни приобретена в результате продажи. Если при переделе обнаруживалось, что у того или иного домохозяина земли было больше, чем полагалось, то этот излишек („умѐр") у него отрезался. Причем, Судебник предписывает не причинять ему при этом убытка. Выражение „умѐр взяти безубыточно" Владимирский-Буданов понял неправильно. Он писал: „Кто должен уступить (часть своего участка), тот должен получить безубыточный (равный) прирезок".[3] Спрашивается, зачем отрезать излишек в одном месте, чтоб получать „прирезок" в другом? Седашев толкует слово „безубыточно" как „...без платежа денег за владение ими" (отрезанными землями). Но нам кажется, что оговорка о непричинении убытков связана с тем, что отрезаемая земля могла быть засеяна сельскохозяйственными культурами, на ней могли быть произведены какие-либо постройки и т. п. Судебник, нам кажется, охраняет хозяйственные интересы деревенских крестьян, которые могут быть нарушены при переходе земли от соседа к соседу. При переделе вставал вопрос о навозе, вывезенном на полосы. В ст. 159 запрещается свозить навоз с полос, отходящих другому владельцу. Это запрещение исходило из того предположения, что все деревенские жители должны удобрять свои наделы (вероятно, это является пережитком существовавшего когда-то общего унаваживания общинных земель). В случае если „умѐр"

---

[1] А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, стр. 222.

[2] Об употреблении термина „сосед" в смысле „складник" см.: М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII веках. Спб., 1913, стр. 52—53.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 241.

будет обнаружен в дворовых землях, то владеющему уменьшенной усадьбой позволяется взять любую землю, кроме хмельника и сада. Исключение последних объясняется, вероятно, тем, что на них затрачен значительный личный труд.

Нормы ст. 159, несомненно, отражают тот факт, что деревня в поземельном отношении была единым целым. Только при таких условиях можно было провести частичный или полный передел земельных владений деревни, который предписывается в ст. 159 на случай, если в деревню приедет новый жилец. Передел производился так, что даже пахотные земли (полосы в полях) могли переходить от одного крестьянина к другому.

На ст. 159 Судебника 1589 г. имеется ссылка в судебном деле 1641 г.,[1] разбиравшемся в волостном суде Введенского стана в Устьянских волостях по исковой челобитной попа Василия Попова Никольского Волюского прихода. Поп Василий в жалобе писал, что купил он в 1638-39 г. $^1/_{14}$ долю деревни Кузоверской. Но жители этой деревни (складники-соседи) захватили часть купленной им земли „и по себе поделили“, а ему „пахать и владеть не дают“. Соседи не дают ему также доли при распахивании заросших лесом пашен, обрабатываемых в прошлом крестьянами этой деревни.

В протоколе судебного разбирательства сказано, что поп Василий среди других доказательств справедливости его претензий ссылался на Судебник: „...да уличаю, государь, их государевым указом Судебником, что прежних вопчих запашей без делу ни сетчи, ни пахати“. По формуле этой ссылки можно заключить, что поп Василий имел в виду ст. 174 Судебника 1589 г. (см. комментарий к ст. 174, стр. 531—532).

Ответчики — крестьяне Кузоверской деревни — признавали, что поп действительно купил часть деревни, но утверждали при этом, что они — соседи-складники — дали ему, попу, земли на его долю „во всей деревне“. Крестьяне отрицали факт захвата ими поповских земель. Они ссылались также на Судебник: „И ответчики Пронка с складники слалися же на государев Судебник в том: «пашем мы по крепостям и по путям свои земли Кузоверския деревни»“. В данном случае можно полагать, что ответчики ссылались уже не на ст. 174, а на другую статью, а именно на ст. 159, в которой как раз говорится о разделе земель между деревенскими жителями в случае, если в деревню приедет новый жилец (в данном случае поп Василий). И, действительно, текст ст. 159 Судебника 1589 г. приведен полностью в судном деле наряду с текстом ст. 174. Мы видим, что на суде в одной из Устьянских волостей обе стороны ссылались на статьи Судебника 1589 г. Судьи нашли эту ссылку законной. Устюжская четверть не оспорила эту ссылку. Все это доказывает, что две упомянутые статьи Судебника действовали. Постановления этих статей принимались во внимание при поземельных спорах деревенских жителей.

[1] М. М. Богословский. К вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 269—275.

СТАТЬЯ 160

Новая. Ст. 20 Кр. ред. Статья регулирует отношения между складниками в том случае, когда по той или иной причине складнические отношения (может быть не полностью) нарушаются, что выражается в стремлении складника поставить свой (новый) двор, построить свои хоромы и т. д. В таком случае он может поставить свой двор на любой общедеревенской земле (пусть даже это будут хмельники), но только вне ряда прежних построек деревни („и ему поставить от далних хоромин в любом месте"). Деревенский житель, у которого была занята таким образом земля, имел право получить точно такое же количество земли и такого же качества из надела новостроящегося хозяина. Последнюю фразу статьи Владимирский-Буданов разъясняет: новому жильцу „отдается только та земля, которую займет двор или другое здание; если же сверх этого он пожелает к двору иметь участок земли, то это уже предоставляется добровольному соглашению"[1] с собственником, земли которого он избрал для своих построек. Седашев неправильно понял выражение „а сверьх того по любве" как указание на то, что деревенский житель, у которого была взята земля под двор новостроящегося хозяина, мог, кроме законной компенсации, заключить еще с ним полюбовный договор о дополнительных выгодах. Думается, что такое постановление было бы излишним, как это, впрочем, считает и сам Седашев.[2]

СТАТЬЯ 161

(Новая). Статья ограничивает владение „наезжими" пашнями сроком не более трех лет. При свободном распоряжении крестьян своими землями могло оказаться, что те или иные земли деревни попадали во владение крестьян других деревень. На этой почве возникал обычай — пахать землю наездом. Клочков правильно отметил хозяйственные неудобства этого. Крестьянин, пашущий землю наездом, „не мог зорко смотреть за своим добром и аккуратно выполнять все те сложные операции, которые требуют пашенная земля и угодья. Результатом этого являлись упущения, а иногда и полное расстройство хозяйства".[3] Подобное безхозяйственное пользование частью земли не могло не отражаться на всем земледельческом хозяйстве деревни. Иллюстрацией этому может служить явка 1662 г. крестьянина Ивана Федотова на сильного человека Ефима Панилова: „Владел он Елфим нашие деревни Демидовские четвертью обжей и пахал наездом, проезжая из Новгородские деревни, и ездя огороды и заборы разбивал своим насильством и огород по своему тому повытно не крепил и то повытщино запустошил,

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 242.
[2] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений..., стр. 22—23.
[3] М. Клочков. К вопросу о складниках, стр. 42.

а мне сироте от ево насильства чинились притравы многие и убытки великие в протравах".[1] Ущерб, причиняемый такой формой хозяйства остальным жителям деревни и даже целой волости, несомненно порождал желание отделаться от наездчиков. Судебник 1589 г. не устраняет совсем пашни наездом, но ограничивает срок пользования ею тремя годами. В эти три года владелец наезжей пашни должен или скупить всю землю у однодеревенцев или же продать свою долю кому-либо из них. Возможный спор при этом, отмечает Клочков, решается „с суда и з жеребия".[2] Установление трехлетнего срока владения наезжими пашнями П. И. Иванов связывает с трехпольными севооборотами и трехлетними сроками переделов.[3] Седашев возражает ему и высказывает предположение, что трехлетний срок владения „наездом" может быть поставлен „в связь с сроками вывоза удобрения на поле"[4] (навоз вывозился на паровое поле, т. е. через 3 года), не замечая того, что сроки вывоза удобрений регулировались именно трехпольем. Важное постановление, обязывающее наездчика ставить огород „по своей выте" (в течение трех льготных лет), показывает, что и временное владение землей накладывало обязанности, вытекающие из поземельной общности деревни. Владимирский-Буданов, на наш взгляд, правильно отмечает, что в ст. 161 отражается стремление сохранить общинную связь деревни путем удаления из нее чужеродных элементов.[5] Статьи 161 и 162 в Кр. ред. составляют ст. 21.

СТАТЬЯ 162

Новая. Статья определяет решение споров о подворной земле. Иванов толкует эту статью так: „Складнику разрешается, конечно, вследствие тесноты, ставить свои хоромы на подворную землю своего соседа, если последний не застраивает ее ничем; за уступку подворной земли хозяин ее вознаграждается из других земель".[6] Седашев, указав на то, что „вопрос о выборе места для хозяйственных сооружений подробно трактуется в ст. 160", по которой „усадебная, подворная земля заимке подлежать не может", отвергает толкование Ивановым ст. 162, так как, по его мнению, такое толкование приводит „к несогласимому противоречию между ст. 160 и ст. 162. Последняя разрешает то, что запрещает первая". Чтобы устранить это противоречие, Седашев полагает, что статья 162 не определяет права складников на будущее время, а указывает лишь „порядок ликвидации уже со-

[1] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений..., стр. 26.

[2] М. Клочков. К вопросу о складниках, стр. 43.

[3] П. И. Иванов. Поземельные союзы и переделы в XVII в. у свободных и владельческих крестьян. Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, т. II, вып. II, М., 1902, стр. 221.

[4] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений..., стр. 25—26.

[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 7-е, стр. 541.

[6] П. И. Иванов Поземельные союзы и переделы в XVII в..., стр. 208—209.

вершившихся фактов: «а складник у складника наставитце хороминою на подворную землю»",[1] т. е. статья 162 в том случае, если почему-либо застройка совершилась, была средством безобидной для обеих сторон нормировки их соседских отношений. Разбирая приписку в конце статьи („Новой приговор"), Седашев указывает, что „новым" в ст. 162, по сравнению со статьями 159 и 160, является постановление о том, что „в некоторых случаях потерпевший владелец имеет право требовать сноса чужих хоромин, построенных на его усадьбе... Поводом к требованию сноса построек соседа служит необходимость в хозяйственных целях занять застроенное место своими сооружениями". Седашев увидел в ст. 162 „не предоставление складникам прав на усадебную землю соседа, а, наоборот, расширение полномочий самого владельца усадебного места по отношению к соседям захватчикам".[2] Островская считает правильным толкование ст. 162 Седашевым, однако замечает: „Данная статья расширяет права захватчиков, а не владельца усадебного места, как думает Седашев".[3] Нам кажется, что точки зрения Иванова и Седашева могут быть объединены. Конечно, статья 162 регулировала отношения соседей при свершившемся факте застройки одним подворной земли другого, но несомненно также, что эта статья предусматривала возможность деревенскому жителю занять часть подворной земли соседа в случае, если по хозяйственным соображениям ему нужно было возвести какие-либо строения.

К СТАТЬЯМ 163—167

Статьи представляют собой переработку ст. 85 Судебника 1550 г., посвященной феодальному вотчинному землевладению, в духе приспособления норм ст. 85 о праве родового выкупа вотчин к порядкам крестьянского землевладения.[4]

СТАТЬЯ 163

Статья соответствует первой части ст. 85 Судебника 1550 г. В противовес порядку, установленному в Судебнике 1550 г. (лишение прямых потомков продавца права выкупа и предоставление этого права боковым родственникам при условии, если последние не участвовали в сделке в качестве послухов) в Судебнике 1589 г. право родового выкупа предоставлено прямым потомкам продавца (его детям и внукам) в том случае, если при совершении сделки в качестве послухов не участвовали боковые родственники. Если последние записаны послухами в купчей, то тогда дети и внуки про-

[1] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений..., стр. 23.

[2] Там же, стр. 24.

[3] М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII в. СПб., 1913, стр. 128, прим. 5.

[4] Анализу статей 163—167 Судебника 1589 г. посвящены несколько страниц в работе Владимирского-Буданова: Судебник 1589 г. Его значение и источники, стр. 6—10.

давшего лишались права выкупа. Из текста ст. 163 Судебника 1589 г. не совсем ясно — признается ли право родового выкупа за боковыми родственниками продавших. Островская говорит, что из круга лиц, которые имеют право выкупа, исключаются по Судебнику 1589 г. родственники, написанные послухами в купчей. „Очевидно, — пишет Островская дальше, — родственник, выступая послухом при сделке, этим самым отказывался от своего права выкупа“.[1] Подобный вывод совсем не вытекает из текста ст. 163 и, более того, противоречит ей. Если принять толкование Островской, то выйдет, что Судебник в некоторых случаях (по первой части ст. 163) совсем отказывает в выкупе. Ибо право на выкуп нисходящих прямых родственников продавца отрицается именно потому, что боковые родственники („брат, или сестра, или племянник“) написаны послухами в купчей. Поэтому это мнение Островской принять нельзя. Наоборот, Судебник 1589 г., ограничивая (в определенных случаях) права детей и внуков продавца на выкуп земли, совсем не говорит об ограничении прав боковых родственников. Владимирский-Буданов считает, что составитель ст. 163 Судебника 1589 г. извратил текст Судебника 1550 г. по недомыслию и утверждает, что „такого странного порядка (родового выкупа, — *А. К.*) никогда не существовало“.[2] Но это положение Владимирского-Буданова не может быть принято, так как многочисленные документы XVI — XVII вв., относящиеся к крестьянскому землевладению, показывают, что порядки родового выкупа, бытовавшие в среде черного крестьянства, соответствовали нормам Судебника 1589 г., т. е. и в данном случае Судебник отразил важную черту действительной жизни черносошного крестьянства русского Севера. В купчих грамотах XVI — XVII вв. встречаются часто обязательства покупщиков не продавать земли, не известя продавцов. Так, в 1598 г. два крестьянина Пежемской волости продали свой наволочек Мокею Семенову сыну Стрелова. В купчей условие — „А не понадобитца мне Мокию тот наволочек Вострой и моим детям, ино мимо Лукъяна и его детей и мимо Аликсия и его братьи и их детей того наволочка не продати ни заложити“.[3] Эта купчая (как и Судебник 1589 г.) фиксирует право детей, внуков и боковых родственников продавших на выкуп земли. Против практики родового выкупа борются покупщики. Об этом можно судить по включаемым в купчие оговоркам, что земля продается „без выкупа“, что до нее бывшему владельцу „дела нет“ и пр.[4] Но это плохо помогало. Право продавца на выкуп проданного ревниво оберегалось. Например, в челобитной 1653 г. крестьянина деревни Окатовской

---

[1] М. Островская. Земельный быт сельского населения. . ., стр. 25.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 243.

[3] М. Островская. Земельный быт сельского населения. . ., стр. 24.

[4] Там же.

Каргопольского уезда, Макарки Гаврилова, излагается история одного родового выкупа. Отец Макарки Гаврилова купил в 1634-35 г. у Захара Иванова сына Савина жеребий Окатовской деревни, который был куплен последним за 15 лет до этого у Мартемьяна Осипова. Но в 1653 г. „вступился в тот деревенский жеребий, через продажу деда своего Мартемьяна... внук его Мартемьянов, позвав себе вотчинным участком“. Несмотря на ссылку челобитчика на Уложение, запрещающее выкуп проданной вотчины прямым потомкам продавца, местный воевода и центральный приказ решили дело в пользу внука,[1] т. е. они подтвердили норму, занесенную в Судебник 1589 г., о праве выкупа земли прямыми потомками — детьми и внуками продавшего. В 1642-43 г. крестьянин Каргопольского уезда, продавая землю, „накликивал на тот участок вотчинников, что участок продам на сторону, будет вы не купите“.[2] Указание Судебника 1589 г. относительно цены — „а будет тот купец опродаст им назад, как ему стоит, и им купити“ — находит подтверждение в документах. Так, в 1630 г. крестьянин Пежемской волости Суслов жаловался на то, что сородичи его продали деревню — отчину свою на сторону и просил: „Вели, государь, у нас те ж деньги взять, в чем она заложена или продана на сторону, чтоб мы... тое вотчинной земли... не отбыли“.[3] Выкупная цена равняется здесь продажной цене. Можно было бы привести больше фактов, характеризующих порядок родового выкупа, бытовавший в среде северного крестьянства, но и те примеры, которые взяты нами из литературы, полностью опровергают приведенное выше толкование Владимирским-Будановым ст. 163 Судебника 1589 г.

СТАТЬЯ 164

Статья соответствует второй части ст. 85 Судебника 1550 г. Отсюда взято постановление о сорокалетнем сроке выкупа вотчин. Вторая часть ст. 164, по мнению Владимирского-Буданова, — „ненужная перефразировка предыдущего (составитель был введен в ошибку словами ц. судебника: „и до купель дела нет“, которые он переделал „до купцов... дела нет“)“.[4] Такие ссылки на „непонятливость“ составителя и в данном случае неосновательны. Текст ст. 164 совершенно точен, грамматически правилен и понятен. В обеих частях ее говорится, что вотчинникам до вотчин по истечении 40 лет дела нет, а также нет дела до „купцов“ этих вотчин ни в каких делах, так или иначе касающихся вотчины, купленной ими 40 лет назад.

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 54, Примечание.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 53, прим. 2.
[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 243.

СТАТЬЯ 165

Статья соответствует третьей части ст. 85 Судебника 1550 г., но со значительной переработкой. Если в Судебнике 1550 г. говорится о превращении „купли" в вотчину через переход к законным наследникам, то здесь сформулировано общее положение о том, что следует считать вотчиной: „А хто после живота своего отпишет деревню детем, то им и водчина в век". Употребление термина „деревня" не всегда означает деревню в обычном смысле (группа дворов, к которым тяготеет известная совокупность земельных угодий), но и часть деревни, принадлежащую тому или иному дворохозяину.

СТАТЬЯ 166

Статья соответствует четвертой части ст. 85 Судебника 1550 г. Как уже отмечено выше (стр. 431), часть текста ст. 166 со слов „А возмет хто сторонней человек" и до слов „или уже заложил в чужей род" составляла ст. 22 краткой редакции, в конце которой была ссылка на ст. 85 Судебника 1550 г. Перерабатывая краткую редакцию в пространную, составитель последней добавил, следуя ссылке первой, заключительную фразу статьи со слов „...и тому водчиннику...", заимствуя ее из Судебника 1550 г. Кроме того, составитель расширил по содержанию статью краткой редакции (посвященную вопросу о закладе вотчины), присоединив к ней ту часть ст. 85 Судебника 1550 г., в которой трактуются вопросы о выкупе вотчин чужими деньгами. Судебник 1589 г., следуя за Судебником 1550 г., также отрицает выкуп вотчины чужими деньгами, но излагает это здесь живым народным языком, далеким от юридического языка Судебника 1550 г. („...а молвит: выкупи свою водчину; а не надобе себе, ино яз в ней живу"). В тексте слово „продавцу" заменено словом „купцу", в результате получилось, что выкупленная чужими деньгами вотчина отдается обратно купившему ее чужеродцу, а не вотчиннику, продавшему ее первоначально (как в Судебнике 1550 г.). К сожалению, актовый материал не позволяет проверить применяемость этой нормы. Вопросы, связанные с закладом вотчины стороннему человеку, решаются в Судебнике 1589 г. так же, как и в Судебнике 1550 г.

СТАТЬЯ 167

Статья сходна с пятой частью ст. 85 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 168

Статья соответствует первой части ст. 86 Судебника 1550 г. Но в ней есть много нового и важного. Во-первых, устанавливается, в отличие от Судебника 1550 г., срок, до которого жители деревни или села обязаны были крепить свои межные огороды, а именно до 1 сентября („до Семена дни"),

так как потрава, происшедшая после 1 сентября, уже не взыскивалась (следует, однако, отметить, что согласно ст. 172 межные огороды между деревнями и селами могли и не быть). На практике сроки городьбы были вероятно различными. Так, совладельцы Кучина наволока разделили в 1539 г. огород по жеребьям. Записали условие: „А ставить нам огород всем сябрам с Николина дни вешнево, а крепити нам огород до Покрова дни св. богородицы лето все, а по Покрове две недели крепити“ (т. е. с 9 мая по 15 октября).[1] Во-вторых, в ст. 168 устанавливается способ оценки потравленных угодий: „. . . и на нем протрава взяти, чем люди осудят“. Вероятно, под „людьми“ разумеются сотский, староста и ближние соседи, которые должны сыскивать о потраве по ст. 169.

СТАТЬЯ 169

Новая. Статья развивает положения ст. 168, является ст. 23 краткой редакции. Для огорода указывается обязательная высота (7 жердей для полевого огорода, 9 — для городьбы около гумна и 7 хлудин для осека). Если при соблюдении этой меры скот пройдет („проломится“ через огород и произведет потраву, то ответственность падает уже не на хозяина огорода, а владельца животного. При этом сыск о потраве производят выборные волостные власти: сотский, волостной староста и ближние соседи. По данным Седашева высота огорода из 6—8 горизонтальных жердей достигает от $1\frac{1}{2}$ до 2 аршин.[2] Огород около гумна должен был возводиться особенно высоким и прочным (9 жердей). Обычай вполне понятный. В гумне или рядом с ним скирдовался немолоченный хлеб, отметывалась солома и другие кормовые запасы. Осек противопоставляется огороду по материалу, из которого он сделан. Если огород городится из жердей, то осек — из „хлудин“ „хлубин“, „глединˮ, „колодин“ (по различным спискам Судебника). По Словарю В. Даля, во многих местностях „хлуд“ означает жердь, дубину, дрюк, ослоп, стяг, долгую хворостину; х(о)лудье — хворост, мелкий лес, кустарник; хлудец — хворостина; колодина — лежачее толстое дерево. В словаре Подвысоцкого „осек“ определяется как „огорожа из кустарника, жердей или хворосту“.[3] Примерно то же об осеке говорит Добротворский. В Вятской губ. в XIX в. осеком назывались лесные пограничные ограды, отделяющие деревенские земли от казенных. Такой осек делается из срубленных деревьев, положенных прямо с сучьями на пограничную черту.[4] Поэтому в документах

[1] Архив ЛОИИ, Собрание актов Антониево-Сийского монастыря, № 24, сстав 4.

[2] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений. . ., стр. 18.

[3] А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 112.

[4] Н. Добротворский. Поземельная община в Орловском уезде Вятской губ. Русская мысль, кн. 9, 1884.

вместо „городили" осек употреблялось иногда „секли" осек. Так, в явке 1656 г. говорится, что крестьяне Селецкой волости миром „секли осек".[1]

Следовательно, огород отличался от осека и по внешнему виду. Первый строился исключительно из жердей, второй из хвороста, деревьев, неочищенных от сучьев, жердей, кустарников и т. д.

СТАТЬЯ 170

Новая. Более точное чтение статьи находим в краткой редакции (ст. 24). В Музейском списке после слов „в поле" добавлено „и в гумно"; в обоих списках краткой редакции после слов „и которая незгода учинитца" вставлено „над скотом" и т. д.

Статья определяет наказание за умышленное повреждение огорода или осека („огород отворит... или осек отворит"), результатом чего будет потрава или гибель скота (от зверя, в лесу за осеком). В том и другом случае преступник должен платить „потраву", или „гибель", и, кроме того, он наказывается кнутом. Подобное умышленное деяние разбиралось, конечно, в волостном суде, но размер потравы определялся обычным способом (по ст. 169): „чем люди осудят".

В ст. 170 различаются „осек" и „огород" по тем последствиям, которые происходят в случае, если через них пройдет скот. Проникнув через поврежденный огород, животные попадают на поля и причиняют потраву, пройдя через отворенный осек, они уходят в лес, далеко от селений, где и может над ними „незгода учиниться" (от зверя). Следовательно, „осеком" обычно отгораживали земли, прилежащие к селениям (в том числе и выгоны), от больших лесных массивов — того леса, который в ст. 177 назван „вопчей лес царев и великого князя". В явке 1656 г. крестьянин Селецкой волости Савка Алексеев писал: „В нынешнем в 164 году засеяли (так в тексте, очевидно, „засекли", — *А. К.*) осек крестьяне Селецкой волости. А не секли осеку с миром Антипа Авакумов да Фома Шубин, Максим Шумилов, Мокийко Титов, Максимко Родионов. На их долю осеку, оставили полое место. И ныне у меня, сироты, скотишко с тем полым местом в лес зашло, и зверь, пригоня к осеку, и корову у меня, сироты, убил до мертва, а иного скотишка сыскать не мог. И от них мне великая гибель учинилась".[2] Как видим, крестьянин понес убытки от того, что его скот ушел за осек. Характерно, что в явке, как и в Судебнике 1589 г., ущерб выражается одним термином „гибель". Отметим еще одно обстоятельство: крестьяне Селецкой волости (если не всей, то несомненно нескольких деревень) „секли осек" совместно.

---

[1] Архив ЛОИИ, Собр. Лихачева, карт. 60, № 76.
[2] Там же.

СТАТЬЯ 171

Статья соответствует второй части ст. 86 Судебника 1550 г., но со значительными изменениями. Если в Судебнике 1550 г. говорится только об отхожих пожнях, то Судебник 1589 г., наряду с ними, называет отхожие пашни и огороды. Владимирский-Буданов считает, что это получилось в результате непонимания составителем Судебника 1589 г. текста своего источника — Судебника 1550 г. Но это неправильно. Статья 171 отражает здесь реальную действительность, известную нам по другим документам. Об отхожих пашнях говорят писцовые книги, купчие, раздельные и т. д. Судебник указывает даже на то, как эти отхожие пашни появлялись. По ст. 175 в „черном лесу... в суземке" разрешалось пахать каждому, „хто сколко может", — такая пашня могла быть названа отхожей пашней. Полагаем, что отхожими пожнями, пашнями и огородами назывались такие владения крестьян, которые находились „на лисе и при реках", вне общего комплекса обрабатываемых деревенских владений (как говорится в ст. 171). По-иному, чем в Судебнике 1550 г., решается в ст. 171 также вопрос об огораживании отхожих пашен и пожен. Если Судебник 1550 г. освобождает от городьбы собственника пожни и обязывает это делать собственника прилегающей пашни, то Судебник 1589 г. возлагает на хозяина отхожей пашни или пожни обязанность городить половину огорода в том случае, если он пускает на этот участок скот; другую половину должен ставить тот, чей скот пасется в тех же местах. И, наоборот, если хозяин отхожих пашен или пожен не пускает на них совсем скота, то огораживать их полностью должен тот, чья земля прилегает к отхожей пашне или пожне и чей скот пасется на ней. Статья 171 представляет собой ст. 25 краткой редакции.

СТАТЬЯ 172

Статья представляет коренную переработку первой части ст. 87 Судебника 1550 г., в которой говорится об охране границ феодальных вотчин (царских, монастырских и боярских). В соответствии с характером землевладения своего района, по преимуществу крестьянского, составитель Судебника 1589 г. (в краткой редакциии ст. 26) посчитал эту норму Судебника 1550 г. излишней. Он посвящает ст. 172 важному вопросу земельных отношений внутри черной крестьянской волости — охране границ между деревнями и селами („А хто зорет межу или грань ссечет меж селы и деревни..."). Твердо установленная межа, охватывающая все земельные владения той или иной деревни или села, показывает, что каждая деревня, каждое село в поземельном отношении представляли единое целое. Наблюдение за сохранностью этих границ было важной функцией волостного управления. Выражение Судебника „А хто зорет межу" указывает на то, что пахотные земли соседящих деревень и сел смыкались. Только в этом случае крестьянин одного селенья, вспахивая свою землю, мог перепахать „зорать" общедеревенскую межу.

Этот факт указывает на то, что обе разделенные межой деревни когда-то были, вероятно, единым целым. Нарушитель междеревенской границы наказывался кнутом, кроме того, он обязан был уплатить „за грань и за межу“ рубль. По мнению Седашева, этот рубль берется „за испорченные знаки“.[1]

СТАТЬЯ 173

Статья повторяет, с изменениями, ст. 87 Судебника 1550 г. В ст. 173 запрещается нарушать межи крестьянских владений внутри деревни (или села), т. е. внутри того поземельного целого, об охране границ которого говорится в ст. 172. Причем запрещается нарушать межи лишь пахотных земель и сенокосных угодий („межу подорет или перекосит“) и ни слова не сказано о возможных нарушениях прав владения отдельного деревенского жителя на леса, выгоны, охотничьи угодья и т. д. Последнее можно объяснить тем, что все эти угодья обычно были не в разделе, а в общем пользовании деревни или села в целом.

Штраф за нарушение меж в одной деревне или селе по Судебнику 1550 г. брали волостель или посельский. В Судебнике 1589 г. говорится о „властеле“, „под которым неизвестно, что следует разуметь“, — пишет Владимирский-Буданов.[2] Можно полагать, что это испорченное слово „волостель“, взятое составителем по ошибке из Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 174

Новая. Статья запрещает складникам сечь и пахать без раздела „молоди“ (леса, выросшие на прежних пашнях). Тот, кто нарушит это требование, обязан выдать другим складникам такую долю урожая, какую они могли бы получить, если бы принимали участие в распахивании молоди. Причем это он обязан сделать и в том случае, если при распашке молоди оставит соответственную долю для других складников (так следует понимать чтение ст. 27 краткой редакции: „...хотя он и оставил того же лесу“ — слова, вошедшие и в пространную редакцию, но испорченные переписчиком Мазуринского списка). Под складниками этой статьи следует понимать соседей-складников, т. е. всех домохозяев деревни или села. Это подтверждается первой фразой ст. 174: „А у которых сел и деревень есть молоди...“ и т. д. Здесь говорится о молодях, принадлежащих всей деревне или селу, а не отдельным складникам-совладельцам. Следовательно, если пашни, находившиеся в индивидуальном владении крестьян деревни, запускались и зарастали лесом, то они становились общим владением всей деревни и ни один сосед по собственному желанию, без раздела с другими складниками-соседями не мог распахать вновь эту землю. В этом факте обращения

[1] В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений..., стр. 13.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 246.

индивидуальной собственности крестьянина (именно на принципе собственности владели крестьяне своими пашнями) в собственность всей деревни ярко проявляются черты общинного землевладения внутри деревни или села.

На ст. 174 Судебника 1589 г. имеется ссылка в судном деле 1641 г., найденном Богословским.[1] Спор шел перед судьями Введенского стана Устьянских волостей. Поп Василий жаловался на складников-соседей деревни Кузоверской (в которой он купил $^1/_{14}$ долю) в том, что они захватили его пахотные земли. Кроме того, эти складники-соседи, распахивая вновь заросшие лесом пашни, пахавшиеся когда-то крестьянами Кузоверской деревни „на черном лесе", не дают ему соответствующей доли („и они лес секут и землю пашут сильно, того повытья запаши, а мне доли не дают" или „прежнюю вопчую запашь на водопойном ручью по обе стороны запахали и хлёб насеяли, а мне доли не дали... и в иных запашах и в хлебе"). Мы видим, что возник казус, изложенный в ст. 174 Судебника 1589 г. И, действительно, поп, отвечая на вопрос судей, „чем их (ответчиков) уличаешь?", ссылается именно на эту статью: „Да уличаю, государь, их государевым указом Судебником, что прежних вопчих запашей без делу ни сетчи, ни пахати. В том и шлюся на Судебник, то и улика". К делу приложен полный текст ст. 174 Судебника 1589 г. (о значении этого факта см. выше, стр. 521).

СТАТЬЯ 175

Новая. Статья устанавливает, что в противовес молодям — лесной поросли на бывших пашнях — черный лес можно было рубить и землю распахивать без „дела" и столько, кто сколько может. Но не всякий черный лес (тот, который находился в общедеревенской меже, исключался),[2] а лишь черный лес „в суземке" (краткая редакция в ст. 27 ставит условие: лес можно сечь и землю пахать в том случае, если там не будет никаких угодий — например путиков, по ст. 176). Суземьем, говорит Богословский, называлось „пространство между реками, по которым тянулись деревни".[3] Про такой лес

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 269—275.

[2] Об этом можно судить по следующему факту. Поп Василий Никольского прихода Устьянских волостей в челобитной 1640 г. по поводу спора со складниками Кузоверской деревни ссылался на купчую 1573—74 г. и, перечисляя земли, которые были приобретены по ней, в заключение отметил: „Да в черном лесу сичи по мире на год с ними". Здесь, конечно, имелся в виду черный лес данной деревни, а не тот черный лес в „суземье", который назван в ст. 175 (М. М. Богословский. К вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 269—270. — См. также: М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 174—175).

[3] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 369. — В Тверском уезде по актам XV—XVI вв. местность, расположенная между реками Тьмакою и Волгой, составляла волость Суземье (М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 117).

Судебник говорит: „...то лес вопчей царев и великого князя“. Выражение „лес вопчей“ показывает, что он был предметом общего пользования жителей всех прилегающих деревень и находился, вероятно, под наблюдением крестьянского мира — волости. Что подобный черный лес примыкал к деревенским межам и находился иногда между землями, принадлежавшими двум деревням, доказывает статья 177, которая определяет способ проведения границы между деревенской землей и черным „вопчим“ лесом. А такие владения, находившиеся в общем пользовании нескольких деревень или всей волости, считались ничьими. Верховным собственником их было государство — что и нашло отражение в заключительных фразах статей 175 и 177.[1]

[1] А. И. Андреев в работе об отступных грамотах (Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в. Пгр., 1916) утверждает, что выражения „земля царева и великого князя, а моего владения“ или „земля божья да государя великого князя, а роспашн и ржи наши“ и тому подобные встречаются „в одной разновидности частных актов Двинского уезда, именно, так называемых отступных или посильных“ (стр. 4—5). А. И. Андреев объясняет наличие приведенной формулы в отступных тем, что эти грамоты составлялись обычно на так называемые государевы оброчные земли, которые за уплату определенного оброка отдавались в пользование крестьянам. Из этого положения А. И. Андреева неизбежно следует вывод, что формулы грамот „земля царева и великого князя, а моего владения“ и т. п. относятся лишь к очень незначительному количеству оброчных земель на Двине и совсем не отражают характера крестьянского землевладения на Севере в широком смысле, как это обычно указывается в литературе. Однако такой вывод А. И. Андреева нельзя признать правильным, ибо нельзя относить выше цитированную формулу отступных грамот только к оброчным землям. Этому противоречит прежде всего тот факт, что в двух статьях (175 и 177) Судебника 1589 г. говорится также о земле великого князя и в формулировке, близкой к формуляру отступных грамот, а именно: „лес вопчей царев и великого князя“. В отличие от формулы отступных грамот, в которой подчеркивается факт владения отдельного крестьянина землею „царя и великого князя“, в Судебнике говорится об общем владении („лес вопчей“) крестьянами ряда деревень или целой волости лесами, прилегающими к их землям, верховным собственником которых назван царь. Но формула Судебника не противоречит формуле отступных грамот. Ибо если крестьяне разделят этот „вопчий лес“ и распашут землю, то они могут назвать ее „землей царя и великого князя, а своего владения“, т. е. так, как именуются крестьянские участки в отступных грамотах. Более того, сопоставление формулы Судебника с формулой отступных грамот показывает, что основой крестьянского представления о верховном собственнике их земель („царе и великом князе“) является факт исторически существовавшего общего владения землей. Итак, формула Судебника и по содержанию и по форме соответствует формуляру отступных грамот. Поэтому сводить значение этой формулы только к оброчным землям (как это делает А. И. Андреев) нельзя, ибо статьи Судебника 1589 г. посвящены не оброчным землям, а крестьянскому землевладению вообще. Кроме того, формула „земля царя... а моего владения“ встречается не только в отступных, но и в купчих грамотах. Так, в купчей 1542 г. Степана Демьянова сказано: „Продал есми в дом Троицы живоначальной игумену Антонию... вотчину государя великого князя, а своего владения“ и т. д. (Архив ЛОИИ, Собрание актов Антониево-Сийского монастыря, № 177; см. также купчую 25 августа 1580 г., Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 380).

СТАТЬЯ 176

Новая. Более правильное чтение этой статьи находим в краткой редакции (ст. 28); а именно, вместо „или в судной приписати“ здесь поставлено „или в сотной приписано“ (сотная — выпись из писцовой книги, служащая документом на владение). Статья 176 запрещает без особого соглашения (не полюбовно) жителям одной деревни ходить „к путикам“ или другим угодьям, принадлежащим другой деревне. Право на эти угодья подтверждалось показаниями старожильцев или сотной выписью. Судебник регулирует в этой статье пользование охотничьими угодьями. „Путики, — говорит Богословский, — лесные тропинки в черном лесу, служившие для охоты. На них ставились силки и «перевесища» для ловли птиц и зверей“.[1] Кроме путиков, в статье указывается „или иное что“, — вероятно, рыбные ловли в лесных речках и озерах, птичьи гоны и т. д. Обычно этими угодьями охоты в черных лесах крестьяне пользовались без раздела, сообща. Так, писец, описав в 1623 г. огромные кевротьские леса, отмечает: „И в тех лесах звериными и птичьими ловли, слопцы и путики владети им (крестьянам Кевротьского уезда, — *А. К.*) по старине безоброчно, то им в угодье“.[2] Но Судебник 1589 г. отмечает уже тенденцию к закреплению этих угодий за отдельными деревнями, не отрицая, однако, общего пользования по полюбовным соглашениям.

СТАТЬЯ 177

Новая. Представляет собой ст. 29 краткой редакции. Статья говорит о том, что межи между деревнями проводятся до осека (т. е. до той огороды, которая отделяет деревенские земли от черного леса). Причем небольшая полоса черного леса, „сажен в 20—40“, еще считается принадлежащей к той деревне, к землям которой примыкает черный лес. Далее этой полосы лес считается общим (т. е. всех деревень). Такое предположение основывается на следующей фразе Судебника 1589 г.: „. . . а на осек став, топором шиби, до каких мест имет; а дале вопчей лес царев и великаго князя“. Историки по-разному комментируют это место. Богоявленский, считая осек просекой, туманно писал: „по меже до просеки и от просеки по черному лесу куда достанет топор от просеки“ и признавался, что выражение „топором шиби“ для него неясно.[3] Лонгинов понял это выражение как указание на высекание топором на деревьях „грамотных знаков“.[4] Владимирский-Буданов, полагая, что „осек“ — это просека, говорит:

---

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. стр. 369—370.

[2] Там же.

[3] С. К. Богоявленский. Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. стр. XIV.

[4] А. В. Лонгинов. Значение судебника царя Федора Иоанновича. Вестник права, 1900, ноябрь, № 9, стр. 86.

„Просека должна быть такой ширины, на сколько может пролететь пущенный рукою топор“.[1] Богословский отверг это толкование, указав, что такие широкие просеки (20—40 сажен) прорубить в лесах „не под угодье, а исключительно только для отграничения от казенного леса, было бы не под силу северным, очень малолюдным деревням“.[2] Выражение „топором шиби“ Богословский толкует совершенно правильно: „К деревне отводится также некоторая, прилегающая к ее землям полоса этого леса, именно шириною на разстояние полета брошенного от осека в лес топора“.[3] Седашев разъясняет, для каких целей указанная полоса леса отводилась. По ст. 175 разрешалось пахать черный лес всякому. „Но при таком захвате могли пострадать отчасти интересы селений, примыкающих к черному лесу и отгородившихся от него осеками. Для защиты этих интересов и введена ст. 177. Она определяет, что площадь свободной заимки в черном лесу начинается не тотчас за изгородью (осеком), а с того места, куда долетит топор, пущенный с осека“.[4] Седашев принимает толкование Богословского, что полоса чёрного леса, в 20—40 сажен, принадлежала той деревне, которая поставила здесь изгородь. Об осеке см. комментарий к статьям 169 и 170 (стр. 528—530).

К СТАТЬЯМ 178—179

Статьи являются переработкой ст. 88 Судебника 1550 г. Включение статьи о крестьянском отказе в Судебник 1589 г. Дьяконов считает одним из доводов против понимания указа о заповедных годах как закона, отменяющего Юрьев день.[5] Б. Д. Греков, разбирая неубедительность всех доводов Дьяконова относительно указа о заповедных годах, дает краткую характеристику Судебника 1589 г. и условий его возникновения. Это „не официальный свод законов, а работа юриста Устьянской северной волости, сделавшего попытку приспособить царский Судебник к условиям общественной жизни севера, т. е. территории свободного независимого крестьянства, меньше всего заинтересованного в вопросе о судьбе частновладельческих крестьян“.[6] Незаинтересованность составителя Судебника 1589 г. в судьбе частновладельческих крестьян проявляется и в небрежном отношении его к тексту ст. 88 Судебника 1550 г. и в попытках переработать ее применительно к условиям жизни своего района, не знавшего крепостничества.

---

1 М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 248.

2 М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 370.

3 Там же, стр. 270.

4 В. Седашев. Опыт изучения земельных отношений. . . , стр. 17.

5 М. А. Дьяконов. Заповедные и выходные лета. Пгр., 1915, стр. 9.

6 Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., стр. 852.

СТАТЬЯ 178

Статья повторяет с пропусками первую половину ст. 88 (с характерной заменой „из села в село“ словами „из деревни в деревню“). Опускается весь текст ст. 88 о размерах пожилого (установленных Судебником 1550 г.) в зависимости от расстояния до строевого леса. Новым по сравнению с Судебником 1550 г. является вставка „... подворною платить подворникам на год 8 алтын по 2 денги“. Богословский считает подворниками съемщиков жилого помещения, квартиры (подворье-квартира) и полагает, что статья 178 является приспособлением статьи о крестьянском отказе „к отношениям квартиронанимателей (подворников)“, в ней устанавливается нормальный размер ежегодной квартирной платы. Но едва ли это так. Подворник это не просто съемщик помещения, но крестьянин, лишившийся своего двора, т. е. экономически разорившийся. Это доказывают и примеры, приведенные самим Богословским.[1] Трудно судить, что означает указание статьи относительно платы подворниками 8 алтын и 2 денег в год, но считать это квартирной платой едва ли правильно.

СТАТЬЯ 179

Статья повторяет со значительными пропусками вторую половину ст. 88 Судебника 1550 г. и включает ст. 30 краткой редакции. Совсем опускается текст ст. 88 о размере пожилого в зависимости от того, сколько лет живет отказывающийся. Опущено также все то, как отмечает Владимирский-Буданов, „чем обусловлено будущее крепостное право, напр., о барщине он вовсе не упоминает, не говорит о последствиях бессрочного выхода (о попе, о крестьянине, продающемся в холопство)“. Все эти пропуски Владимирский-Буданов объясняет тем, что составитель Судебника 1589 г. жил в северной полосе России, где „крепостное право не привилось“.[2] О стремлении составителя Судебника 1589 г. приспособить статью о крестьянском отказе к условиям жизни черносошного крестьянства свидетельствует последняя фраза ст. 179: „и то взяти тому, кому он деревню продаст“. Это добавление показывает, что составитель пытался здесь внести постановление, регулирующее отношения между продающим свою землю крестьянином и покупающим. Продавец обязан был уплатить государству подать, оброки и особую пошлину волостелю с того хлеба, который оставался посеянным на его, уже проданной, земле и принадлежал ему. Кроме того, он должен был дать покупателю „пожилую“ копну сена „две сажени с локтем, одинова топтати“. (Это вероятно, было обычаем при продаже деревенских участков). Богословский приводит ряд купчих, в которых зарегистрированы различные условия

---

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 370—371.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 248.

относительно хлеба в земле и платежа податей при продаже деревень, которые далеко не совпадали с нормами Судебника 1589 г.[1] Упоминание „властеля“ (волостеля) является здесь (как и в ст. 173) анахронизмом.

СТАТЬЯ 180

Статья повторяет ст. 89 Судебника 1550 г. со значительными сокращениями, но без изменения содержания.

СТАТЬЯ 181

Статья повторяет с сокращениями первую половину ст. 90 Судебника 1550 г. В данном случае сокращения проведены не совсем удачно. Так, по Судебнику 1550 г. вопрос о выдаче полетной грамоты решался боярами, которые „сыскав“ приказывали царскому дьяку выдать грамоту потерпевшему, а в Судебнике 1589 г. такого разделения функций между боярами и дьяками нет, здесь сказано: „...и бояром и дияком про то сыскивати и, сыскав, дати царская грамота“, т. е. самое расследование дела возлагается на бояр и дьяков. В этом изменении роли дияков Владимирский-Буданов увидел доказательство того, что „влияние дьяков все растет, с течением времени, в сознании населения государства“.[2] Но если объяснение Владимирского-Буданова и правильно, то все-таки формулировка ст. 181 Судебника 1589 г. есть результат сокращения текста Судебника 1550 г. В конце статьи текст испорчен. Вместо слов Судебника 1550 г. „платитися исцом в ыстину без росту“ здесь поставлено „исцу свое имать ему без росту“. Отметим характерную вставку в текст ст. 181. Говоря о царской грамоте (полетной), составитель добавляет: „с красною печатию“. В отличие от всех документов, которые шли на места от центральных органов правительства, только царские грамоты имели красную печать — что и нашел нужным подчеркнуть составитель Судебника.

СТАТЬЯ 182

Статья повторяет вторую часть ст. 90 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 183

Статья повторяет третью часть ст. 90 Судебника 1550 г. В краткой редакции ст. 31.

К СТАТЬЯМ 184—189

Статьи посвящены вопросу о подсудности церковнослужителей и других лиц, связанных с церковью (нищие, вдовы и т. д.). Из указанных статей

---

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 371—372.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 249

только две статьи заимствованы из Судебника 1550 г. (184-я, определяющая общий принцип подсудности церковных людей „святителю", т. е. епископу, и 189-я, запрещающая торговым людям жить за монастырями). Остальные четыре статьи (185, 186, 187 и 188) являются новыми и составляют в краткой редакции статьи 32 и 33. В новых статьях говорится почти исключительно об отношениях служителей приходской церкви к волостному земскому суду и управлению. Таким образом, составитель Судебника 1589 г. в этих статьях вышел из общей схемы ст. 91 Судебника 1550 г., трактующей вопрос о прерогативах церковного и светского суда вообще и ограничился изложением тех норм права, которые бытовали внутри волости-прихода.

Выше уже отмечалось (см. комментарий к ст. 60, стр. 469—470), что в большинстве случаев в территориальном отношении волость и церковный приход совпадали. Церковная трапеза была центром волостного управления. Церковное здание строилось и поддерживалось на средства волости-мира, церковные книги и утварь приобретались также волостью. Причт приходской церкви (поп, дьячок, пономарь, просвирня и т. д.) выбирался на волостном сходе (иногда сход и назывался приходским) и часто из среды крестьян этой же волости. В материальном отношении церковнослужители зависели от того же волостного мира: от волости они получали пахотную землю, волость давала им право пользоваться другими угодьями — выгонами, лесами, лугами, от нее же они получали иногда и денежную плату. Следовательно, по словам С. В. Юшкова, посвященные в „духовный чин" не разрывали прежней связи с тем кругом отношений, в котором они находились ранее — до своего выбора. Крестьянин, избранный в священники, оставался крестьянином; если он был тяглым крестьянином, то становился „тяглым попом".[1] Члены причта приходской церкви, получившие землю от волости, обязаны были вместе с волостью платить подати государству и другие мирские сборы.

Материальная зависимость приходского духовенства от волости и тесная связь его в хозяйственном отношении с волостными крестьянами приводили к тому, что оно играло очень незначительную роль в волостной жизни.

Такое приниженное положение северного приходского духовенства, продолжавшееся вплоть до реформ конца XVII в. (реформы холмогорского архиепископа Афанасия), внешне выражалось в том, что всеми церковными делами ведал выборный от волости церковный староста, а также в том, что в судебном отношении члены приходского причта были подсудны волостному суду. Последнее обстоятельство нашло яркое отражение в Судебнике 1589 г.

---

[1] С. В. Юшков. Очерки истории приходской жизни. . ., стр. 46.

СТАТЬЯ 184

Статья представляет собой повторение первой фразы ст. 91 Судебника 1550 г. Причем, окончание ее „будет простой человек с церковным, ино суд вопчей“ совсем опускается составителем Судебника 1589 г. Вследствие исключения второй части фразы, логически связанной с первой частью, статья 184 приобрела другое содержание по сравнению с соответствующим текстом Судебника 1550 г. Последний говорит о святительском суде, при подсудности обеих сторон, и об общем („сместном“) суде, если одна из сторон не подсудна церкви. В ст. 184 Судебника 1589 г. говорится только о святительском суде, но не упоминается ни слова о суде общем („сместном“). Последующие статьи Судебника 1589 г. показывают, что судебные дела между церковниками и светскими людьми должны были решаться не сместным судом, а теми же волостными земскими судьями, которые разбирали дела, возникавшие между крестьянами. Подобная практика волостного суда, вполне объяснимая указанной выше зависимостью приходского духовенства от волостного мира, и побудила составителя Судебника 1589 г. совсем опустить текст Судебника 1550 г. о „сместном“ суде, как не соответствующий волостным порядкам. В краткой редакции статья 184, а также статьи 185—187 представляют собой ст. 32.

СТАТЬЯ 185

Новая. Статья касается судебных дел, где одной из сторон были представители волостного духовенства, и отрицает „сместный суд“ в волости. Владимирский-Буданов считает, что эта статья предусматривает „иски лиц церковных на мирских, но не обратно“. Слова: „а самому попу отвечяти перед тем же судиею, хто на нем ищет чего“, Владимирский-Буданов разъясняет: „Если при этом [иске попа] возникает встречный иск, то поп должен отвечать перед тем же [светским] судьею“.[1] Вряд ли такое толкование текста правильно. В судебной практике волостного суда иски к представителям приходского духовенства со стороны волостных крестьян были столь же часты, как и обратные. Поэтому приведенную фразу ст. 185 следует понимать не как указание только на случай „встречных исков“, но и как указание на всякие дела вообще, возникавшие по искам светских людей к церковникам. Такие формулировки ст. 185, как „А во всяких делах попа и диякона судити“ или „после приговору (попу) под правеж даватися“, показывают, что здесь имеются в виду дела, в которых церковники выступали в роли обвиняемой стороны. Следовательно, статья 185 устанавливала способ решения всех дел, возникавших между духовными

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 250. На стр. 251 Владимирский-Буданов говорит: „Иски церковных людей на светских решаются светским судьею с докладом святителю, или заменяющей его коллегией церковно-светского состава; иски светских людей на церковных решаются церковным судьею“. Последнее утверждение не вытекает из текста Судебника 1589 г.

лицами и светскими, т. е. таких дел, которые по Судебнику 1550 г. должны были разбираться сместным судом. В Судебнике 1589 г. устанавливается другой способ решения этих дел. Они разбираются земскими судьями, причем в процессе суда большую роль играет жребий („во всяких делех попа и диакона судити жеребьем, а черньца потому ж"). Значение „жеребья" в решении дел, касающихся духовенства, подчеркнуто в приговоре Устюжской четверти от 31 марта 1641 г. по указанному выше делу попа Василья с складниками Кузоверской деревни. В нем говорилось: „А в убытках истцу попу Василью в 50 рублях с ответчики с Пронкою Феоктистовым с товарищи дать веру крестное целованье, будет тот поп вдовой, а не служащий. А будет поп не вдовый, служащий и в том иску дати ему с ответчики жеребий".[1] Если земские судьи не могли решить то или иное дело, то доклад по нему направляется к святителю-архиерею. Но характерно, что статья 185 предусматривает случай, когда поп (т. е. церковная сторона) мог не захотеть „итти к докладу", а пожелать разобрать окончательно дело на месте. При таких обстоятельствах состав волостного суда дополнялся. Кроме выборных земских судей, в нем принимали участие десятский поп,[2] церковный староста и люди „добрые", по выбору попа. Приговору суда в таком составе поп обязан был подчиниться („под правеж даватися"). Участие в волостном суде десятского попа, церковного старосты и „добрых" людей можно считать пережитком того „сместного" суда, о котором говорится в Судебнике 1550 г.

СТАТЬЯ 186

Новая. Постановления ст. 185 касаются судебных дел, где одной из сторон были поп, диакон или монах. Статья 186 говорит о подсудности земским волостным судьям мелких церковнослужителей приходской церкви: дьячка, пономаря и других, названных обобщающим именем „крылошане". Владимирский-Буданов полагает, что под словом „крылошане" разумеются те же дьячок и пономарь. Но это не совсем так. Из ст. 62 известно, что при церквах были еще просвирни и трапезники, которые, несомненно, включались в число „крылошан". Кроме того, „крылошанами" назывались члены семей приходского духовенства. В Словаре В. Даля под словом „крылошане" читаем: „Крылошанами зовут и вообще церковнослужителей, а в монастырях — бельцов и беличек". Судебник 1589 г. в ст. 187 определяет порядок решения споров между „крылошанами". Ясно, что здесь не может итти речь о спорах только между дьячком и пономарем. Термин

[1] М. М. Богословский. К вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 275.

[2] Стоглав определяет: „А у бояр в суде сидети старостам поповским и пятидесятским и десятским по неделям" (гл. 68). На обысках в случае иска на духовное лицо обязан был присутствовать по Стоглаву наряду со старостами и целовальниками и десятский поп (выборное лицо из духовенства) (П. Знаменский. Приходское духовенство на Руси. Православное обозрение, т. 21, 1866, стр. 158—160).

„крылошане“ употребителен в документах, современных Судебнику. Так, в отрывке судебного дела 1578—1580 гг. поп Дмитриевской церкви Устьянских волостей сказал: „пожну Пачашовую отписал Дмитрею святому и Николе Чудотворцу по духовной грамоте Иван Иванов с. Роскостов и яз ту пожну с крылошаны ставили по два года...“[1].

Оговорка ст. 186: „оприч проскурни“ объясняется тем, что эта должность предоставлялась обычно вдовам, которые, по ст. 184, подлежат церковному суду.

СТАТЬЯ 187

Новая. Статья говорит о том, что в спорах „крылошан“ между собою судьей выступает поп, с которым они служат („ино их судити попу, с коим служат“). Но и в этих делах на суде должны быть церковный староста, земский верный целовальник, и волостные люди по выбору сторон, т. е. представители волости. Волостной мир, как видим, имеет возможность вмешиваться во всякие споры между церковнослужителями приходской церкви. Право мирского надзора вполне объяснимо тем, что как содержание церкви, так и материальное обеспечение служителей ее было обязанностью волости. Последняя фраза статьи „и судия их и дело приговорит“ указывает на то, что окончательное утверждение приговора, вынесенного попом (с волостными людьми), принадлежит земскому судье.

СТАТЬЯ 188

(Новая). Владимирский-Буданов при комментировании ст. 188 исходил из чтения ее по списку Мазурина: „А которые люди живут в волосте“ и т. д. и нашел статью неясной. „Не ясно, — писал он, — какие это люди, живущие в волости, могут закрываться юрисдикцией церкви; кажется это обыкновенные крестьяне, «задавшиеся» за монастыри“.[2] Богословский считает правильным чтение списка Барсова, где вместо „в волосте“ стоит „в погостех“. „Погостом, — говорит Богословский, — на севере называлось пространство земли, где находился храм с прилегающим к нему кладбищем; возле храма располагались дворы причта, богадельни, избы людей — нищих, «питающихся от церкви божией». На этой же церковной земле жили во многих местах на севере в особых дворах церковные бобыли, занимавшиеся разного рода промыслами и ремеслами“. Если статья 184 говорит о подсудности церковному суду всех тех людей, которые от церкви питаются, то статья 188, наоборот, устанавливает подсудность волостному суду тех лиц, которые живут „на церковной земле, под сенью церкви, но добывающих средства к жизни самостоятельно и не пользующихся благотворительностью“.[3] Мнение Богословского следует признать правильным.

[1] Архив ЛОИИ, Собр. Лихачева, карт. 58, № 2.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 252.

[3] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 372—373.

СТАТЬЯ 189

Статья повторяет заключительную часть ст. 91 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 190

Статья повторяет ст. 92 Судебника 1550 г. с существенными добавлениями. По Судебнику 1550 г., в случае отсутствия у умершего без духовного завещания нисходящих наследников (сына или дочери), наследство переходило „ближнему от его роду". В Судебнике 1589 г. к этому добавлено: „от ближнего роду от отцева или от материна", т. е. за отсутствием рода отца наследовал род матери. „Переход наследства в материнский род, — пишет Владимирский-Буданов, — составляет весьма важный спорный вопрос древнего права наследства". Показания Судебника 1589 г. он не считает „решающим вопрос окончательно, хотя есть основания признать указанное положение правильным".[1] Комментируя ст. 227, Владимирский-Буданов замечает, однако, что статья 190 повторяет общую норму Судебника 1550 г. о наследовании, применимую к наследству более значительному („в классах, более состоятельных"), чем наследство в крестьянской среде.[2] Применялась ли норма Судебника 1589 г. о переходе наследства в материнский род в среде северного крестьянства, судить трудно, так как источники на этот счет молчат. Но тот факт, что статья 190 включена была в первоначальную краткую редакцию Судебника 1589 г. (ст. 34), свидетельствует все же, что общие нормы этой статьи о переходе наследства в материнский род были близки к порядкам наследования в крестьянской среде.

СТАТЬЯ 191

Новая. Представляет собой вторую половину ст. 34 краткой редакции. Статья определяет порядок составления духовных завещаний. При составлении духовной должен присутствовать поп (обычно приходской церкви данной волости). Текст ее составлялся со слов умирающего: „... что боль (больной) говорит, то писати". Это находит иногда отражение в формуляре духовных. Например, в завещании 1626 г. крестьянина Дмитриевской Устьянской волости написано: „Пишу словесно духовную грамоту отходя сего свету".[3] Духовная хранится у попа до тех пор, пока ему не будет дано то, что завещатель выделил на сорокоуст. После получения сорокоуста поп должен был отдать духовную душеприказчикам („кому приписано"). В случае, если больной выздоровеет, то заготовленное духовное завещание, по истечении 6 недель, уничтожалось тем попом, который его хранил. Владимирский-Буданов ошибочно называет попа душеприказчиком. Обычно в духовных поп указывался среди свидетелей. Так, в духовной 1562 г.

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 252.
[2] Там же, стр. 265—266.
[3] М. Романов. История одного северного захолустья. Приложения, стр. 11.

устьянца Нефеда Рогозина говорится: „А у сее духовные сидел отецъ мой духовной поп Терентей Иванов сын Дмитриевской служитель и мужи (2 человека)...“. Душеприказчиками же Рогозин назначил своих братьев и им предписывалось „дать и взять и по душе поправить“.[1] Владимирский-Буданов также ошибочно толкует слова „попу взяти сорокоуст и духовная отдати, кому приписано“ как указание на то, что поп хранил духовную у себя в течение 40 дней, и объяснял это народными верованиями о пребывании „души“ умершего в это время на земле. На самом деле это постановление обеспечивало материальные интересы духовенства (приходского). Поп имел право держать духовную у себя и не отдавать ее душеприказчикам до тех пор, пока не получал то, что положено было завещателем на сорокоуст. На сохранившихся духовных завещаниях крестьян Дмитриевской Устьянской волости обычно указывалось (на обороте) исполнение воли завещателя и всегда на первом месте записывалось, что поп (такой-то) „сорокоустье взял на весь крылос“.[2]

Следующее важное постановление ст. 191 сформулировано так: „А болше рубля безкабалново долгу не писати, да и то писати коим обычяем дано“, т. е. долги на сумму свыше рубля, не оформленные письменными документами — заемными кабалами, в духовную записывать запрещается. Кроме того, относительно каждого долга должно быть указано, при каких условиях („коим обычяем“) заем был совершен. Прежде всего отметим, что это постановление Судебника 1589 г. указывает на широкую практику в крестьянской среде займа мелкими суммами без всяких документов. Об этом свидетельствуют также и сохранившиеся крестьянские духовные грамоты, в которых перечислению долгов („взяти“ и „дати“) всегда уделяется большое внимание.

В литературе высказаны две противоположные точки зрения относительно приведенного выше текста ст. 191. Владимирский-Буданов полагает, что здесь речь идет о бескабальных долгах завещателя, платить которые обязаны наследники.[3] Богословский, наоборот, считает, что в ст. 191 имеются в виду долги завещателю, подлежащие взысканию наследниками. В доказательство своего толкования он ссылается на чтение ст. 34 списка Барсова краткой редакции: „...а больше рубля безкабального долгу взятки не писати“. Употребленным здесь термином „взятки“ в духовных обозначаются как раз долги завещателю („у кого ми что взяти. Взяти мне...“ и т. д.). Только о них, рассуждает Богословский, завещатель мог сказать „коим обычяем“ они даны. Употребление Судебником „дано“, а не „взято“ указывает, по мнению Богословского, также на то, что здесь речь идет

[1] Архив ЛОИИ, Собр. Лихачева, карт. 58, № 1.

[2] Там же, №№ 1, 27, 35, 38.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 252—253.

о деньгах, которые дал завещатель.[1] Столь противоположные точки зрения, однако, можно объединить. Ссылка Богословского на текст Барсовского списка не может быть решающим доказательством. Надо учитывать, что этот список представляет краткую первоначальную редакцию Судебника 1589 г. При переработке ее в пространную как раз термин „взятки" был устранен. Вероятно, составитель пространной редакции нашел, что этот термин сужает закон. Он сформулировал эту часть статьи в более общих выражениях: „безкабальново долгу не писати", вне зависимости от того, является ли завещатель сам должником или займодателем. И действительно, в духовные почти всегда заносились как те долги, которые наследники имели право получить, так и те, которые подлежали оплате. Например, в духовной 1639 г. крестьянина Дмитриевской Устьянской волости Ферапонта Моисеева после обычной формулы „кому что дать или на ком что взять" перечислено 6 лиц, которым завещатель был должен, причем в двух случаях есть указание, что долг бескабальный („10 алтын денег бескабально" и „9 алтын денег бескабально"). Вместе с тем указано 8 человек, которые были должны завещателю с указанием в четырех случаях причины долга („за кобылу", „за лодку", „за овес", „за перье").[2] В случае, если на тот или иной долг имеется кабала, в духовной это указывается („взять мне по кабале").[3]

СТАТЬЯ 192

Новая. В краткой редакции ст. 35. Статья говорит о возвращении приданого (взимков) родителям в случае, если дочь, выданная замуж, умрет бездетной. Если же от нее останутся дети, то родители теряют всякие права на приданое. Что эта норма Судебника отражает действительность, свидетельствует следующий интересный факт. В духовной 1638 г. крестьянки Дмитриевской Устьянской волости Устиньи Прокофьевой в разделе „взяти" отмечено: „Да взяти мне на Ондрие Федорове с. Невежине деветь рубашек, да сукман овчарной, что дочи моя за ним замужем была и померла". Три рубашки она завещала своему внуку: „...что на Ондрушке взяти приданое" (в грамоте ошибочно „педаное"). Остальное имущество, данное за дочерью, она отписала „Дмитрею да Николе чудотворцу в казну". На обороте духовной отмечено: „По сей духовной яз земской целовальник Терентей Ондриев Оксенова взял есми у Ондрея Федорова с. Невежина жены ево покойные Олисавы Федоровы дочери Кабановы Дмитрею Великому и Николе Чюдотворцу в казну приданое: семь рубашенок ветчаные, да сукмане... подержано овчарное, да четыре платенка белые головные подержаны, да сапоженка женские дыроватые".

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 373.
[2] Архив ЛОИИ, Собр. Лихачева, карт. 58, № 38.
[3] М. Романов. История одного северного захолустья. Приложения, стр. 11.
[4] Архив ЛОИИ, Собр. Лихачева, карт. 58, № 35.

Мы видим, что приданое умершей бездетной женщины, уже не представлявшее большой ценности за изношенностью, все же возвращается зятем. В другой духовной 1626 г. завещатель отписывает родственникам своей жены: „полтора рубля денег придано жены своея Стефаниды“.[1]

СТАТЬЯ 193

Новая. Статья определяет имущественное положение бездетной жены в случае смерти мужа. Бездетная вдова получает обратно приданое. Кроме того ей платится „полетное... по две гривны на год“ (в краткой редакции, ст. 36, — „на лето“). Владимирский-Буданов считает „полетное“ „ежегодной пенсией вдове“, выплачиваемой за годы жизни во вдовстве. Но это вряд ли правильно. Если бы составитель Судебника 1589 г. так понимал „полетное“, то он, несомненно, вставил бы в текст указание на возможное прекращение платежа его в случае выхода жены замуж вторично. Этого, однако, нет. Полетное ст. 193 следует считать платой вдове за годы, проведенные в браке. В таком значении термин „полетное“ употреблен в одном документе, приведенном Богословским. Вдова, выходя вторично замуж, вступает от имени своих детей в договор со вторым мужем. Он обязан проживать с пасынками 10 лет — кормить их и „печаловать“. В случае смерти его жены, по прожитии им урочных 10 лет, он получает половину имущества своей жены, кроме того, имеет право получить с своих пасынков, наследующих вторую половину имущества, „полетное“ по 10 алтын. В случае если он уйдет, не дожив срока, то он получает только по 10 алтын полетного. Ясно, что полетное здесь — плата за прожитые в браке годы.[2] В явке 1603 г. вдова Авдотья сообщала, что ее выгнал из дома племянник мужа „босу и нагу, и холодну, и голодну, а живота мужа... (с которым она прожила 43 года и детей не имела, — *А. К.*)... и приданого... не отдал... ни полетного не дал“.[3] И в данном случае полетное не пенсия вдове, а плата за прожитые в браке 43 года. Иногда приданое возвращалось уже не тем имуществом, которое приносила жена при замужестве. Так, в духовной ухтостровца Филиппа Ильина 1574 г. отписывается жене его корова („за ее принос за 3 гривны“), клеть, хлев, хлеб, сено и мелкая рухлядь — „то все жене моей за ее принос“.[4]

СТАТЬЯ 194

Статья повторяет ст. 93 Судебника 1550 г. с пропуском после „поношено“ слова „у носящего“.

[1] М. Романов. История одного северного захолустья. Приложения, стр. 11.
[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление..., т. I, стр. 156.
[3] РИБ, т. XIV, стр. 541.
[4] Архив ЛОИИ, Собрание актов до 1613 г., № 336.

СТАТЬЯ 195

Статья представляет собой переработку ст. 94 Судебника 1550 г., в которой устанавливался порядок пятнания лошадей, купленных в Москве или в Московском уезде. Составитель Судебника 1589 г. выражение „на Москве или в Московском уезде“ заменяет другим: „...по городам и по волостям, кои около города“. В результате, как отмечает Владимирский-Буданов, статья получила „более общий и иной смысл“, чем соответствующая статья Судебника 1550 г. Согласно ст. 195, лошадей, приобретенных в городе или в близлежащих (окологородних) волостях следует приводить к пятенщикам (находящимся в городах) для наложения пятна. Размер пошлины — „с купца денга, с продавца денга“ — взят из ст. 95 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 196

Статья представляет собой переработку первой части ст. 95 Судебника 1550 г. Постановление последнего о пятнании лошадей при покупке или мене их всюду — и в Москве и в других городах и волостях — изменяется в Судебнике 1589 г. Как уже отмечено, по ст. 195 к пятенщикам должны были приводиться лошади, приобретенные только в городах или в окологородних волостях. Но как обстояло дело с пятнанием лошадей в волостях, отдаленных от городов? Статья 196 отвечает на этот вопрос. По этой статье пятнание в волостях отменяется, вместо пятнания предписывается совершать покупки и обмен лошадей перед третьими лицами (при свидетелях). Что здесь имеются в виду именно удаленные от городов волости, видно из второй части ст. 196, о взимании 2 рублей пропятения. Если по Судебнику 1550 г. этот штраф взыскивался за уклонение от пятнания лошадей где бы они ни были приобретены, даже „в своей волости“, то по Судебнику 1589 г. пропятение полагается только с тех, кто купит или выменяет лошадь в городе или в окологородних волостях (т. е. там, где, по ст. 195, пятнание было обязательно). В этом постановлении налицо противопоставление окологородних волостей (где пятнание было обязательно, а значит бралось и пропятение) и отдаленных от городов волостей (где пятнание отменялось, а значит и пропятение). Владимирский-Буданов объясняет позволение не пятнать лошадей в волостях тем, что „покупка и мена лошадей в селах имеет характер не торгового промысла, а необходимой сельскохозяйственной сделки, которую следовало освободить от финансовой тягости пятнания“.[1] Но не одна финансовая тягость играла здесь роль. К тому же пошлина по деньге с продавца и покупателя не была, вероятно, отяготительной. Нам кажется, что освобождение от пятнания лошадей в отдаленных волостях и предписание о пятнании в окологородних воло-

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 254.

стях объясняется тем, что составитель Судебника 1589 г. учитывал трудности, которые возникали для крестьянина отдаленной волости в связи с пятнанием проданной или купленной лошади. Водить лошадей из волостей в города, удаленные на десятки и сотни километров, для пятнания было бы, вероятно, очень затруднительно и вредило бы крестьянскому хозяйству. Поэтому составитель Судебника 1589 г., хорошо знавший эти неудобства, и включает в ст. 196 постановление об освобождении от пятнания лошадей, приобретенных в волостях, удаленных от городов, заменив его свидетельством третьих лиц. Другое дело волости подгородние — сводить лошадь для пятнания в город здесь не представляло трудности.

СТАТЬЯ 197

Статья повторяет вторую часть ст. 95 Судебника 1550 г. Третья часть ст. 95 (о взыскании пропятения с того, кто приведет лошадь из другого присуда, не пятнав ее там) совсем опускается составителем Судебника 1589 г. Эта норма Судебника 1550 г. не соответствовала порядку, установленному в ст. 196 (освобождение от пятнания в волостях).

СТАТЬЯ 198

Статья полностью повторяет ст. 96 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 199

Статья повторяет с сокращениями первую часть ст. 97 Судебника 1550 г.

СТАТЬЯ 200

Статья повторяет заключительную часть ст. 97 Судебника 1550 г. с изменениями. В Судебнике 1550 г. постановляется чинить управу по Судебнику: „... как царь и великий князь в сем Судебнике с которого дни уложил“. Составитель Судебника 1589 г., включив положение о том, что впредь дела судить по Судебнику, продолжает: „как государь укажет, с которого дни уложит“, т. е. говорит об уложении (утверждении) Судебника не в прошедшем (как в Судебнике 1550 г.), а в будущем времени. Примечательно то, что статья 200 буквально сходна с последней фразой введения к Судебнику 1589 г. Такое повторение одного и того же текста сначала в общем предисловии, потом в качестве отдельной статьи свидетельствует о желании составителя Судебника представить свой проект (составленный с утилитарной целью, как руководство для земских судей) на утверждение центрального правительства. Но этого утверждения, как отмечалось выше, не было.

СТАТЬЯ 201

Статья повторяет с пропусками и ошибочными вставками ст. 98 Судебника 1550 г. В начале статьи в фразе: „А которые дела будут новые писаны“ после слова „новые“ пропущено выражение Судебника 1550 г.: „а в сем Судебнике не на...“. Однако это следует считать ошибкой не составителя, а переписчика, так как в оглавлении к ст. 201 значится: „...которые дела новые, а в сем Судебнике не писаны“. Формулировка заголовка обычно повторяет начало статьи, поэтому можно полагать, что в первоначальном тексте ст. 201 указанного пропуска не было. Важная ошибка имеется в заключительной фразе статьи. В Судебнике 1550 г. определяется приписывать к нему новые законы, здесь же, благодаря вставке „не“, получилось обратное постановление: „...и те бы дела в сем судебнике не приписываны были“. „Частица «не» попала сюда по ошибке“, — пишет Богословский. Он удачно, по нашему мнению, объясняет также и причину этого: „...выражение «в сем судебнике не» попало из начала статьи в конец, где оно должно быть повторено без отрицательной частицы“.[1]

СТАТЬЯ 202

Статья повторяет первую половину ст. 99 Судебника 1550 г. Распубликование законов на севере совершалось обыкновенно в церковных трапезах. Поэтому составитель к постановлению Судебника 1550 г. об объявлении законов по торгам добавил „и по соборным церквам (и по погостам — в Музейском списке краткой редакции, — *А. К.*) и по выставочным“. „Упоминание о выставочных церквах, — говорит Богословский, — рисует нам составителя Судебника 1589 г. как человека, хорошо знающего северные порядки“. „Выставками на севере назывались поселки, вновь выделившиеся от прежних областных единиц и приобретающие административную самостоятельность... В такой выставке строится иногда отдельная церковь, и тогда выставка образует особый приход, представляя, таким образом, как бы отдельный погост в миниатюре“.[2] Чтение „проклинати“, сохраненное во всех списках, следует считать ошибкой переписчика.

СТАТЬЯ 203

Статья повторяет заключительную часть ст. 99 Судебника 1550 г., с некоторыми добавлениями, не изменяющими смысла. Владимирский-Буданов обращает внимание на употребленный здесь термин „«правдал»... вполне соответствующий термину «правда» (следствие) и древнему значению послушества“.[3]

---

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 374.

[2] Там же, стр. 375.

[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 256.

СТАТЬЯ 204

Статья повторяет лишь первые фразы ст. 100 Судебника 1550 г. Владимирский-Буданов считает эту статью ничем необъяснимым анахронизмом, так как при царе Федоре никаких удельных князей уже не было и никакого вопроса о подсудности между московитянами и жителями уделов не могло быть. Это, вероятно, понял еще составитель краткой редакции Судебника 1589 г., взявший лишь первые фразы ст. 100 и опустивший весь остальной текст. Включение в краткую редакцию ст. 100, а также ст. 99 заслуживает особого внимания. Статьи 202, 203 и 204, соответствующие статьям 99 и 100 Судебника 1550 г., составляют статьи 37 и 38 краткой редакции. Так как краткая редакция предшествовала пространной и была добавлением к Судебнику 1550 г. (см. выше, стр. 425 и сл.), то появление двух последних статей Судебника 1550 г. (хотя и в очень измененном виде) в составе краткой редакции можно объяснить следующим образом. Составитель краткой редакции, располагавший несомненно полным текстом Судебника 1550 (из 100 статей) с приписанным к нему указом 1556 г., тем не менее последними статьями Судебника посчитал статьи 97 и 98. Основанием для такого заключения составителю краткой редакции могло послужить само содержание статей 97 и 98: в первой говорится о введении Судебника в действие, во второй — о том, как „приписывати" к тексту Судебника новые „дела". Статья 99, посвященная вопросам судебного процесса, и статья 100 о суде с удельными князьями и могли быть восприняты составителем краткой редакции как „новые дела", приписанные к Судебнику на основании процедуры, изложенной в статье 98. В таком случае статьи 99 и 100, подобно указу 1556 г., превращались, с точки зрения составителя краткой редакции, в „государевы новые приговоры". А раз составляемый им памятник (краткая редакция Судебника 1589 г.) мыслился как добавление к Судебнику 1550 г. — как „государева Судебника новой приговор", — то становится совершенно понятным, что в текст краткой редакции Судебника 1589 г. были включены все „новые приговоры", т. е. не только указ 1556 г., но и статьи 99 и 100. Подтверждением того, что составитель краткой редакции Судебника 1589 г. именно так решал вопрос о заключительных статьях Судебника 1550 г., является тот факт, что в обеих рукописях, в которых до нас дошли списки краткой редакции (Барсова и Музейский), предшествующий им текст Судебника 1550г. оканчивается именно 98-й статьей.[1] Следовательно, составитель краткой редакции мыслил краткую редакцию как добавление к Судебнику 1550 г., насчитывающему именно 98 статей.

[1] Принятие статьи 98 за заключительную статью Судебника 1550 г. облегчалось тем обстоятельством, что в большинстве рукописей текст Судебника 1550 г. и дополнительные статьи никак не разграничены, а напротив, объединены общей нумерацией статей и единым оглавлением.

должны участвовать многие люди и „лучшие все“, по Судебнику 1589 г. — „многие люди добрые лучшие“. Также ошибочно вместо „детей боярских“ в Судебнике поставлены бояре.

СТАТЬЯ 209

Статья повторяет заключительную фразу ст. 3 указа 1556 г.

СТАТЬЯ 210

Статья повторяет первую половину ст. 4 указа 1556 г., где говорится, что выигрывает дело та сторона, в пользу которой покажет большинство из опрошенных людей. Владимирский-Буданов называет это постановление указа 1556 г. робкой уступкой „началу большинства со стороны коренного славянского принципа единогласия“.[1]

СТАТЬЯ 211

Статья повторяет вторую половину ст. 4 указа 1556 г. Владимирский-Буданов говорит: „...странность, допущенная законом 1556 г., а именно решение дела по показанию большинства и затем розыск о том, какая половина солгала, удержана и составителем Суд. ц. Ф. Ив., несмотря на явный вред такого закона“.[2] Однако следует учитывать, что подобный розыск по смыслу закона совсем необязателен во всех случаях, когда стороны на обыске скажут „не одне речи“. Он производится лишь тогда, когда „государь им (владыке, архимандритам и игуменам) пришлет о том, чтобы сыскивали и разведывали в правду“, т. е. тогда, вероятно, когда потерпевшая сторона обжалует судебное решение, основанное на показаниях большинства.

СТАТЬЯ 212

Статья повторяет дословно ст. 5 указа 1556 г. с одним изменением Судебник предписывает вслед за указом 1556 г. взять с виновных в пользу невинной стороны езд, волокиту и прогоны, но опускает „проести“. По ст. 212 запрещается выносить судебные решения по делам, по которым в обыске голоса опрошенных разделятся ровно пополам за истца и за ответчика, и статья предписывает „посылати вдругие на обыск“. Солгавшая сторона подвергается наказанию и платит убытки потерпевшей стороне. Установленная в ст. 212 пропорция (из 100 человек наказываются кнутом 5—6 человек) говорит о том, какое большое число людей опрашивалось в обыске по одному и тому же делу. По сохранившимся судным делам XVII в. видно, что иногда число опрошенных в обыске людей достигало

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 259.
[2] Там же, вып. III, изд. 2-е, стр. 6.

нескольких сотен. Так, например, по делу 1626-27 г. об убытках и обидах, причиненных посадским человеком Филиппом Кабаковым крестьянам различных волостей Устюжского уезда, было допрошено духовенство трех монастырей, соборной церкви города Устюга и других церквей, устюжские посадские люди и крестьяне свыше 30 волостей и станов Устюжского и Вельского уездов.[1]

СТАТЬЯ 213

Статья с сокращениями повторяет ст. 6 указа 1556 г. Опускается та часть ст. 6, в которой говорится об отсылке к святителю духовных, виновных в двуязычии, а также о взыскании езда, прогонов и убытков в пользу неправильно обвиненной стороны.

СТАТЬЯ 214

Статья соответствует ст. 7 указа 1556 г., но содержание статьи другое. В указе предписывается не производить обыск, если какая-либо сторона сошлется на 5—6 человек, не заслуживающих доверия, а решать дело „по суду и по делу". В Судебнике смысл статьи изменен. Здесь говорится о ссылке „в обыск из виноватого" на таких же 5—6 человек недостойных доверия и постановляется: „... теми людми не обыскивати, а вершити дело по суду, зря по речам". Составитель Судебника 1589 г., добавив указание на ссылку „из виноватого" и сохранив текст указа о доверии к лицам, на которых ссылка производилась, впал в противоречие, так как по древнему русскому праву и вопроса о доверии к лицу, на которого ссылались из виноватого, не могло возникнуть, так как выражение „ссылка из виноватых", по определению Владимирского-Буданова, означает, что „сторона ссылается на одного свидетеля с условием подчиниться обвинению, если свидетель покажет против сославшегося".[2]

СТАТЬЯ 215

Статья соответствует ст. 8 указа 1556 г. В указе перечисляются лица, показания которых считались достаточными для решения дела: боярин, дьяк или приказной человек. В Судебнике 1589 г. к этому добавлено: „...или в волосте на добраго человека, или на целовалника, или на старосту волостного или на церковного, или дияка". Богословский правильно усмотрел в этом стремление „приспособить нормы указа 1556 г. к быту северной волости. Добрый волостной человек, целовальник, волостной и церковный старосты и земский дьячек включены в число лиц, заслуживающих при показаниях на суде в качестве свидетелей особого доверия".

[1] О. П. Сенигов. Памятники земской старины. СПб., 1903, стр. 38—222.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 637

Характерно, что в Судебнике 1589 г. говорится только о боярине и его приказчике (вместо боярина, дьяка и приказного человека указа 1556 г.). Богословский отмечает, что здесь „вместо служебного положения, вместо приказа выдвинута вотчина: хозяин и приказчик“.[1] В оглавлении к ст. 215 уже совсем не говорится ни о боярах, ни о прикащиках, а только о волостных людях: „...пошлютца ищея или ответчик на власных людей“. Толкование Владимирского-Буданова „власных людей“ как людей „властных“ — неправильно, под „власными людьми“ следует понимать именно тех волостных людей, о которых говорится в самой статье.[2] Указание на „поле“, содержащееся в указе 1556 г., здесь выпущено сознательно.

СТАТЬЯ 216

Статья повторяет ст. 9 указа 1556 г. „Ссылка из виноватых“, как уже говорилось выше (ст. 214, стр. 553), имеет решающее значение. В ст. 216 это вновь подтверждается. В ней, при „ссылке из виноватых“ даже на одного человека, предписывается: „тое правды опросити; и что скажет..., дело вершити“. Однако в противоречии с этим слова указа „хотя не великим словом не договорит, и тем обвинити“ здесь читаются: „хоти правда не великим словом не договорит и тем не винити исца или ответчика“. „Такой обратный смысл, — говорит Владимирский-Буданов, — признаем случайною порчею текста, а не преднамеренным изменением (судя по грамматической форме речи)“.[3] Это предположение Владимирского-Буданова подтверждается тем, что в Музейском списке краткой редакции вместо „не винити“ поставлено „тем и виноват“ (ст. 45). Оглавление статьи совсем не соответствует ее содержанию: „Пошлются из виноватого оба хотя на одного человека“. Во-первых, слова „хотя“ нет в ст. 216 (оно есть в указе 1556 г.). Во-вторых, в оглавлении говорится не о „ссылке из виноватого“, а об общей ссылке („ссылка обеих сторон на одного и того же или на одних и тех же послухов“).[4]

СТАТЬЯ 217

Статья соответствует статьям 10 и 11 указа 1556 г. Повторяя ст. 10 указа, составитель Судебника 1589 г. везде вместо людей и крестьян говорит только о крестьянах. Под словом „люди“ в указе разумеются холопы. Выше отмечалось (см. комментарий к статьям 136—148, стр. 504—510), что институт холопства был чужд составителю Судебника 1589 г. Поэтому он и в данном случае устраняет упоминание о „людях“ (несвободных, холопах) и говорит только о крестьянах. В перечне землевладельцев упомянуты,

---

[1] М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 375.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 260.
[3] Там же, стр. 261.
[4] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 637.

так же как и в указе, бояре, дьяки и приказные люди, но опущены дворяне. Статья 11 указа получила совсем иной смысл в Судебнике. Указ предписывает землевладельцам, чтобы не подвергнуться наказанию, извещать о том, что их люди и крестьяне на обыске лгали, а в Судебнике, наоборот, постановляется, чтобы землевладельцы подтверждали „что хрестияне в обысках не лгали, сказали правду". О незаконности такого изменения текста указа Владимирский-Буданов говорит: „... в таком случае не было бы и надобности в обыске; достаточно спросить одних владельцев".[1]

СТАТЬЯ 218

Статья повторяет с сокращениями ст. 12 указа 1556 г. Указ обязывает старост „татиные и разбойные дела делати и обыскивати в татиных и в разбойных и во всяких делех вправду", наблюдая при этом, „чтоб семьями и заговоры стакався в обысках не по делом не говорили" (о таких случаях старосты должны были „отписывати к государю"). Владимирский-Буданов считает, что под старостами указа следует понимать губных старост.[2] Но такое толкование нельзя распространить на ст. 218 Судебника 1589 г., хотя она и представляет собой повторение ст. 12 указа. Выше уже отмечалось, что на севере губные дела ведались волостными старостами и земскими судьями. Поэтому можно полагать, что в ст. 218 Судебника 1589 г. говорится не о губных старостах, а именно о волостных. Упоминание в Судебнике, наряду со старостами, и целовальников (чего нет в указе 1556 г.) свидетельствует о волостной практике обыска, в котором обычно участвовали выборные должностные лица волостного управления. Например, обыск по делу Козьмы Шабалина с архангельским монастырем города Устюга в 1626 г. производил в Петровском сельце, в Пятницком сельце и в городе Устюге Великом целовальник Наум Волков.[3]

СТАТЬЯ 219

Статья повторяет с сокращениями ст. 13 указа 1556 г. о наказании старост при нарушении ими правил обыска.

СТАТЬЯ 220

Статья соответствует ст. 14 указа 1556 г. Составитель Судебника внес значительные изменения в текст. В указе говорилось о посылке московских недельщиков к старостам и целовальникам с грамотами, по которым последние должны были производить обыск, и устанавливалось, что обыскные

---

1 М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 261.

2 Там же вып. III, изд. 2-е, стр. 9.

3 О. П. Сенигов. Памятники земской старины, стр. 33—35.

списки обязан был увозить в Москву в приказ (в „избу“) тот же недельщик, который привез грамоту. В указе особо запрещается недельщику вмешиваться в обыск. В ст. 220 Судебника совсем не упоминается о посылке недельщиков из Москвы, а говорится лишь об отсылке с ними обыскных списков. В результате такой переделки первичного текста становится непонятным, как московский недельщик попадал в волость. Вряд ли следует понимать фразу ст. 220 „а в печяте писати старосте свое имя“ как указание на то, что староста имел свою именную печать. Вероятнее предположить, что цитированное место является результатом неудачной переработки текста указа: „а старостам печати свои писати имянно в грамотах, каковы их печати“.

СТАТЬЯ 221

Статья соответствует ст. 15 указа 1556 г. Постановление указа в Судебнике изложено в обратном смысле. В указе сказано, что если ответчик будет просить вместо поля крестное целование, то оно присуждается по воле истца и, наоборот, если крестное целование просит истец, то — по воле ответчика. По ст. 221 Судебника 1589 г. положение истца менее выгодно, чем ответчика. Так, если ответчик просит о замене поля крестным целованием, то последнее присуждается на его волю („а дати кресное целованье на ответчикову волю“), а если истец будет отказываться от поля, то он проигрывает процесс („ино его повинити“). Владимирский-Буданов считает изложенный в Судебнике порядок неправильным, не соответствующим формам древнего процесса. Но вряд ли возможно объяснить такое кардинальное изменение в Судебнике смысла указа 1556 г. случайной порчей текста со стороны составителя. Более выгодное положение в судебном процессе ответчика по сравнению с истцом закрепляется не только ст. 221, но и статьями 30, 153 Судебника 1589 г. Не отражаются ли в постановлениях этих статей своеобразные условия волостного суда?

СТАТЬЯ 222

Статья повторяет почти дословно ст. 16 указа 1556 г. Пропускается первая фраза: „Да написати в Судебник к холопью суду“. Впрочем, она имеется не во всех известных списках указа.

СТАТЬЯ 223

Новая. Статья устанавливает ответственность волостей и деревень за исправное содержание государственной („цареве и великого князя“, как сказано в списке Барсова) дороги „от Москвы до Холмогор“. Дорогу надлежало чистить, устраивать хорошие перевозы через реки и мосты через ручьи. В случае, если из-за неисправного моста причинится вред лошади („кто

едучи лошадь истепет или ногу изломит"), то волость должна была определить, какая деревня ответственна за починку этого моста („коея деревни та земля и мост"), и взыскать „без суда, по обыску" убытки в пользу потерпевшего. Тот факт, что из всех дорог Русского государства в Судебнике 1589 г. упомянута лишь одна холмогорская дорога, еще раз показывает на район, где составлялся и применялся Судебник. „Дорога эта шла,— говорит Богословский,— через Вологду, пересекала Сухону и притоки р. Кубины и направлялась к верховьям Ваги, а затем шла то тем, то другим берегом Ваги и выходила на Двину при впадении в нее речки Пянды".[1] По этой дороге возвращались из второго Беломорского похода спутники Петра Великого и между ними П. Гордон, описавший эту дорогу в своем дневнике.[2]

СТАТЬЯ 224

Новая. Статья развивает постановления ст. 223 (в краткой редакции обе статьи составляют одну, 51-ю, статью). С установлением „зимних дорог" (часто по течениям застывших рек) волость или деревня в пределе своих земель были обязаны ставить вехи. Если проезжающие или проходящие сбивались с дороги из-за отсутствия вех, то убытки, которые они могли понести при этом, взыскивались с тех, кто не выставил по своей земле вехи. Дорога по лесу должна была чиститься в ширину на полторы сажени. Упавшие поперек дороги деревья („выскиди") и наклонившиеся над дорогой следовало вырубать. Мосты на ручьях предписывалось строить также в полторы сажени шириной. Последнее постановление статьи: „А где на проезжей дороге заворы, и тут бы были отводы", Владимирский-Буданов разъясняет совершенно туманно: „... делать отводы от заборов, т. е. от преград на дороге".[3] Из этого толкования совершенно не ясно, что такое отводы. Не ясно также, какие преграды на дороге имеются в виду. Нам представляется дело по-другому. Заворами до сих пор называется в Кировской области часть огорода (примерно $1^1/_2$—2 сажени шириной), построенная так, что поперечные жерди легко вынимаются и вкладываются. Они устраиваются для временного проезда через огород на покосы, на огороженные пожни, для прогона скота и т. д. Заворы на проезжей дороге представляют собой большое неудобство (ездок должен был их раскладывать и по проезде вновь складывать). Судебник и предписывает такие заворы заменить „отводами", т. е. воротами, с таким устройством закрывающей части, которая бы по нужде легко отводилась. В словаре В. Даля указывается, что в некоторых местностях слово „отвод" означает ворота.[4]

---

1 М. М. Богословский. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г., стр. 379.

2 Там же.

3 М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 264.

4 В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, стр. 739.

СТАТЬЯ 225

Новая. Представляет собой ст. 54 краткой редакции. Статья охраняет права владельцев домашних животных. Кто убьет „неповинно"[1] (т. е. без необходимости самообороны, что относилось, конечно, к крупным животным, но не птицам) какое-либо домашнее животное, тот должен отдать потерпевшему такое же животное или уплатить вознаграждение, определяемое „добрыми людми" или волею потерпевшего („чем тот пожалует, у кого он убил"). Выражение „извету не положа иным складникам" означает, что убивший животное должен был заранее довести до сведения всех соседей о домашнем животном, принадлежащем тому или иному деревенскому жителю, которое представляло опасность для людей (бодливая корова, кусающаяся лошадь и т. д.). Плата за убийство петуха (40 алтын) непомерно высока, по сравнению с платой за курицу (2 деньги). Надо полагать, что здесь имеется какая-то ошибка.

СТАТЬЯ 226

Новая. Предусматривает „безвинное" (т. е. невызванное потребностями самообороны) убиение собаки. Оценка через „добрых людей" здесь не применяется. Цену собаке назначает сам потерпевший („чем государь тое собаки пожалует"), можно было также возместить и такой же собакой. Если убивший собаку не согласится на возмещение, то тогда предписывается виноватому стеречь двор потерпевшего, пока „не скормит" такую же собаку, причем с такого сторожа берется порука „чтоб его (двор потерпевшего, — *А. К.*) тати не покрали, чтоб он стерег двора". В краткой редакции после ст. 52 (разделенной на две статьи в пространной — на 225-ю и 226-ю) была еще одна статья (53-я), предусматривающая ответственность хозяина „зьедистой" собаки, в случае если она искусает кого-либо во дворе или под окном на улице, или в избе. Хозяин должен был лечить потерпевшего. В статье говорилось также, что на том „вины нет", кто „зьедисту" собаку убьет на дороге. Составитель пространной редакции увидел, вероятно, в последнем постановлении ст. 53 противоречие с нормами ст. 52 (т. е. ст. 226 пространной редакции) и совсем опустил ст. 53 краткой редакции.

СТАТЬЯ 227

Новая. Статья определяет порядок раздела имущества между детьми по смерти отца. Причем, все дети — братья и сестры — делят имущество по равным долям: дочери такая же доля, как и сыну. Раздел допускается лишь по

[1] Например, из мести. Так, в явке 1625 г. устьянец Ивашко Федоров жаловался на Логина Тимофеева сына Казакова за то, что он бил его, Ивашка, и „впредь, господине, тот Логин на нас похваляется боем и грабежом и на скот наш убивством и всякими делы недобрыми" (М. Романов. История одного северного захолустья. Приложения, стр. 11).

смерти отца, после же смерти матери раздела нет. В статье оговаривается также, что дядя (брат умершего) не должен претендовать на имущество племянников и племянниц. Порядок наследования имущества всеми детьми — сыновьями и дочерьми поровну — устанавливаемый ст. 227, противоречит порядку наследования ст. 190, по которой имущество и земля умершего без духовной переходили к сыну, и лишь при отсутствии сына, к дочери. Хотя в этой статье Судебника говорится только о разделе животов, т. е. имущества умершего, но некоторые документы позволяют предполагать, что такой же порядок существовал и в отношении земельных владений. Так, например, по отступной грамоте 10 марта 1564 г. Дарья Иванова дочь Артемьева Родионова жена „отступилась" Михаилу Яковлеву сыну Назарьина „отца своего статков" свою третью долю во дворе, в дворище, в горных землях (в пяти полях), в пожнях и т. д. После перечисления всех земель, которые из „статков" отца перешли во владение одной дочери, в отступной указывалось: „во всем отступилась трети... оприч двух третей брата моего Родивона да сестры моей Анны".[1] Из следующей отступной 7 апреля 1564 г. узнаем, что упомянутый выше Родион Иванов „отступился" Афонасью Емельянову сыну Костромину и его жене 2/3 „статков" своего отца (1/3 его и 1/3 сестры Анны) „в горных землях в орамых и в Юрмольских и в пожнях".[2] Из приведенных примеров видно, что земельные владения умершего делились поровну между сыном и двумя дочерями, т. е. в соответствии с порядком, изложенным в ст. 227. Следовательно, нормы этой статьи отражали реальные отношения, бытовавшие в среде северного крестьянства по вопросу о наследовании имущества детьми после отца. Это обстоятельство, вероятно, и объясняет тот факт, что порядок наследования ст. 227 противоречит нормам, изложенным в ст. 190, которая представляет собой повторение ст. 92 Судебника 1550 г.

СТАТЬИ 228—230

Новые. Статьи составляют ст. 55 краткой редакции. Заканчивая работу над Судебником, составитель в этих статьях ограничился декларативными заявлениями о том, что закон должен соблюдаться неукоснительно, что суд и управление должны функционировать постоянно и непрерывно. Выражение ст. 228 „приговорил царь", по мнению Владимирского-Буданова, „имеет здесь то же значение, как в заглавии памятника, в ст. 137 („по государеву указу"), и в других местах, а именно значение будущего решения, если бы проект был когда-либо утвержден".[3] Однако следует учитывать, что статья 228 первоначально входила в состав краткой редакции, которая рассматри-

[1] Архив ЛОИИ, Собрание грамот до 1613 г., № 260.
[2] Там же, № 262.
[3] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 266.

валась составителем ее как добавление к Судебнику 1550 г. (а не как проект нового Судебника) и составлена была на основе уставной грамоты царя Федора. Следы формуляра грамоты можно обнаружить в тексте ст. 228. Она начинается в третьем лице: „А приговорил царь и великий князь“, а далее продолжается в присущем грамотам первом лице: „что по всей моей Русской земли“ и т. д., т. е. в данном случае (как и в тексте предисловия) составитель Судебника не мог отрешиться от формуляра грамоты, которая служила ему основой. Поэтому утверждение Владимирского-Буданова, что указа, из которого бы составитель Судебника мог заимствовать последние статьи декларативного характера, никогда не было, следует считать неправильным. Вероятно, как раз из царской грамоты взяты были общие положения о том, что „земли без управы не держати ни чясу“ и „суд давати не лживо“. Точно так же постановление ст. 229 о выдаче погонных грамот и выписей заимствовано составителем несомненно из документа, исходящего от центрального правительства. Бегство преступника из одного уезда в другой не могло его избавить от суда. В тот уезд посылалась погонная грамота или выпись (отношение). Это означало, что власть, выдавшая эти акты, передает свои функции властям другого уезда. Невыдача погонной рассматривалась как понаровка преступнику. Следующая статья, 230-я, дополняет постановления ст. 229. Тот, по ком была послана погонная грамота, должен был отдаваться под суд вне зависимости от того, из какого он присуда происходил („чей хто ни буди“). Попытку Владимирского-Буданова толковать эту статью, как провозглашение принципа о подсудности всех слоев населения общему суду, нельзя считать удачной. Вряд ли составитель Судебника 1589 г. мог выйти из рамки феодального права Руси второй половины XVI в., по которому различные классы населения ведались разными судами, например, суд землевладельца-феодала над своими крестьянами, подсудность духовенства святительскому суду, особые привилегии (в отношении суда) для лиц господствующего класса и т. д. В таком положении провозглашение общего принципа подсудности всех одному суду было бы беспочвенным. А составитель Судебника 1589 г. исходил постоянно из реальных условий жизни.

СТАТЬЯ 231

Новая. Представляет собой ст. 56 краткой редакции. Владимирский-Буданов понял эту статью неправильно. Основываясь на первой части ее: „А где кого застанет дань, тут с него имати“, он делает вывод, что „присутствие лица, а не наличность имущества определяют его принадлежность к известному району“. Выражение Судебника „тут с него поголовное дань“ вызывает недоумение Владимирского-Буданова, ибо эти слова находятся в противоречии, как он говорит, „с существовавшей тогда посошной данью. „Прожектер конца XVI в. (составитель Судебника, —

А. К.) не останавливается перед этим неодолимым препятствием и смело вводит поголовную подать", — пишет далее Владимирский-Буданов.[1] Но некоторые документы, характеризующие волостную жизнь конца XVI в., позволяют иначе комментировать эту статью и показывают, что составитель Судебника был не прожектером, а знатоком волостной жизни. Не раз упомянутые выше разрубные списки Куростровской волости, сохранившиеся в значительном количестве от второй половины XVI в., позволяют вскрыть способы, которыми волость собирала как государственные подати, так и различные денежные сборы на волостные нужды. Волостной мир XVI в. при раскладке денежных сумм руководствовался следующими принципами обложения: 1) раскладка „по сохам" или „по веревкам";[2] 2) раскладка „по животам"[3] и 3) раскладка „по головам". Из примеров, приведенных в примечаниях, мы видим, что раскладка денежных сборов по „сохам" или „веревкам" и по „животам" падала на тех членов общины, которые владели землей и животами (дом, двор, скот, промыслы и т. д.). Вместе с тем под обложение не попадали все те, кто не имели ни земли, ни животов — всевозможные пришлые в волость люди, обедневшие крестьяне, потерявшие свои земельные наделы и свое хозяйство и работавшие в качестве работников у богатых крестьян. Чтобы избежать выпадения из-под обложения части населения в платеже волостных расходов, волостной мир прибегает к поголовной раскладке. Так, в упомянутом в примечании разрубе 12 мая 1547 г., наряду с раскладкой по сохам (по 3 алтына без деньги), часть суммы была разложена „по головам" — „поголовных, оприч сошных разрубили брати старосте по семи денег с человека, а имать старосте те деньги за

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. II, изд. 5-е, стр. 268.

[2] Примеры раскладки по сохам многочисленны. В семи разрубных списках 1547—48 г. значительная часть сборов производилась „с сохи". Так, в разрубном списке от 12 мая 1547 г. было положено собирать с сохи по 3 алтына без деньги; в другом разрубе того же года помечено брать „с чернокунской сохи по полтретьятцать алтын, а с княжицыной по рублю с гривною" (Архив ЛОИИ, Куростровские столбцы, № 2). В более поздних разрубах чаще упоминается волостная раскладка по веревкам. Так, 16 марта 1575 г. волостной мир положил собрать всякие „земские проторы за 2 года" по полтине „с веревки" (столбец № 5). 1 ноября 1580 г. был разрублен „царев и в. кн. оброк за наместнич доход по 3 полтина с полуденьгою с веревки" (столбец № 8). 29 июня 1581 г. состоялся разруб „в судовой наем и в казачий наем, в подводы под государскую казну под медь и под свинец и под серу горячую, что привезли ко государю Шпанские земли гость Иван Девель и тое проторы разрубили есмя по деньги с веревки земли" (столбец № 10).

[3] Раскладка волостных сборов „по животам" практиковалась также довольно часто. 1 января 1549 г. куростровские волощане разрубили 23 р. без 2 гривен волостных расходов „по животам" (столбец № 3); 12 ноября 1578 г. был разрублен „царя и в. кн. оброк за наместнич доход... да таможенный недобор по своим животам по оценке и по окладу наших оценщиков Ильи Иванова с. Бурого, да Зиновья Тимофеева с. Дряблого да Пахома Захарьина с товарищи по алтыну с рубля поживотного" (столбец № 7); 7 января 1582 г. раскладка по животам уже производилась по новой оценной книге выборных оценщиков „Ивана Федорова с. Бачурина с товарищи по 9 денег с рубля" (столбец № 11).

пешков на государях, у кого хто живет во дворе или на земле“ (столбец № 2). В другом разрубе следующего года указано брать одну часть сбора с сохи (по 4 алтына без полуторы деньги), другую часть „разочли брати старосте в своей волости по полчетверты деньги с человека, а за пешки имати деньги на государех хто у кого живет“ (столбец № 2). Раскладка волостных сборов между лицами, не имеющими ни земли, ни другого недвижимого имущества, производилась и в более позднее время. Так, 23 декабря 1593 г. куростровские волощане собирали деньги на расходы, связанные с поставкой кречетов в Москву, по 10 денег с веревки, „а на безпашенных людей на пежков уложили три рубля денег, а собрать те деньги сотцкому нашему Будаю Васильеву сыну на нас на волощанех и на пежках“ (столбец № 20). Из приведенных примеров мы видим, что поголовная раскладка платежей охватывала большее число волостных жителей, чем всякая другая. При такой раскладке под обложение попадали и „пешки“ — беспашенные люди, живущие за „государями“ во дворе или на земле, за которых иногда даже волостные поголовные платежи вносились их хозяевами. Поэтому нам кажется, что составитель Судебника, определяя подсудность всех в „том присуде“, где кто дань платит, и вставил смутившие Владимирского-Буданова слова о поголовной дани, понимая под словом „дань“ всю совокупность сборов, производившихся в волости, независимо от того, были ли это сборы государственных податей или мирских поборов.

Вызывает сомнение формула Судебника „А где кого застанет дань, тут с него имати“, так как она противоречит вышесказанному о сборе дани и других платежей „с земли“ или с „животов“. Это сомнение устранится, если ст. 231 читать по Музейскому списку Судебника: „А где кого дань застанет тут с него и имати поголовное, чем мир осудит“ и т. д. Статья становится совершенно ясной — все те волостные люди, которые подпадают в данной волости под платеж мирских сборов, в случае поголовной раскладки, подсудны волости — данному земскому судье.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статьи 159 и 174 Судебника 1589 г. по судному списку 1641 г.

„Выписка из [*далее зачеркнуто*: сотной] Судебника слово в слово. 174. А у которых сел и деревень есть молоди и тех молодей прежних запашей и тех лесов складникам меж собя без делу п без жеребья [*далее зачеркнуто:* ни сетчи] ни нетчи, ни пахати; а кой складник, без делу молоди высечет и запашет, а иной складник не сек, а выть ему такова ж в хлебе, хотя он и оставил того ж лесу.

Выписка из Судебника. 159. А приедет в деревню новой жилец и захочет землю делить во всю землю и деревню в полях и в наволоках, и во всяких землях, и угодья, и путики повытно по купчим, и где друг друга умирит и тот умер взяти безубыточно. А с полос с назму не лести (*так*!). А где умирит подворною землею и против того имать земля любая, где захочет, опричь хмельника и садовые земли“ *(ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1641 г., № 19).*

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К. Маркс. Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 7 ноября 1868 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV.
Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV.
Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV.
В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, изд. 4-е, т. 3.
В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе. Сочинения, изд. 4-е, т. 12.
В. И. Ленин. Левонародничество и марксизм. Сочинения, изд. 4-е, т. 20.
Ленинский сборник, XIX, М.—Л., 1932.
И. В. Сталин. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Доклад на X съезде РКП(б). Сочинения, т. 5.
И. Сталин. Приветствие Москве в день ее 800-летия. Правда, 7 сентября 1947 г.
И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950.
И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.
И. В. Сталин, С. М. Киров, А. А. Жданов. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сб. „К изучению истории“, Госполитиздат, 1946.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, тт. I, III. СПб., 1841.
Акты Московского государства, изданные Академией Наук. Под ред. Н. А. Попова, тт. 1—3, СПб. (т. 1 — 1890, т. 2 — 1894, т. 3 — 1901).
Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. Калачова, т. I, СПб., 1857; т. II, СПб., 1863; т. III, СПб., 1884.
Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии Наук, тт. I—III. СПб., 1836.
Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—нач. XVI в., т. I. М., 1952.
Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков, М., 1898.
Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Под ред. Л. В. Черепнина, ч. 1, М., 1951.
Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Русская историч. библиотека, т. XIV, СПб., 1894.
Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
Андреев А. И. О происхождении и значении Судебника 1589 г. Пгр., 1922.
Андреев А. И. Судебник 1589 г. и его списки. Изв. Росс. Академии Наук, Л., 1924, стр. 207—224.
Андреевский Л. И. О новом списке Судебника 1589 г. ЛЗАК, вып. 35, Л., 1929.
Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. В. Калачовым, кн. 3, отд. 2, 1861 („Боярская книга“, 1556 г.).
Архив П. М. Строева, т. I. Русская историческая библиотека, т. XXXII, Пгр., 1915.

Бахрушин С. В. Иван Грозный. М., 1945.
Бахрушин С. В. Избранная рада Ивана Грозного. Исторические записки, т. 15, М., 1945.
Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М., 1903.
Беляев И. Д. О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 г. Журн. Министерства юстиции, 1860, т. III, кн. 2, отд. III.

Богословский М. М. К вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1905, декабрь.
Богословский М. М. Уставная грамота Устьянским волостям 1539 г. Чтения ОИДР, М., 1907, кн. 1, отд. IV, Смесь.
Богословский М. М. Кредит в земском хозяйстве XVII в. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому, М., 1909.
Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М. (т. I — 1909; т. II — 1912).
Богословский М. М. Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. ЖМНП, 1915, декабрь.
Богоявленский С. К. Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. М., 1900. — То же: Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. 7, М., 1900.
Briquet C. M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, t. I. Ed. 2, Leipzig, 1923.
Бычков И. А. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке, вып. I. СПб., 1900.

Валк С. Н. Грамоты полные. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922.
Великие Минеи-Четии, декабрь, дни 6—17. М., 1904.
Веселовский С. Б. Земская уставная грамота Усольского уезда отписной сошки Луцкой Пермцы, данная царем Иваном Васильевичем и подтвержденная Разстригой, в 124 г. царем Михаилом Федоровичем, в 160 и 184 годах царем Алексеем Михайловичем и в 186 году царем Федором Алексеевичем. Чтения ОИДР, М., 1907, кн. 1, Смесь.
Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.
Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв. Историко-социальное исследование о типах внегородских поселений. М.—Л., 1936.
Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М., 1947.
Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права, вып. II. Изд. 1-е, Ярославль, 1873; вып. III, изд. 2-е, Киев, 1885; изд. 4-е, Киев, 1901; изд. 5-е, Киев, 1915.
Владимирский-Буданов М. Ф. Судебник 1589 г, его значение и источники. Киев, 1902.
Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е, СПб.— Киев, 1909; изд. 7-е, Пгр.—Киев, 1915.

Гейман В. Г. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI в. Сборник Российской Публичной библиотеки, т. II, вып. 1, Пгр., 1924.
Герберштейн С. Записки о Московии. С латинского базельского издания 1556 г. Перевел И. Анонимов. СПб., 1866.
Герберштейн С. Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1908.
Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Базель, 1551.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка, М.—Л., 1949.
Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. Изд. 2-е, СПб.—М., 1882.
Дебольский В. Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900.
Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859.
Добротворский Н. Поземельная община в Орловском уезде Вятской губ. Русская мысль, 1884, кн. 9.
Довнар-Запольский М. В. Политические партии первой половины XVI в. и власть московского царя. Русская история в очерках и статьях под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. II, б. г.
Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. Подг. к печати Л. В. Черепнин, отв. ред. С. В. Бахрушин, М.—Л., 1950.
Дьяконов М. А. О городовых прикащиках. ЖМНП, 1900, январь.
Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901.
Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 3-е, СПб., 1910.

Дьяконов М. А. Заповедные и выходные лета. Пгр., 1915.
Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. М., 1869.

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884.
Ефименко А. Я. Дворищное землевладение в южной Руси. Русская мысль, 1892, кн. 4—5, №№ 3—6. Перепечатана в сб. „Южная Русь“ (т. I, СПб., 1905).

Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого Собора. Сочинения, т. I, СПб., 1904.

Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. 2. Казань, 1876.
Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819.
Зимин А. А. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина „Русские феодальные архивы XIV—XV веков“, ч. 2. Советская книга, 1952, № 4.
Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Православное обозрение, т. 21, 1866.

Иванов П. И. Описание Государственного Архива старых дел при Сенате. М., 1850.
Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы в XVII в. у свободных и владельческих крестьян. Древности, Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, т. II, вып. II, М., 1902.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Издание пятое в трех книгах с полными примечаниями И. Эйнерлинга, СПб., 1824—1843.
Клочков М. В. К вопросу о складниках. ЖМНП, 1901, ноябрь.
Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 5-е, Пгр., 1919.
Ключевский В. О. Опыты и исследования. Пгр., 1919.
Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1948.
Копанев А. И. Куростровская волость во второй половине XVI в. Сб. статей „Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия“, М., 1952.
Костомаров Н. И. Моя „Русская История“ перед судом критика в „Русском вестнике“ (письмо в Редакцию). Вестник Европы, 1876, № 9.
Крестинин В. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.

Ланге Н. Древнее русское право в „Истории г. Костомарова“. Русский вестник, 1876, № 5.
Лаппо-Данилевский А. С. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI—XVII вв. Отчет о 41-м присуждении наград графа Уварова, СПб., 1901.
Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881.
Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.
Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895.
Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899.
Лонгинов А. В. Значение судебника царя Федора Ивановича. Вестник права, 1900, ноябрь, № 9.
Лурье Я. С. Из истории политической борьбы при Иване III. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 10 (80), 1940.
Любавский М. К. Лекции по древней истории русской до конца XVI века. М., 1915.
Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.
Любименко И. И. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых. ЖМНП, 1916, № 11.

Макарьевский Стоглавник. Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии, вып. I, Новгород, 1912.
[Максим Грек], Сочинения в русском переводе, ч. I. Изд. Троицкой лавры, 1910.
[Максим Грек], Сочинения Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии, ч. II, Казань, 1860.
Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.—Л., 1951.
Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. М., 1951.
Мейчик Д. М. Грамоты XIV—XV вв. Московского архива Министерства юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883.

Неволин К. А. История российских гражданских законов. Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1858.
Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. 1. СПб., 1897.
Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым, под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, М., 1905.
Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. М., 1908; кн. 2, М., 1910.
Островская М. А. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913.

Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871.
Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева, М., 1929.
Петров В. А. Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922.
Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. II. СПб., 1877.
Платонов С. Ф.. Сочинения, т. I, СПб., 1900.
Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пгр., 1923.
Побойнин Иван. Торопецкая старина. Исторический очерк города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. М., 1902.
Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.
Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1933.
Полное собрание русских летописей, т. III — Новгородские летописи. СПб., 1848; т. XX — Львовская летопись. СПб., 1910—1914; т. XXII — Русский хронограф. СПб., 1911—1914.
Правда Русская, т. II, Комментарии Составили Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов, под ред. акад. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1947.
Правило митрополита Кирилла 1274 г. Русская историч. библиотека, т. IV, СПб., 1880.
Пресняков А. Е. Московское царство. Пгр., 1918.
Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость. ЛЗАК, вып. XXXIV, Л., 1927.
Прыжов И. Г. Нищие на святой Руси. Казань, 1913.

Ржига Б. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI века. М., 1908.
Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.
Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. I. Пгр.—М., 1922.
Романов Б. А. Судебник Ивана Грозного. Исторические записки, т. 29, М., 1949.
Романов Б. А. К вопросу о земельной политике избранной рады. Исторические записки, т. 38. М., 1951.
Романов Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике 1550 г. Сб. статей „Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия“, М., 1952.
Романов М. История одного северного захолустья. В. Устюг, 1925.
Русский исторический сборник, изд. Обществом истории и древностей российских, т. 5, М., 1842.
Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напиерским. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1868.
Рычков Н. И. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 года. СПб., 1772.

Савич А. А. Соловецкая вотчина XVI—XVII вв. Пермь, 1927.
Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. Исторический архив, т. III, М.—Л., 1940.
Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950.
Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. I. М., 1905; т. II, М., 1909.
Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, Грамоты Двинского уезда. Пгр., 1922; т. II, Грамоты Двинского, Кольского, Кевросльского, Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.
Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
Сборник П. А. Муханова. СПб., 1866.
Седашев В. Н. Опыт изучения земельных отношений на севере России по Судебнику 1589 г. Памятная книжка Константиновского межевого института за 1908 г., М., 1909.

Сенигов О. П. Памятники земской старины. СПб., 1903.
Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. I. СПб., 1902; т. II, СПб., 1908.
Симсон П. Ф. История г. Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880.
Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944.
Смирнов И. И. „Беседа валаамских чудотворцев“, ее место в русской публицистике XVI века. Исторические записки, т. 15, М., 1945.
Смирнов И. И. Судебник 1550 г. Исторические записки, т. 24, М., 1947.
Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских. Чтения ОИДР, кн. 3, М., 1915.
Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М.—Л., 1947.
Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1907.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813.
Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877.
Сперанский А. Н. Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930.
Списки населенных мест Российской империи. Вологодская губерния. СПб., 1866.
Список населенных мест Архангельской губ. на 1 мая 1922 г. Архангельск, 1922.
Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка, тт. 1—3. СПб., 1893—1903.
Сташевский Е. Д. Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. Чтения ОИДР, М., 1911, кн. 1, отд. I.
Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863.
Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768; второе издание, воспроизводящее первое без изменения, М., 1786.
Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768.
Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России. Сб. „Судебная реформа“, под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского, М., 1915.

Тверские акты. Под ред. Сергея Шумакова, т. I, Тверь, 1896.
Терминологический словарь частных актов Московского государства. Под ред. А. И. Андреева, Пгр., 1922.
Тимофеев Н. Крестьянские выходы конца XVI в. Исторический архив, т. II, М.—Л., 1939.
Тысячная книга 1550 г. и Тетрадь дворовая 50-х гг. XVI в. Под ред. А. А. Зимина, М.—Л., 1950.

Федотов-Чеховский А. А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский, т. I. Киев, 1860.
Филиппов А. Н. Учебник истории русского права, ч. 1. Юрьев, 1914.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951.

Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.
Шумаков С. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. I. М., 1899; вып. II, М., 1900.
Шумаков С. Сотницы, грамоты и записи, вып. I. М., 1902.
Шумаков С. Новые губные и земские грамоты. ЖМНП, № 10, 1909.

Юшков С. В. Очерки истории приходской жизни на севере России в XV—XVI вв. СПб., 1913.
Юшков С. В. Судебник 1497 г. (К внешней истории памятника). Ученые записки Саратовск. Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, т. V, вып. 3, Саратов, 1926.
Юшков С. В. Правосудие митрополичье. ЛЗАК, 1927—1928, вып. 35, Л., 1929.
Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. 1. М., 1940.
Юшков С. В. К древнейшей истории института давности по русскому праву. Ученые записки Всесоюзн. Инст. юрид. наук Министерства юстиции СССР, вып. 5, М., 1947.

Яковлев А. И. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909.
Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдотья 545
Адашев Алексей 335, 336
Аксак Иевлев, земский судья 454
Аксенов Терентий Андреев, земский целовальник 544
Алабыш Федор, кн. 43
Александр, митрополит новгородский 351, 366, 441
Александр, старец Спасо-Евфимьева монастыря 50
Алексей, крестьянин 525
Алексей Михайлович, царь 239, 240, 245
Алексей Петрович 58
Алюев Василий 92
Аминев Семен Дмитриев, наместник 241
Андрей Васильевич, кн. вологодский 88, 97, 101
Андрей Захарьин, священник 321, 322
Андрей Иванович, кн. 58
Андрей Измайлов 87
Андроник, старожилец 208
Анисим, крестьянин 210
Анисим Есипов 78
Анна Иванова 559
Анна Ивановна, императрица 111
Антип Аввакумов, крестьянин 529
Антоний, игумен Троицкого монастыря 533
Антоний, митрополит 123
Арбузов Иван Ильин, сын боярский 263
Арбузов Илья, сын боярский 263
Арбузов Шелехмет Ильин, сын боярский 263
Арефа 218
Артемий Родионов 559
Арцыбашев Андрей, дьяк 422
Афанасий, архиепископ холмогорский 538
Афанасий, слуга Калязина монастыря 333

Базыкин Антомон Иванов 514
Бахтеяров, казначей патриарха Филарета 128
Бачурин Иван Федоров, оценщик 561
Безобразов Василий Чюбар Федоров 42, 43
Безсон Марков, куростровский дьячок 420
Белосельский Василий, кн. 92
Бельские, князья 225
Береза Иван Андреев, волостной человек 443
Билибин Шершень, дьяк 119
Биркин Родион 307
Блинов Оладья, волостель 53
Борис Александрович, кн. тверской 46, 62
Борис Годунов, царь 324, 420, 422
Бортенев Иван, судья 78
Босой Кирилл 452
Ботухин Василий 78
Братай Гаврилов 497
Будай Васильев, сотский 562
Бурый Илья Иванов, оценщик 561
Бутак, крестьянин 197

Варлам, игумен Саввино-Сторожевского монастыря 101
Василий, волостель 77
Василий, поп 424, 532, 540
Василий, сотский 468
Василий, судья 49
Василий Васильевич, кн. галицкий 98
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. 43, 45, 47, 49, 51, 54—57, 67, 73, 97, 225
Василий I Дмитриевич, вел. кн. 45, 53, 55, 56, 76, 102, 215
Василий III Иванович, вел. кн. 7, 8, 63, 72, 84, 103, 106, 181, 183, 191, 203, 204, 225, 241, 291, 298, 309—312, 314, 330
Василий Иванович, вел. кн. рязанский 86
Василий Максимов, земский дьячок 445
Василий Павлов, кузнец, целовальник 443
Василий Петрович, воевода нижегородский 265
Василий Ярославич, кн. боровский 57
Вельяминов Федор Михайлович, судья 65
Вислый Мясоед 313, 318, 492
Витовт, вел. кн. литовский 45
Владимир Андреевич, кн. серпуховской 57, 209, 217, 294
Владимир Андреевич, кн. старицкий 338, 435
Владимир Мономах, вел. кн. 119
Волков Наум, целовальник 555
Воронцов Иван Федорович, помещик 333
Вторка Невежин 454

Гаврила 49
Гаврила, старец Кирилло-Белозерского монастыря 88
Геннадий, архимандрит 44
Генри Лэн, английский купец 213

Геронтий, митрополит 57, 98
Гладкий Антон, „истобник“ 84
Говорухин Иван Семенов 447
Годунов Д. И., боярин 441, 510
Голенин Василий Иванович, судья 87
Головин Июда Васильев, крестьянин 452
Головин Михаил Петрович, боярин 127
Гордон Патрик 557
Горобцев Никита Семенов 85
Григорий Михайлов, крестьянин 514
Григорий Никитин, десятский 468
Гридя Кузьмин 87
Гриша, земский дьячок 497
Губцов Пятеля, пристав 100
Гурий, архиепископ казанский 111
Гурий, игумен Троице-Сергиева монастыря 229, 230
Гусев Владимир, дьяк 37

Данило Данилов, крестьянин 504
Данило Иванович, окольничий 45
Данило Омосов, земский дьячок 443
Данило Романович, боярин 263
Данило Трофимов, недельщик 50, 62
Дарья Иванова 559
Даудбай, тархан 220
Демид Савин, крестьянин 514
Дирин Дмитрий Иванов, пятидесятский 443
Дмитрий Владимирович, боярин, казначей 45, 68
Дмитрий Захаров, поп 346
Дмитрий Иванович, вел. кн. 37, 45, 50, 65, 68, 70, 72, 73, 75, 76, 119
Добрыня Андреев 52
Долматов Василий, дьяк 42, 65
Долматов Третьяк 43
Дряблый Зиновий Тимофеев 561
Дурнев Фатьян Григорьев 78

Евфросиния, княгиня 49
Елена Глинская 225
Емельян Гаврилов, крестьянин 514
Ермолай Еразм 90
Есип Гридкин 69, 70
Ефим Панилов 522

Жехов Яков Данилов 443
Житков Рахман, дьяк 318
Жук Василий, дьяк 45
Жук Михаил, крестьянин 59, 62

Захаров Василий, дьяк 222
Зосима, архимандрит Симонова монастыря 42

Иван 49
Иван Андреевич, кн. 52
Иван III Васильевич, вел. кн. 6—8, 13, 15, 19, 32, 33, 37, 39, 42, 43, 50, 54, 56, 62—65, 68, 69, 77, 78, 94, 97, 98, 102, 103, 105, 106, 112, 119, 183, 191, 194, 225, 277, 298, 309—312, 321, 328—330
Иван IV Васильевич, царь 7, 8, 13, 40, 78, 106, 111, 112. 123, 127—129, 141, 181—194, 207, 225—227, 229, 230, 238, 245, 251, 253—256, 263, 268, 278, 293, 297—300, 309, 311, 313, 314, 316, 317, 326—328, 330, 333, 336, 338, 351, 366, 417, 420, 422, 435, 439, 451, 463
Иван Данилович Калита, вел. кн. 45
Иван Девель, гость 561
Иван Иванов 74
Иван Иванович, вел. кн. рязанский 74, 85
Иван Иванович Молодой, кн. 58, 65, 68
Иван Максимов, таможенный подьячий 117
Иван Михайлов 76
Иван Парфеньев, судейский целовальник 467
Иван Токарь, строитель Саввино-Сторожевского монастыря 101
Иван Федоров, крестьянин 558
Иван Федотов, крестьянин 522
Ивановский Костя 69, 70
Ивоня, келарь Симонова монастыря 43
Игнатий, старец 69
Инька Степанов 239
Иоаким, патриарх 127
Иоасаф, митрополит 40, 225
Иов, патриарх 351, 366, 427, 441
Иона, игумен Троицкого монастыря 222, 230
Иона, митрополит киевский 54, 55
Ирина, царица 443
Истома 210

Кабаков Филипп, посадский человек 553
Кабанова Олисава Федорова 544
Казаков Логин Тимофеев 558
Казимир IV, король польский 48, 104
Казнаков Михаил, помещик 73, 76
Касьян, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 97
Кепроев Гостя 452
Кирилл, митрополит 321
Кирилл, старец Кирилло-Белозерского монастыря 88
Кобяков А. М., наместник 106
Колпачников Афанасий 497
Колягин Григорий 92
Кононов Яков Иванов 454
Константин, царь 46, 47, 48, 54
Кореловский Иван 88
Костромин Афанасий Емельянов 559
Котельников Булгак 87
Кривцов Василий, недельщик 333
Кротков Кожюх, дьяк 231
Крутиков Николай Яковлев 83
Кулешин Василий, дьяк 69
Кулпа Семен, пристав 54
Курьян Волочанин 84
Кутузов Богдан 197

Лаврентий, игумен Архангельского монастыря 501
Лаврентий Рыжий, старец Архангельского монастыря 501
Лапин А. 62
Лебедев Карп Власьев 443
Лепяга Измайлов, недельщик 76

Лжедимитрий 324
Лихачев Андрей Левонтьев 497
Лихачев Кузьма Иванов 85
Логин Дементьев, волостной человек 443
Лодыгин Василий Обляз, вотчинник 208
Лукерьин Злоба Данилов, пристав 72
Лукьян, крестьянин 525
Любов Никита Михайлов, выборный судья 483

Макар Гаврилов, крестьянин 525, 526
Макарий, митрополит 7, 120, 183, 227—229, 231, 329, 331
Максим, крестьянин 445
Максим, монастырский слуга 208
Максим Грек 48, 54, 95, 96
Максим Родионов, крестьянин 529
Маликов Иван Григорьев 293
Малухин Митюк Леонтьев 78
Мамырев Данило, дьяк 68
Мансуров Федор Борисович, судья 64
Мантырей, священник 43
Марашев Захар 454
Марина, черница 63
Мария Ярославна, княгиня 51
Марк, старец Кирилло-Белозерского монастыря 88
Марко Онтуфьев, земский судья и губной староста 494
Мартемьян, старец Кирилло-Белозерского монастыря 88
Мартемьян Осипов, крестьянин 526
Мартын Лукин 454
Матвей Никифоров, старец 124
Мезецкий И. В., кн., звенигородский наместник 230
Меледин Поздній Васильев, целовальник 443
Митрофан, голутвинский старец 122
Митрофан, старец Дудина монастыря 263
Митрофан, старец Кирилло-Белозерского монастыря 88
Митя Иевлев, приказчик 92
Михаил, бортник 86
Михаил Александрович, вел. кн. тверской 70, 73, 76
Михаил Андреевич, кн. белозерский 54, 71, 88, 90, 96, 97, 99, 310
Михаил Дементьев 443
Михаил Федорович, царь 129, 469
Михаил Ярославич, вел. кн. 51
Михей Якимов 105
Мокий Титов, крестьянин 529
Моклоков Тихон, дьяк 68
Монастырев Василий Иванович, вотчинник 88
Монастырев Даиило Иванович, вотчинник 88
Монастырев Иван Григорьевич, вотчинник 88
Морозов Скряба 42
Мняковский Андрей, «выходец» 320
Мняковский Исак, «выходец» 320

Нагорский Евдоким Кузьмин 443
Назарьин Михаил Яковлев 559
Нармацкий Иван, дьяк 449
Невежа, крестьянин 485
Невежин Андрей Федоров 544
Нелединский Степан Александров, вотчинник 304, 305
Нелединский Юрий, вотчинник 304
Немово Дмитрий Иванович, кн. 317
Неронов Василий Буидов, сын боярский 59
Нероновы, дети боярские 62
Никита Семенов, судья 504
Нифонт Анкиндинов 122
Новгородов Истома, дьяк 128
Ногин Григорий Иванов, земский дьячок 443
Ногтев, кн. 65

Обернибесов Богдан 293
Оболенский И. К., кн. 44
Обрядин Лев Савелов, помещик 55, 56
Обухов Иван, сотский 78
Овчина Телепнев-Оболенский Иван Федорович, боярин 225
Олтуфьев Храп 58
Омельяиский Аврам 74
Онничков Скурат Иванов, недельщик 239
Остафий 86
Отяев Василий Петрович 117

Павел Никифоров, дьяк 230
Памва, старец Троице-Сергиева монастыря 88
Парфен Амосов, дьячок 497
Патрикеев Иван Юрьевич, кн., московский наместник 42, 43
Пахом Захарьин, оценщик 561
Пересветов Иван 46—48, 51, 54, 55, 251, 255, 314
Перша, крестьянин 210
Петелин Дружина, дьяк 422
Петр I, царь 557
Петр Борисов 78
Петр Омельянов 73, 76
Пикшиев Мокей Нечаев, земский судья 420, 467
Пономарев Д., крестьянин 452
Пономарев Пятко Иванов, «казак» 511
Попов Василий, поп 521
Попов Иван, канцелярист 111, 112
Попов Поспел Григорьев, введенский дьячок 443
Поповкинский Ефим, «выходец» 320
Посник Дмитриев, дьяк 449
Посников Дружина Тарутьев (Барма), стряпчий Соловецкого монастыря 117
Поторочин Иван Иванов, судья 443
Пронинский Савва, крестьянин 458
Пронька Феоктистов 521, 540
Путило Нечаев, дьяк 242

Рагозины, митрополичьи дети боярские 62
Ратка Денисов 454
Ревякин Исаак, гость 452
Рогозин Нефед 543
Родион Иванов 559
Роман, дворский 78
Роман Захарьев, земский дьячок 448

Роскостов Иван Иванов 541
Роскостов Пьянко, крестьянин 511
Рыпаков Перхурий Васильев, волостной человек 443
Рычков Кирилл Юрьев 122, 345, 440

Савва Алексеев, крестьянин 529
Савин Захар Иванов, крестьянин 526
Саврасов Иван 42
Свербеев Василий, недельщик 239
Свербеев Федор, недельщик 239
Светиков Гридя, недельщик 50
Семен, крестьянин 101
Семен Борисович, судья 50
Семен Окишев 78
Серапион, игумен Троице-Сергиева монастыря 228, 229
Сергей Васнлов 58
Сидор Леонтьев, земский судья и губной староста 494
Сидор Селиванов 452
Сидоров Юрий, дьяк 229—231, 237
Сильвестр, протопоп 89, 321, 335
Симеон Бекбулатович, вел. кн. 218, 219
Симеон Иванович, вел. кн. 45, 53, 58
Симон, митрополит 53
Скобельцнн Иван Ильин 92
Слудный Андрей Иванов, сотский 443
Соболев Павел 346
Сота, бортник вел. кн. 86
Софья Витовтовна, вел. кн. 47
Спиридон, игумен Троице-Сергиева монастыря 88
Старцев Никула Исаков, крестьянин 514
Степан Демьянов 533
Степан Мартынов, послух 87
Стефанида 545
Столыпа 65
Стрелов Мокей Семенов 525
Строганов Данила Григорьев 510
Струнины, землевладельцы 65, 75
Судаков Ф., вотчинник 310
Суета Федоров, земский судья, 443
Сукин Федор Иванович 222
Сумароков, дьяк 422
Сунбул Ф. И., боярин 74, 85
Суслов, крестьянин 526
Сухой Оншугин 78
Сухона Иван 83, 84
Сухоносов М., целовальник 452

Татищев Игнатий, казначей 207
Тверитинов Иван Михайлов 42, 43
Терентий Иванов, поп 543
Тишинин Матвей Максимов 443
Третьяк Борисов, судья 65
Третьяков Иван Иванович, казначей 222
Третьяков Петр Прокопьев, земский судья Пежемского стана 493
Тухачевский Гаврила Яковлевич, воевода 127
Тяненой Трофим Васильевич, десятский 443

Ульянов Иван (Джон Мерик), английский гость 476
Ульянов Томас, английский гость 476
Устинья Прокофьева, крестьянка 544
Уткин Иван Павлов, «казак» 511
Ушаков Гаврило, тиун вел. кн. 42

Фарифон Моисеев 452, 544
Фегнаст, архимандрит Симонова монастыря 42, 43
Федор 218
Федор, крестьянин 481, 514
Федор Иванович, царь 336, 343, 349, 351, 366, 372, 417, 419—423, 425, 433—435, 439, 441, 443, 447, 451—453, 463, 475, 487, 494, 549, 552, 560.
Федор Ольгович, вел. кн. рязанский 53, 76
Федор Федорович, кн. ярославский 73
Феодосий, митрополит 65
Феофаник, крестьянин 87
Филарет, патриарх 126, 128
Филипп, митрополит 98
Филипп Ильин, крестьянин 545
Фома Шубин, крестьянин 529
Фотий, митрополит 215
Фуников В. С., кн., писец 329, 331

Чесноков Никифор, земский судья и губной староста 494
Чириков Пантелей, дьяк 423
Чобот Иван Васильевич, окольничий 42
Чудин Акинфов, помещик 52
Чюбаров Алексей, пристав вел. кн. 69

Шабалин Козьма 555
Шаляпин Герасим 490
Шарапов Петр, губной староста 494
Шатилов Иван, помещик 197
Шейкин Третьяк 241
Шелешпанский Иван Афанасьев, кн. 293
Шерефединов Андрей, вотчинник 307
Шиловский Тимофей, вотчинник 307
Ширяев Иван, недельщик 239
Шишмарев Оладия, тиун вел. кн. 42
Шмаков Алексей Григорьев 127
Шошуков Абросим Шалаба Александров 105
Шуйский Андрей, кн. 225
Шуйский Дмитрий Иванович, кн. 476
Шумилов Максим, крестьянин 529

Щелкалов Андрей, дьяк 422, 456
Щелкалов Василий, дьяк 492
Щелкалов Яков, дьяк 222

Юрий, кн., тархан 220
Юрий Васильевич, кн. дмитровский 71, 338
Юрий Дмитриев, печатник вел. кн. 68
Юрий Иванович, кн. 63, 65, 68, 70, 100

Языков Григорий Никифоров 239
Яким, игумен Ферапонтова монастыря 90
Яков 40

Яков 113
Яков, бортник 87
Яков, митрополичий посельский 69, 70
Яков, становщик 69, 70
Яков Захарьич, боярин 45
Ярослав Ярославич, вел. кн. 46

Андреев А. И. 207, 238, 344, 345, 418, 423—425, 430, 440, 441, 533
Андреевский Л. И. 343, 344, 346, 424, 439, 447, 453, 480—482, 500, 511, 550.
Анонимов И. 13, 16, 33

Барсов Е. В. 345—346, 418, 424—425, 433, 440, 453, 541, 543, 549, 556
Бахрушин С. В. 213, 298, 302, 318
Башилов С. 7, 111, 112
Беляев И. Д. 43, 78, 92, 95, 233, 234
Богословский М. М. 268, 343, 345, 418, 422, 423, 443, 444, 447, 448, 452—455, 457, 458, 461, 467—471, 475—477, 480, 481, 484—486, 490, 491, 493, 494, 503, 513, 521, 522, 526, 532, 534—537, 540, 541, 543—545, 548, 553, 554, 557
Богоявленский С. К. 343, 417, 440, 441, 506, 534
Briquet C. 15
Бычков И. А. 346

Валк С. Н. 7, 505
Весселовский С. Б. 37, 44, 52, 88, 92, 93, 99, 221, 223, 224, 257—262, 276, 300—302, 305, 306, 435, 451
Владимирский-Буданов М. Ф. 9, 13, 15, 16, 41, 58, 63, 82, 90, 112, 182, 194, 196—200, 202—209, 211—214, 216, 217, 220, 222—223, 234, 241—249, 252, 255, 264, 265, 270—274, 277, 280, 282, 283, 289—291, 293—295, 298, 300, 302, 303, 306, 309, 316, 317, 321—323, 326, 335—337, 417, 418, 423, 433, 440—444, 446—453, 455—458, 462, 463, 465, 466, 474—476, 479, 480, 482, 484—487, 489, 491, 492, 494, 496, 498, 500—502, 504—509, 512, 518—520, 522—526, 530, 531, 534—537, 539—543, 545—557, 559—562

Гейман В. Г. 66
Герберштейн С. 13, 16, 31—33, 45, 50, 51, 53, 57—59, 108, 246, 291
Греков Б. Д. 7, 89, 90, 93—96, 107, 189, 191, 283, 285—288, 296, 315, 316, 318, 320, 321, 535
Григорович И. И. 112

Давыдов Н. В. 41, 449
Даль В. И. 473, 540, 557
Дебольский Н. Н. 100
Дмитриев Ф. М. 211, 234, 269
Добротворский Н. 528
Довнар-Запольский М. В. 40, 49, 256
Дьяконов М. А. 187, 219, 227, 270, 275, 291, 292, 320, 327—328, 330, 336, 337, 535
Дювернуа Н. Л. 59, 82, 87, 88, 99, 103, 104, 106

Ефименко А. Я. 512, 513, 519, 520

Жданов А. А. 91
Жданов И. Н. 192

Загоскин Н. П. 78, 80
Зимин А. А. 37
Знаменский П. В. 540

Иванов П. И. 103, 523, 524

Кабанов А. 40, 49
Калайдович К. Ф. 13—16, 112, 122, 191
Калачев Н. В. 212, 290
Карамзин Н. М. 13, 15, 37, 214, 256
Катаев И. М. 40, 49
Киров С. М. 91
Клочков М. В. 513, 519, 522, 523
Ключевский В. О. 212, 254, 335, 417, 440, 452, 507
Кожанчиков Д. Е. 8
Копанев А. И. 9. 442, 460, 467
Костомаров Н. И. 254
Крестинин В. В. 461, 477
Курдюмов М. Г. 40

Ланге Н. И. 254
Лаппо-Данилевский А. С. 507
Лебедев Д. 49
Ленин В. И. 91, 514
Лихачев Н. П. 15, 37, 40, 49, 78, 84, 87, 105, 113, 117, 119—121, 123, 124, 127, 128, 182, 208, 218, 263, 293, 297, 307, 333, 345, 346
Лонгинов А. В. 534
Лурье Я. С. 37
Любавский М. К. 256, 532
Любименко И. И. 476

Мазурин Ф. Ф. 345—346, 424, 425, 440, 453, 481, 482, 499, 500, 541
Малеин А. И. 13, 16, 32
Маньков А. Г. 465
Маркс К. 5, 99, 514
Мартысевич И. Д. 46—48, 58, 72, 74, 87, 97, 98
Мейчик Д. М. 44, 49, 67, 82, 83, 88, 103
Миллер Г. Ф. 111, 112

Муханов П. А. 45, 68
Мюллер Р. Б. 9

Напиерский К. Е. 213
Неволин К. А. 298, 302, 303, 309
Никольский Н. К. 471

Оболенский М. А. 290
Орлов А. С. 89
Островская М. А. 513, 520, 524, 525

Павлов А. С. 224
Павлов-Сильванский Н. П. 256, 326
Петров В. А. 232
Платонов С. Ф. 256, 257
Побойнин И. 273
Подвысоцкий А. 528
Покровский М. Н. 335
Полянский Н. Н. 41, 449
Попов Н. А. 187
Пресняков А. Е. 183, 184, 254, 259, 261, 262
Прыжов И. Г. 474

Ржига В. Ф. 46—48, 51, 55, 251
Рождественский С. В. 224, 302, 303
Рожков Н. А. 291, 292, 296
Романов Б. А. 7, 9, 318
Романов М. 443, 452, 511, 542, 544, 545, 558
Румянцев Н. П. 114, 122
Рычков Н. И. 220

Савваитов П. И. 343, 344, 346, 418
Савич А. А. 511
Садиков П. А. 212, 233—237, 318, 422
Самоквасов Д. Я. 92, 218, 293
Седашев В. Н. 519, 520, 522—524, 528, 531, 535
Сенигов О. П. 445, 552, 555
Сергеевич В. И. 40, 61, 95, 106, 107, 335
Симсон П. Ф. 329
Смирнов И. И. 7, 9, 40, 41, 47, 52, 66, 182—188, 190—192, 195, 196, 200, 202, 211, 214, 220, 224, 226, 227, 233, 236, 237, 248—255, 259—262, 266, 267, 270, 271, 273, 275, 278—281, 284—287, 291, 292, 294—296, 299, 300, 302—309, 311, 318, 319, 323—328, 330, 331, 333, 336—341
Смирнов П. П. 7, 213, 225, 226, 228—230, 294, 296, 328—331, 461
Соколовский П. А. 511, 512
Соловьев С. М. 15
Сперанский А. Н. 475
Срезневский И. И. 465, 474
Сталин И. В. 5, 6, 38, 91, 100, 319
Сташевский Е. Д. 235
Стефанович Д. 331
Строев П. М. 13—16, 112, 191, 192
Сыромятников Б. И. 41, 52, 62, 82, 83, 449

Татищев В. Н. 38, 111, 112, 114, 116, 128, 129, 199, 203, 220, 246, 248, 273, 275, 284, 290, 293—295, 338, 509
Тимофеев Н. В. 320
Тромонин К. Я. 117—128, 345

Федотов-Чеховский А. А. 40, 191, 326
Филиппов А. Н. 200, 256

Хилков Г. 66

Черепнин Л. В. 9, 37, 44, 47, 64, 68, 73, 74, 77

Шумаков С. А. 61, 72, 187, 209, 215, 276, 277, 304, 420, 435, 436, 492

Щербатов М. М. 37

Энгельс Ф. 5, 99, 514

Юшков С. В. 37, 58, 63, 72—77, 85, 86, 101, 102, 106, 219, 262, 288, 298, 302, 470, 471, 481, 538

Яковлев А. И. 52, 67, 68, 107, 219, 232, 282, 322, 323

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Алексин (Олексин), г. 21, 154, 388
Антропьева слоб. 445
Артемоновский стан 79, 237
Архангельск, г. 419, 459, 461, 464, 477

Бежецкий Верх, г. 21, 67, 154, 481
Белев (Белева, Белеев, Беляев), г. 21, 154, 388, 482
Белое море 476
Белозерский у. 318
Белоозеро, г. 23, 43, 97, 154, 191, 314, 389
Беляев, см. Белев
Бологовский пог., 293
Боровск, г. 12, 21, 154, 388, 482
Борок, стан 470, 476

Вага, область 226, 422, 492
Вага, р. 418, 557
Важский у. 346, 422, 468, 494
Введенский стан, Устьянской вол. 423, 443, 469, 481, 490, 493, 521, 532
Великие Луки, г. 154, 389
Великий Устюг, см. Устюг Великий
Великокурская вол. 420
Вельск, г. 346
Вельский у. 346, 553
Веля, р. 418
Верейский у. 54
Верея (Веретея), г. 23, 154, 481
Верховажская четверть Важского у. 346
Вещеозерская вол. 485
Владимир (Володимер), г. 23, 118, 154, 389
Владимирский у. 53
Вознесенский стан 478, 483
Воиславское, дворцовое село 64, 100
Волга, р. 532
Вологда, г. 23, 154, 222, 226, 389, 557
Вологодский у. 97
Волочок Словенский, вол. 90, 96
Воробьевская слоб. 192
Воротынск, г. 23, 154, 388
Вострой наволок, Пежемской вол. 525
Вохонская вол. 209, 294, 435
Выркова, дер. 307
Вычегда, р. 23, 154, 389
Вышгород, г. 23, 154, 481
Выя, вол. 423, 434, 502, 503
Вязьма, г. 23, 154, 388
Вятка, г. 154, 389

Галич, г. 23, 154, 389
Горки, дер. Курецкой вол. 221
Готский берег 213

Двина, р. 164, 459, 557
Двинская область, Двина 23, 154, 221, 222, 389, 419, 421—423, 441, 447, 459, 471, 473, 475, 482, 483, 492, 494, 506, 509, 510, 533
Двинской у. 229, 423, 468, 502, 533
Демидовская, дер. 522
Деревская пятина 293
Дмитриевская Устьянская вол. 452, 497, 542, 543, 544
Дмитров, г. 23, 154, 192, 389

Езерецкое, село 216
Ерополч, см. Ярополч
Ерославец, см. Ярославец
Ерославль, см. Ярославль

Заболотная, дер. Тавренской вол. 514
Заостровская вол. 447, 449, 470, 478, 483, 501, 517
Звенигород, г. 23, 154, 389
Звенигородское княжество 101
Зубцов (Зупцев, Зубец), г. 23, 154, 481

Ивангород, г. 154, 389
Ивановская площадь в Москве 72
Илеменская вол. 54
Ильинский приход, Тавренской вол. 514

Калуга (Колуга), г. 23, 154, 388
Каменский стан 78, 80
Каргополь, г. 120
Каргопольский у. 525, 526
Кариское, село 65

---

[1] Принятые сокращения: вол. — волость; г. — город; дер. — деревня; пог. — погост; р. — река; слоб. — слобода; у. — уезд.

Кашин, г. 23, 154, 389
Кашира (Кошира), г. 23, 154, 388
Кевроли 128
Кевролский у. 534
Китай 91
Клин, г. 23, 154, 389
Клинский у. 237
Кобылинский стан 88
Козельск, г. 23, 154, 388
Койдокурская вол. 514
Койдокурья 514
Кокшенга, р. 346
Колмогоры, см. Холмогоры
Коломенский у. 49
Коломна, г. 23, 154, 388
Колуга, см. Калуга
Кострома, г. 23, 154, 389
Костромской у. 44
Кошира, см. Кашира
Кременск (Кременец, Клинец), г. 23, 154, 388, 482
Кубина, р. 557
Кузоверская, дер. Введенского стана 521, 532, 540
Курейская вол. 421
Куростровская вол. 420, 421, 433, 460, 467, 468, 475, 499, 510, 561
Курья, р. на Двине 221
Кучин наволок 528

Лапинская, дер. Селецкой вол. 504
Луцкая Пермца 434, 451

Марьино, село 218
Матигоры (на Двине) 72
Медведица, р. 43
Медвежье, селище 87
Медушская вол. 215
Медынь, г. 23, 154, 481
Мезецк, г. 23, 154, 389
Мещера (Мещерск) 23, 154, 389
Микулин, г. 7, 191, 314
Мишутинская вол. 84
Можайск, г. 23, 154, 275, 388
Монастыри:
Антониев-Сийский 419, 466, 471
Архангельский Михайловский 419, 471, 501, 555
Благовещенский Киржацкий 65, 208
Благовещенский Нижегородский 56
Игнатьевский Троицкий 129
Иосифо-Волоколамский 107, 187, 320, 322
Калязин Троицкий 182, 333
Кирилло-Белозерский 54, 88, 97, 99, 103, 121, 232, 244, 249, 318, 419, 471
Клоновский 422
Любецкий Успенский 98
Никольский Дудин 263
Никольский Корельский 113, 210, 419, 447, 449, 467, 471, 478, 483, 501, 517
Отроч Успенский Тверской 215
Покровский 51
Саввин Сторожевский (Звенигородский) 72, 101, 230
Симонов 43, 45, 49, 87, 304
Сновидский 98
Соловецкий 117, 419, 471
Спасо-Евфимиев 50, 56, 62, 63
Толгский Богородицкий 73
Троице-Сергиев 44, 51, 52, 54, 55, 57, 62, 66, 67, 71—73, 83, 87, 88, 97, 221, 222, 225, 226, 228, 229, 270, 331, 419, 471, 473, 533
Успенская Зосимина пустынь 237
Ферапонтов 49, 84, 90, 96, 105
Череповецкий Воскресенский 71
Чухченемский Никольский 420
Москва, г. 7, 22, 23, 38, 43, 45, 48, 50, 59, 63, 66, 67, 71—73, 75, 93, 94, 102, 106, 114, 123, 127, 129, 138, 140, 141, 154, 165, 166, 168, 170, 174, 176, 177, 182, 188, 189, 200, 202, 213, 215, 216, 226, 232, 233, 236, 242, 254, 258, 260, 263, 264, 268, 273—278, 280, 281, 283, 289, 291, 316, 332, 339, 340, 350—352, 360, 361, 363, 364, 369, 370, 372, 373, 378, 379, 388, 396, 398, 409, 410, 412, 413, 434, 435, 441, 443, 447, 449, 452, 453, 456, 464, 472, 475, 490, 498, 499, 507, 508, 546, 556, 562
Московский у. 140, 174, 332, 339, 372, 546
Московское княжество 102, 176, 183, 191, 207, 219, 260, 291, 301, 360, 372, 409
Муром, г. 23, 154, 389

Надпорожский стан 318
Негодяевская, дер. 103
Нижний Новгород, г. 23, 75, 154, 263, 389
Низовская Лука 447, 467, 478, 483
Никольский Волюский приход 521, 532
Новгород Великий, г. 23, 43, 46, 48, 51, 62, 76, 104, 105, 120, 154, 168, 197, 283, 370, 389, 398, 507
Новгородская земля 120, 176, 360, 409, 472

Оболенск, г. 23, 44, 154, 191, 314, 389
Одоев (Отдоев, Одуев), г. 23, 154, 388
Окатовская, дер. 525, 526
Оксиньинское, митрополичье село 100
Олюшина слоб., Тавренской вол. 514
Омутское, село Спасо-Евфимьева монастыря 63
Опоки, г. 23, 154, 481
Орлец (на Двине) 72

Пежемская вол. 525, 526
Пежемский стан 493
Пежма, р. 418
Перемут (Перемутово), сельцо 304
Переяславль (Переславль), г. 23, 154, 389, 482
Переяславский у. 65, 84
Петровское, сельцо 555
Пинежка Малая, вол. 423, 434, 502
Плесская вол. 182
Подвинская четверть Важского у. 468, 476
Поморье 418, 422, 444, 451, 456, 458, 459, 472, 475, 485.

Порша, р. 490
Почапская земля 44
Почашова, пожня 497, 541
Присецкая вол. 473
Псков, г. 56, 97, 154, 168, 283, 370, 389, 398, 507
Пяида, р. 557
Пятницкое, сельцо 555

Радонеж, г. 23, 154, 389
Ракуло-Кокшеньгский приход 346
Ржева, г. 23
Рига, г. 213
Ровдогорская вол. 420
Романов, г. (Романов городок) 23, 154, 389
Россия 6, 9, 90—92, 284, 417, 418, 511, 536
Ростов, г. 23, 154, 389
Ростовская Устьянская вол. 484
Ростовское княжество 38
Русское государство, Русь, Русская земля 6, 37—39, 44, 45, 73, 78, 86, 89, 90—93, 96, 98, 108, 192, 193, 195, 213, 250, 252, 261, 274, 284, 285, 299, 324, 337, 351, 365, 366, 399, 414, 419, 428, 433, 450, 459, 461, 462, 465, 471, 475, 476, 492, 508, 557, 560
Рязанское княжество 38
Рязань, г. 191, 314

Селецкая вол. 470, 482, 504, 529
Семеновская, дер. Тавренской вол. 514
Семкино, дер. 103
Серпухов, г. 23
Серпуховский посад 329
Сибирь 510
Скоморохово, дер. 473
Скомороховская, дер. 473
Скоморошье, дер. 473
Славцовская вол. 53
Смоленск, г. 154, 213, 389
Собачниковская пустошь 65
Соденская Устьянская вол. 452, 453, 458
Сольвычегодск, г. 422
Сомова слоб., Тавренской вол. 514
Суздаль, г. 23, 154, 389
Суздальский у. 97
Суземье, вол. 532
Сура Поганая, вол. 423, 434, 502
Сухона, р. 459, 557

Тавренская вол. 514
Таруса, г. 23, 154, 482
Тверская земля 62, 176
Тверской у. 218, 532
Тверь, г. 7, 23, 43, 120, 154, 191, 314, 389
Торжок, г. 154, 191, 314, 481
Торопец, г. 154, 389
Торуса, см. Таруса
Тотемский у. 7, 510
Тотьма, г. 7, 422, 510
Тьмака, р. 532

Углич, г. 23, 154, 389
Урал 510
Усецкие волости 434
Усольский у. 445
Усошская вол. 87
Устья, р. 418
Устьянские волости 268, 418, 419, 421—423, 441, 443, 448, 452, 458, 467—469, 472, 481, 484, 490, 493, 494, 497, 502, 510, 511, 521, 532, 535, 541, 542, 543
Устюг Великий, г. 23, 154, 226, 389, 421, 422, 553, 555
Устюжна Железнопольская, г. 434, 435, 453
Устюжский у. 422, 434, 490, 553
Ухтостровская вол. 420

Хлепня (Хлын, Хлепля, Хлепка) 23, 154, 481
Холмогоры (Колмогоры), г. 23, 72, 154, 351, 364, 373, 389, 413, 419, 461, 482, 493, 556
Хотунь (Хутынь) 23, 154, 388

Церкви:
Вознесения в Ростове 346
Воскресения в Вельском у. Ракуло-Кокшеньгского прихода на Березнике 346
Воскресения Христова в Кевроле 128
Дмитровская в Устьянских волостях 470, 541
Чадромская вол. 452, 485, 494
Чухченемская вол. 420
Чушевицкая вол. 467, 484, 493

Шексна, р. 44, 99
Шилово, село 307
Шуя, г. 209, 276

Щекотова, дер. Тавренской вол. 514

Юрьев, г. 23, 154, 389
Юрьев Наволок, вол. 469
Юрьевский у. 318

Ярополч (Ераполч), село Иосифо-Волоколамского монастыря 321
Ярославец (Ерославец), г. 23, 154, 388
Ярославль (Ерославль), г. 23, 43, 154, 389
Ярославский у. 97

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ К ТЕКСТАМ СУДЕБНИКОВ[1]

Алтын I 3—8, 15—17, 21—25, 28, 30, 38, 40, 62; II 10—12, 33—35, 38, 39, 42, 44, 46, 62, 65, 77, 80, 87, 88; III 7, 17, 26, 52; 14, 15, 67, 68, 81—83, 86, 88, 90, 93, 95, 118, 139, 157, 173, 178, 179, 225
Архимандрит, архимарит III (42), 41, 42; 208, 211

Беглые, см. Холоп беглый
Беда III 37
Бежати из полону I 56; II 80; III 144, 145
Без ведома II (4, 5), 4, 5, 7, 54; III 2, 3, 4, 8, 23, 106
Безвечен, см. Увечен
Безвечье, см. Увечье
Безволокитно II 49, 72; III 129
Безденежно II 85; III 166
Безкабально II (15)
Безобидно II заголовок
Безпошлинно II 41
Безросчетно II 88
Безсрочно II 88
Безубыточно III 18; 159
Безумие I 55; II (90), 90; III (182), 182
Безуправно II заголовок
Безурочно II 88
Безхитростно, без хитрости I 34, 55; II (2, 90), 2, 17, 53, 90; III 2, 28, 104, 181
Бесчестье II (26), 25, 26, 70; III (7), 7, 9, 42; (41, 43—46, 49—57, 59, 62), 6, 39, 41—72, 103, 212
Бити II (25), 25; III (39), 39; — кнутием, кнутом I 10, 62; II 5, 6, 28, 55, 58, 87, 99; III 2, 9, 11, 24, 26, 37, 42; 4—6, 11, 12, 14, 16, 80, 81, 102, 103, 105—107, 112, 113, 170, 172, 203, 212, 213; — челом II (24), 7, 8, 24, 70, 72, 78, 79, 85, 100; III (3, 49), 3, 22, 49; (36, 37), 7, 8, 11, 23, 24, 36, 37, 129, 141, 150, 166, 221
Битися на поле I 52; II (17, 19), 14, 19; III (19), 19
Ближний от рода I 60; II 92
Блядь III 7; (70), 70
Боец II 14; III (19), 19
Бой I, 6, 38, 48, 53; II (11, 16, 25, 31), 11—13, 16, 25, 31, 62; III 18, 20, 27, 39, 78
Бойщик III 18
Боль III 34; 191
Боран I 62; II 87, 88; III 17, 26; 157, 173, 179
Бояре I заголовок; II заголовок, 75, 98; III (41), заголовок, 41; заголовок (208), 201
Боярин I заголовок, 1—8, 16—19, 33, 38, 40, 45, 54, 55, 62, 63; II (1—3, 6—8, 32—35, 62, 65, 75), заголовок, 1—4, 6—10, 28, 29, 32—36, 55, 59, 62, 65, 72, 75, 77, 78, 80, 84, 87, 90, 98; III (7, 44, 46), заголовок, 7, 41, 44, 46; заголовок, (3, 9, 76, 80—82, 156, 217), 1—3, 6—10, 12, 13, 75, 76, 80—84, 107, 113, 116, 127, 134, 139—141, 144, 149, 156, 181, 208, 215, 217
Бражники кабацкие III кр. 7
Брат II 85; III 54; 163, 227
Братия царя и великого князя II заголовок, 100; III заголовок
Быти I 1; II (29), 7, 28, 89; III 46, 48; 8, 17, 180, 217

Вдвое I 29, 44; II 26, 45, 54, 62, 66, 70, 71, 74, 83; III 42; 23, 41—49, 52—61, 66, 94, 106, 120, 148, 212
Вдова I 59; III (64), 64
Вдовица старая II (91), 91; III (32), 32; 184
Вдругие II (56), 56
Ведати I 2; III 217
Ведатися II 41, 79
Ведомо I 46; II (4), 4, 5, 7, 54, 59, 60; III 39; 206, 216

[1] Римскими цифрами I, II, III обозначены последовательно Судебники 1497, 1550, 1589 гг., арабскими — номера статей; скобки при арабской цифре показывают, что цифра относится к оглавлению Судебника.

Цифры статей третьего Судебника относятся: при наличии одного ряда цифр к пространной его редакции, кроме особо оговоренных случаев, обозначенных сокращением кр. (III кр.); при наличии же двух рядов цифр, отделенных один от другого точкой с запятой, первый ряд относится к краткой редакции третьего Судебника, а второй к его пространной редакции.

Ведунья, ведьма, видма III 7; (70), 70
Везти II 100; III 159
Век III 54; (146), 146, 163, 165, 227
Веление III кр. 2
Велети I 8, 21, 27, 34, 39, 55, 67, 68; II (29, 43, 99), заголовок, 7, 13, 20, 24, 28, 29, 41, 43, 55, 59, 60, 69, 72, 74, 75, 90, 99; III (37), 1, 37, 40, 42, (202), 1, 8, 38, 75, 76, 91, 100, 202, 207, 208, 212
Вера III 30
Верити, вирити I 14; II 57; III (12), 12, 43, 44; 20, 109, 110, 130, 132, 152, 153, 214, 215
Верста I 44; II (42), 42, 46, 62, 69, 75, 88; III (32, 89), 32, 90, 94, 95, 124, 134, 178
Вершити (дело) II 52, 73, 78, 97, 98; III 10, 12, 15, 39, 40, 42—46; (199), 30, 111, 135, 141, 199, 201, 205—207, 212, 214—217
Веха III 51; 224
Взаймы (дать, взять) II 82, 85; III (147), 52, 147, 166
Взвести (пристава) II 30
Взговорити I 34
Взимки III 35; 192
Взмолвити, см. Молвити
Взыскати I 52, 58, 63; II (19, 20, 25, 27, 91), 19, 20, 25, 27, 30, 58, 68, 70, 72, 84, 95, 96, 100; III (11, 14, 38), 11, 14, 32, 38; (30, 150, 156, 204), 30, 31, 39, 74, 112, 129, 132, 149, 150, 156, 196, 198, 204, 223
Взяти I 6, 12, 28, 32, 36, 48, 50, 55, 58, 60, 62; II (3, 4, 73, 82, 90), 3, 4, 7—11, 16, 18, 25, 27, 28, 30, 32—34, 42—50, 53, 55, 58, 62, 66, 67, 69, 70, 72—74, 76, 78, 79, 85, 87, 89, 90, 92, 95; III 3, 9, 14, 18, 24, 26, 34—37, 42, 51, 52; (3, 11, 77, 181, 182), 3, 4, 6, 10—12, 14, 16, 21, 27, 39, 77, 80, 81, 90, 91, 96, 102—104, 107, 110, 120, 123, 128, 129, 132—133, 137, 138, 142, 159, 162, 166, 168—170, 172, 173, 179—182, 190—193, 196, 212, 224—226
Взятка долгу III кр. 34
Взятое I 19; II 2
Видение (слаться в видение) III 39, 45; 206
Видети I 67; II 99; III 37; (203), 203
Вина I 38; II 6, 16, 99; III (52), 16, 52, 53; (225), 124, 148; — убитая I 48
Винити II 72; III 15, 38, 41, 45; 123, 128, 135, 210, 216. См. также Повинити
Виноватый, виноват I 3, 21, 32, 36, 38, 49, 51, 58, 64; II (6, 51); 6, 8, 15, 17, 25, 27, 37, 49—51, 62, 69, 93, 99; III (43), 3, 14, 32, 43, 45, 55; (6), 6, 9, 23, 28, 74, 85, 101, 151, 194, 214, 216, 229
Вкинути, см. Кинути
Владыка III (42), 42; 211
Властель, см. Волостель
Власти III заголовок
Внучата II 85; III 163, 164
Водити II 99; III 125
Воименовати II 100
Волокита I 32, 36; II 50; III 3, 42; 8, 23, 99, 100, 212; — исцева III 97
Волостель, властель I 20, 37, 38, 43, 45, 62, 65; II (22, 24, 48, 66, 69, 71, 72, 74, 75, 95), заголовок, 22, 24, 48, 60, 66, 68—72, 74, 75, 87, 95, 96, 100; III 26, 38; (120, 134, 198), 34, 36, 120, 126, 134, 173, 179, 198, 204; — селецкий, сельский II 100; III 204
Волость I 37, 44, 57, 62, 67; II (48, 68, 74, 88, 95), заголовок, 48, 60, 62, 68, 70, 72, 74, 87, 88, 95, 96, 99; III (46), 3, 7, 8, 15, 37, 44, 51, 55; заголовок, (97, 106, 119, 129, 135, 188, 195, 196, 228), 7, 24, 36, 52, 94, 97, 105, 106, 110, 114, 119, 122, 129, 133, 135, 178, 188, 195, 196, 198, 202, 215, 223, 228.
Волочити I 36; II (49), 49; III 8, 98
Волощанин III (74), 74
Вольно I 49, 52; II 17, 19, 88
Воля I 48, 58; II 14, 16, 27, 29; III 14, 49, 20, 30, 74, 132, 153, 221
Вор II 60
Воровати III 2; 4
Воровство II 90
Ворота II 88
Восхотети I 52, 53
Вотчина II (85), 46, 85, 100; III (22), 22; (163, 164, 166, 167), 95, 163—167
Вотчинник, вотчич II 85; III (22), 22, 35; (167), 164, 166, 167, 192
Впервые II (52, 55), 52, 55
Время III 25; 171
Всадити в тюрьму II 56
Вскормити III кр. 52
Вспросити I 68; II 13, 29; III 18
Вступатися II 60
Втрое II 3, 8—11, 32—34, 42, 66, 74, 96; III 3, 10, 12, 14, 16, 80, 81, 90, 96, 120, 133, 148, 198
Выбежати из полона I 56; II 80; III 144
Выблядок III 7; (69), 69
Выбрати, выбирати II 72, 84; III 212, 213
Выдати I 8, 10, 11, 20, 39, 43, 55; II 55, 56, 59—61, 66, 90; III (120), 106, 108, 113, 120, 182
Выимати II 27, 28, 41, 70
Выйти II (80), 47, 80, 88; III 145
Выкинути II 28, 32; III 80
Выкуп II 85
Выкупити II 85; III 163, 165—167
Вылегати II 21; III 33
Выменити II 95
Вынути срочную II 41
Выпасти (жеребей) II 27
Выпашь III 174
Выпись II 100; III 55; (229), 229
Выпустити, выпущати II 58, 89; III 107, 180
Выпустити скот III 24; 170
Выручити II 55, 89; III 107, 180

Высечь, высекати лес III 27; 174, 224
Выскнди III 51; 224
Выспроситн III 76
Вытравитн II 86
Выть I 28; II 23, 44; III 21, 27; 35, 161, 174, 227
Выход (крестьянский) II (88)
Выцеловати головою III 12; 130
Вязчее I 5—7; II 10—12; III 14, 15, 17

Гибель I 8, 10—12, 39, 55, 67; II 55, 56, 58—61, 78, 99; III 10, 37, 51; (24), 108, 111, 170, 203, 223
Глава II заголовок; главы новые III заголовок
Гледина, см. Колодина
Говорити I 51; III 10, 34, 39, 42, 46, 47; (20, 130, 217, 218), 4, 20—22, 111, 191, 205, 213, 217, 218
Год I 57, 63; II 24, 72, 84, 88; III (15), 5, 7, 15, 21, 23; (37, 135, 179), 37, 38, 42, 61, 100, 135, 149, 150, 161, 178, 193; — новый III 15; 135
Голова (выдати головою) I 10, 17, 19, 23, 40, 55; II 2, 35, 40, 50, 55, 56, 65—67, 77, 80, 90; III 12, 17; (2) 2, 83, 88, 100, 107, 108, 113, 120, 130, 139, 158, 182
Город I 18, 28, 29, 31, 37, 42, 44, 65, 67; II (45, 46, 48, 64, 68, 72, 74, 95, 99); заголовок, 28, 44, 45, 47, 48, 60, 62, 64, 68, 70, 72, 74, 75, 77, 95, 96, 99; III (37), 8, 37, 41, 42, 55; заголовок, (95, 97, 195, 202), 93, 94, 96, 97, 114, 118, 122, 125, 127, 133, 140, 195, 196, 198, 202, 208, 211, 228
Городити, городитися I 61; II (86), 86; III (25), 25; (168, 171), 168, 171
Городьба, см. Огород
Господарь, см. Государь
Гость III кр. (7); — большой II (26), 26; III 7; (44), 44; — меньшой III 7; (46), 46; — середний III 7; (45), 45
Государство здешнее II (27), 27
Государь (царь) II (37, 43); заголовок 3, 7, 12, 25, 37, 43, 44, 53, 54, 67, 69, 71, 72, 75, 80, 81, 84, 96, 98; III заголовок 6, 7, 46—48, 51; заголовок, (205), 3, 8, 10, 17, 38, 39, 43, 72, 91, 93, 103, 105, 106, 113, 123, 126, 128, 129, 146, 198, 200, 211, 217, 218, 219
Государь, господарь (владелец наймита, холопа) I 18, 20, 38, 40—42, 61, 66; II (67, 83), 62, 65—67, 76—80, 83, 89; III 16, 52; 120, 121, 136, 137, 140, 142, 145, 148, 180, 226; — поженный I 61; II 86; — старый I 56; II 79, 80; III 50; 142—145, 222
Грабеж I 48; II (16, 25), 16, 25; III 15, 20, 27, 39
Грабитель III 110
Грабити II (25), 25; III (39), 39
Градосдавец, см. Здавец градцкой
Грамота (умети грамоте) II 62, 69; III 209, 220
Грамота III (121); — беглая I 20; II 63, 66, 78; III 117, 119, 142; — безсудная I 25, 27, 32, 36; II (42), 20, 21, 41, 42, 49; III (99), 32, 33, 90, 99; — безсудная правая III (89), 90; — вольная II 80; III 145; — вопчая II 64; — вотчинная II 64; — губная II 60; — докладная II (66, 79), 63, 66, 76, 78, 79; III (117), 117, 119, 138; — духовная I 60, 66; II (92), 76, 78, 92; III (34, 54), 34, 54; (190, 191), 137, 190, 191; — жаловальная II 64; III (118), 118; — какая ни буди III (90), 90; — купчая II 85; III 18; 159, 163; — льготная II (43), 43; III 91; — неответная III 35; — откупная II 35; — отписная срочная I 26; II (41), 41; — отпускная, отпустная I 17, 18, 20, 40—43; II (35, 40, 76, 77), 35, 40, 41, 77; III (50), 50; (139, 140, 222), 83, 139, 140, 222; — полетная I 53; II (43), 43, 90; III (31), 31; (183), 91, 181, 183; — полная I 66; II (76, 79), 63, 65, 66, 76, 78, 79, 88; III (117, 143), 117, 119, 137, 138, 145; — поместная II (43); — пошлинная II 65; — правая I 15, 17, 19, 20, 22, 23, 32, 40, 41; II (33, 35, 38, 40, 42, 65, 67), 2, 33, 35, 38, 40, 42, 43, 63, 65—67; III (81, 83, 86, 88), 2, 81, 83, 86, 88, 90, 117, 118, 120, 121; — приставная I 28, 31, 37, 44; II (44, 47, 48), 20, 44, 47, 48, 75; III (93, 96), 93, 96, 97; — срочная I 26, 27, 32, 36; II (21, 36, 41), 20, 21, 41, 49, 75; III (33, 99), 33, 89, 99; — тарханная II 43; III (91), 92; — уставная I 38, 44; II (43), 43, 62; III 91
Грань I 62; II (87), 87; III (26), 26; 172
Гривна I 30, 64; II 11, 46, 51, 62; III 7, 36; 16, 66, 95, 101, 193
Гумно III (24), 23, 24; (169), 169

Давати, см. Дати
Даватися (под правеж, под суд) II (78); III 185, 230
Дань II 100; III (56), 56; (231), 127, 129, 231
Дати, давати I, 2, 9, 14, 19, 20, 27, 31, 32, 34—36, 40, 41, 43, 47, 68; II (42, 47, 49, 63, 67, 70), 2, 7, 12, 13, 16, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 41—43, 47, 49, 50, 54—58, 61—63, 65—68, 70, 72, 75, 77—80, 82, 83, 85, 88—90, 99, 100; III (6, 31, 56), 3, 6—8, 10, 11, 14, 16, 31, 32, 34, 35, 37, 39, 49, 50, 55, 56; (30, 37, 79, 89—91, 96, 98—100, 111, 117, 121, 132, 139, 140, 147, 166, 183, 192, 202, 222, 229, 230), 2, 7, 8, 14, 17, 18, 20, 23, 24, 27, 29, 30, 33, 35—39, 52, 90—92, 94, 96, 98—100, 107, 109, 111, 115, 117, 119—122, 125, 127—129, 131, 132, 139—141, 145, 147, 148, 150, 152, 153, 166, 179, 181, 183, 185, 191, 192, 202, 221, 222, 228—231
Двор I 57; II 88; III (20), 20, 52, 53; (160),

160, 226; — городской II 91; — монастырский II 91; — пожилой I 57; II 88
Дворецкий II (1—3, 6—8, 32—35), заголовок, 1—3, 6—10, 32, 34, 35, 59, 62, 72; III заголовок, 1—3, 6—9, 12, 13, 80, 116
Дворский I 8, 38; II 59, 62, 69, 70
Девка, девица II (19, 91), 19; III 7; (30), 28, 30, 64
Дел (без делу) III 27, 54; (174, 175, 227), 174, 175, 227
Делати недели II (47), 47, 88
Делити I 8, 65; II 30, 74; III 54; (159, 227), 18, 77, 133, 159, 227
Делитися II 30; III (54), 54; (227), 227
Дело I 36; II заголовок, (4, 5, 15, 28, 49, 97, 98), 4, 5, 23, 25, 28, 29, 47, 49, 52, 57, 58, 67, 69, 72—74, 89, 97, 98, 100; III (2, 38), 2, 3, 5, 9, 12, 32, 38, 39, 41—44, 46, 48, 49, 55; заголовок, (5, 9, 39, 75, 76, 199), 5, 9, 10, 19, 21, 24, 27, 30, 39, 75—77, 89, 101, 103, 111, 185, 187, 199, 201, 204—206, 208, 212, 214—217, 221; по делу, не по делу II 7; III (111), 5, 7, 8, 111, 218; — боярское II 88; — всякое II (15), заголовок, 14, 15, 30, 47, 49, 97; III заголовок, (200), 26, 185, 199, 200, 220, 228; — вершеное II (97), 97; III (199), 199; — выше рубля или ниже I 3, 38; II, 8, 62; III 10; — заемное I 6, 38; II (11, 15), 11, 15, 62; III 15; 20; — земляное III 199; — какое ни буди I 31; II (15, 30), 47; III (204), 20, 24, 27, 77, 78, 98, 110, 187; — лихое I 8, 39; II (59, 60, 89), 59, 60, 89; III (180), 110, 113, 114, 180; — мировое II 11; III 16; — новое II (98), 98; III (201), 201; дела нет II 23, 85; III 35, 103, 163, 164; — обидное II 24; — правежное приказное II 75; — прежнее I 12, 14; II 57, 58, 97; III 109, 110; — разбойное II 75, 90; III (31, 47, 48), 31, 42, 46—48; (183, 218, 219), 183, 211, 217—219; — рублевое I 3; II 8; — судное II (4, 28, 29, 97), 62, 68, 69; III 133; — судьино III (15), 135; — суженое II (97), 97; — татиное III (47, 48), 47, 48; (218, 219), 218, 219
Дельная III 54; 227
День I 27; II (42), 41, 42, 49, 50, 69, 75, 95, 97; III заголовок, 90, 97, 99, 100, 112, 124, 134, 200; — Ильин II 88; — Семенов III 23; 168; — Юрьев, Егорьев осенний I 57; II 88; III 178
Деньга I 3—5, 8, 15—17, 22—26, 29, 38, 40, 44, 64; II 8, 10—12, 33—42, 45, 49—51, 62, 65, 77, 95; III 7, 8, 17, 52; 9, 10, 14, 15, 17, 32, 68—70, 81—90, 94, 97, 99, 100, 102, 118, 139, 157, 158, 178, 179, 195, 225
Деньги I 55; II (82, 90), 36, 78, 79, 82, 85, 90; III (12) 5, 7, 12; (147, 166), 52, 84, 130, 142, 143, 146, 147, 166, 167, 181, 182; — переемные III, 3; 24; — пошлинные III 10; — чужие II 85; III 166
Деревня I 61; II (86), 86; III (21, 23, 27—29, 52), 18, 21, 23, 25—29, 51, 52; (159, 161, 162, 165, 168, 172, 173, 176, 177, 225), 159, 161, 162, 165, 166, 168, 171—174, 176—179, 223, 225; — чужая III 28; 176
Держати I 20, 26, 43, 68; II (28, 82, 96, 147), заголовок, 13, 28, 41, 47, 52, 62, 66, 71, 82, 85; III 55; (147, 223), 10, 18, 75, 125, 147, 165, 166, 196, 228
Десятцкий II 72; III (58), 58; — деревенский III кр. 7
Дети I 66; II 76, 85; III (54), 36, 54; (137, 165, 193, 227), 136—138, 163—165, 193, 227; — боярские I 12, 38; II (26, 58, 62, 64, 65, 75, 81), 26, 58, 62, 64, 71, 78, 95, 100; III (10), 10; (41, 42, 110, 118), 41, 42, 110, 116, 118, 134, 141, 196; — детей боярских II (81), 81; — боярские служилые II 81; III (146), 146; — царя, великого князя I заголовок, 21, 22, 24; II (28, 37—40), 28; III 75, 85, 86
Детина мал I 52; II (19), 17, 19; III (28, 30), 28, 30
Дешевое III 11; 112
Деятися III 51; 223
Дитя вотчинник III 35; 192
Довод I 10, 12, 14; II 55, 57, 58; III (107), 107, 110; — прежний III 109
Доводити, довести I 8, 39; II (59, 60), 58—60, 78, 85, 96; III 9, 11, 42; (102, 113, 114), 102, 103, 112—114, 166, 198, 212
Доводчик I 38, 45; II 26, 48, 62, 69, 75; III 8; (49, 97, 98), 29, 48, 49, 94, 96—99, 124, 134; — волостной III (94), 94
Догадыватися III 112
Договорити II 15; III 45; 216
Дожити до сроку II (83), 83; III (16), 16; (148), 148
Дозрити кабалу III 23
Дойти III 5, 7; 26, 59, 61, 62
Доиск III 12; 130
Доискатися I 38; II 62, 90; III 31, 183
Доклад I 20, 24, 35, 41, 43, 66; II (34, 39, 67, 69, 71), 54, 63, 66, 67, 69, 71, 98, 100; III 32; (123, 126), 10, 106, 117, 119, 120, 121, 123, 126, 136, 140, 185; — боярский I 18, 42; II (36, 77), 36, 54, 66, 77; III (50), 50; 84, 139, 222; — великого князя, царя и детей его I 24; II 39, 77, 78; III (87), 201; — наместнич I 18, 42; II 77
Докучати II 7; III 8
Долг безкабальный III 34; 191
Доложити I 53; II 31, 100; III (77), 78
Дом I 59; II 91; III кр. 53
Доправити I 7, 8, 10, 38, 39, 68; II 12, 25, 32, 41, 53—55, 59, 60, 62, 71, 75, 83; III 5, 9, 10, 24, 51; (40), 8, 17, 21, 26, 29, 39, 40, 80, 90, 103, 105—107, 110, 111, 126, 134, 148, 223

Допрашивати III 39; (206), 206, 223
Дорога II (90); III (51), 51, 53; (223, 224), 223, 224; — государева III 51; 223; — проезжая III 51; 224
Дослужити урок I 54; II (83), 83
Досмотрити кабалы III кр. 3
Доспех I 7, 68; II 11—13, 62; III 15, 17, 18
Досталь I 11; II 25; III 3, 14; 24, 40, 132, 152
Досудитися до креста III 36; — до поля I 4, 38; II (9), 9, 62; III (49), 49; (221), 12, 30, 221
Досуживати I 63; II 84
Доход II 26; III 41, 49, 59; — волостной III 7; 61; — годовой III 7; 59, 62; — церковный III кр. 7
Дочь I 60; II 76, 92; III (35, 56), 34, 35, 54; (192), 190, 192, 227; — замужняя III кр. 35
Драти духовная III 191
Друг II 1; III 47, 48; 1, 159, 218, 219
Дружити I 1; II 1; III (1), 1, 47, 48; 218, 219
Дубина I 68; II 13; III 18
Душегубец I 43; II (71), 71; III 126
Душегубство I 7, 8, 38, 39; II (12, 59, 60), 12, 59, 60, 62; III (17, 113, 114), 17, 110, 113, 114
Дьяк I 1, 3—8, 15—19, 22—28, 33, 40, 42, 68; II (1—4, 6—8, 13, 26, 28, 33—44), заголовок, 1—4, 6—13, 15, 28, 29, 32—44, 47, 54, 55, 59, 65, 72, 75, 77, 78, 80, 90; III (2, 5, 7, 46), 2, 5, 15, 17, 44, 46; заголовок, (4, 10, 26, 61, 81, 82, 217); 2—4, 6, 9, 10, 12—18, 26, 75, 76, 80—91, 93, 105, 118, 127, 129, 135, 139, 141, 144, 157, 158, 181, 215, 217; — великого князя, царя I 55; II 90; III 105; — волостелин II 69; — дворцовый II 26; III 43; — земский II 62, 68, 69, 72, 95; III 7; (59), 59, 116, 122, 127; — кормленый II 47; — московских и новгородских бояр III 140; — наместничий II 62, 69; — палатный II 26; III 7; (43), 43; — палатный большой III 72; — церковный III 62, 186
Дьякон I 59; II (91), 91; III (32), 32, 41, 42; (184), 184, 185, 208, 212
Дьячество III 2; 4
Дьячок земский II 62, 65, 68, 72, 95; — церковный III кр. 7, 32
Дядя III 54; (227), 227

Ежегод II 72
Езд I 28—30, 36, 38, 44, 53; II (44, 46), 3, 28, 31, 44—46, 48, 49, 62, 75; III 42; (32, 93, 95), 3, 31—33, 78, 80, 93, 95, 97, 99, 134, 212
Ездити I 31; II (47), 47; III 41; (96), 96
Ездок II (21, 47, 48), 21, 47, 48; III 33, 96, 97
Ехати I 26, 45; II 24, 41, 75, 100; III 51; (157), 36, 134, 157, 223

Жалобник I 2; II (7, 61), 6—11, 33, 34, 100; III (7, 8, 11), 6—8, 11, 12, 14, 16, 81
Жалобница II (20, 22), 7, 20, 22, 28, 31, 72, 75; III 8, 31, 34, 36, 37, 129, 134
Жалованье II 24, 75; III 36; — денежное II 26; III (42), 42
Жданье III 100
Ждати II 100
Жена I 66; II 26, 76; III (36), 7, 36; (193), 41—60, 65, 66, 136, 193; — вёнчальная III 7; (69), 69
Женка I 49, 52; II (19), 17, 19; III (30), 28, 30
Жерди добрые III 23, 169
Жеребий II 20, 21, 23, 27; III 21, 32; 31—33, 161, 174, 185
Жив (доколе жив будет) III 26; 4, 38
Живот (жизнь) I 9; II 61, 85; III 115, 165;
Живот (имущество) II (72, 73), 72, 73, 90; III (12, 14), 12, 14, 54; (127, 129, 132, 165, 227), 113, 114, 127—129, 132, 181, 227; —вдовий и нищий III 7; 64; — чюжой II (73), 73
Жилец городской II 26; — дальний III 28; 176; — новый, новоприхожий III (18), 18 (159), 159; — старый III 28; 176
Жити I 31, 59, 66; II 24, 47, 50, 72, 76, 82, 88, 89, 91; III 17; (33, 179, 188, 189), 33, 36, 96, 137, 146, 151, 166, 179, 180, 188, 189; живет дорога III 51; 224

Завесь на зернь III кр. 7
Заворы III 51; 224
Заговор II 47; III 40; (207, 218), 207, 218, 219; — великий III 39, 47; (218), 205, 218; — семьяный III кр. 48
Заговорщик II (47), 47
Задати жалобницы, челобитные II 31; III 79
Заем I 48, 53, 55; II (16), 16, 31, 82, 85
Зажигальщик I 9; II (61), 61; III 7; (71), 71, 115; —лихой III 71
Зажигание III 110
Заимщик III 5; 26
Заказнити III 115
Заклад II 85; III (22), 22; 166
Закладывати, заложити II 85; III 22; 165, 166
Замуж дати III 35; 192
Заняти II (82), 36, 82
За очи (не писати) III 208
Запахати (молодн) III 27; 174
Запашь III кр. 27
Запечатати, см. Печатати
Запиратися II 95; III 197
Записати, записывати II (4, 5, 29), 4, 5, 28, 29, 47, 95; III 17; (5), 75, 76, 158
Записка II (29), 8, 29, 62; III (76, 99, 124), 76
Запись II 75, 89; III 99, 124, 180; — поручная II 69; III 10, 97
Заплатити I 8, 10, 11, 13, 39, 48; II 55, 56, 59—61, 83; III 103, 107, 108, 113—115

Заповедати I 67
Запятнати II 95
Застати (дань застанет) III (56), 56; (231), 231
Захотети, см. Хотети
Згорети, изгорети I 55; II 90; III 181
Здавец градцкой, градосдавец II (61), 61; III (115), 115
Земля (государство) I 67; II (80), заголовок, 80; III (55), 37, 55; заголовок, (202), 122, 145, 196, 202, 204, 228
Земля I 60, 63, 64; II (82), 84, 85, 88, 92, 97; III (17), 17—21, 34, 51; (149, 151—153, 157, 196, 228), 149—154, 157, 159, 167, 172, 190, 217, 223, 224, 228; — великого князя, царева I 62, 63; II 84, 87; III (156), 156; — всякая III 159; — дворовая III 21; — любая III 19; 159; — орамая I 61; II 86; III (25); 171; — подворная III (19), 19; 159, 162; — поместная II (84), 84; — за приставом в суде I 63; II 84; — садовая III 19; 159; — чужая I 47
Зернь III кр. 7
Зерщик III кр. 7
Зло III 170
Знати I 46; III 46; 4, 151, 217
Знахарь II 79
Зорати межу II (87); III (26), 26; (172), 172
Зрети (зря по человеку) III 73; — по земле III 152; — по речам III 214

Игумен III (42), 7, 41, 42; (63), 63, 208, 211, 212
Идти I 53, 55; II (31, 90), 31, 90; III (181), 10, 77, 78, 181
Изба III кр. 53
Извет III 225
Изгонити III кр. 53
Изгорети II 90
Изгорода, см. Огород
Изломити III 51; 223
Излюбити III кр. 20, 32
Изобидети II 24; III 36
Изодоати III кр. 34
Изъести III кр. 53
Изымати I 34; II 47, 53; III 11, 31; 104, 112
Имати I 1, 3, 5, 8, 10, 15—17, 21—26, 28, 29, 31, 33, 34, 36, 38—40, 44, 62, 64, 65; II (8, 32—44, 47, 51, 53, 65, 78), 1, 8—11, 15, 17, 26, 30—42, 44, 45, 47, 49—51, 53, 55, 59, 60, 62, 65, 68, 74, 77, 78, 80, 85, 87, 88, 94, 95; III (1, 8, 56), 1, 8, 17—19, 35, 36, 56; (9, 12, 13, 15, 16, 32, 42, 81, 83—88, 93, 101, 104), 1, 9, 10, 12—14, 16, 32, 42, 74, 77, 79—81, 83—90, 92—94, 96, 99, 101, 104, 107, 113, 114, 118, 122, 133, 139, 141, 142, 157—159, 181, 193, 195, 231
Имена, имя III 48; 220
Иногородцы II (24), 24; III (36, 37), 36, 37
Иск I 28; II (23), 22, 28, 41, 44, 47, 49, 58, 62, 70, 72, 90, 95; III 5, 14, 31; 4, 21, 26, 34, 93, 101,110, 183; — исцов II 3, 18, 52—55, 69, 71, 75; III 2, 5, 11, 13, 42; 3, 4, 17, 21, 26, 29, 105—108, 110, 112, 113, 123, 126, 131, 134, 196, 212
Искати I 48, 58; II (22), 22, 30, 68, 72, 100; III 12, 32; (31, 34, 74, 77, 100, 112, 129, 132, 185), 34, 74, 77, 100, 128—130, 132, 185
Искуп II, 55, 90; III 12; 107, 115, 130, 182
Искупити II 55
Исправа II 69; III 97
Истари III 223
Истепет (лошадь) III 51; 223
Истерятн II (90)
Истец I 8, 11, 19, 36, 37, 48, 51, 52, 55, 58, 62, 67, 68; II (23, 29, 49), 2, 3, 13, 14, 19, 22, 23, 27, 29, 31, 41, 47—49, 55, 56, 59, 60, 61, 66, 72, 87, 90, 100; III (4, 12, 13, 43, 45, 49), 2—4, 9, 10, 12—14, 17, 26, 29, 43, 45, 49; (22, 76, 78, 107, 128, 152, 154, 202, 214, 221), 2—4, 9, 10, 18, 20—22, 24—26, 34, 35, 74, 76—79, 89, 97, 98, 99, 103, 107, 108, 110, 113, 115, 120, 128—132, 151—154, 155, 157, 172, 181, 182, 202, 205, 206, 210, 216, 221. См. также Ищея
Истина II 90; — исцева I 55
Истонути I 55; II 90; III 181
Исцево I 6—8, 10, 11, 13, 38, 39, 50, 68; II 12, 15, 18, 52, 55, 56, 59, 60—62; III 103, 107, 113, 114
Ищея I 3, 26, 36, 38, 67, 68; II (19, 30); 8, 13, 15, 25, 30, 41, 49, 58, 62, 69, 75, 84, 99; III (39—41, 44), 37, 39—42, 44, 45; (20, 77, 124, 212, 215), 20—22, 39, 77, 123, 124, 153, 157, 202, 205—208 210, 211, 214—216. См. также Истец

Кабала II (15, 82), 15, 36, 82, 97; III (3, 5), 3, 5, 23; (23, 26, 84), 20, 23, 26, 84, 141, 142, 147; — новая III 143; — полная III 136, 137, 143; — ростовая, в рост II (36, 82); — за рост служити II (78), 78; — старая 78; III 141, 143
Казак III (147), 147; — вольный III, 7; 72; — ратный (72)
Казна государева II 72; III 9; 103, 105
Казначей II (1—3, 6—8, 33—35), заголовок, 1—3, 6—10, 32, 34, 35, 72; III заголовок, 1, 8, 12, 13, 82, 83
Казнити I 8—11, 13, 39, 43; II (71), 5, 6, 8—11, 28, 32—34, 47, 53—57, 59—61, 71, 99; III 42; (126), 103, 107—109, 126, 207, 211; — до смерти III 108
Калики III 7; (67), 67
Каменщик III (11), 7, 11; (72), 72
Кинути, вкинути в тюрьму II 4, 6—12, 33, 34, 42, 44—47, 52—56, 58, 67, 71; III 6, 8, 11, 12, 16—18, 93, 103, 105, 107, 108, 111, 121, 126

Класти под крест III 12; (36), 36, 130
Клепати I 34; III 129
Кликати II 99. См. также Прокликати
Кликуны калики III кр. 7
Кликуны московские III (68), 68
Кличь III (202), 202
Ключ городской I 66; II 76; — сельский I 66; II 76
Книги II заголовок, 26, 47, 94, 95; III 41, 42; — разметные II 72; III (128), 127, 128
Кнут, кнутье I 10, 62; II 5, 6, 28, 55, 58, 87, 99; III 2, 9, 11, 24, 26, 37, 42; 4—6, 11, 12, 14, 16, 80, 81, 102, 103, 105—107, 112, 113, 170, 172, 203, 212, 213
Князь II 100; III заголовок; заголовок 141, 208; — великий I заголовок, 2, 8, 12, 13, 21, 22, 24, 34, 43, 45, 55, 62, 63, 68; II 69, 75, 90; III 38; 126, 204; — удельный II 100; III 38, 204
Ковати, сковати II 70; III 125
Кол III кр. 23
Колодина добрая, хлудина, гледина III 23; 169
Коневодец II (61)
Кончати дело I 36; II 49, 67
Кончатися II 28, 29, 67; III 75
Конь III (32); — непродажный, доморощенный III (198), 198
Копейка III 15
Копна мерная, пожилая III 30; (179), 179
Кормити III кр. 53
Кормление I 41; II (62, 65—68); заголовок, 26, 47, 67, 68, 71, 84; III 41, 116, 122; — без боярского суда I 20, 43; II (66), 66, 68; — с судом боярским I 18, 38, 40, 42, 43; II (62), 62, 65, 68
Корова III 52; 225
Коромольник I 9; II (61), 61; III (115), 115
Красти, покрасти I 12, 13; II 58, 78, 82; III 110, 147, 226
Крепити собаку III кр. 53
Крепость II 76, 78; III 136, 142; — прежняя III 142; — старая II 80; III 144
Крест I 48, 58; II 16, 19, 27; III (12) 1, 12; (36, 74, 130), 1, 21, 27, 36, 40, 74, 130, 153
Крестное целование, см. Целование крестное
Крестьянин I 36, 57, 62; II (58, 88, 89), 26, 49, 58, 72, 87—89; III (7, 46), 3, 26, 33, 41, 46; (50, 73, 99, 150, 173, 178, 208, 217), 23, 73, 99, 150, 173, 178, 180, 188, 208, 217; — волостной III 37; — деревенский III кр. 7; — добрый I 12; II 58; III (10), 7, 10; (110), 52, 110; — лучший III 42; 212; — непашенный II 26; — пашенный II 26; III 59; — черный III 111, 129
Крылошане III 32; (186, 187), 186, 187
Кумовство III 10; 111
Купец I 55; II (90), 85, 90, 95; III (181), 163, 164, 166, 181, 195, 197
Купити I 46, 47; II (93—95), 85, 93—95; III (194, 195, 197), 163, 194—197
Купля II 85, 90
Купчая, см. Грамота купчая
Курица, куря III 52; 225
Кус III 7; (67), 67

Лавка II 93; III 194
Лай I 53; II (31), 31, 62
Лгати, солгати, лживити, оболживити, полживити I 64, 67; II (6), 6, 8—11, 33, 34, 42, 51, 69, 78; III (10, 42), 5, 10, 17, 39, 42, 46; (6, 11, 102, 123, 151, 205, 211), 6, 11, 12, 14, 16, 26, 81, 102, 111, 123, 151, 205, 211, 212, 217
Лезти на поле I 48; II 16; III кр. 18
Лес I 57; II 88; III (27), 25, 27, 51; 171, 174, 178, 224; — вопчей III 29, 175, 177; — поперечной III 51; 224; — хоромный II 88; — черной III 27; (175), 175
Лето (год) I заголовок, 63; II заголовок, 84, 85; III заголовок 3, 23, 36; (23, 164), заголовок, 23, 37, 156, 164, 165, 181; лета урочные II 85; III 165
Лечити рана III кр. 53
Лживити, см. Лгати
Лживый II 99; III 42; 211
Лихо II 57; III 24; 109, 170
Лицо (в лицех) II 89; III 17, 180, 208
Лишек II 8—11, 33, 34, 42, 85; III 10—12, 14, 16, 81, 90, 166
Лишити I 54; II 48, 82, 83, 88; III 97, 147, 148
Ложь III 37, 42, 47; (102), 102, 203, 212
Локоть III 30; 179
Лошадь I 46; II (94—96), 94—96; III 51, 52; (195—197), 32, 195—197, 225; — доморощенная и непродажная II (96), 96; III (198), 198; — купленая II 95; III 196; — меновная II 95; — непятненая II 95
Лучитца межа III 29; 177
Люб III 185
Любовь III 20; 160
Люди I 2; II (20, 22—24, 72, 82), 20—24, 70, 72, 82; III (7, 24, 33), 10, 24, 33, 34, 40—43, 46, 52; (188, 213), 34—36, 96, 125, 134, 141, 146, 166, 168, 170, 188, 207, 212—214, 218; — волостные II (23), 23; III 32; (215), 35, 36, 187; — вольные II (78), 78; III (141, 142), 141, 142; — все, всякие II (78), 78; III 37; 141, 208; — городские II (23, 26), 23, 72; III 35; — деловые II 100; — добрые I, 46, 47; II, 58; III 15, 32; 129, 135, 157, 185, 225; — добрые лучшие III 141, 208; — добрые нелживые III 10; 111; — докладные II 78; — иногородцы II (24), 24; — иные III 22; 34, 166; — кабальные III (119), 119; — лживые III 42; 211; — лихие II (58, 71); III 71, 115; — лихие ведомые III 7; 71; — лучшие I 38; II 62, 72; III 41; 116; — многие III (41), 39, 41, 42; (208), 205, 208, 212; — намест-

ников и волостелей I 38; II (22, 23, 70, 75), 22—24, 62, 70, 72, 75; III 35, 37, 125, 134; — недельщиков I 31; II (47), 47; — новые II 78; — обыскные III 41; 208—210; — опричные I 34, 68; II 13, 53; III 17; 18, 155; — полные II 78; III 142; — посадские II (72), 26, 72; — посадские городские II 72; III (127), 127; — посадские лучшие III, 41; 208; — посадские середние II 26, 91; — посадские торговые середние III (47), 47; — приказные II заголовок (71), 75, 84; III (46), 46; 217; — простые III 141; — середние II 26, 58; — ратные III 7; 72; — служилые II 41; — сторонние II 85; III 166; — торговые II 26, 91; III (189); 189; — торговые городские II 91; — третьи III 196; — черные II 58, 72; III 10; (129); — чистые III (104), 104

Мал, см. Детина мал
Матица III 123
Мать II 76; III 54; (138), 137, 138, 227
Межа I 62; II (87), 87; III (26, 29), 17, 26, 29; (172, 173, 177), 151, 168, 172, 173, 177
Меняти II (95), 95; III (195), 195, 196
Мера II 85; III 166
Мерити III кр. 29
Место II 41, 88; III (20), 20, 21; 135, 162, 177, 224; в свое место I 31, 36, 45; II 24, 47, 49, 75; III 99; — любое III (20), 20, 21; 160, 162; — новое III (160), 160
Месяц I заголовок; II заголовок
Метатися на дешевое III 112
Мэда III 16; 148
Милость III 48; 219
Милостыня II 91
Миновати III 191
Мир III (39), 5, 7, 10, 39, 56; (205), 26, 111, 129, 205, 231
Миритися III 52; 226
Миропродавец III 10; 111
Митрополит новгородский III заголовок
Молвити, взмолвити I 12—14; II (57, 58), 15, 57, 58; III (10), 10, 17, 31, 39, 41; (22, 109, 110, 154), 20, 109—111, 123, 153, 154, 166, 205, 210
Молоди III 27; (174), 174, 175
Молотити II 88
Монастырь I 62, 63; II 84, 87, 91; III (149, 156, 189), 149, 156, 189
Москвитин II 100; III (38), 38; (204), 204
Мост III (223), 223, 224; — добрый III 51; 223
Мостити III 224
Мочно, мочь II (19), 7; III 43, 44, 49; (221), 30, 147, 152, 214, 215, 221
Мошенник II (58), 58; III (11), 11; (112), 112
Мстити судом I 1; III 1, 47, 48; 1, 218, 219
Муж судный II 69; III (26), 123
Муж III кр. (36), 36

Наволок III 18; 159
Надобеть II 29; III 76, 166
Наезд (пахати наездом) III (21), 21; (161), 161
Наем I 54; II 83; III 16; 148; — с мирской поряды III кр. 7
Назвати II 52, 56; III 7; 52, 103, 108
Назем III 18; 159
Наймит I 49, 52, 54; II (17, 19, 83), 17, 19, 83; III (16), 16; (148), 28, 148
Наказ государев III 48; 219
Накинути срочную II (21), 21; III (33), 33
Наместник I 18, 20, 37—39, 43, 45, 65; II (22, 24, 48, 62—66, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 95), заголовок, 22, 24, 48, 60, 62—64, 66—72, 74, 75, 77, 91, 95, 96; III заголовок, (34, 37, 118, 120, 134, 198), 34, 36, 37, 97, 114, 117—120, 122, 123, 125—128, 133, 134, 139, 198; — московский II 100; — новгородский, псковский, II 77
Наметывати срочные II 75
Нанятн наймита I 49, 52; II 17, 19; — лошадь III 32
Написати I 15—18, 22—24, 40, 42; II (20, 33, 34, 38, 39, 98), 20, 33, 35, 36, 38—41, 44, 47, 60, 65, 77, 85, 94, 98; III 31, 36, 83, 84, 86—88, 139, 152, 191
Напрасньство I 55; II 90; III 182
Напустити III (24), 24; 170
Наряд (нарядом говорить) III 10; 111
Нарядити список II (4), 4; III (2), 2; (4), 4
Нарядчик III 113
Наставитися двором или хороминою III 20, 21; (162), 160, 162
Начисто II 28
Небоец II 14; III (19), 19
Недельщик I 4—7, 26, 28, 29, 31, 33—37; II (32, 44, 45, 47—49, 53, 54); 8—12, 18, 32, 41, 44, 45, 47—49, 53, 54, 59, 69, 75; III (8), 8, 48; (80, 94, 96—98, 105, 106), 12, 14—17, 80, 89, 93, 94, 96—98, 104—106, 134, 220
Неделя I 57; II (47), 32, 41, 44, 47, 88; III 34; 178, 191
Недобр III 147
Недруг II 1; III 1, 47, 48; 1, 218, 219
Незгода III 24; 170
Немощен I 52; II 19; III 28
Неоплошно III кр. 52
Неответная, см. Грамота неответная
Немочно II 7; III 3, 43; 8, 24, 30, 214, 221
Непригоже I 2
Нива III кр. (24)
Нищий II 91; III 7; 64, 189; — московский и городецкой III 7; 68
Ново (купит на торгу) I 46
Новгородцы II (24)
Нога III 51; 223
Норовити, сноровити I 34; II 53; III 55; (105), 104, 105, 229
Носящий II 93

Обвинити I 19; II (2, 3), 2, 3, 25, 69, 72, 75, 100; III 13; 21, 131
Обговор II 28; III 75
Обида II (24), 24, 47; III (36), 36, 37, 150
Оболживити II 51, 78. См. также Лгати
Образец II 95
Оброк III 179
Обыск I 14, 34; II 52, 56, 57, 72; III (39—41), 10, 39—43, 46—48; (205, 207, 210—215, 220), 103, 109, 129, 205—208, 210, 212—214, 217, 218, 220, 223; — лживый III 39; 205; — мирской III (205, 207); — старый III 110
Обыскивати, обыскати I 55, 67; II (72), 8—11, 33, 34, 52, 56, 57, 72, 73, 78, 90, 99; III 9, 40, 41, 43, 48; (109, 207), 37, 103, 108, 109, 127, 142, 205, 207, 208, 211, 212, 214, 218; — в другие II 72; III 39; 205; — в правду II 2—4, 6; III 218; — опосля I 67; II 99; — ложно III 48; — с лица на лицо III 41; (208), 208
Обычай II 73; III 34; 191
Овца III 52; 225
Огород, огорода, городьба, изгорода I 61; II (86), 86; III (24, 25), 23—25; (168—170), 161, 168—171; — межиый III (23), 23; 168
Ограбити, см. Грабити
Одноличио II 1
Ожити III 34; 191
Окно III кр. 53
Окольничий I заголовок, 1, 4—7, 33, 68; II (1—3, 6, 8, 13, 33, 35), заголовок 1—3, 6, 9—13, 32; III заголовок, (13, 18), 1, 2, 12, 14—18, 80
Оман (обман) III кр. 11
Оманщик (обманщик) II (58), 58; III (11), 11; (112), 112
Оманывати, омануги (обманути) III 11; 112
Опала II 7; III 46, 48; 8, 217; — великая III 8
Опослушествовати II (16); 16, 99; III 37; (27), 27, 203
Оправити III 13; (210), 131, 210
Опросити правды III 216
Опытати I 14; II 78
Орати I 62; II 87; III (26), 26; (172), 172
Осек III 23, 24, 29; (169, 170, 177), 169, 170, 177
Осень III 51; (224), 224
Ослоп I 68; II 13
Оставатися, остатися I 8, 39; II 59—61, 88; III 35, 36, 54; (193, 227), 114, 115, 179, 192, 193, 227
Оставити, оставливати II 28, 88; III 27; 75, 167, 206
Осудити III 24, 56; 168, 170, 225, 231
Отбежати от поля III (16), 16
Отбиваться, отбитися III (4), 4; (25), 25
Отбой III 4; (25), 25
Ответ I 36, 45; II 24, 75; III 35, 36, 134
Ответчик I 3, 26, 36, 48, 49, 52, 67, 68; II (19, 25, 49), 8, 13, 15—17, 19, 25, 29, 30, 41, 48—50, 62, 69, 72, 99; III (4, 12, 13, 39—41, 43—45, 49), 2—4, 12—14, 17, 37, 39—45, 49; (22, 28, 39, 124, 130, 154, 202, 212, 214, 215, 221), 4, 9, 18, 20—22, 24, 25, 27, 28, 36, 39, 74, 77, 98, 99, 123, 124, 129—132, 151—154, 202, 205—208, 210, 212, 214—216, 221
Отвечати I 45; II (22), 20, 22, 23, 30, 68, 75, 100; III (15), 12, 15, 32; (31, 34, 35), 31, 34—36, 77, 97, 134, 135
Отвод III 39; 206
Отводы (в изгороди) III 51; 224
Отворити III 24; (170), 170
Отдати, отдавати I 19; II 2, 55, 58—61, 72, 75, 85; III 20, 34, 52; (107), 2, 8, 99, 107, 110, 115, 160, 191, 225
Отец II 76; III кр. 54; заголовок, (138), 137, 138, 227; — духовный III заголовок, 41, 48; заголовок, 209, 220
Отказ II 7; III 8; — крестьянский I 57; II (88)
Отказчик II 89
Отказывати, отказыватися I 57; II (88), 7, 88; III (178), 8, 178
Отпиратися II 47
Отписати, отписывати I 26, 27, 36; II (41), 41, 49; III 47, 48; (99, 165), 89, 99, 218, 219
Отписная срочная, см. Грамота срочная отписная
Отпись, отписка I 26; II (36), 36, 41, 75 77; III (84), 84, 110
Отпись кабальная II (36), 36
Отпускная, см. Грамота отпускная
Отпустити I 34, 43; II (71), 53, 71; III 105, 126
Отрод III 35, 192
Отсрочная II (36)
Отставити, отставливати II 81; III 2, 17, 39, 49; (155), 4, 30, 111, 146, 155, 221
Отступитися земли III 153
Отсылати, отослати I 2, 68; II 7, 13, 29; III 16, 42; (7), 7, 8, 18, 76, 127, 148, 185, 212
Отцеловатися I 58; II 27; III 74
Отчина I 39; II 46
Оценити III кр. 52
Очи (за очи не писати) III 208
Очистити землю III 21; 162

Пакость III 169
Патриарх московский III заголовок; заголовок
Пахати, пахивати III 17, 27; (171, 174, 175), 151, 174, 175; — наездом III (21), 21; (161), 161
Пашня I 61; II (86), 88; III 171; — отхожая III (25), 25; (171), 171

Пеня I 19; II 2, 3, 25, 44, 53, 69, 71, 72, 96; III 2, 39, 123, 126, 128, 129, 198
Перевоз III 51; (223), 223
Перекосити межу I 62; II (87), 87; III 26; (173), 173
Перемежье II (87)
Переорати межу I 62; II (87), 87; III 26; 173
Переписати II 28; III 4, 141
Пересуд I 64; II (51), 3, 51; III 13; (101), 3, 101, 102, 131
Пересудчик I 64; II (51), 51
Пересуживати II 97
Перст III кр. 30
Петух III 52; 225
Печалование I 1
Печатати, запечатати I 24; II 34; III (82), 82, 220
Печатник I 23, 25, 28; II (39, 42—44), 40, 43, 44; III 88, 91; — великого князя, царя I 22, 24; II (38—40, 44), 38—40, 42, 44; III (86), 86, 87, 90, 93; — детей великого князя, царя I 22, 24; II (38, 39), 38—40; III (86), 86
Печать I 15—17, 22, 24, 28, 40; II (33—35, 38, 40, 42—44), 33—36, 38—40, 42—44, 62, 65, 72, 77, 78; III 48; (83, 87), 81—84, 87, 88, 90, 93, 118, 139, 141, 220; — великого князя, царя I 55; II 90; — волостелина II 69; — дьячья II 28, 41; III 75; — красная II 43; III (90), 91, 181; — наместнича II 62, 69
Пеш поди III (32), 32
Писати, писатися I 28; II 21, 44, 47, 62, 68, 76, 95, 100; III 3—5, 34, 41, 48; (25, 33, 152, 191, 201, 209), 10, 23, 25, 26, 32, 33, 122, 127, 128, 137, 138, 141, 152, 191, 201, 208, 209, 220
Писец II 100
Писчее III 7, (10), 10
Письмо I 26, 40; II (35, 40, 42), 41, 65; III 123
Питатися от церкви I 59; II (91), 91; II (32), 32; (188), 184, 189; — собой, о себе III (33), 33, 188
Платити, платитися I 26, 55, 57, 61; II 41, 50, 52, 58, 86, 88, 90, 96; III 89, 114, 178, 179, 181, 198
Плачивати тагьбу I 12; II 58; III 110
Плашники III кр. (28)
Племя II 70; III 10; (155), 111, 155
Племянник I 31; II 85; III 163
Площадная (?) I 29
Побежати II 78, 80; III (145), 145
Побити на поле III (15), 27
Побитися на поле I 6, 7, 38; II (11, 12), 11, 12, 16, 62; III (17), 15, 17
Повезти II 100
Поверити исцу III 14; 110
Поверстное III (94), 94
Повинити III 17, 39, 49; (27), 3, 6, 22, 27, 39, 115, 124, 129, 134, 152, 154, 204, 206, 221. См. также Винити
Повинитися III 3; (24, 40), 24, 40
Повисити III 108
Повоз II 88
Повоский, см. Человек повоский
Повытие III 5; 26
Повытно III 5, 18; 26, 159, 227
Поголовное III 56; 231
Погонная (грамота) III 55; (229), 229
Поговорити II 76
Погост III кр. (33), 33, 37
Погубити товар I 55; II 90
Подавати II 54, 60
Подать II 72, 88; III 179
Подвоїский I 64; II 51
Подворник III 178
Подворное III (178), 178
Подворье II 28, 91
Подметчик I 9; II (61), 61; III 115
Подорати III 173
Подписати, подписывати I 16, 28; II (4, 34, 36), 2, 34, 39, 41, 43, 44, 69, 77, 78, 80; III 34; 2, 4, 8, 82, 93, 123, 124, 139, 141, 144
Подписка II (59), 59; — кабальная или ручная III (113), 113
Подписщик II (61); III 113
Подпись, подписка I 15—18, 22—26, 28, 42; II (33—42, 44), 33, 35, 36, 38—44, 77; III 81, 83, 84, 88, 89, 91, 93, 140
Подымщик I 9
Подъячий I 15—17, 22—27; II (5, 6, 8, 33—42), 5, 6, 8—12, 28, 33—42, 77; III (5), 3, 5, 12, 14, 15, 81—90, 139
Поехати I 26, 36, 45; II 41, 75, 100
Пожаловати II 80; III 6, 52, 53; 38, 145, 225, 226
Пожати, сжати II 88; III 179
Пожег I 7, 38; II (12), 12, 62; III (17), 17
Пожелезное II 3; III 3
Пожилое II 88; III 178, 179
Пожилой двор, см. Двор пожилой
Пожити I 57; II 88. См. также Жити
Пожня I 61; II 86; III 152, 159; — отхожая I 61; II (86), 86; III (25), 25; (171), 171
Позвати II 29
Позем III 129
Поидти I 50, 54, 57, 68; II 13, 83, 88, 89; III 16; 18, 35, 148, 179, 180
Позвати к собе II 29
Поимати I 10, 11, 53; II (31, 55, 56), 31, 43, 55, 56, 90; III (107, 108), 107, 108; 183
Поиматися I 46, 47; II 95; III 196, 197
Поить III кр. 53
Показати II (21), 21; III (33), 33, 97
Поклонное II 47; III 94, 96
Покрадчи II 78, 82; III 147
Покрасти, см. Красти
Поле I 57; II (62), 88; III (18, 24), 23—25; (169, 170), 169, 170
Поле (судебный поединок) I 4—7, 38, 48, 52, 64, 68; II (9—13, 19, 89), 9—16, 51,

62, 89; III (49), 39—40, 49; (12, 13, 15—19, 21, 180, 221), 12, 13, 15—22, 27, 30, 180, 206, 207, 210, 221
Полевые пошлины, см. Пошлина
Полетная, см. Грамота полетная
Полетное III 36; 193
Полживити, см. Лгати
Поличнити III 9; 103
Поличное I 13; II (52), 49, 52; III (9), 9; (103), 103
Половина I 26, 61, 65; II 4, 30, 41, 74, 86; III 17, 25, 42; (211), 4, 9, 10, 77, 89, 131, 133, 154, 157, 168, 171, 211, 212
Половина лукавая III кр. 42
Положити I 18, 42; II (36, 79), 69, 77—79; III 52; (143), 124, 140, 143, 225; — у креста, под крестом I 48, 58; II 27; III (12), 12; (74), 74, 130, 153
Полон I 56; II 80; III 144
Полонити I 56; II (80), 80; III (144), 144, 145
Полоса земли III 18; 159
Полтина I 6, 7, 30, 57; II 11, 12, 46, 88; III 17; 15, 17, 54, 58, 95
Полуполтина II 62
Польщик II (14), 13; III 18
Полюбити III 17, 20; 155, 160, 187
Полюбовно II 85
Помереть III кр. 35
Поместник, см. Помещик
Поместье II 26
Помещик, поместник I 63; II 84
Поминки I 29; II 32, 45; III 1; 94
Помиритися I 4, 5, 38, 53; II (9, 10), 9, 10, 31, 62; III (12, 13, 78, 79), 12, 13, 78, 79
Пономарь III 7, 32; (61), 62, 186
Попоровити II 53
Попошеное II (93), 93; III (194), 194
Поорати межу II 87
Поотнимати грамоты II 43
Поп I 49, 52, 59; II (91), 17, 19, 88, 91; III (32), 7, 32, 34, 41, 42; (28, 62, 184, 185, 191), 28, 61, 184, 185, 187, 191, 208, 212; — десятый III 32; 185
Попадья III 7; 61
Поперетися III 5; 26
Попросити II 15. См. также Просити
Попытати II 12, 89; III 42; 10, 17, 143, 180, 212
Пор (пар?) III 171
Породитися II 76
Порознитися, порознити II 15, 69; III (5), 5; (153), 20, 26, 153
Порука I 14, 29, 31, 33, 35, 36, 68; II (47, 49, 70), 12, 24, 45, 47, 49, 54, 55, 57, 70, 72, 89, 93; III 2, 8, 10, 52; (96, 98—100, 125), 4, 6, 14, 16, 17, 81, 94, 96, 98, 100, 106, 108, 111, 125, 128, 129, 194; — крепкая II 55, 56, 58; III 10; 107—109, 111, 131, 226; — рядовая II 93; III 194; — с записью II 89; III (99), 99, 180; — чистая III 13; 102, 111, 131
Поручник I 68; II 13; III (18), 18
Поряда мирская III кр. 7
Посад III 208
Посельский I 62; II 87
Послание (на послухов) II (5, 15, 53)
Послати, посылати I 2, 26, 31, 32, 34, 45; II (47, 50, 75), 20, 41, 47, 50, 52, 53, 56, 57, 72, 75, 84, 100; III (40), 40, 42, 48; (174, 207), 31, 35, 36, 78, 96, 100, 103, 104, 108, 123, 129, 134, 205, 207, 208, 212, 220
Послатися I 62; II 15, 28, 69; III 123, 214, 215. См. также Слатися
Послух I 48—52, 67; II (15—18), 15—18, 85, 99; III (5), 17, 37; (20, 22, 27—29, 203, 206), 20, 21, 26—29, 158, 163, 197, 203; — виноватый II 99; — ищеин III (20), 20—22; — лживый III 37; (202), 203; — ответчиков III 20, 22
Послущество I 48, 52, 67; II (99), 28; III (37), 39; (206), 206; — лживое III 206
Послушествовати, послуховати I 48, 67; II 15, 99; III 10, 37; (203), 203
Посмотря по делу II 72; — по животам II 90; — по человеку I 62; II 25, 26, 70
Поставити послуха, истцов I 37, 68; II 12, 47, 48, 84, 95; III (49), 49; (151, 221), 97, 98, 150, 151, 221
Поставити двор, хоромину III кр. 20
Постригатися II 76; III 138
Посуживати II 97; III 199
Посул I 1, 33, 34, 38, 67; II (3—5, 32, 99), 1, 3—5, 32, 53, 62, 68, 99; III (1, 37), 1, 2, 37; (3, 4, 202), 1, 3—5, 80, 104, 105, 122, 202
Потеряти II 90; III (182), 182
Потрава, протрава II 86; III 23—25; (168), 168—171
Поход служебный II 95; III (197), 197
Похотети, см. Хотети
Поцеловати крест I 58; II 27; III 27; 74, 153
Починивати мосты III 51; 223
Пошлина I 5, 48, 50, 65, 68; II (8, 33, 37, 38, 40, 42, 44, 65, 66), 3, 8, 10, 15, 18, 28, 30, 31, 33, 37, 42, 49, 50, 52, 72, 74, 77, 80, 88, 94; III 17; (9, 11, 12, 15—17, 81, 85), 2, 3, 9, 11, 12, 15—17, 27, 29, 74, 77—79, 81, 82, 85, 90, 128, 129, 133, 157, 195; пошлины двои II 74; III 133; — избная, избойная II 11; III 16; — недельщикова III 134; пошлины одни II 33, 74; III 74, 133; — отпускная III 139; — полевая I, 4, 5, 48, 68; II 9, 10, 16, 62; III (13), 12, 14; — пожеиная, пожилая II (88); — полевая убитая II 16; — судная II 16; — четвертная II 62
Пошлинник I 38; II 62, 95
Правда I 47, 67; II (45), 2—4, 6, 25, 99; III 1, 5, 8, 17, 37, 42, 44—48; (94, 158, 215), 1—3, 26, 39, 94, 123, 158, 203,

211, 215—218; — (пошлина) I 38; II 3, 62; III 3; на правду I 29, 44, 64; II 45, 51, 62, 69; III 94, 123, 158, 215, 216
Правдати III 37; 203
Правеж II 55; III 32; 107, 185
Праведчик I 50; II 18, 26
Правити, справити III 3, 11, 25, 41; 23, 24, 97, 99, 100, 112, 210; — без суда III 171
Право I 46, 47
Правый I 32, 46, 47, 49; II 17, 50, 67; III 42; 28, 212
Правый десяток I 64; II (51), 3, 51; III 13; 3, 102, 131
Привести, приводити II (52), 47, 55, 58, 60, 69, 95; III 195; — ко кресту III 21; — с поличным I 13; II (52), 52; III 9; (103), 103
Приводчик III 9; 103
Приговор III 32, 42; 129, 185, 211; — всех бояр II 98; III 201; — государев 157; — новый III заголовок; заголовок, 162
Приговорити, приговаривати II 75; III заголовок 32, 39, 55; заголовок (205, 228), 185, 187, 205, 228
Пригоже I 2
Приданая роба, см. Роба приданая
Приданый холоп, см. Холоп приданый
Приданое III 36; 193
Придет земля, межа II 86; III 168
Приехати I 37, 68; II (13, 48, 50), 13, 41, 42—50, 75; III 18; 18, 29, 97, 99, 134, 159
Призывати II 29; III 76
Примати II (81), 81; III 2; (146), 4, 146, 167
Приказ II (7), 7, 72; III (41), 41; (208), 7, 77, 127, 208; без дьячего приказу II (5), 5; III 5
Приказные, см. Люди приказные
Приказати I 2; II 37; III (46), 46; (217), 217
Приказчик II 70; III (44), 42, 44; 125, 212, 215; — городовой II 70
Прикладывати печать II 62, 77, 78; III 139, 141; — руку II 28, 62, 69; III 41, 48; 116, 209, 220
Прилегати III 171
Примешивати II 23; III (35), 35
Принимати в холопы II (81), 85; III 167
Приносити II 78; III 141
Приписывати II (23), 23, 98; III 28, 34; 176, 191, 201
Прирок с доводом I 14
Прирочный человек, см. Человек прирочный
Пристав I 32, 44, 45, 53, 63, 67; II (31, 50, 75), 20, 23, 24, 30, 31, 41, 50, 75, 84, 99, 100; III (8), 8; (134), 32, 35, 77, 78, 134; — наместничий I 44
Приставство II (31)
Присуд II 30, 95; III кр. 56
Присудити, присужати I 62; II 15; III 39, 49; 206, 221
Присылати, прислати I 36; II 24, 41, 49, 69, 72, 75; III 4, 48; (123), 25, 36, 99, 123, 134, 211, 220
Приточен III 109
Приходити, прийти I 2; II (18), 7, 18, 70, 86; III (29), 7, 158
Причт церковный II (91)
Пришелец III (36, 37), 36, 37
Прогоны II (46), 59, 61; III 42; 115, 212
Продавец II 85, 95; III 166, 195, 197
Продажа I 7, 8, 10, 38, 53, 55; II 31, 47, 62
Продати, спродати I 10, 35, 43; II (71), 54 71, 76, 85, 90; III 21; (126, 163), 126, 137, 138, 161, 163, 165, 179
Продатися II 76, 88; III 137, 138
Проесть II (50), 49, 50
Прокликати по торгам I 67; II (99); 99; III (37), 37; (202), 202. См. также Кликати
Променити II 85; III (167), 167
Промысел II 72; III (127, 129), 70, 127
Промыслы материны III 7; 69
Промышляти III 129
Пропадати II 58, 78, 79, 82, 85; III 142, 143, 147, 166
Пропити I 55; II 90; III 182
Пропятенье II 95; III 196
Просити I 33, 38; II (32), 15, 30, 32, 62; III 35; (3, 24), 7, 20, 22—24, 77, 80, 192
Проскурница III 32; (61), 62, 186
Простой человек, см. Человек простой
Просудитися II (2), 2; III (2), 2
Просфирница III кр. 7
Противень I 6, 8, 38; II 62, 69; III 123
Проторы II 100
Протрава, см. Потрава
Прочести список II 29; III 76
Пустити I 43; — в недели II 47
Путик III (28), 18, 28, 159, 176
Путь I 55; II 90; III 181
Пытати I 14, 34; II 52, 56, 57; III 42; 103, 108, 109, 143, 212
Пятеньщик II 94—96; III 195, 198
Пятидесятцкий III (58), 58; — волостной III кр. 7
Пятнати II (96), 94—96; III (196, 198), 195, 196, 198
Пятно II 95

Разбивати осек III кр. 24
Разбой I 7, 8, 38, 39; II (12, 59, 60, 89), 12, 59, 60, 62, 89, 90; III 31; (113, 114, 180), 17, 113, 114, 180, 181, 183
Разбойник II (53, 54), 53, 90; III 7, 31; 71, 104, 106), 71, 104, 106, 183; — ведомый II 60, 75
Разведывати III 42; 211
Раздавати III 146
Разобрати срочные I 27; II 41
Размет II 72; III 127
Разсуждение I 62

Рана I 62; II 53
Рать I 55; II (80), 80, 90; III (144), 144, 145, 181; — татарская I 56
Река III 51; 171, 223, 224
Речи I 50; II (18), 4, 18, 62; III 10, 12, 17, 39, 41—43 (29, 153, 154, 158, 210); 4, 29, 40, 111, 130, 153, 154, 158, 205, 209, 210, 214; — двои III (213); 213; — истцовы, ищенны I 51; II 15, 28; III (40), 2, 17, 40; (207), 75, 207; — обыскные III (209), 110, 209; — ответчиковы II 28; III (40), 2, 17, 40; (207), 20, 75, 154, 207; — прежние III 111; — татины I 14; II 57; III 109
Роба I 17, 20, 23, 40, 43, 66; II (33, 40), 35, 40, 65, 66, 76; III (83, 88, 120), 83, 88, 120, 137; — приданая I 66; II 76; III 137
Род I 60; II 70, 85; III 10, 40; (155, 207, 227), 111, 155, 165, 207; — ближний II 92; III 34; 190; — чужой II 85; III 165, 166
Родители II 85; III 163
Родитися, породитися II 76; III (137), 69, 136, 137
Родня III 163
Рожь II 88; III 7; 52, 179
Розведывати III 42; 211
Роздел II (74), 74; III (133), 133
Рознь III (133)
Розсыльщик III 31
Розчитати II 75
Росправа III 33; 188
Росправливати III кр. 32
Роспрашивати III кр. 34
Рост I 55; II (78, 82), 36, 78, 82, 90; III 3; 23, 84, 141, 146, 147, 181
Ростакнути судный список II (69)
Росчет I 3, 4, 5, 28, 38; II 8, 10, 42, 44, 46, 62, 69, 75; III 16; 10, 90, 93, 95, 148
Рубль I 3—7, 15, 16, 21, 22, 24—26, 28, 38, 40, 57, 62, 64; II 8, 10—12, 26, 33, 34, 37—39, 41, 42, 44, 46, 51, 62, 65, 72, 78, 87, 88, 95; III 7, 9, 26, 34; 8, 10, 14—17, 23, 44—48, 50—53, 55, 57, 60, 65, 81, 82, 85—87, 89, 90, 93, 95, 101, 103, 110, 118, 127, 141, 172, 191, 196; — московский I 30; II 46
Рука (подпись) I 18, 42; II 28, 62, 69, 72, 77; III 5, 41, 48; 26, 116, 123, 140, 209, 220; — дьячья II 28, 69; — поповская II 69; III 4; 25
Рука (руки ему не сетчи) III 2; 4
Ручьи III 51; 223, 224

Садити в приговор III 32; 185; — к суду III 15; 135
Сажень III 51; 179, 224; — печатная III кр. (30), 30
Сбежать II (11), 11, 78, 80, 82; III 147
Сватовство III 10; 111
Свидетель I 47; II 95
Свободный, свободен (холоп) I 56; II 76, 80; III 144
Сводити II 70, 91
Свое I 38; II 27, 62
Святитель I 59; II 91; III (32), 7, 32, 42; 63, 184, 185, 212
Селецкий II 100; III (38), 38; 204
Село I 57, 61, 62; II (86, 88), 86—88; III (23, 27, 46), 23, 25—27, 46, 55; (168, 172), 168, 171, 172, 174, 228
Сельской, см. Человек сельский
Сельцо III 38; 204; — монастырское II 100; — московское II 100
Семья III 39, 47; (218), 205, 218
Сено III 30; (179), 179
Серебреник II 78; III 141
Серебро II 78
Сестра II 85; III 54; 163, 227
Сетчи лес III 27; 174; — руки III 2; 4
Сеяти III 152
Сжати II 88
Сидети, сести I 35; II (54), 54; III (106), 106; — в суде II (68), 29, 69, 70, 72; III 15; 122, 125; — под крест III 12; (130), 130; — у духовной III 34; 191
Сказати, сказывати I, 2, 34, 46, 47, 66, 68; II (25, 73), 7, 13, 25, 40, 52, 56, 57, 66, 69, 72, 73, 78, 99; III 14, 16, 17, 42, 44—46; (39, 108, 132, 158, 210, 212, 213, 221), 8, 11, 18, 39, 93, 103, 108, 109, 111, 120, 123, 129, 132, 142, 148, 158, 203, 210, 212, 215—217
Сказатися II 25, 78
Складник III (20), 20, 21, 27, 52; (160, 162, 225), 160, 162, 174, 225
Сковати, см. Ковати
Скоморох государев описной III кр. 7; — неописной III 7; (66), 66; — описной III (65), 65; — походный III кр. 7
Скончается дело I 36
Скормити собаку III 226
Скот, скотина III (24), 24, 25, 52; (171), 170, 171; — чюжой III 171
Скуп III 5; (26), 26
Скупати III 21; 161, 166
Слатися, послатися, сослатися I 64; II 15, 51; III (39, 41, 43—45), 17, 39—41, 43—45; (205, 206, 208, 214—216), 20, 123, 154, 205—208, 214—216
Слово в слово II 62, 69; III 123; — доводчиково II 69; — невеликое III 45; 216
Служба II 41, 81; III 146
Служити II 76, 81, 82, 83; III 32, 50; (146), 141, 146, 187, 222; — за рост II (78), 78; III 141
Слух (слаться в слух) III 39, 45; 206, 216
Случитися II 30, 68, 74, 100; III 77, 133, 177
Смертная казнь, см. Казнь смертная
Смерть II 52, 56; III 34, 52; (191), 103 108, 191
Сместный суд, см. Суд смесной
Смотря по речам III кр. 43

Снести покражу II 82; III 147; — срочные I 27; II 41; — хоромину III 21; 162
Сноровити, см. Норовити
Снос II 79; III 142, 143
Сняти рожь II 88
Собака дворовая, гонная, лешая III 52; (226), 226; — съедистая, лихая III кр. (53), 53
Соблюдение III (14), 14; (132), 132
Собор селенский, вселенский III заголовок; заголовок
Сойти с суда II 30
Сойтися II 59; — слово в слово II 69; III 123
Солгати, см. Лгати
Солома II 88; — ржаная II 88; — яровая II 88
Сорати межу I 62; II 87
Сорокоуст III 34; 191
Сосед, сусед III (52), 27, 52; (225), 225; — сусед ближний III 23; 169
Сослатися, см. Слатися
Сотворити II 88; — пакость III 169
Сотная III кр. 28
Сотник II 100; III (106), 106
Сотский II 72; III 7, 15, 23; (57), 57, 135, 169
Список I 48, 65; II (4, 34, 39), 2, 4, 15, 28, 51, 69, 74; III (2), 2; (4), 2, 4, 76, 133, 185; — безсудный I, 25; — докладной I 16, 24; II (34, 39, 69), 34, 39; III (82, 87), 82, 87; — обыскной II 72; — судный I 64; II (4, 69), 4, 62, 69; III 3, 32; (10, 102, 123), 10, 24, 102, 116, 123, 124, 176
Спор II 62, 95
Справа, справка II 69, 99
Справити дело II 28
Спродати, см. Продати
Спросити III (18), 215; — правды III 44, 45, 215
Спустити татя или разбойника II 54; III 104
Спытати II 12
Срок I 26, 27, 36, 45, 50, 57; II (36, 41, 50, 83), 18, 20, 41, 42, 49, 50, 69, 75, 83, 88; III (16), 16; (99, 100, 148, 168, 178), 29, 89, 99, 100, 124, 134, 148, 178
Срочити III 3; 24, 30, 129
Ссекати грани I 62; II (87), 87; III (26), 26; 172
Став II 28
Ссылати III 189
Ставити истца, ответчика, послухов I 36, 37; II 48, 49; III 97, 98, 197; — у поля II 13; — вехи III 51; 224; — лесу III 174; — двор, огород III (20), 20, 21, 23, 25; (160, 169), 160—162, 169, 171
Стакатися III 47; 218
Стан III кр. 55; — монастырский II 100
Стар I 49, 52; II (19), 17, 19; III (28), 28
Старец II (91)
Старина II (94)
Старица II (91)
Старожилы, старожильцы III 17; (151, 153, 154, 176), 151, 153, 154
Староста I 38; II (68), 62, 68—70, 72; III (47, 48), 40—42, 47, 48; (122, 218, 220), 116, 122, 123, 125, 127, 207, 208, 212, 218—220; — волостной III 23, 44; 157, 169, 215; — губной II 60; III 7; (60), 60; — церковный III 7, 32, 44; (60), 60, 185, 187, 215
Стати (убытка станет в волоките) I 32
Стати (станет волочити, бити челом) II 49, 78, 79, 82, 85; III (221), 11, 36, 37, 125, 129, 141, 147, 166, 221, 222
Стати, стояти II (29), 15, 29, 50, 69, 76; III 29; (76, 100), 20, 76, 99, 100, 124, 130, 137, 138, 153, 177; — у поля I 4, 5, 48, 68; II (9—11), 9—11, 13, 16, 62; III (12), 12, 49; (12, 13, 16, 221), 12, 13, 16, 17, 221
Статок I 8, 10, 11, 13, 39, 60; II 52, 56, 59—61, 92; III 34, 54; 103, 108, 113, 115, 190
Стеретчи III 52; 226
Стоити II 85; III 22; 163, 166
Сторож II 30; III (77), 77
Сторонние люди, см. Человек сторонний
Стороны I 36; II 49; III (166)
Стравити, травити (пожни) III 25; 171
Стрелец III 7; (72), 72
Строй I 59; III 62
Стряпчий I 68; II 13; III (18), 18
Суд I заголовок, 1, 3, 19, 33, 38, 50, 53, 63, 67; II (1—5, 9, 28, 31, 32, 68, 70, 72, 76, 84, 85, 91), заголовок, 1—5, 7, 8, 16, 18, 21, 24, 25, 28—32, 51, 52, 60, 62, 67—70, 72, 74, 76, 78, 79, 84, 85, 95, 99, 100; III (1—3, 6, 12, 13, 17, 43, 55, 56), 1—3, 6, 7, 10, 12—15, 17, 21, 25, 37, 39, 43, 44, 51, 55; (заголовок, 1—3, 5, 24, 37, 38, 40, 77—80, 111, 116, 120, 130, 131, 133, 136, 147, 163, 214, 215, 228, 230), 1—4, 7, 8, 20, 23, 24, 27, 29, 30, 33, 36—40, 59, 75, 76, 78—80, 100, 109—111, 116, 122, 123, 125, 128—133, 135, 136, 141, 149, 150, 152, 161, 163, 171, 187, 196, 197, 202, 205, 214, 215, 228, 230; — без суда I 12; II 47, 58, 96; III 40, 120, 171, 196, 198, 223; — боярский I 18, 20, 21, 38, 40, 42, 43; II (62—64, 66), 37, 62, 63, 65, 66, 68; III (117), 85, 117, 120; — великого князя, царя I 21; II (37), 1, 37; III (85), 85; — вопчий I 59; II 74, 91; — городской I 37; — детей царя и великого князя I 21; II (37), 37; III 85; — не в розделе II 74; III 133; — неправый I 19; — несвятительский I 59; II 91; — новой III 121; — о землях I 63; — о сроце I 50; II 18; III 29; — с головы I 19; II 2, 66, 67; III (2), 2, 120; — смесной II (30), 30, 74, 100; III (77), 77, 133
Судебник II (заголовок, 3, 97, 98), заголовок, 72, 97, 98; III заголовок, (заголовок, 199, 200, 201), 199, 200, 201
Судимые I 37; II 30, 48; III 77, 97

Судити I заголовок, 1, 38, 48, 59, 63; II (заголовок, 1, 28, 62, 64, 72, 91), заголовок, 1, 20, 22, 23, 25, 28—30, 48, 52, 60, 62, 64, 68, 72, 84, 85, 91, 97, 100; III (15, 32, 33), 1—3, 5, 9, 15, 17, 32, 33, 38; (заголовок, 1, 23, 39, 75—77, 116, 118, 119, 122, 127, 129, 135, 150, 151, 155, 164, 186, 200), 1, 4, 8, 23, 26, 30, 31, 34, 35, 37, 39, 75—77, 97, 103, 110, 116, 118, 119, 122, 127, 129, 132, 135, 149—151, 155, 156, 164, 184—188, 200, 204
Судитися II 30; III 56; 231
Судья I 1, 10, 11, 34, 36, 48, 49, 50, 51, 53, 59, 67; II (1, 2, 18), заголовок, 1, 18, 30—32, 49, 55, 66, 69, 71, 84, 91, 99, 100; III (4, 15), 2—4, 6, 7, 15, 17, 32, 37, 55; (1—3, 7, 9, 11, 25, 29, 55, 77, 79, 80, 135, 155, 157, 158, 202), 1—4, 6—11, 23, 29, 36, 38, 55, 77, 79, 97, 98, 100, 107, 110, 113, 114, 119, 120, 122, 123, 125, 129, 133, 135, 152, 155, 157, 158, 185, 187, 188, 202; — земский II заголовок; III (33), 32, 33; (заголовок, 38), 1, 186, 188
Суземье III 27; 175
Сулити посул I 67; II 99
Съезд с жалованья II 24
Съехати с жалованья II 24, 75
Сын I 60; II 76, 92; III(54), 34, 54; (190), 138, 190, 227; — боярский I 40, 42, 45; II 65, 75, 100; III 134; — свободный II 76; III 137
Сыск III 51, 55; 133
Сыскивати, сыскати II 72; III (24, 42, 47, 48), 5, 10, 17, 23, 24, 28, 37, 42, 46—48, 51; (128, 176, 218, 219), 2—4, 6, 11, 26, 111, 128, 129, 132, 151, 152, 169—170, 176, 181, 203, 211, 217—220, 223

Такати II 69
Тать I 10—12, 14, 34—36, 39, 43; II (53—58, 71), 53—58, 60, 71; III 7, 9; (71, 104—109), 71, 103—111, 113, 115, 126, 226; — ведомый I 13; — головной I 9; II (61), 61; III 115; — коневодный II 55, 61; III 115; — церковный I 9; II (61), 61; III 115
Татьба I 7, 8, 10—12, 14, 38, 39; II (12, 55, 56, 60), 12, 55, 56, 58, 60, 62; III (107), 17, 20, 107, 108, 110, 113, 114; — головная I 10; II (55), 55; III 107; — какая ни буди I 10; II 55; III 107; — прежняя I 10; II 55; III 107; — церковная I 10; II (55), 55; III 107
Творити лихо II 88; III 24; 170
Терпети III 147
Тиун I 37—41, 45, 65; II (48, 69, 71, 75); заголовок, 26, 62, 65, 67, 96; III (49, 121, 198), 48, 49, 121, 126, 133, 134, 198; — боярский I 43, 45; II 26, 62, 65, 71; III 126; — великого князя, царя I 8, 43, 45; II 59, 71, 75; III 126, 134; — волостелин I 37—41, 45, 65; II (70), 60, 67—70, 74, 75, 95; — детей боярских II 71; — наместничий I 37—41, 45, 62, 65; II (67), 48, 60, 67—70, 74, 75, 96; III 121
Тнунство I 66; II 76, 97; III 137
Товар I 55; II (90), 90; III 181, 182
Товарищ II (21), 20, 21; III (15), 15; (135), 33, 135; — судьин, судецкий III 15, 36, 97, 135
Топор III 29; 177
Топтати копну III 179
Торг I 46, 47, 67; II (93, 99), 93, 99; III (37), 37; (194, 202), 194, 202
Торговати III 7; (182), 52
Торговец I 46
Торговля I 55; II (90), 90; III (181), 181, 182
Травити, см. Стравити
Трапеза III 8; (94), 94
Трапезник III кр. 7
Третий II 100
Тюрьма II 4, 6—13, 33, 34, 42, 44, 47, 52—56, 58, 67, 71; III 6, 8, 11, 12, 16—18, 93, 103, 105, 107, 108, 111, 121, 126
Тягатися III (41), 32, 41; (186, 187, 208), 128, 187, 208

Убежати III 142
Убити II (62, 89), 15, 62, 89; III (52), 52; (21, 180, 225), 21, 180, 225, 226
Убитый I 6, 7, 38; II 11, 12, 16, 62; III (17), 15, 17, 27
Убойца государский, господарьский I 9; II (61), 61; III (115), 115
Убытки, убыток I 32, 49, 50, 67; II (50), 17, 18, 50, 66, 67, 96, 99; III 17, 37, 42; (152), 28, 100, 120, 152—154, 198, 203, 212, 224
Увечен, безвечен I 49, 52; II (19), 17, 19; III 28
Увечье, безвечье II (26), 26; III 7; (73), 73
Угодовати III 28; 176
Угодья III (28), 18, 27, 28; (159, 176), 159, 176
Удар кнутом III (103), 103
Удел II 100
Уезд III 3, 55; 24, 229
Узел III 9; (103), 103
Узловое III кр. 9
Указ II 7, 9, 16, 30, 45, 49, 85; III заголовок, 7, 10, 13, 48; (заголовок, 32), 12, 13, 19, 59, 73, 77, 94, 109, 131, 200; — государев, царев II 67, 71; III 121, 126, 137; — наместничий I 20; — наместником I 37; — о езду I 30; — о недельщиках I 31; — о татех I 39
Указати, указывати II (37), 3, 25, 26, 37, 44, 53, 54, 69, 71, 96; III 7, 42; заголовок, 39, 43, 63, 72, 73, 105, 106, 113, 123, 128, 129, 198, 200
Улица III кр. 53

Уличити II 32—34, 42, 44, 47, 53, 54, 74, 83, 95; III 2, 13, 16, 26, 52; 80, 81, 96, 105, 106, 131, 133, 148, 172, 196, 225, 226
Уложение II 78, 98; III заголовок; заголовок
Уложити I заголовок; II заголовок, 97; III заголовок; заголовок, 200
Умер III 18; 159
Умеритн III (19), 18, 19; 159
Умети грамоте II 62, 69; III 41, 48; 209, 220
Умирати, умерети I 60; II (92), 92; III (34, 36, 54), 34, 36, 54; 190
Уплата истовая II 90
Управа I 2; II заголовок, 7, 72, 97; III (55), 3, 55; (заголовок, 8, 228), 7, 8, 24, 129, 186, 200, 228
Управити I 2
Урок I 54; II (83), 83
Урочник I 31
Устав прежний III заголовок; заголовок
Утекатися на дешевое III кр. 11
Утепати животину III (225, 226), 225, 226
Утерятися I 55; II (90), 90; III 24; 181
Утечь II 100
Учати I 66; II (22—24, 70), 7, 8, 22—24, 41, 70, 72, 76, 78, 85, 91, 96; III 16, 48, 49, 52; (34, 219), 8, 10, 23, 34, 35, 128, 135, 137, 141, 148, 166, 167, 187, 189, 219, 221, 226
Учинити, учинитися I 49, 61; II 7, 17, 47, 50, 72, 86; III 3, 24, 39, 51; (4, 8), 8, 23, 24, 28, 100, 152, 168, 170, 206, 224
Учити III (13), 13; (131), 131
Ушибить на смерть III кр. 53

Хитрость III 28. См. также Безхитростно
Хлеб II 86, 88; III 25, 27; 174, 179; — земляной II 88; — стоячий II 88
Хлудина, см. Колодина
Хмельник III 19, 20; 159, 160
Ходити II 20, 30, 88; III 7, 25, 28; (67, 77, 79, 171), 32, 67, 77, 171, 176
Хоженое I 26, 29, 36, 44, 53; II (45), 3, 31, 41, 45, 48, 49, 62; III (8), 8; (94), 33, 78, 89, 94, 99
Холоп I 17, 20, 23, 40, 41, 43, 56, 64, 66; II (35, 40, 67, 79—81), 35, 40, 65—67, 76, 78—81, 88; III (50), 50; (83, 88, 120, 121, 137, 143—145, 222), 83, 88, 120, 121, 136, 137, 142—146, 222; — беглый III 55; (229), 229; — докладной II 76, 78; III 137; — полный 76, 78, 88; III 137; — приданой I 66; — сгаринный, старый II 78; III (142), 142; — чужой II 78; III 142
Холопство II (76), 76, 97; III (136, 137), 136, 137, 138, 199; — старинное, старое II 78, 80
Хоромина, храмина, хоромы III 20; 160, 162
Хотети, похотети, захотети I 26, 48, 58; II (31), 14, 16, 19, 23, 27, 31, 41, 55, 76, 80, 83, 85 88; III 18, 20, 21, 32, 54; (159, 160, 185—187, 227), 19, 20, 32, 35, 36, 74, 78, 89, 107, 132, 137, 138, 144, 148, 153, 159, 160, 165, 185, 227
Храмина, см. Хоромина
Хрестиянин, см. Крестьянин
Християнский отказ, см. Отказ крестьянский
Худо II 57

Царь II 44, 71, 72; III 6, 46, 47, 48; (75, 205, 208), 3, 8, 43, 72, 93, 218; — и великий князь II (28, 37—40, 44), заголовок, 1, 3, 26, 28, 37—39, 42, 44, 59, 60, 67, 71, 72, 75, 84, 87, 88, 90, 97, 100; III (заголовок, 39, 55), заголовок, 7, 27, 29, 39, 46, 47, 48, 51, 55; заголовок (1, 205, 228), 1, 75, 85, 87, 156, 175, 177, 205, 228
Целовальник I 12; II (68), 58, 62, 68—70, 72, 95; III (47, 48), 15, 17, 40, 42, 44, 47; (122, 218), 3, 110, 116, 122, 123, 125, 129, 135, 157, 207, 208, 215, 218; — верный III 41; (56), 157; — верный земский III 32; 187; — верный судецкий III 7; 56
Целованье крестное I 12, 13, 46—48; II 16, 25, 58; III 14, 39—41, 44, 45, 47—49; 20, 22, 27, 30, 110, 132, 152, 153, 206, 207, 210, 215, 216, 218, 219, 221
Целовати, поцеловати крест I 52; II 19, 27; III (12), 1, 12; 1, 20, 21, 27, 130, 132, 153
Цена II 85; III 22, 24, 52; 166, 225, 226
Церковная татба, см. Татба церковная
Церковный тать, см. Тать церковный
Церковь I 59; II (91), 91; III (32, 33), 7, 32, 33; (188), 184, 188, 189; — выставочная II 37; 202; — соборная III 37, 61, 62, 202

Чарка похмельная III кр. 7
Час III (55), 55; (228), 228
Челобитная, челобитье II 7, 84; III (79, 152), 8, 79, 128, 152
Челобитчик II 7
Человек I 12, 13, 60, 62; II (20), 20, 25—27, 50, 73, 82, 92, 95, 100; III (43, 46), 7, 10, 18, 34, 41—43, 45, 53, 54; (216, 227), 31, 39, 73, 99, 102, 105, 109, 111, 133, 134, 147, 182, 190, 193, 210, 216, 227; — боярский добрый I 62, 63; II 26, 87; III (48), 48, 51; — боярский, молодчий II 26; — волостной III (105), 51; — волостелин II 70; — городской черный II 26, 100; III кр. 7; — добрый I 12; II 52, 56, 58; III (44), 5, 7, 44; (215), 26, 52, 103, 108, 215; — здешний I 12; II 27; — злой ведомой III (114), 114; — лихой I 8, 39, 43, 61; II (58, 71), 52, 56, 57, 59—61, 71; III (126), 103, 108, 110, 126; — лихой ведомый I 8, 9, 39; II 59—61; III 113, 115; — монастырский I 62, 63; II 87, 100; — наместничий II 70; — недельщика I 37; — нищий III 64; — пово-

ский III (53, 54), 53, 54; — посадский II 26; III 51; — приказный III 215; — пирочный I 14; II 57; III 109; — простой I 59; II 91; — сельский I 63; II 84, 100; III 204; — становой II 100; — сторонний II 85; III (22), 22, 53; 166; — торговый III (52), 52; — удельный II 100; — царев II 100; — церковный II 91; — черный I 12, 63; II 26, 84
Чернец I 49, 52, 59; II (91), 17, 19, 76, 91; III (32), 7, 32; (63, 138, 184), 28, 63, 138, 184, 185
Черница I 49, 52, 59; II 17, 19, 76, 91; III (32), 7, 32; (63, 184), 63, 64, 138, 184
Черной, см. Человек черный, люди черные
Чести, см. Прочести
Четверть, четь рубля I 5—7, 30; II 10—12, 46; III 14, 15, 95
Чинити росправа, управа II 72, 97; III 33; (заголовок), 129, 186, 188, 200; — срок II 75
Чистити дорогу III 51; 224
Чистый, см. Люди чистые
Чюжая земля, см. Земля чюжая
Чюжеземец I 58; II (27), 27; III (74), 74

Шибати (топором шиби) III 29; 177

Ябедничество I 8, 39; II (59), 59, 72; III (113), 113, 129
Являти, явити I 37; II (48), 48, 70, 80; III 97, 125, 144
Ярышки кабацкие III кр. 7

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алтын 70, 73, 79, 85, 202, 203, 252, 319—321, 449, 450, 452, 460, 499, 510, 536, 545, 558, 561, 562
Арест 75, 76, 243, 244, 270, 271, 498
Архиепископ 111, 227, 228, 538
Архимандрит 42—44, 186, 222, 223, 231, 552

Баран 51, 100
Бела 51, 72, 100
Бесчестие 85, 200, 212, 213, 270, 343, 418, 419, 429, 432, 435, 437, 440, 446, 458—466, 468—473, 475, 486
Бой (побои) 51, 62, 79, 82, 97, 206, 211, 212, 250, 263, 275, 276, 450, 458, 462, 558
Бортник 57, 86, 87
Боярин 7, 8, 38, 40—43, 45, 55, 57, 64—67, 74, 85, 96, 97, 102, 103, 114, 119, 181—185, 188, 194—203, 223, 235, 236, 240, 245, 248, 252—254, 256, 258, 260, 263, 274, 278—282, 284, 288, 291, 297, 299, 300, 302, 309, 311, 315, 316, 318, 323, 324, 333, 335, 336, 343, 437, 444, 449, 463, 477—479, 486, 487, 491, 498, 507, 508, 518, 537, 540, 551—555
Боярская дума 6, 7, 113, 181, 183—185, 188, 190, 207, 227, 245, 256, 263, 266, 278, 280, 281, 316, 335—336
Бражник 89, 432, 474
Брат 74, 99, 301—303, 328, 525, 543, 558
Братчина 54, 56, 62

Вдова 455, 472, 537, 541, 545
Ведьма, ведунья 474
Веревка 460, 467, 510, 561, 562
Верста 70, 73, 79, 81, 278, 281, 320, 324, 456, 461, 480
Взятка 46, 73, 75, 196, 197
Взяточник 197, 198
Видок 67, 82, 83, 277
Вина 40, 47, 51, 60, 61, 63, 85, 100, 199, 200, 205, 215, 221, 242, 244, 249, 270, 558
Виноватый 45—48, 50—52, 58, 67, 70, 75, 79, 80, 85, 100, 186, 199, 204—206, 209, 215, 242, 252, 325, 332, 446, 448, 500, 552—558
Вира 462
Внук 301, 515, 524—526
Воевода 183, 188, 263, 526
Волокита 75, 245, 258, 448, 458, 483, 484, 503, 504, 552
Волостель 46, 53, 60, 63, 66—68, 70—73, 77—81, 98, 106, 194, 210, 211, 215, 221, 222, 228, 229, 237, 242, 244, 249—251, 257, 258, 263, 267, 269, 270, 274, 277—280, 339, 442, 456, 457, 472, 491, 492, 495—499, 502, 503, 531—537
Волость 9, 54, 56, 60, 77, 79, 81, 90, 105, 106, 108, 181, 186, 212, 215, 221, 222, 235, 241, 249, 266—269, 274, 275, 281, 294, 332, 420—423, 426, 427, 433, 440, 442, 443, 445—447, 449, 452, 453, 455—457, 460—463, 465—473, 476—478, 480—483, 485—488, 490, 493, 494, 496—499, 501—503, 507, 510, 512, 514—519, 521, 523, 529, 530, 532, 533, 538, 539, 541, 542, 544, 546, 547, 553, 556, 557, 561, 562
Волощане 262, 275, 468, 476, 477, 499, 516
Воровство 50, 53, 63, 239, 245—247, 462
Вотчина 7, 70, 94, 96, 191, 208, 220, 258, 280, 297, 298, 300—308, 310—318, 322, 324, 332, 431, 437, 506, 515, 524, 526, 527, 530, 554
Вотчинник, вотчич 102, 261, 262, 299, 300, 302—318, 324, 325, 329, 330, 431, 437, 526, 527
Вселенский собор 427, 441, 442
Выбор, см. Список выборный
Вывод крестьянский 92, 95, 320
Выдать головою 56, 61, 62, 76, 245, 246, 250, 283, 487, 500
Выкуп вотчинный 297—306, 308—313, 316, 317, 431, 515, 524, 526, 527. См. также Цена выкупная
Выть 72, 101, 210, 218, 219, 239, 240, 454, 470, 480, 515, 520, 522, 523
Выход крестьянский 92, 94, 329, 536
Выходец 320
Вязчее 51, 85, 202, 203
Вязьба 100

Гибель 56, 61, 62, 80, 204, 246, 250, 287, 487, 508, 529
Голова излюбленный 467, 502

Головник 56, 58
Головщина 56, 58
Город 7, 38, 54, 57, 59, 63, 70, 72, 74, 75, 77, 78, 81, 90, 105, 106, 108, 181, 183, 185—187, 191, 213, 215, 222, 223, 227, 229, 231, 232, 236, 242, 250, 251, 256, 258—264, 266—269, 274, 275, 278, 280, 281, 283, 286, 294, 314, 318, 324, 327, 328, 331, 332, 339, 418, 419, 422, 428, 433, 442, 456, 461, 480—483, 498, 546, 547, 555
Господа 56
Гость 310, 418, 458, 463, 464; — большой 343, 418, 437, 459, 460, 464; — меньшой 418, 435, 459, 464; — середний 418, 435, 459, 464
Государь (господин) 57, 59, 74, 88, 89, 97, 99, 106, 107, 115, 264, 265, 282, 284, 288—291, 295, 296, 321, 325, 505—508, 562
Грабеж 46, 48, 50, 56, 62, 82, 97, 206, 211 250, 263, 275—277, 450, 458, 462, 558
Грамота 74, 76, 79, 96, 203, 219, 240, 252, 263, 291, 327, 555; — беглая 64, 68, 254, 287, 496; — бессудная 64, 69, 70, 74, 75, 77, 81, 105, 210, 457, 479, 484; — благословенная 123; — «в кормление» 77; — губная 60, 61, 72, 118, 120, 248—250, 272, 420, 469, 492; — данная 84, 225, 312, 317; — договорная 38, 46, 51, 53, 55, 57, 58, 62, 72, 73, 75, 76, 104, 105, 213; — докладная 65, 106, 254, 255, 264, 282, 283, 496, 505—508; — духовная 15, 45, 53, 57, 63—66, 68, 70, 98, 99, 106, 208, 312, 316—318, 439, 452, 541—545, 559; — жалованная 38, 51—57, 62, 67, 68, 70, 71, 73, 86, 98, 100, 183, 197, 215, 221—223, 225, 226, 228, 229, 231, 237, 241, 255, 257, 259, 261, 263, 270, 326; — жалованная вопчая 183, 185—187, 192, 255 — 257, 259—263, 266, 267, 495; — зазывная 71, 490; — крестная 104; — купчая 302, 307, 318, 454, 481, 504, 515, 520, 524, 530, 532, 536; — льготная 218, 225, 231; — меновная 60; — несудимая 221—223, 225, 229, 231, 257, 258, 261, 262; — обыскная 263, 481; — отводная 490; — отпускная 64—67, 113, 123 — 125, 254, 264, 271, 273, 283, 284, 290, 479, 507; — отступная 533, 559; — погонная 560; — полетная 64, 90, 96, 219, 225, 537; — полная 64, 65, 106, 254, 255, 264, 282, 283, 495, 496, 505; — поместная 94; — посыльная 230, 533; — правая 42—45, 47, 49, 50, 52, 58, 59, 62, 64, 65, 67—70, 72, 73, 75, 76, 78, 82—84, 86, 101, 103, 182, 203, 208, 210, 215, 217, 241, 254, 264, 265, 307, 333, 479, 495, 500; — приговорная соборная 473; — приставная 71, 72, 74, 75, 80, 210, 232—234, 237, 240—242, 278, 279, 480, 483; — раздельная 530; — разъезжая 65; — составная 67; — срочная 69, 70, 75, 77, 210, 217, 242, 278, 279, 479; — судимая 420, 447, 467, 478, 490; — судная 209, 217, 293, 435, 453; — судная Новгородская 6, 37, 46, 47, 67, 75, 104; — судная Псковская 6, 37, 45—48, 52, 56—58, 61, 71, 73—76, 81, 82, 85, 87—89, 98, 101, 102, 494; — тарханная 192, 218—232, 297; — указная 67, 85; — уставная 80, 120, 124, 181, 182, 185—187, 191, 192, 219, 223, 236, 237, 252, 255, 266—268, 272, 274—276, 419—421, 423, 427, 431, 433—439, 441, 443, 444, 449, 451—453, 462, 493, 494, 500, 502, 560; — уставная Белозерская 38, 71, 77—81, 100; — уставная Двинская 38, 46, 47, 51, 61, 72, 79, 81, 100, 105, 236, 467, 483, 492, 493, 500, 502; — уставная земская 219, 236, 420, 421, 434, 453, 493; — уставная наместничьего управления 38, 78—81, 100, 219; — холопья 67
Грамотчик 187, 192, 221, 225, 257, 258, 261, 262
Грань 65, 99, 100, 208, 530, 531
Гривна 48, 56, 79, 203, 213, 218, 252, 452, 460, 545
Губные учреждения 60, 262, 326, 469, 492, 493
Гумно 528, 529

Давность исковая 100—103, 211, 281, 296, 297, 457, 458, 491, 503, 517
Давность приобретательная 101, 308—310
Дань 57, 63, 73, 218, 220, 221, 326, 422, 447, 448, 453, 476, 499, 560, 562
Двор 54, 56, 58, 59, 61, 63, 72, 95, 101, 104, 218, 221, 222, 228, 230, 240, 263, 264, 292, 295, 296, 320, 321, 326—330, 461, 468, 485, 512, 515, 520, 522, 536, 558, 561, 562
Дворецкий 119, 183, 194—196, 198, 199, 223, 236, 242, 263, 444, 449, 478
Дворник 229, 326
Дворский 57, 78, 265, 269, 497
Дворяне 6, 7, 39, 55, 60, 62, 72, 105, 183, 188, 213, 215, 235, 255, 260, 291—293, 299, 324, 493, 509, 555
Девица, девка 455, 462, 472
Дело (барщина) 57, 96, 231, 321, 323, 536
Дело 44, 47—50, 58, 64—67, 69—73, 74, 76, 77, 79, 81, 83, 84, 86, 103—105, 115, 192, 196, 199, 201—204, 206—210, 212, 215, 252, 253, 258, 263, 268, 269, 274, 276, 281, 297, 307, 333, 334, 423, 428, 434, 435, 443, 445, 447—449, 450, 453, 454, 466, 467, 478, 484, 485, 488, 490, 495, 497, 498, 500, 501, 517, 518, 521, 532, 539, 540, 541, 547, 548, 550—552, 554; — заемное 51, 79, 205, 206; — земельное 75, 84, 87, 104, 105, 309, 518, 519; — лихое 52—54, 80, 252, 271, 273, 274, 325; — обидное 7, 183, 197, 211; — разбойное 248, 279—281, 469, 492—494, 555

Деньга 47, 48, 56, 71, 79, 81, 100, 201—203, 242, 448—450, 456, 474, 475, 479—481, 484, 485, 499, 519, 536, 546, 558, 561, 562
Деньги 62, 73, 76, 89, 90, 182, 203, 205, 212, 217, 218, 284, 287, 292, 304, 308, 310, 314, 317, 325, 431, 452, 453, 460, 461, 468—470, 476, 482, 499, 501, 509, 526, 544, 562; — заемные 276, 500; — половинничные 91; — чужие 89, 300, 301, 305—308, 311, 313, 527; — ямские 229
Деревенщик 67, 100, 192, 218
Деревня 9, 38, 59, 77, 84, 88, 90, 96, 99, 208, 218, 219, 221, 222, 230, 258, 307, 323, 339, 420, 428, 431, 437, 445, 461, 467, 481, 490, 512—516, 526—537, 540, 556, 557
Десятинник 98, 198
Десятница 291
Десятский 55, 186, 221, 420, 421, 440, 443, 462, 468, 483, 486, 493, 540
Дети 98, 106, 107, 282, 283, 301, 303, 309, 328, 505, 515, 524, 525, 527, 545, 559
Дети боярские 7, 8, 59, 62, 92, 97, 181, 183—189, 191—193, 197, 204, 212, 213, 223, 225, 232, 235, 246, 247, 252, 255—260, 262—264, 266—268, 278, 284, 286, 289—293, 296, 297, 312, 314, 315, 318, 324, 333, 339, 340, 430, 431, 437, 463, 488, 493, 495, 508—510, 552
Довод 53, 63, 64, 246, 488
Доводчик 53, 77, 79, 81, 86, 210, 212, 221, 236, 237, 242, 269, 270, 277, 428, 438, 455, 456, 478, 480—483
Договор 294, 510
Дозорщик 88
Доклад 7, 14, 41—43, 45, 46, 64—68, 76, 84, 87, 88, 103—106, 114, 115, 191, 200, 250, 254, 264, 265, 268, 271—273, 276, 283, 284, 312—314, 334, 336, 337, 339, 340, 435, 448, 453, 496, 497, 505, 540
Долг 76, 87, 96, 217, 219, 225, 285, 288, 295, 310, 317, 325, 451, 452, 454, 500, 501, 543, 544
Должник 58, 61, 96, 217, 219, 294—296, 453, 500, 509, 544
Домострой 89
Донос 479, 490
Дорога 556, 557
Доспех 52, 85, 108, 202—204, 290, 316
Дочь 98, 99, 507, 542, 544, 558, 559
Духовенство 7, 43, 220, 223, 461, 471, 538, 540, 543, 553, 560
Душегубец 40, 80, 272
Душегубство 51, 53—55, 61, 63, 79, 80, 85, 88, 183, 191, 203, 222, 243, 260, 262, 271, 339, 488
Дьяк 37, 41, 42, 45, 51, 64—66, 68—71, 73, 85, 113, 115, 119, 120, 128, 194—200, 202—204, 206, 212, 214, 217—220, 222, 229, 231, 235—237, 240, 242, 248, 267, 273, 279—282, 288, 318, 422, 434, 438, 440, 445, 446, 449, 454, 456, 477, 479, 480, 486, 491, 498, 519, 537, 553—555; — земский 127, 217, 252, 253, 275, 332, 440, 445, 446, 448, 462, 463, 469, 519; — кормленый 229, 233—237, 240; — наместничий 252, 269; — полатный 212, 235, 343, 437, 463; — приказный 212, 235, 330, 331; — ямской 106
Дьякон 98, 222, 223, 253, 539, 540
Дьячек земский 127, 443, 447, 469, 471, 477, 485, 497, 553; — церковный 448, 462, 471, 538

Езд 14, 70—75, 77, 79, 81, 197, 198, 216, 232, 233, 235, 237, 240—242, 278, 428, 456, 482, 483, 552, 553
Ездок 210, 222, 232—234, 236—238, 240, 241, 456, 482
Епископ 182, 227

Жалобник 41—43, 45—47, 119, 195, 200, 201, 218, 278, 446—448, 450, 504
Жалобница 200, 201, 210, 216, 447, 478
Жалование 211, 212, 235, 239, 279—281
Железа 46
Жена 99, 106, 545
Женщина 85, 87, 455, 462, 506, 507, 544
Жеребий 209, 210, 213, 214, 277, 514, 526, 540
Живот (имущество) 60, 72, 219, 249, 250, 275—277, 280, 324, 438, 460, 498—501, 520, 545, 559, 561, 562
Жильцы новоприезжие 428, 519, 521

Заговор 207, 234, 238—240, 482
Заговорщик 234, 236—240
Заем 73, 207, 294, 295, 317, 452, 478, 500, 543
Зажигальник 57, 59, 474
Заимодавец 293, 294, 296, 447, 509, 544
Заклад 216
Закладни 292
Закладничество 326, 327
Закуп 284, 297
Запись 279, 280, 497, 500; — губная московская 46, 47, 51, 215, 338, 339; — житейская 294; — заговорная 238; — крестоцеловальная 117, 130, 443; — мировая 88, 514; — неответная 457; — отбойная 202, 453, 454; — отступная 88; — поручная 269, 325, 449, 470, 483; — порядная 470; — разговорная 238, 239; — срочная 480
Земля 183, 208, 218, 220, 225, 231, 299, 312, 313, 315, 316, 428, 437, 470, 512, 515, 517, 522, 523; — подворная 518; 520, 521, 523, 524
Земля (область) 244, 249, 266, 267
Земские учреждения 335, 418, 420, 421, 469, 492, 496, 498
Земский собор 185, 188, 256, 335, 441
Зернщик 432, 474
Знахарь 49, 50, 75, 83, 84, 87, 290, 508

Игумен 44, 67, 88, 96—98, 221—223, 229—231, 237, 263, 419, 461, 472, 501, 552
Игуменья 231
Изба приказная 196, 202, 203, 240, 470; — тиунская 67
Избранная рада 192, 193, 213, 225, 298, 318, 319, 335, 336
Извет 44, 54, 70, 558
Изгородь, см. Огород
Изорник 57, 97
Иконник 89
Иммунитет 38, 45, 215, 220—223, 227, 231, 237, 255, 256, 258—262
Иск 43, 44, 47, 48, 50, 52, 60, 62, 72, 76, 81, 85, 86, 95, 100, 102, 103, 114, 199, 203—207, 210, 211, 214, 215, 217, 218, 232, 238, 244, 245, 247—249, 252, 254, 269, 270, 274—276, 278—281, 296, 309, 332, 333, 339, 444, 446, 447, 449, 451, 453, 454, 456—458, 488, 489, 491, 498, 500, 501, 503, 516, 517, 539, 540
Искуп 59, 62, 76, 245, 283, 295, 487, 494, 500
Исправа 45, 56, 62, 71, 103, 269, 483
Истец 14, 42, 46—50, 52, 54, 56, 58, 60—62, 70—77, 79, 80, 82—87, 98, 101, 104, 196—199, 201—207, 209, 210, 213—217, 219, 241, 242, 244—246, 248—251, 253, 260, 264, 268, 276—278, 281, 289, 307, 309, 325, 339, 429, 434, 444, 446, 448, 450, 453, 454, 457, 476, 478, 481, 483—488, 494, 498—502, 517, 518, 537, 540, 549, 552, 554, 556. См. также Ищея
Истина (истое) 90, 96, 219, 537
Истцово 40, 52, 71, 79, 80, 85, 203, 204, 215, 252, 494
Ищея 12, 76, 79, 105, 206, 207, 209, 215, 252, 253, 268, 451, 455, 477, 483, 500, 501, 517. См. также Истец

Кабала 65, 66, 73, 76, 205—208, 217, 284—290, 292—295, 333, 438, 445, 451, 452, 454, 468, 491, 500, 505, 508, 510; — выкупная 207, 208; — головная 58, 66; — заемная 447, 452, 543, 544; — закладная 207, 454, 504; — росговая 294—296, 435; — служилая 284, 285, 289—290, 292, 294—296
Казак (наймит) 461, 464, 511
Казак вольный 328, 419, 462, 475; — ратный 509, 510
Казна 185, 187, 198, 214, 322, 429, 449, 485
Казначей 119, 128, 183, 194—196, 199, 207, 214, 222, 236, 237, 245, 337, 444, 446, 449, 478
Казнь (наказание) 8, 55, 80, 85, 181, 183, 184, 208, 252, 270; — смертная 51—53, 55, 57—59, 61, 80, 203, 243, 245, 246, 249, 271—273, 474, 487, 488, 491, 494; — торговая 119, 199, 205, 214, 233, 238, 247, 338, 449, 450, 478—480, 486
Калика 473, 474
Каменщик 89, 419, 462, 475, 491
Ключ 107; — городской 106, 505; — сельский 106, 107, 283, 504, 505
Ключник 106, 107, 282, 506
Книга боярская 212, 290; — записная 236, 238, 239; — келарская 121; — ключей 107, 321, 322; — кормленая 212, 235; — кормчая 125, 309; — льготная 218, 219; — окладная 273, 473; — отводная 103; — оценочная 466, 499; — писцовая 94, 107, 275, 329, 472, 473, 530, 534; — приходо-расходная 113, 320; — розметная 274—276, 498, 499; — указная Разбойного приказа 126, 127; — уставная 192; — уставная Разбойного приказа 123
Книги законные Юстиниана 111
Кнут 60, 61, 100, 119, 199, 214, 240, 244, 247, 249, 275, 429, 430, 445, 446, 449, 450, 478, 479, 485, 486, 491, 531, 552
Княжата 7, 183, 188, 299, 300, 302, 309, 312, 314—316, 318
Князь 6, 46, 48, 56, 58, 71, 72, 82, 96, 98, 100, 101, 103, 104, 184, 223, 258, 284, 292, 312, 314, 318; — великий 6, 7, 14, 37, 41—45, 49, 55, 57, 65, 66, 69—71, 75, 76, 81, 85—87, 98, 102, 104, 105, 183, 195, 200, 204, 215, 219, 237, 241, 291, 297; — удельный 94, 98, 114, 117, 118, 120—122, 124—126, 129, 215, 291, 338—340, 549
Конь 46, 56, 222
Копейка 450
Копна мерная 432; — пожилая 432, 536
Корм 57, 98, 231, 236
Кормление 53, 66, 77, 81, 106, 212, 234—236, 238, 241, 244, 248, 252, 253, 265, 267, 271—275, 279—280, 284, 441, 456, 463, 492, 503, 550
Кормленщик 38, 66, 67, 181, 188, 193, 228, 231, 232, 234—237, 240, 242, 243, 250, 253, 263, 267, 270, 272, 274—278, 280—282, 503
Коромольник 58
Кочетник 57, 97
Крепость (грамота) 44, 49, 208, 282, 289, 290, 295, 312, 325, 424, 445, 505, 521
Крестное целование 45—49, 53, 63, 76, 82—87, 97, 101, 104, 106, 115, 206, 207, 209, 212, 213, 277, 434, 443, 450, 454, 455, 476, 500, 502, 517, 518, 540, 550, 551, 556
Крестьянин 7, 38, 39, 43—45, 47, 49, 52, 54, 55, 57, 59, 60, 62—64, 70, 71, 78, 83, 84, 87, 88, 90—96, 100, 101, 103, 105, 106, 183—187, 193, 197, 204, 209, 210, 212, 218, 219, 221—223, 225, 231, 237, 242, 246, 257, 258, 263, 268, 270, 273, 278, 294, 301, 312, 319—325, 329, 333, 418, 420, 428, 430—434, 437, 441—444, 447, 449, 452, 454, 456, 460, 461, 464—468, 470, 473, 475, 477, 478, 481, 483, 488, 490, 493, 494, 499, 501, 503, 504,

506, 507, 510—517, 520—522, 525, 526, 529—531, 533—536, 538, 539, 541, 544, 546, 553, 554, 559—561
Крылошане 540, 541
Куна 45, 89
Купец 43, 89, 90, 97, 219, 463, 476
Купля 300, 308—310, 313, 314, 315, 526, 527

Лес 319, 320, 511, 514—516, 529, 531—536
Литовский статут 125, 127
Литовское право 101, 216
Лихо 54
Лишек 201, 479
Ловчий 78, 80
Лошадь 332, 456, 546, 547, 556, 557
Льгота 218, 219, 221, 224, 225, 237, 280, 282, 514
Люди волостелины 457, 497; — волостные 242, 275, 420, 443, 457, 465, 466, 477, 541, 554, 562; — польные 284—288, 295, 508; — городские 212, 242, 257, 326, 329, 419, 421, 422, 432, 457, 459, 465, 466; — дворные 193; — деревенские 193; — добрые 63, 78, 82, 83, 86, 198, 212, 243, 246, 247, 276, 419, 443, 450, 466, 488—490, 503, 540, 552, 553, 558; — кабальные 66, 284—286, 288, 496, 504, 509; — лихие 12, 52, 53, 55, 80, 203, 243, 246, 248, 271—273, 474, 487, 488, 493, 494; — лучшие 78, 267, 268, 276, 519; — митрополичьи 70; — молодшие 276, 419, 459, 465, 466; — монастырские 57, 215, 222, 326; — наместничьи 457, 497; — опричные 204, 244, 429, 437; — посадские 78, 185, 193, 209, 212, 213, 223, 227, 273, 274, 276, 294, 326, 327, 329—331, 418, 419, 435, 459, 461, 470, 475, 476, 498, 553; — пошлинные 268, 499; — приказные 181, 194—195, 234, 237, 297, 330, 518, 553—555; — ратные 419, 462, 475, 510; — середние 276; — служилые 8, 187, 217, 220, 221, 223, 224, 235, 236, 257—262, 286—288, 291, 296, 317, 322, 323, 335, 462, 475, 479, 480, 509, 510; — становые 242; — сторонние 290, 301, 304—307, 310, 312, 313, 316, 317, 431, 437, 501, 527; — торговые 212, 227, 228, 287, 328, 331, 435, 459, 464, 538; — тяглые 221; — церковные 98, 477, 538, 539; — черные 212, 223, 428, 488, 499

Матица (грамота) 497
Мать 74, 282, 283, 438, 474, 505
Межа 51, 75, 87, 99, 100, 208, 319, 501, 515—517, 530—534
Мир (крестьянский) 83, 115, 330, 423, 436, 439, 440, 445, 452, 454, 463, 469, 471, 489, 490, 499, 514, 529, 533, 538, 539, 541, 551, 561
Мировая 87, 88
Миропродавец 489, 490
Митрополит 7, 40, 44, 50, 52—57, 59, 62, 64, 65, 69—71, 98, 102, 123, 127, 182, 183, 188, 215, 227, 228, 331, 440, 441
Молодь 516, 531, 532
Монастырь 7, 42, 65, 71, 83—88, 94, 96, 98, 102, 103, 105, 107, 191, 192, 208, 210, 222—225, 227—231, 258, 263, 283, 304, 311—318, 320, 322, 326, 328, 333, 340, 419, 421, 422, 447, 449, 467, 471—473, 478, 483, 501, 517, 538, 540, 541, 553. См. также географический указатель под словом Монастыри
Монах 48, 85—87, 98, 103, 218, 222, 223, 231, 282, 283, 419, 462, 471, 472, 501, 540
Монахиня 48, 86, 87, 98, 282, 419, 471, 472
Мошенник 247, 491
Мошенничество 247, 436, 490, 491
Мужи судные, см. Судные мужи
Мыт 221, 229, 270
Мытчик 229

Наволок 44, 105, 515, 520, 525
Наезд, см. Пашня наезжая
Наем 74, 85 88, 89, 294, 296, 440, 469, 510, 511
Наймит 74, 87—89, 208, 296, 510, 511
Наймит (биться на поле) 12, 48, 85, 86
Наказ губной 117, 219, 244, 249; — писцовый 7, 329—331
Наказание 52, 55, 59, 60, 100, 196, 197, 199, 200, 214, 243, 244, 247, 265, 269, 270, 272, 445, 446, 485, 555. Ср. Казнь
Наместник 39, 40, 46—48, 53, 60, 66—68, 70, 72, 73, 77—81, 88, 97, 98, 100, 104—106, 115, 183, 187, 191, 193, 194, 204, 210, 211, 219, 221—223, 227—231, 235—237, 242, 244, 248—255, 257, 259—261, 263—275, 277—282, 327, 330—332, 335, 339, 340, 442, 456—458, 482, 483, 492 495—498, 503; — большой московский 46, 51, 63, 215, 216; — митрополичий 98
Наместничество 242, 254, 265
Нарядчик 290, 491
Насилие («сила») 7, 183, 184, 193, 263, 278, 333
Наследование 308, 310, 438, 515, 527, 542—544, 559
Недельщик 50, 62, 69—77, 85, 197, 201—203, 210, 216, 222, 232—244, 270, 278, 428, 438, 449, 455, 456, 478, 480—484, 486, 487, 491, 555, 556
Нищие 331, 461, 472—474, 537
Новопорядчик 92, 94, 95
Новоприходец 94, 228, 515

Обвинение 199, 211—213, 246, 269, 485, 553, 554
Обвиняемый 76, 77, 243, 269, 273, 462, 463, 489, 500
Обжа 92, 522
Обида 7, 8, 48, 54, 100, 108, 183, 184, 186,

193, 197, 211, 223, 234, 238, 239, 263, 278, 279, 333, 463, 553
Обманщик 247, 490, 491
Обрез 56
Оброк 218, 219, 452, 470, 476, 499, 533, 536; — кормленый 235, 336
Община 62, 78, 83, 99, 511—514, 516, 519, 561
Обыск 55, 62, 71, 92, 203, 204, 207, 209, 243, 246, 247, 263, 275, 429, 436, 439, 463, 485, 487—489, 540, 550—553, 555—557
Обычай 8, 50, 88, 92, 93, 95, 98, 301, 302, 485, 522, 528, 536
Обычное право 418, 432, 433, 566
Оговор 63, 64, 247, 446, 489
Огнищанин 213
Огород (изгородь) 99, 100, 431, 437, 470, 516, 522, 523, 527, 528, 529, 530, 534, 557
Огородник 57, 97
Оковы 51, 269, 498
Окольничий 37, 40—42, 45, 85, 183, 194, 196, 201—204, 316, 444, 446, 450, 478
Опала 6, 119, 183, 184, 263, 281, 318
Опричнина 194, 293, 316, 318
Освященный собор 7, 181, 182, 184, 188, 227, 228, 256, 278
Осек 99, 437, 528, 529, 534, 535
Ответчик 14, 46—48, 50—52, 58, 70—73, 75, 76, 77, 84, 86, 87, 104, 105, 197, 199, 202—207, 210, 213, 215—217, 240—243, 245, 252, 253, 260, 263, 268, 276, 278, 280, 281, 287, 289, 339, 424, 435, 448, 450, 451, 453—455, 457, 458, 462, 463, 475—478, 481, 483, 484, 490, 499—502, 517, 518, 521, 532, 540, 549, 552, 554, 556
Отказ (крестьянский) 39, 91—93, 95—97, 295, 319, 323—325, 328, 432, 516, 535, 536
Отец 74, 106, 282, 283, 328, 438, 505, 515, 558, 559
Отпись 217, 445, 479, 488
Отрок (изорника) 57, 97

Память 448; — наказная 240, 241
Патриарх 125, 127, 427, 440, 441
Пашня 99, 100, 119, 322, 323, 521, 530—532; — наезжая 103, 104, 522, 523
Пеня 67, 100, 196, 197, 243, 270, 445, 462, 491
Переветник 57
Перевод 62, 76, 245
Пересуд 51, 104, 197, 449, 484, 485, 501
Печалование 45
Печальник 45
Печатник 68, 69, 71, 218—220, 232, 267
Печать 64—66, 68, 69, 71, 214, 219, 240, 252, 253, 287, 288, 479, 537, 556
Печище 512, 513
Пешки 461, 465, 562
Писец 43, 76, 219, 312, 328, 329, 331, 534; — книжный 89
Писчее 440, 448
Племянник 70, 74, 233, 301—303, 307, 310, 525
Плотник 74, 89
Поверстное 481
Повоз 93, 319—321
Поголовное 561, 562
Погост 181, 186, 247, 266, 267, 469, 471, 472, 541, 548
Подать 57, 93, 218, 221, 223, 224, 228, 231, 321—323, 481, 498, 536, 537, 561, 562
Подвойский 105
Поджог 59, 72, 85, 203, 488
Подлог 199, 269, 438, 445, 491
Подмет 59
Подметчик 59
Подписка (подделка документов) 248
Подписчик 491, 493
Подсудность 77, 93, 242, 258, 260, 339, 447, 453, 475, 476, 483, 503, 537—541, 549, 560, 562
Подъем (пошлина) 40
Подьячий 64, 65, 69, 70, 72, 117, 196, 199, 201—203, 214, 217, 444—446, 449, 477, 479, 480
Пожелезное 197
Пожилое 93, 95, 96, 285, 319—321, 323, 325, 536
Пожня 69, 83, 88, 99, 100, 105, 218, 515, 520, 530, 541, 557
Позов 72, 105
Позовник 105
Позовница 78, 82
Поклонное 234, 428, 481, 482
Покрута 57
Поле (земля) 51, 100, 319, 512, 514—516, 520, 521, 523, 529
Поле (судебный поединок) 47—51, 56, 75, 76, 79, 82—86, 104, 108, 201—209, 212, 213, 253, 325, 449, 450, 454—457, 484, 550, 551, 554, 556
Полетное 472, 545
Поличное 46, 55, 56, 60—63, 71, 76, 88, 183, 191, 212, 215, 221, 222, 249, 250, 260, 339, 429, 430, 485, 486
Половник 90, 96, 97, 514
Полон 90, 91, 291
Полоняник 91
Полтина 14, 47, 85, 94, 204, 319, 459, 466, 468
Померное 192
Поместье 39, 43, 220, 259, 299, 314—316, 322
Помещик 7, 52, 91, 100, 255, 260, 261, 262, 290, 293, 294, 299, 310, 313, 314, 324, 325, 428, 517
Поминок 73, 428, 434, 443, 481
Помочное 202
Пономарь 440, 462, 471, 538, 540
Поп 73, 85, 89, 98, 198, 202, 222, 253, 321,

322, 462, 470, 471, 521, 532, 536, 538—543
Портище 46
Порука 46, 62, 71, 73, 74, 76, 77, 90, 100, 204, 216, 231, 234, 237—240, 242, 244—247, 269, 270, 276, 279, 289, 325, 332, 428, 445, 446, 450, 479, 480, 481, 485, 487, 497, 501, 558
Посад 39, 61, 228, 276, 284, 287, 326—329, 331, 459, 461, 493
Посадник 45—47, 56, 62, 75, 82, 98, 104
Посельский 44, 65, 67, 69, 75, 87, 97, 242, 531
Послух 14, 39, 49, 67, 73, 82—87, 204—207, 209, 300, 302, 303, 307, 310, 318, 438, 450, 451, 454, 455, 519, 524, 525, 549, 551, 554
Послушество 62, 82, 83, 86, 207—209, 300, 303, 304, 451, 548—551
Посул 46, 47, 63, 73, 75, 108, 181, 193, 196, 198—200, 216, 281, 433, 434, 443—445, 478, 549
Потрава 99, 100, 431, 437, 516, 523, 528, 529
Пошлина 40, 47, 50, 51, 56, 60, 63—66, 68, 69, 73, 79, 85, 86, 88, 98, 104—106, 186, 196—199, 202—205, 215, 216, 218, 221, 229, 232, 249, 252, 253, 263, 264, 267, 276, 283, 320, 332, 339, 438, 444, 448, 449, 475, 476, 479, 480, 485, 495, 501, 502, 519, 536, 546; — венечная 198; — избная 202; — полевая 48, 75, 85, 202—204, 252, 450; — таможенная 192, 224
Правда 49, 70, 72, 73, 76, 79, 81, 82, 97, 105, 183, 197, 199, 204, 212, 215, 221, 240—242, 428, 480, 497, 548, 554, 555
Правда Русская 9, 37, 56, 89, 91, 94, 107, 129, 202, 205, 213, 283, 295, 297, 462, 488, 506
Праведчик 86, 210, 212, 221, 270, 455, 456
Правеж 114, 245, 447, 539, 540
Правосудие митрополичье 100, 102
Правый 45, 46, 48, 85, 215
Правый десяток 105, 197, 449, 485, 501
Празга 470
Преступление 39, 53—55, 57, 59, 60, 63, 73, 199, 212, 243, 244, 247, 271, 339, 487, 488, 494; — политическое 57, 59; — служебное 202, 238, 242, 243, 270, 281, 458, 482; — уголовное 55, 57, 66, 203, 205, 213, 248, 254, 261
Преступник 52, 63, 244, 248, 249, 252, 458, 485, 487, 560
Приводчик 485, 486
Приговор (судебный) 42, 49, 58, 65, 71, 83, 84, 86, 87, 104, 105, 199, 210, 269, 453, 539, 540
Приговор царский и боярский 207, 228, 245, 268, 280, 282, 289, 325, 327, 334—337, 425; — 1550 г. 226, 227, 327, 329—331; —1556 г. 205, 217, 209, 240; — 1557 г. 316, 317; — 1559 г. 290; — 1584 г. 224; — соборный 1551 г. 311—316
Приданое 472, 544, 545
Приказ 40, 41, 43, 113, 120, 128, 195, 196, 200, 214, 236, 237, 239—242, 243, 248, 258, 275, 278, 281, 287, 337, 446, 447, 458, 486, 526, 554, 556; — Большого Дворца 119, 212, 219; — Земский 127; — Каменных дел 475; — Поместный 318; — Разбойный 123, 126, 250, 492
Приказный строй 202
Приказчик 63, 66, 67, 93, 218, 221, 320, 497, 498, 554; — городовой 187, 228, 229, 269, 270, 275; — митрополичий 44, 70, 100
Прирок 63, 64, 246
Присадка (в сместном суде) 186, 223
Пристав 44, 48, 50, 54, 56, 58, 67, 69—77, 81, 89, 100, 103—105, 210, 211, 215, 216, 232, 234, 235, 237, 241, 248, 277, 279—281, 456, 478, 481; — земский 455, 478, 483
Приставное 48, 75
Присуд 187, 215, 447, 547, 560, 562
Присяга 48, 50, 81, 434, 443, 444, 450, 451, 475, 481, 500
Приход (церковный) 470, 471, 514, 521, 532, 538
Причт церковный 222, 223, 448, 461, 471, 538
Прогоны 248, 552, 553
Продажа 7, 8, 40, 48, 51, 56, 58, 60, 61, 80, 81, 85, 183, 184, 193, 197, 216, 229, 234, 238, 239, 245, 249, 252, 263, 278, 279, 333
Проесть 242, 484, 504, 552
Пропятенье 332, 546, 547
Проскурница 98, 440, 462, 471, 538, 540, 541
Протаможье 55
Противень 51, 56, 79, 202, 252, 253, 269
Протори 221
Пустошь 44, 65
Путик 415, 516, 532, 534
Путь 236, 504, 521
Пытка 61, 75, 203, 243, 246, 429, 430, 486, 487
Пятенщик 222, 332, 546
Пятидесятский 181, 266, 420, 421, 440, 443, 446, 462, 468, 483, 486, 493, 540
Пятнание (лошадей) 332, 546, 547
Пятно 546

Раб 107, 212, 321
Раба 64, 65, 107, 264, 271, 495, 506, 507
Рабство 61, 89, 106, 107, 282
Разбой 51, 53—56, 61, 63, 71, 79, 80, 85, 88, 183, 191, 203, 212, 221, 222, 243, 248, 249, 260, 262, 271—274, 492
Разбойник 52, 55, 56, 62, 72, 80, 215, 243, 248—250, 474, 486, 487, 490, 492—494
Разметы земские 220, 221, 499
Разъезд (земель) 49
Разъездчик 44, 88
Раменье 218

Рассыльщик 456, 480
Рать 89
Резанка 63, 70, 73
Род 270, 298, 312, 429, 434, 512, 513, 527, 542, 551
Родичи 98, 300, 301, 308, 524, 525
Рожь 56, 212, 321, 322, 461, 465
Розруб 468
Рост 90, 96, 106, 217, 219, 284, 292—296, 317, 435, 451—453, 465, 470, 490, 509, 510, 537
Ростовщичество 460, 465
Рубль 46, 47, 50, 56, 57, 59, 62, 63, 76, 79, 89—94, 104, 202—204, 212, 213, 245, 247, 252, 276, 277, 284—285, 288, 290, 301, 308, 319, 320, 429, 448—450, 459, 460, 464, 466, 469, 472, 479, 482, 484, 485, 488, 489, 499, 508, 531, 543, 545, 546, 562
Руга 448
Ряд 88, 107, 504

Сажень 432, 535, 536; — печатная 432
Самосуд 46
Свидетель 81, 82, 84, 105, 207, 209, 210, 212, 247, 269, 428, 542, 546, 553. См. также Послух
Селище 44, 87
Село 51, 54, 60, 63—65, 95—97, 100, 104, 215, 216, 218, 231, 242, 247, 249, 258, 275, 307, 311, 321, 328, 340, 437, 515, 527, 528, 530, 531, 536, 555
Семенов день 437, 516, 527
Серебро головное 58, 66; — монастырское 90, 96, 97, 106
Серебреники 65, 90, 94, 96, 97, 286, 287
Сестра 74, 301—303, 525, 558
Складник 513, 515, 516, 519—524, 531, 532, 540, 558
Скоморох 247, 432, 462, 472, 473
След 56, 485
Слобода 90, 102, 106, 192, 225, 227, 228, 326—328, 330—332
Смерд 91, 208, 213
Снос 294, 508
Сосед 101, 513, 516, 520, 523, 524, 528, 531, 532
Сотная 329, 534
Сотник, см. Сотский
Сотня гостинная 464; — суконная 464
Сотский, сотник 55, 57, 78, 82, 181, 186, 221, 266, 329, 420, 421, 443, 445, 462, 468, 470, 472, 477, 483, 485—487, 493, 503, 516, 528, 562
Соха 119, 561, 562
Список выборный (выбор) 433, 468, 469, 493; — докладной 64; — наказной 493; — подкрестный 443; — разрубной 467, 468, 499, 561, 562; — судный 199, 214, 252, 253, 258, 269, 270, 343, 446, 467
Срок (явки в суд) 42, 50, 69—71, 75, 76, 81, 85, 86, 203, 210, 217, 232, 237, 242, 269, 277—279, 281, 479, 484
Стан 63, 77, 79, 81, 88, 454, 476, 478, 481, 483, 420, 493, 521, 531, 553
Становщик 57, 69
Старожилец 49 83, 84, 87, 94, 207, 208, 424, 428, 429, 437, 517, 518, 534
Староста 78, 90, 96, 185, 186, 191, 198, 218, 240, 252, 253, 265—270, 274, 275, 335, 476, 495—498, 514, 528, 550, 551, 555, 556, 562; — волостной 223, 469, 514, 516, 519, 528, 553, 555; — градской 253; — губной 60, 61, 117, 219, 244, 248—250, 262, 263, 272—274, 492, 494, 555; — данный 466, 467; — излюбленный 467, 483, 502; — поповский 253, 540; — судный 275, 467; — церковный 462, 469 470, 504, 538, 540, 541, 553
Статок 55, 56, 60, 72, 80, 249, 250, 276, 494, 559
Стоглав 120, 121, 124, 129, 182, 186, 189, 190, 198, 199, 218, 222, 223, 227, 231, 247, 253, 326, 327, 331, 332, 540
Стоглавый собор 7, 8, 113, 120, 181, 182, 184—190, 192, 209, 225, 226, 231, 266, 278, 298, 319, 327—332
Стороны на суде 46, 48—52, 64, 65, 69, 70, 77, 83—87, 104, 105, 204—206, 208, 209, 216, 263, 268, 269, 297, 339, 429, 445, 446, 448, 450, 451, 458, 463, 477, 483, 484, 489, 501, 504, 517, 518, 539—541, 551—553
Стрельцы 419, 421, 462, 475, 510
Строй, см. Трапезник
Суд 37—39, 41—47, 50, 51, 55—58, 60—64, 66, 67, 69—72, 75—79, 81—88, 100—105, 108, 114, 117, 118, 120, 121, 124—126, 129, 181, 183, 184, 193, 195, 196, 198—201, 203, 204, 207—212, 215, 216, 220, 221, 223, 227, 228, 231, 233, 238, 242, 243, 246—248, 250, 251, 253—255, 258—260, 266, 268—270, 273, 274, 276—278, 280, 281, 288, 289, 293, 294, 296, 297, 326, 327, 329, 338, 421, 427, 428, 430—435, 437, 438, 440, 442, 446, 447, 450, 451, 453, 455, 456, 463, 467, 468, 479—484, 488—490, 495, 497, 500, 501, 503, 504, 517, 519, 521, 523, 540, 549, 551, 553, 559, 560; — боярский 41—43, 64, 66—68, 79, 80, 196, 200, 250, 252—255, 258, 264, 265, 267, 271—274, 284, 495, 496; — велико-княжеский 41, 44, 45, 64, 67, 68, 102; — волостной (земский) 9, 420, 421, 423, 424, 427, 434, 443, 445, 446, 448—450, 455—458, 462, 463, 467, 476—480, 482, 433, 487, 489, 491, 494—498, 502, 521, 529, 538—541, 556; — детей великого князя 68; — наместничий 79—80, 185, 191, 193, 194, 203, 204, 210, 242, 248, 250—252, 255, 257, 258, 260, 265, 267, 272, 274, 279, 442, 456, 482, 492, 495, 496, 498, 503, 550; — приказной 40, 41, 195, 196, 200, 237; — с головы 196, 197, 208, 242, 264, 444; — святительский 98, 186, 190, 222, 223, 253,

311, 315, 462, 538—540, 553; — сместный (вопчий) 214, 215, 221, 223, 241, 242, 255, 257—259, 277, 297, 339, 340, 477, 502, 539, 540; — третейский 88; — царский 197, 198, 258, 260, 271, 340, 477; — центральный 68, 80, 194, 200, 203, 204, 210, 237, 241, 248, 254, 427, 443—445, 447—450, 455, 456, 477—480, 482, 483, 486, 487, 491, 518; — церковный 98, 209, 538, 539, 541
Судебник 1497 г. 6—9, 12—16, 31—33, 37—108, 115, 116, 182, 191, 192, 194, 195, 200, 205, 211, 234, 242, 245, 251—255, 264, 265, 267, 270, 284, 297, 298, 325, 326, 494
Ст. 1: 40—43, 45, 47, 64, 75, 79, 196
Ст. 2: 40—45, 47, 64, 195, 200
Ст. 3: 47, 64, 68, 79, 194, 201
Ст. 4: 47, 64, 79, 88, 194, 201
Ст. 5: 47, 64, 88, 194, 202
Ст. 6: 47, 51, 64, 79, 194, 202
Ст. 7: 7, 47, 64, 79, 85, 202
Ст. 8: 51—57, 64, 80, 243, 248
Ст. 9: 57—59, 64, 251
Ст. 10: 60, 61, 64, 244
Ст. 11: 60, 61, 64, 245
Ст. 12: 60, 61, 64, 246, 247
Ст. 13: 60, 61, 64, 243
Ст. 14: 60, 61, 64, 243, 246
Ст. 15: 64, 68, 80, 216
Ст. 16: 64, 67, 68, 80, 216
Ст. 17: 64, 66, 68, 80, 216
Ст. 18: 64, 66, 80, 254, 283, 284
Ст. 19: 45, 64, 196
Ст. 20: 64, 68, 80, 254, 264
Ст. 21: 12, 68, 217
Ст. 22: 68, 217
Ст. 23: 68, 217
Ст. 24: 68, 217
Ст. 25: 69, 218
Ст. 26: 64, 69
Ст. 27: 64, 217, 218
Ст. 28: 64, 71, 72, 210, 232
Ст. 29: 64, 72, 73, 80, 232, 233
Ст. 30: 12, 73, 233
Ст. 31: 74, 233
Ст. 32: 74, 75, 242
Ст. 33: 74, 75, 216, 478
Ст. 34: 74, 75, 243
Ст. 35: 74, 76, 244
Ст. 36: 12, 74, 77, 242, 248
Ст. 37: 77, 194, 241
Ст. 38: 51, 77—80, 88, 194, 203, 251, 266, 268
Ст. 39: 77, 80, 194, 243, 248, 250, 271, 272, 274
Ст. 40: 77, 80, 194, 254, 264, 266
Ст. 41: 77, 80, 194, 254, 264, 266
Ст. 42: 77, 80, 194, 254
Ст. 43: 12, 77, 80, 192, 194, 271—274
Ст. 44: 77, 80, 194
Ст. 45: 77, 81, 184, 194, 263, 277, 278
Ст. 46: 81, 82, 332
Ст. 47: 81, 82
Ст. 48: 82, 85, 209
Ст. 49: 85, 87, 210
Ст. 50: 86, 210
Ст. 51: 86, 204, 206
Ст. 52: 12, 87, 210
Ст. 53: 87, 88, 216
Ст. 54: 88—90, 296
Ст. 55: 89, 90, 325
Ст. 56: 90, 291
Ст. 57: 91—93, 95—97, 319
Ст. 58: 97, 213
Ст. 59: 98, 326, 331
Ст. 60: 98, 274, 332
Ст. 61: 99, 319
Ст. 62: 99, 100, 319
Ст. 63: 99, 103, 255, 296, 297
Ст. 64: 77, 99, 104, 242
Ст. 65: 77, 106, 277
Ст. 66: 106, 107, 282
Ст. 67: 77, 204, 205, 338, 549
Ст. 68: 108, 204
Судебник 1550 г. 7—9, 13, 40, 59, 111—129, 181, 182, 184—187, 190—200, 204, 206, 207, 211, 223, 224, 231, 233, 235, 236, 241, 250—256, 271, 275, 281, 287, 292, 295, 297—299, 311, 315, 316, 326, 336, 343—345, 417—419, 421, 423—427, 431—433, 436—447, 464, 527, 530, 531, 535—540, 550, 560
Ст. 1: 119, 195, 196, 427, 433, 443, 444
Ст. 2: 119, 195—198, 444, 478
Ст. 3: 119, 195—199, 216, 243, 335, 444, 478
Ст. 4: 119, 195, 196, 199, 438, 445
Ст. 5: 119, 195, 199, 215, 446
Ст. 6: 119, 195, 199, 201, 218, 446, 478
Ст. 7: 119, 195, 200, 201, 214, 235, 335, 446, 447, 478
Ст. 8: 119, 195—197, 199, 201—203, 216—218, 448, 449
Ст. 9: 119, 195, 197, 199, 201—203, 218, 449
Ст. 10: 195, 197, 199, 202, 203, 218, 449
Ст. 11: 197, 199, 202, 203, 218, 449
Ст. 12: 197, 202, 203, 449, 450
Ст. 13: 119, 197, 204, 449
Ст. 14: 204, 449, 450
Ст. 15: 204—209, 438, 454
Ст. 16: 202, 209, 454
Ст. 17: 210, 455
Ст. 18: 210, 455
Ст. 19: 114, 123, 210, 455
Ст. 20: 210, 456
Ст. 21: 210, 233, 456
Ст. 22: 210, 456, 457
Ст. 23: 210, 456, 457
Ст. 24: 211, 281, 335, 456, 457
Ст. 25: 211, 458
Ст. 26: 212, 213, 235, 435—437, 459, 463—465, 475
Ст. 27: 213, 475
Ст. 28: 119, 214, 235, 252, 477

Ст. 29: 119, 201, 214, 235, 477
Ст. 30: 119, 214, 215, 241, 477
Ст. 31: 216, 478
Ст. 32: 216, 478
Ст. 33: 216, 218, 479
Ст. 34: 216, 218, 235, 479
Ст. 35: 115, 216, 479
Ст. 36: 217, 479
Ст. 37: 197, 217, 479
Ст. 38: 197, 217, 479
Ст. 39: 217, 479
Ст. 40: 120, 217, 479
Ст. 41: 217, 479, 480
Ст. 42: 218, 219, 480
Ст. 43: 119, 125, 218—221, 223—231, 266, 326, 331, 480
Ст. 44: 119, 125, 219, 232, 237, 480
Ст. 45: 232, 428, 438, 480
Ст. 46: 233, 481
Ст. 47: 210, 212, 233—241, 482
Ст. 48: 237, 241, 482
Ст. 49: 242, 483, 484
Ст. 50: 129, 242, 484
Ст. 51: 127, 129, 242, 484, 485
Ст. 52: 127, 129, 204, 243, 272, 429, 430, 436, 485, 486
Ст. 53: 129, 243, 244, 272, 486
Ст. 54: 113, 129, 244, 272, 486, 487
Ст. 55: 129, 243—245, 247, 272, 325, 487
Ст. 56: 129, 245, 246, 272, 325, 487
Ст. 57: 129, 246, 272, 488
Ст. 58: 129, 246, 272, 430, 436, 437, 488, 490
Ст. 59: 129, 248, 272, 274, 491, 492
Ст. 60: 129, 248, 250, 271, 272, 274, 335, 491, 492
Ст. 61: 59, 129, 251, 272, 494
Ст. 62: 120, 129, 185, 186, 191, 201, 204, 251—253, 265—269, 274, 277, 279, 325, 335, 495
Ст. 63: 185, 186, 251, 253, 254, 264—267, 272—274, 277, 279, 495
Ст. 64: 184, 185, 187, 191, 193, 251, 255—262, 265—268, 273, 274, 279, 291, 292, 495
Ст. 65: 185, 186, 251, 264, 265, 274, 277, 279, 495
Ст. 66: 185, 186, 251, 264, 266, 274, 277, 279, 495, 496
Ст. 67: 185, 186, 251, 264, 265, 274, 277, 279, 496
Ст. 68: 185, 186, 191, 250, 251, 265, 267, 268, 271, 274, 277, 279, 335, 496
Ст. 69: 185, 186, 251, 267—269, 274, 277, 279, 497
Ст. 70: 120, 185, 186, 251, 267, 269, 270, 274, 277, 279, 497, 498
Ст. 71: 185, 186, 193, 248, 250, 251, 271—274, 277, 279, 498
Ст. 72: 123, 185, 186, 243, 251, 267, 268, 273—279, 498, 499, 501
Ст. 73: 122, 123, 185, 186, 251, 267, 274—277, 279, 438, 501, 502
Ст. 74: 120, 185, 186, 251, 274, 277, 279, 502
Ст. 75: 185, 186, 234, 235, 251, 274, 277—282, 289, 503
Ст. 76: 282, 283, 286, 505, 507
Ст. 77: 113, 114, 123, 235, 273, 283, 286, 507
Ст. 78: 114, 193, 284—287, 289, 291, 293, 294, 322, 504, 508
Ст. 79: 286, 290, 504, 508
Ст. 80: 127, 286, 291, 504, 508
Ст. 81: 127, 193, 286, 288, 289, 291—293, 504, 508—510
Ст. 82: 286, 293, 294, 296, 504, 508—510
Ст. 83: 286, 296, 436, 437, 504, 510
Ст. 84: 120, 296, 297, 428, 429, 436, 437, 511, 516, 518
Ст. 85: 297—319, 431, 436, 511, 524, 526, 527
Ст. 86: 319, 436, 437, 511, 527, 530
Ст. 87: 319, 431, 511, 530, 531
Ст. 88: 120, 283, 285, 319—325, 432, 535, 536
Ст. 89: 113, 127, 325, 537
Ст. 90: 127, 219, 325, 437, 537
Ст. 91: 223, 226—228, 326—331, 340, 436—438, 477, 538, 539, 542
Ст. 92: 332, 438, 542, 559
Ст. 93: 332, 545
Ст. 94: 119, 127, 332, 546
Ст. 95: 332, 546, 547
Ст. 96: 332, 547
Ст. 97: 114, 333—335, 338, 547, 549
Ст. 98: 113, 114, 334, 335, 337, 338, 548, 549
Ст. 99: 205, 338, 439, 548, 549
Ст. 100: 113, 117, 260, 338, 339, 439, 477, 549
Судебник 1589 г., краткая редакция 424—428, 431—433, 435—439
Ст. 1: 433, 434, 444
Ст. 2: 427, 437, 438, 445
Ст. 3: 435, 451, 453
Ст. 4: 453
Ст. 5: 437, 438, 454, 551
Ст. 6: 458, 503
Ст. 7: 432, 436, 437, 459, 463, 466
Ст. 8: 427, 428, 437, 438, 480
Ст. 9: 429, 430, 436, 485, 551
Ст. 10: 430, 436, 437, 488, 489, 551
Ст. 11: 436, 491
Ст. 12: 499, 500
Ст. 13: 501
Ст. 14: 437, 438, 501
Ст. 15: 503
Ст. 16: 436, 437, 510
Ст. 17: 428, 429, 436, 437, 551
Ст. 18: 428, 519
Ст. 19: 428, 519
Ст. 20: 522

Ст. 21: 523
Ст. 22: 431, 432, 436, 527
Ст. 23: 431, 436, 437, 528
Ст. 24: 529
Ст. 25: 530
Ст. 26: 530
Ст. 27: 531, 532
Ст. 28: 534
Ст. 29: 534
Ст. 30: 432, 536
Ст. 31: 432, 437, 439, 537
Ст. 32: 432, 436—438, 539
Ст. 33: 538
Ст. 34: 432, 437—439, 542, 543
Ст. 35: 514
Ст. 36: 545
Ст. 37: 439, 549
Ст. 38: 439, 549
Ст. 39: 439, 550
Ст. 40: 439, 550
Ст. 41: 439, 550
Ст. 42: 439, 550
Ст. 43: 439, 550
Ст. 44: 439, 550
Ст. 45: 439, 550, 554
Ст. 46: 439, 550
Ст. 47: 439, 550
Ст. 48: 439, 550
Ст. 49: 439, 550
Ст. 50: 439, 550
Ст. 51: 557
Ст. 52: 558
Ст. 53: 432, 558
Ст. 54: 558
Ст. 55: 559
Ст. 56: 560
Судебник 1589 г., пространная редакция 9, 115, 123, 124, 199, 200, 206, 207, 220, 343—346, 418—427, 432, 433, 436, 440—444, 449, 457, 462, 469, 480, 527, 531, 535, 537—540, 560
Ст. 1: 427, 443, 444, 482
Ст. 2: 444, 482
Ст. 3: 444, 445, 482
Ст. 4: 199, 212, 427, 445
Ст. 5: 446, 482
Ст. 6: 200, 425, 446
Ст. 7: 425, 446, 447
Ст. 8: 447, 484
Ст. 9: 448, 495, 519
Ст. 10: 425, 448, 495, 519
Ст. 11: 449
Ст. 12: 449, 450
Ст. 13: 449
Ст. 14: 449, 450
Ст. 15: 449, 450
Ст. 16: 203, 449
Ст. 17: 425, 449, 450
Ст. 18: 449
Ст. 19: 449, 450
Ст. 20: 206, 450
Ст. 21: 206, 450
Ст. 22: 206, 450, 451
Ст. 23: 451, 453, 454
Ст. 24: 434, 453, 454
Ст. 25: 202, 453, 454
Ст. 26: 454
Ст. 27: 454
Ст. 28: 455
Ст. 29: 455
Ст. 30: 434, 455, 556
Ст. 31: 456
Ст. 32: 456, 480
Ст. 33: 456
Ст. 34: 456, 457
Ст. 35: 456, 457
Ст. 36: 456, 457, 503
Ст. 37: 456—458
Ст. 38: 458
Ст. 39: 458
Ст. 40: 458
Ст. 41: 442, 458, 459, 463
Ст. 42: 442, 458, 459, 463
Ст. 43: 442, 458, 459, 463
Ст. 44: 442, 458, 459, 463
Ст. 45: 442, 458, 459, 463
Ст. 46: 442, 458, 459, 463
Ст. 47: 442, 458, 459, 464
Ст. 48: 442, 458, 459, 464
Ст. 49: 442, 458, 459, 464
Ст. 50: 442, 458—460, 464, 465
Ст. 51: 442, 458—460, 465, 466
Ст. 52: 442, 459—460, 465
Ст. 53: 419, 442, 458, 459, 466
Ст. 54: 419, 442, 458, 459, 466
Ст. 55: 442, 446, 458, 459, 462, 466, 468
Ст. 56: 442, 446, 458, 459, 462, 467
Ст. 57: 442, 446, 458, 459, 462, 468, 472
Ст. 58: 440, 442, 446, 458, 459, 462, 468
Ст. 59: 440, 442, 446, 458, 459, 462, 469
Ст. 60: 442, 458, 459, 462, 469
Ст. 61: 442, 458, 459, 462, 470
Ст. 62: 440, 442, 458, 459, 462, 471, 481, 540
Ст. 63: 419, 442, 458, 459 462, 471
Ст. 64: 442, 455, 458, 459, 461, 472, 473
Ст. 65: 442, 458, 459, 462, 472
Ст. 66: 442, 458, 459, 462, 472
Ст. 67: 442, 458, 459, 461, 472—474
Ст. 68: 442, 458, 459, 474
Ст. 69: 442, 458, 459, 474
Ст. 70: 442, 458, 459, 474
Ст. 71: 442, 458, 459, 474
Ст. 72: 419, 458, 459, 462, 475, 510
Ст. 73: 442, 458, 459, 475
Ст. 74: 425, 475, 477
Ст. 75: 425, 477
Ст. 76: 477
Ст. 77: 477, 483
Ст. 78: 478
Ст. 79: 478
Ст. 80: 478

Ст. 81: 479
Ст. 82: 479
Ст. 83: 479
Ст. 84: 479
Ст. 85: 479
Ст. 86: 479
Ст. 87: 479
Ст. 88: 479
Ст. 89: 425, 479
Ст. 90: 480
Ст. 91: 480
Ст. 92: 480
Ст. 93: 480
Ст. 94: 427, 428, 456, 480, 481
Ст. 95: 428, 456, 481, 483
Ст. 96: 482
Ст. 97: 482, 483
Ст. 98; 483
Ст. 99: 484
Ст. 100: 458, 484
Ст. 101: 484
Ст. 102: 485
Ст. 103: 429, 430, 485, 486
Ст. 104: 486
Ст. 105: 425, 486
Ст. 106: 425, 468, 486, 487
Ст. 107: 487
Ст. 108: 487
Ст. 109: 488
Ст. 110: 247, 430, 488
Ст. 111: 430, 431, 488, 489, 491
Ст. 112: 247, 490, 491
Ст. 113: 290, 491
Ст. 114: 469, 491, 492
Ст. 115: 474, 494
Ст. 116: 495
Ст. 117: 495
Ст. 118: 495
Ст. 119: 495, 496, 504
Ст. 120: 496
Ст. 121: 496
Ст. 122: 496
Ст. 123: 497
Ст. 124: 497
Ст. 125: 497, 498
Ст. 126: 498
Ст. 127: 498
Ст. 128: 498
Ст. 129: 498, 499
Ст. 130: 499, 500
Ст. 131: 501
Ст. 132: 501,502
Ст. 133: 502, 518
Ст. 134: 503
Ст. 135: 503
Ст. 136: 496, 504, 505, 554
Ст. 137: 496, 504—507, 554, 559
Ст. 138: 496, 504, 507, 554
Ст. 139: 496, 504, 507, 554
Ст. 140: 496, 504, 507, 554
Ст. 141: 496, 504, 508, 554
Ст. 142: 496, 504, 508, 554
Ст. 143: 496, 504, 505, 508, 554
Ст. 144: 496, 504, 508, 554
Ст. 145: 496, 504, 508, 554
Ст. 146: 496, 504, 508, 509, 554
Ст. 147: 504, 509, 554
Ст. 148: 504, 510, 554
Ст. 149: 428, 504, 511, 516
Ст. 150: 428, 504, 511, 516
Ст. 151: 425, 428, 429, 504, 511, 517
Ст. 152: 425, 428, 504, 511, 517
Ст. 153: 425, 428, 504, 511, 517, 556
Ст. 154: 425, 428, 429, 504, 511, 518
Ст. 155: 428, 429, 504, 511, 518
Ст. 156: 425, 428, 429, 504, 511, 518
Ст. 157: 428, 429, 504, 511, 518, 519
Ст. 158: 428, 429. 504, 511, 519
Ст. 159: 343, 423, 428, 504, 511, 515, 519—521, 524, 562
Ст. 160: 504, 511, 515, 519, 522—524
Ст. 161: 504, 511, 522, 523
Ст. 162: 504, 511, 515, 523, 524
Ст. 163: 504, 511, 515, 524—526
Ст. 164: 504, 511, 524, 526
Ст. 165: 504, 511, 515, 524, 527
Ст. 166: 431, 504, 511, 515, 524, 527
Ст. 167: 504, 511, 515, 524, 527
Ст. 168: 431, 504, 511, 516, 527, 528
Ст. 169: 504, 511, 516, 528, 529, 535
Ст. 170: 504, 511, 516, 529, 535
Ст. 171: 504, 511, 530
Ст. 172: 504, 511, 528, 530
Ст. 173: 504, 511, 531, 537
Ст. 174: 343, 423, 504, 511, 516, 521, 531, 532, 562
Ст. 175: 504, 511, 516, 530, 532, 533
Ст. 176: 504, 511, 516, 532, 534
Ст. 177: 504, 511, 516, 533, 534
Ст. 178: 425, 504, 516, 535, 536
Ст. 179: 425, 432, 504, 535, 536
Ст. 180: 537
Ст. 181: 537
Ст. 182: 537
Ст. 183: 471, 537
Ст. 184: 472, 537—539, 541
Ст. 185: 419, 477, 537—540
Ст. 186: 477, 537, 538, 540, 541
Ст. 187: 537, 538, 540, 541
Ст. 188: 537, 538, 541
Ст. 189: 537, 542
Ст. 190: 542, 559
Ст. 191: 542, 543
Ст. 192: 544
Ст. 193: 472, 545
Ст. 194: 545
Ст. 195: 546
Ст. 196: 546, 547
Ст. 197: 547
Ст. 198: 547
Ст. 199: 547
Ст. 200: 547
Ст. 201: 548
Ст. 202: 439, 548, 549
Ст. 203: 439, 548, 549
Ст. 204: 439, 549

Ст. 205: 550, 551
Ст. 206: 550, 551
Ст. 207: 550, 551
Ст. 208: 550, 551
Ст. 209: 550, 552
Ст. 210: 550, 552
Ст. 211: 550, 552
Ст. 212: 463, 550, 552
Ст. 213: 550, 553
Ст. 214: 550, 553, 554
Ст. 215: 550, 553, 554
Ст. 216: 550, 554
Ст. 217: 550, 554
Ст. 218: 550, 555
Ст. 219: 550, 555
Ст. 220: 550, 555, 556
Ст. 221: 550, 556
Ст. 222: 550, 556
Ст. 223: 550, 556, 557
Ст. 224: 557
Ст. 225: 520, 558
Ст. 226: 558
Ст. 227: 542, 558, 559
Ст. 228: 559, 560
Ст. 229: 559, 560
Ст. 230: 559, 560
Ст. 231: 447, 453, 461, 465, 466, 476, 483, 560
Судебник Василия III 7, 47, 191
Судебник сводный 112
Судебный поединок, см. Поле
Судебня 215
Судная палата 214
Судница 71
Судные мужи 49, 78, 105, 127, 269, 273, 497
Судья 37, 40, 42—51, 54, 55, 59—61, 64, 65, 69, 75, 76, 83, 85, 87, 88, 98, 101, 104, 105, 186, 194, 195, 197—202, 204, 207, 208, 214—217, 223, 228, 241, 243, 244—251, 263, 295, 297, 309, 339, 340, 429, 433, 435, 443, 445—448, 451, 453, 454, 462, 477, 478, 484—487, 490, 492, 499, 501, 504, 517—519, 521, 539, 549; — земский, волостной 294, 420, 421, 423, 427, 434, 440, 442—444, 446—449, 454, 456—458, 463, 466—470, 476—478, 480—485, 487, 488, 490—498, 500, 502—504, 529, 532, 538—541, 547, 550, 555, 562; — приписной 467, 478, 483
Суземье 530, 532
Сход мирской 445, 449, 467—469, 471, 496, 538
Сын 74, 98, 282, 507, 542, 558, 559
Сын боярский, см. Дети боярские
Сыск 240, 276, 277, 454, 489, 528
Съем 497
Сябры 528

Тамга 51, 63, 73, 221, 229, 230
Таможник 73, 192
Тархан 220, 221, 224—227
Тать 46, 55—58, 60, 61, 72, 75, 76, 80, 81, 215, 243—247, 249, 250, 272, 295, 429, 474, 485—488, 493, 494, 558
Татьба 51, 53—55, 58, 60—63, 71, 73, 75, 79, 80, 85, 183, 191, 203, 206, 212, 222, 243—249, 260, 262, 271, 273, 450, 487, 488; — головная 58
Тиун 77, 81, 106, 194, 204, 210, 212, 221, 241, 242, 249, 264, 265, 282, 333, 491, 496; — боярский 271; — великого князя 42, 46, 66; — волостеля 60, 77—80, 215, 221, 222, 229, 244, 250, 251, 278, 279, 472, 492, 496, 497, 503; — десятинника 98; — детей боярских 271, 273; — ловчего 78, 80; — наместника 66, 67, 78, 79, 100, 104, 221, 244, 250, 251, 265, 266, 270, 278, 279, 295—497, 503; — царя 197
Товар 90, 192, 219, 222, 229, 230, 325
Торг 81, 82, 199, 240, 332, 449, 548
Торговля 460, 465
Трапеза 471, 481, 538, 548
Трапезник, строй 440, 462, 471, 481, 540
Тысяцкий 47, 55
Тюрьма 50, 55, 199, 201, 204, 232, 233, 238—240, 243—246, 272, 273, 445, 446, 450, 468, 474, 478, 480, 487
Тягло 93, 95, 227, 322, 326, 327, 329, 340, 475
Тяжба 38, 43, 44, 47—50, 75, 84, 87, 88, 97, 99, 104, 105, 257, 264, 301, 330, 475

Убийство 50, 53, 54, 57, 58, 260
Убийца 57, 80, 485
Убитый 51, 52, 79, 80, 85, 202—204, 325, 485
Убытки 204, 205, 239, 240, 242, 265, 332, 428, 445, 446, 517, 518, 520, 523, 540, 553, 557
Увечье 213, 463, 475
Удел 57, 101, 102, 338, 339, 477
Уезд 7, 77, 84, 97, 113, 221, 242, 257, 259, 332, 339, 423, 451, 453, 468, 510, 534, 546, 553, 560
Узел 429, 430, 485, 486
Узловое 429
Указ 88, 93, 119, 122, 192, 198, 201, 221, 224, 244, 262, 272, 273, 280, 282, 283, 290, 298, 314, 315, 328, 331, 428, 440, 442, 451, 481, 488, 506, 518; — наместникам о суде городском 77, 79, 194; — «о езду» 15, 73, 74; — о заповедных годах 535; — о недельщиках 74; — 1556 г. 343, 417, 421, 432, 433, 439, 549—556; указы дополнительные 111, 114—129, 292, 336—338, 549
Уложение 1649 г. 9, 60, 63, 112, 113, 239, 240, 243—245, 295, 435, 464, 507, 526
Умéр 520
Управа 43—47, 60, 119, 195, 200, 201, 209, 223, 242, 249, 333, 334, 434, 435, 449, 451, 453, 500, 502, 503, 547
Урок 74, 88, 233, 240

Урочник 74, 233, 234, 238
Устав губной 64; — о разбойных и татиных делах 492

Феодал 39, 44, 45, 52, 60, 62, 77, 83, 86, 89, 92, 93, 96, 103, 184, 264, 273, 288, 292, 298, 316, 321—323, 325, 335, 560
Филиппово заговенье 97

Хлеб 93, 99, 217—219, 321, 322, 452, 500, 536, 537
Хоженое 69, 70, 72—74, 77, 78, 81, 197, 198, 216, 232, 235, 237, 242, 428, 480, 481
Холоп 7, 39, 58, 64—66, 76, 89, 90, 106, 107, 183, 212, 233, 264, 265, 271, 282, 283, 285—287, 289, 291—293, 295, 321, 322, 324, 325, 495, 504—509, 554; — беглый 68, 288—290; — докладной 68, 284, 287; — кабальный 58, 284, 289, 292, 294, 295, 322, 504, 510; — обельный 58; — полный 66, 284, 287, 292, 322, 323, 504
Холопство 39, 61, 66—68, 90, 91, 104, 106, 107, 124, 125, 212, 253, 254, 273, 282—285, 291, 293, 295, 322—324, 333, 504, 505, 509, 536

Царь 7, 8, 181—190, 193, 195, 197—199, 201, 207, 218, 219, 224, 225, 227—232, 238, 239, 242, 253, 256, 258, 260, 263, 266, 269, 278, 281, 286, 289, 293, 304, 312, 313, 315—317, 326, 328, 330, 331, 333—336, 339, 417, 420, 423, 433, 439—445, 447, 451—453, 475, 479, 486, 500, 516, 533, 534, 547, 549, 551, 559, 560
Целовальник 60, 181, 185, 186, 218, 240, 252, 253, 263, 265—270, 273—275, 332, 335, 435, 443—446, 451, 452, 457, 462, 466, 467, 469, 470, 476, 488, 493, 495—498, 503, 519, 540, 541, 544, 550, 551, 553, 555
Цена выкупная (вотчины) 304—306, 317, 526
Церковь 53, 57, 59, 60, 182, 218, 222, 223, 226, 228, 231, 311, 315, 318, 322, 326, 328, 329, 332, 462, 469—472, 481, 537—541, 548, 553; — приходская 538, 541, 542

Челобитная 75, 200, 216, 228, 230—260, 275, 279, 281, 297, 317, 447, 454, 478, 494, 500, 517, 521, 525, 532
Челобитчик 239, 240, 245, 281, 526
Чернец, см. Монах
Черница, см. Монахиня
Четвертчик 235
Четверть, четь 235, 449, 456, 540; — дворовая 422; — Устюжская 423, 521, 540
Чужая земля (заграница) 81, 97
Чужеземец (иностранный подданный) 97, 213, 475—477

Юрьев день 39, 90—94, 96, 97, 321, 323, 324, 535

Ябедник 54, 55, 59, 80, 273, 276, 277, 336, 490, 493
Ябедничество 51, 53, 54, 80, 199, 273—276, 490, 491
Явка (грамота) 445, 470, 504, 511, 522, 529, 558
Явка (пошлина) 192, 222
Явка в суд 69, 70, 278, 279, 281, 479, 484, 498
Ярыжка кабацкий 432, 474

ТАБЛИЦЫ СООТНОШЕНИЯ СТАТЕЙ СУДЕБНИКОВ

Таблица соотношения статей Судебника 1497 г. с Судебниками 1550 г. и 1589 г.

Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Судебник 1589 г.		Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Судебник 1589 г.	
		краткая редакция	пространная редакция			краткая редакция	пространная редакция
1	1	1	1	30	46	—	95
2	7	—	7, 8	31	47	—	96
3	8	—	9, 10	32	50	—	100
4	9	—	12	33	32	—	80
5	10	—	13, 14	34	53	—	104
6	11	—	15	35	54	—	106
7	12	—	17	36	49	—	98, 99
8	59	—	113	37	48	—	97
9	61	—	115	38	62	—	116
10	55	—	107	39	60	—	114
11	56	—	108	40	65	—	118
12	58	10	110	41	67	—	121
13	52	9	103	42	77	—	139, 140
14	57	—	109	43	71	—	126
15	33	—	81	44	—	—	—
16	34	—	82	45	75	—	134
17	35	—	83	46	93	—	194
18	77	—	139, 140	47	—	—	—
19	2	—	2	48	16	—	27
20	66	—	119	49	17	—	28
21	37	—	85	50	18	—	29
22	38	—	86	51	15	—	22
23	40	—	88	52	19	—	30
24	39	—	87	53	31	—	78
25	42	—	90	54	83	16	148
26	41	—	89	55	90	—	181, 182
27	42	—	90	56	80	—	144
28	44	—	93	57	88	—	178
29	45	8	94	58	27	—	74

Продолжение

Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Судебник 1589 г. краткая редакция	Судебник 1589 г. пространная редакция
59	91	32, 33	184, 188
60	92	34	190
61	86	23, 25	168, 171
62	87	26	172, 173
63	84	17	149, 150, 156
64	51	—	101, 102
65	74	—	133
66	76	—	136, 137
67	99	37	202, 203
68	13	—	18

Таблица соотношения статей Судебника 1550 г. с Судебниками 1497 г. и 1589 г.

Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1589 г. краткая редакция	Судебник 1589 г. пространная редакция
1	1	1	1
2	19	—	2
3	—	—	3
4	—	2	4
5	—	—	5
6	—	—	6
7	2	—	7, 8
8	3	—	9, 10, 11
9	4	—	12
10	5	—	13, 14
11	6, —	—, —	15, 16
12	7	—	17
13	68	—	18
14	—	—	19
15	—, —, 51	—, —, —	20, 21, 22
16	48	—	27
17	49	—	28
18	50	—	29
19	52	—	30
20	—	—	31, 32
21	—	—	33
22	—	—	34
23	—	—	35
24	—	—	36, 37
25	—	—	39, 40
26	—	7	41—44, 47—51, 73
27	58	—	74
28	—	—	75
29	—	—	76
30	—	—	77
31	53, —	—, —	78, 79
32	33	—	80
33	15	—	81
34	16	—	82
35	17	—	83
36	—	—	84
37	21	—	85
38	22	—	86
39	24	—	87
40	23	—	88
41	26	—	89
42	25	—	90
43	—	—	91, 92
44	28	—	93
45	29	8	94
46	30	—	95
47	31	—	96
48	37	—	97
49	36	—	98, 99
50	32	—	100
51	64	—	101, 102

Продолжение

Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1589 г. краткая редакция	Судебник 1589 г. пространная редакция
52	13	9	103
53	34, —	—, —	104, 105
54	35	—	106
55	10	—	107
56	11	—	108
57	14	—	109
58	12, —	10, 11	110, 112
59	8	—	113
60	39	—	114
61	9	—	115
62	38	—	116
63	—	—	117
64	—	—	118
65	40	—	
66	20, —	—, —	119, 120
67	41	—	121
68	—	—	122
69	—	—	123, 124
70	—	—	125
71	43	—	126
72	—	—	127, 128, 129
73	—	14	132
74	65	—	133
75	45	—	134
76	66, —	—, —	136, 137, 138
77	18, 42	—	139, 140
78	—	—	141, 142
79	—	—	143
80	56, —	—, —	144, 145

Судебник 1550 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1589 г. краткая редакция	Судебник 1589 г. пространная редакция
81	—	—	146
82	—	—	146, 147
83	54	16	148
84	63	17	149, 150, 156, 157
85	—	—, —, —, 22, —	163, 164, 165, 166, 167
86	61	23, 25	168, 171
87	62	26	172, 173
88	57, —	—, 30	178, 179
89	—	—	180
90	55, —	—, 31	181, 182, 183
91	59, 59, —	32, 33, —	184, 188, 189
92	60	34	190
93	46	—	194
94	—	—	195
95	—	—	196, 197
96	—	—	198
97	—	—	199, 200
98	—	—	201
99	67	37	202, 203
100	—	38	204

Таблица соотношения статей краткой редакции Судебника 1589 г. с Судебниками 1497 г., 1550 г. и пространной редакцией Судебника 1589 г.

Краткая редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Пространная редакция Судебника 1589 г.	Краткая редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Пространная редакция Судебника 1589 г.
1	1	1	1	6	—	—	38
2	—	4	4	7	—	26	41—73
3	—	—	23, 24	8	29	45	94
4	—	—	25	9	13	52	103
5	—	—	26	10	12, —	58, —	110, 111

Продолжение

Краткая редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Пространная редакция Судебника 1589 г.
11	—	58	112
12	—	—	130
13	—	—	131
14	—	73	132
15	—	—	135
16	54	83	148
17	63	84	149—151, 154—158
18, 19	—	—	159
20	—	—	160
21	—	—	161, 162
22	—	85	166
23	61 —	86 —	168 169
24	—	—	170
25	61	86	171
26	62	87	172, 173
27	—	—	174, 175
28	—	—	176
29	—	—	177
30	57	88	179
31	—	90	183
32	59	91	184—187
33	59	91	188
34	60	92	190, 191
35	—	—	192
36	—	—	193

Краткая редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Пространная редакция Судебника 1589 г.
37	67	99	202, 203
38	—	100	204
39	—	—	205, 206
40	—	—	207
41	—	—	208, 209, 210
42	—	—	211, 212, 213
43	—	—	214
44	—	—	215
45	—	—	216
46	—	—	217
47	—	—	218
48	—	—	219, 220
49	—	—	221
50	—	—	222
51	—	—	223, 224
52	—	—	225, 226
53	—	—	—
54	—	—	227
55	—	—	228, 229, 230
56	—	—	231

Таблица соотношения статей пространной редакции Судебника 1589 г. с Судебниками 1497 г., 1550 г. и краткой редакцией Судебника 1589 г.

Пространная редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Краткая редакция Судебника 1589 г.
1	1	1	1
2	19	2	—
3	—	3	—
4	—	4	2
5	—	5	—
6	—	6	—
7, 8	2	7	—
9, 10 11	3 —	8	—
12	4	9	—
13, 14	5	10	—
15 16	6 —	11	—

Пространная редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Краткая редакция Судебника 1589 г.
17	7	12	—
18	68	13	—
19	—	14	—
20 21 22	— — 51	15	—
23, 24	—	—	3
25	—	—	4
26	—	—	5
27	48	16	—
28	49	17	—
29	50	18	—
30	52	19	—
31, 32	—	20	—

Продолжение

Пространная редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Краткая редакция Судебника 1589 г.
33	—	21	—
34	—	22	—
35	—	23	—
36 37	—	24	—
38	—	—	6
39 40	—	25	—
41—44	—	26	
45—46	—	—	
47—51	—	26	7
52—72	—	—	
73	—	26	
74	58	27	—
75	—	28	—
76	—	29	—
77	—	30	—
78	53	31	—
79	—		
80	33	32	—
81	15	33	—
82	16	34	—
83	17	35	—
84	—	36	—
85	21	37	—
86	22	38	—
87	24	39	—
88	23	40	—
89	26	41	—
90	25	42	—
91 92	—	43	—
93	28	44	—
94	29	45	8
95	30	46	—
96	31	47	—
97	37	48	—
98 99	36	49	—
100	32	50	—
101 102	64	51	—
103	13	52	9
104	34	53	—
105	—		
106	35	54	—
107	10	55	—
108	11	56	—
109	14	57	—
110	12	58	10
111	—	—	
112	—	58	11
113	8	59	—
114	39	60	—
115	9	61	—

Пространная редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Краткая редакция Судебника 1589 г.
116	38	62	—
117	—	63	—
118	— 40	64 65	— —
119	20	66	—
120	—		
121	41	67	—
122	—	68	—
123 124	—	69	—
125	—	70	—
126	43	71	—
127 128 129	—	72	—
130	—	—	12
131	—	—	13
132	—	73	14
133	65	74	—
134	45	75	
135	—	—	15
136 137	66	76	—
138	—		
139 140	18, 42	77	—
141 142	—	78	—
143	—	79	—
144	56	80	—
145	—		
146	—	81 82	— —
147	—	82	—
148	54	83	16
149 150	63	84	17
151	—	—	
152	—	—	—
153	—	—	—
154	—	—	
155	—	—	
156	63	84	17
157	—		
158	—	—	
159	—	—	18 19
160	—	—	20
161 162	—	—	21
163 164 165	—	85	—
166	—	85	22
167	—	85	—

Продолжение

Пространная редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Краткая редакция Судебника 1589 г.
168	61	86 }	
169	—	— }	23
170	—	—	24
171	61	86	25
172 } 173 }	62	87	26
174 } 175 }	—	—	27
176	—	—	28
177	—	—	29
178	57 }	88	—
179	— }	—	30
180	—	89	—
181 } 182 }	55 }	90	—
			—
183	— }		31
184	59	91	32
185 } 186 } 187 }	—	—	32
188	59 }		33
189	— }	91	—
190	60	92	34
191	—	—	34
192	—	—	35
193	—	—	36
194	46	93	—
195	—	94	—
196 } 197 }	—	95	—
198	—	96	—
199 } 200 }	—	97	—

Пространная редакция Судебника 1589 г.	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Краткая редакция Судебника 1589 г.
201	—	98	—
202 } 203 }	67	99	37
204	—	100	38
205 } 206 }	—	—	39
207	—	—	40
208 } 209 } 210 }	—	—	41
211 } 212 } 213 }	—	—	42
214	—	—	43
215	—	—	44
216	—	—	45
217	—	—	46
218	—	—	47
219 } 220 }	—	—	48
221	—	—	49
222	—	—	50
223 } 224 }	—	—	51
225 } 226 }	—	—	52
227	—	—	54
228 } 229 } 230 }	—	—	55
231	—	—	56

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

Судебник 1497 г., лл. 1—12 об. (ЦГАДА) . . . . 16—17
Судебник 1550 г., л. 1 (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228) . . . . 144—145
Судебник 1550 г., л. 8 (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228) . . . . 144—145
Судебник 1550 г., л. 47 об. (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228) . . . . 160—161
Судебник 1550 г., л. 48 (ЛОИИ, собрание Лихачева, № 228) . . . . 160—161
Судебник 1589 г. Краткая редакция, л. 68 об. (ГИМ, Музейское собрание, № 1915). 352—353
Судебник 1589 г. Краткая редакция, л. 77 (ГИМ, Музейское собрание, № 1915) . 352—353
Судебник 1589 г. Краткая редакция, л. 90 об. (ГИМ, Музейское собрание, № 1915) 360—361
Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 1 (ЦГАДА, собрание Мазурина) . . 368—369
Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 1 об. (ЦГАДА, собрание Мазурина) . 368—369
Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 42 (ЦГАДА, собрание Мазурина) . . 384—385
Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 42 об. (ЦГАДА, собрание Мазурина) 384—385
Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 92 (ЦГАДА, собрание Мазурина) . . 400—401
Судебник 1589 г. Пространная редакция, л. 92 об. (ЦГАДА, собрание Мазурина) 400—401
Уставная земская грамота пинежанам от 25 февраля 1552 г. Начало оглавления (ГИМ, Музейское собрание, № 1915, л. 94) . . . . 432—433
Уставная земская грамота пинежанам от 25 февраля 1552 г. Начало текста (ГИМ, Музейское собрание, № 1915, л. 97) . . . . 432—433

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие акад. *Б. Д. Грекова* . . . . .

СУДЕБНИК 1497 ГОДА

(Подготовка текста и комментарий *Л. В. Черепнина*, редактор *И. И. Смирнов*)

Введение . . . .
Текст . . . .
Переводы
Перевод статей 3—7 и 9—16 Судебника 1497 г. на латинский язык Герберштейна . . . .
Перевод статей 3—7 и 9—16 Судебника 1497 г. по Герберштейну А. И. Малеина
Перевод статей 3—7 и 9—16 Судебника 1497 г. по Герберштейну И. Анонимова
Комментарий . . . .

СУДЕБНИК 1550 г.

(Подготовка текста *Р. Б. Мюллер*, комментарий *Б. А. Романова*, редактор *С. Н. Валк*

Введение
Текст . .
Комментарий

СУДЕБНИК 1589 г.

(Подготовка текста *Р. Б. Мюллер*, комментарий *А. И. Копанева*, редактор *И. И. Смирнов*)

Введение . . . .
Текст . . . .
Краткая редакция . . . .
Пространная редакция . . . .
Комментарий . . . .

УКАЗАТЕЛИ

(Составили *А. И. Копанев* и *З. Н. Савельева*, редактор *С. Н. Валк*)

Указатель использованной литературы . . . .
Указатель имен . . . .
Географический указатель . . . .
Указатель слов к текстам судебников . . . . . .
Предметный указатель . . . .
Таблицы соотношения статей судебников . . . . .
Список иллюстраций . . . .
Список сокращений . . . .